КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

МАРТ 1990 ГОДА

Цена 1 руб.

ВОССОЗДАТЬ ПРАВДУ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Фото Е. БАЛАГАНСКОЙ.

2 декабря 1989 г. в рамках «Недели памяти» у здания Кольского научного центра АН СССР состоялся митинг, подготовленный Хибинским обществом «Мемориал» совместно с парткомом КНЦ. Митинг был посвящен памяти спецпереселенцев Хибин. Мы публикуем несколько фрагментов из выступлений на митинге.

Л. ЛАЗУТИН, председатель Хибинского общества «Мемориал»

Вся правда о том, что происходило тогда, неизвестна. Полгода назад «Полярная правда» опубликовала статью одного из мурманских историков, где рассказывалось, как партия и правительство перевоспитывали классово чуждые элементы, и в статье через строку звучала презрительная кличка «кулак». Сейчас, наверное, эта статья не появилась бы.

Все уже знают, что не было таких враждебных элементов, что за люди были спецпереселенцы.

Когда соприкоснешься с документами, воспоминаниями спецпереселенцев, встретишься, побеседуешь с этими людьми, послушаешь, как это было, тогда истина дойдет до сердца, тогда поймешь, какую трагедию пережил наш народ. Поймешь, что нельзя превращать людей в стадо рабов, в рабочий скот, нельзя содержать в таких страшных условиях, изгонять из родных мест. Потому что это преступление против русского народа, против других народов.

Страшные последствия этой трагедии мы переживаем и сейчас. Одно из них — разруха нашего сельского хозяйства. Разрушить было легко, восстановить будет очень непросто. Второе, не менее страшное, — разрушение моральных устоев, которые воспитывались в народе веками. На встречах со спецпереселенцами это звучало почти в каждом выступлении. Говорили, что среди спецпереселенцев не было воровства, люди жили дружно, не было разделения по национальному признаку, а здесь были русские и татары, латыши и эстонцы, финны и немцы. Сейчас мы живем лучше, в просторных квартирах, но моральная основа разрушена и восстанавливать ее очень трудно.

Еще одно следствие хочу назвать — утрату чувства трудового достоинства, чувства свободного труда. Чувство свободного труда пропало, когда крестьян сковырнули со своей земли.

Но только тогда, когда наша верховная власть заявит публично, что это было преступлением против народа, тогда правда восторжествует.

А. ЕЛИСЕЕВА

Я Елисеева Анна Ефимовна. Выслана сюда в тридцатых. Мне 77 лет. Работала я все время, трудилась, была стахановкой, и своих детей вырастила, хотела, чтоб они хорошими были. Я на них не жалуюсь. А теперь только могу сказать: спасибо, что дождалась я еще до своей смерти такой правдивости, не знаю, что с этим может сравниться. И еще: что памятник на кладбище будете ставить, спасибо. За все спасибо...

М. КРАВЧЕНКО

Я хочу сказать несколько слов о жизни своей матери. Моя мама, Таисия Дмитриевна, выслана сюда 7 сентября 1930 года и живет здесь по сей день. Ей 86 лет. Приехала она сюда, имея на руках двоих детей. Старшей было восемь лет, младшей — четыре. Я уже родилась здесь. Она воспитала нас, сумела дать посильное образование и сохранить любовь к своему отечеству, своему народу.

И сейчас в свои 86 лет она не утратила интереса ни к политической, ни к экономической жизни страны. Всю нашу газету «Котлован» прочитала от строчки до строчки. Она относится как раз к тем людям, о которых говорила здесь Екатерина Федоровна Торопушина. Она проработала в Хибинах с первого дня, получала пенсию 48 рублей, недавно ей добавили.

Но я хочу сказать не об этом и не о компенсациях. Она просила меня передать, что у нас в стране есть люди, которые хотят сохранить правду, хотят, чтобы наши дети, внуки, правнуки знали все и чтобы это помогало нам и нашей стране наблюдать новые всходы.

Я от ее имени хочу поблагодарить тех людей, которые устроили «Неделю памяти спецпереселенцев» и тем самым дали возможность еще раз подчеркнуть, что дух народа силен, что силы у нашего народа еще есть.

Л. АРУТЮНЯН

Судьба спецпереселенцев — это часть общенародной трагедии послеоктябрьских лет. Начиная с 17-го года, в стране осуществлялся беспрецедентный в мировой истории процесс планомерного уничтожения государством своих подданных. Возведенный в ранг государственной политики террор унес на жизни и искалечил судьбы десятков миллионов людей. Наиболее основательно, однако, паровой каток нового строя прошелся по крестьянству.

Причины «повышенного» внимания новой власти к крестьянству можно раскрыть, как представляется, в трех аспектах: политическом — убиралась с арены такая мощная общественная сила, как крестьянское единство (тяга к общине была характерна для русского крестьянства как защита от помещика и во все времена пугала власть), экономическом — загоняя крестьян в колхозы, государство получало возможность брать от них все для города и развития промышленности, ничего не давая взамен. И третий аспект — идеологический: владея землей, крестьянин имел определенную самостоятельность и независимость.

В целом можно сказать, что крестьян громили именно за то извечно присущее им качество, которое сейчас тщетно пытаются в них восстановить — за чувство хозяина на своей земле. Тем самым в те годы была заложена мина замедленного действия, которая рано или поздно должна была сработать. Это предчувствовали и понимали сами спецпереселенцы. В помещенной в «Котловане» песне спецпереселенцев встречаем пророческие слова: «что посеешь, то пожнешь». А что именно пожинаем сегодня — общеизвестно.

Теперь два слова о важнейшем вопросе — на ком ответственность за то, что произошло. Ответ здесь может быть только один — ответственность полностью на партии, и только на ней. На партии в целом, а не на одном Сталине или высшем партийном генералитете, хотя они и внесли, разумеется, посильный «личный вклад».

События тех лет по общепринятым моральным и юридическим нормам нельзя квалифицировать иначе, как преступление. Между тем в официальной печати и тем более в партийных документах насильственное выселение крестьян и репрессии до сих пор стыдливо именуются ошибками, «деформациями социализма» или нарушениями соцзаконности.

Восстановление справедливости должно начинаться с того, что вещи должны быть названы своими именами. Наш долг — по мере сил содействовать этому долгому и трудному процессу — восстановлению истины, оценки событий и созданию правовых гарантий неповторения подобного в будущем.

Несостоявшееся выступление народного депутата

Еще с трибуны XIX партконференции прозвучало: «Восстановление социальной и исторической справедливости по отношению к жертвам незаконных репрессий — наш политический и нравственный долг». Это наш общий долг... причем для жертв 30—80 годов даже юридическая реабилитация практически лишь начинается.

Государство тем более не торопится компенсировать материальный ущерб, нанесенный этим людям, забывая, то это вопрос не только юрисдикции, но и политики, реализуемой сегодня нашим депутатским корпусом. По данным Всесоюзного общества «Мемориал», число остающихся в живых реабилитированных по стране превышает 440 тысяч человек. Не пора ли нам — пусть и с большим опозданием — хотя бы частично вернуть им долги? Кощунственно измерять горе человеческое в рублях, да еще нынешних, но другого способа искупления мы пока не знаем. Сколько средств на это понадобится, если принять обязательность ком-

(Продолжение на 2-й стр.).

Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова

Нет! монополии на власть

Выступление А. Д. Сахарова перед активистами Московского «Мемориала»

Я считаю, что сбор подписей под Декретом о власти — очень важная политическая кампания. 50 тысяч человек согласились поставить свою подпись под очень острым документом.

Центральным в этом документе является вопрос об исключении 6-й статьи из Конституции СССР. Одновременно — это центральный вопрос всей политической жизни в данный момент. Мы оказались в таком положении, что именно партократия — власть пар-

(Продолжение на 4 стр.).

Библиотека Мемориала

РЕЗОЛЮЦИЯ МИТИНГА, ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ ЖЕРТВ БЕЗЗАКОНИЯ

Сейчас уже ни для кого не секрет, что первые города и промышленные объекты на Кольском полуострове возведены руками крестьян, вырванных машиной репрессий из разных уголков нашей страны. Тогда уничтожение «мелкобуржуазного» класса оправдывалось интересами строящегося социализма. Сейчас все чаще факты нашей недавней истории получают оценку с позиции общечеловеческой морали. И особенно безнравственной и преступной представляется нам политика террора, направленного против трудящегося крестьянства. Эта политика включала и искусственный голод, и выселение целыми семьями по разнарядкам, спускаемым «сверху». Гибель близких, страдания, несправедливость выпали на долю простых тружеников. В некогда труднодоступных районах возведены города, работают фабрики. И не вина их создателей, что мы не всегда умело пользуемся плодами их труда.

А что же получили они от благодарных потомков? Многие имеют пенсии ниже официального прожиточного минимума. Репрессированные крестьяне и сегодня носят клеймо классовых врагов.

Мы, жители городов Апатиты и Кировск, обращаемся к руководителям партии и государства, народным депутатам СССР, общественности с решительным требованием:

Признать политику, проводившуюся в отношении крестьянства в конце 20-х — начале 30-х годов, преступлением.

Реабилитировать всех раскулаченных крестьян с выплатой компенсации.

Обеспечить всем необоснованно репрессированным уровень пенсий не ниже прожиточного минимума независимо от трудового стажа.

До принятия государственными органами мер по социальному обеспечению репрессированных лиц общественным организациям оказывать им необходимую материальную поддержку.

Принять необходимые правовые и законодательные меры, исключающие в дальнейшем возможность повторения подобной политики.

Фото Е. БАЛАГАНСКОЙ.

Несостоявшееся выступление народного депутата

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

пенсации в виде денежной выплаты по 1 тыс. рублей за каждый год, проведенный в тюрьмах и лагерях? Учитывая, что срок пребывания там составляет от 3 до 15 лет, а в среднем — 10, мы обязаны выплатить соотечественникам не более 400 млн. рублей.

...Откуда же взять средства? Не раз с самых высоких трибун звучало, что КПСС признает свою вину и ответственность за «ошибки» прошлых лет. И вот создалась ситуация, когда партия может делом подтвердить реальность этой ответственности, приняв на себя расходы по возмещению ущерба пострадавшим от этих «ошибок». Доход КПСС только от членских взносов — не считая доход от партийных издательств и прессы, — по ориентировочным расчетам через средний заработок, норматив членских взносов и общее количество членов партии, составляет не менее 1 млрд. 600 млн. рублей в год. И если партия передаст 1/4 годового дохода от членских взносов в фонд компенсации, то этого будет достаточно для выплаты основного долга.

В связи со сказанным предлагаю народным депутатам СССР проект Постановления Съезда, подготовленный на основании обращений репрессированных граждан и Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал».

«ОБ УСКОРЕНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ НЕЗАКОННЫХ РЕПРЕССИЙ»

Народ вверил нам свою судьбу, и нет более высокого долга для депутатов, чем выполнить его наказы.

Один из главнейших — восстановление исторической и социальной справедливости по отношению к жертвам незаконных репрессий. Их юридическая и моральная реабилитация — наш политический и нравственный долг, неотъемлемый долг всех живых, задача первостепенной важности, от решения которой сегодня в значительной мере зависит престиж перестройки, моральный облик правящей партии.

Во исполнение гражданского и человеческого долга, в интересах перехода к правовому государству Второй Съезд народных депутатов СССР *ПОСТАНОВЛЯЕТ:*

1. Комиссии по реабилитации принять все меры, включая привлечение дополнительных сил, *для ускорения* полной и безоговорочной реабилитации репрессированных вплоть до 80-х годов по политическим мотивам и за религиозные убеждения с целью завершения работы к 1991 году.

2. В связи с продолжающимися обращениями граждан о наличии в стране заключенных по политическим мотивам *создать* постоянную комиссию из народных депутатов СССР для рассмотрения конкретных случаев с целью искоренения этого позорного для правового государства явления.

3. Признать необходимым вернуть долги тем, перед кем виновато государство, в частности — вместе с принятием решения о реабилитации выплачивать *денежную компенсацию* жертвам незаконных репрессий из расчета 1000 рублей за каждый полный и неполный (помесячно) год, проведенный в тюрьмах и лагерях.

4. Учитывая, что обновленное руководство КПСС неоднократно признавало ответственность своей организации за антинародную политику прошлых лет и что ответственность предполагает возврат долгов, *предложить* Центральному Комитету КПСС взять на себя расходы по возмещению материального ущерба реабилитированным за счет отчислений из фондов партии.

5. Признавая большой вклад в дело увековечивания памяти павших жертв незаконных репрессий и заботы об оставшихся в живых, вносимый Всесоюзным добровольным историко-просветительским обществом «Мемориал», и способствуя реализации конституционного права граждан на объединение в общественные организации, *рекомендовать* исполнительным органам Советской власти произвести регистрацию этого общества.

...Быстро течет время, заканчивается и мое. Но не позволим себе забыть, как годами и десятилетиями неподвижными оставались часовые стрелки для тысяч и тысяч людей и как эти стрелки летят сейчас к нашей общей границе. В очищение собственной совести сделаем человеческими хотя бы их последние дни. Приняв постановление, мы выполним одно из желаний Андрея Дмитриевича Сахарова и воздадим дань его светлой памяти.

Народный депутат СССР от Кировского территориального округа № 51 Ленинграда А. ЩЕЛКАНОВ.

ХРОНИКА «НЕДЕЛИ ПАМЯТИ»

«Неделя памяти спецпереселенцев» началась утром 26 ноября торжественной панихидой в храме Казанской Божией Матери. В этот же день в Доме-музее Кирова открылась выставка, подготовленная Хибинским обществом «Мемориал» и сотрудниками музея.

Экспозиция включала большой документальный материал о спецпереселенцах и репрессированных в годы сталинщины в Хибинах. После просмотра выставки состоялся взволнованный разговор о необходимости знать правду о нашей истории, часть присутствовавших поделилась воспоминаниями о тяжелых событиях прошлого. Были поставлены первые подписи под обращением о реабилитации спецпереселенцев. Начат сбор пожертвований на строительство памятника.

28 ноября в Апатитах в Доме пионеров и школьников с рассказом о судьбах наших земляков, подвергшихся репрессиям, выступила заслуженный деятель культуры РСФСР, заведующая библиотекой Дворца культуры строителей Л. А. Гладина.

29 ноября в Апатитах состоялся благотворительный концерт с участием лучших творческих коллективов города, сбор от которого пошел в фонд «Мемориала».

2 декабря в Апатитах прошел митинг, организованный Хибинским обществом «Мемориал» и парткомом Кольского научного центра. На митинге принята резолюция «О реабилитации репрессированных крестьян», под которой поставили подписи 195 участников митинга. Во Дворце культуры строителей встретились спецпереселенцы г. Апатиты.

3 декабря в районе старого кладбища Кировска на 16-м километре установлен памятный знак — большой православный крест. Распространено обращение о строительстве в этом месте памятника спецпереселенцам и репрессированным.

Пожертвования, собранные во время «Недели памяти» и продолжающие поступать на счет Хибинского «Мемориала», предназначены для строительства памятника и для благотворительных целей. Наш номер счета 000700023 в Апатитском отделении Промстройбанка, МФО банка 221124. На сегодняшний день сумма взносов на памятник составляет 750 рублей. «Мемориал» признателен всем перечислившим деньги.

Из средств, вырученных при благотворительной продаже первого выпуска газеты «Котлован», оказана материальная помощь 49 спецпереселенцам и репрессированным, имеющим небольшие пенсии, на сумму полторы тысячи рублей. «Мемориал» предполагает оказывать постоянную помощь наиболее нуждающимся, на что пойдут средства от продажи последующих выпусков газеты.

Хибинское общество «Мемориал» благодарит всех, кто смог поделиться воспоминаниями или представил документальный материал, а также тех, кто помог в подготовке и проведении «Недели памяти».

За «круглый стол» переговоров

Четвертого февраля в Москве состоялись массовые шествие и митинг. 200 тысяч их участников требовали демократических реформ в стране. На митинге выступили народные депутаты СССР В. Коротич, Н. Травкин, Б. Ельцин, Е. Евтушенко, Т. Гдлян, Ю. Афанасьев, многие кандидаты в народные депутаты РСФСР.

Митинг принял резолюцию «О политическом положении в стране».

Митинг трудящихся, демократов, граждан нашей Родины собрался в трудные, критические дни. Ухудшается экономическое положение. Повседневная жизнь десятков миллионов людей становится все труднее. Реформы пробуксовывают — и это подрывает доверие людей к власти, к перестройке.

Ответственность за создавшееся положение в первую очередь несет партийно-государственное руководство. Абсурдно положение, когда курс демократических реформ и будущее народа зависит от голосования членов ЦК, который лишился всякого доверия партии и общества и члены которого один за другим устраняются со своих постов под давлением масс.

Выход есть. Пример показан демократическими силами Восточной Европы: и теми, кто вчера еще был там в оппозиции, и теми реалистическими политиками правящих партий, которые нашли в себе силы и смелость не ограничиться полумерами.

Участники митинга призывают:

1. Необходимо сформировать постоянно действующий «круглый стол», на котором будут представлены партийно - государственное руководство и демократические организации страны. На нем должна быть незамедлительно выработана Программа неотложных действий по предотвращению экономической катастрофы и гарантии действительной передачи власти от партийных организаций — Советам в условиях гражданского мира.

2. Должны быть приняты следующие решения:

новый договор о Союзе республик, в основу которого должны быть положены идеи конституционного проекта А. Д. Сахарова;

Закон о статусе беженцев, гарантирующий их права, политическую и материальную ответственность властей, в особенности тех, на территории которых совершались погромы и насилия.

3. Наша общая боль и тревога — положение в Закавказье. Возникшие там проблемы могут быть решены только мирным демократическим путем. Меры, принятые правительством в январе 1990 года, не должны стать репетицией подавления демократических сил в других регионах страны. Для этого Совет Национальностей немедленно должен взять под свой контроль происходящее, начиная от мер по надежной охране жизни людей и включая поиски компромисса со всеми национальными движениями. В помощь ему следует в кратчайший срок создать Совет из представителей общественных движений и организаций с целью участия в действиях по выработке стратегии и тактики преодоления нынешнего междуусобия.

Нужно безотлагательно приступить к выработке нового Союзного устройства, отвечающего принципу независимости стран и народов, входящих в СССР.

Библиотека Мемориала

Заявление Новосибирского и Томского общества «Мемориал»

После долгих мытарств и проволочек в десятом номере журнала «Сибирские огни» за 1988 год опубликован очерк-расследование Владимира Запецкого «Колпашевский яр». Значение этой публикации велико. Вопиющие факты, успевшие за десять лет лжи и замалчивания обратиться в легенду, впервые стали гласным достоянием широкой общественности.

Мы убеждены в том, что происшедшее в 1979 году в г. Колпашево Томской области варварское уничтожение массового захоронения жертв сталинщины, осуществленное тайком, воровски, имеет непосредственное отношение ко многим событиям дня сегодняшнего, а со временем станет мрачным символом трагедии беспамятства и нравственного одичания, которую пережил наш народ, — символом уходящей эпохи...

40—60 лет назад в маленьком сибирском городке Колпашево, как и по всей стране, уничтожались ни в чем не повинные люди... в течение десятилетий нам, живым, было запрещено о них помнить и вообще знать, животный страх сковал ум и совесть народа. Но в 1979 г., перед самыми первомайскими торжествами, Обь подмыла обрывистый колпашевский берег, и сохранившиеся в извести и песке тела расстрелянных, не дождавшись нынешних наших прозрений, сами вышли наружу.

То, что произошло дальше, потрясает не просто бесчеловечностью, но уже какой-то патологической страстью к глумлению и кощунству. Партийные функционеры наспех объясняют изумленным колпашевцам, что на яру были зарыты расстрелянные во время войны дезертиры (сотни трупов, а в их числе женщины и дети). Захоронение деловито оносится высоким забором, и, чтобы избежать лишней возни, речной буксир размывает часть злокозненного берега и стряхивает в Обь останки погибших. Но уплыть вниз по течению им не дают. Мертвых уничтожают повторно: спецкоманды на лодках и катерах цепляют к мумифицированным телам металлические болванки и топят в реке. Тех непокорных, кто отказывается идти на дно, на куски рубят веслами. Это продолжалось несколько дней. Только к 9 мая все было кончено.

До самого последнего времени юридические отношения между обществом и государственными институтами в СССР носили резко выраженный односторонний характер. Кроме того, советское законодательство не позволяет «Мемориалу» по истечении десятилетнего срока давности и ввиду имевших место амнистий ходатайствовать о возбуждении уголовного дела в отношении тех должностных лиц, которые виновны в акте колпашевского вандализма... — в первую очередь, против работников КГБ СССР, причастных к делу, тогдашних партийных и советских руководителей Томской области, и в частности гражданина Лигачева Е. К., бывшего в то время первым секретарем Томского обкома КПСС и несущего по меньшей мере моральную ответственность за происшедшее.

...колпашевские события беспрецедентны. Факты страшны. Учитывая вышеизложенное, новосибирское и томское общества «Мемориал» заявляют:

1. Мы обращаемся ко II Съезду народных депутатов СССР, в Верховный Совет СССР и выражаем народному депутату СССР Лигачеву Е. К. ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВЕРИЕ.

2. Мы обращаемся к руководству КГБ СССР и предлагаем провести ведомственное расследование событий, имевших место в г. Колпашево Томской области в 1979 году, наказать виновных и о результатах сообщить через средства массовой информации.

3. Мы считаем возможным поставить перед широкой общественностью вопрос, не является ли происшедшее в 1979 г. в г. Колпашево Томской области преступлением против человечности, не имеющим по нормам международного права срока давности?

(Перепечатано с сокращениями из газеты «Советская молодежь» за 18 января 1990 г.).

Елена Пудовкина

Я опять повернулась лицом к Перми,
а она, безликая, смотрит мимо.
И пароход, груженый людьми,
по Каме — неуловимо
скользнул и скрылся от нас,
как взгляд блатного от глаз.
И тогда, уставясь Перми в лицо,
я сказала: «Ну, что же, в конце концов,
мне давно знакома твоя повадка.
Не пугай меня, вороватка.
Что мне твой хваленый бараний рог?
Над тобой и мною — никто, как Бог.
Как к Нему поднимешь лицо рябое?
Как ответишь за побирушку-Каму,
что не помнит даже, как Мандельштама
потеряла здесь с перепоя?»
Если б я в молитве была сильна,
я б просила Бога, чтоб вся страна,
чтобы все мы силы нашли признаться,
что давно потеряна наша честь,
а того немногого, что в нас есть,
людям надо бояться.

Открытое письмо

председателю Хибинского общества «Мемориал» Л. Л. Лазутину

Прочитала я в «Кировском рабочем» заметку за 9 января «О часовне, митингах и пожертвованиях». Прочитала и решила Вам написать о свой судьбе, уж больно меня задела заметка из газеты.

...Родилась и выросла я до 17 лет в станице Петропавловской Краснодарского края. В 1930 году меня с отцом, матерью и 15-летним братишкой выслали на Урал под город Надеждинск (ныне Серов) в деревню. Мужиков послали в лес, бараки строить, а мы в лесу дрова пилили да сучья собирали. А потом брат с товарищем убежал, и нас за это всех собрали и привезли сюда, на Кольский полуостров.

Поселили нас в шалманы на 13-м километре. Отец работал на лошади, ездил в Хибиногорск. А я сперва пилила дрова, а потом нам, 10 человекам, предложили работать в Апатитах — в столовой картошку чистить. Столовая была, где сейчас магазин и поликлиника. А жили мы все, девчонки, в общежитии, по 10 человек в одной комнате, в Тик-Губе, рыбацком поселке.

В 1931 году я перешла работать в совхоз «Индустрия», где через два года стала бригадиром животноводов. Работала хорошо, но все время была на учете в комендатуре.

И вдруг в 1937 году стали по ночам забирать в ГПУ в Хибиногорск. Первым забрали зоотехника Ивановского, потом ветфельдшера Никитенко, бригадира животноводов Свинкина и Иванченко.

Как их забрали — и нас стали вызывать в ГПУ в Кировск. Вот тут мое сердце и екнуло. Я шла, но мое сердце билось и все подсказывало: не бойся, крепись. Бог не выдаст — свинья не съест. Когда меня вызвали, требовали сказать, что все арестованные — враги народа. Но для меня это было равносильно, как если бы бумага была белая, я должна сказать, что она черная. Но мое сердце не дрогнуло, оно сказало: бумага была белой и черной не будет.

Тогда мне заявляют: ты защищаешь врагов народа. Мол, у Никитенко от стыда, что он вредил Родине, разрыв сердца получился. Но я тогда уже знала, что Никитенко снял сподники и повесился.

После этих вызывов в ГПУ я дома несколько недель не ночевала. Отец мой был уборщиком на скотном дворе, а я приду и скажу: «Папа, разбуди меня перед приходом доярок». И никто не знал, что я спала в сене в тамбуре. Да несколько дней ходила со мной Тоня Ксенофонтова. Все время боялась я гостей непрошеных, но, слава богу, все обошлось.

В 1938 году вышла замуж, родился сын. Как будто все хорошо... Вдруг в 1941-м война, а в июле мужа забирают на фронт за Мурманск. Там его ранило, отправили в Ленинград в госпиталь. Пробыл он в госпитале с августа 1941 по 1943 год. Только открыли Ладожскую дорогу, а в апреле 1943-го он погиб, вернее, пропал без вести.

Сын дорогой простыл и в 1941-м в сентябре умер. А я в эвакуации на Урале также работала бригадиром животноводов. И все годы отпуском не пользовалась, а компенсации за отпуск все перечисляла для фронта.

Закончилась война; я уехала с Урала на Кубань. Там нашла себе мужа, инвалида Отечественной войны. Родилась дочь, и я приехала обратно сюда, в свой родной совхоз «Индустрия» и до пенсии проработала в совхозе. Всего, не считая Урала, я проработала в совхозе четверть века.

Пошла я на пенсию, а пенсию получила (просто больно и горько писать, ком в горле застревает) 107 рублей 48 копеек. Даром, что проработала бригадиром. Сейчас уборщицы больше получают, а некоторые вообще: приедут на несколько лет, «подшибут» пенсию и уезжают. А тут полвека на Севере — и 107 рублей 48 копеек.

Муж у меня инвалид Великой Отечественной войны 1 группы. С 8 февраля 1988 года прикован к постели. Сделали ему операцию мочевого пузыря, и ноги отнялись. За ним надо ухаживать, а сама почти слепая. Оба глаза оперировали, да гипертония, стенокардия. Вот так и живу.

Вы пишите, где поставить памятник для переселенцев? Я бы хотела, чтобы его поставили на 13-м километре, где пост ГАИ. Ведь сколько там жило переселенцев! Именно с 13-го, куда привозили нашего брата, высланных, многих разбросало во все стороны: не только в Кировск, но и в Старый Титан, и в Апатиты. Памятник на 13-м километре навсегда оставил бы в памяти это место, где людям пришлось такое пережить.

...Мне не верится, что я пережила 1930, 1937 и 1941 годы. 14 марта мне исполняется 78 лет. Правда, уже кроме крыльца, никуда не хожу, потому что болею. Да, в 1930 году нами, переселенцами, все было брошено, только что в сумки и мешки поместилось с собой забрали. Да и в 1941 году, когда с ребенком была эвакуирована, что с собой возьмешь?

Да, если бы я с Вами разговаривала, я бы Вам все рассказала. А в письме одно напишешь, а о другом забываешь. Но, по-моему, все, что наболело, написала. Только еще прошу: посоветуйтесь с людьми, и мне кажется, многие согласятся, что 13-й километр — самое видное и самое памятное место.

Е. С.

РЕАБИЛИТИРОВАТЬ... НЕГЛАСНО

В январе 1937 года на 13 из 669 судов тралового флота случились аварии. Причин было много. Маленькие «эртезники» давно уже пережили свой век.

Да и разгильдяйства хватало на флоте. Столкнулись в простейшей ситуации траулеры «Кета» и «Сиг». Прямо в шарту в ТР «Микоян» врезался траулер «Москва».

Кое-кто увидел во всем злой умысел. Одна из статей в «Полярной правде» так и называлась: «Вражеская рука». Да и другие заголовки были не лучше: «Кто-то вредит», «Преступное равнодушие», «Ненаказанное преступление». В «умелых» руках производственные неурядицы представились заговором, цепкие щупальцы которого протянулись чуть ли не до Северного полюса, и опутали, разумеется, промысловый флот Мурмана.

Ежовские, а потом бериевские подручные нитями мнимых заговоров часто связывали столицу с местными организациями, а порой и наоборот — тянули паутину снизу вверх. Во всяком случае, вместе с рыбаками в те годы были арестованы нарком рыбной промышленности Жемчужина (жена Молотова) и директор ВНИРО, член коллегии «Главрыба» Мехоношин. Жемчужиной удалось выкарабкаться, а Мехоношин был расстрелян.

Меч баззаконий косил налево и направо, в верхах и на низах, выстригая рядовых, порой самых неприметных людей. Да так размашисто захватывал, что оставлял крупные плешины в экипажах судов, в рыболовецких колхозах, в семьях...

Мурманчане старшего поколения помнят довоенный РТ-23 «Чайка». Ходило себе суденышко по Баренцеву морю, рыбаков и их семьи кормило. Но однажды беда настигла экипаж траулера, да не в штормовом море, а на твердом берегу.

Судило моряков «Чайки» 15 октября 1937 года Особое совещание НКВД по Ленинградской области (до 1938-го Мурманский округ входил в состав Ленинградской области). Вот что им присудили: механику Бессарабу Николаю Дорофеевичу — 8 лет лагерей; штурманам Быкову Георгию Антоновичу, Варзугину Якову Михайловичу, Филимонову Константину Алексеевичу, механикам Дорохину Сергею Николаевичу, Макарову Ивану Федоровичу, Шлерлингу Виктору Карловичу, старшему машинисту Володину Якову Ивановичу, боцману Старматову Петру Михайловичу, слесарям Греченяку Константину Игнатовичу, Крыжановскому Павлу Николаевичу, матросам Журину Александру Михайловичу и Олонкину Павлу Петровичу — по 10 лет лагерей; кочегара Педь Емельяна Даниловича расстреляли.

В чем только их не обвиняли! И в попытках уродовать машины и механизмы, портить рыбу, и даже в вынашивании изменнических замыслов — намерении бежать за границу. Особенно доставалось 24-летнему Емельяну Педь, комсоргу судна. Его считали организатором и руководителем «группы».

Когда Военный трибунал Северного военного округа в 1956 году стал изучать «дело» Мурманских рыбаков, оно лопнуло сразу же, оказавшись филькиной грамотой. Всех его «участников» реабилитировали. Но при этом — негласно! И поэтому до сих пор нам неизвестна их судьба. Знаем только, что штурман Георгий Быков, отбыв «свои» десять лет, жил в городе Николаеве и, как нередко было, вновь оказался за решеткой 13 июня 1950 года с предъявлением обвинений... 1938 года! Вероятно, и новое испытание — высылку на поселение — он выдержал, потому что умер в своем родном городе в 1962 году. Остальные, скорее всего, погибли.

Внесудебные расправы выхватывали людей из родных мест, и не поодиночке, а целыми семьями. Как поморов Ермошкиных... Они были астраханцами из поморов, отцы их, деды и прадеды занимались рыболовством. Выслали Ермошкиных — отца, сыновей, дочь со своими семьями. Товарные вагоны привезли их в Котлас. А потом замелькали Архангельск, Соловки, Териберка, Дальние Зеленцы, Тюва-Губа. Здесь, на Кольском полуострове, хотя и беспаспортная, и поднадзорная, понемногу стала налаживаться жизнь. Отец и два сына ходили в море, еще один работал в Кировске, бухгалтером. Но пришел страшный 1938 год.

Отца, Федора Алексеевича, арестовали, едва тот переступил порог дома после возвращения с моря. Через три дня забрали Александра, вскоре — Константина, затем и Николая нашли в Кировске. Остальных членов семьи, женщин и детей, отправили в Кандалакшу, потом сослали в Казахстан.

Ермошкиных тоже судила «особая тройка» в Ленинграде. Федора Алексеевича с сыном Александром расстреляли в апреле 1938 года. В отдельное дело выделили обвинение еще против 40 работников «Морлова» (так называлась организация, предшествовавшая «Мурмансельди»). Константин был в их числе. Его расстреляли в октябре того же года. Николая приговорили к 10 годам, и он тоже сгинул: быть может, сразу же, как это нередко делалось, или погиб в лагерях, во всяком случае, ни одного письма от него родные не получили.

20 июня 1957 года были реабилитированы все проходившие по делу «Морлова», в том числе и Константин Ермошкин. Но обвинение еще 31 год висело над отцом Федором Александровичем и старшим сыном Александром: якобы в 1918 году они служили у белых. Мурманский областной суд в 1988 году изучил многие документы, в том числе и семидесятилетней давности, и снял все обвинения с этой многострадальной семьи.

...Еще семья рыбаков-колхозников. В 1929 году на реке Западная Лица объединились в колхоз «Тундра» 12 крестьянских дворов. Жили дружно, ловили семгу, пасли оленей. Построили клуб, школу. Но пришел 1937 год. Забрали колхозника Петра Григорьевича Чапорова, его братьев Ивана и Никифора, других родственников. Уводили людей из соседних домов. Почти весь колхоз арестовали.

Проходивших по этому «делу» реабилитировали в 1960 году. Но правды родственникам ни тогда, ни сегодня еще не сказали. В приговорах значилось, что они осуждены к 10 годам лагерей каждый, однако на самом деле всех их сразу же расстреляли.

В этой короткой публикации названо всего лишь несколько имен. Они не составляют и малой части тружеников рыбной отрасли, репрессированных в годы сталинизма. Всех, кто знает что-либо о судьбах таких людей, просим написать или позвонить в редакцию еженедельника «Рыбный Мурман».

С. ДАЩИНСКИЙ,
канд. исторических наук.

Библиотека

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА

Нет! монополии на власть

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Д. САХАРОВА ПЕРЕД АКТИВИСТАМИ МОСКОВСКОГО «МЕМОРИАЛА»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

тийного аппарата является главным препятствием для процесса политических реформ и связанных с ними экономических изменений в нашей стране.

Партократия — это не вся партия. Это партийный аппарат, который является фактическим хозяином страны. Он опирается на КГБ и на армию, но в основном именно на КГБ, который официально называет себя вооруженной рукой партии. Вот эта сила сосредоточила в своих руках всю власть в стране, монопольное управление всеми процессами: экономическими, социальными, культурными, не говоря уже об идеологических.

Эта власть привела нашу страну к тому критическому состоянию, в котором она находится сейчас. Власть партократии закреплена конституционно в 6-й статье Конституции. Когда она принималась, то это был чисто формальный акт. Но отмена ее стала бы вовсе не формальным актом.

Это подействовало бы очищающе на политическую ситуацию в стране. Что это именно так, мы видим на примере стран Восточной Европы.

В них за короткий срок пройден тот путь политической эволюции, который у нас занял годы.

Сейчас мы убеждены, что дальнейшее продвижение вперед требует перехода к многопартийности. Без многопартийности демократия является неполной, несовершенной. Мы должны покончить с этим периодом несовершенной, зачаточной демократии и открыть тем самым путь к дальнейшим преобразованиям.

Это важно потому, что только таким образом возникает ощущение необратимости перестройки, необратимости всех реформ. Сейчас кризис доверия к необратимости перемен, к руководству государства и особенно КПСС является главным тормозом, не дающим возможности двигаться вперед. Если 70 процентов крестьян не верят в то, что не произойдет нового раскулачивания, то, естественно, что не будет у нас ни арендного подряда, ни тем более частной собственности на землю в достаточно крупных масштабах. Только отчаянные головы на это могут решиться. Аналогичное положение в промышленности. С партократией тесно переплетается ведомственный механизм. Ведомства — это гигантские монополии, превосходящие по объему сосредоточенной в их руках власти любые монополии капиталистического мира. Если монополия Запада должна приносить прибыль и с нее можно взять штраф, то здесь положение совсем другое. Тут, чем больше у нее затрат, пусть даже бессмысленных, тем больше эта монополия получает средств. Если же, скажем, наша монополия — ведомство — загрязняет окружающую среду, ее не пугают никакие штрафы. Деньги-то все равно государственные. И в результате наша страна превратилась в действительно страну экологического бедствия. Это один из самых страшных моментов нашей жизни.

Я уже не говорю о том, что наша страна — это страна с эксплуатацией самой высокой степени. У нас только одна треть национального дохода идет в виде зарплаты трудящимся, остальное употребляется на, хотелось бы думать, расширение производства. На самом же деле, из-за крайней нерациональности этой системы, большая часть пропадает бесполезно. У нас самая низкая эффективность вложений капитала в производство. И самое большое время окупаемости, которое простирается чуть ли не до бесконечности.

Это все результаты господства командно-административной системы, по своей сущности чисто сталинистской. Она базируется на партократической власти. Нам пытаются говорить, что именно партия является цементирующей силой в нашем обществе. Это не так. Потому что, если она что и цементирует, так это сталинистскую административно-командную систему. Устремления же народа не объединяются вокруг этого центра.

Мы не можем игнорировать пример стран Восточной Европы. Он обострил ситуацию в стране. В том смысле, что, с одной стороны, он дал образец дальнейшего развития, а с другой — стал тем, что больше всего пугает консервативные силы. Поэтому этот лагерь сейчас объединяется. Консолидируются шовинистические силы, которые выступали всегда с позиций отрицания Советского государства, но сейчас они вступают в контакт с ним на единой основе насильственного объединения народов в единую и неделимую Россию.

Это ложная вещь для самой России. Насильственное объединение вокруг одного центра всегда приводит к порабощению самого этого центра. Так всегда было в нашей жизни, и поэтому, может быть, самые большие беды выпали на долю именно русского народа, который нес на себе бремя центра этой единой и неделимой империи.

Все это доказывает важность и необходимость отмены 6-й статьи Конституции. Общеизвестно, что перед началом работы II Съезда народных депутатов по призыву пяти депутатов СССР в ряде мест проходила двухчасовая предупредительная политическая забастовка. Я был инициатором этой кампании. Эта забастовка не имела организационной подготовки, не имела штабов, которые бы обеспечивали руководство ею, но тем не менее она все же прошла. Тут важны не количественные показатели, важно то, что она стала школой демократии. В полном смысле этого слова. Забастовка — самая неоднозначная форма волеизъявления народа. Это представляется мне чрезвычайно важным политическим моментом, вокруг которого консолидировалось общественное мнение. Вся страна в целом поднялась пусть на небольшую, но ступеньку вверх.

Мне кажется, что существует еще возможность эволюционного развития ситуации. Народная инициатива подталкивает власти, руководство страны к тому, чтобы процесс перестройки не останавливался и развивался дальше. Это в какой-то мере защита перестройки от ее инициатора. Это, возможно, и поддержка инициатору перестройки — Горбачеву, но все может выглядеть и иначе. В зависимости от того, какую позицию она займет.

Я повторяю, что надеюсь на то, что мы находимся на том этапе, когда не закрыт путь эволюции, лишенный крупных потрясений и рывков, возможности принятия непродуманных решений, путь последовательного и неуклонного движения вперед. Думаю, что прошедшая забастовка подталкивает именно к этому пути. Эта забастовка в этом смысле конструктивна. Она не разрушает наше общество. Да и вообще, что может разрушить двухчасовая забастовка?

На заседании межрегиональной депутатской группы выступал директор одной из кузбасских шахт, который говорил, что после забастовки рабочие даже лучше трудятся. Они чувствуют себя настоящими хозяевами, лучше становится организация труда, и те потери, которые были понесены в результате забастовки, в короткий срок возмещаются. А там ведь не двухчасовая забастовка была, гораздо более длительная. Поэтому не случайно, что именно в угледобывающей промышленности раньше всего выполнен план этого года, а в Донбассе даже завершен план пятилетки.

Еще об одной вещи я хочу сказать. На собрании клуба избирателей Тушинского района Москвы было выдвинуто предложение. В случае, если Съезд выполнит те задачи, которые на него возложены, если будет принята предложенная МДГ расширенная повестка дня, трудящиеся призвали провести 23 декабря общесоюзный субботник, средства от которого были бы переданы государству в качестве компенсации за те потери, которые принесло бы увеличение срока работы Съезда.

Мне кажется, что это пример конструктивной роли инициативы масс. Она, несомненно, может способствовать более быстрому развитию процессов перестройки.

А. Д. Сахаров и И. И. Заславский, заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по делам ветеранов и инвалидов.

Фото В. СУВОРОВА.

Записал М. КАРПОВ.

(Перепечатано с сокращениями из специального выпуска газеты «Позиция», 1989 г., № 6).

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

СЕНТЯБРЬ 1990 ГОДА

Цена 1 руб.

«РЕПРЕССИРОВАН БЫЛ ВЕСЬ НАРОД...»

М. ВОЛОШИН

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин,
женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северовосточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладом на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты рокотали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же
оврагам
Жены, матери ,псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

С. Г. Корольков. Проект памятника жертвам диктатуры.

А. АДАМОВИЧ

Мы знаем, что натворили НКВД и ГПУ, и вины с них никто никогда не снимет. Теперь они начинают эту вину перекладывать на другие плечи. В высказываниях нынешнего председателя КГБ это звучит так: не органы определяли политику этих репрессий, они были лишь исполнителями, а командовало — политическое руководство. Пусть уж они сами делят вину, но истина все же в том, что партия всегда направляла, всегда руководила. И естественно было бы ожидать, что именно партия из своих миллиардов выделит средства на то, чтобы поддержать всех тех людей, которые еще живы и которые по ее вине были лишены нормальной жизни. Тем более, что доставалось и членам партии от этих же репрессий.

Кстати, вчера опубликовано еще одно решение реабилитационной комиссии Политбюро: еще одна «антипартийная» группа реабилитирована. То, что год назад вызывало чувство горькой, но радости: наконец-то восстанавливается справедливость, начинает все больше раздражать, как какая-то фальшивая игра не столько по выяснению истины, сколько по торможению этого выяснения. Такая игра продолжается и в исполкомовских комиссиях на местах. И главное, ведь мы все отлично знаем, кто был преступник и кто были жертвы!

Я как-то, лет пятнадцать назад, в семье старых большевиков услышал рассказ: у них в гостях сидел Анастас Иванович Микоян и они его спросили: «Ну что вы реабилитируете людей индивидуально? Вы ведь знаете, что все эти репрессии были незаконны, что все эти люди невинны!» Так вот, самый хитрый из всех членов Политбюро сказал: «Да, действительно, мы знаем, что все эти люди невинны, и что надо бы их реабилитировать сразу всех вместе. Но тем самым будет доказано, что преступники мы... Кем мы, впрочем, и являемся».

Так вот, я думаю, что игра с реабилитацией по капельке, по группе в год, это для того, чтобы не ясно было, кто главный преступник.

И все еще продолжают в эту игру играть, и все никак не дойдут до реабилитации 100-миллионного крестьянского народа, ставшего жертвой дикого беззакония, произвола, за которым общество и сегодня расплачивается пустыми прилавками магазинов. Я думаю, что «Мемориал» должен заявить в резолюции конференции, что все раскулачивание — без ограничений! — было преступлением. Я разговаривал с членами комиссии Политбюро, они все это понимают, но говорят: «Вы знаете, там процента два были те, кто поджигали, уонвали». Я говорю: «Представьте, вы пришли грабить семью, выбрасывать детей на мороз, неужели отец не вступится за них? И таких отцов вы хотите отнести к нереабилитированным?» Я думаю, что в нашей резолюции надо сказать главную истину — репрессирован был весь народ, а разговор о том, что надо разбираться, кто законно, а кто незаконно — это опять-таки стремление не признавать, кто являлся истинным преступником, как говорил Микоян. Государственная система вела войну с собственным народом!

Все иллюстрации данного выпуска предоставлены Е. Александровым

(см. стр. 8).

Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРАВ ВСЕХ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 20-50-Х ГОДОВ

Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. Начатое с середины 20-х годов, надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми.

Массовые репрессии осуществлялись большей частью путем внесудебных расправ через, так называемые, особые совещания, коллегии, «тройки» и «двойки». Однако и в судах попирались элементарные нормы судопроизводства.

Восстановление справедливости, начатое XX съездом КПСС, велось непоследовательно и по существу прекратилось во второй половине 60-х годов.

Специальной комиссией по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, реабилитированы тысячи безвинно осужденных; отменены незаконные акты противнародов, подвергшихся переселению из родных мест; признаны незаконными решения внесудебных органов ОГПУ — НКВД — МГБ в 30—50-е годы по политическим делам; приняты и другие акты по восстановлению в правах жертв произвола.

Но и сегодня еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам.

Скорейшее преодоление последствий беззаконий, политических преступлений на почве злоупотреблений властью необходимо всем нам, всему обществу, вставшему на путь морального возрождения, демократии и законности.

Выражая принципиальное осуждение массовых репрессий, считая их несовместимыми с нормами цивилизации и на основании статей 127[7] и 114 Конституции СССР, **постановляю:**

1. Признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20—50-х годах, и полностью восстановить права этих граждан.

Совету Министров СССР, правительствам союзных республик, в соответствии с данным Указом, внести в законодательные органы до 1 октября 1990 года предложения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий.

2. Настоящий Указ не распространяется на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей во время Великой Отечественной войны, в предвоенные и послевоенные годы.

Совету Министров СССР внести в Верховный Совет СССР проект законодательного акта, определяющего перечень этих преступлений и порядок признания по суду лиц, осужденных за их совершение, не подлежащими реабилитации по основаниям, предусмотренным настоящим Указом.

3. Учитывая политическое и социальное значение полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав граждан, необоснованно репрессированных в 20—50-е годы, возложить наблюдение за этим процессом на Президентский совет СССР.

Президент Союза Советских Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль. 13 августа 1990 г.

Библиотека Мемориала

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ „МЕМОРИАЛА“

События столь стремительно сменяют друг друга, что мы уже забываем об их последовательности, о том, что было совсем недавно. Создано столько партий, существует столько движений, волны их столь высоки, что за ними уже не всегда просматривается седой гребень «Мемориала». То, что эти волны многих вымыли из наших рядов огорчительно, но это и заслуга «Мемориала»: люди, начинавшие в нем, теперь работают в других общественных движениях и партиях.

Но у «Мемориала» есть не только прошлое — прошлое едва ли не первого демократического движения, но и настоящее, и будущее. Вот об этом настоящем и будущем нам и стоит поговорить на конференции, обсудить, кто мы и что мы как движение и организация, от чего нам отказаться, и от чего не отказываться ни в коем случае. «Мемориал» остается единственной всесоюзной организацией из всех новых движений. Гневная память о репрессиях, решимость сопротивляться и бороться с этими же явлениями и сегодня у нас общая — что в Москве, что в Туле, на Украине и в Белоруссии, и в Закавказье.

Другой вопрос, какими должны быть формы работы? Ясно, что как можно менее централизованными. Но одновременно нужна координация действий, без нее мы тоже пропадем.

На деятельность «Мемориала» госаппарат все еще откликается глухо, как стена. Это относится и к доступу в архивы, и к помощи государства пострадавшим семьям, и к регистрации Всесоюзного «Мемориала». Как ни печально это говорить, но только смерть Андрея Дмитриевича Сахарова подтолкнула власти зарегистрировать Московский «Мемориал» — после прямого обращения Елены Георгиевны Боннэр к Горбачеву. Любопытно было присутствовать при этой регистрации в Моссовете еще старого состава. Знаете, мы туда пришли не как просители, а как бы принимать капитуляцию. И выглядело это так, как будто они нас давно ждали и недоумевали, что же вы, ребята, не приходили, тут уже все готово. Вот что значит приказ сверху, а не только давление снизу.

Мы все знаем, какой отклик получили прошедшие по всей стране «недели совести», выставки, журнальные и газетные публикации. Но остается очень трудным делом добиваться своих газет и изданий, радио- и телеканалов, своих помещений и на местах, и в Москве.

Конечно, в нашей деятельности есть и какие-то серьезные разочарования, это неизбежно. Но хотелось бы подбодрить себя вот какими соображениями. Я думаю, что та сторона деятельности «Мемориала», которую мы считаем как бы чисто «академической — наша архивная, собирательная, историческая деятельность — снова выйдет на первый план. И вот почему. Вы знаете, как здорово сработал сейчас аппарат: не хотел, не хотел рынка, а потом вдруг захотел — в один день. Но так подал эту идею народу, что народ завопил — «Не нужен нам рынок!» Да ведь это вовсе не рынок, что нам предлагают, это та же игра аппарата: укрепить систему за счет народа!

И вот в этой обстановке, может кому-то снова захочется твердой руки, когда «был порядок и все было». Ведь так быстро забывается, что там нами оставлено за спиною. И именно мы можем и должны показать, что там в прошлом был за порядок.

Сейчас наиболее актуальным в нашей работе является стремление усилить правозащитную деятельность, то есть активно вмешиваться в «дела» снова и снова возникающие, как, например, попытка расправиться с журналистом Сергеем Кузнецовым.

Я думаю, что мы должны также заботиться о том, чтобы бывшие заключенные, их жены, семьи получили какие-то гарантированные человеческие условия жизни.

И последнее. Давайте, работая на этой трудной стезе, помнить, что у истоков нашего движения стоял Андрей Дмитриевич Сахаров. Никто не сможет его заменить, но я думаю, что его место в Общественном Совете нужно попросить занять Елену Георгиевну Боннэр.

А. АДАМОВИЧ.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВДИПО «МЕМОРИАЛ»

1—3 июня в Москве состоялась II-я Всесоюзная конференция добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». В конференции приняли участие 288 делегатов, в том числе 169 с решающим голосом, из 108 отделений и местных обществ и свыше 400 гостей.

Конференцией был заслушан и одобрен отчетный доклад рабочей коллегии Правления Общества. На пленарных заседаниях обсуждены основные проблемы в области помощи репрессированным, историко-просветительской и правозащитной деятельности, а также ряд других вопросов. Решением конференции была создана комиссия по изучению конфликта, вызванного деятельностью члена рабочей коллегии Правления ВДИППО «Мемориал» Н. В. Нумерова.

Конференция избрала четвертым сопредседателем общества С. А. Ковалева и ввела в состав Общественного совета Е. Г. Боннэр. Были избраны:

новый состав рабочей коллегии — А. Даниель, Е. Жемкова, В. Игрунов, М. Карпов, В. Кучерявенко, В. Лебединский, Д. Леонов, Э. Менделевич, А. Мильчаков, В. Оскоцкий, Ю. Пермяков, С. Печуро, В. Помазов, А. Рогинский, Т. Смилга-Полуян, Н. Старков, Л. Тонкаева, А. Фельдман, Н. Широков, Г. Ширяева.

и новый состав ревизионной комиссии — В. Герлин, Л. Зильберт, Е. Суворова, Е. Шаповал, В. Шнитке.

Приняв резолюции по наиболее актуальным вопросам, Конференция завершила свою работу.

Конференция считает необходимым:

1) Активизировать работу: по определению правового статуса жертв политических репрессий, по возмещению ущерба репрессированным и членам их семей, по неотложным мерам для улучшения их социального положения.

2) Поручить рабочей коллегии подготовить проект соответствующих документов, используя материалы, подготовленные Московским объединением репрессированных, Ленинградским, Донецким, Челябинским и другими Обществами, а также Юридической комиссии Всесоюзного «Мемориала». Обязать Рабочую коллегию представить проекты документов к ближайшему Пленуму правления общества.

3) Обратиться к народным депутатам СССР с ходатайством о принятии Верховным Советом СССР соответствующего закона.

Считая Комитет государственной безопасности в его нынешнем виде правопреемником карательных органов, являвшихся опорой тоталитарного режима, Конференция обращается в Верховный Совет СССР с требованием упразднить КГБ, создав вместо него отдельные независимые ведомства с четко разграниченными функциями, как например, обеспечение внешней безопасности СССР, борьба против терроризма и др.

Вновь созданные службы необходимо дендеологизировать и деполитизировать, поставить их деятельность в строгие правовые рамки под контроль парламента. Политической полиции не должно быть места в нашем обществе.

Сотрудники КГБ, ответственные за организацию репрессий против инакомыслящих, не могут работать во вновь создаваемых структурах. Они не имеют права на персональные пенсии и иные привилегии.

Порядок использования и хранения архивов КГБ должен быть законодательно определен. За сохранность фондов нынешнее КГБ должно нести персональную ответственность. Сокрытие сведений о жертвах репрессий и местах массовых захоронений, а также выдача ложных сведений должна преследоваться по закону.

Конференция обращается к Правительству СССР с предложением о принятии Постановления, согласно которому родственники репрессированных, убитых или умерших в местах заключения или ссылки, имели бы возможность перезахоронить останки своих родных за счет государства.

Конференция поддерживает решение Совета Министров Коми АССР о превращении г. Воркуты в город-мемориал.

Конференция поддерживает национальные движения турок-месхетинцев, крымских татар, поволжских немцев и других репрессированных народов в борьбе за обретение своей исторической родины.

Конференция считает необходимым незамедлительное принятие Верховным Советом СССР закона о статусе беженцев в СССР.

«МЕМОРИАЛ» — НЕ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

О. ОРЛОВ.

Наша правозащитная деятельность началась осенью 1988 года с общественной юридической консультации, — помощь конкретным людям, подвергшимся гонениям, — и москвичам, и приезжающим со всей страны. Сейчас изыскиваются средства, чтобы преобразовать эту группу в профессиональное бюро. Тогда будут решаться дополнительные задачи:

— проведение экспертной оценки законопроектов, касающихся защиты прав человека; помощь депутатам, в частности «мемориальским».

Имеется уникальная возможность сбора и обобщения правозащитной информации со всей страны благодаря сети региональных обществ «Мемориал».

Другой вид правозащитной деятельности — массовый сбор подписей под правозащитными документами, участие в пикетах.

Я не согласен с тезисом, что «Мемориал» — не политическая организация. Любая деятельность, направленная на подрыв основ тоталитаризма, — политическая. И в узком смысле — с точки зрения борьбы за власть — «Мемориал» тоже политическая организация, так как участвует в выборах и довольно успешно... Но мы — не партийная организация, в «Мемориале» — люди разных убеждений: коммунисты, СД, ХД (христиан. дем.), ДС.

«Мемориал» не должен исчезнуть или прекратить политическую деятельность с появлением новых партий. Их становление неизбежно будет идти с большим трудом (борьба, амбиции и т. д.), что будет вызывать определенный скептицизм. Есть риск политического вакуума и ухода людей вообще от демократического движения. В такой момент особенно важно существование «Мемориала» — организации, не скомпрометировавшей себя ничем. И идеологической основой нашей деятельности должна быть защита прав человека.

Сейчас важно перейти от старых методов работы — оппозиционных — к работе с использованием органов власти.

Теперь о месте «Мемориала» в процессе распада имперской структуры в СССР. Распад неизбежен, возникнут новые структуры. Можно помогать делу, если — наладить связи и оповещать друг друга о возникающей напряженности, — предавать гласности случаи, грозящие массовым насилием, — знакомить общественность с точкой зрения различных национально - освободительных движений.

А. РОГИНСКИЙ.

«Существует договоренность с издательским центром: на доход от первого тиража «Архипелага ГУЛАГ» будет выпущено специальное (льготное) издание этой книги для репрессированных и членов их семей. Просьба к отделениям «Мемориала» подготовиться к распространению, составить списки».

Ю. ЩЕКОЧИХИН.

«Заслуга «Мемориала» и раньше, и теперь — объединение левых сил. Сегодня радость в связи с победой демократических сил в Москве, в Ленинграде, в РСФСР (избрание Ельцина) несколько преждевременна. Не впасть бы в эйфорию.

Сейчас сколачивается солидный блок правых сил. Они еще не заявили о себе, но заявят. Аппарат, военное командование, депутатская группа «Союз» — все они, в отличие от левого фланга — едины.

Другая опасность — психологическая усталость от истории. Кажется, уже все знаем, хватит. Возможен обратный эффект. Я видел мальчика со значком Сталина. Необходима работа с молодежью. Мы должны воспитать поколение антисталинистов. Никто не знает, что может быть завтра. Нужна широкая разъяснительная работа».

В том случае, когда город не указан, место жительства выступающего Москва.

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПРОГРАММЫ «МЕМОРИАЛА»

В московском «Мемориале» особенно активная правозащитная работа велась последние полгода. Широко использовалась такая форма мероприятий, как «вахта». Вахта не попадает под определение массовых мероприятий, на которое требуется разрешение, и тем **самым очень удобна.**

Проводились наблюдения на митингах в Москве и других города. Собраны свидетельства о вводе войск в Азербайджан в ночь с 19 на 20 января. Направлены материалы депутатам, в правозащитные группы. Удивляет слабая реакция средств массовой информации. Пока собираются издать только экземпляр, попавший в Госдепартамент США.

Проводились семинары и пресс-конференции по национальным проблемам. На местах эту нашу деятельность знают плохо, приглашений мало. Были пресс-конференции с представителями из Таджикистана, Андижана, Литвы. Многие члены «Мемориала» вошли в группу «Россия—Литва».

Через местные отделения можно было бы реализовать всесоюзные программы:

— создание сети правозащитных групп. А то сейчас более тесные связи с заграничными правозащитными группами, чем в РСФСР. Это необходимо, чтобы быстро предавать гласности события, а не через несколько недель, как по Андижанским погромам.

— создание Университета права, рассчитанного на правозащитников. Но сначала надо выяснить контингент, чтобы эта учеба дала максимальную отдачу.

Дм. ЛЕОНОВ.

Энергия отрицания

Сегодня Всесоюзный «Мемориал» — это 164 отделений и самостоятельных организаций... Созданы группы содействия «Мемориалу» в США, ФРГ, Англии, Польше, есть свои «Мемориалы» в Греции, Израиле, Чехо-Словакии, создали «Мемориал» украинцы, живущие в США.

«Мемориал» начинал с опыта предшественников, опыта правозащитного движения 70-х годов. Мы понимали, что осуждая беззаконие в прошлом, нельзя, щурясь от близорукости, не видеть его в сегодняшнем дне. И поэтому мы очень скоро прекратили споры о временных рамках нравственности, гуманности.

Мы начинали с прав жертв репрессий, мы пришли к тому, что жертвой репрессий был весь народ, все народы, их культуры. Перед нами страшное наследие невиданного в истории геноцида. Правозащитная работа «Мемориала», объединяющая все слои общества, все поколения, и направлена против последствий этого геноцида.

Мы не собираемся заменять один неправый суд на другой и призывать к народной расправе. «Мемориал был и остается на стороне гуманного закона, на страже прав личности, прав нации, общечеловеческого, нравственного императива. Отрицая партийную односторонность, мы всегда готовы защитить права политического, национального или культурного меньшинства, оказать любую помощь в защите этих прав...

Хотелось бы еще раз повторить, что наша энергия отрицания не была некоей страшной, разрушительной стихией. На месте разрушенного, отрицаемого, едва отодвинув обломки, мы начали строить. Наша неформальная история, наша неформальная благотворительность, наша неформальная правозащитная деятельность — теперь со своей юридической службой, с наблюдателями «Мемориала» в очагах межнациональных конфликтов, неформальное участие в общедемократическом процессе — плоды этого строительства...

А. ТОКАРЕВ.

Библиотека Мемориала

ТАКАЯ ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

...Зимняя ночь. В городе недолгая тишина. Слышно, как звенит проволока: дзинь, зинь, зинь... Это собака караульного взвода привычно бежит по предзонннку. Поводок с колечком, колечко надето на проволоку, проволока натянута вдоль забора. За трехметровым забором, с козырьком колючей проволоки поверху, еще один предзонник — внутренний. Дальше — зона. Звенит проволока, горят прожектора. Самое светлое место в ночном городе — лагерь. А сам город темный, незаметный.

Кировск и Апатиты. Для тысячи людей города эти и есть ГУЛАГ. Их срок, их лагеря. Тридцать лет приходили в Хибины «этапы». Менялись названия лагерей: то «VI отделение СЛОНа», то «Трудколония ББК НКВД», то ИТЛ «АЗ-18» МВД». Наш рассказ о последних годах власти ГУЛАГа на этой земле.

Конец 40-х — начало 50-х. Поздний сталинизм. Тридцать лет террора не прошли даром для народа. Одни притерпелись, другие поверили, третьи сели в лагеря. Логическим завершением эволюции административно-командной экономики стала передача большинства предприятий, а порой и ведомств, в систему МВД. Так в 1950 году было организовано Управление исправительно-трудового лагеря комбината «Апатит» МВД в Кировске и Управление «Белречлага» и «Кировстроя» МВД в Апатитах.

На вопрос: «Что такое лагерь?» — начальник лагеря ответит так, вольный — этак, а заключенный — разэтак. Кругозор заключенного ограничен, для него лагерь прежде всего та «зона», где он сидит. Он не знает, да и не хочет знать, как величают в бумагах «его» лагерь: «Белречлаг» или ИТЛ комбината «Апатит». Главное — что за работа в том лагере. Стройка или шахта, лесозаготовки или мелиорация. И именно от этого зависит жизнь.

И откуда «зэку» знать, что если его снимают с работы в сушильном цехе АНОФ-1 (где порой работало до 1000 заключенных в одну только смену!) и везут в Карелию в Энгозеро, то это не другой лагерь, а все тот же ИТЛ комбината «Апатит». И что его просто перевели из лаготделения № 5 в лаготделение № 4 и ввиду текучести работы в ЛО № 4, и слезной просьбы начальника, — «зэку» на это наплевать. Он знает главное — в Энгозере умереть легче, чем в Кировске.

Что такое ЛО № 4? Обратимся к документам. «Основная масса контингента используется в ЛО № 4 на лесозаготовках». «Производственные объекты лесозаготовок» находятся в радиусе 4—5 километров от ЛО. Отмечаются случаи направления на работу на большие расстояния, вплоть до районного центра за 12 километров. Лагерь снабжается привозной водой из озера, но вода в сыром виде к употреблению не пригодна, а «...приготовление кипяченой воды на производстве не организовано». В целом же «...приготовление пищи производится удовлетворительно, питание контингента организовано двухразовое».

Отмечаются и недостатки. «В связи с отсутствием утепленного помещения для производства обысков — обыски производятся не тщательно». Если для обысков не нашлось теплого места, то как тепло было в бараках? Зато норма жилой площади, положенная санитарными нормами ГУЛАГа, соблюдена и составляет 1,8 метра квадратных (как на покойника). И даже для заключенных «организованы ларек и платная столовая, которые полной потребности не удовлетворяют ввиду отсутствия достаточного количества продовольствия». Такая вот жизнь...

Заключенные делились администрацией по категориям: первая и вторая. Получить первую значило работать в самых тяжелых условиях. Категории определялись не столько физическим состоянием человека, сколько потребностью в рабсиле. И изможденные люди получали 1 категорию, раз начальнику требуется именно она.

За срок заключенный сменял несколько лагерей, порой в разных уголках страны. Это тоже входило в систему подавления личности. Успел человек привыкнуть на новом месте, тут ему зачитывают приказ и отправляют по «этапу». Такая система устраивала и хозяйственное руководство ГУЛАГа.

Допустим, на строительство в Кировск требуются дополнительные трудовые ресурсы, и тогда их подыскивают по другим управлениям. Нередко начальник лагеря сам ищет возможность «спихнуть соседу» неугодных ему заключенных: ослабевших или уголовников. Вот так и приходили в ИТЛ комбината «Апатит» «этапы» с канала Волго-Дон, а из «Белречканала» отправляли на Серебрянскую ГЭС.

Ветераны МВД сейчас жалуются на здоровье, подорванное в годы молодости на «честной» нелегкой службе. Вспоминает бывший рабочий совхоза «Индустрия», в те годы репатриант».

«Работали заключенные на первой ферме. На работу водили пешком, а до лагеря километров семь. Поздняя осень. Дорога раскисшая, разбитая тракторами. Грязи по колено. Конвой в сапогах идет по обочине, «зэки» месят жижу в ботинках. Тогда кто-то попросил: «Ведите нас по полю, там суше». В ответ команда: «Стой!» и вторая: «Ложись!». Ну, все присели на корточки. А куда ляжешь, когда грязи столько? Тогда солдаты из автоматов «тра-та-та». Влево-вправо над головами. Все и легли, лишь головы из грязи торчат. Конвой их так минут пятнадцать подержал и дальше повел».

Были, как рассказывают, у охраны и другие развлечения. Женская бригада работала на сеноззаготовке. Октябрь. Иней. И вот конвойный пристает к какой-нибудь женщине «Ты плохо работаешь, тебя надо наказать». Наказывали так. На лугу стога ставились на каркас из жердей. Женщине приказывали залезть на него и стать на верхнюю поперечину по стойке «смирно». А стог высотой метров шесть. В поле ветер, наверху и подавно. Она станет, а конвой кричит: «Кукарекай!», потом: «Гавкай!». И так час, два, пока не надоест.

Хибинские лагеря были смешанными. В одной «зоне» находились и политические, и уголовники, и «указники», в большей своей части колхозники и рабочие, получившие срок по знаменитому Указу от 7.08.32 г. «за колоски» или — по Указу за нарушение трудовой дисциплины. Те «зоны», где они преобладали, так и назывались — «мужицкие». Были здесь и с малыми сроками — от 5 до 10 лет, были и «тяжеловесы», имевшие по 25 лет.

А в лагере и один день тянется долго. Обязанность советского заключенного — давать план. Для этого его и осудили. Сам же «зэк» старается работать как можно меньше. «Да если бы я работал, я бы сейчас не жил», — вспоминает бывший «лагерник». — У меня срок был 20 лет. Неужто возможно в полную силу их все отработать!?»

Но не все могли извернуться. «Туфты» на всех не хватало. Кто-то должен был и дома строить, и «камень плодородия» добывать.

Рабочий день официально устанавливали — 8 часов, но порой начальник лагеря приказывал «...в связи с производственной необходимостью перейти на 10-часовой рабочий день в две смены». Сюда не входило время, проведенное в пути до места работы и на работы по обустройству лагеря. А питание «без витаминов, без жиров» не укрепляло здоровья.

Страшно было то, что в одном бараке с голодающими жили люди, чувствовавшие себя довольно неплохо. У них были мясо, водка, масло. Сытый голодного не понимал и голодному, как правило, не помогал. Лагерь разъединял людей. Единственное, что их объединяло,— колючая проволока и приказ начальника. На вражде между различными слоями заключенных, на нагнетании атмосферы недоверия и доносительства — стояла система подавления человека.

Система, когда немногочисленная администрация справлялась — и успешно — с тысячами людей. Помощь ей оказывали сами заключенные, добровольно пошедшие на службу в бригадиры ,в самоохрану. «Любители» старались и одили лучше профессионалов. «При каждой бригаде», — вспоминает бывший работник «Кировскстроя», — состояло два здоровых лба. Звали их помощниками воспитателя КВЧ. Ходили они с «дрынами» (длинными толстыми палками) и, если кто им не понравится, изоивали охотно и долго».

Каждый третий охранник в «Белречлаге» был из самоохраны. Чаще всего в самоохрану орали осужденных по 74-й статье (хулиганской), естественно, завоевавших доверие начальства. Самоохранник получал оружие, хорошую пищу, жилплощадь вне зоны. Имел шанс скостить срок по зачетам как «передовик производства».

А что значил лагерь в жизни начальника Управления «Белречлага» и «Кировскстроя» инженера-подполковника МВД Полтавы? Он был профессионалом! В 1937 году добровольно пришел на службу в НКВД. В 1949-м уже имел должность зам. начальника комбината и начальника Управления строительства Норильского комбината. В 1951 году прибыл на новое место службы в Апатиты.

Лагерь для начальника — прежде всего «хозрасчетное предприятие на правах подрядной организации» и его задача — «добиваться хороших производственных показателей по трудовому использованию контингента». Чтобы выполнить эти задачи, он ничего и никого не пожалеет. Помогут ему начальник охраны и начальник режима и спецработы.

Деятельность инженера-полковника МВД оценивается по трем показателям: валовой выработке заключенных, самоокупаемости лагеря против фактических затрат и выводе заключенных на хозработы в процентах ко всему трудовому фонду. Выше показатели — хорошо, план перевыполняется.

А тут плюс ко всему развернулось социалистическое соревнование по Управлениям ГУЛГМП. Значит, надо посрамить соседа — ИТЛ комбината «Апатит». Оттого строже режим, больше дисциплины! Но что это? Подполковник Полтава объявил выговор начальнику лаготделения за вывод заключенных на работу в выходные. «Гуманист!» — скажете вы. Нет — практик. Отгадка проста. «Вывод заключенных на работы в выходные дни производить только с моего разрешения, так как в этом случае увеличивается задолженность личному составу охраны». Вот так. Солдат мало, а сверхурочные оплачивать — денег нет.

Начальник лагеря фактически был хозяином района. В его власти ЖКХ, торговля, медсанчасть. И здесь он проявляет чуткость. Есть такая строка в приказе о праздничной торговле в честь 35-ой годовщины Великого Октября: «Обеспечить население водкой и водочными изделиями в ассортименте». Он заботится и о подчиненных, о повышении их образовательного и идейного уровня.

А рядом с лагерем жили вольные люди. Так во всяком случае их величали. И вся лагерная жизнь проходила на их глазах. Лагеря в Хибинах (Кировске и Апатитах) не прятались в лес или за горы. Они властно расположились в черте города. И, естественно, проходили по улицам городов колонны заключенных.

Пугали ими: вот, опять ушли в побег бандиты и враги. Бойтесь! Но местные не боялись. Не было страха, как не было и острого чувства сострадания к томящимся в лагерях. Не потому, что люди были злы ,а просто хватало своих бед. Многие ведь оказались в Хибинах не по своей воле: кого привезли в ссылку, кто спасался от голода, кто сам недавно вышел из лагеря.

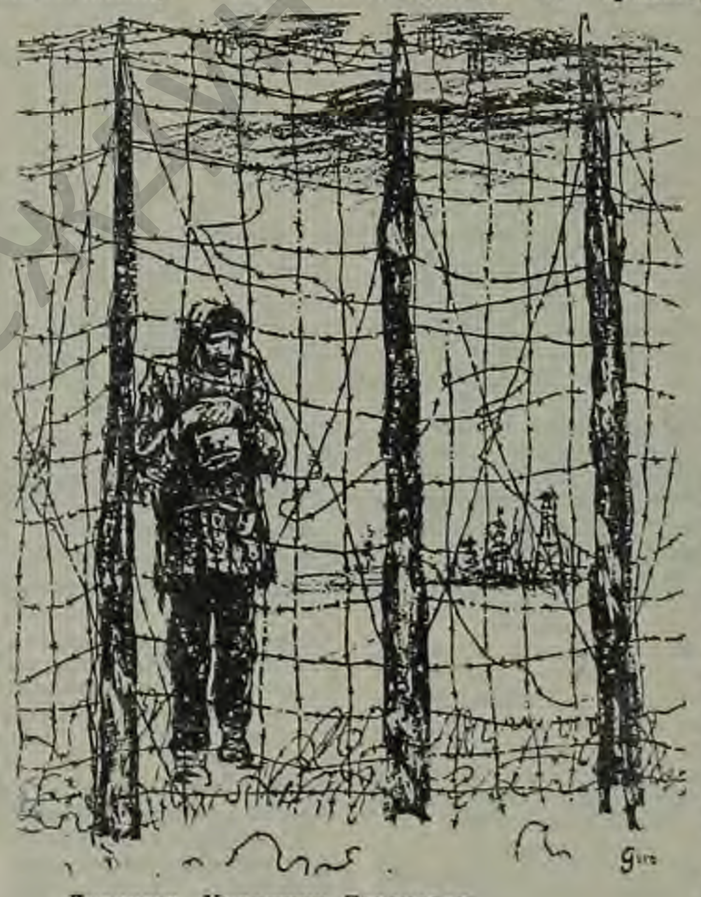
Но помогать — помогали. Отсылали письма родным от заключенных, давали еду. Случалось, что, запутавшись в бесчисленных «зонах», вольный заходил не за тот шлагбаум и получал от солдата «по шапке»: «Шапку долой! Почему без конвоя? В побег идешь!» Долго приходилось бедняге доказывать, что он местный и пока на свободе, что неплохо было бы его отпустить.

Прошли те годы и теперь старожилы вспоминают: «Заключенные? Ну, люди как люди. Работящие».

...А пока бежит собака вдоль забора. Но нет уже тишины. У ворот мат, лают собаки конвоя, шумят, газуя на холостом ходу, грузовики. Прибыл новый «этап».

Запоздалый прохожий привычно идет мимо. Все еще ночь.

А. МАТВЕЕВ.

Доходяга. Художник Гороховец.

Политзаключенные в СССР

Еженедельник «Экспресс-хроника» издал подготовленный Инициативной группой защиты политзаключенных список политзаключенных СССР по данным на май 1990 года.

В предисловии говорится: «В публикуемый список внесены лица, осужденные в СССР по политическим мотивам и, по имеющимся у нас сведениям, находящиеся на сегодняшний день в местах лишения свободы, включая тюрьмы, лагеря, психиатрические больницы, а также места ссылки.

«Список политзаключенных СССР» ведется и публикуется с середины 1970-х годов. За последние три года в связи с проведенной в стране политической амнистией количество политзаключенных резко уменьшилось. В то же время заметно поменялся качественный состав списка. Ранее большую его часть составляли осужденные по «политическим» (ст. ст. 190 и 70) и «религиозным» (ст. ст. 142 и 227) статьям УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик. В настоящее время действие этих статей приостановлено, и почти все известные нам осужденные по этим статьям ныне находятся на свободе. Подавляющее большинство нынешнего списка составляют люди, осужденные за участие в несанкционированных митингах и демонстрациях или в волнениях на межнациональной почве, за отказ от службы в армии по пацифистским или религиозным мотивам, а также за попытку покинуть страну нелегальным путем.

Значительную группу составляют также лица, осужденные по другим уголовным обвинениям, таким как «шпионаж», «спекуляция», «хулиганство» и др. Включение их в список обосновано прежде всего в тех случаях, когда составителям достоверно известно, что эти обвинения были сфабрикованы по политическим причинам.

Публикуемый список не является абсолютно точным и исчерпывающим. В особенности это касается узников общих и специальных психиатрических больниц. Поэтому составители списка просят читателей оказывать помощь в работе над списком».

Всего в списке приведены данные о 183 политзаключенных.

Вот два имени из этого списка:

БЕРДНИК Микола, 1969 года рождения. Экспедитор Киевского завода экспериментального машиностроения. Арестован 13 мая 1990 г. в Полтаве. Предъявлено обвинение по статье 206 ч. 2 УК РСФСР («Злостное хулиганство» — 22 апреля 1990 г. участвовал в возложении к памятнику Ленина в Киеве венка из колючей проволоки с надписями «Ленину от украинского народа» и «Палачу» Украины»). КПЗ, Киев.

СМИРНОВ Валерий Аркадьевич, 1945 года рождения, кандидат ф-м. наук. Арестован 23 апреля 1982 г. Осужден по статье 64 УК РСФСР (находясь в командировке в Норвегии, попросил политического убежища в США, позднее добровольно вернулся в СССР). Приговор: 10 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Лагерь: 618810, Пермская область Чусовской район, ст. Всесвятская, учреждение ВС-389/35.

Библиотека

КОМПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

Целью автора данной статьи было обрисовать взаимоотношения между русской деревней и коммунистической партией в эпоху гражданской войны и НЭПа. Причем, изложение событий, общих для всей страны, иллюстрируется, главным образом, на примере Орловской губернии. Эта губерния, за исключением нескольких недель осенью 1919 года, была все время под властью Советов.

В Орловской губернии первыми перешли на сторону большевиков Брянск и Бежицк, города с большим количеством рабочих. Большевистская организация в Бежицке и Брянске во главе с Н. Фокиным, еще до октябрьского переворота добилась большинства в местных советах. Но захват власти в губернии проходил значительно труднее. После октябрьского переворота власть перешла в руки Орловского губернского совета. Большинство в нем принадлежало меньшевикам и эсерам, а председателем его был меньшевик В. Ф. Переверзев (если не ошибаюсь, городской голова г. Орла). Совет объявил губернию на военном положении. Большевикам, опираясь, главным образом, на 74-й и 81-й запасные полки, стоявшие в Орле, удалось добиться перевыборов в Орловский совет. Перевыборы эти были произведены, конечно, под давлением «революционно-сознательных масс», но все-таки результаты их для большевиков были не очень утешительны.

26 ноября (ст. ст.) 1917 года собрался Орловский совет нового состава для избрания исполкома и ревкома. В исполком было решено избрать 40 членов — по 20 человек от рабочей и солдатской секции. В солдатской секции выборы производились открытым голосованием, с участием публики, и выражались криками, одобрительными или неодобрительными. Несмотря на это, большевикам удалось провести всего 11 своих кандидатов из 20. В рабочей секции, собравшейся отдельно и без публики, большевиков ждал разгром, они провели только 3 своих кандидатов. Остальные места во всем исполкоме распределились между меньшевиками (8), эсерами (8), беспартийными (3). Председателем Орловского совета был избран член польской социалистической партии Квапинский (от солдатской секции).

Единственного решающего успеха большевикам удалось добиться при выборах в военно-революционный комитет (ревком). Они получили в нем большинство, и председателем его был избран большевик М. Н. Буров. В руках ревкома сосредоточилась вся политическая власть в губернии. «Через военно-революционный комитет, — сообщает советский источник, — большевики провели огромную работу по сплочению рабочего класса и бедняцкого крестьянства вокруг власти советов. Одной из крупнейших заслуг ВРК является создание вооруженных отрядов из рабочих и солдат для борьбы с местной контрреволюцией». 15 февраля 1918 года, Буров, уже председатель губернского совета народных комиссаров, сообщает Ленину: «Имеем броневой поезд, отряд матросов Балтики 80 человек, также свой отряд — 150 человек пехоты».

Но одно — добиться власти под давлением распропагандированных «революционных» масс, и другое — эту власть распространить по всей губернии. Смещать, изгонять и арестовывать большевики не могли еще довольно долгое время. Так, например, орловский губерниский комиссар Временного правительства Ровинский сложил свои полномочия только 27 января 1918 г. уже после упразднения Орловского ревкома (25 января) и при этом арестован не был; Орловская городская дума существовала параллельно с советскими учреждениями до 21 февраля 1918 года; в Кромском уезде советская власть была установлена лишь в конце февраля, а в Моховицкой волости Болховского уезда — 20 марта 1918 года.

Так, довольно долго большевики были вынуждены сосуществовать в советах с меньшевиками и правыми эсерами. Удаление их из местных органов власти происходило постепенно. В Брянске, например, их исключили 29 июня 1918 года, причем оказалось, что правые эсеры и меньшевики были представителями рабочей секции. В Бежицке их удалили из местного совета только 15 сентября и то после категорического требования уездного бюро РКП(б) с угрозой привлечь «к ответственности, как за соглашательство с контрреволюционерами». Эти факты и многие другие, достаточно ясно показывают, что рабочие совсем не так рьяно поддерживали «рабоче-крестьянскую» власть, как это сейчас описывают большевистские историографы.

Первыми действиями нового Орловского губерниского совета по отношению к деревне были: призыв создавать советы на местах и проведение в жизнь земельного декрета Ленина. Земля от крупных землевладельцев была отобрана и частично перераспределена между крестьянами. По Орловской губернии вышло от 0,3 до 0,6 десятины на едока. Крестьяне от раздела земли помещиков ожидали значительно большего, и это было их первым, хотя и не очень глубоким, разочарованием в новой власти.

Но не успели кончить передел земли, как в деревню начали приходить вооруженные отряды и насильно отбирать хлеб. Уже в январе 1918 года орловский комиссар продовольствия Хохлов обратился к крестьянам со следующим воззванием:

«Братья-крестьяне! В северных уездах Орловской губернии и вообще на севере ужас голода разливается все шире и шире, дети и взрослые умирают мучительной голодной смертью.

...Мы, ваши избранники, говорим вам: везите хлеб и другие съестные продукты к элеваторам. Священным именем революции заклинаем вас сделать это добровольно.

...Не подчинившиеся этому призыву будут арестовываться, как нарушающие интересы народа. Помните, товарищи, что это наше последнее слово — за ним будет говорить сила».

Но крестьяне Орловской губернии, вообще хлебом не богатой, этому призыву добровольно не подчинились, и в марте появляется циркуляр орловского продовольственного комиссариата «о реквизиции излишков продуктов и борьбе со спекулянтами» уже с применением вооруженной силы. Этот циркуляр предписывал произвести опись решительно всех продовольственных запасов и фуража, принимая во внимание все потаенные места, где запасы могли бы быть спрятаны. После описи хозяевам оставлялось на прокормление на месяц 30 фунтов хлеба на каждого члена семьи; на лошадей, не больше двух, если не имелось другого корма, по два пуда сена на месяц и на одну корову один пуд сена. На другой скот не оставлялось ничего. Все остальное считалось излишками и подлежало реквизиции. Ответственность за выполнение возлагалась на всю деревню.

Этот циркуляр вызвал сопротивление крестьян. Местных сил у большевиков не хватало, и это приводило иногда к тому, что крестьяне, например, в Богодуховской волости в марте 1918 года один из реквизиционных отрядов просто разоружили. Уездный совет счел нужным дать по этому поводу следующие разъяснения:

«Ввиду восстановления истины в отношении создавшегося на местах ложного мнения к реквизиционному отряду... совет считает долгом довести до вашего сведения нижеследующее: реквизиционный отряд был послан советской властью в лице уездного комиссариата по продовольствию... Среди населения распространились слухи, что отряд был собран буржуями, причем определенно указываются личности. Уездный исполком подтверждает, что это не отряд буржуев, а отряд, посланный советской властью...» и т. д.

Но в этот период вооруженные столкновения случались относительно редко. Большевики были слабы, крестьяне не успели ожесточиться. Но бывало и иначе. Так, крестьяне села Липецк Малоархангельского уезда Орловской губернии перед приходом реквизиционного отряда в марте же 1918 года напали на Покровский волостной совет, захватили оружие и дали бой отряду. Но это еще не было восстанием. Большевики называли это «вылазками классового врага — кулаков и деревенских богатеев».

В Орловской губернии с изъятием излишков власти на местах не справлялись, и положение с продовольствием становилось все катастрофичнее. Тогда центр взял дело в свои руки. В начале мая 1918 года начали формировать продовольственную армию специально для военных действий против деревни. В скором времени армия эта достигла нескольких десятков тысяч человек. На словах она должна была состоять из рабочих, но туда шел, главным образом, всякий сброд, немалым процентом влились в нее и интернационалисты. (Этот термин советские источники применяют к иностранцам, выступившим с оружием в руках на стороне большевиков. Это были не только военнопленные центральных держав, но и китайцы, и поляки, и даже индусы). Первые действия продармии в деревне были неудачны. Продармейцы деревни не знали, чувствовали себя в ней, как в лесу, и били вслепую. Тогда то и было решено взорвать деревню изнутри.

Декретом от 11 июня 1918 года было положено начало организации комитетов бедноты, к которым фактически перешла вся власть в деревне. Этим достигались крупные преимущества в войне с деревней. Дело в том, что, несмотря на победу большевиков, зажиточное крестьянство, т.-е. те люди, которых большевики заклеймили кличкой «кулаков», сохранили еще значительную часть своего влияния. Они быстро освоили нехитрую механику советской власти и с успехом добивались выборов в сельские и волостные советы приемлемых для себя кандидатов. Таким путем они нейтрализовали влияние советской власти в деревне и защищали себя от ее ударов. Организацией же комбедов и передачей им реальной власти через голову местных советов большевики создали в деревне нужную им силу. Этим они добились расслоения деревни, разделения ее на враждующие группы и ослабления ее сопротивления. Кроме того, комбедам было вменено в обязанность «оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев». Комбеды стали пятой колонной большевиков в деревне, а продармия получила в их лице союзника, который мог (и должен был) указывать у кого, где и сколько можно найти и отобрать. Но деревня на это мероприятие большевиков ответила ожесточенным сопротивлением и восстаниями.

Почему-то принято считать русское крестьянство безответным и рабски покорным всем приказам, откуда бы они ни шли. Мы этого мнения не разделяем. Русский крестьянин был совсем не так кроток и послушен. И когда большевистская власть показала себя, деревня восстала. Зверства при усмирениях вызывали ответные жестокости крестьян. При восстании в первую очередь ликвидировали комбеды. Мелкие продотряды истребляли полностью. Были случаи, когда особенно рьяным комиссарам крестьяне вспарывали животы и набивали их зерном. Бывало, что таких комиссаров перепиливали деревянными пилами.

Продотряды, поддерживаемые отрядами при губкомах и губчека, не только отбирали хлеб и расстреливали, они возродили избиения и порку крестьян шомполами. Таким образом, сомнительная честь введения в обиход гражданской войны «шомполизации» принадлежит продармии.

Сопротивление крестьян вызвало перемену большевистской тактики. Уже в августе 1918 года вышел приказ, предписывавший увеличить численность продотрядов минимально до 75 человек, обязательно с двумя-тремя пулеметами. «Работа» должна была планироваться, чтобы три отряда могли быть «в кратчайший срок» соединены в один. Между отрядами предписывалось поддерживать постоянную кавалерийскую связь. Но и это не помогало.

Восстания были стихийны, почти неорганизованы и несогласованы одно с другим. Но они были настолько повсеместны и упорны, что заставили большевиков отступить. «По данным ВЧК, — сообщает советский источник, — только по 20 губерниям Центральной России в 1918 году было зарегистрировано 245 крупных контрреволюционных выступлений».

Изъятие излишков было не единственной причиной крестьянских восстаний. Их вызывали также и мобилизации в Красную армию. Реже они выражались сопротивлением мобилизации на местах, чаще возникали на сборных пунктах. Бывало и так, что одно только присутствие в городе недовольной и озлобленной массы мобилизованных вызывало или ускоряло местное восстание. Так случилось 15 августа 1918 года в Астрахани. Восставшим «удалось захватить ряд опорных пунктов города, в том числе астраханскую крепость, и спровоцировать антисоветское выступление среди мобилизованных в Красную армию крестьян». Но эти восстания стойкостью не отличались. Мобилизованные, которым большевики предусмотрительно не выдавали на руки оружия, при первых же столкновениях с карательными отрядами разбегались и пополняли бесчисленную армию дезертиров.

Происходили такие восстания и в Орловской губернии. Самое крупное вспыхнуло в марте 1919 года в Брянске, когда поднялись 5.000 мобилизованных 54-го и 55-го полков. Им удалось захватить 800 винтовок. «ВЧК вынуждена была стянуть к Брянску значительные силы» из Москвы, Калуги, Смоленска, Орла и Курска.

Волнения, возмущения и восстания крестьян вызывались иногда и гонениями на Церковь и духовенство. Часто окрестные села оказывали сопротивление при разгроме монастырей. При защите Яковлевского женского монастыря в Рузаевском уезде Пензенской губернии в сентябре 1918 года крестьяне расправились самосудом с чекисткой Путиловой. Возмущение было жестоко подавлено подоспевшим карательным отрядом. В Шацком уезде Тамбовской губернии в августе 1918 года после крестного хода местная ЧК арестовала священников и захватила высоко чтимую Вышинскую икону Божьей Матери. Крестьяне двинулись на выручку святыни. Их встретили пулеметами. «Пулемет косит по рядам, — пишет первый комиссар юстиции, левый эсер И. Штейнберг, в книге «Нравственный лик революции», — а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем».

В Кромском уезде Орловской губернии протест против гонений на Церковь и духовенство разросся в крупное восстание. 13 декабря 1918 года коллегия Кромской уездной чрезвычайной комиссии просила: «Именем Кромского исполкома вышлите немедленно в Кромы 3 взвода пехоты, взвод пулеметов, броневик для подавления восстания кулаков. Своих сил не хватает». Первой причиной восстания показано «выступление на почве мобилизации духовенства». Это была, конечно, не мобилизация в Красную армию, а так называемая «трудовая мобилизация», когда духовенство посылали на самые грязные, самые унизительные и издевательские работы.

На «внутреннем фронте», в войне с народом, большевики предпочитали пользоваться иноплеменными воинскими отрядами — латышскими, эстонскими и интернациональными. Роль их в подавлении восстаний совершенно бесспорна. Не следует, конечно, утверждать, что все восстания подавлялись иноплеменными частями, но их специфическую роль и заслуги подчеркивает, например, слезное ходатайство тульских губисполкома и губвоенкома от 3 сентября 1918 года за № 9969 об оставлении в их распоряжении интернационального отряда под командованием Августа Сноре, так как этот отряд — «единственная твердая опора местной власти против кулаков и белогвардейцев». В Орловской губернии интернациональные отряды имелись в самом Орле (несколько), в Карачеве, Ельце и в Брянске.

Ю. СРЕЧИНСКИЙ.

Перепечатано с сокращениями из «Нового журнала» Нью-Йорк. 1967. кн. 89.

(Окончание в следующем выпуске)

Библиотека

ДОКУМЕНТ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В П.П.О.Г.П.У.
гор. Ленинграда

Со времени получения разрешения на возможность отправки стариков спецпоселенцев на поруки родственников, прошло более 8-ми месяцев.

У нас, стариков и старух, имеющих право по возрасту на отправку большое колличество, так если говорить о количестве инвалидов по всем трем группам, прошедшим ВКК, то их насчитывается около 1.500 чел., но не все прошли ВКК, хотя и не все прошедшие являются стариками.

Эти старики являются для нас очень невыгодными и очень мешающим элементом. Многие из них, не получая систематической помощи от родственников, вынуждены изыскивать всякие способы добычи питания на месте, путем проскакивания в столовые для съедания остатков, собирания на помойках всяких отбросов и нищенствования.

Горсовет, со своей стороны, делая совершенно незаконные позаимствования из средств, предназначенных на другие цели, выдавал и сейчас продолжает выдавать пенсии на 205 чел. по 10 руб. в месяц независимо от количества едоков. Остальная группа сверх 205 чел. остается без помощи от государства. Кроме того, Горсовет давал на керосин инвалидам, покупал им зимой дрова и хоронил за свой счет умерших стариков, не имеющих здесь родственников.

Наши обращения в Округ за помощью не увенчались успехом. Единственно, что от Округа мы имели, это отправка в Дома инвалидов вне Хибиногорска 31 чел.

Помощь пенсией и небольшую помощь натурой мы будем оказывать и в дальнейшем.

Кроме того, сейчас проводим устройство инвалидов в организуемые здесь артели.

К Вам с нашей стороны великая просьба воздействия на местную участковую комендатуру в отношении четкости ее работы.

Тов. ИОСИФОВ, пом. Участ. КОМ., оставляемый за коменданта, не справляется со своей работой: заявления, подаваемые спецпоселенцами, где-то задерживаются и теряются. Я решил проследить по двум заявлениям последнего времени, обратившиеся граждане Голубев и Трифонов с нашими просьбами в комендатуру, получили ответ о том, что заявления потеряны и нужно написать новые.

Президиум 8/VI просил комендатуру и комендантов километров дать справку о заявлениях граждан в количестве 40 человек.

Полученный ответ при сем прилагается.

В беседе лично по телефону с т. ИОСИФОВЫМ получил от него ответ: «Гони всех в шею, надоели они со своими просьбами». Совету делать это неудобно.

Обращался я к тов. АРОНСОНУ, он обязывал т. ИОСИФОВА дать ответ на утерянные заявления, но ИОСИФОВ выполнить этого не мог.

Также т. АРОНСОНОМ сделано замечание комендатуре по их работе, но все же я решил написать Вам, о чем поставил в известность тов. АРОНСОНА.

Председатель Горсовета
(К. Луйск) 1932 г.

ИСКАЛЕЧЕННАЯ ЖИЗНЬ

Мой дед Веткин Павел, крестьянин Новгородской губернии, до революции работал дворником на царском дворе. В Петербурге. Бабушка служила кухаркой у профессора. Поженились и уехали в Тверскую губернию и нанялись работать у помещика: он мельником, она кухаркой.

В деревне Пальцево Новгородской губернии мужики искали мельника, и дед с бабушкой и шестью детьми переехали в Пальцево. В семье было уже 4 парней, работали много и тяжело, так что деду удалось откупить мельницу у общества, и он стал со старшим сыном Николаем работать уже на своей мельнице. Здесь же построили маслобойню, сбивали льняное масло себе и крестьянам. Дочери — Катя, Нюра и еще двое — ходили за скотом. Работников не держали. Когда что строили, то нанимали от общества, сдавали мясо, делали сыр для людей.

В 1929 году семью деда раскулачили и выслали на Север. К этому времени дядя Коля и дядя Миша были женаты, и они остались на родине.

При раскулачивании все отобрали. Когда привезли на Ниву, поселили в палатки. Еду готовили в бочках, ели из банок, потом купили посуду. Строили Нивскую ГЭС. Вскоре деда и бабку — они были старшими — отпустили назад. Они уехали к старшему сыну Николаю.

Когда построили Нивский каскад, всю семью Веткиных отправили в Мурманск строить железнодорожный вокзал, а потом в Сайда-губу солить селедку на рыбзаводе.

В 1937 году дед и дядя Коля были арестованы. Дядя Коля получил 10 лет и сидел на Урале, дед был в лагерях Караганды, там он умер от дизентерии. Бабушка жила в деревне с невесткой-учительницей, им очень хотелось дождаться Николая. Жили они в водогрейке, в избушке, где грели воду для скота, их зимний дом отобрали под клуб, летний — под колхозный склад.

В 1940 г. всех моих родных увезли в Апатиты, в совхоз «Индустрия». Тетки мои были очень верующими, они так и остались девицами, тетя Катя была грузчиком в тупике, тетя Нюра тут же работала на мельнице. Во время войны там мололи рожь для пекарни, зерно поступало из Америки, еще мололи овес для скота.

Мой отец Алексей Веткин, как специалист, получил бронь и тоже строил мельницу в Кировске, а потом всю войну работал на ней.

Дядя Павел воевал на переднем крае и умер вскоре после войны совсем молодым.

Дядя Коля освободился в 1947 г., и бабушка, дождавшись его, тут же умерла.

Дядю Мишу убили на войне.

Моих теток до сих пор вспоминают с уважением местные жители, они были вечные труженицы. Помогали растить детей младшей больной сестре — тете Вале, муж которой, артист фронтового ансамбля, получив после войны 10 лет, не успел приехать к семье, умер через месяц после освобождения.

Тетки так и не смогли понять, за что их раскулачили. Вставали в 3 часа ночи, чтобы нагреть воду, накормить скотину, целый день на ногах.

Жизнь моих родных была искалечена.

А моя мать первым браком была замужем, у них так было заведено — за приказчиком, который служил в лавке в Петербурге, но приезжал к ней в деревню, где они построили во время НЭПа хороший дом. А так как он был контужен во время 1-й мировой войны, то сильно болел и лежал в больнице. Она приехала в Ленинград и работала станочницей на судостроительном заводе. Дом, оставшийся на родине, вызывал зависть, и на нее написали донос, что она жена приказчика.

Мать арестовали и посадили в тюрьму «Кресты», а потом сослали в Мурманск. С отцом моим она познакомилась в Сайда-губе и приехала в Апатиты. Здесь бездетные жили в палатках, а с детьми в д/с № 3. До 1950 г. у нас была комната 9 кв. метров, а потом чуть побольше. Мои родители, как и все местные раскулаченные и высланные, прожили жизнь очень трудную.

Р. А. НИКИТИНА.

Православное духовенство в лагере (художник неизвестен).

Женщины в лагере (художник неизвестен).

Такая я счастливая

Нас раскулачили в 1930 году. До этого я работала на маслоделательном заводе. А как раскулачили, то послали валить лес в той же Архангельской области. Мужчины валили лес, а мы обрубали сучья. С октября 1930 года до весны 1931 года на берегу реки Вычегды сложили огромный штабель леса.

Но потом мы, 14 человек, сговорились и убежали по просеке в Котлас, так как нам сказали, что за недовыполнения нормы нас будут судить.

Я взяла паспорт у двоюродной сестры — комсомолки, и уехала под Ленинград в Невдубстрой. Там я работала и жила в бараках. А жила я хорошо, так как умела шить и выполняла все заказы и для детей, и для взрослых.

В марте 1932 года была перепаспортизация, узнали, что у меня чужой паспорт. Меня схватили и отправили в Ленинград, в тюрьму. В тот же день арестовали весь женский монастырь. В тюремной камере было так тесно, что я, сдавленная другими, простояла сутки. На следующий день монашек отправили этапом в Ташкент.

В июне 1932 года меня этапом отправили в Хибиногорск. Как привезли, так послали на поля совхоза «Индустрия» нарезать канавы на полях. А к зиме перевели на железную дорогу на 23-й километр. Я чистила снег, таскала шпалы, рельсы. Была под паровозом, но зарезать не зарезало, такая я счастливая. Однажды получила большую премию за предотвращение аварии — состав шел по встречному пути, дежурная выпустила, а я остановила его.

Сейчас я живу с падчерицей, сама хожу в магазин. Я ходила бы в церковь, но там нужно стоять, а я стоять долго не могу. Детей у меня не было.

Анна Петровна ТЯЖКИХ.
1903 г. р.

Оказалось, что там жили куда хуже...

Родилась я в селе Калугино Тугулымского района, в крестьянской семье. Мой отец сеял пшеницу, рожь, овес, ячмень. В семье было три брата и три сестры. У нас был дом, лошади, коровы, молотилка и жатка. В 1929 году в октябре, когда мы отмолотили, нас раскулачили. Сначала вымели под метелку все зерно, мы сдали около 3000 пудов. Требовали еще, но уже сдавать было нечего, и отца арестовали и посадили. На суде сказали, что посадили отца за то, что кто-то поджег солому, наверно, мол, кулаки. Он сидел 2 года в тюрьме.

В конце октября — в начале ноября нас выселили из нашего дома и пустили жить в другой. Все вещи отобрали. Но и в другом доме не дали жить, 12 февраля 1930 года стали выселять за Тобольск. Туда свезли пятнадцать семей на подводах. Моих братьев выслали на лесозаготовки. Прожили мы так до лета, а в августе 1930 года сказали, что нас выселяют окончательно.

Повезли нас на станцию Тугулым. Был сильный дождь, гроза, мы все вымокли. Ночевали на станции. На следующий день, 8 августа, пригнали телячьи вагоны. В них были нары верхние и нижние, в вагон загоняли человек по 30, все взрослые, мне было 16 лет. Охраняли нас с винтовками, но охранники были добрые, на остановках выпускали из вагонов.

Привезли нас в Апатиты 21 августа. Воды на станции было по колено. Вокзальная будка была сложена из шпал, на станции было всего два пути. Сдала тут охрана нас другой, здешней, охране и привезли нас на 13-й километр к шалманам. Там и поселили всех вместе. Нас поселили в шалман, крытый толью. А землянки были под дерном — как пойдет дождь, так на нарах полно земли. Комендант сказал, чтобы нас кормили пока бесплатно и давали пищу домой.

Как только приехали, двоих братьев отправили на рудник. До октября 1930 года я не работала, меня считали еще маленькой, а с октября взяли на рудник, и стала я носить воду, а с зимы работала на откатке вагонеток. Надеваешь лямку от вагонетки на 1,5 тонны, довозишь ее до бункера, там нужно освободить стопор, раскачать вагонетку, она перевернется, и руда высыпается в бункер. Потом нам поставили бремсберг, там было легче — вагон нужно было прицеплять к тросу, правда, трос был тяжелый. Потом пустили у нас диагональный бремсберг. До войны так и работала на руднике, больше всего составителем поездов вагонеток. Потом, когда у меня были дети, меня посылали на склады, перебирать картошку.

Мой муж умер в 1939 году. Он был бурильщиком. Тогда бурильщики работали обычно по две смены. Много бурильщиков от непосильной работы заболевали воспалением легких и умирали. Мой муж заболел воспалением легких и на седьмые сутки умер. Их много тогда умирало, и все молодые, по 24—25 лет.

Когда стали строить дома, нас 12 человек поселили в комнату 12 метров. Сделали нары и так жили. В 1934 году, когда я вышла замуж, в комнате 16 метров жило 4 семьи — всего 9 человек. Голодать не приходилось, летом на деньги можно было купить и яблок, и даже арбузы. До 1933 года карточек не было. Вокруг жили немцы, латыши, финны, поляки. В 1940 году всех выслали, оставили только татар.

А когда я после войны приехала в свою деревню, в Свердловскую область, оказалось, что там жили куда хуже, чем мы, переселенцы. И заработков никаких, в нищета.

З. И. ГОЛЫШЕВА,
1914 г. р.

Библиотека

PAR AVION

ПИСЬМО ИЗ БРАЗИЛИИ

С Александром Григорьевичем Лермонтовым мы познакомились во время прошлогодней аэростатной экспедиции в Бразилию. В 1920 году в возрасте 14 лет вместе с отцом, полковником Белой армии, он покинул землю своего великого родственника, покинул навсегда. У него была возможность «побывать» в России во время войны, когда таких же, как он, выпускников Югославского русского кадетского корпуса вербовали в РОА. Но он предпочел концлагерь.

После войны он уехал в Бразилию, работал инженером-дорожником. И навсегда сохранил живой интерес, да нет, не интерес, а чувство неотделимости от России, сопереживание, сопричастность всей ее судьбе, ее бедам и несчастьям. Это сопереживание вы увидите и в отрывке из одного из его писем, которое я получил уже почти год назад.

Исторические судьбы эмиграции заслуживают самого заинтересованного внимания «Мемориала» — это ведь тоже часть истории нашего народа, истории нелегкой, трагической и надолго скрытой от нас завесой лжи и умолчания.

Л. ЛАЗУТИН.

...Насчет русских дел я начну мое письмо. Это сейчас краеугольный камень всего мира, и вопрос мировой, а не только русский. В зависимости от того, как пройдет перестройка, как сложатся обстоятельства на нашей Родине, зависит судьба Европы, судьба всей земли.

Вот насчет перестройки у меня есть сомнения. Она идет не только медленно, но и не по правильному пути. Нельзя не обратить внимание на очень трудное экономическое положение России, и кроме того, заставляют задуматься также и центробежные устремления некоторых частей ее (Латвия, Эстония, Литва, Молдавия)... Насколько это движение сильно и кто его поддерживает? Сильна ли власть, чтобы это остановить?

Не делается ли перестройка на гнилом фундаменте? До сих пор не отошли от лозунга ленинизма-марксизма. — Сейчас политика такая: были у нас Сталин с его преступлениями, были Брежнев с Сусловым, были даже у Ленина легкие ошибочки, были преступления и море крови... Но где-то там, в таинственной послеоктябрьской дали все было задумано прекрасно, и мы к этому замечательному возвращаемся и станет еще прекрасней.

Но забывают, что Сталин и К° — это только наследники Ленина. ЧК основал Ленин, концлагеря начались при Ленине, гонение на церковь началось при Ленине. «На Россию мне наплевать» — слова Ленина, «социалистическая мораль», где все дозволено, если это выгодно для партии — это ввел Ленин и т. д. и т. п. Всю политику воинствующего коммунизма начал Ленин. Диктатура пролетариата через диктатуру партии — идея Ленина.

Восхваляют Кирова, расстрелявшего почти все архангельское духовенство. А Калинин? Не он ли был уполномочен и провел «Шуйское дело» в 1922 г.? А сам Горбачев выдвинулся на руководящие посты в Москве в самый апогей групповщины, кумовства и келейных речей — неужели ему удалось всего этого избежать?

Правы были Оболенский (фигура далеко не такая комическая, как многим показалось) и Сахаров, когда предложили отменить 6-ю статью Конституции, ведь она перечеркивает любую инициативу, осуществляемую вне партии, помимо нее.

Передайте Оболенскому, раз вы вместе работаете, что его имя известно здесь и ему аплодирует национальная русская эмиграция.

До сих пор и Церковь не освободили от старых законов; да, отдают церкви, да, служат торжественные службы, но все это под контролем партии, юридическое лицо Церкви не признано, и выставку русских икон в Ватикане устраивает не Церковь, а Министерство культуры.

Самое ужасное — это центробежные силы, может произойти раскол России, вместо великой державы окажется ряд мелких ничего не значащих государств. Что об этом думают власти? Что об этом думает народ? Но всем уже надоел ленинизм-марксизм, все хотят нормальной жизни, как вы пишете — хотят нравственного возрождения нации. Но она возможна только при отходе от ленинизма — при отмене 3-й статьи, при обнародовании закона о свободе мыслей, свободе политических партий. Да, возникнут ссоры, разные мнения, при 200 млн. населения России не может не быть разных мнений; но из споров, столкновений выкуется здоровое начало, национальное мнение и национальная истина.

Об этом можно много писать.

Пишу, потому что это меня как русского волнует и хочется, наконец, спокойной счастливой жизни на моей родине.

...Черкните в ответ пару слов и если считаете, что я не прав, то напишите свое мнение. Вам многое видней, чем нам за границей, питающимися часто ложными сведениями.

Искренне Ваш.

А. ЛЕРМОНТОВ.

Елена ДУНАЕВСКАЯ.

И дирижер склонился к партитуре,
И, кажется, не все сошли с ума...
Как памятник исчезнувшей культуре,
Классическая русская зима.

И зеркало в неимоверной раме
Серебряной проходишь ты насквозь,
И прежний свет струится над полями,
Где хлябь, и кровь, и шпалы вкривь да вкось...

РИСУНКИ ОЧЕВИДЦЕВ

10-го апреля 1990 г.

Глубокоуважаемый Профессор Лазутин!

К сожалению не знаю Вашего имени и отчества. Ваше письмо и копию газеты «Котлован» я недавно получил с оказией.

«Котлован» я прочел с большим интересом и теперь передаю его моим друзьям и знакомым.

Вы делаете огромную и полезную работу по увековеченню памяти жертв зверской диктатуры. У нас, за рубежом, после Отечественной войны, оказались чудом спасшиеся бывшие заключенные лагерей и тюрем. Они даже публиковали небольшой журнал и у них было общество бывших политических заключенных. Однако время берет свое и теперь почти никого не осталось в живых. Были опубликованы статьи и очерки с воспоминаниями этих несчастных. Художники рисовали и писали картины, изображающие заключенных. Это делалось свидетелями, пережившими высылки, аресты, голод в лагерях. Посылаю Вам копии четырех таких рисунков. Думаю, что они представят интерес. Вряд ли в России есть сейчас очевидцы, которые могут создать такие картины и рисунки. Если пожелаете, то можете их воспроизвести в «Котловане». Ведь фотографий этих печальных событий нет. Это наш своеобразный зарубежный «Мемориал».

В конце 40-х и в начале 50-х годов здесь были разговоры о создании памятника жертвам диктатуры. Прилагаю также копию фотографии проекта такого памятника, который был предложен покойным С. Г. Корольковым, донским казаком, талантливым скульптором и иллюстратором («Тихий Дон» Шолохова). Теперь вопрос о создании такого памятника снова поднят.

Среди моих многочисленных родственников пострадавших и погибших в минувшем лихолетьи — мой тесть, Владимир Васильевич Карпека, профессор римского права Киевского университета Св. Владимира. Моя жена узнала из журнала «Звезда» за февраль месяц прошлого года, что ее отец, осужденный по вымышленному обвинению и приговоренный к 10 годам тюремного заключения был расстрелян 11-го сентября 1941 года в орловской тюрьме. А обвинялся он в том, что стоял во главе группы, которая была создана для того, чтобы взорвать киевский цепной мост через Днепр. Кстати, в журнале «Звезда» его фамилия напечатана неправильно, он назван Карпенко. Теперь у меня к Вам просьба: не можете ли Вы мне сообщить адрес общества «Мемориал» и фамилию его председателя в г. Орле. Моя жена хочет туда обратиться с рядом вопросов о своем отце. Моя покойная теща, отбывшая 12 лет лагерей, вернувшись в Киев, добилась реабилитации своего мужа и самой себя.

Я лично буду Вам крайне признателен, если Ваша организация будет посылать мне «Котлован», а также другие подобные издания. «Котлован», копию которого я получил, посвящен «Неделе памяти спецпереселенцев» (ноябрь 1989 г.).

По профессии — я геолог, теперь «профессор эмеритус».

Всего Вам наилучшего, искренне Ваш.

Е. АЛЕКСАНДРОВ.

С. Г. КОРОЛЬКОВ. СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

ЗА ЧТО?

Уважаемые работники «Мемориала», пишет Вам Яковенко Иван Федорович. Мои родители — крестьяне из станицы Ново-Бейеугская Краснодарского края — занимались земледелием. У них было 6 детей. Землю обрабатывали своими силами. Был дом, сарай для сельскохозяйственного инвентаря, амбар, лошади, корова, овцы, куры, утки. Сдавали все поставки, которые были положены государством.

В 1930 г. в конце января ночью арестовали папу, увезли в районную тюрьму. На 3-й день после его ареста, нам объявили о высылке и поставили охрану, потом приехали подводы за нами. Мама была без сознания, ее бросили в телегу. Мы, конечно, бросились к ней. Было не до вещей — так, кто-то побросал что попало на телегу и по команде поехали со двора. А по улице уже везли на других телегах людей под конвоем.

Привезли в Кореновку, там были поданы телячьи вагоны. Нас туда столько напихали, что сесть негде было. Когда кончилась погрузка всего состава, привели наших отцов. Вот тут-то и было слез и крика. Закрыли дверь, дали нам в вагон ведра-параши. Охрана заняла свои места на тормозных площадках. Куда везут никто не знал. Один раз в сутки на станциях давали горячую похлебку.

22 февраля нас привезли на Урал, селение Богослав. Там кого куда разместили. На 4-й день всех трудоспособных забрали в лес для постройки себе жилья, отправили за 35 километров пешком, а морозы —42°. Когда построили — забрали свои семьи. Постройки были из сырых бревен, небольшие.

Папа работал на сплаву бревен на реке Гура, а мама на заготовке дров. Мы старались маме помогать. Пищу готовили на улице, а в бараке стояла маленькая буржуйка на всех.

В августе 1930 года нескольким семьям из нашего поселка объявили срочно уезжать домой. Этому были беспредельно рады. За нами прислали подводы, повезли в Богослав и там собрали много семей в большую церковь. Дали команду грузиться в телячьи вагоны. Повезли нас без охраны, все были рады — едем домой. Когда доехали до станции Буй, поставили охрану.

Так нас и привезли на 13-й километр в Хибины. Налево от железной дороги стояли большие шалманы, обитые толью, а направо — жили заключенные. Поселили нас так плотно, что если встал, то уже не ляжешь. Работали в основном на рудниках, поселок Кукисвумчорр. Грузили в вагоны руду вручную, работа очень тяжелая. А после основной работы работали по доставке со станции Нефелин на Центральный склад продуктов.

В 1931 году мама заболела, проболела два с половиной месяца и умерла 9-го марта. Мне пришлось устраиваться на работу, курьером в домоуправление. Мне было 14 лет, но меня взяли.

После основной работы строили себе дома. Мы получили комнату 12 квадратных метров, это было отлично. В 1933 году отца 28 апреля арестовали ночью и увезли в Ленинград, в тюрьму. Мы остались без родителей. Нас четверо, я самый старший — 15 лет, сестра — 12 лет, братья 9 и 6 лет. За время отсутствия отца нам было вообще невозможно жить: и холод, и голод. Ребята заболели и умерли, но люди в это время старались как-то помочь друг другу, наверное потому, что у всех была одна судьба, одно горе.

Впрочем были и «льготы». Работали и выполняли одну и ту же работу, но спецпереселенцам платили зарплату мизерную, из нее первые 2 года удерживали 25%, а позже 15%. Вольнонаемные получали гораздо больше, да еще полярные им платили, отпуска больше, путевки в дома отдыха и санатории, а нам отпуск 12 дней без выезда. За регистрацию брака с нас брали 15 рублей, а с вольнонаемных 3 руб. А за что такое наказание?

В 1937 году 29 апреля отца снова арестовали. Долгое время неизвестно было куда его отправили. Только в 1957 году получил на него реабилитацию. Справка Н 775. Постановление от 13.XII-57. Неизвестно где он захоронен.

Где-то перед войной было постановление: сын за отца не отвечает, если сын родился после 1914 года. Я попал в это число и получил паспорт. Началась война. Я свою семью отправил в эвакуацию в Архангельскую область, а меня призвали на защиту Родины. Карельский фронт, 19-ая армия. После победы над немцами, отправили на японскую войну. Закончил в 1946 году. По отзыву комбината «Апатит» я приехал в Кировск и продолжал работать в системе комбината.

В 1967 году пошел на пенсию и уехал в г. Лугу, Ленинградской области, где построил кооперативную квартиру. В настоящее время все выплачено, но даже прописать родного сына или дочь не могу. И здесь репрессия не кончилась!

До свидания.

С большим уважением к вам Яковенко И. Ф.

Наш адрес: 184200, Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. ПН-03167. Заказ 5118. Тираж 3000 экз. Ответственная за выпуск П. Беспрозванная.

ГУШАМАТЯН
АРМЯНСКОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ГУШАМАТЯН»

Армянское историко-просветительское общество «Гушаматян» считает необходимым привлечь внимание общественности страны к ставшему перманентным использованию спецподразделений внутренних войск для решения политических проблем, возникших в различных регионах страны, в частности в Армении и в НКАО.

Закрепленный в законодательной системе страны тоталитарный механизм, обеспечивающий лишь одностороннюю обязанность граждан по отношению к государству, продолжает действовать и сегодня в принятых Верховным Советом СССР законах. Так, применение закона о чрезвычайном положении в НКАО по сути дела привело к подмене местных властей военным командованием, которое безнаказанно попирает гражданские права армянской части населения и создает условия для их насильственной репортации. Немотивированные обыски, аресты, избиения, подчас беспричинная стрельба по мирным жителям-армянам, в результате которой увечья и смерть, блокирование дорог, постоянные срывы воздушных сообщений области с Арменией — вот неполный список действий военного руководства по «стабилизации обстановки» в НКАО. Направленность этих действий однозначна: решить проблему Карабаха изгнанием из него армян, хотя согласно пункту 7 Постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. о нормализации обстановки в НКАО недопустимы изменения демографической ситуации в области. А шестым пунктом того же Постановления предусмотрено подчинение внутренних войск контрольно-наблюдательной комиссии Верховного Совета СССР. Однако на мартовском пленуме ЦК КП Азербайджана Муталибов выступил за «необходимость поставить вопрос о соподчиненности внутренних войск в НКАО республиканскому оргкомитету, чтобы не терять время на всевозможные согласования». С молчаливого согласия Центра мысль эта в сущности реализована, за что и военный комендант НКАО Сафонов и его подручные заслужили недавно полученные от руководства Азербайджана награды. Между тем рядовой состав спецподразделений генерала Сафонова объявил голодовку протеста по поводу их использования против мирного населения. Этот состав незамедлительно был заменен.

Несколько иной характер носит использование военных сил и средств для контроля над политической ситуацией в Армении. Здесь преднамеренно не обеспечивалась безопасность жителей приграничных районов республики, которые систематически подвергались вооруженным налетам с азербайджанской стороны. Положение обострилось вследствие разрушения государственной границы СССР на территории Нахичеванской АССР и провоза большого количества оружия из-за границы. Необходимость защиты своих соотечественников привела к образованию в Армении народного ополчения, а вместе с ним и возможности для различных провокаций, которыми можно оправдать любые карательные действия властей, как местных, так и центральных. Так в конце мая, когда на выборах стали побеждать демократические силы, было спровоцировано столкновение между внутренними войсками и ополченцами. В итоге гибнут невинные гражданские лица, страдают призванные не по своей воле в ряды спецподразделений МВД солдаты русской и других национальностей, которым высшее руководство страны предназначило незавидную роль карателей.

Становится очевидным, что нагнетание обстановки и вооруженные провокации входят в замысел тех, кто за все эти перестроечные годы пресекает всякую попытку решения национальных и других политических проблем на основе принципов международного права и соблюдения прав человека и народов.

Правление общественного Совета «Гушаматян» (Мемориал).

Открытое письмо Президенту СССР М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Рабочая коллегия Всесоюзного общества «Мемориал» считает необходимым обратиться к Вам в связи с президентским Указом от 25 июля с. г. «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения».

Являясь массовым движением, отвергающим насилие во всех его формах и стремящимся к построению гуманистического правового общества, «Мемориал» не может не разделять Вашей озабоченности возникновением в стране самочинных вооруженных формирований. При менее сложной правовой и политической обстановке издание и проведение в жизнь подписанного Вами Указа были бы вполне оправданы. Однако в настоящей ситуации при применении этого Указа важно, на наш взгляд, учитывать следующие факторы:

— Непосредственной причиной возникновения многих вооруженных формирований стало чувство незащищенности, возникшее у населения в ходе межнациональных столкновений последних лет. К сожалению, в отдельных регионах страны ни центральная, ни местная власть не сумели обеспечить безопасность граждан. Напротив, введение чрезвычайного положения в ряде районов сопровождалось актами насилия и произвола со стороны военных;

— Правовой вакуум, возникший в результате осознания обществом недееспособности прежних структур власти, трудного процесса выработки новых форм государственного устройства, породил в общественном мнении ощущение переходности текущего периода. Значительная часть общества разделяет убеждение в необходимости пересмотра государственного устройства и разработки нового Союзного договора. Отсюда психологически объяснимое сомнение в легитимности тех решений центральной власти, которым, по нашему мнению, следовало бы быть не началом, а итогом нормализации.

Несомненно: к нормализации ведут политические, а не силовые решения. Во взрывоопасных регионах можно было бы использовать позитивный опыт мирных инициатив, предпринятых в сфере международных отношений. Этот опыт показывает, что оптимальный путь мирного урегулирования конфликтных ситуаций — организация переговоров с привлечением всех заинтересованных сторон. Особо ответственную роль в этом процессе призваны сыграть представительные органы существующих национально-государственных образований. Союзное правительство при их поддержке могло бы стать инициатором мирных конференций. Это укрепило бы его авторитет, обеспечило бы гарантии достигнутых соглашений, в которые непременно входило бы и разоружение формирований, действующих в обход союзных и республиканских законов.

Конечно, на время политических переговоров следовало бы призвать все существующие вооруженные формирования к достижению единственной цели — сохранению общественного порядка. Такой шаг привел бы к изоляции экстремистских группировок и укрепил бы авторитет центральной власти. Применение силы в отношении террористов было бы в этом случае оправдано и понято общественностью как действие, необходимое для обеспечения безопасности населения, защищенности человеческой жизни.

Если нормализацию сложившейся ныне остановки начать с применения силы, то, думается, это будет чревато катастрофическими последствиями: оратоубийственной гражданской войной, вспышками терроризма, волнениями среди населения регионов, непосредственно пока не вовлеченных в межнациональные конфликты.

В связи с вышеизложенным, мы настоятельно призываем Вас, Михаил Сергеевич, в качестве первого шага наложить мораторий на применение силы при реализации Устава от 25 июля с. г. и незамедлительно приступить к подготовке переговоров в интересах политического урегулирования вооруженных конфликтов.

6 августа 1990 г.

Рабочая коллегия Правления Всесоюзного добровольного историко-просветительного общества «Мемориал».

Рабочая коллегия Правления общества «Московский Мемориал».

Т. Турсунов.

Я выступаю по поручению общества «Родина» турок-месхетинцев. Прошу помочь в решении вопроса. Прошел год со дня ферганских событий. Это уже второе изгнание нашего народа (1-ый раз — в октябре 1944 г.). 105 тыс. беженцев из Узбекистана до сих пор разбросаны по районам России на Северном Кавказе, в Азербайджане. У многих нет прописки, работы, талонов на продукты и т. д. Люди в отчаянии.

В Грузии наш вопрос не решают, хотя там, где жили наши предки, до сих пор пустует 84 селения. 80% земли там не засеяно, а раньше сдавали десятки тысяч тонн хлеба.

Если наш вопрос не будет решаться, мы собираемся идти в Грузию и просить о поселении.

А. Штейнберг (Тбилиси)

Грузия месхетинцев принять не то что не хочет, она их не может принять. Попытаюсь объяснить почему.

Мы часто слышим — «турки-месхетинцы» — и это трагическое недоразумение. Обратимся к энциклопедии и недавней истории. 1-е издание БСЭ (1926—41 г.): «Месхи — одно из основных племен грузинской народности, коренное грузинское население Ахалцихского района... После турецкого завоевания XVI века большая часть месхов приняла ислам». По договору 1921 года с Ататюрком Советское правительство обещало туркам соблюдать права мусульман Закавказья, поэтому в Месхетии начиная с этого времени были введены азербайджанские школы, азербайджанские учителя, секретари райкомов назначались исключительно из Азербайджана. Месхи стали двуязычными и оставались такими до 1944 г., пока их не выслали в Узбекистан.

То есть, месхи — это отуреченные грузины и вплоть до II мировой войны в этом никто не сомневался. У большинства месхов грузинские фамилии, но в Узбекистане многие из них поменяли свои фамилии на мусульманские.

А сейчас немногие грузины знают кто такие месхи. Настойчивое повторение термина «турки-месхетинцы» только вредит делу. У нас идут митинги под лозунгами «Ни одного турка на грузинской земле». И те, кто выступают в их защиту, объявляются врагами нации.

Я. Этингер.

«Одна из важнейших задач общества «Мемориал» — борьба против любых форм проявления расизма, национализма, шовинизма. Не случайно, что в рядах Всесоюзного «Мемориала» представители почти всех национальностей Советского Союза. Может быть, это одна из немногих общественных структур, которая носит действительно интернациональный характер.

И меня, откровенно говоря, очень огорчила реплика из зала насчет двух грузин, которые продавали в Красноярске портреты Сталина. В нашей аудитории выслушивать такие вещи крайне неприятно. Да, я допускаю, что двое грузин, даже, может быть 15, могли продавать портреты Сталина. Но я хотел бы вам напомнить, что более 75 тысяч грузин были репрессированы в те годы — вся грузинская интеллигенция, грузинское дворянство и крестьянство.

В прошлом году, по инициативе небезызвестной Нины Андреевой в Гори было создано общество «Сталин». Но и ссылка на Гори ни о чем не говорит и отнюдь не бросает тень на Грузию и на грузинский народ.

Проблема же месхетинских турок действительно чрезвычайно сложная.

Но позиция «Мемориала» в этом вопросе однозначна. Мы выступали и выступаем за возвращение всех — и крымских татар, и немцев Поволжья, и месхетинских турок — на их историческую родину».

КАРЕЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ

Идея создания общества «Мемориал» в Карелии возникла осенью 1988 г., но инициативная группа приступила к работе лишь весной прошлого года. Преподаватель кафедры всеобщей истории Петрозаводского госуниверситета Ирина Такала и автор этой статьи решили объединить всех занимающихся исследованием судеб репрессированных на территории Карелии.

К осени 1989 года уже сформировалась группа заинтересованных людей, среди которых оказались работники местного краеведческого музея, врачи, инженеры, студенты университета, дети и внуки репрессированных. Присоединились к «Мемориалу» и финны-«трудармейцы», сосланные наряду с другими «сомнительными» нациями, проживавшими в стране, в трудовые колонии НКВД. Координаторскую работу в группе взял на себя известный в республике собиратель материалов о строительстве ББК в 1931—1933 гг., подполковник милиции Иван Чухин.

В результате, в начале апреля этого года в Петрозаводске состоялась учредительная конференция Карельского добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», а 18 июня на состоявшемся заседании Президиума Верховного Совета Карельской АССР был утвержден устав общества. Избрано пять сопредседателей: народный депутат И. Чухин, историк И. Такала, учитель В. Паасо, врач А. Божко и инженер П. Вуори. В состав Правления вошли представители районов республики, деятели республиканского Фонда милосердия и здоровья, народный депутат Карелии, благочинный Оловецкой епархии отец Мануил, журналисты, профессиональные и самодеятельные исследователи «темных пятен» истории нашей страны.

За сравнительно небольшой срок Карельский «Мемориал» успел уже что-то сделать. «Неделя памяти», проведенная обществом в начале апреля, включала экспозицию («История репрессий в республике», и лекции по различным направлениям исследовательской деятельности, например: «От ВЧК до НКВД» (В. Паасо), «История красных финнов» (Э. Лахти и П. Вуори), «Процесс Академии наук СССР» (Ф. Перченок, Ленинград). Многочисленные радиопередачи и газетный материал вызвал в республике значительный резонанс, отголоски которого были слышны и за рубежом.

Состоялись встречи с финской писательницей Инкери Кильпинен, интересующейся судьбой ингерманландских женщин, волею злого рока оказавшихся выселенными в Сибирь; с ученым Отсо Кантокорпи, изучающим судьбу финского эмигранта, философа и ученого Ивана Ласси; с молодым исследователем из штата Вермонт, США, Дэвидом Хосфордом, собирающим материал об американских финнах-переселенцах. Несколько лекций прочитал Дмитрий Юрасов. Одна из лекций профессора Миннесотского университета Дулута Роя Хувери была посвящена истории финской и русской иммиграции в северные штаты среднего Запада США.

Ведется «Мемориалом» и практическая работа по поиску мест захоронений жертв карательных акций 30-х годов. Так, 8 мая в восьми километрах от Пудожа на месте расстрела был открыт памятный знак. Архимандрит отец Мануил отслужил панихиду по убиенным, выступил и сопредседатель «Мемориала» Иван Чухин.

В течение 20 дней в июле поисковая группа работников краеведческого музея и членов «Мемориала» вела исследовательскую работу по южному склону Беломорканала, а с 25 июля по 5 августа членами Фонда социальных инициатив СССР из Москвы велась работа от Сегежи до Беломорска и материалы своих исследований «Экспозиция ГУЛАГ» ученые обещали передать Карельскому «Мемориалу».

Карельский «Мемориал» предложил создать музейный комплекс, который стал бы одновременно и памятником репрессированным, в здании Петрозаводского следственного изолятора, поскольку здание напрямую связано с трагическими событиями 20-х, 30-х и 40-х годов.

Народный депутат СССР из Олонца Станислав Пильников, выполняя наказ своих избирателей, обнаружил сталинский приказ, принятый в январе 1942 года о направлении в трудовые лагеря немцев, финнов, итальянцев, румын — жителей СССР. Эти люди, репрессированные до 1946 года, а затем отправленные в спецпоселения, официально не реабилитированы. Чтобы это сделать, надо сначала обнародовать документы, согласно которым они были репрессированы. Народный депутат принимает все меры, чтобы обсудить этот вопрос защиты прав «трудармейцев», на 4 сессии Верховного Совета СССР.

Журнал «Карелия», издающийся под этим новым названием на финском языке в Петрозаводске, в следующем году начинает публикацию мартиролога репрессированных финнов в Карелии.

«Мемориал» работает, но ему нужна и помощь. Нужны энтузиасты, нужны воспоминания немногих оставшихся в живых бывших репрессированных, нужны средства для издания будущей газеты «Мемориала», нужно в конце концов помещение для «Мемориала». Пока же хочется сказать большое спасибо всем самоотверженным людям, которые посвятили свою жизнь делу сохранения памяти, делу восстановления исторической правды.

Виктор ПААСО,
сопредседатель Карельского «Мемориала».

РАСКОПКИ ВОЗЛЕ КРЕМЛЯ

Председатель КГБ Крючков, выступая по телевидению, заявил, что, по документам КГБ, в 1937—38 годы репрессировано чуть более 1 млн. человек, расстреляно — 600 тыс. человек.

Но есть и другие данные. Р. Медведев называет следующую цифру: только в Москве в 37—38 годах ежедневно расстреливали до тысячи человек.

Вспомним о том, что НКВД функционировал в любом областном и даже районном центре, и везде шли расстрелы. Беглый подсчет показывает, что в целом речь идет о десятках миллионов жертв. Сегодня практически во всех областных центрах открыты могильники жертв репрессий. В Москве таких мест несколько.

В июне я планирую начать с большой командой профессионалов раскопки невдалеке от Кремля. В насыпи, спускающейся от стен белокаменного Ново-Спасского монастыря, находится многотысячное захоронение руководящих деятелей международного коммунистического движения, расстрелянных в 30-е годы. Среди них югославы Милан Бортич, предшественник Тито, Филипп Филиппович, один из первых создателей партии, Джура Маркович, Владимир Чопич (персонаж романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»), трое из четверых братьев Вуевич, работавших в Коминтерне и другие. Там захоронены 9 членов Политбюро Польской компартии, в том числе Варский, имя которого носит судоверфь в Гданьске, где зародилась «Солидарность»; секретарь ЦК КП Румынии Доброджану, венгр Бела Кун и многие другие. В этом могильнике тела женщин и мужчин, с пулевыми отверстиями в черепах, сброшены друг на друга, либо голые, либо в исподнем белье.

Так в самом центре Москвы существовал как бы методический центр репрессивной машины. До 1963 года в церкви Ново-Спасского монастыря хранились сверхсекретные архивы НКВД, и только под давлением общественности они вывезены оттуда.

На склоне должен быть разбит палаточный лагерь, будут копаться шурфы. В работе примут участие криминалисты, судебные эксперты, ученые, археологи, будут использованы биолокаторы. Судебно-медицинская экспертиза РСФСР поможет в создании лаборатории, в которой с помощью компьютерной техники будет идти работа по воссозданию изображений лиц на основе данных изучения черепов. Результаты мы опубликуем, и возможно людей, чьи останки обнаружены нами, узнают. Это позволит нам ускорить выяснение правды, до сих пор скрываемой КГБ.

Когда нам говорят, что документов нет, — их скрывают. Справки о том, кто где захоронен, обнаружены, например, в Черниговском КГБ, а также в Орле. Не может не быть их и в Москве, но путь к ним перекрыт теми, кто не хочет выдавать своих, ведь могут вскрыться дела генерал-лейтенантов в отставке. Хотят дотянуть до появления закона об архивах, а на это у нас может уйти лет 10—20...

Сейчас все раскопки подобных захоронений проводятся за счет пожертвований добровольцев. Стыдно, когда партия и КГБ делают вид, что это их не касается. На всех документах «троек» первая подпись — секретаря обкома или горкома партии, вторая — наркомвнудела республики или уполномоченного НКВД области, третья — прокурора. Значит, если ты был инициатором убийства лучших представителей собственной партии, то изволь сегодня выделить средства, чтобы почтить их память, принести публичное покаяние, которое показало бы всему народу, что партия осознала свою вину, просит о прощении и готова принять участие в создании памятников.

А. МИЛЬЧАКОВ.

Дьявольское зеркало беззакония

Завершается очередной этап работы по реабилитации советских граждан, безвинно пострадавших в 30-х, 40-х и начале 50-х годов. Восстановлена справедливость и правда в отношении многих тысяч наших соотечественников. Сейчас уже ни для кого не является секретом, что Хибинский горнопромышленный комплекс начинали строить спецпереселенцы, а затем их работу продолжили узники ГУЛАГа.

Сегодня вряд ли кто может сказать, где и сколько лагерей находилось на территории нашего района, слишком много времени прошло с тех пор. Но, в конце концов, ценой неимоверных усилий на суровой Кольской земле был построен город Хибиногорск, переименованный затем в Кировск, и комбинат «Апатит».

Вокруг города появлялись все новые и новые поселки, развивалась инфраструктура района. Строители комбината стали и его первыми рабочими. К нашему великому сожалению мы не знаем и наверное уже никогда не будем знать какими человеческими жертвами было заплачено за освоение Хибин. Ведь город и комбинат строили так называемые «враги народа», жизнь которых ничего не стоила, и скорей всего никакой статистики в то время не велось.

Все документальные материалы в отношении этих людей, если они конечно сохранились, должны находиться в архивах ГПУ-НКВД-КГБ тех местностей, откуда они были высланы или где арестованы.

Мне довелось участвовать в работе по пересмотру архивных уголовных дел наших земляков, арестованных и судимых внесудебными органами ОГПУ—НКВД. Сразу же хочу сказать, что целенаправленным поиском занимались многие, если не все сотрудники УКГБ СССР по Мурманской области. Работа эта велась параллельно с основной, никто не считался с личным временем; делалось все, чтобы завершить ее как можно быстрей, так как мы прекрасно понимали, что это необходимо самим репрессированным, даже если их и нет в живых, их родственникам и близким.

Читателя наверняка заинтересует: так что же все-таки испытал современный человек, тем более нынешний сотрудник органов КГБ, беря в руки архивные уголовные дела тех лет. Скажу честно — возмущение и подавленность, жгучую боль и кричащую обиду за свой народ, за страну, за Россию. Ведь в этих делах как в дьявольском зеркале сфокусировалась вся та атмосфера беззакония и произвола, шпиономании и мракобесия, царившая в то время в государстве, созданном «вождем всех времен и народов».

Через мои руки прошли десятки уголовных дел того времени и почти все они как близнецы похожи друг на друга: постановление об аресте, ордер на арест, анкета арестованного, протокол допроса на 3—4 листах, в котором следователь настойчиво предлагает подследственному сознаться в несуществующих преступлениях, обвинительное заключение, выписка из протокола заседания тройки или особого совещания, копия приговора, дело начато 23 марта 1937 года — окончено 27 марта 1937 года. Вот и все, а дальше по этапу в лагерь или расстрел.

Репрессивная машина работала со все возрастающей скоростью, не хватало кадровых сотрудников НКВД для производства допросов арестованных, привлекали к ведению следствия лиц, просто не имеющих никакого отношения к правоохранительным органам. Так, например, мне попался на глаза уникальный протокол допроса арестованного. С виду вроде бы обычный протокол, да вот только под ним стояла одна приписка: «Допрос произвел курсант 2-го курса военного училища им. К. Е. Ворошилова, ф .и. о.».

Всякий раз, когда заходит разговор о том времени, я ловлю себя на мысли: «Отдавали ли себе отчет сотрудники НКВД в том, что фабрикуя подобные дела они обрекают тысячи безвинных людей на смерть, на мучительную жизнь в лагерях, или действительно считали, что имеют дело с настоящими врагами Советской власти?» Если понимали, что творят не правое дело, почему же тогда они делали это, какой дамоклов меч висел над ними: страх самому оказаться на месте подследственного или что-то другое? Глубоко убежден в том, что не все чекисты, однажды вступив в сговор со своей совестью, превратились в бездушных роботов, слепо выполняющих волю Сталина и его ближайшего окружения. Двадцать тысяч сотрудников НКВД было репрессировано в 1934—1939 годах и абсолютное большинство из них не имело ничего общего с Ягодой, Ежовым, Мироновым, Меркуловым, Гаем. Сегодня, когда мы отдаем дань памяти многим тысячам наших соотечественников, безвинно пострадавшим в годы сталинских репрессий, необходимо всегда помнить и об этих людях, сумевших устоять перед бесчеловечной государственной системой и сохранить честь и достоинство даже ценой собственной жизни.

Процесс политической и правовой реабилитации безвинных людей и участие в нем КГБ выражает, по-существу, бескомпромиссное осуждение нынешним поколением чекистов злодеяний сталинизма и его исполнителей. Открытое осуждение сотрудниками госбезопасности беззаконий того времени и людей, которые их совершали, укрепляет веру в справедливую историческую оценку деятельности сегодняшних работников, придает им уверенность в необходимости для государства и народа их труда, противостоит попыткам определенных сил в нашем обществе затолкать их на один «пьедестал» с НКВД.

Уверен, что происходящий в нашей стране процесс демократизации никогда больше не позволит использовать правоохранительные органы в противозаконной, антинародной деятельности и только законы гуманного демократического государства будут вправе определять ответственность людей перед обществом.

С. Ю. РЫБКИН,
сотрудник Апатитского горотдела УКГБ СССР по Мурманской области.

А. Куликов (Хабаровск)

Места захоронений в нашем городе были спрятаны с дьявольской изобретательностью. С помощью КГБ удалось установить, что рвы с останками расстрелянных находятся на глубине 3,5 м... под новым кладбищем. 30 апреля на этом месте было начато строительство памятника-часовни на народные деньги.

КГБ: «ЗАКОН — ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ НАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

У «Мемориала» к КГБ отношение двойственное. С одной стороны мы видим в нем прямого наследника НКВД сталинских времен. Конечно, разница огромная, но поверить в то, что на Лубянке от старого остались только стены, мы не можем. Перейдет ли КГБ под полное и гласное управление Советами — один из ключевых вопросов времени.

С другой стороны в исторических трудах «Мемориала» КГБ — ценный источник информации и потенциальный помощник. В разных областях страны этот потенциал реализуется по разному, и оценки взаимодействия местных обществ «Мемориала» с КГБ звучат разные — от полного взаимопонимания до конфронтации.

Мы предпочитаем беседу, она лучше, чем конфронтация. Такая беседа активистов Хибинского общества «Мемориал» с сотрудниками Апатитского горотдела Управления КГБ СССР по Мурманской области состоялась 2 июля 1990 года. Проходила она в форме распространенного сейчас «круглого стола».

Вопросы *Владимиру Павловичу Лосеву*, начальнику Апатитского горотдела и *Сергею Юрьевичу Рыбкину*, сотруднику этого подразделения КГБ, занимающемуся пересмотром дел граждан, репрессированных в 30—50-е годы, задавали *Л. Л. Лазутин — председатель Хибинского общества «Мемориал», А. Н. Штейнберг, Г. В. Петренко, Е. Г. Балаганская, М. М. Зархин, В. А. Желанов, В. П. Козелов.*

А. Штейнберг: Имеются ли безымянные захоронения жертв репрессий в нашем районе?

В. Лосев: Сведений о конкретных местах захоронений репрессированных, к сожалению, не имеется. Мы продолжаем поиски в этом направлении. В поисковой работе необходимо учитывать архивы других правоохранительных органов и, безусловно, сохранившихся старожилов. Предпринимаемые нами усилия дают положительный результат: двое жителей нашего района узнали, что их репрессированные родители захоронены под Ленинградом.

В. Козелов: Чем объясняется возможность поисков такой информации в архивах МВД?

В. Л.: Из истории органов НКВД известно, что в это ведомство входили как органы госбезопасности, так и милиции, которые то соединялись, то разъединялись согласно своим функциям. Ну, а архивы, в зависимости от конкретной ситуации, могли переходить или оставаться в той или иной реорганизованной структуре.

Л. Лазутин: Насколько исчерпывающим является список репрессированных жителей нашего региона, публикуемый сейчас «Кировским рабочим»?

С. Рыбкин: Полностью. Из 2300 человек, репрессированных внесудебными органами, дела которых пересмотрены в Мурманске в 1989 году, в этот список включены все, кто в 30—50-е годы был арестован на территории нашего района.

В. К.: Где находятся дела заключенных, попавших в наши края этапом из других областей?

В. Л.: Они остались в тех территориальных органах НКВД, которые производили аресты.

Л. Л.: Можно ли проследить судьбу людей, арестованных здесь и отправленных отбывать наказание в другие места?

С. Р.: Не всегда. Иногда в делах встречаются пометки: «сослан в Казахстан сроком на 5 лет», «передан в АМУРлаг», «отправлен в лагерь №...», но такие пометки не всегда успевали делать.

Л. Л.: А вам, сотрудникам КГБ, разрешается вступать в «Мемориал»?

В. Л.: Не запрещается. Но я предпочитаю активную работу, приносящую практическую пользу «Мемориалу», а не формальное членство.

Л. Л.: Каковы временные рамки арестов органами НКВД граждан нашего региона?

С. Р.: По известным мне данным, первый арест приходится на 1931 год и произведен Хибиногорским районным отделением ОГПУ по Ленинградской области, последний — в 1951 году уже Кировским РО МГБ.

Г. П.: А были оправдательные приговоры?

С. Р.: Были, но очень мало.

Е. Балаганская: Привезенные сюда крестьяне-переселенцы регулярно отмечались в комендатуре в учетных карточках. Где сейчас эти карточки? Это важно для документального подтверждения, что конкретное лицо является спецпереселенцем. Сейчас это людям может понадобиться.

В. Л.: Мы не готовы сейчас дать какой-то определенный ответ, но постараемся выяснить все по существу этого вопроса в самое ближайшее время.

А. Ш.: Располагаете ли вы данными о людях, преследовавшихся после 1953 года?

В. Л.: По нашему региону таких данных нет.

В. Желанов: Насколько справедливы высказывания бывшего генерала КГБ О. Калугина о том, что КГБ внедряется в общественные организации?

В. Л.: Не скрою, что нам, как всем советским людям, небезынтересна деятельность неформальных общественных организаций чисто в человеческом плане, в условиях изменений в политической системе нашей страны. А с профессиональной точки зрения в нашей компетенции находятся вопросы защиты советского конституционного строя и, в частности, предупреждения и пресечения противозаконных экстремистских проявлений. Подобных действий со стороны наших районных неформальных общественных объединений до настоящего времени не было и, надеемся, не будет. В обсуждаемом плане каких-либо претензий к нашему подразделению КГБ со стороны неформальных организаций с момента их образования и по настоящее время также не было.

В. К.: Есть ли в вашем ведомстве хоть один беспартийный сотрудник?

В. Л.: Все сотрудники нашего подразделения члены КПСС.

В. К.: Теперь, в условиях многопартийности, как вы представляете переориентацию ГБ с защиты интересов одной партии на защиту интересов государства, общества?

В. Л.: В недалеком прошлом довольно явно просматривалась в некотором роде монополизация КПСС над деятельностью органов КГБ, хотя были и другие формы контроля и влияния, в том числе со стороны органов прокуратуры, Совета министров СССР, финансов, Верховного Совета СССР. Теперь согласно Конституции СССР в нашей стране действует многопартийная политическая система. В связи с этим безусловное руководство органами государственной безопасности перешло в сферу непосредственной деятельности Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР и Комитета по делам обороны и государственной безопасности. Главным критерием деятельности органов КГБ в полной мере стал Закон, а не пожелания каких-либо политических кругов. Все точки над «i» должно поставить принятие Закона о государственной безопасности и Закона о Комитете государственной безопасности.

Редакция предполагает в ближайшее время опубликовать полностью список жителей нашего района, репрессированных внесудебными органами. В нем будут приведены опущенные при публикации в «Кировском рабочем» сведения о предъявленном обвинении и вынесенном приговоре.

Библиотека «Мемориал»

Мартовский выпуск газеты «Котлован» посвящен 60-летию со дня прибытия в Хибины первого эшелона со спецпереселенцами. На следующих страницах — воспоминаниям о тех трудных и страшных годах.

ВЕРА ПОМОГАЛА ВЫЖИТЬ

В июне 1930 года мои родители Сергей Макарович и Татьяна Лукьяновна Гапчич с тремя младшими детьми (старший брат и сестра жили отдельно со своими семьями) были раскулачены и высланы из села Наталовка, Межовского района, Днепропетровской области. Одновременно с нами были раскулачены еще две семьи. После нашего выселения некоторые сельчане бросили свое хозяйство и перебрались в Донбасс.

Отец мой был сиротой, до женитьбы работал на шахте в Донбассе. Мама выходила замуж из зажиточной семьи, в приданое ей дали корову, двух быков, помогли молодым построить первое жилье. Долгое время жили в земляной хате (стены из глины с соломой), за 6 лет до высылки построили дом. Родители держали корову, двух лошадей, несколько овец, свинью, птицу. В семье трудились все: и взрослые, и дети, никогда никого не нанимали. Я окончила три класса школы, и на этом мое учение закончилось — меня выгнали из школы, недоброжелательство против зажиточных семей отражалось и на детях. К тому же отец был церковным старостой. К моменту высылки родителям было уже за пятьдесят.

В 30-м году отца и старшего брата забрали в тюрьму. Примерно через месяц пришли к нам, велели собираться. Времени на сборы не дали. С собой не разрешали взять ни теплых вещей, ни чего-либо из утвари. У меня отобрали полушубок, который родители мне справили в приданое и который я хотела взять с собой, оставили лишь пиджачок на вате. Везли до железной дороги на наших же лошадях. Многое из взятых вещей у людей отобрали уже на станции. Из всего нашего имущества у нас осталось только то, что было на себе. Брошенное в селе было разграблено односельчанами, говорили, что нашу корову приходили доить раз 10 в день, кто хотел. В доме жила наша родня, позднее вселился новый председатель колхоза.

На станции нас соединили с отцом и братом. Везли в теплушках. Доставили на 13-й километр, разместили в палатках. Через железнодорожную линию находился лагерь с заключенными. В палатках были только голые нары и по две железные печурки. Первое время спали на досках, потом стали собирать мешки из-под цемента, стирали их в Белой, простегивали паклей, какой утепляют избы, и мастерили подобие матрацев и одеял. Укрывались разным тряпьем — дали сердобольные люди. Первое время, из-за того, что не было никакой посуды, приходилось довольствоваться консервными банками, потом люди помогли и с посудой. Жили в страшной тесноте, на нарах было не повернуться. Но в этой тесноте, бедности и неустроенности помогали друг другу, делились скудным тем, что имели. В палатках не было ни ругани, ни скандалов, ни воровства. Жили, уступая друг другу.

Отец с братом пошли работать на строительство. Я, пятнадцатилетняя девчонка, вместе с отцом стала работать возчиком, отец помогал запрягать лошадь. В то время на карточку работающего давали по 700 граммов хлеба, на иждивенца — по 300. Картошки не было. На работе выдали спецодежду (брезентовый плащ, ватные брюки и фуфайку) с кирзовыми сапогами. Сапоги были нашей постоянной обувью, а в спецодежде иногда и спали.

Из-за скученности и антисанитарии появились вши, с ними и тиф, частыми болезнями были скарлатина и дифтерия. Много умирало детей и взрослых.

Спецпереселенцев использовали в основном на тяжелых строительных работах. Женщинам сложно было устроиться на какой-либо легкий труд, не брали даже на мытье посуды. Помимо физических тягот, испытывали, конечно, и моральное унижение. Даже в магазине вольнонаемные могли проходить без очереди.

Мой брат не вынес новой жизни, повесился. Мама, после долгой болезни, умерла в 1933 году, 3 сентября. Через несколько лет умер отец.

Меня взял на работу санитаркой врач Шилейко, потом в больницу пришла работать и моя младшая сестренка. В 1935 году нас восстановили в правах, выдали паспорта, но выезд за пределы района не был разрешен. Вольнонаемным шли полярные надбавки, а у нас вычитали из заработка 20 процентов, отпуск был длительностью 12 дней (у вольнонаемных — много больше — от полутора до трех месяцев).

В 1935 году к нам с Украины перебралась моя старшая сестра. Ее муж и трое детей умерли с голоду, она жила в постоянном страхе из-за раскулаченных родителей, ее даже не принимали в колхоз, а те деньги, какие мы ей выслали на дорогу, сельсовет не выдал. Старший брат погиб в тюрьме, жена и дети его тоже умерли от голода. Сестра была вольной, она приехала с метрикой и здесь получила паспорт.

Потом я работала на строительстве Нивской подстанции в Кировске, где перебрасывали на разные работы (земляные, штукатурные, работала монтером). Трудились по 12 часов в день без выходных, по окончании строительства получали по 50 рублей премии. Отсылали нас и на строительство Кандалакшской подстанции и Туломской ГЭС. В Туломе я вышла замуж за Александра Васильевича Перункова.

Родители моего мужа, тоже спецпереселенцы, были высланы из Чесминского района, Челябинской области. Свекра, как и моего отца, перед высылкой забрали, но затем выпустили и вернули паспорт. Семье, тем не менее, высылку не отменили, и когда свекор приехал за семьей на Север и попытался вывезти их, паспорт у него вновь отобрали. Семье, правда, было разрешено при высылке взять кой-какие вещи, и они приехали сюда с продуктами, теплыми вещами, валенками и самоваром.

Свекровь моя ходила стирать, она погибла на железной дороге, ее сбила дрезина.

После женитьбы мы с мужем жили на 25-м километре, в одной комнате с семьей его брата. — 8 человек в 10-метровой комнате. Первое жилье получили в 1938 году, когда муж работал на руднике. Мужа дважды арестовывали в 1937 году, но оба раза отпускали.

13 июля 1941 года у меня родился сын, а в августе 1941-го я эвакуировалась с ним. Отправили поездом до Кандалакши, дальше морем до Архангельска. Из Архангельска я 18 суток добиралась без всяких припасов до Урала, к мужниной родне. В 1944 году, когда открыли прямое движение по Октябрьской железной дороге, с большими трудностями добралась с ребенком до Кировска.

Работала с мужем на Кировском руднике, в 1960 году ему предложили перейти на работу в Кольский филиал АН СССР, и мы перебрались в Апатиты. Вырастили троих детей. Муж мой не имел возможности получить образование, но, будучи человеком способным и трудолюбивым, стал хорошим специалистом. Заведовал механическими мастерскими на Кировском руднике и в электроцехе Кольского филиала. Был человеком добрым и честным. Похоронили мы его в мае 1989 года.

Хочу сказать, что всю нашу жизнь, в самых тяжелых обстоятельствах мы честно трудились и верили в справедливость, что и помогало нам выжить.

М. ПЕРУНКОВА.

Апатиты — край моей земли

Нас выселили в 1931 году. Отца вызвали в сельсовет, и там его арестовали. Привезли уже в сопровождении уполномоченного, на телеге.

Мои родители имели одну лошадь, одну корову, поросенка, десять куриц и три овцы. Нас, детей, было пятеро. Старшей сестре — 18 лет, брату — 16, вторым брату и сестре — 14 и 12 лет, а мне восемь.

При высылке родителям ничего не дали взять с собой. Нас посадили на подводу с кое-какими тряпками и так, босиком, в чем были повезли в деревню Курокша. Там уже стояла баржа с людьми.

Привезли нас всех на какой-то берег, выгрузили, пересадили на телегу и повезли к станции. Привезли туда ночью, погрузили в телячьи вагоны с двухъярусными нарами, поставили в дверь дежурного, парашу и повезли в неизвестном направлении. Когда где-то повернули, отец сказал: «Повезли на Мурман. Там нам будет гибель». Прижал нас всех к себе и горько зарыдал, приговаривая: «За какие грехи нас хотят уморить?»

7 июля 1931 года нас доставили на 18-й километр и выгрузили под откос (где потом был химзавод, а теперь гаражи). Летели под откос кое-какие пожитки, а вслед за ними старики и дети — как комки грязи. Сразу начали растягивать палатки и заселять. Норма на каждого человека — по полметра площади. Нас, младших, сразу устроили под нары, нарвали травы, постелили, и там мы спали.

Отец устроился работать — возить из леса бревна. Старшую сестру взяли строить шоссейную дорогу. Больше работать было некому — малы были. Но отец брал двух сыновей с собой, попросив вторую лошадь, чтобы побольше заработать. Прибавил им годы, так как документов не было. Мать очень болела...

В конце сентября нас переселили на 13-й километр, в шалманы, сделанные из досок, обитых толью. Здесь уже было посвободнее. Потом переселили на Услонку (там был лагерь заключенных, они все погибли, бараки освободились, и нас переселили в эти бараки). Школы еще не было, и мы не учились.

Со времени приезда на Север мы голодали. Мать делила по кусочку хлеба и черепку забеленного супа. Мы, дети, старались оставить отцу хоть небольшой кусочек хлебушка, понимали, что он на тяжелой работе, а с такой еды не поднимешь бревно. Все же делалось вручную.

После смерти отца нам стало тяжелее жить. Ходили в школу полураздетые и голодные. А у родителей и сестер с заработка еще и высчитывали 5 процентов, заработок был небольшой.

Старшую сестру вскоре после приезда восстановили в правах. С нее не стали высчитывать этих переселенческих процентов. А братьев восстановили в правах, когда брали на войну.

Я стала хлопотать себе паспорт после окончания десятилетки в 1940-м. Поехала в Ленинград поступать в Авиационный институт, но пришел милиционер, и мне дали 24 часа на выезд из Ленинграда, так как по своему паспорту я не имела права там жить. А мама так и умерла с «волчьим паспортом» в 1946 году. И никому из нас не разрешали выезжать дальше Апатитов.

Во время войны я строила аэродром в Кировске, в Африканде и Тайболе ремонтировала и чистила аэродромы. И все вручную. Вручную грузили машины снегом и разгружали. Тогда не было бульдозеров и самосвалов.

...Старшая сестра и средний брат умерли. Осталось нас трое из спецпереселенцев. Родители захоронены на 16-м километре. Вот так мы и живем с 1931 года на Севере...

П. Ш.

ИЗГОИ

Мой дедушка, Яков Зайцев, житель деревни Звонец, был крестьянином-середняком. Он имел несколько десятин земли, лошадей, живность, орудия труда и ветряную мельницу. Были у него сыновья: Федор, Дмитрий и Остап. Дмитрий — мой отец — участник Первой мировой войны. В одном из сражений он попал в плен к австро-венграм. Из плена вернулся на родину, занялся земледелием, женился на Евгении Ковтуновой, девушке из деревни Шапчицы.

От брака Дмитрия и Евгении родились сыновья Володя, Ваня, Костя и Алеша. В период коллективизации (1930) в деревне Звонец Яков Зайцев подлежал раскулачиванию вместе с Давыдом и Федором Белогривцевыми и Моисеем Семеновым.

За какие грехи? Яков, например, за то, что имел ветряную мельницу, которую сам построил. Его обвиняли в том, что за помол взымал с крестьян плату. Но совсем не учитывали, что молол зерно крестьянам сам и брал плату зерном в скромных размерах. Сельчане его уважали как самостоятельного человека и старательного крестьянина.

Когда Якова, Давыда, Федора и Моисея раскулачили и выслали, односельчане взбунтовались и сопротивлялись отправке земляков в ссылку. Об этом мне рассказывал очевидец Тимофей Драчев (ныне пенсионер из деревни Довск). Но их усмирила милиция, вызванная из района местной властью.

Помню, когда плыли пароходом по реке, мать держала меня на руках, плача и рыдая от горя, что нас разлучили с родственниками и родиной.

Плыли мы долго, потом поездом ехали вместе с другими переселенцами. Высадили в апреле 1930 года. Холодно. Кругом горы, снег. В общем, Хибинская тундра. Поселились в черных шалманах, недалеко от озера Вудъявр. В них было тесно, зябко. Осенью перевели в барак на 20-м километре, стоящий вблизи леса и гор.

В бараке жили переселенцы из Белоруссии, с Украины, Кубани, Новгородской области. Страдания и лишения роднили и сближали, и разобщали. Мои родители и семья Гречкиных ютились в одной комнате, часто ссорились, дрались. Не ладилось и в других семьях. Только взрослым осознал я озлобленность «лишенцев», насильно сосланных на Север, оторванных от своих мест, от крестьянской жизни.

Мать моя так и не смогла пережить выселения и, когда шла с грудным ребенком Алешей на консультацию в лечебницу по железной дороге (иного пути близкого не было), опечаленная, угодила под поезд. Это случилось в декабре 1933 года. Мне тогда было всего 6 лет.

Похоронили мать на 16-м километре. Сколько тут на кладбище крестов! И все — жертвы сталинской политики. Из нашего барака репрессировали как «врагов народа» Иголкина — отца Васи, Волкова — отца Пети.

После убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934 года) Хибиногорск переименовали в город Кировск. Строился он на костях «лишенцев». Мальчишкой я ходил есть в фабричную столовую и видел, в каких условиях рабочие АНОФ мололи руду на концентрат: грохот от крутящихся барабанов, от густой пыли ничего не видно, невозможно переговариваться без рупора. Рабочие глохли от шума. Отец мой, который трудился на этом предприятии, до конца жизни плохо слышал. А как выглядел город из-за переработки апатита? По нему расстилалась белая пыль. Идешь по дороге — остаются отпечатки следов, а жилье у фабрики выглядело, как после побелки.

В 1937 году мой отец взял в жены Катерину, которая жила на улице Нагорной. Она работала банщицей. Мачеха добротой не отличалась, но я называл ее мамой. Учился в начальной школе. В 1938 году отец поехал в Белоруссию во время отпуска. Привез в Кировск сына Ивана, а Владимир сам прибыл в 1939 году. Братья трудоустроились: один — паркетчиком на деревообделочном заводе, другой — слесарем-водопроводчиком на фабрике АНОФ. Они были рады, что приехали в Кировск, ибо на родине голодали.

В Великую Отечественную войну братьев призвали в армию, а нас с отцом в августе 1941 года эвакуировали в поселок Уксора, Шенкурского района, Архангельской области. В 1943—1944 годах в городе Шенкурске я прошел шестимесячные курсы ФЗО и по направлению работал в Мезени кузнецом, а 2 ноября 1944 года мобилизовался в Советскую Армию. Воевал против японских милитаристов на Забайкальском фронте в действующем 4-м полку связи в качестве штабного телеграфиста. Имею правительственные награды.

Иван погиб на фронте, а Владимир — ветеран войны, демобилизовался и отправился в Кировск за отцом и вместе с ним потом выехал в Белоруссию, в деревню Звонец.

После армейской службы я жил у отца и у брата. Работал на льнозаводе (ныне Шавчевская фабрика первичной обработки шерсти), учился в вечерней школе рабочей молодежи. Потом окончил Минский пединститут им. А. М. Горького.

И сейчас, когда анализирую пройденный путь, чувство какой-то неполноценности, унижения человеческого достоинства не исчезает. Ярлык «сын кулака» висит над головой, как дамоклов меч.

В 1953 году я преподавал физкультуру в семилетней школе станицы Лесогорской Краснодарского края и сотрудничал в газете «Апшеронский рабочий». Редактор хотел оформить меня литработником в газету. Мои данные запросили по месту рождения. И председатель Звонецкого сельсовета Яков Ромачков ответил: «Зайцев Константин Дмитриевич является сыном раскулаченного Дмитрия Яковлевича Зайцева, сосланного на Север». И в редакции не приняли на работу — райком партии не утвердил.

Узнав, что я сын «кулака», члены партийной организации вынесли решение: «пусть подольше поработает, чтобы мы его лучше узнали, а пока от приема в партию воздержаться».

Своими воспоминаниями я предостерегаю нынешнее поколение: трагедию 30—50 годов нельзя повторить. Не должно быть напрасных жертв, мучительной жизни переселенцев, «лишенцев», нельзя допускать новых изгоев, репрессий, унижения человеческого достоинства.

Люди рождаются для счастья, «как птица для полета». Мы живем в эпоху обновления социализма, гласности, демократии. Перестройка очищает нас от скверны, как плевелы от пшеницы, и дает простор развитию личности, экономическому процветанию страны.

К. ЗАЙЦЕВ.

Библиотека

ЭТО БЫЛО,

Стояли лютые крещенские морозы зимой 1930 года. Лес был окутан снежным покрывалом.

Жители любимой моей деревеньки Кузнецово Череповецкого района, Вологодской области разместили свои избы и другие постройки у опушки богатого строевого леса.

Дом, усадьба, сад возле нашего подворья — все было ухожено, окружено деревьями: липами, черемухой, березами, яблонями. Рядом колодец. Постройки срублены из строевых бревен. Жили, как подобает настоящему деревенскому хозяину. Была изба-зимник, пятистенка, кухня, амбар, сарай, гумно. Лошадь, жеребенок, восемь овец, корова, теленок, поросенок, десять кур.

В праздники приезжали гости. Отец играл на гармони. Он усаживал меня рядом с собой, и я запевала старинные песни, частушки под гармонь. Именно череповецкие напевы. Эти напевы я помню до сих пор... И ничего не предвещало грозы среди ясного неба.

Семья наша состояла из семи человек. Все трудоспособные, кроме меня (мне было восемь лет). В доме была ручная швейная машинка, которой умели пользоваться все. Трудились на износ, не зная отдыха. Но внезапно оборвалась наша тихая, размеренная жизнь. И случилось это пополудни.

...Вдали послышался скрип санных полозьев и ржание лошадей. К нашему дому подъехали три подводы. В дом вошли трое, показали отцу какую-то бумажку. Семья поникла в недоумении. А тем временем храбрые молодцы бесцеремонно орудовали в горнице.

В наших краях сеяли много льна. Все, абсолютно все: и нижнее белье, и постельное изготавливали из переработанного вручную, отбеленного льняного холста-полотна. Вот за этим и приехали товарищи. Лучшую одежду погрузили на подводы.

Я уже ходила в школу, в первый класс, за шесть верст — туда и столько же обратно — в деревню Кодино. Нас, школьников, было немного. В непогоду и сильные морозы возили на лошади. Время шло. Проходили месяцы. Зима была в полном разгаре. И тут пришла еще одна беда...

В один из студеных зимних вечеров подъехала к дому подвода с возничим и сопровождающим. Вошли в избу. Всем приказали одеваться и садиться в розвальни. Взять с собой ни из продуктов, ни из одежды ничего не разрешили. Ехали всю ночь, 65 километров. Привезли нас в Череповец. Сдали под охрану, разместив на полу в железнодорожном вокзале. И продержали нас здесь два дня: выясняли, везти нас дальше или вернуть домой? Через два дня все же вернули. Но что же мы увидели по возвращении? От дома и двора остались только крыша и промерзлые стены. Все недвижимое имущество, продукты и животных растащили, увели. Мы не знали, надолго ли нас вернули, не знали, что делать и как жить дальше? Все надо было начинать сначала.

Наступило лето 1931 года. Ожил, оделся в листву лес, запели птицы, зазеленели всходы на полях. Но не пришлось нам больше никогда любоваться красотой проснувшейся природы и вдыхать аромат лугов, клевера, цветов, скошенных трав.

...Был старинный праздник в деревне Добрынское, что за десять километров от моей родной деревни Кузнецово. И мы с сестрой и родителями отправились туда в гости к бабушке. Сами понимаете, что можно взять с собой летом, уходя в гости.

Вечером, когда женщины возвращались из сыроварни, к дому бабушки подъехали на телеге двое. Один из них перед собой держал винтовку. Нам приказали садиться в телегу безо всяких объяснений. Люди бежали по деревне за телегой. Бросали нам хлеб, пироги, а охранник отбрасывал их штыком. Отголоски человеческого рева и стона слышались далеко окрест, страх и ужас необъяснимые. Ехали опять всю ночь до Череповца.

Привезли, как в прошлый раз, на вокзал. Расположились на полу. Кругом охрана. Тут же вскоре подвезли к нам дедушку (87 лет) и бабушку (85 лет), тетю — сестру отца. В полном составе оказалась вся семья — семь человек. Под утро всем приказали грузиться в телячьи товарные вагоны без вентиляции. В вагоне стариков, детей, мужчин, женщин было битком. Куда везли, зачем? Никто не знал. Ехали долго. По пути следования многие заболевали и умирали.

Наконец приехали на станцию Белая (теперь Апатиты). Выгрузили нас из вагонов и повели вперед по шпалам, к речке Белой, к теперешнему аэропорту. Ночь провели на улице. За это время вырыли землянки, сделали в них нары с обеих сторон вдоль стен. Нам отвели на семерых четыре метра. Мы нарвали иван-чая и устроились на ночлег. Днем насобирали грибов и ягод, наварили. Но потом с тетей заболели дизентерией. Лежали тут же, на нарах. Никто не лечил. Болели тяжело и долго. Мучила, сильная жажда. Жили здесь, если это можно назвать жизнью, до конца сентября. Потом началось переселение, мотание с места на место по Хибиногорскому району.

Перевезли нас на станцию Княжая. Наступали заморозки. Первую ночь ночевали на улице. Срочно строили из неструганых горбылей одноэтажные бараки с нарами по обеим сторонам. Строили долго. И нас временно, скопом, поместили на чердак магазина. Здесь прожили неделю, потом перевели всех в барак. Нашу семью из семи человек поместили у дверей на четырех метрах нар. Печки-буржуйки топились днем и ночью, и все равно холод стоял нестерпимый.

Наскоро построили глиноземный завод для изготовления кирпичей. Строили его и трое из нашей семьи. Мама работала уборщицей в столовой. Четверо работали, а мы: дедушка, бабушка и я — были на их иждивении. Выдавали в столовой по порции супа на человека и в нем по куску мяса из конины. Зеленая вонючая баланда. Голодно. Все в нашей семье, кроме меня и мамы, заболели дизентерией.

Заработала пекарня. Заведующий Дмитрий Курочкин и его жена, подсобница Евдокия Никитична, попросили моих родителей, чтобы я помогала в пекарне. Пошел мне тогда десятый год... Мыла некрашеный пол, подносила воду, принимала с лопаты от Евдокии Никитичны испеченные горячие буханки хлеба и складывала на деревянные стеллажи. Я очень уставала, кроме того, от запаха свежего хлеба кружилась голова, тошнило. Евдокия Никитична кормила меня хлебом и немного давала домой.

В школу я ходила на биржу (так назывался поселок). Три километра туда и три обратно. Пешком, по лесу, по снегу, без всяких протоптанных дорог. Школа была рубленая, одноэтажная. Печь топили весь день. Первые два урока все равно сидели в верхней одежде и рукавицах. После большой перемены, на третьем уроке, выполняли письменные работы.

Вскоре срубили баню. В огромные чаны таскали из речки воду, топили баню поочередно. Женщины мылись на двух верхних полках, а мужчины — на нижних.

Однажды мы с бабушкой пошли в село, втихую от охраны, просить милостыню. Обошли много домов. Некоторые немного подавали. А другие — посмотрят в окошко на крылечке, откроют калитку и кричат: «Уходите, вы не наши!»

Но одна женщина встретила нас на крыльце, завела в дом, заставила лечь на печку и согреться. Сама этим временем подоила козу, согрела чай и карельскими калитками с брусникой (мы их называем ватрушками) начала нас отпаивать и откармливать. Вот видите, и тогда были милосердные люди.

А вечером вернулся с добычей ее муж. Хозяйка что-то по-своему объясняла и даже плакала. Муж вышел, но вскоре вернулся и подал бабушке корзину из бересты, наполненную рыбой. Дали нам и сухарей. Бабушка заплакала и поклонилась в ноги...

Поскольку вся семья наша умела портняжничать, то этой же зимой нас перевели в Хибиногорск. Разместили в простую холодную палатку, которая топилась по-черному. Было дымно и очень скученно. Расположена была палатка на горе и однажды сильным ураганом ее сорвало. Тогда я простудилась и заболела. Приходил фельдшер, который сказал, что у меня тиф. Я лежала в палатке в верхней одежде, а платок примерзал к волосам. Долго лечили.

В скором времени перевезли нас на Услонку, на тринадцатый километр. Теперь это за железной дорогой, на развилке, где ведут дороги на Центральный рудник и Титан. Я иногда езжу туда летом, навещаю это место. В 13-метровой комнате жили три семьи — четырнадцать человек. Опять нам у дверей отвели четыре места. Здесь умерли бабушка и дедушка... Наступило лето. Стало тепло. Мои родные ходили за Титан заготовлять дрова. На хлеб и продукты выдавали карточки. На мою детскую карточку в день полагалось одна белая булочка с гусиное яйцо. Выдачу отмечали крестиком. Как-то раз мне булочки показалось мало и я крест стерла. Пошла второй раз за булочкой, получила. А дома за обман получила дранку. Вот так...

А голод и холод не переставали нас преследовать. Голод и вши. У речки Белая срубили одноэтажную школу. Я пошла учиться снова в третий класс. Директор была Евгения Дмитриевна Тейшер.

Тем временем в Хибиногорске оборудовали пошивочную мастерскую в шалмане (это место напротив теперешнего железнодорожного вокзала). Начальником был Кирилл Петрович Сидоров. Все члены нашей семьи, кроме тети, пошли туда работать со своей машинкой. Выделили нам в Хибиногорске по улице Новой 10-метровку на пять человек в дощатом двухэтажном бараке, в котором прожили 30 лет. Очень долго ходили еженедельно в комендатуру отмечаться.

В нашем бараке было 34 комнаты — целая деревня. В конце коридора разместились кухни, туалеты, крылечки. Дежурили по бараку поочередно: нужно было мыть половину коридора и подсобные помещения, ежедневно подметать, чистить крыльцо от снега.

Отец на крестовинах

ГОРЖУСЬ ОТЦОМ И ЖАЛЕЮ ЕГО

Мне было девять лет, сестре — семь, брату около четырех. С нами жила бабушка — папина мама. Мы, дети, были очень счастливы в своей семье. Хорошо запомнились праздничные дни. В зимнее время с родителями на лошади в санях выезжали к друзьям. Они были эстонцы или финны, у них было двое взрослых девушек, которые хорошо играли на рояле, а мы, дети, плясали, веселились.

Запомнился хороший летний день. У избы стояла запряженная лошадь, папа говорил, что он поедет в сельсовет (от нас около 12 километров), что вчера на сходке нашу семью по ошибке обложили твердым налогом. Мы не понимали, что случилось, но радовались поездке на телеге, наполненной душистым сеном, и втроем уселись на воз.

Вскоре к нашей избе подъехали две повозки с мужчинами. Папа вышел, пригласил их в дом. Незнакомые сказали, чтобы он никуда не уезжал, что скоро вернутся с хутора и все решат. Мы сидели на телеге. Незнакомцы вскоре вернулись, с ними был сосед с хутора дядя Саша Александров, он, наверное, был каким-то старшим на хуторе.

Все зашли в избу, и через мгновение раздался ужасный крик мамы и бабушки. Я вбежала в избу, за столом сидели мужчины с разложенными бумагами, а мама в истерике билась на полу, папа ее держал и успокаивал. Мы не понимали, что произошло, вскоре сбежались соседи с хутора, а затем и из деревни.

...Собирались долго, только к вечеру на этой же телеге, в сопровождении конвоиров, нас отправили на станцию Струги Красные — от нас более 20 километров...

Кто этого не видел, не узнает, как страшно, когда исчезает детская веселость, что такое прощанье, слезы, крики. До сих пор в ушах стоят...

Мать, измученную (ведь она была больна туберкулезом) закутали и положили на телегу. Выселяли только родителей: бабушку и нас, троих детей, оставляли, но из-за болезни матери я не осталась и поехала с ними.

Прибыли к месту яки семьями на станцию Струги Красные ночью, к зданию школы. Школа была ограждена колючей проволокой, с двух ее сторон была широкая дорога, по которой все нарастал поток людей, сопровождаемый страшным воем, детскими слезами и криками.

Конвоиры, теперь уже вооруженные винтовками со штыками, кричали, чтобы народ на пути не останавливался, загоняли всех в помещение. В школе находились долго. Отец появлялся к нам с конвоиром (видимо, хотел успокоить мать), а потом его опять уводили. Попытка отца доказать свою невиновность не увенчалась успехом.

Наконец послышался громкий приказ подняться с пола, забрать вещи и детей и следовать к поездам. Конвоиры стояли с двух сторон, через метр друг от друга (и записку не бросишь своим). Погружали в товарные вагоны, в которых были двойные нары. В вагоне много людей, страшная теснота и всего четыре маленьких окошечка с железными решетками.

Из-за болезни матери ей и мне было выделено место у окна на верхних нарах. Родные не могли провожать, их и близко не допускали, тем более к вагонам.

Мне как ребенку, впервые видевшему поезд, может, было и интересно, но состояние матери наводило страх, да и людское горе не уменьшалось.

Ехали долго, около двух недель. Не помню, чем кормили, у каждого что-то было: хлеб, кислое молоко, масло. Когда поезд останавливался, дверь открывалась. На остановках даже маленьких детей не выпускали, но народ, увидевший воздух и свет, был и этим доволен.

Путешествие завершилось, когда прибыли в Хибиногорск. Остановка была напротив нынешней горбольницы. Люди карабкались по скалам в отведенные в палатках места (наша была № 11). Все ехавшие в одном вагоне расселились в одной палатке.

Запомнилась игра на гармошке, балалайке, пение молодежи поблизости. Детям было интересно, да и взрослые думали: хорошо, что есть живые люди. Объявили, что можно получить горячее питание, потом была баня...

Утром отец уходил на работу, и очень поздно их приводили. Я ходила за питанием, которое выдавали по спискам. Мама не работала из-за болезни.

Через месяц из Кировска мы были переселены в поселок Юкспорск. Там нас уже поселили в барак, где народу было меньше, около 35 человек. Нам, детям, было веселее, бегали в лес за ягодами, играли, рядом была речка.

Запомнилось, что около детей всегда был человек в гражданском — делал нам лопатки, давал мяч, часто подзывал. Он всегда улыбался, что-то спрашивал, но мы старались убегать от него.

В октябре 1931 года меня отправили домой к бабушке, я жила там и работала до января 1936-го. Из папиного хозяйства в колхоз взяли лошадь и корову, а вторую корову и всю живность оставили. Бабушка работала в колхозе, но одной ей тяжело было прокормить нас, трех внуков.

В 1933 году сестру отправили к родителям, брат

(Продолжение на 8-й стр.).

Библиотека

БЫЛО...

сколотил стол, две скамейки, два топчана, заменяющих кровать. Вскоре сделали электроосвещение. Мы радовались своему отдельному уголку.

При горбольнице организовали лечхоз, свое подсобное хозяйство, в котором были коровы. Мы рвали для них траву.

Моя тетя работала бетонщицей. Она строила горбольницу, старое здание комбината «Апатит», первую среднюю школу, Дом техника. Я ей ходила помогать, но все писали в наряд тете. Зато план она перевыполняла и нас отоваривали дополнительно продуктами.

Летом ходили по грибы и ягоды пешком по шпалам от дома до Титана и от железной дороги налево по нивским электростолбам верст пять. Возвращаясь обратно, речку переходили вброд, босиком. Я однажды внезапно упала в воду, и меня понесло по течению. Досыта нахлебалась воды с апатитовым концентратом. Спас меня Иван Алексеевич Талышев, мастер-электрик Кировской горэлектросети, теперь уже покойный.

В пятый класс я пошла учиться в первую среднюю школу, директором которой был Николай Петрович Рудин. Строгий, всегда подтянутый. Мы его боялись. Тишина на уроках и переменах была абсолютной. До восьмого класса я училась в дневной школе. Учебников не хватало, поэтому выполняли домашние задания группами, вместе. В школе и классах организовывали разные кружки, я оформляла школьную газету.

Пионерским вожаком был Ваня Куков (погиб на фронте), а вожаком класса — Валя Синцова (умерла в 1989 году). Устраивали в физкультурном зале пионерские костры, ходили в культпоходы, в кино, на коллективные чтения в библиотеку. Поступили в группу хора и пляски в Дом художественного воспитания детей. Располагался он в одноэтажном бараке в Вудъявром переулке. Занятия вели Патрашевы Георгий Александрович и Анна Васильевна. Мы выступали на сцене кинотеатра «Большевик», исполняли песни, частушки, пляски. Это увлечение и сейчас осталось со мной.

После окончания восьми классов я лелеяла мечту поступить в Кировский медицинский техникум, учиться на фельдшера. Экзамены сдавались в июне, принимали при достижении полных пятнадцати лет. Мне не хватило одного месяца, и директор техникума Знаменская меня не приняла, хотя экзамены я сдала успешно. Я очень плакала и переживала. Тогда родители сказали, что я уже выросла, пора идти работать, зарабатывать свой хлеб. 5 августа 1937 года меня официально оформили на работу корректором в типографию «Кировский рабочий». Девятый и десятый классы я заканчивала в вечерней школе.

Жизнь еще была трудной, но постепенно налаживалась. Отец на толкучке покупал старые вещи, перелицовывал их с мамой, и они шили нам с сестрой одежду.

Сестра вышла замуж за старшего кассира Кировского госбанка Семена Ивановича Торочкова. Осталась я у родителей одна. Работа моя мне нравилась, да и в делах все ладилось. После окончания десятилетки я работала и училась заочно под Ленинградом в техникуме на корректора. В июне 1941 года надо было ехать на сессию, но началась война.

Я тогда только успела выйти замуж. Сразу мужа по состоянию здоровья на фронт не призвали. Но в конце 1941 года его отправили на передовую линию фронта на Кандалакшское направление, где он был тяжело ранен. Позже его перевезли в госпиталь в Кировск. У нас родился сын Михаил. После излечения мужа отправили в Венгрию, погиб он за оборону Будапешта. Осталась я вдовой в 22 года с ребенком. Всю войну жила в Кировске и работала в газете «Кировский рабочий».

Мы шефствовали над госпиталем, где дежурили после работы, помогали переносить раненых из машины в приемный покой, разбинтовывали раны, мыли, писали их родным письма, кормили тех, кто не мог есть сам. Расчищали от снежных заносов железнодорожные пути, дороги и ангары, дежурили на вышках, разгружали дрова из вагонов, следили за светомаскировкой в городе, ездили в Зашеек, Лапландию на лесозаготовки.

Сы мой рос, как дуб зеленый: здоровый, могучий, красивый, кудрявый. Три года отслужил в Советской Армии. За службу присылали одни благодарности. Десять классов окончил в первой средней школе Кировска на «четыре» и «пять». Очень хотел стать врачом. Но, как видно, не каждое желание сбывается. Четыре курса проучился в Ленинградском медицинском институте и в возрасте 25 лет умер скоропостижно от кровоизлияния в мозг.

Все мои надежды, планы, старания рухнули. Жизнь моя будто кончилась... Но потом вторично вышла замуж. Имею сына Владимира. Сыну 44 года, живет в Апатитах, женат, у него уже дети, внуки, ветеран комбината «Апатит», часто меня навещает.

Я живу в Кировске шестьдесят лет. Сейчас на заслуженном отдыхе. Проработала сорок лет, из них в объединении «Апатит» тридцать. Награждена «Похвальным листом» Министерства химической промышленности», несколькими медалями. И все же, несмотря на прожитые десятилетия в дикой тундре, в суровом климате, меня никогда не покидает мысль о моей родной деревеньке.

В 1986 году ездила я домой. В моей деревне из 43 домов осталось одиннадцать. Все пришло в запустение, все искорежено, перерыто, заросло осокой, крапивой. Посидела на фундаменте отчего дома и у заветного камня у входа в калитку, на котором всегда играла с подружками, много обо всем передумала. В саду обняла обломанные яблоньки, поклонилась усадьбе, полю, лесу, погоревала...

Очень обидно. Члены моей семьи — дедушка, бабушка, отец, мать, тетя, сестра, муж — захоронены на старом кладбище на 16-м километре. Сын (старший) Михаил Васильевич Федотов покоится на Северном кладбище в Парголово под Ленинградом, муж Василий Самуилович Федотов погиб за оборону Будапешта.

Жизнь идет к закату. Тяжелые заболевания беспокоят ежедневно. Хорошо бы на лето выехать в среднюю полосу, в мою бы деревню, но угла-то нет. А к чужим ехать, особенно сейчас, никакой пенсии не хватит. Да и вообще жизнь очень дорогая. Потом, у нас ведь на Севере самые высокие по стоимости продукты. Поэтому я думаю: необходимо добавить нам коэффициент к пенсии — 40 процентов.

И еще одно хочу сказать. Добрые люди, окажите милосердие в восстановлении справедливости за причиненный произвол, за бесчинства, за унижения пострадавших от сталинских репрессий.

Нас, переселенцев, осталось мало. Как мы выжили в таких нечеловеческих условиях, о которых и теперь напоминает наше подорванное здоровье! Ведь тот, кто приехал сюда ради материальной выгоды, уже на все готовое, в построенный и обжитый город, пользуется такими же благами и привилегиями, как и переселенцы.

Обидно. Да и несправедливо. Мы, переселенцы, должны иметь хотя бы какие-то льготы и привилегии. Я думаю, что Хибинскому обществу «Мемориал» нужно ходатайствовать о том, чтобы таким, как мы, которые прожили и отработали честно и добросовестно, уже с детства познав, что такое тяжелый труд, присвоили звание «Почетный гражданин города Кировска (Хибиногорска)». Пусть хоть эта награда сгладит, уменьшит душевную боль о разоренном отчем доме, послужит внутренним утешением. Ведь это мы вполне заслужили.

О. ЕРШОВА.

ТОГДА МЫ МОГЛИ ПОСТРОИТЬ КОММУНИЗМ

Мы приехали в Хибины в тридцатом году, 14 марта. Наш эшелон, псковский, был самым первым. По «железке» нас довезли до разъезда Белая. Там нас всех прямо в вагоне вымыли, а потом по одному, по два вагона доставили до места на «кукушке». Едем-едем и свалимся, потому что рельсы прямо по кочкам в снегу были положены. Дорогу эту строили заключенные. Они жили там же на 13-м километре, где и нас поселили, только с другой стороны.

К нашему приезду были приготовлены три шалмана из досок, обитых толью. Теснота была страшная. Ночью, бывало, пойдешь в туалет, вернешься — и лечь негде. Печки были железные, небольшие, так поверите ли, у кого косы были, так от холода волосы ночью к доскам, случалось, примерзали.

Ну, значит, привезли нас 14-го, а 15-го мы уже пошли на работу — снег рыть на 16-м километре. Год до чего снежный был — жуткое! В три человеческих роста до земли приходилось рыть, а то, бывало, утром придешь к места этого, где вчера до земли дорыли, не найти: все снова снегом занесло. И из шалманов иной раз не выйдешь — заметало.

Через какое-то время привезли лошадей, и многие лошади узнавали своих хозяев. А наша лошадь сюда не попала.

У нас вообще-то хозяйство небольшое было — шесть десятин. Деревня стояла около железной дороги, как работы нет — идем на биржу: и графит сеяли, и вагоны грузили. Я еще девчонкой была — возьмется отец вагоны грузить, и я иду с ним. Вот такие мы кулаки были. Меня потом сын спрашивал: «Мама, почему кулаками зовут?» — «Не знаю», — говорю. «А я знаю: потому что на кулаке спали». Конечно, и на кулаке ляжешь — день и ночь ведь работали. И сенокоса у нас своего не было. Ходили с отцом в казенный лес косить. Он косит, мы собираем, по пояс мокрые... Когда высылали, отец говорил: «Ох, знал бы, я вас и не мучал бы». А мы: «Тятя, так чего ж ты мучал?» — «Так ведь надо было жить как-то».

Которые хорошо-то жили и имели работников, так они уехали раньше. Продали по-маленьку все, что могли. Первых детей отправили, а потом и сами — вслед за ними. Одни дураки остались, да работали день и ночь, пока не выслали.

Ну вот, значит, когда привезли лошадей, я стала возником работать. Мы щиты возили через озеро, где сейчас ботанический сад. Но до самого места не доезжали, на берегу бросали, а там лопари приезжали и забирали щиты, и везли на оленях на стройку. Оленито по любому снегу пройдут, а лошади — нет. Я этих лопарей боялась, черные, разденутся, пар от них идет. А оленей тогда здесь было много. Ходили целыми стадами, по 500—1000 голов, совсем недалеко от 13-го километра.

Ну, зима кончилась, отец пошел в горсовет просить земли — картошку сажать. Его отговаривали: не вырастет, мол.

— Если работать — вырастет.

— А отберут?

— Ну что ж, из дома выгнали, пусть и тут отбирают.

Картошка выросла крупная, хорошая, и давай вкруг нас все-все сажать. По горам ходу не стало — одни тропочки, столько картошки все посадили.

Вот ведь говорят: «Краса не одна, а молодость во всех одна». Господи, как было интересно и весело, а теперь, посмотрю, у молодежи и веселья-то нету. На 18-м километре клуб был сделан для нас, для переселенцев, а на 20-м — другой, туда поселенцам ходить было нельзя — выгоняли, хотя нас ребята вольные звали тишком.

Первое время у спецпереселенцев из заработка высчитывали с каждого рубля 25 копеек, а потом, покамест на фронт не пошли, по 5 копеек с рубля.

Муж у меня был тоже из спецпереселенцев, мы с ним на Ниве-2 встретились. Туда, нас, девчонок, отправили в столовую работать. Спецпереселенцы там сначала один канал построили — на Ниве-2, а потом еще второй — закрытый. Мужа еще перед войной назначали на восстановление в правах, а он не подписался больше на заем, его и не восстановили.

А как война началась, нас повезли в эвакуацию в Казахстан, на Иртыше плотину строить. На Кольском кулаков вроде постыдились брать в армию, а там всех мужчин и взяли. Так, когда шли по четыре да по пять братьев, такие здоровые, сильные, все говорили: «Вот это армия». Взять моего мужа: кулаком считался, а учили на летчика.

Ну вот, а мужа убили, я сама пятая осталась. Двоих там похоронила, в Казахстане. Там теперь город, и могил не найти. Вообще у нас из родни человек двенадцать на войне убиты.

И еще скажу: трудно жили, но дружно, по-человечески. Помню, когда уже в «деревяшку» переехали, там три семьи коров держали. Бывало, сено сохнет во дворе, дождь пойдет — так весь дом выскочит: раз-раз — и уберут сено. И воровства никакого не было, не то что теперь: половик, и то с веревки уведут.

Может, мы тогда бы и могли коммунизм построить, а теперь, по-моему, нет.

У. М.

А потом приехали за нами

В 1928 году пришли к нам как-то уж осенью. «Вот, хозяин, пришли вас предупредить, что вы имеете право пользоваться в доме первым этажом, второй этаж займут под школу. Здесь постановление членов сельсовета, распишитесь». А в начале 29-го — «Хозяева, находитесь все на месте, будем делать обыск».

При обыске все перетрясли, все тряпки и постели, даже игрушки и коробочки. Нашли 2 кольца золотых, брошку, цепочку с крестиком (все, что было собрано на приданое).

А весной 29-го были торги. Прямо во дворе продавали все, что попадется под руку: посуду, белье, а что осталось не продано, сложили в амбар. Через некоторое время приехали и забрали все из амбара. Летом взяли коров, овец, нам оставили только кур.

Потом в конце декабря 29-го отца и брата отправили в Челябинск на принудительные работы. Мы остались с мамкой: я, брат и две сестры маленькие. Весной 30-го года брат помогал одному старику, я тоже ходила помогать старушкам в деревне огород копать, картошку садить. Вот так мы и жили: кто даст калач хлеба, кто молока, у нас была только картошка своя.

24 августа 1930 года нам сказали: никуда не выходить со двора, а брата увели и посадили в кладовой. И мужиков, которых собирались отправлять — всех посадили.

25 августа 1930 года утром приехали за нами. Мы взяли постель, подушки, одеяла и еще мешок обуви. Обувь хотели у нас отобрать, но я как-то сумела настоять на своем и обувь не дала. Был еще узелок завязан — девчонкам платья. Так хотели и его взять. Но спасибо мужчине, который нас вез на станцию. Он сказал: «Есть дети малые». А подушку вытащили из-под Таси (сестры), она лежала на подушке.

И вот нам дали две подушки и два одеяла, половичок, который был постлан на телеге. А всего в семье было семеро человек. Пришел нас проводить дядя, принес нам хлеба и творогу, а его гнали, как собачонку, но он все же пролез к нам...

А. ЛЕСКОВА.

Библиотека

На всю оставшуюся жизнь

Я родилась в селе Шевченки Рублевского района Полтавской области в многодетной крестьянской семье. С восьми лет меня заставляли прясть, в 14 я уже не только пряла, но и вязала, а летом полола огороды у других. Отец крестьянствовал — он был очень большим тружеником. Мы имели корову, волов и одну лошадь, а хата была под гнилой соломой.

Весной 1930 года нашего отца арестовали и отправили в Хабаровск на два с половиной года. Всю нашу семью: одиннадцать детей и беременную мать погрузили в вагоны с решетками на окнах на станции Скороходы и повезли на север. А перед этим уполномоченный приказал забрать все наше имущество — отдали назад только сукна, из которых перед высылкой детям сшили одежду и пошили сапоги.

По дороге, в Вологодской области, мать родила мальчика — прямо между железнодорожными путями.

Привезли нас в Няндомский округ Приозерского района, в село Почозеро, а оттуда отправили еще дальше в лес. С нами вместе пришел еще эшелон из Екатеринослава (Днепропетровска).

Нам сказали, что нашего отца пришлют к нам, но так и не прислали. В лесу построили бараки из сырого леса. Было холодно, на голову капало, а хуже того — нечего было есть.

Всю молодежь и тех, кто мог работать, послали рубить лес. Если не можешь работать на лесоповале — иди в карцер. В карцере не давали еды до 12 суток.

От непосильной работы, холода, недостатка хлеба начали умирать, пошел тиф. Умер и наш родившийся в дороге мальчик. Весной и летом 1931 года умерли другие мои братья — хлеба совсем перестали давать.

Ели вытаявшую из-под снега прошлогоднюю клюкву и бруснику. От этой пищи, без хлеба, дизентерия косила людей. В 1931 году от голода умерла мать. Хоронить сил не было: замотают покойника в тряпку, мох раздвинут и туда засунут труп. Бежать было нельзя: на паромной переправе через реку Онегу требовали справку, а вплавь реку не осилишь. Почти все там и перемерли...

Нас, детей, для сбора сосновой живицы переправили на другой берег Онеги, и мы сбежали. Перед этим старшей сестре выдали сапоги, и она убежала в Петрозаводск. А у нас на ногах были опорки. У младшей сестры болели почки, она вся опухла. Мы с ней ходили по деревням и просили милостыню.

Сестра попала в детдом в Няндоме, а я очутилась в Кировске. С 1 августа 1933 года я начала строить дорогу на Расвумчорр. Мы разбивали и укладывали камни. Нам давали по 800 граммов хлеба, обед возили на работу.

Я работала хорошо — бригадир говорил напарницам: «Ставлю тебя на работу с Настасьей — она не подведет». Нашей лучшей бригаде хлеба давали до 1,1 кг на человека...

Младшую сестру из детдома в Няндоме мы забрали к себе. Жили в шалманах без перегородок, потом сделали перегородки на семьи. Ничего ни у кого не пропадало ни из продуктов, ни из одежды — жили дружно. Работали от шести до шести вечера, ходили с 23-го километра на работу до Кировска пешком.

Я вышла в первый раз замуж, и в 1936 году родился сын. Вокруг жили и работали русские и украинцы, латыши, поляки, финны, эстонцы. Спецпереселенцы были и из Псковской, Тюменской, Челябинской областей. После финской войны, в 1940 году, немцев, поляков и латышей выслали на Алтай. Финнов и эстонцев тоже выслали, но не знаю, куда. Много семей разбили, разлучали с женами, детьми. Было много горя и слез.

Во время войны мы жили в Татарии, за Казанью. В войну мой муж погиб. Когда получала похоронку, меня уговаривали отдать детей в детдом, сын говорил:

— Мама, не плачь: как лучше станет, ты опять нас возьмешь...

Но я не отдала, хоть было и очень трудно.

В 1945 году привезли репатриантов — наших солдат, которые были в немецком плену. Репатрианты работали на железной дороге, где я была стрелочницей. Тогда и познакомилась со вторым мужем — репатриантом, родом из Херсона. Очень работящий был — большой мастер, дома все делал сам.

А три года назад несчастье — муж пошел в молочный магазин, по дороге шел автобус, из-за которого вылетел «уазик» из Филиала Академии, ударил в грудь и руку сломал. Муж лежал в больнице, потом его отправили в Мурманск, где он и умер.

А сын служил в армии. Помню: прислал письмо, что скоро отпустят в отпуск. Но за неделю до отпуска его послали ставить мишени на стрельбище. Кто-то там случайно выстрелил, и я получила еще одну похоронку...

Так с тех пор и живу одна. Здоровья нет совсем: и ревматизм, и ишемия, и стенокардия. Правда, по вторникам и четвергам ко мне приходит женщина из горисполкома, покупает и приносит продукты. А вообще из 12 детей нас в семье осталось четверо: брат на Полтавщине, старшая и младшая сестра живут в Кировске.

А рассказываю я о своей не слишком веселой и счастливой жизни потому, что хочу, чтобы о нас, старожилах Кировска и Апатитов, больше знала молодежь. Знала и уважала старших.

Например, в моем дворе один мальчик из третьего класса постоянно дразнится и ругается. Невольно подумаешь: почему дети сейчас такими неуважительными растут? Ведь мы жизнь свою отдали, построили здесь все и вправе требовать достойного к себе отношения.

А. ЕРМОЧЕНКО.

Горжусь отцом и жалею его

(Окончание. Начало на 6-й стр.).

умер. Мама умерла в 36-м. У нас был очень хороший отец, который нас, троих, и воспитал. Нас, сирот, жалели соседи, иногда кормили. Когда папа приходил с работы, разрешали вне очереди готовить обед. Жили очень бедно. Потом заболел отец и я — заразилась от матери. Брат был слепым более трех лет.

Жизнь отца, наверное, была постоянно беспокойной, мучительной. Чуть оправившись после смерти матери, заболел и сам, а о выезде на лечение и речи не было. А главное — постоянно преследовали работники НКВД. Чего только не пережили...

Помню, был такой Александр Алексеевич Осипов, жил в нашем доме, имел четырех детей, вроде работал нормировщиком на опытном заводе. Приходил во хмелю почти ежедневно, с песнями, в любое время (запоров в комнате не было), заводил разговор с папой, а когда папа работал в ночное время, приносил нам конфеток, всегда спрашивал, кто у отца бывает. Его никто не уважал, но многие боялись.

Часто появлялись слухи, что ночью приезжают на «черном вороне» — многих забирают. Забрали и соседа из комнаты за нашей стеной Блуса. Он был болен, имел двоих детей, жена только что вернулась из роддома.

Поздно ночью постучали и в нашу комнату, зашли двое в гражданском, велели папе одеваться. Мы с сестрой сразу же проснулись, заплакали. Нас стали утешать, что отец скоро вернется. Отец перед выходом нас поцеловал, сказал:

— Берегите Вову, не ревите, вам за меня не будет стыдно.

Через некоторое время отец вернулся, весь дрожал и плакал с нами вместе, но не сказал, где был. Отца больше никуда не приглашали, но и покоя ему не было. Уходя на работу, всегда говорил нам, что вины за ним нет.

После продолжительной болезни — бруцеллеза отцу пришлось сменить место работы с разрешения спецкомендатуры. Он переехал в Оленегорск, работал лесником. Но к нам приехать не имел права. Чтобы приехать на могилу к матери на Троицу, за два-три месяца просил пропуск. Бывало, и отказывали, для него это было самой страшной обидой.

А завет отца мы выполнили. Умер он в Оленегорске, а похоронили мы его вместе с матерью...

Хотя отец никогда не имел нарушений, во время войны работал на опытном заводе, в правах так и не был восстановлен. Мы много раз об этом писали, но ответов не получали.

Я в 1939 году окончила 7-й класс средней школы поселка Юкспорск. Не помню, чтобы в школе относились ко мне плохо, но в пионеры и комсомол не приняли. А в июле 1939-го я пошла на работу.

Сестра училась лучше меня и после окончания семи классов поступила в Ленинградский техникум на отделение «Механизация сельского хозяйства». А через восемь месяцев ее отчислили, велели в 24 часа покинуть Ленинград, поскольку она — дочь спецпереселенца, а следовательно, врага народа.

Я работала на опытном заводе АНОФ-1 и АНОФ-2 39 лет и пять месяцев. Наверняка и меня из-за отца неоднократно проверяли.

Но, несмотря ни на что, я очень благодарна своему отцу — труженику, честнейшему человеку. Благодарна за то, что воспитал нас такими же, как он. Горжусь им и в то же время очень его жалею. Оказывается, может быть и такое...

З. ШИШОВА.

Семен ЛИПКИН

ЛУНЫЙ СВЕТ

Городские парнишки со щупами
Ищут спрятанный хлеб допоздна,
И блестит над степными халупами,
Как турецкая сабля, луна.
Озаряет семейства крестьянские:
Их отправят в Котовск через час,
А оттуда в места казахстанские:
Ликвидируют, значит, как класс.
Будет в красных теплушках бессонница,
Будут плакать, что правда крива...
То гордится под ветром, то клонится
Аж до самого моря трава.
Стерегут эту немочь упорную —
Приумолкший угрюмый народ.
Если девушка хочет в уборную,
Вслед за нею конвойный идет.
Дверцу надо держать приоткрытою:
Не сбежишь, если вся на виду...
Помню степь лунным светом облитую
И глухую людскую беду.
Я встречаю в Одессе знакомого.
Он теперь вне игры, не у дел.
Не избег он удела знакомого,
Восемнадцать своих отсидел.
Вспоминает ли, как раскулачивал?
Как со щупом искал он зерно?
Ветерок, что траву разворачивал?
Лунный свет, что не светит давно?

Светлые вехи

Старались. Железом скребли
Ее материнское лоно.
И сонная одурь земли
Наградой легла миллионам.
Чего же ты хочешь теперь,
Бесплодьем ее попрекая:
Душой именуемый зверь
Ревет, как пучина морская.
Он страшен. Он грязен и зол.
Он алчет, и страждет, и воет.
И глухо скрежещет глагол,
И надвое сказано вдвое.
Весь в струльях наград и оков...
В какую бы щель, на полятный,
Забиться б на пару веков —
Зализывать «белые пятна»?
Измученных нищих старух
Трепещут тяжелые веки.
И сотнями поднятых рук
Красуются светлые вехи.

Полина БЕСПРОЗВАННАЯ

Урал — Хибины — Родина моя

Жили мы в деревне Подъельник Кунгурского района Пермской области в собственном доме, ухоженном: обшитым тесом, покрашенным, оштукатуренным. Жили мы, Тюшевы, вместе: мать, отец, его родители (баоушка с дедушкой), пятеро детей, я — старшая, 15 лет. Занимались хлебопашеством. В хозяйстве было две лошади, две коровы, 8 овечек, кур штук 20. Работников не держали, но в страду на жатве помогали соседи.

Дедушко — Григорий Федорович Тюшев был очень деятельный, трудолюбивый, ловкий, как говорила мама, он не ходил пешком, а бегал, делал все быстро. При помощи двух сыновей в зимнее время занимался изготовлением веялок. Дедушко ковал металлические детали к ним, а отец делал деревянные части. В месяц собирали 2 веялки и везли в город Пермь на рынок продавать.

Последний год жили с одной лошадью и одной коровой на 9 человек — этого было, конечно, недостаточно, но налоги были большие, платить было нечем. Папу зимой мобилизовали на лесозаготовки с лошадью.

В 1929 году начали организовывать колхоз и нас приняли в него осенью. До этого отец был избран председателем сельсовета. Он считался грамотным (3 класса сельской школы) человеком, умел читать газеты.

Как я помню, зимой 1930 года, ночью неожиданно к нам нагрянули несколько человек с обыском. Искали оружие, хлеб, но так как оружия и хлеба не было спрятано, то ничего и не нашли, но сделали опись всего хозяйства и вещей и через неделю объявили о выселении нас. Помню, дедушко говорил: «Какая бы власть ни была, мы должны ей подчиняться, значит, так надо», поэтому никто не сопротивлялся и не протестовал. Мы собирались неделю. Тепло оделись, с собой же взять описанные вещи не разрешалось: ни швейной машинки, ни самовара.

24 февраля нашу семью увезли в Кунгур. Там переночевали в церкви, а затем нас погрузили в товарные вагоны с чугунной печкой и нарами в два ряда. Полежать места всем не хватало, спали по очереди, т. к. было очень тесно. До Соликамска ехали целую неделю, продуктов не давали, только кипяток по кружке на человека и дров, чтобы поддержать тепло в вагоне. В Соликамске был пересыльный пункт, развозили в разные районы: Чердынь, Поломск. Стояли сильные морозы до 40 градусов и высокие сугробы снега.

И вот в эти условия вместе с нами (уральцами) привезли переселенцев с Украины, Крыма, одетых легко, поэтому люди не могли выдержать, замерзали по дороге, мы видели много замерзших трупов. В Поломском районе нас развели по деревням, а весной в лес на лесоповал, где было построено два барака и баня.

В августе многим семьям было объявлено, что могут вернуться «домой». Люди поверили, погрузились снова в товарные вагоны и ехали уже 2 недели, куда ехали, никто не говорил, а вахтенные не знали.

С разъезда Белый (сейчас Апатиты) повернули в горы, и выгрузили на 18-м километре, где лежали штабеля досок и бревен, куча брезента. Было объявлено, чтобы палатки ставили сами. В палатку поместили до 70 человек. Нары делили по 30 см на человека, так прожили 2 года. Никаких заборов, колючей проволоки не городили. Заграждения из колючей проволоки были у озера Большой Вудъявр, в районе, где позже построили хлебозавод. Там жили заключенные.

Дедушко и отец работали плотниками на основной работе — строительстве административных зданий в Хибиногорске, фабрики, жилых домов — по 10—12 часов, а придя домой, после короткого отдыха, снова шли на работу, ставили щитовые стандартные бараки.

В бараке нам дали (как и многим другим) отдельную комнату, площадью 12 квадратных метров на 9 человек. Это для нас было настоящей роскошью! Так прожили три года. В 1935 году старикам разрешили вернуться «домой», думается, хотели избавиться от лишних ртов. Снабжением в общем были довольны, хотя и не всегда ели досыта. Давали пайки, детям две бутылки молока на месяц, а овощей долго не было. Конечно, народ болел, люди умирали от цынги, тифа.. Сказать, что нас как-то притесняли — этого не было, редко кто не подчинялся правилам.

Дедушко с бабушкой уехали на родину и жили там в сарае приютивших их родственников. Мы в бараке прожили до 1957 года, а потом на фабрике, где мы с папой работали, дали квартиру в каменном доме. Отец уже был парализован — инвалид I группы. Два брата погибли на фронте в возрасте 22—23 лет. Вот и все, что осталось в моей памяти.

А. КАРПАНИНА.

Наш адрес: 184200, Апатиты, а/я 215, тел. 37-385. ПН-03167. Заказ 2149. Тираж 3000 экз. Ответственная за выпуск П. Беспрозванная.

Библиотека газеты «Кировский рабочий»

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

30 ОКТЯБРЯ 1990 ГОДА

Цена 1 руб.

«ХВАТИТ БЫТЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМИ!»

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СССР

30 октября в Москве в 18 часов на пл. Дзержинского должен состояться митинг демократических сил. Мы публикуем листовку, выпущенную МКС партии Демократический союз к этому митингу.

История страны, в календаре которой есть День политзаключенного, воистину ужасна. Миллионы жертв коммунистической системы взывают народ к покаянию. Кровь не только на руках палачей, 73 года убивающих ради торжества человеконенавистнической теории, но и на наших руках — руках всех тех, кто был послушен, кто не восстал против Системы, кто даже не попытался честно взглянуть на то, что творилось в нашем собственном доме. Но пока все по-прежнему. Нет покаяния, нет и свободы. По-прежнему все мы живем за колючей проволокой, и пока режим убивает одних, другие покорно ждут своей очереди или поют хвалу режиму. Раньше — брежневскому, теперь — горбачевскому, раньше — застою, теперь — перестройке застоя. И раньше и теперь пепел погибших не стучит в сердца тех, кто сотрудничает с «перестроечной» властью — властью преступной и незаконной. До сих пор режим использует карательную психиатрию, обречены досиживать свой срок узники 35-ой зоны, бросают в лагеря пацифистов, сидят в тюрьме КГБ лидеры НФ Азербайджана, заводятся уголовные дела за несанкционированные митинги, за антигорбачевскую деятельность.

В 1986 году погиб от голодовки Анатолий Марченко, сидят в лагерях и спецпсихбольницах И. Мамедов, М. Казачков, П. Новиков, Н. Бердник, Л. Добров, сотни других политзаключенных. Но самое страшное то, что мы по-прежнему молчим, — молчим, когда арестовывают невиновных, когда избивают дубинками, рубят саперными лопатками, расстреливают на улицах и давят гусеницами танков. По-прежнему мы стараемся не замечать преступлений режима, предпочитая горькой правде сладкую ложь официальной пропаганды. Мы, будущие узники концлагерей, поверим в его преступность только тогда, когда придут за нами.

Это уже было не раз. Так же начинал перестраивать в 30-е годы Германию Гитлер. История повторяется, ибо мы не усвоили ее уроки. С получением Горбачевым диктаторских полномочий «перестройка» близка к своему объективному завершению: разрухе, голоду и военной диктатуре «по просьбе трудящихся» — обновленному советскому концлагерю.

Пусть демократическая общественность уже сегодня станет тем первым взбунтовавшимся бараком в этом концлагере, с которого начнется наш путь к Свободе. Каждый акт сотрудничества с незаконной властью, охраняющей лагерный режим, — наша с вами подпись на будущих приговорах.

Мы призываем выйти на площадь всех, кому дороги свобода личности и будущее страны.

МКС партии Демократический Союз.

«УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИИ»

21—22 октября в Москве проходил Учредительный Съезд движения «Демократическая Россия». На нем был утвержден Устав и принят ряд программных документов и обращений. Мы публикуем отдельные положения принятого устава.

1.1. Движение «Демократическая Россия» (далее «Движение») — массовая общественно-политическая организация добровольно объединившихся партий, общественных организаций и движений, иных объединений и отдельных граждан.

1.2. Задачей движения является координация действий по объединению демократических сил общества для проведения прогрессивных радикальных политических и социально-экономических реформ в России в целях создания гражданского общества.

1.3. Самостоятельность в определении собственности стратегии и тактики каждого коллективного члена движения гарантируется.

1.4. Нравственной основой деятельности Движения являются гуманизм, ненасилие, уважение к правам и достоинству личности, отрицание тоталитаризма, неприятие расовой, национальной и классовой исключительности.

1.5. Движение осуществляет свою деятельность в соответствии с действующими Конституциями и законами РСФСР и СССР.

Заявить о своей поддержке Движения и участвовать в его деятельности могут как отдельные граждане, так и объединения граждан.

Съезд завершился принятием ряда резолюций. Основные требования: отставка союзного правительства; поддержка курса парламента России на радикальную экономическую реформу, передача народу имущества КПСС. Съезд предложил объявить 7 ноября Днем Поминовения и Днем Согласия.

Помощь может опоздать!

Она и так опоздала на десятилетия. А ведь речь идет о людях, перед кем государство и общество особенно виновато — о бывших спецпереселенцах и репрессированных.

Хибинское общество «Мемориал» старается хоть что-то сделать для того, чтобы помочь живым и увековечить память погибших, тех, кто не дожил до своей запоздалой официальной реабилитации. Но, к сожалению, наши возможности очень ограничены: не хватает средств, не хватает «рабочих» рук, не хватает времени и сил. (И то сказать, даже постоянного помещения для общества до сих пор добиться не можем, а оно совершенно необходимо — чтобы было куда прийти людям, нуждающимся в нашей помощи, чтобы было где хранить собранный нами «архив»).

Поэтому мы обрадовались, когда Апатитский горсовет пошел нам навстречу и предложил провести круглый стол «Память и милосердие» для выработки совместного плана действий. Правда, значительная часть приглашенных по той или иной причине не явились. В частности не было представителей ни треста «Апатитстрой», ни ПО «Апатит».

Тем не менее были приняты решения:

1. Обратиться в Кировский и Апатитский Советы депутатов с предложением о представлении спецпереселенцам, как и репрессированным, льгот на уровне льгот участников ВОВ.

2. Обратиться к трудовым коллективам и общественным организациям о финансировании дополнительного материального обеспечения спецпереселенцев и выделении средств для создания памятника-часовни (там, где сейчас памятный знак).

3. Создать объединенную комиссию Кировского и Апатитского горсоветов и Хибинского общества «Мемориал» для решения вопросов благотворительности и строительства памятника-часовни. Причем комиссия уполномочена будет решать вопрос о выдаче свидетельств спецпереселенцам, не имеющим соответствующих официальных документов.

Комиссия уже создана, и мы надеемся, что она будет не «бумажной», а действительно рабочей. И что ее работа принесет добрые плоды. Хотелось бы, чтобы это произошло, как можно скорее.

СВИДЕТЕЛЬ КАТЫНСКОЙ ТРАГЕДИИ

14 апреля 1990 г. в центральных газетах появилось «Заявление ТАСС». В нем признавалась ответственность НКВД за расстрел польских офицеров в 1940 г. в Катынском лесу близ Смоленска и говорилось, что эта трагедия «представляет одно из тяжких преступлений сталинизма». Таким образом, фактически признавалась вина за раздел Польши в 1939 г. между гитлеровской Германией и СССР, следствием которого было не только уничтожение ее суверенитета, но и культуры: из примерно 15 тысяч упомянутых в «Заявлении» расстрелянных поляков только около трети составляли кадровые военные, остальные же были мобилизованными в армию врачами, учеными, музыкантами... 47 лет, начиная с 1943 г., советские власти обвиняли гитлеровцев в катынском злодеянии.

В 1970-х годах среди московских правозащитников начали распространяться слухи о необычном человеке, вышедшем на свободу из Владимирской тюрьмы после 25-летнего одиночного заключения. Говорили, что история его как-то связана с расстрелом польских офицеров в Катынском лесу. Многие из нас тогда впервые услышали это слово — Катынь, порой путая его с названием сожженной нацистами белорусской деревни Хатынь.

Человека, о котором шла речь, звали Борис Георгиевич Меньшагин (далее — Б. Г.). Впервые

(Окончание на 6-й стр.).

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА И АРЕСТА

Иван ЕЛАГИН

Клок бумаги. Протокол.
Расписались понятые.
Дождь таких бумаг прошел
В эти годы по России.
На рассвете проводы.
Увезли куда-то
(У такого-то, такого-то
То-то и то-то изъято).

Увезли куда-то.
Где он — не узнаем.
Детство мое изъято.
Смех за вечерним чаем,
Милая теплота
Доброй руки отцовой.
Ляжет бумага та
В память плитой свинцовой.

Переписка ворохом
Свалена — изъята.
Изъято все, что дорого.
Изъято все, что свято.

В протоколе пункт один,
Как железный стержень, —
Что задержан гражданин,
Гражданин задержан.
Гражданина уводил
В кителе детина.
И задержан бег светил
Был для гражданина.
Только сел в машину он —
Двинулась машина,
И задержан ход времен
Был для гражданина.

И пропал он, как в дыму,
На заре в июле,
И дыхание ему
Задержали пулей.

Брось на клок бумаги взгляд.
Только зубы стисни:
Прочитай, как был изъят
Гражданин из жизни.

Библиотека Мемориала

КОМПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

(Окончание. Начало в сентябрьском выпуске).

30 ОКТЯБРЯ 1918 года большевистской властью были введены еще два налога: 1) Натуральный налог. Он исчислялся по площади посева, предназначался для окончательного удушения «кулака» и был дополнительным налогом на урожай 1918 года. 2) Единовременный чрезвычайный революционный налог. Этот налог был назначен в сумме 10 миллиардов рублей для всей подвластной большевикам территории. К этому времени буржуазия была уже полностью ограблена. Рабочие и служащие от этого налога освобождались, и он всей своей тяжестью ложился на крестьян. Его разверстали по губерниям.

Но деревня продолжала ожесточенно сопротивляться. Осенью 1918 года большевики захватили богатое хлебом Поволжье. Продовольственный кризис на время ослабел. Первой уступкой деревне было расформирование в ноябре 1918 года комбедов, которые деревню разделили и разорили, но не принесли большевикам той пользы, которой от них ожидали. Затем, декретом от 11 января 1919 года, изъятие хлебных излишков было заменено продразверсткой. В принципе, сдав причитавшиеся с него по продразверстке продукты, крестьянин ничего больше государству не был должен. Но практически с него эту разверстку часто требовали и дважды и трижды, в зависимости от положения с продовольствием. Кроме того, распоряжаться по своему усмотрению оставшимися у него на руках продуктами крестьянин не имел права. Продажа их в частные руки или даже обмен приравнивались к спекуляции и карались расстрелом.

В МАРТЕ 1919 года отступление на крестьянском фронте пошло еще дальше.. На VIII съезде партии Ленин предложил ограбленному им крестьянину-середняку мир и союз. Но деревня к зазываниям Ленина отнеслась сдержанно. Чтобы снискать расположение крестьян, советское правительство в апреле 1919 года освобождает середняков и от натурального и от чрезвычайного революционного налогов. Освобождение это обосновывается в декретах от 10 и 26 апреля так: те, кто были в состоянии внести эти налоги, их уже внесли. «При таких условиях невнесение остальными середняками, меньшинством, даже этих умеренных окладов налога дает основание заключить, что местные раскладочные комиссии ошибочно отнесли этих неплательщиков к средним крестьянам, а не к бедноте... Поэтому представляется справедливым прекратить дальнейшее взыскание этого налога с граждан, обложенных низкими ставками налога...»

Но облегчение для середняков «ни в коем случае не должно распространяться на богатых сельских хозяев». Они «в случае невнесения» «должны предаваться революционному суду и подвергаться суровым карам».

В Орловской губернии эта льгота распространялась на крестьян, обложенных революционным налогом не выше 1.500 рублей и натуральным — менее 60 пудов.

Таким же отступлением был и декрет от 26 апреля 1919 года, регулировавший положение кустарной и мелкой промышленности и дававший известную свободу частной инициативе.

ЭТИ УСТУПКИ не привели к миру между крестьянством и большевиками, но смягчили враждебные отношения и в какой-то степени на короткий срок нейтрализовали крестьянство, как враждебную большевикам силу. Деревня начала надеяться на улучшение своего положения. Но, после короткой передышки, большевики возобновили наступление. На это обманутая и изверившаяся деревня ответила восстаниями 1920—1921 года.

Фактически безвозмездное изъятие хлеба и травля «кулаков», в разряд которых мог попасть каждый, имевший какие бы то ни было излишки, привели к тому, что крестьяне стали уменьшать посевную площадь и переходить постепенно на натуральное хозяйство, то есть производить столько, сколько нужно для их личных потребностей. Отсутствие удобрения, уменьшение конского поголовья, ухудшение сортов семян и т. д. привели к падению урожайности. Но продовольственные отряды, увеличивавшиеся в числе, выколачивали продразверстку, не останавливаясь ни перед чем. В 1919 году начала голодать и деревня.

21 апреля 1920 года собирание продразверстки было передано в ведение Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) и стало производиться не только продармией, но и войсками внутренней охраны (ВОХР), а иногда и частями особого назначения (ЧОН). Во главе отдельных экспедиций ставятся заслуженные чекисты, вроде М. Лациса. Это он осенью 1920 года возглавлял набег на Среднее Поволжье, где в 1921 году миллионы людей умирали от голода.

ГОЛОД пришел в деревню в 1919 году, на полтора года позже, чем в город. Но деревенский голод был безвыходнее городского, особенно в Центральной России. О городе советская власть как-то, хоть и неудачно, заботилась. О деревне же забота была лишь в том, чтобы отобрать побольше продуктов. Когда же собирание продразверстки было передано ВЧК и началось «перевыполнение планов», положение крестьянства стало трагическим. Чекисты забирали все под метелку, до последнего зерна, отговариваясь тем, что крестьяне закапывают зерно в землю и с голоду не умрут. Но чекисты ошиблись. Крестьяне умирали голодной смертью.

Крестьянские восстания 1918 и 1919 годов были стихийны, но пассивны и редко перехлестывали через границы волости или уезда. В 1920 году деревня начинает организовываться для борьбы. Возникают Союзы Трудового Крестьянства и Братства Трудовых Крестьян. Эти союзы и братства оставались большей частью организациями местного значения. Но там, где они сумели завязать сношения с соседями и объединиться, восстания сразу приняли крупные размеры и получили организацию и вождей.

О КРОНШТАДТСКОМ восстании, о восстаниях 1920—22 годов на Украине и в Белоруссии, о Махно и Булак-Балаховиче знают все. О них — обширная литература. О Тамбовском восстании Антонова сведений меньше и представления о нем туманны и разноречивы. О Воронежской губернии с Колесниковым, о Доне с «царским» генералом Пржевальским, кн. Ухтомским, о Ставрополе с комбригом 1-й Конармии Буденного Маслаковым, о Поволжье с начдивом 2-й Туркестанской кавалерийской Сапожковым, Серовым, Усовым, Вакулиным, Поповым, о Западной Сибири с Густомесовым, Атамановым, Токаревым, об Алтайском крае с Кайгородовым, Плотниковым, Штанниковым, — о них почти никто не знает. Это «белые пятна» истории противобольшевистской борьбы.

Вот несколько цифр, относящихся к концу 1920 и началу 1921 годов, когда эти восстания достигли своего максимума. Для Белоруссии советские источники определяют количество восставших в 10.000 человек, для Украины — 40—50.000, для Воронежской губернии свыше 20.000, Поволжья — 11.000 (цифра явно приуменьшена), Тамбовской губернии — свыше 50.000 (2 армии, 21 полк и отдельная бригада), в западной Сибири количество восставших исчислялось в сотнях тысяч, оно охватило 12 уездов в трех губерниях. Для одного только Ишимского уезда Тобольской (Тюменьской) губернии советские источники называют цифру в 60.000.

Против восставших большевистская власть бросила специальные части: батальоны, полки, даже дивизии ВЧК, ЧОН,ВОХР, автоброневые отряды, бронепоезда, артиллерию, авиацию.

Наиболее ожесточенным и наилучше организованным было Антоновское восстание в Тамбовской губернии. Первое крупное восстание здесь произошло уже в мае 1918 года. Жители огромного села Мункач уничтожили продовольственный отряд. Карательная экспедиция с артиллерией не только усмирила село, но и увела в Тамбов несколько тысяч крестьян. Там их поставили перед выбором: расстрел или поступление в Красную армию. Поступив в Красную армию и получив оружие, они в середине июня опять приняли участие в восстании, захватив на несколько дней Тамбов. Восставала Тамбовская губерния и в 1919 году. Была кроваво усмирена. Но не покорилась.

АНТОНОВСКОЕ восстание началось 15 августа 1920 года. В этот день комитет Союза Трудового Крестьянства (СТК) «разоружил и арестовал» в селе Хитрово Тамбовского уезда прибывший туда продотряд. 19 августа отряд восставших в 150 человек занял село Каменку Кирсанского уезда. Был созван сход, на котором председатель губернского комитета СТК, Г. Плужников, огласил декларацию о целях восстания. «Антонов методично, последовательно расширял очаг мятежа. К 8 сентября 1920 года его банда насчитывала примерно 6.000 человек».

В сентябре—октябре 1920 года восстанием были охвачены 5 уездов. «К декабрю 1920 года они (повстанцы, Ю. С.) захватили почти всю Тамбовскую губернию, имея четыре крупные подвижные группировки». Антонов совершает рейды в Воронежскую, Саратовскую, Пензенскую губернии. Большевики держатся только в крупных населенных пунктах. В марте восставшие готовят захват Тамбова. Они уже войски организовались, разделены на полки и роты, обзавелись захваченной в боях артиллерией.

Коммунистам, совработникам и продотрядникам нет пощады. В одном только Тамбовском уезде весной 1921 года из 56 волостных советов было ликвидировано 54. Уничтожены тысячи коммунистов. Как сообщает один советский источник, за коммунистами «охотились».

С самого начала большевики массовым террором пытались сломить дух восставших. Уже 1 сентября 1920 года оперштаб тамбовской ЧК выпускает приказ: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их». Сотнями берут заложников — крестьянских жен и детей, сотнями расстреливают, выжигают села.

Против крестьян Антонова собирают кулак из отборнейших частей: полк ВЧК и три полка ЧОН из Москвы, отряд ЧОН из Приволжского военного округа, интернациональные части из Казани, коммунистические отряды общей численностью свыше 6.000 человек. Стягиваются части с Западного фронта, с Кавказа, с Украины. Приходит украинская кавдивизия Дмитриенки, молдаванская Котовского. В апреле 1921 года начинается «лагерный сбор» курсантов Московского и Орловского военных округов (свыше 7.000). «Академия генштаба РККА направила в Тамбовскую губернию группу своих слушателей во главе с И. Федько».

К маю в распоряжении красного командования было уже около 50.000 отборных войск, три бронепоезда, три автоброневых отряда, несколько железнодорожных бронелетучек, несколько пулеметных отрядов на легких грузовиках и легковых машинах, авиаотряд, свыше 60 орудий и несколько сот пулеметов. Командует Тамбовским фронтом Тухачевский, только что подавивший Кронштадтское восстание. В помощь ему придан Уборевич. Начальник штаба — Какурин. И все это против вооруженных обрезами и косами крестьян Антонова.

11 июня 1921 года полномочная комиссия ВЦИК приказывает «семьи, укрывающие членов семей или имущество бандитов, рассматривать как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда» (приказы №№ 130 и 171). Начиная с февраля—марта 1921 года целые деревни высылаются на север или к Аральскому морю. Из Тамбовской губернии было выселено от 80 до 100 тысяч крестьян. Огромные районы превращены в пустыню.

Но несмотря на неудачи и потери, восставшие сохраняли то, что советские источники называют «живучестью» и «быстрой способностью к регенерации». Разбитые и рассеянные в одном месте, они быстро собираются в другом. Но удары их становятся все слабее. В августе тяжело ранен Антонов. Его выносят из боя, и ему удается скрыться.

Уже в конце июля большевики празднуют победу. Председатель полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии Антонов-Овсеенко телеграфирует ЦК РКП(б): «Банды Антонова разгромлены. Шайки Богуславского уничтожены. Банда Карася вместе со своим атаманом ликвидирована...»

Но сопротивление, хотя и слабое, продолжается. В отчетах и докладах тамбовские власти в феврале 1922 года доносят в Москву, что «мелкие шайки бандитов имеют связь с крестьянством и представляют из себя опасные белогвардейские потенциальные организации» и «не исключена возможность новой бандитской волны весной т. г.». Живой и свободный Антонов не даст большевикам спать.

Наконец в мае 1922 года с помощью предателей нападают на след Антонова. Вечером 24 июня 1922 года отряд чекистов окружил и поджег на окраине села Н. Шибряй избу, в которой находился Антонов. «Бандиты отчаянно сопротивлялись, произведя сотни выстрелов. Бой длился больше часа». Антонов и его брат были убиты при попытке прорваться к лесу.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ управление РККА определяет боевые потери Красной Армии за 1919 год в 131.396 человек. Тогда было четыре фронта гражданской войны и Западный фронт против Польши и прибалтийских государств. На 1921 год то же управление исчисляет боевые потери в 171.185 человек. Войска ВЧК, ЧОН и коммунистические отряды в Красную армию не входили, и потери их в эту цифру, по всей вероятности, не включены. В 1921 году внешних фронтов не было. Одно только сопоставление этих цифр потерь показывает размах, ожесточенность и грандиозность войны народа с советской властью. «До самого конца 1922 года, — сообщает советский источник, — военное положение сохранялось в 36 губерниях, областях и автономных республиках страны», то есть фактически почти вся Россия была на военном положении.

К НЭП'у деревня пришла разоренной и социально нивелированной. Крупные крестьянские хозяйства исчезли. Обзавелись индивидуальными наделами батраки и с.-х. рабочие. Спроса на их труд не было. Пользование наемным трудом влекло за собой опасность обвинения в «кулачестве» и поражения в правах. Рабочие и горожане, переселившиеся в деревню, тоже получили наделы. Число индивидуальных крестьянских хозяйств с 15—16 млн. в 1913 году возросло до 24—25 млн.

Деревня была усмирена и обессилена голодом. Но она не покорилась. Большевики чувствовали эту вражду, знали о ней и боялись деревни. В сентябре 1922 года на V всероссийском съезде профсоюзов Рыков уже бьет в набат: «Урожай этот выявил ту громадную опасность, которая имеется во всей системе нашего хозяйства... Опасность эта в том, что сельское хозяйство способно восстанавливаться скорее, чем наша промышленность... Один урожайный год, после невиданного голода, стремится повернуть общее положение в нашей республике в пользу крестьян и против рабочих... на протяжении 2—3 таких лет классовое экономическое значение крестьянства далеко может превзойти экономическое значение рабочего класса».

К 1921 году продукция сельского хозяйства упала наполовину, тогда как промышленная продукция составила едва 15% продукции 1913 года. «Классовое экономическое значение крестьянства» значительно возросло. Для большевиков такое положение было опасно.

ТО, ЧТО произошло в 1927 году, не получило, как мне кажется, достаточного освещения. Это, думается, была первая проба сил. Крестьяне, сняв урожай, перестали продавать его государству. Вместо 5 млн. тонн было заготовлено до конца года всего немногим больше 2,5 млн. В городах пришлось ввести карточки на хлеб, и в деревню опять пошли продовольственные и заградительные отряды. Опять мобилизована беднота. В 1927—28 г.г. заготовки хлеба «производились отчасти в принудительном порядке... Штрафы и конфискации... действительно практиковались...»

1928 год прошел спокойно. Но в конце 1929 года наступление началось. Деревня отчаянно сопротивлялась. Наконец, на XVI съезде партии, в июне—июле 1930 года, Сталин добился высшей власти, и съезд объявляет лозунг «ликвидации кулака как класса, на основе полной коллективизации». Место комбедов занимает деревенский актив. Все карательные силы государства сосредоточены на деревне.

Активно сопротивляться деревня была уже не в состоянии, она переходит к пассивному сопротивлению. Уничтожается скот. Уменьшается посевная площадь. Земледельческие работы производятся спустя рукава. Урожаи падают.

Правительство призывает на помощь старого, испытанного союзника и вызывает искусственный голод. Одновременно наиболее сильных и крепких крестьян массово высылают или заключают в концентрационные лагеря. Коллективизация стоила стране около 10 млн. жизней. Деревня задавлена и загнана в колхозы. Крестьяне превращены в крепостных коммунистического государства.

В ТЕЧЕНИЕ десятилетий колхозная система хозяйственно никак себя не оправдывает. Советское сельское хозяйство зашло в тупик. В нем занято около двух пятых всего работоспособного населения. Но оно не прокармливает страну даже на полуголодном пайке: коммунистическое правительство вынуждено закупать хлеб у «капиталистов». Но отказаться от колхозов большевики не могут. Они знают, что освобождение деревни, это — конец их власти.

Ю. СРЕЧИНСКИЙ.

Перепечатано с сокращением из «Нового журнала» 1967, кн. 89.

Библиотека Александра Мосягина

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СССР

«В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем официозе: «Дорогу красному печатнику» или иной красной группе рабочих, которые до тех пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и слагается то, что вы зовете «диктатурой пролетариата». Теперь и в Полтаве мы видим то же: Чрезвычайная комиссия, на этот раз в полном согласии с другими учреждениями, производит сплошные аресты меньшевиков. Все более или менее выдающееся из «неблагонадежной» социалистической оппозиции сидит в тюрьме, для чего многих пришлось оторвать от необходимой текущей работы (без помощи «неблагонадежных» меньшевиков вы все-таки с ней справляться не можете). И, таким образом, является новое «торжество коммунизма».

В. Г. КОРОЛЕНКО.
«Письма к Луначарскому». 1920 г.

«Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.»

Анна Ахматова. «Реквием»

«Принятая Государственным политуправлением исправительно-трудовая политика, сведенная в систему воспитания проповедью единой, для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом, — еще раз блестяще оправдала себя. Она была оправдана и раньше в многочисленных трудовых колониях и коммунах ГПУ, но эту систему «перековки» людей впервые применили так смело в таком широком объеме. Пролетариат-диктатор еще раз получил неоспоримое право заявить: я борюсь не для того, чтобы убить, как это делает буржуазия, а для того, чтобы воскресить трудовое человечество к новой жизни, я убиваю только тогда, когда уже нет возможности вытравить из человека его древнюю привычку питаться плотью и кровью людей».

М. ГОРЬКИЙ.

Из книги «Канал имени Сталина», изданной в 1934 г.

Анатолий КЛЕЩЕНКО
1921—1974

ЗА ЧТО???

За то, что мы не ведали: за что же?
Нас трибуналы осуждали строже,
Чем всех убийц, бандитов и воров,
И сапогами вохровцы пинали,
Когда этапом по Уралу гнали
Туда, где стол нас ожидал и кров.

За то, что мы с восхода до заката
Четыре куба резали на брата
И летом гнус без совести нас жег,
Зимой в одних рубашках было жарко,
Нам, кроме пятисотки и приварка,
В награду полагался пирожок.

За то, что хлеб свой добывали в поте,
За месяц доплывали на работе
Так, что не поднимались больше с нар,
Кандея нам давали трое суток.
Потом, чтобы не врезали без шуток,
Тащили на руках в стационар.

За то, что мы там хлеб свой даром жрали,
По полпайка у нас лекпомы крали,
Раздатчики — по четверти пайка,
А КВЧ читал свои морали,
И мы легко и тихо умирали,
Один другому говоря: «Пока!»

За то, что нам недоставало силы
Рыть для себя глубокие могилы ,
Когда весною таяли снега,
В зеленых лужах наши трупы гнили,
Нас без гробов ненужных хоронили,
Раздев в стационаре донага.

...1948 год. Красноярский край, Нижне-Ингашский район.

Если от станции Решоты, что на главной сибирской магистрали, ехать узкоколейкой на север, то в самой глубинке красноярской тайги упрешься в густо расположенную сеть «зон» за высокими заборами с колючей проволокой и вышками по периметру. Это лагеря Краслага, где в сороковых годах мучились и погибали тысячи и десятки тысяч «врагов народа».

Безвестные могилы тысячи политзаключенных, разбросанные по необъятной сибирской тайге, невозможно, конечно, восстановить, так как хоронили примитивно — в грубо сколоченных ящиках, в нижнем белье. Причем при вывозе такого «гроба» через вахту дежурные по КП обязаны были пикой проткнуть грудную клетку у трупа, чтобы, упаси Бог, под видом покойника не сбежал «враг народа».

Я — из тех немногих, которым удалось сперва выжить «в немилосердной той войне» сталинского режима против своего народа, а потом и получить реабилитацию. А «отбывать» мне пришлось именно в самой глубинке Нижне-Игнашской тайги — на л/п-2 ОЛП-10 Краслага. В 1949 году отсюда все политзаключенные были отправлены в Озерлаг МВД СССР.

Л/п-2, где я «отбывал», — был лагерь для долгосрочников (для тех, у кого срок был более десяти лет, а десять лет считалось нормой). Контингент политзаключенных составляли не только бывшие советские граждане, но и много людей из-за рубежа. На нашем лагпункте кроме российских эмигрантов были китайцы, корейцы, японцы, монголы, а также русские из Румынии, Болгарии, Чехословакии. Был даже один американский летчик чешского происхождения и один немецкий офицер — оба попались каким-то образом в Австрии.

ГИБЕЛЬ ЛЕТЧИКА

(ИЗ ЛАГЕРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Условия были ужасные. Засилье: «блатных», произвол администрации, непосильный труд, голод и холод плюс унижения и душевные страдания.

В этих условиях политзаключенным было особенно тяжело. В основном люди культурные, образованные, высоко нравственные, они отличались наивностью, доверчивостью, не могли постигнуть основной лагерный принцип: «подохни ты сегодня, а я завтра».

Естественно, что политзаключенные старались общаться в своем кругу, стараясь поддерживать друг дуга, сохранить духовные интересы даже в тех условиях, хотя хватало и «стукачей» — нужно было вести себя очень осторожно. За малейшее подозрение — карцер или отправка на «штрафную колонну».

Подружился я крепко с советским летчиком Павлом Метелевым. Это был скромный, интеллигентный человек, с грустным всегда лицом, тихим голосом. Особенно запомнились его глаза — голубые-голубые, и проникновенный взгляд. Говорят, что если человек долго общается с небом, то оно отражается и во взгляде... Я сейчас уже не помню по какой политической статье дали ему 25 лет заключения, но помню, что и его жену, как чесээр (член семьи репрессированного) отправили на десять лет в дальние северные лагеря. А ведь Павел был боевым летчиком, воевал, имел награды.

Работал Павел на общих, самых тяжелых работах — на лесоповале. Участок в лесу оцеплялся конвоем, была запретная зона—просека, открытая для наблюдения, так чтобы все время вести наблюдение за работающими, и пребывание даже вблизи просеки считалось «подозрительным». Если же сделать хоть один шаг за пределы запретной зоны, то конвой имел право применять оружие без предупреждения. Этим пользовались иногда солдаты, провоцируя заключенных, а затем убивая их. Например, солдат, стоявший по ту сторону «запретки», велит заключенному принести ему дров или выполнить иное поручение, и когда тот переступит за линию, стреляет ему в спину — мол «зэк» решил бежать, но убит «при попытке к побегу». За такую «бдительность» солдат получал внеочередной отпуск, часы и денежную премию. На моей памяти — двое или трое, погибших таким образом. Потом заключенные уже стали отказываться выполнять поручения конвоя: лучше карцер, чем такая смерть...

В «зоне» обычно засаживался небольшой участок картофелем, хозяевами были кое-кто из работников обслуги. И никто не имел права посягать на этот картофель.

Надо же было так случиться, что в одну из августовских ночей Павел подрыл несколько кустов картофеля. Его застали «на месте преступления», и сами заключенные по-лагерному «проучили» его. О, если бы знали тогда люди, зачем Павлу нужен был картофель!

Через несколько дней на «рабочем объекте» — то есть в оцеплении на лесоповале была объявлена тревога: бежал заключенный «на рывок», прямо через просеку — и в лес. В этом случае работа прекращалась, всех заключенных собирали в одно место, сажали на землю, кругом располагались конвойные с ружьями и автоматами наперевес, так чтобы все зэки были на мушке. За беглецом устраивали погоню, для этого вызывали крупного «специалиста», фамилия его была Голиков, и его девизом было: «Я не беру беглецов живыми».

...Привезли Павла мертвым в этот же день к вечеру. Лежал труп на телеге, в ворохе сена, вся одежда была разорвана, виднелись следы крови на одежде. Вскрывали его на другой день в санчасти лагпункта, на вскрытии присутствовал оперуполномоченный. Я в это время иногда «подрабатывал» в санчасти (что-то вроде лекпома и санитара) и тоже присутствовал на вскрытии. Входное отверстие пули было на спине (значит до конца бежал, не сдавался), выходное — спереди на грудной клетке.

Хоронили Павла через день. Кто-то из «политиков» положил в гроб букетик полевых цветов, провожая его до вахты и тут, странное дело, никто нас не отгонял. Все было кончено.

Так оборвалась жизнь советского летчика, участника войны Павла Метелева, и было ему тогда немного более тридцати лет. А картофель ему нужен был, чтобы немного хоть поднять силы перед побегом, а возможно, и для питания на первое время в случае удачного побега. Увы, шансы на удачу приближались к нулю. Но такая душа была у летчика, что предпочел смерть неволе.

И. ПАСЫНКОВ,
ветеран труда.
г. Салават.

РАЗОБЛАЧИМ БАСНИ
о «принудительном» труде в СССР

Ряд черносотенных буржуазных газет Европы выступил с очередной порцией лжи и клеветы на Советский Союз. В английском парламенте рассказывались басни о том, что будто бы в советской стране чуть ли не третья часть населения — «заключенные», работающие по принуждению.

В частности, Джон Хикс (организатор налета на советское полпредство в Лондоне в 1926 г.) заявлял на основе «достоверных» сведений трех уголовников, бежавших из Архангельска, что на лесоразработках в Северном крае работают заключенные, и на этом основании сей парламентарий предлагает отказаться от ввоза советской древесины.

Вот это-то последнее и является главной причиной капиталистов, неприкрытых рабовладельцев, вопить о «принудительном» труде в СССР.

Они видят растущую мощь страны строящегося социализма, пытаются подготовить новую войну против нас.

«Свободный труд» оказывается там, где продают детей от голода, где десятки миллионов безработных и где все подчинено власти капитала, а не в стране Советов, где безработица ликвидирована и где растет миллионное движение рабочих и колхозников за скорейшее завершение построения социализма.

Никто этим басням не поверит. В ответ на гнусную вылазку провокаторов войны будем еще усиленнее продолжать социалистическую стройку, еще шире развернем фронт соцсоревнования и ударничества!

«Хибиногорский рабочий» 25 февраля 1931 г.

Летом 1963 года в Мурманске состоялся суд над врачом-невропатологом В. В. Касатским. Мы публикуем (с небольшими сокращениями) копию обвинительного заключения, утвержденного прокурором Мурманской области (С. Лебедюк). Суд приговорил В. В. Касатского к восьми годам лишения свободы. В 1966 году он был досрочно освобожден. А в 1988 году полностью реабилитирован. Материалы о В. В. Касатском были переданы нам Д. Юрасовым.

Обвинительное заключение

2 февраля 1963 года Управлением КГБ при СМ СССР по Мурманской области было возбуждено уголовное дело в отношении **КАСАТСКОГО** Вадима Викторовича. 9 февраля 1963 года **КАСАТСКИЙ** с санкции Прокурора Мурманской области арестован.

Расследованием по делу установлено, что **КАСАТСКИЙ**, будучи враждебно настроен по отношению к Советской власти, длительное время, начиная с 1948 года по день ареста, вел и в антисоветских целях хранил дневниковые записи, в которых высказывал антисоветские клеветнические измышления.

Кроме того, намеревался по окончании юридического факультета Университета, используя дневниковые записи, написать антисоветские книги и листовки и распространить их по стране и за границей (л. д. 49—60, отдельный пакет).

Следствием установлено также, что свои антисоветские взгляды **КАСАТСКИЙ** в письменной и устной форме распространял среди окружения.

(Окончание на 4-й стр.).

Библиотека Мемориала

Обвинительное заключение

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

В мае 1962 года **КАСАТСКИЙ** направил два письма антисоветского содержания гр-ке **СКОРОБОГАТОВОЙ**, проживающей в г. Кировске, в которых клеветал на положение трудящихся в СССР, советский строй и политику Советского правительства.

6 июня 1962 года во время беседы с заведующей Мурманским облздравотделом **ФАРАФОНТОВОЙ** по вопросу о предоставлении жилья **КАСАТСКИЙ** высказал клеветнические измышления о деятельности коммунистов, проклинал Советскую власть и угрожал обо всем написать за границу. (л. д. 80 об., 93—95).

В ноябре 1962 года в беседе со своей знакомой **МЕДЕЦКОЙ КАСАТСКИЙ** заявлял о том, что советский народ якобы недоволен политикой партии и правительства и призывал к созданию других партий в стране.

Антисоветские взгляды **КАСАТСКИЙ** высказывал также в беседе со своей бывшей женой **КРОПОТОВОЙ** и знакомой **СКОРОБОГАТОВОЙ** в период совместного проживания с ними. (л. д. 71, 81, 88—90, 115—116).

Свидетель **СКОРОБОГАТОВА** на допросе 16 февраля 1963 года показала:

«За период совместной жизни с **КАСАТСКИМ**... я убедилась, что он крайне недоволен существующим в СССР строем. В беседах со мной он не раз говорил, что якобы народ у нас живет плохо и что в этом виновата неправильная политика нашей партии и правительства.

Разговоров, во время которых **КАСАТСКИЙ** высказывал мне свои антисоветские взгляды, было много... ...Под влиянием этих разговоров у меня тоже стали появляться сомнения в правильности политики нашего правительства.

После того, как я уехала от **КАСАТСКОГО** и стала жить самостоятельно, эти сомнения исчезли. Я поняла, что **КАСАТСКИЙ** неправ, что он просто антисоветски настроен».

Во время обыска в квартире **КАСАТСКОГО** 11 февраля 1963 года была обнаружена и изъята рукопись под названием «Против однокандидатности в советской демократии», написанная им в августе 1962 года, которую он намеревался направить в редакцию «Коммунист» или газеты «Правда». В указанной рукописи **КАСАТСКИЙ** с антисоветских позиций критикует советскую избирательную систему и возводит клевету на политику Советского правительства (л. д. 172—177, 219).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого **КАСАТСКИЙ** не отрицает того факта, что он действительно вел и хранил дневники антисоветского содержания, но утверждает, что никакой цели при этом не преследовал.

Однако эти утверждения **КАСАТСКОГО** опровергаются материалами дела.

В начале 1960 года в одном из дневников **КАСАТСКИЙ** заявлял:

«Всю жизнь буду мстить или по крайней мере держать камень за пазухой против т. н. советского строя, социализма...» (л. д. 56—57).

В дневнике № 141 (март—апрель 1960 года), говоря о цели учебы на юридическом факультете Университета **КАСАТСКИЙ** пишет:

«Учу, зубрю советские юридические науки не для того, чтобы стоять на страже Советского государства и права, а для того, чтобы знать досконально винтики и колесики этой колесницы Джагернаута...

Ульянов сдавал на «отлично» экзамены по своду законов российской империи не для того, чтобы стоять на страже царизма, а совсем наоборот». (л. д. 57—58 стр. 41).

В этом же дневнике на стр. 16—17 **КАСАТСКИЙ** заявляет, что после получения юридического образования он должен сформулировать свои антисоветские взгляды, а затем: «написать книги, листовки, распространить их по стране и за границей».

Утверждение **КАСАТСКОГО** о том, что антисоветские высказывания в письмах к своим знакомым и в беседах с ними он допускал бессознательно, также не соответствует действительности.

В дневниках **КАСАТСКОГО** имеется ряд записей, свидетельствующих о том, что эти действия он совершал умышленно и сам оценивал их как антисоветские.

Кроме того, преступная деятельность **КАСАТСКОГО** подтверждается показаниями свидетелей **СКОРОБОГАТОВОЙ Т. С.** (л. д. 88—90), **МЕДЕЦКОЙ Р. В.** (л. д. 91—92), **ФАРАФОНТОВОЙ Е. Г.** (л. д. 93—95), **КРОПОТОВОЙ Н. С.** (л. д. 98—101, 115—116), вещественными доказательствами по делу (л. д. 218, 219, отдельный пакет) и заключениями экспертизы (л. д. 172—183).

На основании изложенного обвиняется:

КАСАТСКИЙ Вадим Викторович, 1924 года рождения, уроженец г. Соликамска Пермской области, русский, гр-н СССР, б/п, врач-невропатолог медсанчасти главка «Севрыба», студент-заочник юридического факультета Ленинградского Университета, до ареста проживал в г. Мурманске, в том, что:

будучи враждебно настроен по отношению к советской власти, длительное время, начиная с 1948 года по день ареста, вел и в антисоветских целях хранил дневниковые записи, в которых высказывал антисоветские клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Кроме того заявлял о своей готовности вести активную борьбу против Советской власти, а по окончании юридического факультета Университета намеревался написать антисоветские книги и листовки и распространить их по стране и за границей, а также в том, что в письменной и устной форме распространял свои антисоветские взгляды среди окружения, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ч. I ст. 70 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 207 УПК РСФСР уголовное дело № 440 по обвинению КАСАТСКОГО В. В. направить Прокурору Мурманской области для утверждения обвинительного заключения и передачи по подсудности.

Обвинительное заключение составлено 17 июля 1963 года в гор. Мурманске.

Начальник следственного отделения УКГБ по Мурманской области (ШИРОКИХ).

МАРТИРОЛОГ 70—80—Х

(из сборника документов «Летопись террора» Томского «Мемориала»)

Списки политзаключенных 70—80-х годов поражали не величиной цифр. Скорее на фоне незначительности действий, за которые человек мог очутиться за решеткой, удивляло как раз малое количество политзаключенных в стране: малое количество решившихся на пусть даже не активный протест — в соотношении с многомиллионным населением державы.

Наиболее веские обвинения: правозащитные письма, хранение литературы, участие в составлении самиздатских сборников, авторство статей. Но встречались приговоры (в особенности по ст. 190-1), где люди осуждались только за разговоры.

Однако количество политзаключенных — правозащитников постепенно росло. Это было показателем и постепенного ужесточения режима, и реакции на это ужесточение узких кругов интеллигенции.

Одновременно рос список погибших.

И первый из них — Юрий Галансков, погибший в Мордовском лагере в ноябре 1972 года.

Его осудили в 1968 году по ст. 7 за составление совместно с Александром Гинзбургом литературного сборника «Феникс». А. Гинзбурга приговорили к пяти годам лагерей строгого режима, Ю. Галанскова — к семи. Он скончался от прободения язвы желудка, нажитой в лагере.

В 1973 году погиб поэт Илья Габай. Он умер не в лагере, но смерть явилась прямым следствием заключения. В 1972 году он вернулся из лагеря, где отбыл срок по ст. 190-1 за действия в защиту крымских татар. Будучи человеком остро воспримчивым, он не смог вынести разлада с непонявшими его родными. Вернувшись, он не сумел адаптироваться, прижиться на воле и кончил жизнь самоубийством.

23 июля 1981 года в одном из лагерей Вологодской области скончался эстонский правозащитник Юри Кукк. Срок он отбывал по ст. 190-1. Причиной смерти явилась объявленная голодовка протеста.

В том же году в 36-м Пермском лагере скончался Андрей Турик — один из участников освободительного движения Украины.

В 1983 году скончался Виктор Томачинский. Он привлекался свидетелем по делу самиздатского журнала «Поиски», до этого выходил на одиночную демонстрацию в защиту осужденного Юрия Орлова. В 1981 году его вынудили уйти с работы, предлагали выехать за пределы СССР. А в начале 1982 г. арестовали по обвинению в тунеядстве и направили в один из лагерей Вологодской обл. По истечении срока его не выпустили, а завели дело по ст. 190-1. 5 мая 1983 года в Вологде состоялся суд, который обвинил Томачинского в том, что тот, во-первых, «в устной форме распространял заведомо ложные измышления» о советском государственном строе, в частности о том, «будто конституционные гарантии в СССР не выполняются», во-вторых, вел в лагере дневник, в котором «в явно тенденциозном виде излагает условия содержания в местах лишения свободы». Суд приговорил его к 3 годам лишения свободы. Еще отбывая первый срок, Томачинский заболел пневмосклерозом легочной ткани. Под следствием его не лечили. 11 июля 1983 г. он скончался.

В 1976 г. в Москве возникла Хельсинская группа, взявшаяся следить за тем, действительно ли соблюдает Советский Союз подписанные им условия Хельсинских соглашений. Вскоре появились аналогичные группы на Украине, в Прибалтике, в Закавказье. Большинство членов Хельсинских групп получили за эту деятельность лагерные сроки и ссылку. Особенно жестоко расправились с украинской группой — все ее члены получили максимальные сроки по ст. 70 (ст. 62 кодекса УССР). Первыми приговорили Николая Руденко и Олексу Тихого. Суд состоялся в августе 1977 года. Руденко получил 7 лет лагерей строгого режима и 5 ссылки, Тихий — 10 лет лагерей особого режима и 5 ссылки.

Олекса Тихий попал в Пермский лагерь особого режима. (Особый режим лагеря близок к тюремному: заключенные содержатся в камерах). Друзья вспоминают об удивительно мягком характере Олексы. «Вот уж действительно — тихий», — говорили о нем. Рассказывают, как озверелый охранник кричал на него: «Я научу тебя ругаться матом! Ты будешь кричать! — но результатов этих так и не добился. У Тихого было очень слабое здоровье. Холод в камерах и очень плохое питание организм дольше выдержать не смог: в мае 1984 года Олекса скончался.

В том же году в Кучинский лагерь привезли Валерия Марченко. Его приговорили в 1983 году в Киеве к 10 годам особого режима и 5 ссылки. Валерий Марченко и раньше отбывал срок по ст. 70. Вернувшись из заключения, он активно занялся правозащитной деятельностью. Обстановка в Киеве в начале 80-х годов была крайне тревожной, инакомыслящие находились под непрерывной слежкой КГБ. На удивление всем Валерий Марченко занимался своей деятельностью, ни от кого не таясь. Все знали, что его должны арестовать. Но мало кто знал, что у него тяжело больны почки. В лагере болезнь обострилась. Осенью 1984 года в безнадежном состоянии Валерия Марченко вывезли в Ленинградскую тюремную больницу, где он и скончался.

5 сентября 1984 года, в день Красного Террора, который политзаключенные отмечают обычно однодневной голодовкой, в 36-м Пермском лагере скончался украинский правозащитник Юрий Литвин.

Ровно год спустя здесь же скончался украинский поэт и правозащитник, член Украинской Хельсинкской группы Василь Стус. Его стихи займут еще место в сокровищнице не только украинской, но и мировой литературы.

8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме скончался писатель и правозащитник Анатолий Марченко. Его смерть имела настолько мощный резонанс, что власти были вынуждены хоть как-то сгладить происшедшее. Сначала был выпущен из ссылки академик Сахаров, затем началась амнистия политзаключенных.

К списку жертв нынешнего ГУЛАГа безусловно следует отнести Виктора Некипелова. Врач и поэт, член Московской Хельсинкской группы, он был приговорен к 7 годам лишения свободы и 5 ссылки. 7 лет отбыл полностью, долгое время провел в Чистопольской тюрьме, где неисцелимо заболел. Был амнистирован из ссылки в 1987 году. Видя безнадежное состояние Виктора, семья была вынуждена эмигрировать в надежде получить на Западе лечение. В июле 1989 года в Париже Виктор Некипелов скончался.

Это очень неполный мартиролог. Но кажется, что именно с него должен начинаться список жертв, которым занимается «Мемориал» — здесь еще живы и здравствуют палачи.

(Перепечатано из газеты пресс-центра «Московского Мемориала» «Свобода» № 7. — 1990).

Юрий ДОМБРОВСКИЙ
1909—1978

МАРИЯ РИЛЬКЕ

Выхожу один я из барака,
Светит месяц желтый, как собака,
И стоит меж фонарей и звезд
Башня белая — дежурный пост.
В небе — адмиральская минута,
И ко мне из тверди огневой
Выплывает, улыбаясь смутно,
Мой товарищ, давний спутник мой!
Он — профессор города Берлина,
Водовоз, бездарный дровосек,
Странноватый, слеповатый, длинный,
Очень мне понятный человек.
В нем таится, будто бы в копилке,
Все, что мир увидел на веку.
И читает он Марии Рильке
Инеем поросшую строку.
Поднимая палец свой зеленый,
Заскорузлый, в горе и нужде,
«Und Eone redet mit Eone»
Говорит Полярной он звезде.
Что могу товарищу ответить?
Я, делящий с ним огонь и тьму?
Мне ведь тоже светят звезды эти
Из стихов, неведомых ему.
Там, где нет ни времени предела,
Ни существований, ни смертей,
Мертвых звезд рассеянное тело.
Вот итог судьбы твоей, моей:
Светлая, широкая дорога —
Путь, который каждому открыт.
Что ж мы ждем? Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

* * *

Вадим ДЕЛОНЕ
1947—1983

Закат повис, вцепившись в облака,
Вода скрипит по днищу самоходки,
На берегу сгружают лес зека
За черствый хлеб и хвост гнилой селедки.
Нас двое на борту цепляют строп,
Все остальные маются на суше.
Когда-нибудь загонят бревна в гроб
И штабеля заваляют наши души.
Пока что мы как будто на ногах,
А страх не держат в лагере за редкость,
Но ветер рвет канаты впопыхах,
И нас несет с размаху на запретку.
На вышке передернут автомат,
И мы скользим по слизи мокрых бревен,
Виновные, что живы, а солдат,
Само собою, в этом не виновен.
Вот он поднялся, разгоняя лень,
Прицелился и взялся за работу.
Тень облаков легла, как смерти тень
Ложится на последних поворотах.
Ему отметят завтра, что побег
Он оборвал своей надежной пулей,
Над головой взметнется серый снег
Как знак для нас, что мы уже загнулись.
И жалко, что лишь год не досидел...
Да что мне все атаки, все дуэли,
Когда б еще назначенный расстрел,
А то стрельба по неподвижной цели.
Но кто-то дал конвойному отбой,
И автомат отбросил он устало,
А тишина звенит над головой,
Как над столом хрустальные бокалы.
Объятьями встречают нас зека,
Сегодня спасены мы от забоя,
И только долго снится тот закат,
Махнувший нам прощальною рукою.

Тюмень, лагерь

Библиотека

ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ВЫСЛАЛИ

Родилась я в Днепропетровской области, Васильковский район, хутор Шевяки. Семья состояла из пяти человек: две сестры, два брата и мать.

В 1930 году 10 марта нас насильно погрузили в телячьи вагоны и повезли на Север. Нас не раскулачили, мы были бедные. Жили-то без отца. Выслали нас потому, что наш хутор нужно было ликвидировать, чтобы земли отдать под колхоз. На хуторе было 7 домов, всех жителей выслали.

Нас привезли и расселили в Няндомском районе в домах без печек, топились по черному. Мужчин послали валить лес. Нас почти не кормили. Мы стали убегать, убегали кто как мог. В Петрозаводске нас задержали — ловили в разных местах, а собрали пойманных в Петрозаводске.

Всех, кого поймали, погрузили в эшелон. Этот эшелон пришел в Хибиногорск, а в каком месяце — не помню. Жили в бараках, на одних нарах — по два человека. Работать я начала малолетней на стройке.

Сейчас в живых осталась одна моя сестра, Вера Степановна, 1918 года рождения. Она живет в Куйбышеве.

Елена Степановна НЕЧМИР.
1916 г. р.

ВАЛЕРИЙ БЕРЛИН

Благословенна Монче-тундра!
И гордый гребень Эбр-чорр!
Но протрубил олень — Полундра!
И расплескалось эхо с гор!

И ягель девственного неба
Был обагрен бряцаньем звезд,
И от заката до запева —
Колючей проволки погост.

Сернистый дождь с поникших веток
Оплачет землю лопарей,
Где пятитонки пятилеток
Жируют в логовах зверей!

Армянское историко-просветительское общество «Гушаматян» организует Международную конференцию, посвященную проблемам истории и теории тоталитаризма. Предполагается вынести на обсуждение следующие темы:

1. Тоталитаризм: сущность и исторические типы.
2. Основные направления в изучении тоталитаризма.
3. Тоталитаризм и национальный вопрос.
4. Тоталитаризм и права человека.
5. Правовая основа и юридическая практика тоталитаризма.
6. Тоталитаризм и культура.
7. Тоталитаризм и личность.
8. Современные метаморфозы тоталитаризма.

Для участия в конференции необходимо выслать не позднее 15 декабря тезисы докладов объемом до 3 стр. (через 2 интервала, на русском или английском языках) по следующему адресу: 375001, Ереван, ул. Туманяна, 17, телефон для справок: 53-14-81.

Конференция состоится с 18 по 22 января 1991 г.

Оргкомитет конференции может взять на себя расходы по проживанию и питанию.

Правление общества «Гушаматян».

ОПЯТЬ НАС УЩЕМЛЯЮТ

Я, Зубкова Фекла Викторовна, родилась в 1897 году в д. Федоровка, Ялано-Катайского района, Курганской области. Замуж вышла в д. Мартыновка этого же района, откуда и выслана в г. Кировск.

Жили мы с мужем в доме его родителей. Семья была большая: свекор, свекровь, братья, сестры мужа, жили вместе дружно. Дом был большой, каменный. Он и сейчас еще стоит в этой деревне. В хозяйстве держали скот: коровы, овцы, гуси, утки, куры, свиньи, лошади. Из механизации — 2 косилки, молотилка.

Как было заведено испокон веков, земля, на которой мы проживали, находилась в ведении татар. Но они сами ее не обрабатывали, а продавали нам. Продавали частные лица, а не государственные. Некоторые нанимались на сезонные работы к тем, кому продавали свою землю. Наша семья также покупала у них землю. Нанятым на сезонные работы татарам платили хорошо. У нас тоже работал рабочий. Никакой эксплуатации его с нашей стороны не было. Мы сами работали с раннего утра (с 4-х часов и раньше), а он вставал намного позже и кое-что помогал по хозяйству. Его помощь зимой нам и не нужна была, но он от нас не уходил.

Деньги мы имели от продажи зерна, мяса и других продуктов. Продавали сами на базаре. Раз в год, платили налог государству.

В последние годы, перед раскулачиванием, я уже это хорошо помню, налоги из года в год увеличивали, а затем дошли до того, что платить стало совсем невозможно. В 1928—29 гг. стали появляться разговоры, что вот-вот начнется раскулачивание. Некоторые, которые были пограмотнее, продавали свои дома, хозяйство и уезжали в Сибирь дальше — в Омск, Томск. Мы же были неграмотные и не верили, что так могут поступить (да и за что, за наш труд), выгнать со своих родных мест.

Ну вот, у нас все и отобрали. Забрали даже одежду, постельное белье, не говоря уж о продуктах, скотине. В колхоз на работу нас не брали — враги народа и все тут. Председателем колхоза был избран самый ленивый в деревне. Как сейчас помню, мы идем в поле рано утром то сеять, то косить, а он: «Куда вы так рано, что вам не спится». Он считался бедняк. Не бедняк он, а лодырь.

Моего мужа и многих других мужчин забрали на работу на кирпичный завод, недалеко от железнодорожной станции. У меня на руках осталось двое сыновей (1927 и 1928 г. р.). Есть было нечего. В нашем доме поселился агроном с женой. Он работал, а она нет. Им давался на питание бесплатный государственный паек. То, что от нас забирали, они ели. Агроном был порядочный мужчина, сочувствовал нам, но его жена была нехорошая женщина, до сих пор помню ее жестокость. Она говорила: «Скорей бы вас расстреляли». Ненавидела моих детей. Я жила в доме с двумя детьми как домработница. Свекор, свекровь и их дети были выселены из дома и временно жили на хуторе у своего брата. Еще раз говорю, есть было нечего. Как сейчас помню, мой брат из другой деревни привез мне мешок муки. Агрономша нашла эту муку, часть забрала, а небольшую часть смешала с землей и отдала мне. Ведь все это пережить!!! Но всего не опишешь.

А потом нас погрузили на телеги, запряженные лошадьми, и повезли на станцию, ехали все: я с двумя детьми, свекор, свекровь и их дети. Мой муж работал недалеко от станции, постоянно, как и другие, ходил и узнавал, кого же привезли. Если приезжали их семьи, то и они уезжали вместе с семьями. Это было разрешено. Везли нас в скотных вагонах, как скотину. Оправлялись (стыдно и писать) здесь же в вагонах, в ведрах. Питались тем, что кто с собой взял. Мне на семью продуктов дали братья, которые не подлежали раскулачиванию. Привезли продукты прямо на станцию.

Везли нас целый месяц. Привезли в Хибины 6.IX. 1930 года и поселили всей семьей в палатки около реки Белой, на том месте, где позднее был Химцех. В палатке жило очень много народа. Было холодно. Много вшей как на теле, так и в одежде. Вместе с нашим эшелоном прибыли сюда и с Украины. Украинцев с Украины высылали в Сибирь, дальше нас, а затем вместе с нашим эшелоном их сюда привезли.

Работала на тяжелой работе, пилила лес, возила вагонетки с углем на ТЭС. В 1931 г. родился еще сын, а затем в 1937 году — дочь. Четырех детей пришлось воспитывать почти одной. Муж сидел в тюрьме — 2 раза совсем ни за что. Такая судьба.

Материально жили плохо. Полярных надбавок не платили. Из зарплаты (кроме подоходного налога) удерживали еще 15—20%. Куда — не знаю. Говорят, в соцкультбыт. Но удерживали только с раскулаченных. Получали гроши. Более 20 лет были на учете в милиции. Выезжать не разрешалось.

Так как мы привыкли работать, то и здесь трудились. Чтобы как-то прокормиться, раскапывали землю под огород, садили картошку, капусту, морковь, репу. Держали коз, затем позднее свиней. Ходили в лес за грибами, ягодами. Собирали много.

Во время войны была с детьми эвакуирована, работала добросовестно в колхозе. До окончания войны вернулась в Кировск, где работала до ухода на пенсию в санэпидемстанции санитаркой. Получала оклад 640 рублей (в старых деньгах). Полярные не платили. Коэффициента тогда тоже не было. В 1950—51 годах заключили договор по сыну. Начали платить полярные надбавки. Пенсию получала в размере 64 руб. Сейчас получаю пенсию 99 рублей. Надбавка за то, что долго живу. Никакой надбавки к пенсии в связи с введением коэффициента нет, несмотря на то, что в мою зарплату никакой коэффициент не вошел. Опять нас ущемляют.

Хотелось бы, чтобы через ваше общество вы вышли с ходатайством в правительство о введении коэффициента к пенсиям тем пенсионерам, которые до выхода на пенсию не получали его.

С уважением
Ф. В. ЗУБКОВА.

(За неграмотностью З. А. Николаева).
21.03.1990 г.

ВНИМАНИЕ!

Членов Хибинского общества «Мемориал», не платившим членские взносы последние полгода, просим позвонить по телефону 37-722.

Затраты на издание каждого экземпляра «Котлована» составляют от 40 до 50 коп. За продажу первых двух выпусков мы выручили 4961 рубль. Из них 3422 рубля истрачены на пособия от имени общества «Мемориал» пенсионерам-спецпереселенцам, получающим маленькую пенсию. Из оставшихся денег часть выплачена за издание сентябрьского выпуска «Котлована», часть зарезервирована на уплату регистрационного сбора.

Пусть не доведется внукам...

До высылки мы жили в Юкках Всеволожского района, в 25 километрах от Ленинграда. Мои родители были верующими людьми, мама проходила конфирмацию в Токсовской церкви. Она вспоминала, что на всю группу учащихся была выделена одна книга — Библия, которая предназначалась лучшей ученице и которую получила мама.

Далеко от своей родины в холодной палатке Хибиногорска, мама начинала день с молитвы и чтения Библии. Были времена, когда книгу приходилось убирать подальше, и о ее существовании не полагалось никому разглашать, но книгу сохранили до сегодняшних дней. В книге есть страницы, где написаны даты рождения и смерти родственников, а также даты венчания.

В деревне Юкки в основном проживали финны, но были и русские, все они знали финский язык.

Деревня расположена на холмистых местах, много зелени, озеро, все это привлекало дачников. В нашей деревне еще до 1930 года построен один из первых лыжных трамплинов в Союзе, здесь проводились соревнования по прыжкам на лыжах. В зимнее время в деревне устраивались катания с гор на санках. Делали специальные ледяные дорожки, которые заливали водой — обычно к воскресным дням к приезду ленинградцев. Сани были такой длины, что могли одновременно садиться 4—5 человек, было веселье, смех и крик детворы.

В деревне была финская школа, в начальных классах преподавала Рулевская Альма Карловна. Был построен летний театр, где ставились спектакли на финском языке и была организована гимнастическая секция.

Родители занимались земледелием, имели лошадь и несколько коров. Выращивали картошку. Помню, картошку копали — собиралось несколько семей и помогали друг другу. Отец сено косил сенокосилкой на одной лошади, а другая отдыхала, после некоторого времени лошадь менял, и так продолжалось весь день. Во время сенокоса мама укладывала меня спать под телегой, и сейчас помню свежий ароматный запах сена.

Последние годы перед революцией мама работала дворником и убирала дом «ОСНЭР» в больших Юкках, ныне Ленинградское шоссе, дом № 48. Мама говорила, что обычно ранним утром или поздним вечером приезжали в дом, как именовала мама приезжих, господа. Дом был обнесен забором, юкковских жителей она там обычно не видела. Однажды к отцу обратились с просьбой увезти умершую там старушку на кладбище в Петроград. Вначале с такой просьбой обращались к кому-то из жителей деревни, но они отказали. Отец дал согласие. На лошади привез тело на Волковское кладбище. Место, где была вырыта могила, сопровождающим не понравилось, и тогда было выбрано другое место, как говорил отец, под деревом. Отец принимал участие в копке могилы. Когда мы жили в Хибиногорске, отец рассказал эту историю и сказал, кого хоронили — это была мать В. И. Ленина.

Сестра в 1929 году вышла замуж в деревню Колясово. Отец выделил лошадь, дом в Юкках и подарки, которые в таких случаях делают.

В воскресный день, 15 февраля 1931 года, в 7 часов вечера приехали к нам представители сельсовета и района, объявили, что мои родители раскулачены и будут высланы за пределы своих мест.

С собой разрешили взять постельные принадлежности и кое-какие предметы хозяйственного назначения. Общий вес груза не должен был превышать 30 кг. Помню, мама хотела взять с собой швейную машинку, которая пригодилась бы в любых условиях жизни, но ее силой сняли с подводы и унесли обратно.

Узнав о высылке, многие жители приносили продукты питания на дорогу, так как все понимали, что предстоит далекая дорога и никто не знал, где ее конец.

В потемках привезли нас на ст. Дибуны, в то время там было уже много людей, привезенных с других финских населенных пунктов: Мисталово, Порошкино, Луполово, Агапитово и др. Из нашей деревни высланы (кроме моих родителей) были: Пеннне Иван,

(Окончание на стр. 6).

Тойво Хяннинен в центре в первом ряду. Кировск. 1937 г.

Библиотека Мемориал

Пусть не доведется внукам...

(Окончание. Начало на стр. 5).

Леметти Юхо, Кийски Семен, Леметти Матти и Сахамиес. С Луполово были вывезены: Карху Иван, Карху Павел, Нирконен Иван, Порваль Давид.

Всю ночь прибывали все новые и новые группы, и к утру была закончена подготовка к отправке семей дальше. Погрузили нас в холодные вагоны, в которых обычно перевозят скот. Вагоны были оборудованы нарами в два этажа, посреди вагона небольшая круглая печь и ведро вместо туалета. В каждом вагоне было размещено по 40—50 человек. И сегодня помню ужасный плач женщин, стариков и крик детей, когда состав тронулся с места. Выходить из вагонов строго запрещалось и тем более еще и двери закрыты на запоры, которые открывались редко, а когда на остановках открывались двери, то люди были уже в таком состоянии, что всякий человеческий стыд приходилось забывать. Иногда устраивалась очередь: вначале выпускали мужчин, а потом женщин, но это правило не всегда соблюдалось. От вагонов никто не имел права уходить, так что все дела делали под вагонами. На железнодорожных станциях во время стоянки с каждого вагона выпускали по 1—2 человека для того, чтобы принести кипяток.

Обычно поезд в дневное время стоял на путях подальше от станции, а ночью нас везли неизвестно куда. После 6-дневного пути мы прибыли в Хибиногорск.

Все должны были пройти санобработку в бане, после чего стали распределять по палаткам. В палатках на 21-м километре уже жили переселенцы из различных мест страны: русские, татары, украинцы, немцы и другие. На одного человека полагалось место шириной 70—80 см, каждая семья разделялась друг от друга доской шириной 20—30 см, в палатке были установлены две печки, которые топились круглые сутки. В одной палатке проживало 50—60 человек. Морозы и ветры в ту зиму были очень большие.

Питьевую воду привозили к палаткам на лошади, в одной из палаток была печь, где кипятили воду, а потом по очереди давали жителям.

Вспоминает Нирконен Анна из деревни Луполово. Она жила в палатке № 3 на 21-м километре, в ту зиму свирепствовала корь, и дети, безусловно, пережить холодную зиму в палатках не могли — никакие старания матерей не смогли уберечь детей от смерти, в живых остались единицы.

Весной, когда расстаял снег, недалеко от наших палаток были обнаружены трупы, было видно, что они расстреляны, и захоронение было произведено на небольшую глубину в общей яме, без всяких гробов. Жители были возмущены увиденным, но в то время жаловаться некому было. Расстрелы были произведены до нашего приезда, видимо, за два-три года до этого, так как одежда на телах людей еще сохранялась. Потом трупы были вывезены в неизвестном направлении.

Питанием население обеспечивалось плохо. Выдавались карточки, по которым получали скудный паек в магазинах. Для питания в столовых были введены талоны, где можно было получить суп, кашу и чай. В 1935 году, 25 декабря была введена продажа коммерческого хлеба. 1 кг стоил 1 руб. 05 коп. Стоимость хлеба, который выдавали по карточкам была 60 коп. за кг. Норма хлеба была рабочим — 800 гр., детям и иждевенцам 400 гр.

Уже к осеннему периоду на 21-м километре были построены первые бараки — это для всех жителей было большим праздником. Мы с родителями получили восьмиметровую комнату в бараке № 23, в 1932 году приехала сестра с мужем, и мы проживали все вместе в одной комнате. К зимнему периоду были сделаны бараки №№ 5, 24, 18, 17, где кроме русских проживало много финнов: Пезонен, Вайнонен, Кяхярь, Кийски, Купаринен, Вейколайнен и другие семьи. Была открыта финская школа, которая просуществовала до 1937 года. Преподавателями были: Тапо Хеля, Кеминиен Ольга, Толси Вяйно, Пяльве Арне и другие.

В июне месяце в Хибиногорск была привезена еще одна группа финнов из-под Ленинграда. Вспоминает Виролайнен Матвей Егорович. Железнодорожный состав состоял примерно из 25 вагонов. Эшелон выгрузили на 18-м километре. Часть людей разместили в бараках, где были сделаны 2-х ярусные нары, без всякого разделения барака на комнаты. Эшелон до Хибиногорска шел 7 суток — духота, жара, грязь, пыль — все это привело к заболеваниям. Никакой санобработки не было сделано, кроме того, что стригли волосы у мужчин и протирали голову тряпкой, смоченной керосином.

Наша семья и сестра с мужем в 1935 году переехала в барак по улице Строителей, дом 6, уже в двенадцатиметровую комнату. Барак в полном смысле был интернациональный: русские, немцы, эстонцы, латыши, финны, и не было случаев, чтобы между семьями возникали какие-либо конфликты (при одной кухонной плите на 17 семей). Во всех бараках были установлены по одному репродуктору, где обычно по вечерам слушали разного рода информацию, концерты, объявления.

Помню как многолюдно было у репродукторов, когда передавались материалы XVII съезда партии. Взрослые часто говорили, и была какая-то надежда, что после съезда всем выселенным будет дана свобода, кто захочет выехать, смогут вернуться на свои родные места — съезд прошел, но свободу народ не получил, а пошли повальные аресты населения. В Кировске был духовой оркестр, руководителем был Сахамиес — всех участников арестовали, остался на свободе один участник, 16-летний Миша Вербицкий.

В конце тридцатых годов при радиокомитете г. Кировска был оркестр народных инструментов под руководством Н. Н. Жданова. Помню фамилии оркестрантов: Панфилов, Потоцкий, Глязев, Дахель, Вальгрен, Денисова, Смуров, Сычиков, Хомутовский, Эйдеман, Ламетти, Анатолий Мацейко. Я не знаю в данное время как сложилась их судьба, и был бы бесконечно рад узнать про их дальнейший жизненный путь.

Комендантом спецпереселенцев был Корхонен — бывший житель из наших мест, который сопровождал наш состав до Хибиногорска и в дальнейшем продолжительное время жил в Кировске.

А в июле 1940 года финны-ингерманландцы покинули пределы Кировска, и опять не по своей воле. Погрузили нас в товарные вагоны, но на этот раз без охраны, и повезли в Медвежьегорск. Выгрузили нас в тупике, и свои скромные вещи пришлось перетаскивать до пристани на себе. Потом погрузили на две баржи и два парохода «Карл Маркс» и «Володарский» и по глади вод Онежского озера мы поплыли, не зная куда.

Отплыв от берегов Медвежьегорской губы, пароходы стали отдаляться друг от друга. Наш пароход взял курс на пристань Шалу-Стеклянную Пудожского района. Выгрузили на пристани. К этому моменту там было много подвод с представителями колхозов, чтобы увезти работать привезенных людей в колхозы района. Видя, какой жалкий вид был у колхозников и лошадей, приехавших за нами, можно было представить жизнь в колхозах, куда нам предстояло ехать.

...В 1946 году я по вызову выехал в г. Петрозаводск, где оформился работать в строительную организацию электромонтером, и получил свой первый паспорт. До этого я имел справку, где удостоверялось, что я—гражданин такой-то, мы называли ее «волчьим паспортом».

В г. Петрозаводске имеются свидетели событий Хибиногорска и Кировска, имен которых в тексте я не упомянул, не желая им лишний раз причинить боль, но они смогли бы написать мною изложенное, описать гораздо в лучшей форме. Многих моих сверстников, которых я называл выше, уже нет в живых, но у них остались дети, внуки, пусть они не переживут и не увидят того, что пришлось испытать их дедам и прадедам.

ТОЙВО ХЯННИНЕН,
г. Петрозаводск.

СВИДЕТЕЛЬ КАТЫНСКОЙ ТРАГЕДИИ

(Окончание Начало на стр. 1).

я увидел его осенью 1980 г. на одном из вечеров, устраивавшихся членами Московской группы «Эмнести Интернейшинал» для сбора денег на продуктовые посылки в детские дома Польши.

В комнату вошел плотный человек среднего роста в старомодном поношенном костюме с несколько странным, отрешенным и потухшим выражением лица. Вместе с тем от всей фигуры, облика этого человека исходило ощущение какой-то внутренней силы. И только когда Б. Г. начал свой рассказ, мы поняли, что эта сила — нравственная.

Тихим, абсолютно бесстрастным голосом излагал Б. Г. историю жизни. Память у него была поразительной: он помнил практически все даты, детали, мог пересказать дословно тексты газетных статей, прочитанных им начиная с десятилетнего возраста. К сожалению, здесь мне придется ограничиться лишь перечислением основных моментов судьбы Б. Г.

Довольно подробный рассказ Б. Г. воспроизведен в книге, вышедшей в 1988 г. в Париже (Борис Георгиевич Меньшагин. «Воспоминания. Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма...» YMCA Press, 1988).

Б. Г. Меньшагин родился 9 мая 1902 г. в Смоленске; его отец был адвокатом. По окончании гимназии Б. Г. добровольно вступил в Красную Армию, где служил с 1919 по 1927 г. Был рекомендован для поступления в одну из военных академий, однако вместо этого его демобилизовали за религиозные убеждения. После демобилизации Б. Г. закончил юридический факультет в Москве и начал работать адвокатом преимущественно в Смоленске и юрисконсультом в различных учреждениях Москвы.

Слушать то, что рассказывал Б. Г. про выездные суды в селах во время коллективизации и про показательные процессы над «врагами народа» в Смоленске, было тяжело и трудно: весь ужас бессмысленной жестокости, неправедности и безнадежности того времени буквально обрушивался на аудиторию. Тогда, в 1930-е годы, Б. Г. неоднократно охватывало отчаяние, но он снова и снова выступал защитником, требовал экспертиз, пересмотра дел, даже ездил в Москву. По одному из дел добился приема у Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского и в результате — освобождения животноводов, осужденных на смертную казнь по вздорному обвинению во вредительстве (возможно, единственный пример такого исхода подобного дела).

Война застала Б. Г. в Смоленске. Приказом немецкого коменданта он был назначен на должность бургомистра. Его заместителем, согласно тому же приказу, стал профессор астрономии местного пединститута Б. В. Базилевский. Впоследствии, в 1943 г. в Смоленске, и в 1946 г. в Нюрнберге, Базилевский был использован советскими властями для дачи ложных показаний о расстреле нацистами польских офицеров в Катыни. Занять должность бургомистра Б. Г. согласился не сразу; он решил, что этот крест будет нести максимально придерживаясь своих нравственных принципов.

Сейчас даже трудно представить, с какими сложностями столкнулся Б. Г. Надо было наладить жизнь в оккупированном, наполовину сожженном городе: расселить жителей, оставшихся без крова, беженцев, всех накормить, организовать работу, школы и т. д. И это при всех трудностях взаимоотношений с оккупационными властями, при наличии партизан в городе и окрестностях.

19 сентября 1943 г. немецкие власти объявили об эвакуации гражданского населения, и в начале мая 1945 г. Б. Г. вместе с семьей оказался в г. Карловы Вары, который заняли американские и советские войска. Б. Г. был случайно ненадолго интернирован американцами, а когда освободился, семью не нашел. Будучи уверен, что она арестована советскими властями, он явился в советскую комендатуру, где и был арестован. На свободу Б. Г. вышел лишь через 25 лет, в 1970 г. Семья же Б. Г. благополучно поселилась в США, о чем он узнал только в 70-х годах.

В Москве, на Лубянке, следствие по делу Б. Г. длилось более 6 лет, причем все это время он находился в одиночной камере. 12 сентября 1951 г. ему дали прочесть постановление ОСО при МГБ СССР: «Слушали: дело Меньшагина Б. Г. по Указу ПВС от 19.09.43. Постановили: заключить в тюрьму сроком на 25 лет». Б. Г. так и не узнал, что это за указ: ни в каких юридических справочниках он его не нашел. (Указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» до сих пор не опубликован в открытой печати. По этому Указу граждане, служившие на административных должностях, подлежали повешению, пособники — каторге до 20 лет. Судя по всему, последним по Указу был «осужден» Б. Г.). Его отвезли во Владимирскую тюрьму, где он почти весь срок провел в одиночном заключении.

По окончании 25 лет Б. Г. был направлен в дом-интернат для престарелых в пос. Княжая Губа (Мурманская обл.), а последние годы он провел в таком же доме в г. Кировске. Условия существования в Княжегубском интернате были таковы, что доведенный до отчаяния издевательствами хулиганов и алкоголиков Б. Г. подумывал о самоубийстве.

Весной 1984 г., находясь в Москве, Б. Г. плохо себя почувствовал. От больницы он отказался, полагая, что в случае смерти у московских друзей и врачей могут быть неприятности с КГБ. После возвращения в Кировск Б. Г. стало хуже и 24 мая 1984 г. он скончался. По-

хоронен Б. Г. на местном кладбище. Московские друзья поставили на могиле Б. Г. сваренный из железных труб крест.

За что же Б. Г. получил столь жестокую меру наказания — 25 лет одиночного заключения? Ответ один — Катынь: Б. Г. присутствовал при проводившейся гитлеровцами эксгумации трупов польских офицеров. Кто расстреливал поляков, у Б. Г. сомнений не было: «По признакам убийства и смерти не похоже было, чтобы их убили немцы, потому что те стреляли обычно без разбору. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки...» На допросах следователи МГБ всегда спрашивали Б. Г., что он знает о катынских захоронениях, однако никогда не записывали его показания в протокол. Почему Б. Г. оставили в живых, но спрятали на 25 лет в одиночку — остается загадкой. Необходимо упомянуть, что по ряду свидетельств одновременно с Б. Г. во Владимирской тюрьме содержались еще четыре очевидца катынской трагедии. Судьба этих людей не известна.

Приезжая по служебным делам в Апатиты, я дважды пытался найти могилу Б. Г. Но неудачно: то не разыскал нужного участка, то слишком много было снега. Я прошу пожалуйста, отыщите и сохраните могилу этого трагического и очень мужественного человека.

В. БИРШТЕЙН.

Благодаря христианской заботе жительницы Кировска М. А. Редьковой, могила Б. Г. Меньшагина убережена от запустения.

Наш адрес: 184200. Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. ПН-031 67. Заказ 6151. Тираж 2.500. Ответственная за выпуск П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

ДЕКАБРЬ 1990 ГОДА

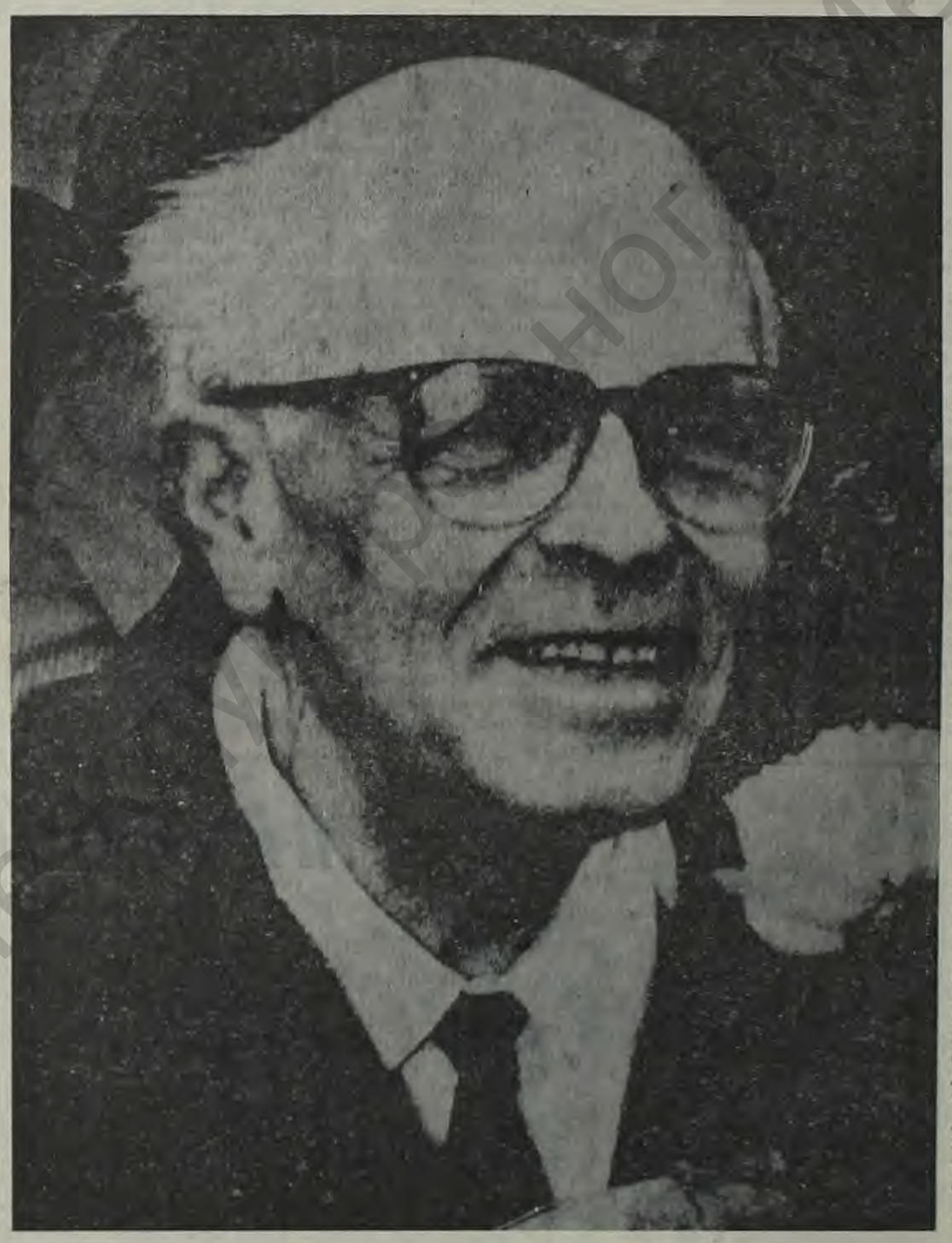
Цена 1 руб.

Светлой памяти Андрея Дмитриевича Сахарова

Даниил Андреев

Мы на завтрашний день
негодуем, и плачем, и ропщем.
Да, он крут, он кровав —
день побоищ, день бурь и суда;
Но он дверь, он ступень
между будущим братством всеобщим
И гордыней держав,
разрушающихся навсегда.
Послезавтрашний день —
точно пустоши после потопа;
Станем прочно стопой
мы на грунт этих новых веков,
И воздвигнется сень
небывалых содружеств Европы,
Всеобъемлющий строй
единящихся материков.
Но я вижу другой —
день далекий, преемственно — третий,
Он ничем не замглен,
он не знает ни войн, ни разрух;
Он лазурной дугой
голубеет в исходе столетья.
И к нему устремлен,
лишь о нем пламенеет мой дух.

1952. Владимирская тюрьма.

КОНТУРЫ БИОГРАФИИ

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ родился 21 мая в Москве «в интеллигентной и дружной семье», как он написал в автобиографии, предваряющей сборник его статей, вышедший на Западе в 1974 г., и счел необходимым отметить: «С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией». Эти скупые, но точные слова все же заслуживают комментария. Сахарова невозможно понять в отрыве от его истоков, духа породившей его семьи и всей среды российской интеллигенции начала XX в. — явления самого по себе удивительного, еще ждущего своего изучения.

Семья Андрея Дмитриевича не принадлежала ни к богатому крылу интеллигенции, представленному, например, преуспевающими талантливыми инженерами, ни к революционерам, для которых все определялось безжалостным принципом «моя жизнь принадлежит революции». Она была типична для основной массы среднеобеспеченной трудовой интеллигенции, которая создала свои нормы морали, свои критерии жизненных ценностей, свое твердое понимание, как следует жить, в чем допустима уступчивость, а в чем надо быть непреклонным.

(Продолжение на стр. 2).

ДУША СБЫЛАСЬ

Кто видел облик Андрея Дмитриевича Сахарова, имея глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы понимать, никогда его не забудет.

Задумчивый, вдумчивый наклон головы и плеч, пригнутых под незримой ношей мысли и совести, движение того, кто прислушивается то ли к собеседнику, то ли к внутреннему голосу, — и рыцарская прямота осанки. Негромкий голос, не имеющий в своем диапазоне ни единой демагогической интонации, — и непреложная твердость того, что выговаривается этим голосом. Хрупкость физического состава, да попросту обреченность, которую, положа руку на сердце, все мы более или менее чувствовали, — и сила духа, уже не зависящая от тела, вышедшая из-под власти всего внешнего.

Мирная сила. Редкий, благородный контраст, опровергавший сразу два расхожих представления: будто для радикала неизбежно быть шумным, агрессивным демагогом — и будто либералу на роду написано являть расслабленность, размягченность воли. Какая там расслабленность! При одном взгляде на Андрея Дмитриевича вспоминались мандельштамовские слова: «Человек должен стать тверже всего на земле и относиться к ней, как алмаз к стеклу».

Наука потеряла творческий ум — об этом пусть говорят коллеги. Общественная жизнь потеряла деятеля уникального масштаба — это так очевидно, что едва ли нуждается в констатации. Но для сердца внятно и чувствительно другое: люди потеряли праведника.

Праведность — больше мужества, хотя без мужества не стоит, просто потому, что у труса до нравственного выбора дело не доходит: за него все решено обстоятельствами. Никогда не будет забыто, что Сахаров разогнулся во весь рост, не дожидаясь, пока это разрешат, и этим в несравненной степени помог подготовить миг, когда прямохождение оказалось возможно для более слабых, то есть для всех нас — от ученого до рабочего. Мы не смеем забыть, как он годы стоял в одиночестве — «один из всех, за всех, против всех». Пока люди остаются людьми, они высоко ставят храбрость, и тот, кто отказывается уважать ее даже в противнике, выводит себя из числа людей. Но праведность — выше героизма, больше героизма. Отзывчивость к чужой боли; готовность принять на себя общую совиновность; вера в единую для всех истину, стоящую превыше хотя бы и героического самоутверждения, — свойства более драгоценные, чем храбрость сама по себе.

Этот западник, этот либерал по-своему продолжил исконно русскую традицию юродивых, верных слову Нового завета: «не

(Окончание на стр. 2).

Проект закона РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий

За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола со стороны государства, подвергаясь репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным мотивам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования против собственного народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Верховный Совет РСФСР склоняется перед памятью безвинно пострадавших и погибших, выражает глубокое соболезнование жертвам этих репрессий и выражает неуклонное стремление добиваться устранения их последствий и восстановления справедливости и гражданских прав.

Целью настоящего закона является реабилитация всех лиц, привлекавшихся в период с 25 октября (7 ноября) 1917 года до вступления в силу настоящего закона к ответственности судами РСФСР или репрессированных иными государственными органами на территории РСФСР в любой форме, включая лишение жизни или свободы, принудительное переселение, высылку и ссылку, выдворение за пределы страны и лишение гражданства, принудительное помещение в лечебные учреждения, лишение или ограничение иных гражданских прав и свобод по политическим мотивам либо по признакам религиозной, классовой, социальной, национальной или иной групповой принадлежности.

признавая право всех реабилитированных лиц и их наследников на материальную компенсацию за причиненный несправедливыми репрессиями моральный и материальный вред, Верховный Совет РСФСР отмечает, что ввиду тяжелого экономического положения страны не представляется возможным полностью удовлетворить их законные требования, и приносит свои глубокие извинения тем, кому такая компенсация не предоставлена настоящим законом.

1. Реабилитировать всех лиц, кроме указанных в ст. 5 настоящего Закона, подвергшихся когда-либо на территории РСФСР репрессиям во внесудебном порядке, в том числе органами ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, по решениям особых совещаний, троек и т. п. и иных осуществляющих властные полномочия несудебных органов.

2. Реабилитировать всех лиц, осужденных судами РСФСР за действия, квалифицированные как антисоветская агитация и пропаганда;

(Окончание на стр. 4—5).

Библиотека Мемориала

Контуры биографии

(Продолжение. Начало на стр. 1).

На формирование личности Андрея Дмитриевича большое влияние оказали родители — отец Дмитрий Иванович (сын адвоката, сам преподаватель физики) и мать Екатерина Алексеевна, урожденная Софиано (фамилия греческого предка), и в сильной степени бабушка Мария Петровна с ее добротой, ровным оптимистичным характером. Религия в семье роли не играла, разве только мать была религиозно настроена, однако без соблюдения обрядов (между тем дед Дмитрия Ивановича был священником). Дмитрий Иванович хорошо играл на рояле, поклонялся Скрябину, и это поклонение привилось и сыну.

К числу основных принципов семьи, отмеченных Андреем Дмитриевичем, нужно, вероятно, добавить личную скромность, неприятие тщеславия (его проявления вызывали улыбку и почти сострадание), излишества в материальной сфере исключались, а примат духовного был само собой разумеющейся основой поведения. Столь же фундаментальными были чувство общественного долга, ответственности перед народом.

Дмитрий Иванович преподавал в то время в так называемом 2-ом МГУ (ныне Педагогический институт им. В. И. Ленина) и принадлежал к той естественнонаучной и технической интеллигенции, которая была нужна государству. Научные учреждения этого профиля росли, как грибы, а невежественное вмешательство официальных идеологов тогда еще не было столь грубым, как у гуманитариев и художников.

В школу Андрей Сахаров пошел сразу в седьмой класс. До этого он занимался в группе сверстников с приглашенными учителями и лишь сдавал в конце года школьные экзамены. (Такие случаи не были исключением — я знал и другие подобные семьи). По окончании школы в 1938 г. поступил на физический факультет МГУ.

Дома родители старались не фиксировать внимание на политических событиях и проблемах. Тяжелые годы коллективизации и террора, видимо, прошли для Андрея Дмитриевича стороной; он, как и многие другие в то время, не представлял всех масштабов творившихся беззаконий. Его политическая позиция формировалась в согласии с господствовавшими нормами (хотя ни пионером, ни комсомольцем, ни членом партии Сахаров никогда не был), и марксистское учение воспринималось им без критики, как вполне последовательное.

Осенью 1941 г. вместе с университетом Сахаров был отправлен в эвакуацию в Ашхабад. Жил там в общежитии, тяжело заболел дизентерией, и, быть может, только забота товарищей помогла ему справиться с болезнью. По окончании четырехлетнего сокращенного курса в 1942 г. был направлен сначала на небольшой завод в Коврове, работал на лесозаготовках, а затем в том же году попал на работу в лабораторию военного завода в Ульяновске. Здесь он встретился с Клавдией Алексеевной Вихиревой, химиком, кончившей из-за войны лишь четыре курса Ленинградского технологического института. Они поженились в 1943 г., и на Клавдию Алексеевну легла нелегкая забота о здоровье Андрея Дмитриевича.

Здесь же началась его творческая работа. Он сделал четыре изобретения в области контроля качества продукции (одно из них запатентовано), выполнил четыре работы по теоретической физике. Они не были опубликованы, но, как впоследствии он сам писал, они дали ему уверенность в собственных силах.

Андрей Дмитриевич переслал свои работы Игорю Евгеньевичу Тамму, руководителю теоретического отдела ФИАНа, и в январе 1945 г. был принят к нему в аспирантуру. Он очень скоро и навсегда завоевал общую симпатию своей мягкой интеллигентностью, спокойной доброжелательностью и быстро проявившейся талантливостью.

Вскоре в Москву приехала Клавдия Алексеевна с новорожденной дочкой Таней. Жить было негде (квартира родителей была разбомблена во время войны), стипендия была жалкая, и тем не менее Сахаров интенсивно занимался наукой. Одна из публикаций основывалась на результатах кандидатской диссертации, которую он подготовил уже к весне 1947 г. Защиту, однако, пришлось отложить до осени, так как Андрей Дмитриевич не смог сдать экзамен по «политпредмету». Здесь не было никакой политической подоплеки, просто в то время Андрей Дмитриевич излагал свои мысли так, что его не всегда можно было понять: сам ход его рассуждений был необычным, а то, что ему казалось очевидным, он просто опускал.

В 1948 г. Тамм включил его в группу сотрудников теоротдела, организованную для исследования возможности создания водородной бомбы. Выдвинутые здесь важные идеи поставили проблему на реалистическую основу. Вскоре Сахаров был зачислен в штат специального института вне Москвы, но до 1950 г., пока группа в теоротделе еще существовала, подолгу бывал в Москве.

Андрею Дмитриевичу принадлежат основополагающие идеи по трем важнейшим разрабатываемым ныне способам осуществления управляемого ядерного синтеза. В тот же период он предложил способ получения сверхсильных магнитных полей с использованием энергии взрыва.

Андрей Дмитриевич работал с энтузиазмом, будучи, как и его товарищи по работе, убежден, что только равновесие вооружений может спасти мир от термоядерной войны. В июле 1953 г. ему была присуждена докторская степень, а после успешного испытания первой водородной бомбы он был избран в октябре академиком.

Его жизнь в этот период ограничивалась работой, общением с коллегами и друзьями — людьми выдающимися по уму, таланту и личным качествам (И. Е. Таммом, Я. Б. Зельдовичем, Ю. Б. Харитоном и другими, менее именитыми), а также семьей. Отпуск он проводил с женой и детьми (в 1949 г. родилась дочь Люба, а в 1959 г. — сын Дима), которых он очень любил.

Однако постепенно в нем формировался новый взгляд на общественно-политические проблемы. Вероятно, существенным толчком в этом стало разоблачение преступлений Сталина на XX съезде. Он стал осознавать, что политики и военные, получившие из рук ученых ядерное оружие, не намерены с ними считаться в вопросах его использования. Ощутив себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях, Андрей Дмитриевич начал борьбу за прекращение тех испытаний, которые были не нужны для совершенствования оружия. Ему удалось сыграть существенную роль в заключении международного соглашения о прекращении испытаний (кроме подземных), но тревога нарастала, а отношения с политическим руководством портились. Все очевиднее становилось катастрофическое состояние экономики и бесправие народа, совершенно непостижимые в мирный период жизни страны.

Андрей Дмитриевич стал чаще бывать в Москве, неизменно при этом посещая еженедельный семинар теоротдела.

Уже в 1965 г. он опубликовал первую глубокую работу по космологии, в которой образование неоднородностей (звезд, галактик) объяснялось квантовыми флуктуациями метрики. Затем последовала одна из важнейших его работ — объяснение барионной асимметрии Вселенной. Были и другие работы, содержавшие совершенно новые идеи в области космологии.

В то же время продолжалась эволюция его общественно-политической позиции. Помню, как еще в 1965 г. он пришел ко мне домой в состоянии крайнего возбуждения с рукописью книги Жореса и Роя Медведевых о Сталине. В ней содержались факты, большая часть которых уже была опубликована в разрозненном виде во время «хрущевской оттепели». Однако, собранные воедино, они производили очень сильное впечатление, для Андрея Дмитриевича, как оказалось, во многом новое.

Результатом этой эволюции взглядов, напряженной умственной и душевной работы стали «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). Опубликованные за рубежом и ставшие известными у нас благодаря «радиоголосам» и «самиздату», они произвели потрясающее впечатление. Разумеется, Сахаров был отстранен от секретной работы.

Этот перелом совпал по времени с трагическим событием в его личной жизни. От поздно диагностированного рака скончалась в 1969 г. Клавдия Алексеевна.

Спокойное, мужественное, без недомолвок изложение политических идей, каждая из которых, будь она высказана любым другим человеком, могла привести к лишению свободы, поставила Андрея Дмитриевича в особое положение. С одной стороны, огромные заслуги перед страной, удостоверенные высшими наградами, в известной мере оградили его от прямых репрессий. С другой — в атмосфере того времени многие опасались даже простого контакта с ним.

В 1969 г. Тамм, уже прикованный к постели неизлечимой болезнью, пригласил Андрея Дмитриевича вернуться в ФИАН. Это предложение он принял и вскоре, после преодоления колебаний и сопротивления начальства самого разного уровня, стал вновь сотрудником теоротдела, уже до конца своих дней.

Общественная позиция Андрея Дмитриевича притянула к нему всех, кто в той или иной мере был занят правозащитной деятельностью. В результате его, так сказать, теоретическая общественная деятельность, тесно переплелась с активным личным участием в правозащитном движении. Он бросался на защиту людей, подвергавшихся гонениям, но, несмотря на это, находил время и силы для новых научных работ.

(Окончание на стр. 8).

Душа сбылась

(Окончание. Начало на стр. 1).

сообразуйтесь веку сему». В нем жила очень характерная для России сосредоточенность на моральных проблемах, для которой все иное — «баловство». (Разговаривая с ним, отнюдь не историком по роду занятий, я имел случай убедиться, насколько широко изучена была им история ,но строго в одном аспекте — не богатство красок, а черно-белая геральдика справедливости и несправедливости).

Что до его западничества, в его душе жил тот Запад, о котором нынче все, кажется ,забыли: героический Запад пуритан, искавших Божией правды. Слова Декларации независимости сохраняли для него первозданную свежесть и полноту буквального смысла.

Сбудется ли то добро, которого Андрей Дмитриевич желал своему обществу и всему человечеству, зависит теперь уже не от того, а от нас всех. Но то, что зависело только от Бога и от его свободной воли, сбылось: он сам.

«Господи! Душа сбылась:
Умысел Твой самый тайный».

С. С. АВЕРИНЦЕВ,
член-корреспондент АН СССР.

Перепечатано из журнала «Огонек» № 52, 1989 г.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В журнале «Нева» (№№ 5—7 за 1990) опубликован «Посткриптум» Елены Георгиевны Боннэр. Подзаголовок — книга о горьковской ссылке.

По мере чтения перед глазами возникает чудовищная картина совершенно аморальной борьбы, которую вело громадное государство с двумя пожилыми, не очень здоровыми людьми.

В подлую и безнравственную борьбу были втянуты (и в меру своих сил участвовали) не только карательные государственные органы, но и те, которые по всем человеческим понятиям должны быть оплотом гуманности и милосердия — врачи.

Страшно читать эту книгу, но необходимо. Необходимо, чтобы черпать в ней мужество и стойкость для личностного противостояния лжи и насилию.

Мы публикуем фрагменты из этой книги, в которых говорится о документальных фильмах, снятых КГБ и специально переправленных за границу. Сейчас эти фильмы можно увидеть и у нас в стране. Поэтому нам кажется важным публикация этих отрывков из «Посткриптума».

«...Сколько я уже фильмов, проданных через «Бильд», посмотрела — пять, кажется; можно разбирать каждый по отдельности, можно скопом — все равно ложь, скомпонованная в полуправду, выдаваемая за правду. Это так трудно даже самой себе объяснить и разъяснить по эпизодам, а как сделать это для других, не представляю, но надо. Ведь никто, кроме меня, ничего разъяснить не может. Вот если б Андрей... Он умеет без эмоций и как-то очень точно, без моих лишних слов и моего засоренного языка, <...>

Нас снимают всегда и уже давно — до Горького. А с момента поселения в Горьком нас снимают просто всегда, постоянно — мне теперь кажется, что нет ни одного нашего выхода за пределы квартиры, не отснятого ими про запас. Во всяком случае, я видела кадры всех этих лет. Все фильмы озвучивает один и тот же голос — он кажется мне знакомым. Кто это? Актер? Профессиональный чтец-декламатор из КГБ?

Все фильмы начинаются с показа «парадного» Горького — зима ли, лето, весна, осень: город туристский — то Ока, то Кремль, два-три собора (больше не осталось), фонтан, всегда показывают главную улицу — Свердлова, — но никогда наш конец проспекта Гагарина, где как раз у нашего дома осенью и весной лужа по здешним меркам квартала на три... Зимой там снежные завалы или ледяные надолбы. Кстати, не там ли в последнем фильме показано, как Андрей толкает машину? И снова: парк с могилой Неизвестного солдата, пляжи, набережные, гуляют люди, играют дети, Волга, Ока, идет пароход, летит на подводных крыльях прогулочная «ракета». Непредвзятому зрителю кажется, что все это имеет отношение к нашей жизни. И нет нужды, что мы за шесть лет ни разу не подошли близко к пристани, — я один раз попыталась летом 1984 года, но мои охранники не допустили такого самовластия. <..>

Первый фильм, доставленный через газету «Бильд», появился в августе 1984 года. Сначала — тот самый парадный город, о котором я говорила. Звучит голос диктора. Он говорит о городе автостроителей, соборах и церквях. Кремле, настоящих памятниках русской старины... «здесь с 1980 года по решению властей проживает академик Сахаров». В дикторском тексте нет и намека на законность: «решение властей», а по существу — «что моя левая нога захочет». Потом показывается дом, где Сахаров поселен, и квартира внутри — в наше отсутствие: таким образом, снимавшие фильм всему миру показали и неприкосновенность жилища в действии.» <..>

Этот фильм был призван показать миру, что Сахаров жив. Он это сделал, тут нет неправды — Сахаров был жив летом 1984 года — но монтаж и текст мне доказали другое: такой же фильм можно сделать и показывать миру, когда нас обоих или одного не будет в живых. <..>

Второй по срокам демонстрации фильм, проданный «Бильдом» 29 июня 1985 года. Это фильм, так сказать, врачебный. Его основная часть ведется от лица врача, и больше говорит врач, чем диктор. <..>

Мы все так или иначе общаемся с медициной, может, по сути своей, самой гуманной и нравственной областью человеческой деятельности. И я хочу всем задать один вопрос. Кто согласится стать пациентом доктора Евдокимовой и доктора Обухова, если доктор Евдокимова говорит: «Мы снимаем этот фильм во время обследования». Что означает ее «мы»? «Мы — врачи»? «Мы — КГБ»? «Мы — я и журналист Виктор Луи?» Кто согласен, чтобы без его ведома его снимали со спадающими штанами в унизительной позе; подтягивающего брюки; открывающему рот; когда ему щупают железы под мышками или заставляют подносить палец к носу <..> Унизительность этих кадров, этих съемок такова, что хочется вобрать голову в плечи, закрыть глаза ладонями и не видеть; не слышать. Кто дал в современном мире право все это проделать с пациентом?

В течение 20 минут врач показывает своего пациента (выходящего из голодовки) жующим. Он жует завтрак, и настойчивый голос бубнит про калории. Он жует обед, и тот же голос опять говорит о калориях; жует ужин — и тот же голос, и снова калории. Меняются даты календаря, опять — завтрак, обед, ужин; снова завтрак, обед, ужин. И ужас: что же это сделали с человеком? Ужас — кто это сделал? Это сделали люди.

Не могу не вспомнить: мой внук, ему 4 года. Он в галерее Уффицци, в тех залах, где распятия «Мама, а кто Ему гвоздики в руки и ноги забил?» — «Люди». — «Люди? Это л ю д и?» А то делают люди-врачи. Удивительно — но эти люди (по-моему, нелюди) ничего сделать не смогли, кроме монтажа кадров, кроме фильма. Андрей остался собой — да, постаревший, да, измученный, но преодолевший все эти мучения, запугивания, что «умереть вам не дадим, но инвалидом сделаем», вновь начавший голодовку и победивший, и назвавший своих врачей «Менгеле нашего времени»...

Библиотека Свободного Университета Беларуси

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОНЕВОЛЕ

В сентябрьском выпуске «Котлована» был опубликован указ Президента «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов».

Предлагаем вашему вниманию размышления Ю. Буртина по поводу этого указа.

НАДО бы радоваться: наконец-таки наша власть перестала отмерять чайной ложечкой признания в невиновности жертв палаческого режима, реабилитировать их «в сугубо индивидуальном порядке», а заявила о противоправности тогдашних политических репрессий вообще. Но большой радости нет, слишком много к ней примешано горечи, слишком много злых вопросов рождается в душе.

ВО-ПЕРВЫХ, почему это сделано только сейчас, а, к примеру, не три года назад, когда уже вся наша пресса была переполнена материалами о злодеяниях сталинщины и необходимость немедленной реабилитации всех без исключения ее жертв ясна была каждому нормальному человеку?

ВО-ВТОРЫХ, почему обсуждаемые политические репрессии ограничены только рамками 20—50-х годов, а в самом тексте указа сужены еще больше: «Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников...»? Надо ли понимать дело так, что до середины 20-х годов, то есть при Ленине, политических репрессий не было? И что такие явления, как «красный террор», деятельность продотрядов, заключение в тюрьму или высылка за границу активных членов всех партий, кроме большевистской, кровавое подавление восстаний донских казаков, кронштадских матросов и тамбовских крестьян, не были политическими репрессиями? Или это такие репрессии, которые не вызывают осуждения со стороны Президента? Точно так же указ ничего не говорит о политических репрессиях 60-х, 70-х и 80-х годов. Почему? Неужели Президенту о них ничего не известно?

В-ТРЕТЬИХ, бросается в глаза крайняя невнятность и застенчивость в определении масштабов осуждаемых в указе репрессий: «Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены». «Многие» из «тысяч» — это сколько же, хотя бы примерно? Человек 200—300, 2—3 тысячи? Или счет жертвам идет на миллионы, притом десятки миллионов? Кому, как не Президенту, и где, как не в таком указе, уместно было бы наконец назвать эти цифры? Что же заставило его и сегодня, на шестом году гласности, воспользоваться заведомо расплывчатыми формулировками, преуменьшающими поистине беспримерный размах злодеяний, которые преступная клика десятки лет творила против собственного народа?

В-ЧЕТВЕРТЫХ, должен ли за это кто-нибудь ответить? В данном вопросе М. С. Горбачев особенно сдержан. Собственно, темы ответственности он не касается вообще, а круг виновных в политических репрессиях и в том, что обусловило их возможность, сводит к весьма ограниченному кругу лиц, с которых к тому же давно ни за что не спросишь: «Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми». Но разве власть большевиков сразу же после Октября и в особенности после 6 июля 1918 г. не была уже «практически неограниченной», разве демократические свободы — например, свобода выборов, свобода союзов, свобода печати — не были отняты у народа еще ленинскими декретами? Несправедливо было бы, как это сейчас нередко делается, стирать разницу между безжалостностью революционной ленинской диктатуры и людоедством Сталина, на костях миллионов строившего твердыню своей деспотической личной власти, однако не подлежит сомнению, что Сталин был не только отрицанием, но и естественным продолжением Ленина, сталинская ВКП(б) — КПСС, став орудием уничтожения «ленинской гвардии», была в то же время ее прямой наследницей.

Между тем об ответственности КПСС за осуществление политических репрессий — в указе ни слова. Да и вообще слово «партия» употреблено здесь всего один раз — во вступительной фразе: «Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии и народа». Фраза несколько загадочная (неясно, наследием какого прошлого явились они в стране, где в досоветское время массовые репрессии последний раз имели место едва ли не при Иване Грозном), но очевидно, что «партия» упомянута здесь во вполне положительном смысле.

Совершенно обходит указ и наиболее актуальный сегодня аспект темы — ответственность КПСС и ее руководящих деятелей, в том числе здравствующих, за сохранение диктаторского режима на протяжении трех с половиной десятилетий после смерти Сталина и за политические репрессии совсем еще недавнего времени. Тех, кто санкционировал и осуществлял травлю Солженицына и Сахарова, отправлял в лагеря и психушки правозащитников, унижал и преследовал верующих и пр. и пр. Есть «Сталин и его окружение», но где же политическая и нравственная (я уж не говорю — юридическая) оценка антинародной деятельности окружения Брежнева, Андропова, Черненко, и ныне в большинстве своем остающегося либо на высоких постах, либо на столь же высоких пенсиях, под материнским крылом своей все еще правящей партии?

В указе нет ни слова о том, что политические репрессии в принципе недопустимы и должны быть неотвратимо наказуемы. Почему это не сказано? Не потому ли, в частности, что тогда стала бы очевидной противозаконность деятельности тех подразделений КГБ, которые выполняли и продолжают выполнять функции тайной политической полиции, и партийная олигархия могла бы лишиться одного из главных инструментов своей власти? Не потому ли, что в таком случае и многие действия, совершенные уже в период правления М. С. Горбачева с его ведома или даже непосредственно им самим, пришлось бы квалифицировать как противоправные? Ну, например, аресты участников первых «несанкционированных» митингов. И явное укрывательство высокопоставленных виновников убийств в Тбилиси.

НАКОНЕЦ, В-ПЯТЫХ, в чем состоит реальное, практическое значение указа? В осуждении «Сталина и его окружения»? Так они были официально осуждены еще 30 лет назад, на XX, XXI и XXII съездах партии. В том, что постановляющая часть указа предписывает «полностью восстановить права» жертв репрессий 20—50-х годов? Но, не говоря уже о том, что подавляющее большинство из них осчастливлены посмертно, здесь ни единой фразой не расшифровано, о каких именно правах идет речь. Если, скажем, об избирательных, то они давно восстановлены. Ну, а если, например, о жилищных, то в чем конкретно состоит восстановление такого права? В предоставлении возможности улучшать свои жилищные условия «в порядке общей очереди»? Что касается имущественных прав, то предусматривает ли президентский указ обязанность социалистического государства хоть как-то компенсировать своим жертвам (как именно? в каком материальном выражении?) не только отобранное у них и разграбленное имущество, но и отнятое здоровье, перенесенные страдания, даровой каторжный труд, загубленные годы, искореженную, сломанную жизнь? Предусмотрено ли для них право хотя бы на те же повышенные пенсии, какие наше государство доныне исправно платит многим организаторам и исполнителям политических репрессий. И распространяются ли какие бы то ни было права и льготы, скажем, на детей репрессированных родителей — в пусть малое возмещение отнятого у них детства и всех последующих лишений и унижений, которые им пришлось пережить?

ВСЕ ЭТИ вопросы оставлены без ответа в президентоком указе. Не сопровождается он и каким-либо дополнительным протоколом, где разъяснялся бы и конкретизировался тезис о «полном восстановлении прав» и давались бы четкие распоряжения соответствующим государственным ведомствам. А без этого он не более как декларация, вовсе и не рассчитанная на то, чтобы одни его исполняли, а другие имели реальную возможность добиваться его исполнения.

Тут мне возразят, пожалуй, что и декларация чего-то стоит. И вернут меня к тому, с чего я начал рассмотрение указа: как бы то ни было, теперь уже не нужно ходатайствовать о реабилитации каждого из невинно осужденных — пусть хоть только в 20—50-е: все оправданы сразу. Увы, при внимательном чтении и это оказывается иллюзией. Пункт второй постановляющей части гласит: «Настоящий Указ не распространяется на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей во время Великой Отечественной войны, в предвоенные и послевоенные годы. Совету Министров СССР внести в Верховный Совет СССР проект законодательного акта, определяющего перечень этих преступлений и порядок признания по суду лиц, осужденных за их совершение, не подлежащими реабилитации настоящим Указом».

ЭТО ОТСЮДА следует? Прежде всего то, что, взяв на себя наилегчайшую часть дела, М. С. Горбачев задал Совету Министров, а затем и Верховному Совету поистине головоломную задачу.

Дело в том, что преступлений, в которых сегодня могут быть без колебаний и даже без ознакомления с обвинительным заключением оправданы все 100 процентов осужденных, наберется очень немного: принадлежность к оппозициям и враждебным партиям, подготовка покушений на товарища Сталина и других вождей, ну, еще какие-нибудь два-три. Все остальные — будь то «шпионаж», «измена Родине», «террористический акт», «призывы к свержению советского строя» или «уклонение от трудовой повинности» — такого свойства, что по этим статьям всегда был возможен какой-то процент или доля процента «обоснованно осужденных». А в какую категорию зачислить, к примеру, осужденных за «хищения социалистической собственности», если в нее попадали и директор завода, наворовавший миллион, и колхозник, унесший с коллективного гумна за голенищами сапог два килограмма ржи, чтобы накормить своих голодных детей?

Следовательно, вопрос о включении или невключении подобных статей в упомянутый перечень с неизбежностью вызвал бы в правительстве и Верховном Совете длительные и беспрецедентные споры, которые в состоянии кончиться только одним: чтобы реабилитация не затронула никого из «обоснованно осужденных», с каждым человеком надо разбираться отдельно, заново проводя его дело через суд (которому, как известно, сейчас совершенно нечего делать)... Иными словами, откуда шли, туда и пришли.

В РАМКАХ нынешней структуры власти я посоветовал бы Президенту вместо издания столь бессодержательного указа воспользоваться предоставленным ему правом законодательной инициативы и внести на ближайший Съезд народных депутатов СССР законопроект, которым предусматривалось бы, в частности, следующее.

1. Безоговорочное осуждение всех политических репрессий, имевших место в нашей стране с октября 1917 г. до настоящего времени: признание массовых репрессий актами геноцида, преступлениями против человечности. Провозглашение реабилитации всех, кто в течение этого времени стал жертвой преследований по политическим, социальным, национальным, религиозным мотивам, а также тех, чьи правонарушения были предопределены античеловеческой и антиправовой сущностью тоталитарного строя. Покаяние перед ними от лица Советского государства. Объявление незаконными и заслуживающими строгого наказания любых политических репрессий в будущем.

2. Издание по материалам КГБ (ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ), прокуратуры, суда, мест заключения и партийных органов возможно более полных списков репрессированных с краткими биографическими данными о них. В том числе тех, по отношению к кому политическое преследование было закамуфлировано неполитическими мотивами или осуществлено в форме покушений на жизнь, принудительного помещения в психолечебницы, понуждение к эмиграции и т. п. Придание этой работе статуса программы государственной важности и немедленное начало ее выполнения. Увековечение памяти жертв политических репрессий, широкое издание мемуарной и исторической литературы на эту тему, должное место ей — в школьных программах в интересах нравственного воспитания молодежи.

3. Немедленная отмена всех актов о лишении гражданства, провозглашение права на восстановление гражданства (а также на двойное гражданство) для всех, кто по политическим, национальным или религиозным причинам был вынужден покинуть страну. Покаяние перед ними от лица государства. Обеспечение практических возможностей возвращения на Родину всех, кто пожелал бы вернуться, включая родившихся за границей потомков эмигрантов.

4. Ликвидация Комитета государственной безопасности как главного орудия осуществления политических репрессий, покрывшего себя несмываемым позором и нетерпимого в демократическом обществе. Передача тех его функций, которые должны быть сохранены (охрана границы, контрразведка и некоторые другие), министерствам обороны и внутренних дел.

Увольнение всех без исключения сотрудников КГБ, имевших отношение к репрессиям и политическому сыску, с лишением их права занимать руководящие должности в государственном аппарате и какие бы то ни было должности в правоохранительных органах. Обнародование имен осведомителей и доносчиков. Отмена персональных пенсий и каких-либо льгот всем бывшим сотрудникам КГБ, причастным к политическим преследованиям и сыску, а также их осведомителям; снижение тем и другим пенсий до минимума. Аналогичные меры — в отношении прокуроров и судей, чье участие придавало государственному терроризму видимость законности. Привлечение к уголовной ответственности тех, кто лично участвовал в убийствах, пытках и истязаниях заключенных или приказывал это делать, — без учета срока давности для указанных преступлений; широкое освещение процессов по таким делам в средствах массовой информации. Рассекречивание и предание гласности любых документов КГБ, партийных органов (включая Политбюро ЦК КПСС), прокуратуры, судов и пр., относящихся к политическим репрессиям; уголовная ответственность за сокрытие или уничтожение подобных документов.

Естественен вопрос: почему такой законопроект предложен не был?

ОТВЕТ представляется мне очевидным: потому, что М. С. Горбачеву было выгодно поступить так, а не иначе. Ему нужно было «закрыть дело», не открывая его. Ему нужно было создать впечатление, будто он и возглавляемая им партия порвали с тоталитарной системой, не имеют с ней ничего общего и в то же время увести эту систему и ее институты, эту партию и ее руководящие кадры от ответственности за совершение злодеяния. Ему нужно было создать видимость движения навстречу требованиям общества и в то же время все оставить на своих местах, ничем не поступиться, ничего реально не затронуть.

Поэтому, если называть вещи своими именами, то это не указ Президента, продиктованный болью за судьбу своего народа и искренним стремлением к восстановлению справедливости, а всего лишь дипломатический жест лидера партаппарата. Если чем и полезен такой указ, так только тем, что помогает протереть глаза, добивает иллюзии в отношении аппаратного варианта перестройки и внутренних возможностей его инициатора. В ряду многих других событий последнего времени указ лишь подтверждает ту истину, что в лице М. С. Горбачева мы имеем политического деятеля, чья положительная историческая роль (а ее отрицать невозможно) уже сыграна. И что его нынешняя роль внутри страны давно уже совсем иная.

Перепечатано с сокращениями из еженедельника «Собеседник», ноябрь, № 45, 1990 г.

Библиотека Мемориала

ПРОЕКТ ЗАКОНА РСФСР О РЕАБИЛИТАЦИИ

(Окончание. Начало на стр. 1).

нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;

распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный или общественный строй;

посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов,

то есть по ст. ст. 70 (в редакции, действовавшей до Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.09.90 г.), 142, 190[1], 227 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства РСФСР.

3. Исключить из Уголовного кодекса РСФСР статьи 142 и 227.

4. Факт реабилитации подтверждается справкой о реабилитации, которая выдается по требованию репрессированного или его родственников в трехмесячный срок с момента обращения:

в отношении лиц, перечисленных в ст. 1, — органами Прокуратуры РСФСР,

в отношении лиц, перечисленных в ст. 2, — Верховным Судом РСФСР, Верховными Судами автономных республик, краевыми, областными и приравненными к ним судами РСФСР.

5. Предусмотренный в ст. 1 порядок реабилитации не применяется и органы Прокуратуры РСФСР отказывают в выдаче справки о реабилитации лицам, обвинявшимся в совершении убийств и иных тяжких преступлений против личности. Отказ в выдаче справки о реабилитации в этом случае может быть обжалован в порядке, установленном ст. 6 настоящего закона.

6. Возложить на Верховный Суд РСФСР пересмотр уголовных дел и реабилитацию лиц, не подпадающих под действие ст. ст. 1 и 2 настоящего Закона, осужденных судами РСФСР по статьям об особо опасных государственных преступлениях, а также по ст. ст. 75, 76, 76[1], 83, 88[1], 88[2] и 190[3] Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства, когда имеются основания рассматривать факт привлечения к ответственности и осуждение как политическую репрессию.

Установить, что в изъятие из общего порядка пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, пересмотр указанных приговоров осуществляется по мотивированному заявлению осужденных, их родственников, общественных организаций.

Решения о реабилитации или мотивированный отказ выносятся Президиумом Верховного Суда РСФСР в шестимесячный срок с момента обращения.

7. Лица, реабилитированные в порядке, установленном ст. ст. 1, 2 и 5 настоящего Закона, восстанавливаются во всех гражданских правах, включая право проживания в тех местностях и населенных пунктах, где они проживали до применения к ним репрессий; это право распространяется также на членов их семей и потомков, утративших его вследствие несправедливых репрессий.

В связи с реабилитацией указанных лиц отменяются все связанные с применением репрессий решения о лишении их государственных наград, ученых степеней, воинских, специальных и почетных званий, пенсий и связанных с ними прав и льгот. В случаях, когда указанные решения принимались органами Союза ССР, факт реабилитации служит основанием для возбуждения ходатайства об отмене этих решений.

8. Восстановить в гражданстве РСФСР жителей РСФСР, лишенных гражданства без их прямой просьбы.

9. Установить для лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы и реабилитированных в соответствии с настоящим законом, денежную компенсацию из расчета 140 руб. за каждый отбытый месяц лишения свободы, но не более чем 25 тыс. рублей, выплачиваемую из средств государственного бюджета РСФСР органами социального обеспечения РСФСР по месту жительства реабилитированного на основании справки о реабилитации.

Выплата компенсации может производиться как единовременно, так и в ином порядке, установленном Советом Министров РСФСР, при условии, что в течение первых трех месяцев с момента обращения в органы социального обеспечения выплачивается не менее одной трети общей суммы, а выплата остальной части может производиться частями в течение трех лет.

Реабилитированные лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы, ссылки или высылки, имеют право на получение льгот, предусмотренных для участников Великой Отечественной войны. Реабилитированные, ставшие в период применения к ним репрессий инвалидами, имеют право на льготы, предусмотренные для инвалидов Великой Отечественной войны.

10. Действие статей 7, 8 и 9 настоящего Закона распространяется на жертв политических репрессий на территории РСФСР, реабилитированных в ином порядке.

11. Создать на двухлетний срок Комиссию Верховного Совета РСФСР по реабилитации для контроля за исполнением настоящего Закона, с обеспечением ей полного доступа к архивам судов, военных трибуналов, прокуратуры, органов госбезопасности и МВД, находящихся на территории РСФСР.

Предоставить Комиссии по реабилитации право распространять действие ст. ст. 7, 8 и 9 настоящего Закона на лиц, реабилитированных в общем порядке, когда имеются основания рассматривать факт привлечения их к ответственности и осуждение как политическую репрессию.

Из пояснительной записки к проекту Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»

Настоящий проект подготовлен в соответствии с поручением Президиума Верховного Совета РСФСР от 6.08.90 г. № 118-1-1 для внесения на очередную, вторую сессию Верховного Совета.

В разработке проекта принимали участие Председатель и члены Комитета по правам человека С. А. Котель и члены Комитета по правам человека С. А. Ковалев, А. Л. Кононов (к. ю. н.), С. В. Сироткин (к. ю. н.), ученые-правоведы С. М. Баранченков (к. ю. н., МИМО), И. С. Власов (д. ю. н., ВНИИСЗ), М. Е. Петросян (ИНИОН АН СССР), И. Б. Михайловская (д. ю. н., Академия МВД СССР), а также представители общества «Мемориал».

В проекте учтены также замечания и предложения, высказанные при его подготовке рядом Комитетов Верховного Совета РСФСР, Верховным Судом РСФСР, Министерством юстиции и Прокуратурой РСФСР, Министерством финансов РСФСР.

Цель настоящего закона — реабилитация жертв политических репрессий. Процесс реабилитации начался в середине 50-х годов, но незавершен до сих пор. До настоящего времени указанная реабилитация проводилась на основании пратийно-политических решений и некоторых нормативных актов Союза ССР, которыми, в частности,

отменены незаконные акты против народов и лиц, подвергшихся принудительному переселению и ограничению в правах по национальному признаку,

признаны незаконными репрессии внесудебных органов ОГПУ—НКВД—МГБ в 30—50-е годы по политическим делам (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.1.89 г.),

Признаны незаконными репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20—50-е годы (Указ Президента СССР от 13.08.90 г.).

Указанные решения и акты неоправданно сужают как круг лиц, подлежащих реабилитации, так и сам период, в который репрессии признаются незаконными и несправедливыми. Кроме того, эти акты в большой степени носят декларативный или поручительский характер, не определяют контретно процесса реабилитации и прав реабилитируемых.

Учитывая, что политические репрессии происходили и до 20-х годов и продолжались в 60—80-е годы (преследование за политические убеждения, за правозащитную, религиозную и т. п. деятельность), проект распространяет реабилитацию на весь так называемый советский период с 7 ноября 1917 года по момент вступления закона в силу.

ПРОГРАММА «ОСТАРБАЙТЕР»

В сентябре 1989 г. ряд депутатов Бундестага от партии «зеленых» обратились в «Мемориал» с просьбой помочь собрать сведения о судьбе бывших «остарбайтеров» («восточных рабочих») после их возвращения в СССР. Помимо научного использования (а многие архивы, исторические институты, краеведческие общества и кружки в ФРГ сейчас активно разрабатывают эту тему), собранные сведения должны послужить основой для подготовки «зелеными» законопроекта о компенсации принудительного труда «восточных рабочих». Естественно, что проведение будущего законопроекта через Бундестаг и утверждение его в качестве федерального законодательного акта — длительный нелегкий процесс, результат которого предугадать трудно (первая попытка провести такой законопроект несколько лет назад потерпела неудачу). Объединение Германии привносит в этот процесс дополнительные сложности, связанные с изменением политической, экономической и правовой ситуации в стране. Однако «зеленые» не отчаиваются.

Общество «Мемориал», поддерживая гуманитарное начинание «зеленых», взяло на себя первый, подготовительный этап реализации этой программы. Сюда входит: а) сбор информации об оставшихся в живых «восточных рабочих» — гражданах СССР; б) передача этой информации заинтересованным организациям в ФРГ. Занимается этим Научно-информационный центр московского «Мемориала». Вопрос о денежной или иной компенсации, разумеется, не входит в компетенцию «Мемориала».

Необходимо подчеркнуть, что намерения «зеленых» и содействие «Мемориала» — пока не более, чем общественная инициатива. Никакие государственные организации ФРГ и СССР не несут за нее ни моральной, ни юридической ответственности.

Всех, кто уже прислал данные о себе и о своих близких в «Мемориал» или собирается это сделать в будущем, просим считать эту публикацию ответом: количество писем (их уже десятки тысяч) не позволяет ответить каждому. В дальнейшем будут разосланы специальные опросные листы. Мы просим также присылать подробные воспоминания о депортации, о жизни в Германии, о возвращении на родину, а также документы и фотографии этого времени. Они могут пригодиться для пропаганды программы в ФРГ и СССР. Документы будут возвращены по окончании программы или по требованию владельцев.

Наш адрес: 125319, Москва, а/я 2, «Мемориал», Программа «Восточные рабочие». Просьба не высылать корреспонденцию с телеграфными уведомлениями: это крайне затрудняет и замедляет работу почтового отделения.

Научно-информационный центр «Московского Мемориала».

Письмо из ФРГ

Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья из «Мемориала»!

Хочу обратиться к Вам по очень важному делу, связав это с большой просьбой.

Мы — несколько человек из города Ольденбург/Везер-Эмс с населением 140 тыс. жителей — работаем вместе с университетом им. Карла фон Осецкого над темой «Под насильственным господством национал-социализма 1933—1945».

Мы хотим, чтобы наконец время ужасной фашистской системы отчетливо и доходчиво было показано немецкому народу.

До сих пор, по нашему мнению, преступления немцев по отношению к народам мира были представлены недостаточно полно и открыто. Многое замалчивалось.

Предстоит проделать большую горькую работу. Только тогда возможно настоящее взаимопонимание между нами и многочисленными жертвами и их потомками из СССР.

В настоящее время мы пишем работу на тему «Каторжники и военнопленные в фашистской Германии в 1933—1945 гг.». У нас в районе Везер-Эмс были тысячи из миллионов русских, находившихся в Германии в рабстве или плену. Их жизнь здесь вдали от Родины была полна страданий.

Многие из них остались навсегда в чужой земле.

Они находились в трудовых лагерях, концлагерях или лагерях военнопленных. Женщины жили также и в немецких семьях.

Просим **убедительно** лиц, которые были в районе Везер-Эмс (Эмсланд, Бремен, Бременхафен, Ольденбург, Аурих, Эмден, Леер, Оснабрюк, Оберланген, Батхорн и т. д.), сообщить нам о своих переживаниях.

Возможно, Вы могли бы предоставить нам на время фотографии и документы того времени.

Для этой исторической хроники очень важно, чтобы высказались пострадавшие из СССР — это тронуло бы сердца здешних людей. Только тогда они будут способны понять и лично включиться в борьбу за то, чтобы ни из Германии, ни откуда бы ни было, не исходила бы никогда опасность ненависти и уничтожения людей.

Дорогие дамы и господа, друзья, мы были бы рады, если бы Вы нам помогли и распространили эту информацию среди родных, знакомых и друзей в Вашей местности.

Очень помогло бы обращение в местной прессе.

Мы составили анкету, которая поможет нам ответить.

Собственные воспоминания помимо этого, конечно, очень важны для нас. Пожалуйста, посылайте поступающую к Вам информацию мне: GÜNTER HEVZEROTH. Noackstrahe. 11 2900 Oldenburg RFG/BRD. Заранее благодарим.

Вопросы к очевидцам

1. Сколько каторжников или военнопленных работали с Вами вместе?
2. Помните ли Вы имена бывших коллег (Адреса)?
3. Как Вас определили на работу? Выбрал ли Вас работодатель?
4. Где и как Вы были размещены? В немецких семьях или в лагере?
5. Каковы были Ваши отношения с немцами? (Контакты, давал ли Вам кто-то что-либо тайно, разрешалось ли Вам сидеть за общим столом?).
6. Кто следил или контролировал Вас?
7. Могли ли Вы «свободно» передвигаться, были ли ограничения? Могли ли Вы пойти в кино или в церковь?
8. Носили ли Вы особую отметку («OST», «P»)?
9. Что Вы делали в свободное время?
10. Были ли Вы застрахованы? Сколько Вы получали за работу?
11. Известно ли Вам о казнях каторжников или пленных?
12. Лечили ли Вас немецкие врачи? Имели Вы право на пребывание в больнице?
13. Как Вы объяснялись с немцами? Были ли языковые проблемы?
14. Обращались ли с Вами жестоко или оскорбительно?
15. Была ли разница между каторжниками из Восточной и Западной Европы? Была ли солидарность?
16. Какую работу Вы выполняли?
17. Были ли среди Вас семьи? Находились ли они вместе или раздельно?
18. Где проходили роды? Что делали с детьми?
19. Кто помогал при родах? Кто ухаживал за детьми?
20. Была ли высокая смертность среди детей? Где хоронили их?
21. Известны ли Вам места, где были созданы так называемые «Детские дома для чужеземных женщин»?
22. Как там обстояло с гигиеной?
23. Заставляли ли женщин делать аборт?
24. Были ли желающие не возвращаться на Родину после освобождения? Заставили ли союзники их это сделать?
25. Как вели себя Ваши работодатели после освобождения? Как вели себя каторжники, были ли акты мести?
26. Имеете ли Вы контакт с семьями, на которые работали?
27. Есть у Вас фотографии или документы (трудовая карточка, нашивки «OST», или «P») того времени.

В отношении района Везер-Эмс

I. Через какой лагерь Вы прошли? (например, «СталагXIB» в Фаллингбостеле, XC Нинбург, 308 Батхорн).

II. Можете ли Вы подробно сообщить о лагере (сборный лагерь для каторжников, лагерь для военнопленных, меры против вшей, какие врачи?).

Библиотека «Мемориал»

ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Обоснование целей закона, принципиальное осуждение террора и политических репрессий выражено в преамбуле.

Под репрессиями понимается всякое преследование и принуждение в любой форме, влючая лишение жизни или свободы, принудительное переселение, ссылку, высылку, выдворение за пределы страаны, принудительное помещение в лечебные учреждения, лишение гражданства, иное ограничение гражданских прав и свобод.

Политические репрессии признаются несправедливыми и незаконными, поскольку они применялись в целях устрашения в массовом порядке ко многим абсолютно безвинным жертвам, в том числе по идейно-политическим мотивам, (за политические, религиозные и иные убеждения, инакомыслие), либо по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе (национальной, классовой, партийной, религиозной, профессиональной и т. п.), что противоречит идеям законности и справедливости, Международным пактам о правах человека.

Проект закона выделяет три группы реабилитируемых и устанавливает различный порядок реабилитации для каждой из них:

а) лица, репрессированные во внесудебном порядке (ст. 1), что само по себе уже в силу грубейшего нарушения процедуры привлечения к ответственности и конституционных прав граждан делает необходимой их реабилитацию;

б) лица, осужденные за политическую или религиозную деятельность по определенным статьям уголовного законодательства, необоснованно ограничивающим свободу совести, убеждений и иные политические права граждан (ст. 2);

в) прочие лица, необоснованно осужденные по политическим мотивам (ст. 6).

В соответствии со ст. 1 Закона реабилитируются все лица, подвергавшиеся когда-либо на территории РСФСР репрессиям по политическим мотивам во внесудебном порядке, в том числе органами ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, по решениям особых совещаний, троек и иных несудебных органов.

Справки о реабилитации выдаются по требованию этих лиц или их родственников органами прокуратуры РСФСР (ст. 4 ч. 2), кроме случаев, когда обвинения были связаны с совершением убийств или иных тяжких преступлений против личности (ст. 5).

Приведенный в ст. 5 перечень изъятий из ст. 1 настоящего Закона представляется достаточно определенным и конкретным для решения органами прокуратуры вопроса об отказе в безусловной реабилитации при внесудебных репрессиях. Такой отказ, однако, может быть обжалован в судебном порядке, аналогично случаям, предусмотренным в ст. 6.

В обоснование ст. 2 следует отметить, что ст. 70 УК РСФСР в своей прежней редакции «антисоветская агитация и пропаганда» и ст. 190^1, так же как аналогичная ст. 58—10 УК 1926г., на практике преследовали политическое инакомыслие, существенно организивала конституционные права и свободы граждан, признанием чего явилось изъятие Указом от 11.09.90 г. указанных формулировок из ныне действующего уголовного законодательства.

Статьи 142, 227 УК РСФСР на практике были направлены против свободы совести, религиозных убеждений и необоснованно ограничивали или запрещали деятельность, связанную с отравлением религиозных культов. В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.3.66 г., разъясняющим порядок применения ст. 142 УК РСФСР, к подобным деяниям, в частности, относилось запрещенное инструкциями изготовленке и распространение религиозных обращений, писем, листовок, проведенке религиозных собраний и других культовых церемоний, обучение несовершеннолетних религии и т. п. Подобные ограничения прежнего законодательства о религиозных культах признаны в настоящее время необоснованными и будут сняты в законодатеельстве о свободе совести.

Учитывая изложенное(, ст. ст. 142 и 227 предлагается вообще исключить из действующего УК РСФСР (ст. 3 Закона).

Лицам, реабилитируемым на основанни ст. 2 Закона, или их родственникам справки о реабилитации выдаются Верховным Судом РСФСР, Верховными Судами автономных республик, краевыми, областными и приравненными к ним судами РСФСР (ст. 4 ч. 3).

В отношении прочих лиц, не подпадающих под действие ст. ст. 1 и 2 Закона, осужденных судами РСФСР по статьям об особо опасных государственных преступлениях, а также по статьям 75, 76, 76^1, 83, 88^1, 88^2 и 190^3 Уголовного кодекса РСФСР, в тех случаях, когда имеются основания рассматривать факт привлечения к ответственности как неправомерную политическую репрессию, устанавливается упрощенный порядок реабилитации. В изъятие существующего порядка пересмотра приговоров, вступающих в законную силу, дела пересматриваются по заявлениям осужденных либо их родственников, общественных организаций Президиумом Верховного Суда РСФСР в 6-месячный срок с момента обращения.

Реабилитация, как сказано в ст. 7 Закона, влечет за собой восстановление во всех гражданских првах, возвращение государственных наград, ученых степеней, званий, пенсий и связанных с ними прав, которых граждане были лишены в связи с репрессиями.

Особо оговаривается право реабилитированных проживать в тех местностях и населенных пунктах, где они проживали до применения к ним репрессий. Признано справедливым распространить это право также на членов семей репрессированных и их потомков, если они были лишены такого вследствие репрессий.

Статьей 8 восстанавливаются в гражданстве РСФСР все лица, лишенные его без их прямой просьбы. Речь идет здесь как о репрессированных, так и о тех лицах, которые не были подвергнуты прямым уголовным репрессиям, но были вынуждены покинуть страну под давлением властей по политическим либо иным мотивам и не изъявили свободного желания об изменении гражданства. Очевидно, что лишение их советского гражданства, а автоматически и гражданина РСФСР, следует признать незаконным, противоречащим пактам о правах человека.

В ст. 9 устанавливается денежная компенсация для лиц, реабилитированных в соответствии с настоящим Законом. В преамбуле Закона оговаривается, что ввиду тяжелого экономического положения страны не представляется возможным полностью удовлетворить право репрессированных !и их наследников на компенсацию за причиненный им моральный и материальный вред и приносятся извинения, что такая компенсация может быть предоставлена лишь частично.

Денежная компенсация устанавливается для лиц, непосредственно отбывавших наказание в виде лишения свободы, в размере 140 рублей за каждый месяц лишения свободы, но не более чем 25 тыс. рублей.

Расчет этой суммы основан на учете ныне живых лиц, репрессированных в различные периоды советской власти, по данным общества «Мемориал» по г. Москве (около 3 тыс.) и по сведениям отдела соцобеспечения по г. Ленинграду (1000 человек), поскольку иной аналогичной статистики не существует. Примерные расчеты, основанные на указанных данных и экспертных оценках, показывают, что в настоящее время на территории РСФСР может проживать максимум около 50 тысяч лиц, на которых может распространяться указанная выше компенсация. При среднем сроке пребывания в заключении 7 лет общая сумма выплат этой категории лиц будет составлять:

50 тыс. чел.×7 лет×12 мес.×140 руб. мес.=588 мл. руб.

Указанную сумму предполагается выплачивать с рассрочкой в течение трех лет в порядке, устанавливаемом Советом Министров РСФСР.

Кроме того, очевидно, справедливо было бы, как это устанавливает ч. 3 ст. 9 Закона, приравнять в правах и льготах реабилитированных, отбывших срок лишения свободы, ссылку или высылку, к участникам Великой Отечественной войны, а инвалидов, соответственно, — к инвалидам войны.

ПРОЕКТ НЕ ПРИНЯТ. ПОЧЕМУ?

Проект Закона РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий был разработан Комитетом по правам человека с участием ученых-правоведов и представителей общества «Мемориал». Председателем Комитета является С. А. Ковалев, сопредседатель Всесоюзного общества «Мемориал».

Почему же этот конкретный и охватывающий все группы репрессированных документ не был принят Верховным Советом России? Трудно указать какую-то одну причину.

По словам Арсения Рогинского одни обиделись за депутатский корпус («почему это мы должны «склоняться», мы за репрессии не отвечаем»). Другие за ветеранов («они кровь проливали, нечего к ним приравнивать»). Третьи — за всех переселенцев и ссыльных, мол, если уж вводить компенсацию, то или всем, или никому...

В общем, до людей, зашюренных на групповых интересах, достучаться не удалось. К сожалению, в «мемориальной» практике такое далеко не в первый раз.

И вот что знаменательно — проект был отклонен Верховным Советом РСФСР 30 октября, в тот самый день и даже в тот час, когда на Лубянке проходил огромный митинг и закладывался камень с Соловков в память жертв репрессий...

Л. Л.

Алексей Шельвах

ВЕТЕРАН

Только варвары павших своих забывают,
а у нас и младенец скорбит с колыбели.
Только варвары водку водой запивают,
если пьют за Отчизну и мирные цели.

Приготовил папирус! вторую пехотную роту
помяну поименно в течение мудрой беседы.
Десять лет я ходил в рукопашную, как на работу.
В деревянном коне задохнулся за час до победы.

А живем хорошо. На хорошее слеп ты!
Все одеты, обуты. И — чем не жилище!
В месяц раз получаем почетные лепты.
Почему так ехидно спросил ты о пище!

Ты меня огорчил. Нет, прощай.
Да, прощай в самом деле, —
неспроста и соседи ворчат через перегородку.
Впрочем, в нашем дворе из асфальта растут асфодели.
Мы их жарим потом и едим под холодную водку.

Родник. — № 8. — 1988.

К 60-ЛЕТИЮ СОВХОЗА «ИНДУСТРИЯ»

Начало

7 марта 1930 года два человека на лыжах затесали метку на тонкой березке у берега Имандра и заскользили обратно, в сторону Хибин, к домику Опытной станции ПОВИРа. Ими были научный руководитель станции И. Г. Эйхвельд и начальник 3-го района колонизационного отдела Мурманской железной дороги Н. К. Гладышев.

Зарубка на березе определила место будущего заполярного совхоза «Индустрия», а официальное его существование началось в октябре того же года.

Первым директором первого заполярного совхоза и был назначен Николай Кузьмич Гладышев, потомственный железнодорожник, энергичный, деловой коммунист. Выдвинутый Революцией, он был предан ей и всем своим немалым опытом (ему исполнилось к тому времени 46 лет) служил укреплению новой жизни.

О трудностях становления совхоза рассказывала Н. Павлова со страниц журнала «Карело-Мурманский край» (1935 год):

«Индустрия» создавалась не просто на пустом месте —этого «пустого места» для нее на болотистом берегу не было: его надо было сначала создать.

Вырубался корявый болотный лес. Напряженно и упрямо выкорчевывались и сжигались гнилые пни. Спешно прорывались канавы для спуска в озеро излишней воды. Целые горы земли и песку пришлось привезти и насыпать между болотными кочками, прежде чем по ним стало можно ходить без опасности провалиться по пояс в трясину.

В тяжелой напряженной работе прошла осень 1930 года. Ряд работ продолжался всю зиму насквозь.

Со следующей весны началось многообразное строительство. Жилые и хозяйственные постройки заблестели светлыми срубами между соснами. Рождался будущий поселок.

Одновременно шли и первоначальные работы по земледельческому освоению былых промерзших тундр. Большие площади путем внесения минеральных удобрений подготавливались под будущие посевы. К осушенным болотам пополз трактор. Прежде чем он добрался до первого участка, под ним бесследно затонуло в жидкой грязи около четырех тысяч жердей, подсунутых в виде гати ему под колеса...».

Из воспоминаний Василия Яковлевича Круглого, работавшего вместе с первым директором «Индустрии»: «В начале тридцатых годов пахотный клин «Индустрии» составлял три гектара. Жителей Хибин таким полем было не прокормить. В поисках пригодной для освоения земли уходили мы на несколько дней в окрестности сегодняшних Апатитов — по болотам, буреломам и скалам, часто приходилось ночевать под открытым небом... Николай Кузьмич был удивительным человеком. Как бы рано я ни пришел на работу, он обязательно уже на месте. Никто не знал, когда директор отдыхает. Да и отдыхали ли в те годы люди по-настоящему?..»

В 1933 году совхоз окреп настолько, что смог принять участие в сельскохозяйственной выставке Ленинградской области. Сохранился очерк О. Дацевича, побывавшего на этой выставке:

«...Сектор северного земледелия» красноречием

Н. К. Гладышев.

своих экспонатов особенно привлекает посетителей.

На первом плане перед посетителями лежат образцы почв. «Неужели это земля?» — раздается недоверчивый голос. Да, эта земля только условно может быть названа землей. Но лучших земель на севере нет. Нужно заставить служить социализму вот такую «подозрительную».

И, поднимая глаза, посетитель читает:

«Мы во II-пятилетии покажем, что нет такого места на земле, которое нельзя было бы поставить на службу социализму».

(Киров).

Дальше большая картина — вид города Хибиногорска. — «Совсем как виды Швейцарии» — восторгается студент-экскурсант, глядя на живописный город, расположенный среди гор и на берегу озера. Но Хибиногорск — детище Октября. Он не нуждается даже в благожелательных сравнениях с городами капиталистической Швейцарии. Ему не нужен пошлый комплимент—«Советская Швейцария». У него свое собственное лицо социалистического города. У него «своя особенная стать», носителем и творцом которой является 40-тысячный коллектив его пролетариев—горожан.

Обслужить продовольственные потребности этого коллектива нельзя только за счет дальнего завода продовольствия. Свежее молоко, мясо, овощи — все это так называемые малотранспортабельные продукты. Их необходимо во что бы то ни стало добывать здесь на месте, забывая о 67° сев. широты.

И вот на базе достижений б. Хибиногорской с/х опытной станции ВИРа (ныне Полярного отделения) создан совхоз «Индустрия», целью которого является снабжение рабочего населения Хибиногорска овощами, корнеплодами и молоком.

Этот совхоз даже не пионер, по возрасту он едва годится в октябрята, но, тем не менее, выставочный комитет дает «Индустрии» — первое место в области и Почетный диплом».

В том же году совхозные поля осмотрел президент ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов и оставил такую запись в книге посетителей: «Пусть «Индустрия» станет ярким примером того, как надо в короткое время осваивать Советский Север»

(Окончание на стр. 7).

Библиотека Мемориала

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Локко Свен Петрович, родился 3 марта, 1924 года, на хуторе Куклино, Кольского района, Мурманской (Ленинградской) области.

Мой отец, Локка Пеньям Петрович, 1894 года рождения, уроженец Финляндии, деревни Локка, Соданкюльской общины, в 1918 году пришел в Мурманск и впоследствии получил гражданство СССР. В 1938 году он был репрессирован. Дальнейшая его судьба мне не известна. По моей просьбе, дело по обвинению моего отца, 20 апреля, 1988 года, президиумом Мурманского областного суда было пересмотрено и мне сообщено, что «Постановление Особой тройки УНКВД по Мурманской обл. от 10 октября 1938 года в отношении Локко Пеньяма Петровича отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Моя мать Эстрем (Тёермянен) Грета, София Кузьминична, уроженка села Пумманги (Рыбачий полуостров, ныне Великая Волоковая), родилась в 1883 году, 12 октября, умерла в 1967 году. Родители крестьяне.

Моя учеба: 1931—1935 год, 1—3 классы Падунской школы-интернат Кольского района,

1935—1938 годы, 3—4 классы Туломской начальной школы, Кольского района,

1939—1940 год, 5 класс Юркинской НСШ, Кольского района,

1940—1941 годы, 6, начало 7-го класса Типиницкой НСШ, Карелофинской ССР,

1956—1963 годы, 7—10 классы Мурманской заочной средней школы,

1956—1962 год, основной курс рисунка и живописи Московского народного университета им. Н.К. Крупской, заочно,

1963—1969 годы, заочно МВИМУ. Не окончил.

Моя трудовая деятельность:

1941 год, сентябрь — строительство оборонительных сооружений на подступах к городу Петрозаводску,

1941, октябрь. Эвакуирован в Архангельскую область. Работал лесорубом Тарзинского мехлесопункта, Няндомского района.

1942, в сентябре призван в армию, но отправлен в лагеря Челябинской области, где работал на строительстве Челябинского металлургического комбината до 1946 года,

1946—1950 годы, колхозник и бригадир-полевод колхоза Тулома Кольского района,

1950—1951 год, работал печником Кольского райкомхоза,

1951—1954 год, лесообъездчик Кольского лесхоза,

1954—1955 год, заведовал молочной фермой колхоза Тулома.

В 1955 году был направлен на строительство Каскада Пазских ГЭС Раякоски и Кайтакоски, Печенгского района, где строительство вела финская фирма Имантран Войма.

(Окончание на стр. 7).

Единственная Хельми в Апатитах

Так называлась статья на 2-х страницах в финском еженедельнике «Лаппин Лиса». Ее автор, Веса Хаатая, — тридцатилетний житель финского городка Салла, побывал туристом в нашем городе и, узнав, что переводчица — советская финка, решил написать о ней, чтобы дать представление своим землякам, как складываются судьбы детей репрессированных в сталинские времена бывших соотечественников.

Предлагаем вашему вниманию сокращенный перевод этой статьи.

В Апатитах живет Хельми Хулко, 56 лет. Всю жизнь она провела в социалистической стране. «Было порою трудно, но характер у меня упрямый, неподдающийся», — смеется Хельми в своей маленькой, скромной квартире посреди большого промышленного города.

Когда советско-финская граница была закрыта в 1917 году, то на советской стороне остались финны, жившие в деревне Лутто (Петсамо). Там родина Хельми Хулко. У семьи остались родственники на финской стороне, в Ивало.

«В семье было пятеро детей: 4 дочери и один сын. Кроме меня в живых теперь только брат, Хуго, который живет в Мурманске. Он инженер-строитель», — рассказывает Хельми.

Ей было три года, когда семье пришлось переехать из Лутто в Кильдинстрой, а оттуда в 1939—40 годах в Карелию. В Лутто, как помнит Хельми, было много и других финских семей, а также семей русских пограничников и лопари.

— «Брат рассказывал, что отца арестовали первый раз в 1930 году, второй раз в 1938, тогда он и пропал без вести. У отца было четыре брата и всех арестовали. Только один из них вернулся живым из лагеря. Я совсем не помню отца. Документ о его посмертной реабилитации мы выхлопотали. А в перестроечное время пришла еще одна бумага — о том, что и первый арест был без вины».

Мама и брат вернулись на Север, в Мурманск, только после развенчания культа личности Сталина. В 1961 году туда приехала и Хельми с сыном. Брат нашел ей работу в Мурманске, Хельми стала музыкальным работником в детском саду. Жизнь ее была заполнена работой и занятием музыкой ,она училась игре на фортепиано в вечерней музыкальной школе.

Хельми нашла себе мужа на Севере. Он работал на железной дороге. Его перевели на работу в Апатиты, где семье дали квартиру. Кроме детей и мужа с Хельми жила здесь и ее мама. Квартира была тесна для пяти человек — всего около 30 квадратных метров. Мама получала 28 рублей пенсии. Жизнь не была легкой. Хельми ухаживала за больной матерью. Искала дополнительную работу, давала уроки музыки, шила одежду другим людям. Муж умер в 1973 году. Сын учился в Мурманске в пединституте, потом служил в армии. Дочь училась в средней и музыкальной школах. Хельми пришлось выйти на пенсию в 47 лет по состоянию здоровья. Сейчас она получает 132 рубля пенсии, которой ей хватает, чтобы жить довольно хорошо.

Дочери уже 22 года, она закончила то же училище в Петрозаводске, что и Хельми, и работает учителем музыки в Карелии. Сыну 33, он журналист. У сына нет своей квартиры, он живет в общежитии. Дочери тоже приходится самой топить квартиру дровами и носить воду. Но она вполне обходится и этим, так их воспитала мать.

В Финляндии Хельми не была ни разу — это не так просто, к тому же дорого.

У Хельми нет финнов среди знакомых в Апатитах. Когда работала, друзей было больше. «Часто хожу с подругой на прогулки в парк. Там летом довольно красиво. Осенью свободного времени много, слушаю музыку, когда нужно отдохнуть от дел, читаю. Люблю классическую литературу, особенно русскую. Читаю с удовольствием и финских писателей, переведенных на русский язык: Йотуни, Вуолийоки, Хаанпяя».

Всегда празднуется в Доме финское Рождество. «Накануне финского Рождества — день рождения сына. Тогда у нас праздник — как правило, только семейный. Сын всегда приезжает на Рождество».

Хельми помогала сыну одержать победу на работе, когда он терпел притеснения от начальства. До политики Горбачева связываться с бюрократами было бесполезно. «А также мы не могли бы открыто говорить правду о многих сторонах современной жизни и истории, об отце и его братьях, которых погубили без вины. Не смогли бы, если бы не перестройка. В Апатитах тоже чувствуется, что стало свободнее дышать. Но мне кажется, что моя перестройка началась задолго до горбачевской», — улыбается Хельми.

(Публикация подготовлена С. Архиповым).

В октябрьском выпуске «Котлована» были опубликованы воспоминания Тойво Хяннинена, финна-ингерманландца, выселенного в 30-е годы из-под Ленинграда в Хибиногорск, а затем в Карелию. В этом выпуске мы публикуем подборку материалов, посвященных судьбам финнов, уроженцев Кольского полуострова.

ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА О СМЕРТИ

Так получилось, что первым в картотеку репрессированных, которую начало в 1989 году составлять Хибинское общество «Мемориал», был внесен Иоханнес Кярне, уроженец г. Каяни Улеаборгской губернии.

Еще в юности он переселился на территорию Советского Союза. Лет десять плавал на судах, а в 1936 году поселился вместе с семьей на ст. Княжой, где стал рабочим лесобиржи. Там он и был арестован летней ночью 1938 года. Долгое время о судьбе его было ничего не известно.

В 1962 году дети получили справку о реабилитации и свидетельство о смерти, которая якобы последовала от сердечной недостаточности в апреле 1940 года. «Якобы», потому что в свидетельстве, выданном в 1989 года, дата смерти — 17 октября 1938 года да и причина смерти другая — расстрел.

ЛЮДИ ЛЕДОВИТОГО

Свен Петрович Локко опубликовал в журнале «Пуналиппу» повесть «Люди Ледовитого», в которой рассказывается о жизни Акселя Келлинсалми, уроженца села Уура (на побережье Баренцева моря), в настоящее время живущего в г. Мончегорске. Мы публикуем небольшой отрывок из этой повести в переводе автора.

Необходимое пояснение: Аксель Келлинсалми, призванный в армию в самом начале войны, воевал в составе разведотдела 82-го погранотряда здесь, на Кольском. Уже в сорок втором году пришел приказ убрать из армии всех финнов, но в штабе погранвойск всеми правдами и неправдами оттягивали выполнение приказа. И только в апреле сорок четвертого приказ был выполнен, и 15 финнов были переведены с севера в запасной полк в Кеми. Зимой сорок пятого их отправили под Петрозаводск, а потом в Вологду.

Уже после победы над Германией, командир роты, пряча глаза, вручил Акселю предписание вместе с группой из еще семерых финнов ехать на Алтай, в небольшой городок Осинники.

«21 мая отделение Келлинсалми прибыло в пункт назначения. На вокзале он спросил у милиционера, где находится трест «Молотовуголь». Милиционер посмотрел с подозрением и сказал, неопределенно махнув рукой,

— Идите туда, там найдете.

В управлении треста сержант вручил пакет. Через некоторое время стали вызывать по одному для собеседования. Военную форму со всех сняли и выдали лагерное. Ножи и всякую мелочь отобрали — в камеру хранения.

— С этого дня вы находитесь в распоряжении спецкомендатуры, — заявило официальное лицо с таким нажимом в голосе, что даже у фронтовиков, четыре года смотревших смерти в лицо, дрожь прошла по спине.

— Ваше отделение определено в девятую шахту. Завтра утром на работу, а сейчас в барак. Выход в город только по специальным разрешениям.

«Вот влипли, — подумал Аксель, — сами себя привезли в лагерь для заключенных. Что же делать? Малейшую попытку оспорить неправильность действий властей примут за саботаж и поминай как звали».

Отделение получило задание обеспечить шахту крепежом. Высота забоя иногда была всего полметра. Чтобы протащить бревна, приходилось привязывать их веревкой к ремню и на четвереньках ползти сотни метров. И так по восемь часов изнурительной, нечеловеческой работы под землей.

«Наверно, специально создают невыносимые условия, чтобы мы взбунтовались, тогда легко будет разделаться с нами» — подумал сержант, таща через лужу очередное бревно. Или хотят превратить нас в послушных животных, выбить из нас волю к борьбе?»

Вечером у барака к сержанту подошел человек, вернее живой скелет и радостно приветствуя, пытался пожать руку. Видя, что его не узнают, человек сказал со слезами:

— Я Илмари. Илмари Яаккола, твой родственник. Неужели не узнал?

— Я действительно не узнал, извини!.. Ты давно здесь?

— С сорок второго. Уже три года.

— Нам сказали, что вас перевели на Карельский фронт.

— Карельский, — выругался Илмари и тут же оглянулся, не подслушивает ли кто. — Вот так, дорогой братец.

— Как вы тут живете?

— Не спрашивай: сам видишь, — и Илмари снова оглянулся.

— Вижу. Что это за люди, что стоят, вон, у столовой за баландой?

— Есть тут и преступники, например, власовцы, но к ним отношение куда лучше, чем к нам.

— Кому «к нам»?

— Нам, финнам, немцам.

— Постой, мы же советские люди.

— Да, но мы финны и немцы.

— И других преступлений нет ни у кого?

— Нет. Я во всяком случае не слышал.

...Несмотря на унизительные условия, Аксель нашел в себе силы работать, да не просто абы день до вечера, а даже нормы перевыполнял. Но еще один враг подкарауливал его. От шахтного газа метана у него начались обмороки. А от метановой воды — сильный понос. Однажды он чуть не погиб — потеряв сознание, упал лицом в лужу — хорошо подоспели товарищи.

— Наверно придется идти в медпункт, сказал Аксель друзьям.

— Ни в коем случае! Кто заболевает животом — с больницы не возвращается.

Сколько сил в человеке, он и сам не может предположить. Сержант ходил на работу, хотя еле держался на ногах. Товарищи оберегали его как могли. У одного был в лагере знакомый с пропуском в город, и удалось достать через него сушеных ягод черемухи. Это спасло Акселю жизнь.

...Однажды Аксель пожаловался своему родственнику Яакколе:

— Легче было проползти на пузе через топкое болото под свист пуль, чем таскать на четвереньках бревна в забой.

— На этой работе многие либо сами погибали, либо, взбунтовавшись, попадали в штрафные роты. А это тоже, не дай Бог.

— Нельзя же так! Кто здесь секретарь партийной организации? Я уже два месяца не платил взносы.

Вот, вот. Еще месяц и ты автоматически выбыл. Элементарно. Неужели не понимаешь? А кто секретарь, не знаю. Слышал только, что в дела лагерного начальства он не вмешивается.

...Новая неожиданность. Вместо паспортов выдавались удостоверения личности, в которых был штамп о невыезде в течение шести лет, владелец удостоверения назывался спецпереселенцем. Узнав об этом Келлинсалми возмутился:

— Я свой паспорт обменивать не стану! И удостоверения вашего не возьму!

— Возьмешь да еще спасибо скажешь!

— Посмотрим! Раз вы забрали у нас военную форму,то мы вправе считать себя демобилизованными. Приговора нам никто не объявлял насчет заключения в лагерь. А у гражданина паспорт является основным документом личности согласно Конституции.

— Мне вас жаль, молодой человек, — оскалился особист.

В тот же вечер Аксель был приглашен к начальнику спецкомендатуры Волкову. Разговор был короткий и даже спустя сорок лет сержант помнил его дословно.

— Фамилия?

— Келлинсалми.

— Финн?

— Да.

— Известно ли вам, что за подобный саботаж советских законов положено минимум восемь лет заключения?

— Если мне память не изменяет, согласно ленинским законам место личности в обществе определяется ее трудовым вкладом в общественную жизнь...

— Что?! Ты мне еще марксизм-ленинизм преподавать будешь! В карцер! Пять суток строгого ареста! — приказал начальник, прибежавшему на крик дневальному.

Камера одиночная, как и положено в целях «воспитания». Холодная и сырая, с досчатыми нарами без постели. Днем сержант ходил на работу, а потом возвращался в карцер. Питание соответствующее: через день полпайки хлеба, через день похлебка.

Аксель начал убеждаться, что единственным спасением может быть только побег...

Страницы детства

Год 1930. Мне не было и шести лет. Жили в небольшой деревушке Суханово Курганской области, сейчас этой деревни нет. Наша семья состояла из 11 человек. Детей от 2-х недель до 10 лет было шесть, а еще — бабушка, дедушка, папа, мама и тетя Ксения, которой в 1930 г. было 19 лет. Жили дружно. Помню, мы бегали к речке через огород наблюдали как женщины полоскали белье, колотили деревянными длинными колотушками половики, тут же развешивали на прясло.

Еще помню, как отец с дедом рано утром запрягали лошадь и уезжали на полянки (земля, разработанная в лесу между берез, недалеко от речки-пруда и небольшого болотца). Нас, детей, иногда возили туда, где были построены две избушки, одна для ночлега, другая для сбруи, продуктов. Поздно вечером возвращались домой. Нас, сонными, заводили в дом, а утром, чуть свет родители вновь уезжали в поле. Эти развлечения в лесу были редко и запомнились на всю жизнь.

Помню зиму. Напротив небольшого дома через дорогу стоял дом. Он мне казался высоким, большим. Из этого дома как-то утром послышался плач. Покидали домашний уют Лаврентьевы. Это была первая высылка в Тобольск. А к вечеру жители деревни растащили, что могли по домам. Помню вынесли зеркало. Несла его одна женщина, а мне казалось что оно очень большое. У нас в доме не было зеркала.

Тогда в зимние морозы на санях отправились в неизвестный путь две семьи. Говорили, что по дороге Лаврентьева с маленьким ребенком в санях замерзли, остался один хозяин.

Комиссия по высылке действовала. В это время уже создавалась первая коммуна. Надо было вновь кого-то готовить на высылку. Жребий пал на нас. Всю весну и лето деда часто вызывали в правление, держали по несколько дней в кутузке, просили вступить в коммуну, но дед был непреклонен. В августе стали выселять нас. Везли в телегах на станцию Мишкино. Разгрузили около железной дороги, охраняли. Из всех деревень везли людей, слышался плач, причитания. Нам ничего не разрешали взять с собой, а других деревнях брали, что под силу было.

Мама была батрачка, у нее справка из сельсовета ,но справку отняли, лишили права быть батрачкой, правда, предложили сначала вернуться с детьми в дом. Могла ли она с 6-ю детьми жить одна? Папа сказал: «Вместе жить, вместе и помирать».

Погрузили в товарные вагоны. Мы спали вповалку на верхних нарах, на нарах внизу спали старшие. Посреди в полу дыра для нужды, закрывалась доской. Везли нас долго. В Карелии состав остановили, нам разрешили выйти, но не отходить от вагонов.

7 сентября 1930 г. нас привезли в горы. Разгрузили у дороги. Сейчас эта дорога напротив гаражей комбината «Апатит», а с другой стороны через железную дорогу вокзал. Помню, как мы со своим скарбом сидим около дороги, а дед берет небольшие ведра и куда-то уходит, а потом приносит пшенную кашу, залитую на палец маслом.

Осмотрелись — кругом горы. Там, где сейчас Хибиногорская улица — два длинных одноэтажных барака. Сколько было человек в этом бараке — трудно ответить. О гигиене нечего было думать. Начались болезни, каждое утро выносили мертвых. Каждый день на подводах увозили в жаренку вещи, чтобы уничтожить вшей. Ходили в баню около озера Вудъявр. Воровства не было ,жили одной семьей. Заболела и вскоре умерла у нас Леночка. На кладбище дед с дядей несли на носилках. 16 километр — первое кладбище, где захоронены почти все переселенцы.

Трудно жилось взрослым, но были честны, правдивы, трудолюбивы. Построили около 50 палаток. Строился город. Строили АНОФ-1. Трудно жилось переселенцам в палатках. Зимой одежда примерзала к полотну палатки.

Посредине была печка-буржуйка, которая топилась круглые сутки. Таял снег в ведрах для питья.

Наши отцы днем работали на АНОФ-1, а вечером строили щитовые бараки. К весне 17 семей из палаток переехали в барак. В бараке жили одной семьей, умели не только трудиться ,но и веселиться. Нам дали комнату 12 квадратных метров на семью из 11 человек. Над дверью палати, дети спали там, а на день забрасывали туда кое-какую одежду из комнаты. Дед с бабушкой и мама с папой на кроватях, а тетя спала на щите, который на день убирали за сундук. О простынях и пододеяльниках нечего было и думать. Жилось трудно.

Помню, как дед пришел из магазина в 1932 г. и говорит: «Я разговаривал с С. М. Кировым. Выхожу из магазина и вижу: народ стоит кружком, а в середине какой-то мужчина. Задают вопросы спецпереселенцы, а Киров отвечает, что привезли нас для строительства нового города, знает, что труженики были в деревне, такие здесь нужны. Город построите, улучшатся условия жизни, дети будут учиться в каменной школе. Киров был прост, мы верили каждому его слову».

Питание было превосходное. На прилавках большие окуни, мясо, крупы, хлеб, мука и водка (около 3-х рублей поллитра). Наши отцы получали мало и ни разу не брали дорогие продукты.

Город строился, появилась 1-я средняя школа. Открылся на 23 км детский санаторий. Там я подружилась с Зоей Шиловой, она была ласковая девочка. Эти дни я помню до сих пор.

Лебедик (Чувашова) Васса Михайловна.

Николай КЛЮЕВ

Старикам донашивать кафтаны —
Сизые над озером туманы,
Лаптевязный подорожный скрип...
Нет по избам девушек-улыб,
Томных рук и кос в рублях татарских;
Отсияли в горницах боярских
Голубые девичьи светцы.
Нижет страстотерпные венцы
Листопад по Вятке, по Кареле, —
Камень — зель, оникс и хризолит...
Забодали Мономахов щит
Туры в белозубые метели, —
Он в лохмотах бархат, ал и рыт.
Вороном уселся, злобно сыт,
На ракиту ветер подорожный,
И мужик бездомный и безбожный
В пустополье матом голосит:
— Пропадай, моя телега, растакая бабка-мать!
Где же ты, невеста — павья стать,
В аравийских паволоках дева?
Старикам отжинки да посевы,
Глаз поречья и бород туман.
Нет по избам девушек-Светлан, —
Серый волк живой воды не сыщет.
Теремное светлое кладбище.
Загляделось в медный океан.
Узорочье, бусы, скрыни, прялки...
Но в тюки увязаны русалки,
Дед-мороз и святки с колядой:
Им очнуться пестрою гурьбой,
Содрогаясь, в лавке антикварной.
Где же ты, малиновый, янтарный
Русский лебедь в чашке заревой?!
Старикам донашивать кафтаны,
Нам же рай смертельный и желанный,
Где проказа пляшет со змеей!

между 1929 и 1932 г.

В Томске, куда Николай Клюев был выслан в 1934 году, он, больной, полупарализованный, был в очередной раз арестован и 13 октября 1937 года приговорен «тройкой» к расстрелу.

Даниил Андреев

О ПОЛУЗАБЫТЫХ

Народная память хранит едва
Деяния и слова
Тех, кто ни почестей, ни торжества
Не пожинал искони;
Громом их доблести не сотрясен
Сумрачный строй времен;
Дальним потомкам своих имен
Не завещали они.

Есть безымянность крупин песка,
Винтиков у станка,
Безликость капель, что мчит река
Плещущего бытия;
Их — миллиарды, и в монолит
Всякий с другим слит;
Этому множеству пусть кадит
Гимны — другой, не я.

Но есть безымянность иных: свинцов
Удел безвестных борцов,
Вседневных подвижников и творцов
Деятельной любви.
Встань перед ними, воин-поэт,
Славою мира одет,
Перечень звучных своих побед
Надвое разорви.

Эти — прошли в города и в поля,
Со множеством жизнь деля:
Врачи, священники, учителя,
Хозяйки у очагов;
И, лязгая, сдвиги эр не сотрут
Их благодатный труд.
Ни тиранин, ни демоны смут,
Ни ложь друзей и врагов.

Они умирали — не знаю где:
В дому или на борозде,
В покое ли старости или в труде, —
Но слой бытия сквозь слой
Им разверзал в высоте миров
Всю щедрость своих даров,
И каждый включался в белый покров
Над горестною страной.

Пусть мир не воздаст ни легендой им,
Ни памятником гробовым,
Но радость нечаянную — живым
Они бесшумно несут;
Они проникают в наш плотный быт —
Он ясен им и открыт, —
Их теплым участьем одет и омыт
Круг горьких наших минут.

Никто не умеет их путь стеречь,
Никто не затеплит свеч,
Никто не готовит богатых встреч,
Никто не скажет «спаси»,
Но жаль, что туманная старина
Укрыла и имена,
Когда-то в промчавшиеся времена
Звучавшие на Руси.

1951

Начало

(Окончание).

Успехи молодого совхоза были столь очевидны, что в самый канун 1934 года Постановлением Президиума ЦИК СССР Н. К. Гладышев был награжден орденом Трудового Красного Знамени с занесением его имени на Доску Почета Хибиногорского Апатитового треста.

Летом 1935 года секретарь ЦК ВКП(б) тов. Жданов и нарком тов. Микоян совершили поездку по Карело-Мурманскому краю. Один из высоких гостей ознакомился с работой «первенца социалистического земледелия за Полярным Кругом». Вот некоторые фрагменты из отчета о примечательном событии:

«Сопровождаемый директором совхоза тов. Гладышевым и старшим агрономом тов. Ефимовым тов. Жданов обошел участки совхоза.

Осматривая парники и теплицы с созревшими огурцами и помидорами, тов. Жданов отметил, что парниковое и тепличное хозяйство на севере нужно строить таким образом, чтобы оно в первую очередь давало самые необходимые для нужд населения продукты, причем обязательно раньше и дешевле, чем если бы они пришли с юга.

На блистающем порядком и чистотой скотном дворе тов. Жданову было показано стадо породистых коров, выхоленных, откормленных, удойных. Тут была гордость совхоза рекордсменка «Алиса», дающая 4000 кг молока в год, соревнующаяся с ней «Корья и получившие первую премию на областной выставке «Аорта» и «Берта».

Узнав, что Ленинградское Облзу не выполняет приказа Наркомзема СССР об организации в Апатитах сельскохозяйственного техникума, тов. Жданов обещал оказать необходимую помощь.

Тов. Жданов указал директору совхоза т. Гладышеву, что нужно форсировать дальнейшее расширение посевных площадей с тем, чтобы в ближайшие год—два иметь под посевами не менее 3,5 тысяч га вместо теперешних 1400 га.

— А чтобы хозяйство не оказалось вследствие такого роста слишком большим и громоздким, — сказал он, — нужно будет к 1937 году создать на базе теперешнего совхоза Индустрия» 2—3 совхоза».

Однако в 1937 году многих работников «Индустрии», трудом своим снискавших ему славу, в совхозе уже не было. Одними из первых в репрессивную машину были втянуты Н. К. Гладышев и П. Е. Ефимов, знакомившие тов. Жданова с достижениями своего хозяйства в тот памятный август тридцать пятого.

Уже в 1936 году Николая Кузьмича Гладышева, члена ВКП(б) с 1924 года, еще недавно отмеченного высокой правительственной наградой «за настойчивую, большевистскую работу», секретарь Кировского горкома партии П. П. Семячкин характеризовал как «хозяйственника-делягу, уклоняющегося от очищения аппарата от классово-чуждых элементов» (первый секретарь имел в виду, вероятно, очищение от спецпереселенческого контингента, который составлял значительную, если не основную, часть трудовых кадров совхоза — П. Г.). Затем последовала беспощадная расправа: исключение из партии за «прямую связь» с врагом народа Кондриковым, арест 27 июня 1937 года и расстрел по постановлению особой тройки УНКВД по Ленинградской области. Заведующий плановым отделом совхоза Николай Григорьевич Головин, в свою очередь, был репрессирован за связь с «врагом народа» Гладышевым. И также был приговорен к высшей мере наказания постановлением той же особой тройки 4 ноября 1937 года.

Мы не знаем имен всех, последовавших за ними по этому крестному пути, но знаем, что их было очень много. И многих из них ожидала худшая из смертей — в безвестности, без родных за гробом, без могилы и креста, в незаслуженном бесчестии. Их доброе имя восстанавливалось спустя много лет (и Гладышев Н. К., и Головин Н. Г., например, реабилитированы в партийном отношении только в прошлом году), а иные судьбы до сих пор неизвестны.

Никто не должен исчезнуть из нашей памяти бесследно. «Народ без памяти — народ без свободы», — сказал французский президент Ф. Миттеран. Хочется добавить: и без достойного будущего. Такой народ можно снова поставить на колени, и он будет «единогласно одобрять» самоуничтожение.

Г. ПЕТРЕНКО.

(Окончание. Начало на стр. 6).

АВТОБИОГРАФИЯ

После окончания строительства ГЭС Кайтакоски работал заведующим гаражом каскада Пазских ГЭС.

С 1960 по 1965 год работал на строительстве Верхнетуломской ГЭС механиком и в конце строительства инженером техотдела Туломагэсстроя. Строила та же фирма — Имантран Войма.

С 1965 по 1969 год работал дежурным машинистом ГЭС-12.

В 1969 году был избран председателем исполкома Верхнетуломского поселкового Совета народных депутатов.

С 1972 по 1973 год работал доверенным лицом от лесоэкспорта.

С 1973 по 1976 год работал старшим лесотехником Кольского лесхоза.

С 1976 по 1982 годы руководил первым охотхозяйством в Мурманской области.

Год был на пенсии и снова на работу, опять в Кольский лесхоз, на этот раз лесником.

1985—1987 годы старшина моторист, младший инспектор рыбохраны Кольской рыбинспекции.

В настоящее время на пенсии.

В январе 1941 года был принят в члены ВЛКСМ.

В сентябре 1956 года был принят в ряды членов КПСС.

Награжден медалями: К столетию В. И. Ленина и Ветеран труда.

Участником Великой Отечественной войны не признан, так как оборонные работы велись не по армейской линии Имею ввиду оборонительные сооружения на Петрозаводском направлении и строительство Челябинского металлургического комбината, хотя и то и другое непосредственно было связано с обороной страны и мобилизован был военкомом.

С. ЛОККО.

Библиотека Мемориала

КОНТУРЫ БИОГРАФИИ

(Окончание. Начало на стр. 1).

В 1971 г. Андрей Дмитриевич познакомился с Еленой Георгиевной Боннэр, и вскоре они поженились. Елена Георгиевна, дочь видного работника Коминтерна Г. С. Алиханова, уничтоженного в 1937 г., перед войной училась в ИФЛИ, добровольно ушла медсестрой на фронт, была ранена и контужена, но вернулась на фронтовую медицинскую работу. После войны окончила мединститут и работала врачом-педиатром. Ко времени их встречи она уже имела длительный стаж диссидентской деятельности. Этот союз принес Андрею Дмитриевичу так необходимое ему ощущение личного счастья.

К этому времени Сахаров уже стал легендарной личностью. Его морально-политическое влияние в стране и мире было огромным. Давно осознав сам, он доказывал другим, что только правовое и открытое общество может обеспечить доверие между странами. В 1975 г. ему была присуждена Нобелевская премия мира. Но в те же годы началась травля Андрея Дмитриевича в наших средствах массовой информации. Потоки ненависти и клеветы обрушились и на него, и на Елену Георгиевну. Наконец, после протеста по поводу вторжения в Афганистан он без суда и предъявления каких-либо формальных обвинений или постановлений был вывезен в ссылку в Горький (в августе 1984 г. на ссылку туда же была осуждена его жена). Руководству теоротдела удалось отстоять его от увольнения из ФИАНа и добиться согласия «руководящих инстанций» на поездки к нему сотрудников для научных консультаций.

В Горьком Сахаров провел три голодовки (1981, 1984 и 1985 гг.) в защиту прав членов своей новой семьи (в особенности, требуя разрешения на поездку Елены Георгиевны за границу для лечения) и переносил тяжелейшие мучения насильственного кормления. Но помимо прямого высказанных целей, голодовки были проявлением мятежного духа несмирившегося гражданина.[5]

Буря возмущения в мире, выступления в его защиту были важной моральной поддержкой для Сахарова, но, разумеется, не могли оказать серьезного влияния на руководителей страны. Ведь даже преступная война в Афганистане, которая унесла многие тысячи жизней советских воинов, оставила огромное их число калеками, погубила сотни тысяч афганцев, продолжалась, несмотря на всеобщее негодование в мире, ее осуждение членами ООН. Однако через неделю после ее начала состоялся знаменитый апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, и уже 31 мая к Сахарову прибыл высокий чин из КГБ. Из разговоров с ним Елена Георгиевна заключила, что «Горбачев дал указание КГБ разобраться с нашим делом. Но ГБ <...> вело свою политику. Так что у них шла своя борьба, в которой было неясно, кто сильней — Горбачев или КГБ».[6] Это выяснилось через 5 месяцев, когда после повторного обещания Андрея Дмитриевича отказаться от открытых политических выступлений, Елене Георгиевне разрешили поездку в США, где ей сделали операцию на сердце, спасшую ей жизнь. А в декабре 1986 г. М. С. Горбачев, игнорируя обещание Сахарова прекратить политическую активность, пригласил его вернуться в Москву и «приступить к своей патриотической деятельности».

Последующие три года бурной жизни Андрея Дмитриевича были у всех на виду. Не могу не добавить, что уже в день приезда в Москву, Андрей Дмитриевич появился в ФИАНе, своем втором доме, и провел там около 6 часов на семинаре и в беседах с сотрудниками.

В дальнейшем политическая деятельность все больше ограничивала его возможности заниматься наукой, и тем не менее он участвовал в еженедельных семинарах, выступал на научных конференциях.

Жизнь великого человека оборвалась 14 декабря 1989 г.

Е. Л. Фейнберг
член-корреспондент АН СССР
перепечатано с сокращениями
«Природа» № 8, 1990 г.

ПРЕСС-КУРЬЕР

«Народ без памяти — это народ без свободы». Слова принадлежат французскому президенту Ф. Миттерану. И вот год назад во Франции учредили «Приз Памяти». Им награждаются люди, организации, сумевшие вопреки трудностям прорвать пелену забвения.

В этом году среди трех лауреатов приза — советское общество «Мемориал».

«Комсомольская правда» 5.12.90.

За гражданское мужество

22 октября на общем собрании движения «Писатели в поддержку перестройки» («Апрель») впервые была вручена учрежденная этой ассоциацией премия имени А. Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя».

Лауреатом ее стала Лидия Корнеевна Чуковская. В дальнейшем премия будет присуждаться решением общего собрания «Апреля» ежегодно и вручаться в день рождения А. Д. Сахарова — 21 мая. Она составляет 2500 рублей, которые Лидия Чуковская намерена передать Дмитрию Юрасову, составившему своими силами многотысячную картотеку репрессированных.

«Литературная газета» № 44 31.10.90.

Редакция «Котлована» благодарит сотрудников Института химии А. Г. Селову, Н. И. Зарубенко и А. А. Шевырева за помощь в подготовке этого выпуска.

ГИПЕР—ПЕОН

О триумфах, иллюминациях, гекатомбах,
Об овациях всенародному палачу,
О погибших и погибающих в катакомбах
Переживающий и незыблемый стих ищу.

Не подскажут мне закатившиеся эпохи
Злу всемирному соответствующий размер,
Не помогут во всеохватывающем вздохе
Ритмом выразить величайшую из химер.

Этой поступью оглушенному, что мне томный
Тенор ямба с его усадебною тоской?
Я работаю, чтоб уславливали потомки
Шаг огромнее и могущественнее, чем людской.

Чтобы в грузных, нечеловеческих интервалах
Была тяжесть, как во внутренностях Земли,
Ход чудовищ, необъяснимых и небывалых,
Из-под магмы приподнимающихся вдали.

За расчерченною, исследованною сферой,
За последнею спондеической крутизной,
Свертяжелые, трансурановые размеры
В мраке медленно поднимаются предо мной.

Опрокидывающий правила, как плутоний,
Зримый будущим поколеньям, как пантеон,
Встань же, грубый, неотшлифованный, многотонный
Ступенями нагромождаемый сверхпеон.

Не расплавятся твои сумрачные устои,
Не прольются перед кумирами, как елей!
Наши судороги под расплющивающей пятою,
Наши пытки и наши казни запечатлей!

И свидетельство о склонившемся к нашим мукам
Темном Демоне, утаивающем все огни,
Ты преемникам — нашим детям и нашим внукам —
Как чугунная усыпальница, сохрани!

В этом выпуске напечатаны три стихотворения из книги «Русские Боги» Даниила Андреева (1906—1959), выпущенной в 1989 году издательством «Современник».

Все три этих стихотворения, как и многие другие в сборнике, написаны во Владимирской тюрьме.

Вот основные вехи трагической биографии поэта, сына писателя Леонида Андреева. Родился в 1906 году в Берлине, осиротел в двухнедельном возрасте, воспитывался в России, в семье сестры матери. В университет был не принят из-за происхождения. На фронте — настроевой — был санитаром. В 1947 году был арестован и после полутора лет следствия осужден Особым совещанием на 25 лет тюрьмы. Ему было предъявлено обвинение в террористическом заговоре, так как персонаж его романа «Странники ночи», главы из которого он читал друзьям, обдумывал план покушения на Сталина.

Выпущен он был только в 1957 году, реабилитирован в 1958.

Еще в 1954 году в тюрьме Д. Андреев перенес обширный инфаркт, поэтому, выйдя на свободу и не рассчитывая на долгую жизнь, он лихорадочно работал, чтобы дописать (а частично написать заново) все, что сочинил в тюрьме. Помимо стихов и поэм, вошедших и не вошедших в уже упоминавшуюся книгу, он оставил огромную драматическую поэму в стихах «Железная мистерия» (первые пять актов — картина истории России от смерти Распутина до смерти Сталина, с участием небесных и преисподних сил) и трактат «Роза Мира» — попытка передать свое предчувствие и предвидение унии всех религий, способной растворить во вселенной духовной общине агрессивные государства и воспитать новое человечество — без взаимных обид, ненависти и жажды мести.

Отдельные главы из этой своеобразной, ни на что не похожей книги были опубликованы в журналах («Новый мир», «Искусство кино») и других изданиях, но, к сожалению, весь трактат пока что не опубликован не только у нас ,но и на Западе. По словам Г. Померанца «для зарубежных православных издательств Андреев оккультист и гностик, а для либеральных — иррационалист, мистик и визионер» (Искусство кино, № 5, 1990 г.).

Скончался Даниил Андреев 30 марта 1959 года.

С болью и состраданием

Список работников совхоза «Индустрия», репрессированных по решениям внесудебных органов («тройки» НКВД, УНКВД, коллегии ОГПУ, «особые совещания» НКВД) в 30—40-ые годы. Опубликованный ранее в «Кировском рабочем» (24.07 и 9.08.90 г.) он дополнен отсутствующими в нем данными (статья обвинения и приговор).

Все указанные здесь граждане реабилитированы в апреле — мае 1989 г.

Александров Иван Антонович, род. 1899 г., б/п, рыбак рыбпромхоза. Арестован 14.06.38 г. Ст. 58—6—9 за проведение шпионской деятельности в пользу Финляндии. 27.10.38 г. постановлением Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к ВМН. Расстрелян 28.10.38 г. в г. Ленинграде.

Галяудинов Карам Галяудинович, род. 1906 г., б/п, возчик. Арестован 8.12.37 г. Ст. 58—10 УК РСФСР за проведение контрреволюционной агитации и провокационные слухи. 25.12.37 г. решением особой тройки УНКВД ЛО заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Иванов Николай Кириллович, род. 1891 г., б/п, работник с/х «Индустрия». Арестован 15.03.40 г. Ст. 58—6 за проведение шпионской деятельности 3.06.40 г. постановлением Особого совещания НКВД заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Иванов Федор Григорьевич, род. 1903 г., б/п, чернорабочий. Арестован 5.06.40 г. Ст. 58—10 за проведение антисоветской агитации. 26.11.40 г. постановлением Особого совещания НКВД заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Корхонен Давид Августович, род. 1904 г., б/п, грузчик. Арестован 22.11.37 г. Ст. 58—10—11 за проведение контрреволюционной агитации и подготовке к нелегальному переходу Гос. границы. 16.01.38 г. постановлением Особого совещания НКВД заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Кущ Мефодий Анатольевич, род. 1889 г., б/п, механизатор. Арестован 3.07.41 г. Ст. 58—10 за проведение антисоветской агитации. 5.12.42 г. постановлением Особого совещания НКВД выслан в Омскую область сроком на 5 лет.

Логинов Кондратий Петрович, род. 1881 г., б/п, рыбак рыбпромхоза. Арестован 10.06.38 г. Ст. 58—6 за проведение шпионской деятельности в пользу Финляндии. 10.10.38 г. постановлением Особой тройки УНКВД ЛО приговорен к ВМН. Расстрелян 21.11.38 г. в г. Ленинграде.

Мазин Юган Юрьевич, род. 1888 г., б/п, электромонтер. Арестован 14.03.40 г. Ст. 58—10 за проведение антисоветской агитации. 13.08.40 г. постановлением Особого совещания НКВД заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Мутто Петр Осипович, род. 1882 г., б/п, конюх. Арестован 29.10.37 г. Ст. 58—10 за проведение контрреволюционной пропаганды и распространение клеветнических слухов. 22.11.37 г. решением Комиссии НКВД и Прокурора СССР приговорен к ВМН. Расстрелян 27.11.37 г.

Саппанен Степан Матвеевич, род. 1906 г., б/п, зоотехник. Арестован 26.01.38 г. Ст. 58—6—9—10—11 за проведение антисоветской агитации и шпионской диверсионной деятельности. 7.06.38 г. постановлением Особого совещания УНКВД ЛО приговорен к ВМН. Расстрелян 8.06.38 г.

Слыва Филипп Кузьмич, род. 1908 г., б/п, тракторист. Арестован 15.02.33. Предъявлено обвинение по ст. 58—11 УК РСФСР за пропаганду национально-шовинистических идей среди спецпереселенцев из Украины с целью подготовки к активному выступлению против Сов. власти в момент войны. 8.05.33. постановлением тройки ПГОГПУ ЛВО заключен в концлагерь сроком на 3 года. Постановление считается условным, и Слыва Ф. К. был переведен в спецпоселение на апатитовые разработки.

Соколов Иван Петрович, род. 1896 г., б/п, чернорабочий. Арестован 8.12.37 г. Ст. 58—10 за проведение контрреволюционной пропаганды. 25.12.37. постановлением особой тройки УНКВД ЛО заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Стенор Павел Петрович, род. 1902 г., б/п, возчик. Арестован 28.10.37 г. Ст. 58—6—8—10 за проведение контреволюционной агитации и подозрение в шпионаже. 24.11.37 г. постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР приговорен к ВМН. Расстрелян 27.11.37 г.

С состраданием и болью вчитываюсь в этот список. С горечью сознаю, что он далеко не полон. В нем нет и Николая Кузьмича Гладышева. Старейшие работницы совхоза тетя Поля Колосова и тетя Поля Сухобокова навсегда запомнили, как ранним утром во время первой дойки коров его пришли арестовывать, как поклонился он на четыре стороны людям, с которыми создавал совхоз, и канул в неизвестность.

Вместе с ним ушла и огромная группа невинно осужденных бригадиров, фуражиров, зоотехников. Почти четыре месяца жены арестованных дежурили по очереди на станции Апатиты, надеясь, что удастся еще раз хотя бы увидеть своих близких. Это удалось не всем. Большинство осужденных были расстреляны под Ленинградом...

И доныне в Апатитах живут дети, внуки, знакомые Ивановского, Свинкина, Петина, Ефимова, Головина, Никитенко, Скрипеля, Лопатина, Воронина и многих других. Мы обращаемся ко всем, помнящим этих людей, с просьбой поделиться памятью о них.

Л. ГЛАДИНА.

Наш адрес: 184200. Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. ПН-031 67. Заказ 6940. Тираж 2.500.

Ответственная за выпуск П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека Мемориала

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 1 (6) МАРТ 1991 ГОДА Цена 1 руб.

О. Мандельштам 1908 г.

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье, —
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи —
Как, прицелясь на смерть, городки зашибают в саду, —
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесу топорище найду.

15 января исполнилось сто лет со дня рождения великого русского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, жизнь которого окончилась страшно и глухо, в неразличимой бездне ГУЛАГа.

Тоталитарной системе поэт «мешает» самим фактом своего существования, независимо от конкретных стихов, написанных или ненаписанных, независимо от того, акмеист он или имажинист.

И давление на поэта со стороны этой системы огромно и разнообразно. Не случайно Б. Сарнов в книге «Заложник вечности» пишет: «Сужу и осуждаю я чудовищную систему, сумевшую сделать то, чего не удавалось совершить никогда и никому: влезть в подсознание художника и заставить его **вполне искренне** воспеть то, что бесконечно чуждо и даже враждебно самой его природе».

В случае с Мандельштамом система все-таки потерпела поражение:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не смогли.

В НОМЕРЕ:

КАРТА ЛАГЕРЕЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
Стр. 2

ВЧК — ГПУ
(документальные материалы)
Стр. 3

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?
Стр. 4—5

А РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ УЕЗЖАЮТ...
Стр. 6

ЛЕТО СОРОКОВОГО
(о выселении финнов с Мурмана)
Стр. 7

РАССКАЗЫВАЕТ И-401
Стр. 7—8

Знакомый почерк

Официальная трактовка вильнюсской трагедии — «вспышка насилия», вызванная дискриминацией русскоязычного населения, в защиту которого вынуждены были выступить комитет национального спасения и призванная им на помощь армия, то есть по существу — межэтнический конфликт. Эта версия, однако, не выдерживает никакой критики даже в том случае, если не выходить за рамки отфильтрованной ТАСС и ЦТ информации. Все то, что мы знаем сегодня, с несомненностью свидетельствует об одном: в основе трагедии — попытка компартии под маской анонимного комитета захватить с помощью армии проигранную «Саюдису» власть и под конвоем вернуть Литву в лоно «социалистического выбора». В третий раз на наших глазах (после Тбилиси и Баку) правящая партия, используя армию как аргумент в политической борьбе, добавляет новые имена жертв насилия в многомиллионный список, который она открыла в 1917 г.

Насилие всегда являлось основополагающим элементом базовой идеологии и практики компартии — это утверждение хорошо иллюстрируют «популярные» сейчас труды Ленина и его соратников и чудовищная статистика в работах А. Солженицына, Р. Конквеста и других авторов. Напомним в связи с этим прозвучавшие еще на знаменитом II съезде РСДРП в 1903 г. исходные тезисы этой идеологии, в которых, как мне представляется, уже видны истоки преступления в Вильнюсе. Именно тогда всеобщую поддержку собравшихся получил замечательный по своей откровенности тезис: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии»; развивая его, Плеханов указывал: «...Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, перед таким ограничением преступно было бы останавливаться... Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент, то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы постараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели» («Второй съезд РСДРП. Протоколы», М., 1959, с. 182). Можно сказать, как в воду глядел знаменитый марксист: выборы в Учредительное собрание действительно оказались «неудачными», и большевики разогнали его даже не через две недели, а на второй день. В Литве, правда, «неудачный» парламент разогнать не удалось — но отнюдь не по вине верных марксистской идеологии коммунистов, которые, видит бог, сделали все, что могли...

Не является новым и повергшее многих в шок мгновенно возникшее «взаимопонимание» между каким-то безвестным комитетом и вооруженными силами державы. Эта схема хорошо известна с 1918—1922 гг. по Украине, Закавказью, Средней Азии, когда большевики по призывам таких же комитетов с помощью Красной Армии через советизацию загоняли обратно отделившиеся было народы окраин империи. Об уровне политического авторитета большевиков в этих регионах, например, в Закавказье, может свидетельствовать тот факт, что на выборах в Закавказский Сейм (аналогичный Учредительному собранию) в 1918 г. они получили всего 4,6 процента голосов, в основном от солдат.

Классическим примером упомянувшейся схемы советизации может служить Грузия. В мае 1920 г. ее суверенитет как независимой демократической республики был вынужденно признан Советской Россией, отказавшейся от «всех суверенных прав России на этой территории». Потерпевшие поражение в борьбе с социал-демократами грузинские большевики перешли к подготовке вооруженного восстания против законного правительства. 14 февраля 1921 г. им удалось захватить власть в небольшом городке Шулавери, где они сформировали свой Реввоенсовет. Последний тут же отправил телеграмму с призывом о «братской помощи» в штаб XI армии, которая на следующий же день перешла границу и после месяца ожесточенных боев установила Советскую власть на территории бывшей суверенной республики...

Просуществовавшая до 1920 г. суверенная Бухарская народная республика стала советской по этому же сценарию — небольшая прокоммунистическая группировка захватывает власть в провинциальном городке Чарджоу и тут же призывает Красную Армию, которая под командованием Фрунзе, несмотря на отчаянное сопротивление верных эмиру частей, вскоре заняла Бухару и провозгласила советскую власть...

Примеры можно продолжить — Украина, Армения, Хорезмская республика. Судя по всему, почерк преступника за эти годы не претерпел существенных изменений...

Насилие, как видим, сохраняется в арсенале «средств убеждения» компартии. Счет жертвам, однако, ведется, и не только документально. Он откладывается в памяти общества. Рано или поздно — счет этот будет предъявлен к оплате...

Л. АРУТЮНЯН.

Апатиты, январь 1991. Фото С. ХИТРОВА.

Библиотека Мемориала

Легенда к карте—схеме объектов ГУЛАГа на территории Мурманской области (1929—1960 гг.)

1. **ст. Энгозеро—Кандалакша — раз. Белый.** 3-е отделение УСЛОНа. Дорожное строительство и лесоразработки.

2. **Апатитовые разработки.** 6-е отделение УСЛОНа.

3. **раз. Белый—Мурманск—Териберка.** 11-е отделение УСЛОНа. Дорожное строительство, лесоразработки, рыболовство.

4. **п. Низский.** Лагерь.* Строительство Нива—ГЭС.

5. **Кола.** Управление 7-го отделения ББК (Беломоро-Балтийского канала) НКВД. Строительство Нижнетуломской ГЭС.

6. **Мончегорск.** 8-е отделение ББК НКВД.

7. **Мурманск.** 12-е отделение ББК НКВД.

8. **ст. Пулозеро.** Лагерь.* Лесоразработки, дорожное строительство.

9. **Мончегорск.** ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) комбината «Североникель» НКВД.

10. **ст. Ручьи Карельские — Алакуртти — Куолоярви.** 105-я стройка НКВД. Строительство шоссе и железной дороги.

11. **ст. Пинозеро—Уполокша—Ковдор.** 106-я стройка НКВД. Строительство шоссе и железной дороги.

12. **Лоозерский комбинат.** Лагерь.*

13. **п. Многолюдный.** Лагерь.* Слюдяной рудник.

14. **п. Поной.** Лагерь.* Строительство военных объектов.

15. **Кандалакша.** Лагерь.* Строительство алюминиевого завода.

16. **Кировск.** ИТЛ комбината «Апатит» МВД. Лаготделения в пп. Лоухи, Энгозеро (Сев. Карелия), п. Шонгуй.

17. **п. Апатиты.** ИТЛ «Белречлаг». Лаготделение в п. Кильдинстрой, п. Чупа.

18. **п. Ена.** Лагерь.* Енское рудоуправление треста «Союзслюдакомбинат» МВД.

19. **ст. Титан—п. Иоканьга.** 509-я стройка МВД. Строительство шоссе и железной дороги. Дорога не построена.

20. **п. Капустное.** Лагерь.* Лесоразработки.

21. **с. Княжая Губа.** Лагерь.* Строительство Княжегубской ГЭС.

22. **Мурмашн—Никель — Печенга.** 511-я стройка МВД. Строительство железной дороги.

23. **п. Ревда.** Лагерь.*

24. **Оленегорск.** Лагерь.*

25. **п. Серебрянка.** Лагерь.* Строительство Серебрянской ГЭС.

26. **о. Кильдин.** Лагерь.*

27. **о. Олений.** Лагерь.*

*** Обозначены лагеря, название и соподчиненность (лагпункт, лаготделение, управление) которых неизвестны автору публикации.**

(Публикация подготовлена **А. Матвеевым**).

Редакция «Котлована» будет благодарна за уточнения и дополнения.

СПЕЦПОСЕЛОК

По прибытии на место ссылки крестьяне прикреплялись к спецкомендатуре трудовых поселений ОГПУ. Рассмотрим на примере одного такого поселения, что это была за жизнь. (При написании статьи использовались документы Нивского поселкового совета, находящиеся на хранении в Кировском филиале Госархива по Мурманской области. В тексте приводятся цитаты из этих документов).

«Нивастрой» — одна из рядовых строек начала 30-х годов. Цель строительства — решить проблему электроснабжения апатитовых разработок. Строители — большей частью спецпереселенцы, «ликвидированное как класс кулачество» из разных районов и областей республики.

Массовый «приезд» спецпереселенцев на «Нивастрой» начался с лета 1931 года. По национальности это были русские и в небольшой части ингерманландцы.

Жители всецело находились во власти ОГПУ. «Непосредственное административное управление спецпоселком и наблюдение за правильностью использования спецпереселенцев согласно заключенного договора между ГПУ (инспекция спецпереселенцев) и «Нивастроем» осуществляется специальной комендатурой спецпоселка при оперативном уполномоченном ГПУ Нивских поселков». О воле тут нечего было и думать. На каждую семью заводилась учетная карточка, в которую записывались все члены семьи на момент высылки, а также дети, рожденные уже в ссылке. В ней же отмечалась и смерть человека или его арест.

Любое действие человека регламентировалось через комендатуру. Существовали и вспомогательные структуры. «Для проведения распоряжений и законов, как вышестоящих организаций, а также и местной власти и всей необходимой работы по линии ГПУ, осуществляемой над спецпоселком, проводится комендантом поселка через старостат, выбранный самими же спецпереселенцами для каждого дома и 10 человек участковых». Для того, чтобы не было тайн от уполномоченного ОГПУ, вербовался штат осведомителей.

Рабочий день спецпереселенцев был ненормированный, не менее 10 часов. За октябрь 1931 года за врачебной помощью было 7 тысяч обращений, это при том, что общая численность населения спецпоселка была 6 тысяч человек. То есть, заболеваемость была очень высокой. «Причина заболеваний отсутствие спецодежды и обуви. Контингент больных главным образом ложился на рабочих головного узла и канала. Рабочие работали в рваных сапогах или валенках в заболоченных местах, в летней одежде и без рукавиц. С наступлением морозов есть случаи обморожения. На каменно-дробильном и бетонном заводе нет респираторов и защитных очков, часты случаи попадания инородных тел в глаза и кровохарканье, и в результате рабочие выходят из строя».

И за все это нищенская зарплата, из которой шли отчисления на содержание спецкомендатуры и на «Нивастрой». На содержание семьи оставались гроши. Даже обед в столовой стоимостью 65—90 копеек был недоступен для большинства, особенно для многосемейных. А обед был прескверным. «Калорийность невысока. Мясо (почти всегда конское) и рыба бывают редко, жиры почти полностью отсутствуют. Кухни оборудованы наспех: супы варятся в бочках из-под керосина». И к тому же столовая могла обеспечить не более 6—7 тыс. человек. Общая же численность живущих была около 12000 человек (из них 6200 спецпереселенцев). Для большинства же «питание ни с качественной, ни с количественной стороны нельзя признать достаточным. В достаточном количестве выделяется только хлеб и отчасти сахар. Других продуктов население не получает».

Вдобавок ко всему жили спецпереселенцы либо в легких щитовых бараках, либо (большинство — 3452 человека) в палатках, частью летнего типа. «Палатки установлены наскоро, не окопаны, плохо снабжаются топливом. Для спанья во всех палатках и деревянных строениях типа общежития — строены нары, при этом на одного живущего приходится от 0,25 до 0,5 метров по длине нар. Нередко в комнате 8 кв. метров живет семья в 10 и более человек». Тяжелые жилищные условия, почти полное отсутствие коммунально-бытового обслуживания вели к возникновению эпидемий. Имелась всего одна баня с пропускной способностью 15—20 человек в час, вошебойка-землянка да серная камера без печки.

На первое полугодие 1932 года на спецпереселении находилось до 6200 человек, из них мужчин — 2609, женщин — 1756, детей до 3-х лет — 523, от 3-х до 8 лет — 85, с 8 до 14 — 764. Подобные условия жизни не могли не сказаться на смертности среди поселенцев. Если с января по август умерло 47 человек, то уже в августе 1931 года — 121, из них 99 детей (по сведениям же комендатуры ОГПУ за август умерло 116 человек только детей. В сентябре—108 человек, из них детей—99 человек, за октябрь—115 человек. То есть, за три месяца умер почти каждый двадцатый. А ведь это еще до начала зимы. В марте 1932 года администрация была вынуждена признать: «В настоящее время цифра рабочих-спецпереселенцев, занятых на производстве гораздо ниже первоначальной».

Даже такое, благородное из нашего далека, дело, как ликбез, был в условиях неволи еще одним мучением. Непосещение занятий расценивалось как срыв мероприятий Советской власти, и подвергался нерадивый спецпереселенец (а чаще переселенка) наказанию — штрафу от 5 до 10 рублей. Сумма для ссыльных огромная.

За нарушение трудовой дисциплины или правил внутреннего распорядка спецпоселка спецпереселенцы заключались в карцер на 5—10 дней. Самые строптивые арестовывались ОГПУ и исчезали навечно. По свидетельству бывшего работника спецкомендатуры Н. Г. Б-ва почти в каждой учетной карточке семьи поселенцев были арестованные. Зачастую таковыми оказывались все мужчины семьи. Никто из арестованных назад не вернулся. После 1945 года в спецкомендатуру пришел приказ, считать их всех умершими, и имеющиеся на них данные изъять из картотеки и отправить в Мурманск, в областное управление.

Так что жизнь на спецпоселении мало отличалась от жизни в лагерях. Разве что люди не знали конца срока своим мученьям да страдали всей семьей.

А. МАТВЕЕВ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Желающие получать газету «Котлован» могут обращаться по адресу: **184200, Апатиты, Мурманская обл. а/я № 215.**

Газета будет им высылаться наложенным платежом.

Библиотека Международного Мемориала

Тема ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ уже присутствовала в «Котловане». Это естественно: поле деятельности нашего историко-просветительско-благотворительного общества перепахано этим «карающим мечом революции».

К сожалению, неоднократные появления руководителей КГБ, заявляющих о своей приверженности к общечеловеческим ценностям, на телевизионном экране, не сделало эту организацию менее закрытой и политизированной.

Хочется привести две цитаты из книги народного депутата СССР О. Калугина: «Вид с Лубянки», фрагмент которой опубликован в восьмом номере журнала «Родина» за 1990 год.

Цитата первая: «Новый облик КГБ, столь усердно навязываемый обывателю, как-то не вяжется с поразительной скромностью госсекретности в освещении кровавых событий в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Тбилиси, Баку, Фрунзе. Чем занимались там армия и войска МВД, известно всем, а какую роль играли органы КГБ?

Судя по мелькнувшему в печати сообщению, накануне тбилисской расправы в апреле прошлого года в грузинскую столицу прибыл специальный отряд КГБ из Москвы. Неужели эти люди занимались лишь скрытой киносъемкой боевиков на площади?..»

Цитата вторая: «Стране нужен критический, откровенный и открытый анализ деятельности КГБ в недалеком прошлом и трезвое осмысление того, с чем имеет дело наше общество сегодня.

Нужны, наконец, политическая воля и искренняя вера в народовластие, чтобы передать щит и меч революции из рук партократии изоранникам народа, инкорпорировать КГБ в правовую систему государства на паритетных началах с другими правоохранительными органами.

До тех пор, пока это не сделано, призрак тайной силы, способной в любой момент вернуть страну в прошлое, будет витать над обществом, вселять страх в души людей, на долгие годы отдалять их освобождение от крепостных пут казарменного социализма».

В этом выпуске «Котлована» мы хотим познакомить вас с несколькими документальными материалами, взятыми из книги «ВЧК—ГПУ», вышедшей в 1989 году в издательстве В. Чалидзе, США.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток.
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах.
Сон был больше, чем слух, слух был старше, чем сон, — слитен, чуток,
А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах.

День стоял о пяти головах и, чумея от пляса,
Ехала конная, пешая, шла черноверхая масса —
Расширением аорты могущества в белых ночах — нет, в ножах —
Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов —
Молодые любители белозубых стишков.
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Поезд шел на Урал. В распрытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой...
За бревенчатым тылом, на ленте простынной
Утонуть и вскочить на коня своего!

1935 г.

ЧЕ—КА

Когда слабые, нервные растерянно бледнеют, жмутся в углы, колеблются и не решаются, мы, сохранившие мощность духа, умеющие гореть в гневе и сознавать, что меч борющегося должен быть пламенем и тверд в руках часового революции, мы неуклонно вершим свое грозное и святое дело, дело борьбы с контрреволюцией.

В борьбе ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости.

Чрезвычайные состояния чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы.

Меч революции опускается тяжко и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает отточенный клинок в тысячеголовую гидру контрреволюции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выростали новые: у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и распорота жадная пасть, вспорота жирная утроба.

У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигенщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех.

Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды.

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда.

Вот почему мы так решительны и дерзновенны в наших методах борьбы.

Все войны, которые велись до сих пор, это были войны насильников за утверждение своего насилия.

Война, которую мы ведем, это священная война восставших, униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей.

Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким Святым Мечом, упрекать в том, почему мы боремся и как мы боремся?

Из еженедельной газеты «Красный меч» 18 августа 1919 г.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчичью спину — Москву.
Я трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

Мы с тобою поедем на «А» и на «Б»
Посмотреть, кто скорее умрет,
А она то сжимается, как воробей,
То растет, как воздушный пирог.

И едва успевает грозить из угла —
Ты как хочешь, а я не рискну!
У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объездить всю курву-Москву.

1931

ИЗ ЦИРКУЛЯРНОГО ПИСЬМА ВЧК № 5 ОТ 1 ИЮНЯ 1920 ГОДА

ВСЕМ ГУБЧРЕЗКОМАМ

О сионистах

В последнее время мы предприняли ряд внушительных мероприятий против сионистской организации. Арест Всероссийской Конференции, аресты и обыски в целом ряде городов у активнейших деятелей сионизма, смещение с занимаемых ими некоторых ответственных советских должностей, все это глубоко расшатало организацию и деморализовало ее членов.

К сожалению, мы получаем нередко сведения, что, проводя в отношении сионистов распоряжения центра на местах, тт. подчас не сознают ясно, что здесь такое просходит, для чего это делается и получается, таким образом, неосознанное и неосмысленное действие со стороны тех, от которых в первую очередь требуется полное понимание того дела, за которое боретесь.

Прежде всего товарищи должны знать, что нигде в Западной Европе, ни в колчаковщине, ни в деникинщине сионисты не преследуются, а наоборот, к ним как будто относятся благосклонно. Это обстоятельство само собой придает определенный политический привкус этой организации. Даже если бы мы не располагали никакими материалами против сионистов, то одного этого было бы для нас достаточно, чтобы судить об организации отрицательно. Коль скоро она приемлема для буржуазии, следовательно, она не может быть приемлемой для пролетариата и советской власти.

Почему же так? В чем же состоит эта неприемлемость?

Здесь мы должны рекомендовать товарищам ознакомиться еще раз с нашим циркулярным письмом № 5, где в отделе «Еврейские политические партии», они найдут все то, что необходимо знать каждому желающему получить некоторое представление о сущности сионизма. К этому мы лишь прибавим следующее: Как националистическая организация она вредна постольку, поскольку аннулирует всю культурную работу органов Советской власти и, в первую очередь, работу еврейских коммунистов в деле насаждений идей коммунизма в еврейских массах. Поддерживая и раздувая националистические инстинкты, она препятствует слиянию трудящихся разных наций в единую братскую семью.

Помимо этого, сионизм имеет своей основной задачей — создание еврейского государства в Палестине или (как они это называют в своей программе) «правоохранное убежище в Палестине».

Что же в этом контрреволюционного? Почему надо им помешать в этом?

Потому что, вместо Турции, английские и другие империалисты сядут на шею арабскому крестьянину, который составляет в Палестине большинство, а в приказчики себе они берут еврейских капиталистов, которые фактически стоят во главе сионистского движения. Такой воли пролетариат никак не может уважить, и он с ним будет бороться не только по соображениям принципиального характера, но и по соображениям практическим.

Каким же тут практические соображения?

Сионистские приказчики Антанты, будучи вдвое заинтересованы (за себя и за хозяина — Антанту), будут помогать проводить волю империалистов и подавлять восстания приниженных и униженных арабов, как это было недавно в Египте, где еврейские легионеры, организованные сионистами, подавали народное восстание египтян. Пролетарская советская республика заинтересована в том, чтобы справедливый гнев угнетенных народов Востока не распылялся и не ослабевал, а обрушился бы непосредственно на их угнетателей — англичан и французов, а не на приказчиков (сионистов).

Кроме того, сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему было суждено осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства: работников, инженеров, врачей, фармацевтов, архитекторов и др «спецов», которыми при нашей бедности приходится до поры до времени дорожить. Это соображение не принципиальное, но если мы хотим наших коммунистических принципов довиться, мы это практическое соображение не должны упускать из виду.

МЕТОДЫ БОРЬБЫ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ:

1) В идейной борьбе, которая поручается еврейским коммунистам. Очень желательно, чтобы и русские товарищи принимали участие в этой работе, ибо сионизм есть фактор, выходящий далеко за пределы внутреннего еврейского вопроса.

2) В разгромлении этой организации, что, однако, не должно выходить из следующих рамок: а) наблюдение и регистрация, б) воспрепятствование общих собраний (не давать помещения), а поскольку обнаруживаются негласные сборища — под разными предлогами срывать их, задержав на 24 часа участников, после чего освободить. Обо всех таких случаях срочно сообщить телеграммой в центр, в) переписку с сионистским движением перехватывать и, в зависимости от представляемого ими интереса, либо пересылать в центр, либо оставлять в ЧК, не доставляя адресату, г) не выдавать пропуска для проезда по ж. д. по мандатам сионистских организаций и ее разветвлений, как например: «Герцля», «Кадима», «Ля-Ахуза», «Маккаби» и др. (Не чинить однако, препятствий сионистам, едущим по мандатам Советских учреждений) д) постепенно под различными предлогами, занимать их помещения, мотивируя это необходимостью для военных и других учреждений.

В общем, поставить дело разгрома так, чтобы официально не дискредитировав нелегальность этой организации, фактически препятствовать и парализовать всю ее деятельность.

Намеченные способы представляются совершенно достаточными, причем, вменяются в обязанность каждый месяц посылать в центр краткий доклад о предпринятых шагах и о состоянии движения.

Привлекать к этому делу еврейских коммунистов особенно рекомендуется.

Представителям Губчека предлагается обязательно ознакомить своих подчиненных с сущностью сионизма, дабы дело не доходило до таких печальных курьезов, когда некоторые товарищи умудрились в сионизме усмотреть какой-то тайный всемирный еврейский Синедрион, поставивший себе якобы целью свергнуть все монархии, создать единое царство и выбрать одного царя.

На сионизм следует смотреть исключительно и только как на политическое буржуазно-националистическое движение и не больше. Всякий подходящий к этому вопросу не с той точки зрения отклоняется от действительности и наносит делу революции вред.

Далее следует три списка лиц, лишенных права занимать ответственную должность, работать в советских учреждениях и ЧК.

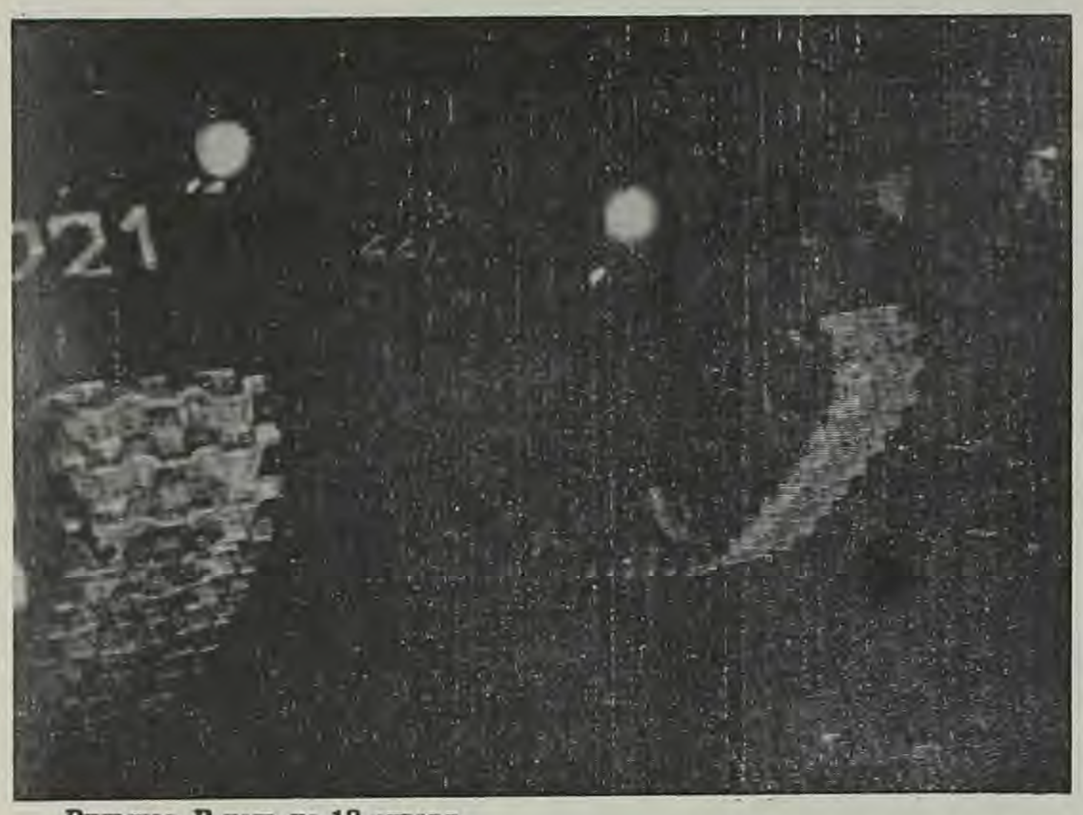
Настоящее письмо принять к неуклонному исполнению.

Зам. Председателя ВЧК
КСЕНОФОНТОВ

Зав. секретным отделом:
ЛАПИС

Секретарь ВЧК
С. УРАЛОВ

Библиотека Мемориала

Вильнюс. В ночь на 13 января.

Фото В. ДАРАШКЯВИЧЮСА.

«Только в свободной республике могут быть свободные граждане...»

Николай Николаевич Медведев из тех русских, которых в Литве называют своими, местными. Не одно поколение старообрядцев Поморского согласия выросло на литовской земле, и все же они остались русскими, смогли сохранить язык, веру и обычаи предков. Н. Медведев живет в Каунасе. Принимал активное участие в становлении движения «Саюдис». Занимает независимую позицию в Верховном Совете республики. В частности, сохранил мандат народного депутата СССР. Член комиссии по гражданским правам и делам национальностей ВС Литвы.

— *Николай Николаевич, ощущение непрочности своего положения, неуверенности в завтрашнем дне, а то и просто опасности преследует многих русских в Литве. Есть ли в основе его какие-то реальные, объективные причины? Или это следствие действий разного рода политиков и политиканов?*

— Пробуждение литовской нации, как известно, началось два года назад. Шло оно открыто — перестройка дала такую возможность. Все, что до этого было в опале, — «забытые» по приказу сверху исторические факты, символика, традиции — десятилетиями таилось в памяти народа и при первом же толчке стало быстро восстанавливаться. Заговорили о независимости—поначалу робко, затем все увереннее, смелее, громче. Могла ли русская община в Литве воспринять новые процессы спокойно, с пониманием и сочувствием? Не могла, слишком быстро они развивались, времени на осмысление происходящего почти не было. Ломались привычные представления о Литве как о территории по существу, мало чем отличающейся от российской или белорусской. И русские (разумеется, не все) испытали растерянность перед сброшенными с пьедестала ложными ценностями вроде «развитого социализма» или «единой семьи народов». Последовала реакция — неприятие, раздражение, страх за свое будущее в этой ставшей вдруг незнакомой республике, упорно добивающейся своего, невзирая на окрики «центра». Возникла ситуация противостояния.

При становлении «Саюдиса» многим казалось: главное — объединить «своих» у себя дома. Критику сталинизма, партократии, «центра» порой переносили на всех русских ,не отделяя от существующей системы. Вместо того, чтобы искать среди них друзей, создавали врагов. На первых митингах «Саюдиса» русскому, независимо от его взглядов, действительно было неуютно. Но митинговый угар, надо сказать, прошел быстро. Становилось ясно: не построить спокойный, благополучный дом, если кто-то в нем будет обижен, кто-то затаит злобу. От конфронтации «Саюдис» стал переходить к поискам межнационального согласия.

Но это оказалось не просто. Понимаете ли, в течении десятилетий в Литве отдельно друг от друга формировались два слоя населения. Я даже иногда думаю, что их сознательно хотели разделить, потому что вся политика, в том числе и языковая, была направлена не на адаптацию русскоязычного населения, а наоборот, на его изоляцию. И вот сейчас, когда начались большие перемены, эти слои реагируют на них поразному. Литовцы воспринимают происходящее с энтузиазмом, даже если эти изменения в житейском плане и не дали ничего, кроме трудностей. Русских же эти трудности раздражают, так как они не видят цели, во имя которой можно пойти на жертвы...

— *Но ведь нельзя отрицать существование специфических интересов русской общины, которые могут оказаться под угрозой в отделившейся от Союза Литве.*

— Да, каждый человек, помимо общечеловеческих, хочет иметь и какие-то национальные права, чтобы не потерять свои особенности, духовные ценности. Русские, вероятно, никогда не сольются с литовцами, будут духовно тяготеть к России. Это естественно и нормально в демократическом обществе. Сейчас в Литве у русскоязычного населения, по сути, нет каналов для национального самоопределения в качестве общины: у него отсутствуют необходимые для этого культурные институты. Путь к формированию специфической русской общины, каковой не было в условиях унитарного государства, откроется благодаря самоопределению Литвы. Тут важно понять одну вещь. Пока Литва не самостоятельна, политика по отношению к русскоязычному населению не может быть такой, какой она была по отношению к национальному меньшинству. Другое дело — независимое государство. Только в свободной республике могут быть свободные граждане. И вот я верю и надеюсь, что сплочение здешних русских произойдет через свободу Литвы.

Беседу вел Геннадий ЛИТВИНЦЕВ.

(«Родина», № 9, 1990 г.).

«ПРИБАЛТИКА, Я С ТОБОЙ!»

19—20 января Апатитская и Кировская организации ДПР проводили пикетирование Кировского горкома КПСС в поддержку независимой Литвы. К одному из стендов был прикреплен лист ватмана , на котором каждый мог написать свое мнение о происходящем.

В основном люди культурно и в цивилизованной форме выражали свои мысли. Прослеживалась интересная закономерность: те, кто оправдывал действия Центра и пекся о «интересах русскоязычного населения», отлично знали нецензурную часть русского языка и очень плохо сам язык.

Вашему вниманию предлагается подборка записей. Подписи и адреса опущены. Орфография сохранена.

«Горбачева — в отставку! На его совести кровь граждан Литвы.

Товарищи! Хватит демагогии. Пора работать. Страна огромная, и дело есть каждому. Нужен **жестокий** режим.

Даешь наемную армию. Границу СССР—Литва считать государственной.

Прибалтика! Я с тобой!!!

Свободу Литве и Эстонии.

Прибалтийские страны живут лучше, чем русские. Пора уравнять. Это не справедливо.

Мы против военных действий в Литве!

Армия не должна воевать против народа! Танками национальный вопрос не решается! «Комитет национального спасения Литвы» спасал собственность и власть КПСС.

Просматривается четкая историческая параллель между действиями Правительства СССР в Праге в 1968, в Тбилиси в 1989, в Вильнюсе в 1991.

Литовцы не надо спекулировать разного рода аккупацией тем самым набирать очки!!!

Литовцы! Я — русский! Горбачев — русский! Но я не оккупант! Оккупант — Горбачев!

Вчера стреляли в Литве, завтра в наших детей!

«Калашников» и КПСС — две стороны одной медали.

Чем меньше наша территория, тем больше будет порядка.

Мы против вмешательства военных в решение политических вопросов.

Имперское правление в Союзе ком. банды создало ненависть всех наций к русскому человеку, который по своей сущности добрый.

Горбачев запачкал свой Нобелевский фрак кровью.

Каждому свое!!!

Как представитель Белорусской СССР и как гражданин СССР, заявляю свой личный протест против правительства, министерства обороны, лично т. Горбачева за насилие, совершенное в Литовской ССР! За все происходящее в стране ответственность несет КПСС и президент!»

Публикацию подготовил Г. ГРИГОРЬЕВ.

ПО КОМ ЗВОНИТ

Вильнюс, январь 1991

В ВИЛЬНЮСЕ ПОГИБЛИ:

Асанавичюте Лорета — 23 года.
Вайткус Витаутас — 17 лет.
Гербутавичюс Дариус — 17 лет.
Друскис Виргиниус — 21 год.
Кавалюкас Альгимантас — 51 год.
Канапинскас Альвидас — 38 лет.
Масюлис Титас — 28 лет.
Макулка Альвидас — 35 лет.
Мацюлявичюс Видас — 24 года.
Повилайтис Аполинарес-Юозас — 53 года.
Шацких Виктор — 21 год.
Шимулёнис Игнас — 17 лет.
Юкмявичюс Римантас — 24 года.
Янкаускас Роландас — 21 год.

Тяжело ранен 331 человек, 65 — пропали без вести.

(Данные Министерства здравоохранения Литвы на 17 января 1991 г.).

Тбилиси, апрель 1989 г.

В ТБИЛИСИ 9 АПРЕЛЯ ПОГИБЛИ:

Адамия Аза — 22 года.
Беженишвили Эка — 16 лет.
Гиоргадзе Нато — 23 года.
Долидзе Тамуна 28 — лет.
Джинчарадзе Мзия — 43 года.
Джангирашвили Нодар — 40 лет.
Енукидзе Тина — 70 лет.
Киквидзе Занра — 61 год.
Лоладзе Манана — 33 года.
Мамулашвили Тамара — 50 лет.
Нозадзе Мамука — 22 года.
Самаргулиани Нана — 30 лет.
Самаргулиани-Чкония Марина — 35 лет.
Тоидзе Нино — 25 лет.
Чипашвили Элисо — 25 лет.
Човелидзе Тамара — 16 лет.

11 апреля от полученных ран скончались в больницах:

Карселадзе Гия — 25 лет.
Мелкадзе Манана — 23 года.

(Данные Министерства здравоохранения Грузинской ССР на 12 апреля 1989 г.).

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ

Председатель Верховного Совета Республики Армении Левон Тер-Петросян находился в Литве в составе делегации Совета Федерации, сразу после трагических событий.

На встрече с журналистами он сказал: — Ведь что по сути произошло в Литве? Попытка государственного переворота, инициатором которого выступил комитет национального спасения, анонимный, мифический орган власти, которому подчинились войска. Эти политические силы — остатки литовской компартии, которые пожелали силой оружия свергнуть законную власть и реанимировать свою, прежнюю.

Далее Председатель ВС РА подтвердил незаконные действия войск в Вильнюсе, отметил также, что в Литве есть серьезные проблемы, связанные с проводимой политикой в отношении нацменьшинств. Но все политические вопросы, — сказал он, — могут быть решены путем политического диалога. Это единственный путь.

(«Голос Армении» 29. 01.91).

Вильнюс. В ночь на 13 января. На площади перед зданием Верховного Совета.

Фото В. ДАРАШКЯВИЧЮСА.

Библиотека Музея Обороны Ленинграда

КОЛОКОЛ?

Новочеркасск, июнь 1962г.

1 июня, после того, как было объявлено о повышении цен на ряд продуктов питания, совпавшем с кампанией по снижению расценок рабочим, на Новочеркасском электровозостроительном заводе началась забастовка. Поздно вечером в город вошли танки. На следующий день огромная толпа заводчан с портретами Ленина, знаменами, лозунгами двинулась к горкому партии, чтобы добиться встречи с прибывшими в город членами Политбюро ЦК Ф. Р. Козловым и А. И. Микояном. Безоружную толпу встретили автоматными очередями. Среди погибших были женщины и дети. Места их захоронений остались неизвестными для родных.

После выступления А. И. Микояна по местному радио и его слов: «Порядок в городе будет установлен любой ценой» — стало ясно, что происшедшее одобрено представителем ЦК, искать защиты не у кого. За участие в новочеркасских событиях было осуждено более 300 человек, некоторые из них — к расстрелу...

Прошли годы. В январе 1991 г. газета «Известия» сообщила: «Преданы гласности места захоронений 23 граждан, погибших во время известных событий 2 июня 1962 года.

Из главной военной прокуратуры проинформировали областной Совет народных депутатов о том, что захоронения находятся в Новошахтинске, Таганроге и в Тарасовском районе».

Однако, есть основания считать, что список жертв новочеркасской трагедии далеко не полон.

Г. П.

Баку, январь 1990г.

События в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января почти совпали с годовщиной ввода дополнительного контингента Советской Армии в Баку. Это произошло в ночь с 19 на 20 января 1990 года. По официальным данным, в ту ночь были расстреляны из автоматов и пулеметов, раздавлены гусеницами танков сто пятнадцать человек, 30 — пропали без вести, и 715 получили тяжелые ранения. На следующее утро в Баку было введено чрезвычайное положение, которое действует и поныне. Таким образом центральное руководство реанимировало власть коммунистической партии Азербайджана, к тому времени фактически ею утраченную. Народный фронт Азербайджана (НФА) подвергся преследованиям и чуть было не был запрещен. Опираясь на поддержку армии, коммунистическое руководство республики, сменив лидера, восстановило свой контроль на всей территории республики.

Айрын Мехтиев
(Независимая газета, 24.01.91 г.).

Баку, январь 1990 г. Фото Ю. САМЕДОГЛУ.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ФАЭТОНЩИК

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали —
Было страшно, как во сне.

Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.

То гортанный крик араба,
То бессмысленное «цо».
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо:

Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.

И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы —
Закружились фаэтоны,
Постоялые дворы...

Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил — черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...

Так в нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон.
На горах похоронен.

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

1931 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ТОТАЛИТАРИЗМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НЕСОВМЕСТИМЫ!

В январе 1991 года в Ереване состоялась I Международная конференция по проблемам тоталитаризма. Ее участники приняли следующие документы: «Обращение к мировой научной и творческой интеллигенции» и «Декларация международной конференции по проблемам тоталитаризма». Ниже публикуются выдержки из этой декларации.

«Мы выражаем серьезную озабоченность тем, что руководство Советского Союза, еще недавно прикрывавшееся демократическими лозунгами и парламентским ритуалом, пользуясь воинов в Персидском заливе, привлекшей к себе внимание народов мира, совершило прямой возврат к прежним тоталитарным методам правления, к насилию как средству решения политических проблем...

Считаем, что тоталитаризму можно противопоставить только коллективный разум и волю народов, их решимость защитить общечеловеческие ценности и международные правовые нормы, где бы они не нарушались. Только общими усилиями можно противодействовать насилию. В этом деле не может быть первостепенных и второстепенных вопросов, как не может свобода одних сосуществовать с порабощением других.

Мы обращаемся к общественным деятелям, политикам, ученым, всем людям доброй воли с призывом возвысить свои голос в защиту демократических и национально-освободительных движений в Советском Союзе».

ОБРАЩЕНИЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

Предлагаем вашему вниманию обращение народных депутатов РСФСР С. А. Ковалева, А. Л. Кононова, С. В. Сироткина, консультантов Комитета по правам человека ВС РСФСР В. Г. Голицына и А. Б. Рагинского и заведующего отделом МИД РСФСР В. И. Бахмина, участвовавших в этой конференции (перепечатано с сокращением из газеты «Голос Армении», 29.01.91).

«... Последний день конференции, 22 января, мы решили использовать для поездки в Степанакерт, чтобы на месте познакомиться с обстановкой в НКАО и, главное, с положением граждан России, проходящих военную службу в расквартированных там частях Советской Армии. Мы рассчитывали, если это окажется возможным, встретиться с председателем республиканского оргкомитета по НКАО В. Поляничко, с представителями местного населения, а также военнослужащими. При этом мы выступали от собственного имени, а не как официальная делегация ВС РСФСР.

Однако выполнить наше намерение нам не удалось. Прямо на летном поле, едва трое из нас предъявили свои депутатские удостоверения, командир роты ОМОН Азербайджанской ССР, несущий охрану аэропорта, в более чем грубой форме приказал нам построиться в колонну по одному и распорядился отвести нас под конвоем в кабинет коменданта аэропорта капитана А. Л. Гаджиева. При этом он демонстративно игнорировал депутатский статус С. А. Ковалева, А. Л. Кононова и С. В. Сироткина. Автоматчики на глазах многих людей, встречавших прибывших тем же рейсом пассажиров, с криками и оскорблениями подталкивали их, равно как и других членов группы, в спину дулами автоматов. Со стороны это выглядело отнюдь не встречей гостей или просто пассажиров, но как умелый захват группы террористов, приехавших в Карабах.

Через некоторое время, после серии телефонных переговоров со своим начальством, капитан А. Л. Гаджиев принес извинения за то, что с нами обошлись «по-военному», сказав, что он действовал «как солдат, выполняющий приказ». Однако, сославшись на полученный из МВД Азербайджанской ССР, а также от не названного им члена президентского совета Азербайджанской ССР приказ, он решительно отказал нам во всех наших просьбах. Мотивы отказа: с одной стороны, невозможность защитить нас от «армянских боевиков» и гарантировать нашу безопасность, с другой стороны — опасение, что наше появление в Степанакерте вызовет волнения среди армянского населения. Таким образом, нам не удалось встретиться ни с местным населением, ни с военнослужащими (хотя те из офицеров, кто находился на территории аэропорта, заверили нас, что такая встреча была бы крайне желательна), ни с Поляничко. (По словам А. Л. Гаджиева, тот в это время находился на границе с Арменией, где сложилась крайне напряженная обстановка. Между тем В. П. Поляничко в это время находился в Степанакерте и знал о нашем приезде, поскольку ему уже звонили из Верховного Совета РСФСР наши коллеги, обеспокоенные сообщением о произошедшем инциденте).

Все время, пока А. Л. Гаджиев вел телефонные переговоры, мы находились в его кабинете фактически на положении задержанных и могли выходить из него только в сопровождении автоматчиков из ОМОНа. Когда выяснилось, что нам не позволяют выехать в Степанакерт, мы решили вернуться в Ереван. Но нам не удалось и это, поскольку А. Л. Гаджиев сказал, что аэропорт города Еревана закрыт по метеоусловиям. Однако А. Л. Гаджиев и на этот раз ввел нас в заблуждение, ибо 22-го января 1991 года аэропорт Еревана «Эребуни», куда прибывают рейсы из Степанакерта, был, как обычно, открыт для полетов с 9 до 14 часов.

Нам не оставалось ничего другого, кроме как принять предложение А. Л. Гаджиева возвращаться в Москву через Баку.

На вокзале в Баку нас встретили, и через некоторое время мы были приглашены в Верховный Совет Азербайджанской ССР, где состоялась встреча С. А. Ковалева, А. Л. Кононова и А. Б. Рагинского с председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Кафаровой. В 14 часов 45 минут мы вылетели в Москву.

Следует отметить, что все беседы, которые мы вели 22-го и 23-го января с капитаном А. Л. Гаджиевым и его подчиненными, с председателем ходжалинского Совета, с руководителями Агдамского района, и в особенности с руководством Азербайджанской ССР, были крайне содержательными и полезными для нас. Отметим также, что все это время к нам относились с подчеркнутым азербайджанским гостеприимством, за которое мы искренне благодарны хозяевам, а капитан Гаджиев неоднократно повторял свои извинения, однако, фактически вплоть до отъезда в Баку мы постоянно находились под неусыпным наблюдением вооруженных людей, были лишены какой-либо свободы действий, и все это походило на вежливую высылку. Тем не менее, за исключением крайне неприятного инцидента в аэропорту, у нас нет формальных оснований предъявлять претензии, и мы по-прежнему с уважением относимся к азербайджанскому народу.

Таковы факты. Однако одного их изложения недостаточно, поскольку случившееся с нами — это не просто изолированный инцидент, затрагивающий небольшую группу лиц. Это частный случай общего и очень опасного явления правовой неопределенности режима чрезвычайного положения, особенно в том, что касается гарантий безусловного соблюдения прав человека, неопределенности, которая уже не раз приводила к тяжким последствиям.

Какими нормативными актами определяются полномочия бойцов ОМОН МВД Азербайджанской ССР не только на досмотр вещей и личный обыск пассажиров, но и на цензуру личной переписки и печатных изданий, в том числе продукции государственных типографий (мы стали свидетелями попытки подобной цензуры)? Кто принял решения о допуске тех или иных лиц в район чрезвычайного положения? Чем ограждены частные лица от «солдатского» обращения, то есть, попросту говоря, от произвола и хамства (можно представить, каково приходится рядовым гражданам, если от подобного обращения не был избавлен член Президиума Верховного Совета РСФСР). Подобные риторические вопросы можно множить до бесконечности.

Есть и другой круг риторических вопросов, относящихся непосредственно к тому, чему мы были свидетелями. Например, разумно ли, оправдано ли использование частей ОМОН в гражданском аэропорту для выполнения совершенно не свойственных им функций? Особенно в аэропорту Степанакерта, являющемся единственными воротами в НКАО. Нетрудно представить, какое психологическое воздействие на пассажиров оказывает то обстоятельство, что первое, с чем они сталкиваются по прибытии, — это крики и ругань автоматчиков. Вряд ли это может способствовать стабилизации положения. И наконец, последнее. Атмосфера замалчивания, которая окружает события, происходящие в горячих точках страны, которую обычно пытаются оправдать стремлением «не обострять ситуацию», на самом деле приводит к обратным результатам, способствуя распространению дестабилизирующих слухов».

Библиотека Мемориала

А российские немцы уезжают...

Статья подготовлена В. Балаганским по материалам О. Краузе, «Невский курьер», № 1 (19) 1991, и «Открытого письма Президенту и народным депутатам СССР» А. Н. Кичихина, сотрудника Управления КГБ СССР по защите советского конституционного строя от 31.05.90.

К ПЕРЕСЕЛЕНИЮ немцев в Россию привела колонизационная политика, начатая при Петре I и продолженная при Екатерине II. Так, с 1764 года по 1772 в Поволжье из Германии переселились около 27000 человек, образовавшие 104 колонии. Обживание ненаселенных территорий Поволжья происходило с большим трудом: в первые десять лет жизни колоний умирало около половины их населения. Тем не менее в те годы в людях стало развиваться и крепнуть сознание их неразрывной связи с судьбой Российского государства. Переселение немцев в Россию было связано с поисками лучшей жизни (как и переселение людей в Америку), они бежали от гнета феодалов, воинской повинности, религиозных преследований и нищеты.

Декретом Совнаркома 19.10.18 на территории компактного проживания немецкого населения была образована Автономная область немцев Поволжья, преобразованная в 1924 г. в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья. Эта республика площадью 28.8 тыс. кв. км и населением 605.6 тыс. человек (столица — г. Энгельс) располагалась в нижней части Поволжья и граничила с Саратовской и Сталинградской (ныне Волгоградская) областями и Казахской ССР.

ДО 1941 г. население республики немцев Поволжья прошло тот же созидательный и трагический путь, что и все советские люди. В роковом же 1941-м советские немцы не только пережили кошмар фашистского вторжения, но и начали свой неоконченный и сегодня путь унижения, несправного положения и длительного преследования власть предержащими только по национальному признаку. «Законный» вид этому преступлению властей был придан Указом Президиума ВС СССР от 28.8.41 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», полный текст которого гласил:

«По достоверным данным, полученными военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенными немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья и прилегающих районов, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

Цинизм этого Указа поразителен, особенно с учетом сообщения ТАСС в «Правде» от 15.7.41: «В дни Отечественной войны трудящиеся Республики немцев Поволжья живут едиными чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют все свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма...».

26.10.48 Президиум ВС СССР издает новый, уже не обремененный какими-либо обоснованиями Указ «О том, что немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и др. переселены в предоставленные районы навечно, и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет». В комментариях этот краткий и красноречивый документ (приведен полный его текст) не нуждается.

В 1972 г. появляется очередной Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», но в нем и речи нет о восстановлении справедливости по отношению к советским немцам и другим народам, а национальность используется властями для отнесения человека к той или иной «категории граждан».

ПЕРЕСТРОЙКА не могла не сказаться на проблемах подвергнутых геноциду народов СССР. В марте 1989 г. на учредительной конференции Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» в Москве были сформулированы два основных направления возрождения народа: 1) работа по развитию языка и национальной культуры и 2) воссоздание государственности. Было принято «Обращение к населению, проживающему на территории бывшей Автономной республики немцев Поволжья». Обоснованность этих действий очевидна в свете Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», принятой 14.11.89 Верховным Советом СССР.

Однако идея восстановления немецкой автономии вызвала резкое ее неприятие частью населения Саратовской области. Ситуация в то время накалилась так, что в Обращении трудящихся Советского района говорится: «...мы не хотим второго Карабаха на Российской земле, обстановка в районе является взрывоопасной, страсти накаляются...». Подобные мысли высказала и газета советских немцев «Нойес Лебен» («Новая жизнь»): «...вырисовывается мрачная картина. Осуждая межнациональные конфликты в Закавказье, выступления погромщиков в Баку и Фергане, мы, сами того не сознавая, готовим почву для нечто похожего у себя дома в Поволжье».

В ЧЕМ же причина такого положения? Правящая партия (КПСС) имеет, по утверждениям ее печати, единственно верную платформу по национальному вопросу, эта партия, по мнению ее лидеров, остается единственной силой в стране, способной продолжать перестройку, а страсти вокруг национальных вопросов продолжают кипеть, периодически приводя к кровавым кошмарам. Анализ ситуации в Саратовской области, проведенный А. Н. Кичихиным, и сегодняшнего положения дел в стране, позволяет дать ответ на этот вопрос.

Вот хронология части антинемецкой кампании в Саратовской области: 20.10.89 публикуется интервью председателя комиссии Совета национальностей ВС СССР Г. Н. Киселева о возможных путях решения проблемы советских немцев, после чего начинается обработка населения области органами КПСС путем создания «образа врага» в лице советских немцев. Исходная концепция кампании провозглашается на пленуме ОК КПСС секретарем Красноармейского ГК В. Л. Зюзиным: «...Необходимо дать решительный отпор силам, которые нагнетают националистическую истерию, выдвигают откровенные антисоциалистические лозунги.

...В последнее время наибольшую остроту приобрел вопрос о восстановлении на территории области автономной республики немцев Поволжья...

...В основном население района высказывается против решения этой проблемы сверху и требует проведения всенародного референдума с учетом мнения коренного населения района.

Нас беспокоит и тот факт, что лидеры общества «Возрождение» Гаар, Герман и другие, преследуя, на наш взгляд, узконациональный интерес, стараются своими действиями форсировать решение вопроса, не имея к этому общественных, социально-экономических предпосылок. Тем самым дестабилизируют обстановку, не взяв на себя никакой ответственности за возможные негативные последствия. В настоящее время наблюдается тенденция к самоизоляции немецкого населения, противопоставлению партийным, советским органам...»

22 октября в г. Маркске под эгидой КПСС проводится конференция представителей трудовых коллективов и сформирован орган, названный позднее «Постоянно действующей комиссией Марксовского района по проблеме автономии советских немцев». Выразив несогласие с воссозданием автономии, конференция включила в состав комиссии типичный для обращений и комиссий КПСС контингент: мастер, директор, начальник, управляющий ,снова директор, секретарь парткома и т. п. Советские немцы в нее избраны не были.

23 октября в Красноармейском ГК КПСС проводится совещание партийных руководителей предприятий и хозяйств и даются ясные рекомендации по проведению собраний против воссоздания автономии. Закипела работа: на предприятиях собирают руководящих работников, дают указания в свете выступления В. Л. Зюзина на пленуме ОК, организуются собрания на всех производственных участках. На собраниях немцев сравнивают с фашистами. Время и место собраний от немцев скрываются.

24 октября на заводе «Красноармейскавтосельмаш» дирекцией и парткомом организуется собрание трудящихся, на котором их призывали не соглашаться с воссозданием автономии.

На конференции и собраниях сыпались обвинения в контрреволюционности, антисоветизме, стремлении создать в центре России малонемецкое государство, финансируемое из ФРГ, высказывалось недоверие комиссии ВС СССР, утверждалось, что общество «Возрождение» пытается разрешить свои национальные интересы за счет русского народа («немцы русский хлеб едят»). Доходило и до высказываний: «Мы не хотим автономии, мы этим немцам, которые ее требуют — языки вырвем».

В конце ноября в ходе этой кампании проходит созванное по инициативе ряда трудовых коллективов («по просьбам трудящихся...») совещание в Красноармейском ГК КПСС секретарей парторганизаций, на котором поддерживается желание «представителей трудящихся» создать народный комитет по координации действий по проблемам межнациональных отношений. Естественно, председателем становится секретарь одной из парторганизаций, заместителем — директор учебно-курсового комбината. Тем самым действия партаппаратчиков, начатые в октябре, оформляются в виде «воли народа». И уже в декабре на митинге под руководством председателя этого народного комитета с позиций горкома по отношению к проблеме восстановления автономии выступает все тот же В. Л. Зюзин — круг замкнулся.

ЧТО ЖЕ толкает партфункционеров и хозяйственных руководителей на такое ожесточенное сопротивление восстановлению автономии в ее прежних границах? Тем более, что руководство Саратовской области согласно выделить для автономии полупустынные районы Заволжья, граничащие с Казахстаном, которые по существу в тягость области. Интересно, что Краснокутский район, который по этому плану должен стать центром автономии, спокойно относится к такой идее. Получается, что население одной и той же области, под одним и тем же руководством, в одних и тех же социально-экономических условиях по разному относится к одному и тому же вопросу.

Ответ прост: «В случае восстановления республики в прежних границах к ней перейдут районы, где, видимо, зарыт криминал, связанный с мелиоративными работами, с миллиардами народных денег, которые так и неизвестно куда сгинули. Естественно, передача этих районов, а с ними и фондов, документации и прочего, может привести к ненужным скандальным разоблачениям. Характерно, что именно там с особой силой вспыхнули антинемецкие настроения», — говорит Г. Гаут в еженедельнике «Союз». И этому есть прямые и косвенные подтверждения. Например, в соседней Волгоградской области стали известны массовые приписки в урожайности на мелиорированных гектарах и большие потери от орака. Сотни руководителей шли на сделку с совестью, причем одних развращало чувство полной безнаказанности, когда можно, не утруждая себя, «выполнить» план и получить премию, другие закрывали глаза из-за страха потерять место.

«Саратовглавмелиорация», израсходовав на мелиорацию более 3 млрд руб. народных денег, нанесла ущерб в 460 млн в виде незавершенных объектов. В результате засоления и заболочения земель из-за мелиорации только в 1988 г. было «списано» 50 тыс. га, «на ладан дышат» еще около 100 тыс. га. Целые миллиарды рублей зарыты в землю без отдачи.

Активисты «Возрождения», опираясь на общественное мнение и материалы о результатах деятельности «Саратовглавмелиорации», нанесшей непоправимый ущерб ряду угодьев, заявили, что после воссоздания немецкой государственности будет проведена технико-экономическая экспертиза объектов, построенных этой организацией, что может привести к возбуждению уголовных дел. И мелиораторами во главе с начальником «Саратовглавмелиорации» И. П. Кузнецовым успешно было сформировано мнение руководства области по вопросу немецкой автономии...

Конечно, надо признать, что по историческим причинам еще у многих людей существует предубеждение против немцев. Но это предубеждение, по-человечески понятное, должно побуждать власти к кропотливой разъяснительной работе, но нет будущего у общества, разделенного по национальному признаку. Спекуляции же на эмоциях людей власть предержащими ради сохранения своих теплых мест преступны.

ПОРА подвести итоги. В проблеме советских немцев как в капле воды отражаются национальные проблемы в разных уголках страны. Одинаковы их причины. Это нежелание не умеющих хозяйствовать уступить свои места, попытки скрыть результаты своей производственной и по сути преступной деятельности, это плоды десятилетиями культивируемого в реальной жизни тезиса о существовании якобы преступных национальностей на фоне демагогии о братстве народов (самый свежий пример — высказывания о мафии на службе у Б. Н. Ельцина и отождествление с ней чеченского народа в газете ЦК КПСС «Правда», № 7, 1991), это результат политики по принципу «разделяй и властвуй», это следствие привычки не останавливаться ни перед чем при достижении своих целей, в том числе и перед кровью, как это было в Новочеркасске, Тбилиси, Баку, Вильнюсе, не говоря уже о более ранней истории страны...

И российские немцы уезжают. Уезжают в ФРГ, оставляя здесь свою Родину — Поволжье. Уезжают не за материальным достатком, а от безысходности, от невозможности жить и работать свободно на земле предков на благо всей страны (немецкое качество работы не нуждается в комментариях). Уезжают мастера, делая ФРГ богаче, а нас беднее — в любой стране именно они составляют ее опору, а не толкователи того, как «должен крутиться шпиндель в свете исторических решений». Уезжают в соответствии с реально проводимой внутренней политикой КПСС, составной частью которой является национальная политика.

Два века назад в Россию из Германии в поисках лучшей доли потянулись немцы-переселенцы. Сейчас, спасаясь от национального унижения, уезжают наши СООТЕЧЕСТВЕННИКИ...

БИБЛИОТЕКА

ЛЕТОМ СОРОКОВОГО

Переселение финнов с западного побережья Мурмана происходило в 1940 году. В то время я был председателем Западно-Лицкого рыболовецкого колхоза «Коминтерн» в Малой Западной Лице. Ловили мы, в основном, треску да семгу в заливах, а зимой тюленя и акул в открытом море.

В феврале представители власти и ГПУ приказали колхозникам погрузиться на океанский пароход, который встал на якорь в бухте. Меня в это время в колхозе не было — я был в командировке в Мурманске. Продержав людей двое суток на пароходе, их отпустили, и приказали разойтись по домам.

В июле того же года, когда наши рыбаки промышляли треску в районе Иоганки, они были оцеплены кораблями Северного флота и, как преступники, конвоированы в Порт-Владимир. Там мы сдали боты в местную МРС (моторно-рыболовная станция) и отпрзвились домой.

В колхозе нас ждали представители района и ГПУ, и океанский транспорт «Мария Ульянова» стоял на якоре в бухте. В паспортах колхозников поставили штамп: «Переселяется в Карело-Финскую ССР. Разрешается проживание только в Медвежьегорском районе». Членам партии и комсомольцам пока разрешили остаться, но у нас никто не остался.

В нашем маленьком колхозе к этому времени уже было репрессировано двадцать три человека. Из них только Архипова Аля вернулась, отсидев в лагерях десять лет.

Вещей с собой разрешили взять ограниченное количество. За домашних животных платили по государственным ценам. Например ,за корову' давали двести рублей, а то и меньше.

На «Марию Ульянову» собрали всех колхозников из финских рыболовецких колхозов западного побережья. Так были вычеркнуты из вековой истории Мурмана финны — колонисты, опытные моряки, рыбаки, промышлявшие на маленьких парусниках от Норд-капа до Новой земли.

По прибытии в Мурманск нас пришвартовали к каботажной пристани. Пристань оцепили переодетыми в штатское сотрудниками ГПУ и милиционерами. Через некоторое время подали товарные вагоны. И в этих вагонах для перевозки скота разместили людей, которые долгое время держали первенство во всесоюзном соцсоревновании рыбаков-колхозников всей страны! Так, сидя на своих узлах, поехали заслуженные люди в неизвестность, в светлый путь, указанный «великим вождем и учителем»!

К этому времени все финские названия ботов, колхозов, населенных пунктов были запрещены, переиначены и переименованы по-русски. Более того, после переселения стали твердить, что все это исконно русские земли и никакие финны тут и не жили никогда.

А переселенцев довезли до станции Медвежья Гора. Выгрузили у пристани и снова погрузили — на баржи. Баржи отбуксировали в Заонежье, и там нас расселили в пустых или почти пустых деревнях. Окна и двери в домах были заколочены, видать, людей из этих деревень тоже куда-то выселили по очередному указу вождя. Сколько-же было жертв в этом круговороте!

По пути, с баржи, мы наблюдали, что на берегах стояли лагеря — так что район для новоселов был выбран удачный, под стать всей новой сталинской национальной политике.

Нескольких колхозников еще зимой 1940 года взяли на финскую войну. После окончания военных действий их воинскую часть отправили в Эстонию устанавливать Советскую власть. После прибалтийской кампании их демобилизовали и отправили по домам. У одного из них жена была русская и ее с ребенком из родных мест не выселили. Но мужу поставили штамп о переселении и дали 48 часов, чтобы убирался из родной деревни.

Аксель КЕЛЛИНСАЛМИ.
г. Мончегорск.

Кричали чайки в море...

31 августа 1989 года в «Полярной правде» была опубликована статья «Кричали чайки в море...», в ней Т. Г. Зиновьева вспоминала горькие дни лета 1940 года, когда все коренное финское население Мурманской области было выселено в Карелию. Мы не будем пересказывать эту статью, вспомнили же мы о ней потому, что история эта, спустя несколько месяцев, получила продолжение: в ноябре Тюне Генриховна получила письмо от одного из тогдашних руководителей района, упомянутых в статье.

Это письмо и неотправленный ответ на него переслал в редакцию «Котлована» Свен Петрович Локко, сопроводив их следующим комментарием:

«Тюне Генриховны больше нет среди нас, но письмо ее осталось. Оно как крик отчаяния комсомолки тридцатых-сороковых с того света. Может дойдет он до Г. в Севастополь?»

В этом выпуске мы публикуем оба письма. Правда, в письме Тюне Генриховны мы позволили себе сделать некоторые купюры, там , где гнев, безусловно, по-своему справедливый, на наш взгляд, ослепляет ее и заводит слишком далеко.

Тюня, здравствуй!

Судя по статье «Кричали чайки в море...» ты меня помнишь. Помню хорошо тебя и я; помню как человека хорошего, доброго, красивого. Вместе со мной в райкоме работала машинисткой Нина Петрова. Она живет на Украине, ей сестра из Мурманска послала газету с твоей статьей, а она переслала ее мне в Севастополь, где я теперь живу. Надо же так случиться, что газету я получил перед отъездом в Мурманск. И сюда приглашен на 45-летие разгрома фрицев в Заполярье, как ветеран, защитник Заполярья. Отметили тут эту дату широко, хорошо. Собираюсь 24 октября выехать, 25 проехать Петрозаводск и 27 быть дома, в Севастополе.

Хотелось бы написать много, даже поговорить, но это не так просто. Конечно досталось тебе и всем, кого вывезли в то лето из Уры, через край и не за что. Обида ваша понятна и закономерна. Но Тюня, дорогая, что при этом надо иметь в виду. Сталин готовил страну к войне, войне неотвратимой и беспощадной. Войне «быть или не быть». Она в 1940 году уже висела прямо над головой. Надо было готовить предполагаемые прифронтовые территории к этой войне. Не только на Севере. Я знаю, что из Сайда-Губы, Тюва-Губы, Териберки в это же время многие переселены в район Кировска. Финское население было переселено по какому-то стратегическому плану, по просьбе командующего Северным Флотом, видимо, по решению Генштаба. Наше районное начальство этот вопрос не решало. Я знаю, что райком просил не переселять Тилнад, он был членом бюро райкома. Эта просьба не была удовлетворена. В статье допущены неточности. Я в это время был не секретарем РК ВЛКСМ, а зам. отделом пропаганды райкома партии; председателем райисполкома был Молоков, а не Зензинов; Коротяев был не прокурором, а судьей. В период переселения я был в отпуске, когда вернулся, моя жена и другие бабы ухаживали за колхозными коровами и рассказывали как было дело.

Имей в виду еще два факта. К лету 1940 года Гитлер в сговоре с Рюти уже подтягивал к Рованиеми свои войска, там к началу войны их было 20 тысяч. Финляндия нам в это время была страной враждебной. Летом 1940 года группа диверсантов финнов проникла до Полярного, они какое-то время находились где-то в третьей деревне, они убили двух пограничников, трупы которых жители Уры нашли и похоронили здесь же в Уре-Губе. Надо иметь так же в виду, что у многих были расстреляны родственники.

Тюня, дорогая, это я все пишу для того, чтобы объективно с точки зрения большой политики объяснить принципы перемещения финского населения в Карелию. Но перемещать надо было, конечно же, не так срочно и знать куда перемещать. Поэтому ваши беды и мытарства понятны и вызывают к вам, а у меня особо к тебе, понятную жалость.

Однако, так досталось не только финнам, а и всем, кого война захватила на побережье. Меня война с женой захватила в Крыму. Жену и детей я оставил у своего отца на Смоленщине, где они и были под немцами и тоже хватили через край лиха. Сам я приехал в Уру только 9 июля, был включен в отряд пограничников, мы размещались в двух домах на той стороне реки против магазина. Люди из Уры в первые дни войны были эвакуированы в Мордовию, все в Уре разгромлено.

Вскоре как я приехал, мне была поручена эвакуация жителей Сайды в Вологодскую область. Всем им тоже досталось так же как и финнам, может они даже больше покормили вшей.

Тут, как говорят, судьба. Все равно и финское население в первый же день войны было бы спешно эвакуировано вместе со всеми.

О себе малость. Всю жизнь в Мурманске и даже на больших работах —секретарь Мурманского горкома, начальник политотдела флота, работал долго в обкоме и долго председателем облсовпрофа.

С конца 1984 года персональный пенсионер союзного значения, много раз награжден. Имею внуков и уже правнучку. Живу в Крыму, квартира и все в быту нормальное.

Я хорошо тебя, Тюня, помню. Может в чем-то и виноват, видимо был и грубоват. Так что извини.

Желаю тебе спокоя, здоровья и благополучия.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Колют ресницы. В груди прикипела слеза,
Чую без страху, что будет и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно — все-таки до смерти хочется жить.

С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно еще озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

1931

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Еще не умер ты, еще ты не один,
Пока с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто, сам полуживой
У тени милостыню просит.

1937 г.

Г. В. С., привет! Я нисколько не удивилась, прочитав Ваше письмо. Вы не изменились: кем были, тем и остались — закоренелым СТАЛИНИСТОМ!..

Хорошо помню, как в середине тридцатых, на бюро Полярнозоринского комсомола, которое находилось тогда в Мурманске на улице Софьи Перовской, в маленькой комнатке, где мы работали втроем: Эйнари Лахденперя, Теннус Сванде и я, принимали Вас в ряды ленинского комсомола... Мы сразу доверили Вам комсомольскую организацию в Сайда-губе..

Когда начались репрессии и расстрелы партийных, комсомольских и хозяйственых руководителей области , Вы, находясь на руководящей работе, не пришли на помощь.. Безжалостно, варварски, без суда были казнены финские коренные жители Мурмана, активные строители и хранители Советской власти. Их задачей было достичь высокого жизненного уровня жителей Заполярья. Они умели плодотворно работать. На смену им пришли Вы Вы, которые «умели руководить» и кричать, но никакой полезной работы не выполняли!

Репрессии усиливались. Расстреляв активистов, ВЫ, решением Мурманского обкома ВКП (б) от 26—28 июня, 1940 года, оставшихся мурманских финнов — в основном, жен, детей, стариков — под вооруженной охраной отправили в Карелию, назвав их всех «врагами народа».

Сегодня мой отец Хенрики Хейккинен и муж Ойва Мантере — офицер Красной армии — реабилитированы и восстановлены в партии, как и остальные мурманские финны. Вы не поверили тогда Ойве, что его брат Унто и сестра Хельми за политические убеждения томятся в тюрьме в Финляндии. (Унто был расстрелян финскими властями, а Хельми освободили в сорок четвертом — после разгрома немцев во второй мировой войне. До самой пенсии Хельми активно работала в руководстве КПФ. Ее муж — Тойво Корванен — отдал всю жизнь на развитие дружбы между народами Финляндии и Советского Союза).

Вы прекрасно были осведомлены о намерениях Рюти и Теннер, но не верили и не хотели знать о деятельности финских коммунистов. Вам нужны были жертвы и было все равно кого уничтожать!..

Жаль, что не могу послать Вам это письмо, так как Вы «забыли» написать обратный адрес...

Тюне ЗИНОВЬЕВА.

P.S. В этих публикациях речь идет о выселении коренных финнов, но мы хотели бы отметить, что в это же время были сорваны с мест и спецпереселенцы разных национальностей, которые волею судьбы и советской власти оказались на Кольском Севере и только-только начали здесь обживаться. Так, из Кировска были повторно высланы: немцы и поляки — в основном, на Алтай, а ингерманландцы, финны, эстонцы, литовцы и латыши — в Карелию.

Мы будем благодарны за уточнения и подробности, касающие ся судеб этих людей.

Редакция «Котлована».

СТАЛИНСКИЙ НАБОР ЗА ГРАНИЦЕЙ

Автор этого очерка, Иннокентий Николаевич Пасынков, сейчас живет в г. Салавате, Башкирской АССР. В свое время ребенком он был увезен родителями в Манчжурию. Окончил русскую гимназию в Харбине, затем Ориентальный институт. В 1945 году, после вступления советских войск в Манчжурию, был вывезен на территорию СССР. Так, без суда и следствия, начались его скитания по островам Архипелага ГУЛАГ. В 1947 году был приговорен Особым совещанием к 20 годам лишения свободы за «содействие международной буржуазии» (ст. 58-4), в 1956 году был освобожден досрочно со снятием судимости, а в 1973 году — реабилитирован «за отсутствием состава преступления». «И-401» — его лагерный номер.

А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» убедительно показал, что «отцу народов» для «великих строек коммунизма» нужна была дармовая рабочая сила, то бишь миллионы заключенных. Так почему бы и не заграбастать их за границей, тем более, что опыт международного терроризма уже давно был им освоен? Забегая вперед, могу сказать, что в послевоенных лагерях можно было встретить российских эмигрантов буквально из всех стран, куда вступали советские войска, да и иностранными подданными тоже не брезговали — вывозили отовсюду). Расскажу о том, чему был непосредственным свидетелем.

(Окончание на стр. 8).

Библиотека-читальня

ИЗ РЕШЕНИЯ IV СЕССИИ АПАТИТСКОГО ГОРСОВЕТА ОТ 22.02.91:

«В соответствии с Указом Президента СССР от 13.08.90 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов» признать бывших спецпереселенцев, проживающих на территории, подчиненной Апатитскому горсовету, группой населения, имеющей право на получение льгот, аналогичных льготам, предоставленным репрессированным гражданам решениями Мурманского облисполкома № 198 от 27.06.90 г. и № 3 от 4.01.91 г.

Поручить горисполкому изучить возможность предоставления указанных льгот в 1991 году; в случае отсутствия таковой изыскать средства для оказания социальной помощи указанной группе населения в индивидуальном порядке по спискам, предоставленным Межгородской комиссией по обеспечению прав и интересов незаконно репрессированных и реабилитированных граждан».

БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

Мой отец, Волохов Иван Дмитриевич, родился 5 мая 1893 года в станице Верхне-Гниловской, недалеко от Ростова-на-Дону. Он закончил 3 класса сельской школы, с 1920 по 1929 год проходил службу рядовым в Красной Армии. В 1930 году наша семья (отец, мама, Елизавета Дмитриевна, и трое детей) была выслана на Урал. Жили мы не богаче тех, кого не тронули, все, что имели, было нажито честным трудом. Уже в годы войны моя сестренка видела человека, который нас выселял, и слышала от него: «Они день рождения справляли и меня не пригласили. Вот я их и раскулачил».

Привезли нас на Урал зимой, высадили на снег, жили в недостроенных сруоах, полы не были настелены, оревенчатые стены, а верх и двери из мешковины.

Летом 1930 года вызвали родителей и сообщили им, что можно отправить, детей на родину, к старикам. Приехала бабушка и увезла нас к себе, а ближе к осени мы получили письмо от родителей с обратным хибиногорским адресом.

1930 и 1931 годы были голодными годами на юге России, и в 1931 году мы перебрались к родителям на Север. Приехали к ним на 25-й километр.

Отец в эти годы работал десятником в цехе движения на руднике, мама — уборщицей на шалманах. Здесь же, на 25-ом километре, мы ходили в школу. Она размещалась в том месте, где сейчас дом № 24 по улице Кирова. Днем это была школа, вечером клуб.

Позднее повыше были выстроены еще две деревянные школы. Затем начали строить бараки по Нефелиновой улице, четыре дома, в них жили до 1937 года. После схода лавины, когда лавина засыпала наш дом, переселили на улицу Комсомольскую, 6 (теперь улица Кирова). Дома были в полтора этажа, с печным отоплением, рядом сараи. Пилили бревна, заготавливали дрова. Жили мирно и дружно. Маленькая комната на всю семью, общая кухня, длинный коридор.

В 1935 году начались аресты. Были арестованы жившие на 25-ом км геологи Усевичи, главный инженер рудника Борушко. Шли слухи, что по ночам ходит «тройка». Забирали тихо.

Помню, что в дни перед арестом отец как-то сник. Приходя с работы, тихо делился с мамой: «забрали того-то и того-то». Он был добрым, мягким, даже робким человеком.

25 августа 1937 года, в день ареста, отец выходил на работу в ночную смену. Днем я с ним пилила дрова. Уходя, он грустно попрощался, обнял детей. Арестовали его на работе. Я проснулась той ночью от звука шагов. Шли несколько человек в сапогах по нашему длинному коридору. Постучали в нашу дверь. Охрана ввела отца. Были еще двое понятых, один из них Тютрюмов, второго не помню. Начали обыск. Отца посадили поодаль, не разрешили разговаривать. Мама сидела с младшей сестренкой на коленях. Ничего не нашли. Сказали отцу: «Собирайся». В дверях отец обернулся и сказал: «Дети, я ни в чем не виноват». Сестренка плакала, а мама словно окаменела.

Надо было как-то жить. Мне тогда было 14 лет, младшей сестре 7. Собирали и продавали в первую осень ягоды, стакан за 10 копеек, 80 копеек в день. Мама подрабатывала шитьем. Ее почему-то перевели работать уборщицей в милицию. Приехала бабушка со средней сестренкой. Спали впятером поперек кровати.

Отец находился в Кировской тюрьме, это место на въезде в город. Разрешили передачи, относили смену белья и что можно было собрать из продуктов. С передачами ходила мама, детей с собой не брала, хотя и обещала мне. Два раза ей удалось увидеть отца, когда его выводили на прогулку. Бабушке она сказала после того, как увидела отца в первый раз: «Не узнать».

В один из дней передачу у мамы не приняли...

Вместе с отцом на 25-ом км забрали многих. Знаю, что были арестованы Редин и Гусев. Они, как и мой отец, были десятниками в цехе движения. У Екатерины Ульяненко были арестованы сын, брат и зять. Из тех, кто был взят с отцом, ни один не вернулся.

Через какое-то время нам сказали, что отец осужден на 10 лет без права переписки.

Мама вскоре после ареста отца заболела тифом, лежала в инфекционном отделении на 16-ом километре. Я с бабушкой летом, весной и осенью ходила набивать патроны на Кировский рудник. Зимой устраивалась на снегоборьбу на 2-ой участок, на эту работу брали и подростков. Потом поступила в фельдшерскую школу, хотя хотела быть счетоводом. В автобиографии при поступлении нужно было указывать, по какой статье осужден отец. Таких детей, как я, детей «врагов народа», на свой страх и риск принимала директор школы врач Знаменская, взяла меня и позднее моих сестер. На фронт меня не послали, оставили в Кировской больнице, было сказано, что наложена правительственная бронь.

Я писала в эти годы и Сталину, и Берии, просила за отца. В 1943 году знакомый работник НКВД сказал мне, чтобы не писала, иначе окажусь вместе с отцом.

В ноябре 1943 года перевели работать в больницу на 25-й км. Из больницы иногда не выходили сутками, дежурства были по 12 и 24 часа. Представляли к награде «За доблестный труд», но представлению не дали ход. В 1945 году вышла замуж за летчика, командира эскадрильи 17-го полка, он воевал в Заполярье. В 1946 году родилась дочь Маша. Маме в этот год дали паспорт, и мы в первый раз поехали в отпуск.

По прошествии десяти лет после ареста отца нам объявили, что ему присудили 20 лет заключения в дальних лагерях без права переписки.

В 1957 году начали приглашать родственников для получения реабилитационных листов. В реабилитационной справке, выданной Военным Трибуналом Северного Военного округа 14 ноября 1957 года, какую мы получили, было сказано, что уголовное дело от 1937 года по обвинению Волохова Ивана Дмитриевича «отменено за недостаточностью улик», что «причина ареста — лжесловие» и что отец мой скончался 14 октября 1943 года от инфаркта миокарда.

После 1957 года маме дали пенсию за отца, 24 рубля.

В последние годы я сделала повторный запрос, написала на имя Рыжкова Николая Ивановича, письмо было передано в Прокуратуру СССР, оттуда в Мурманскую прокуратуру. Вскоре в один из дней сотрудник местного отдела КГБ доставил нам вторую реабилитационную справку, которой нас извещали, что отец был арестован по обвинению в проведении контрреволюционной деятельности и 29 сентября 1937 года постановлением Особой Тройки УНКВД по Ленинградской области на основе сфабрикованных материалов ему была определена высшая мера наказания. 4 октября 1937 года он был расстрелян.

Все, что осталось как память об отце в нашей семье, — его единственная фотография. Мы не знаем, где он был убит, где захоронен. И Мурманское, и Апатитское КГБ отвечают, что они не располагают этими сведениями. Спасибо, что мы теперь хотя бы можем прийти, постоять, положить цветы к кресту, который поставлен на 16-ом км в память о таких, как мой дорогой отец.

О. БУРОВА.

РАССКАЗЫВАЕТ И-401

Сталинский набор за границей

(Окончание. Начало стр. 7).

После поражения японской Квантунской армии, в августе 1945 года советские войска вошли в Харбин и сразу же начались аресты российских эмигрантов, а также японцев, китайцев и корейцев. Тут может возникнуть вопрос, почему же россияне не уехали из Харбина заранее, ведь такая возможность была? Ответ очень простой: генеральное консульство СССР в Харбине заверило население, что ввиду таких великих побед и перемены условий жизни в СССР нечего бояться и русским, все давно позабыто, поэтому все могут спокойно оставаться на своих местах. Особенно нечего опасаться тем, кто был вывезен в Манчжурию в детстве или же родился за границей. И все искренне в это поверили!

А методы ГПУ-НКВД и за границей оставались прежними: людей в Харбине выкрадывали по ночам, или же задерживали на улице, на работе. Меня лично увезли из дома ночью.

В назначенный день приглашенные, принарядившись, в хорошем настроении стали подтягиваться к Ямато-отелю (шикарный японский отель в центре города, неподалеку от вокзала, где разместилась военная комендатура).

Далее цитирую по памяти воспоминания ныне покойного М. П. Ш., известного в Харбине журналиста, рассказанные мне уже значительно позже.

«На первом этаже в вестибюле Ямато-отеля нас встречал дежурный офицер со списком на столике, отмечал прибывших и вежливо предлагал пройти на второй этаж и подождать там, пока все соберутся, для дальнейшего представления военному коменданту. Таким образом, здесь собрался «весь цвет» российской эмиграции — руководители разных рангов, всего несколько десятков человек. Однако, время шло, а собравшихся никуда не приглашали. У некоторых появилось легкое беспокойство, кое-кто даже намеревался выйти из отеля, но было уже поздно: внизу стояли солдаты с оружием и никого не выпускали. Затем в холле появился тот же офицер со списком и вежливо пояснил, что комендант изменил место приема и просит пройти наискосок, в здание бывшего японского консульства, где он всех и примет. Все мы вышли и уже под конвоем потянулись кильватерной колонной к зданию японского консульства, благо, что нужно было только перейти через дорогу. Там нас без лишних церемоний провели в подвал и разместили в камерах-клетках. Вот так и закончилось наше «представление коменданту». Далее были вызовы к следователям, а еще через несколько дней перевели в тюрьму, оттуда -- этапом — на территорию СССР, в разные места».

И уж совсем трагикомично получилось еще у одного харбинца — ныне тоже покойного Дмитрия Петровича Жемчужина. С горьким юмором он неоднократно рассказывал свою эпопею.

«Иду я теплым августовским днем по улице, и вдруг вижу — на извозчике едет Владимир Николаевич Тарасов, мой председатель (Тарасов был председателем Общества домовладельцев Харбина, а Жемчужин — его секретарем. — И. П.) «Вы куда?» — спрашиваю. «Представляться коменданту», — отвечает тот. «А я как же? Мне же неудобно не представиться!» — «Ну, садитесь, поехали вместе» — согласился он. И вот мы вместе приехали в Ямато-отель. Когда я подошел к офицеру в вестибюле, то он мою фамилию не нашел. «Вас в списке нет», — говорит. «Ну, как же, мне неудобно не представиться», — возражаю я. «Ну, ладно, я Вас припишу» — согласился офицер... Вот так я и приехал «добровольно» на Урал в лагерь в начале 1946 года». При этом всякий раз Д. П. Жемчужин бил себя ладонью по лбу, приговаривая, какой же он оказался глупый и доверчивый. Да только ли он? Нужно сказать, что Д. П. Жемчужин получил сравнительно небольшой срок, потом жил в Свердловске с какой-то родней и умер, пожив примерно пять-шесть лет на воле...

Остается сказать о судьбе несчастных родных и близких, оставшихся в Харбине. Плохо им было очень после ареста отцов, матерей, братьев и сестер. Их тоже рассматривали там, как чесээр: устроиться было невозможно, материальное положение у абсолютного большинства было крайне тяжелым, кроме того полная неизвестность о судьбе нас, вывезенных, усугубляла их страдания. Советское консульство сначала ничего конкретного не говорило, но потом, года через три, объявило всем: «не ждите».

Очень многие из вывезенных погибли, так и не дождавшись связи с родными в Харбине. Да и тем, кому удалось выжить, в большинстве своем не суждено было больше встретиться со своими родными и близкими. Буквально единицам удалось сохранить семьи. И это еще одно преступление сталинизма против элементарных прав человека!

Так вот, вскоре после вступления войск командование дало предписание Бюро эмигрантов составить список руководителей всех предприятий и обществ для «представления военному коменданту Харбина». Естественно, что такой список составлялся очень продуманно, чтобы никого не обидеть.

При этом успокаивали: нужно кое-что выяснить, а через несколько дней вернетесь обратно, но для большинства это было «началом конца»... Для меня же эти «несколько дней» превратились почти в одиннадцать лет.

Тут возникает четыре принципиальных вопроса:

1. С точки зрения международного права — было ли право у советских органов судить бесподданных по своим законам, тем более, что почти никто из них не совершал преступлений на территории СССР, а большинство вообще не совершало преступлений?

2. Имели ли право по советским законам судить граждан других стран, также не совершавших преступлений на территории СССР?

3. Законно ли отказывать реабилитированному в выплате при реабилитации хотя бы двухмесячного оклада по последнему месту работы на том основании, что «до ареста он работал на капиталистическом предприятии»? Значит, выкрадывать людей с капиталистического предприятия можно, но компенсировать — Боже упаси? Возможно, есть какое-то международное правило компенсации, но какое? Где можно получить ответ?

4. Кто и как (да и когда) возместит реабилитированным стоимость имущества и материальных ценностей, оставленных ими в Манчжурии?

Со всеми этими вопросами я не раз обращался в центральные газеты и журналы, непосредственно в Верховный Совет и Совет министров, но ниоткуда не получил ответа...

Возвращаясь к основной теме данного очерка — к «сталинскому набору за границей», хочу привести два трагикомических эпизода.

Было в Харбине (и в других городах Манчжурии) учреждение — Бюро по делам российских эмигрантов — орган связи и управления эмиграцией. (О работе Бюро, его руководителях, особенно о замечательном человеке Михаиле Алексеевиче Матковском, нужно бы рассказать особо, но это отдельная большая тема). И все организации общества, землячества, предприятия русских эмигрантов были на учете в Бюро.

После того, как советские войска вошли в Харбин, там была учреждена военная комендатура. Бюро продолжало функционировать, очень помогая советским властям разобраться в обстановке, постепенно однако, свертывая свою деятельность. Руководители Бюро, кроме М. А. Матковского, заранее выехали из Харбина, но потом то ли сами решили вернуться, то ли были захвачены где-то на юге Манчжурии, — тут сведения расходятся, но о их судьбе позже были официальные сообщения в советской прессе.

Наш адрес: 184200. Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. Заказ 1269. Тираж 2.500.

Ответственная за выпуск П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 2 (7) ИЮЛЬ 1991 ГОДА Цена 1 руб.

Иван ЕЛАГИН

АМНИСТИЯ

Еще жив человек
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.
Вероятно, на пенсию, вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.
Ну, а если он умер, —
Наверное жив человек,
Что перед самым расстрелом
Толстой
Проволокой
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.
Верно, тоже на пенсию вышел.
А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.
Этот, верно, на очень
хорошую пенсию вышел.
Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.
Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.
Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.
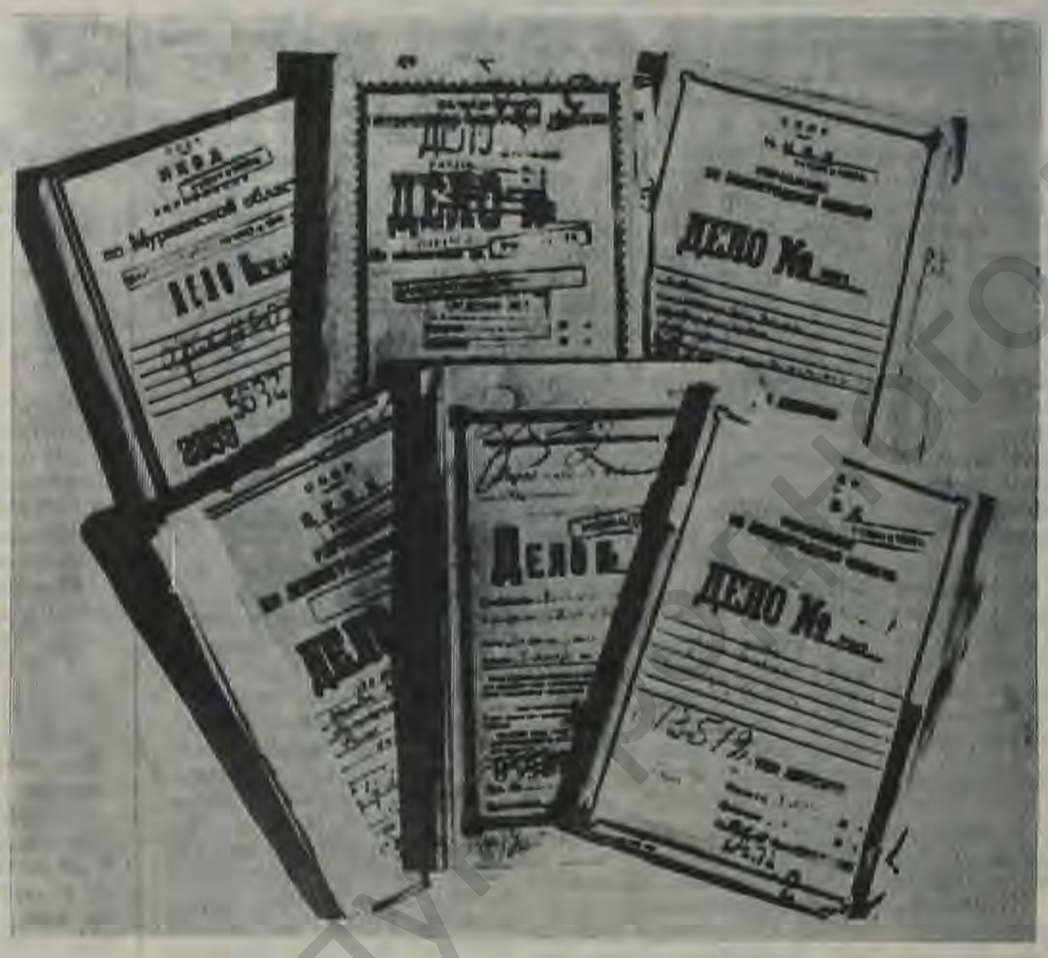

Иллюстрация к статье «Дело №...» (на стр. 2).

Что хранится в архивах МВД?
(ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ПЕРВЫХ РУК) СТР. 2

«Извините за беспокойство»
(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОПЫТКИ НАЙТИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ) СТР. 3

Рассказ о жизни богатой
СТР. 4—5

На разных островах ГУЛАГа
СТР. 7—8

ДЕМОКРАТИЮ—НА ПОТОМ

Дмитрий Леонов, председатель Правозащитной комиссии общества «Мемориал», был наблюдателем на выборах президента Грузии с мандатом Международной Хельсинской федерации. Его рассказ об этом опубликован в еженедельнике «Новое время» № 23.

Мы публикуем интервью с Дмитрием Леоновым, которое он дал для газеты «Котлован» 20.06.91 г.

— Дмитрий Николаевич, в Вашей емкой и интересной статье есть пассаж о том, что в Грузии мало кто знает толк в ценностях правового государства. А разве, у нас в России картина в этом смысле существенно иная!

— Вы знаете, говоря это, я имел ввиду совершенно конкретную вещь, а именно то, что в настоящее время образование и деятельность правозащитной группы в Грузии практически невозможны.

Связано это, во-первых, в крайней политизированностью общественной жизни Грузии. Ведь, смотрите, даже выборы там осуществлялись по политическим платформам, на партийной основе.

Во-вторых, политические пристрастия персонифицированы, и существует очень сильная поляризация мнений «за» и «против». Поэтому мне кажется, что даже возникшая группа была бы очень быстро «растащена» этими полярными силами.

Сейчас достаточно трудно и в России быть не за кого-то, скажем за Ельцина или Горбачева, а за неуклонное соблюдение прав личности. Трудно, но все-таки возможно. А в Грузии — нет. И в этом смысле картина действительно иная.

—А «Хельсинкский Союз», лидером которого является сам Гамсахурдиа, — это не правозащитная организация!

— Нет, это политическая партия. Именно поэтому Хельсинкский Союз не входит в Международную Хельсинкскую федерацию. Он является членом МОПЧ (Международное общество прав человека).

— После прочтения Вашей статьи создается впечатление, что президентство Гамсахурдиа несмотря на его диссидентское прошлое, и демократия — вещи мало совместимые. Это действительно так!

— Нет, не совсем. Во-первых, с определенной точки зрения, Звиад Гамсахурдиа символизирует наиболее быстрый путь к национальной независимости, и, соответственно, к демократии. Во-вторых, мне хотелось бы подчеркнуть, что некоторым образом, личность самого Гамсахурдиа не очень важна. Если бы он по каким-то причинам вдруг исчез с политической арены, то на его место пришел бы другой, который стал бы играть ту же, в каком-то смысле, навязанную роль.

— Что Вы имеете ввиду!

— Понимаете, народ хочет верить мифам и склонен поддерживать простые мифологические структуры. И Гамсахурдиа с готовностью идет навстречу стремлениям большинства. Он обещает обеспечить самое главное — независимость и безопасность. И говорит, что никто, кроме него, хитреца, умеющего ладить и с Бушем, и с Горбачевым, сделать этого не сможет. Но другой политик, вышедший из-за его спины, стал бы вести себя аналогично, при этом точно так же оставляя демократию на потом.

Хотя, конечно, обратное влияние тоже есть, и, возможно, гипотетический преемник бы бы вынужден принять на вооружение какие-то детали созданного Гамсахурдиа образа.

— Но если так, то, может, в Грузии и не нужны демократия и правозащитная деятельность!

— Может, и не нужны. Хотя собственно оппозиции и определенным слоям интеллигенции без этого придется очень туго. Уже сейчас их, в общем-то, загнали в подполье.

— А взялись бы Вы делать какие-нибудь прогнозы!

— Ну, если говорить об оппозиции, то, безусловно, можно предсказать уменьшение ее роли.

— За счет постепенного уничтожения!

— Поскольку этот режим зависит от Запада, то, по-моему, судебных преследований быть не должно, за исключением разве что тех, кто входит в вооруженные группы типа Мхедриони. Но то, что для инакомыслящих будут созданы невыносимые условия, вынуждающие их покинуть Грузию, несомненно. Я лично знаю несколько человек, уже поставленных в такие условия. Что же до других прогнозов, то я их делать не берусь. На мой взгляд, одна из важнейших проблем режима — ситуация с Южной Осетией, в настоящее время полностью оккупированной Советскими войсками.

Причем некоторые вещи мне совершенно непонятны. Ну ладно, пусть в угаре националистических чувств никому не жалко погибших осетин, но почему, например, ни с кого не спросили за загубленные жизни грузинских милиционеров, которых зачем-то на 20 дней ввели на территорию Осетии, что только озлобило население и привело к новым жертвам. Точное число погибших во время этой авантюры нигде не называлось. По моим сведениям, это примерно половина от числа всех грузин, погибших за время конфликта, то есть около 40—50 человек.

— Вами были зафиксированы какие-либо нарушения во время выборов Президента Грузии 26 мая!

— Вот копия моего письма Председателю Центральной избирательной комиссии Республики Грузия.

С разрешения Д. Н. Леонова, мы воспроизводим этот текст с небольшими сокращениями.

Глубокоуважаемый господин председатель!

Передаю Вам копии 5 актов, составленных мною вместе с другими наблюдателями на избирательных участках г. Кутаиси.

Все эти акты на одну-единственную тему: член избирательной комиссии вручает избирателям не один, а несколько (до четырех!) бюллетеней, нарушая таким образом принцип равного избирательного права, принцип «один человек — один голос».

К сожалению, без единичных нарушений такого рода не обходятся ни одни известные мне выборы, но в данном случае, обращаю на это Ваше внимание, нарушения эти носят массовый и, если можно так выразиться, злонамеренный характер.

Массовость. 7 избирательных участков г. Кутаиси, которые я посетил, выбраны произвольно из 7—8 десятков участков. На одном из этих 7 участков почти не было избирателей и я не имел возможности их дождаться, на другом — 39-м участке — все было в порядке, остальные же 5 участков (№№ 17, 20, 21, 35, 41) дали 5 прилагаемых актов, причем нарушение фиксировалось, как правило, в течение первой минуты пребывания на избирательном участке. В среднем один из трех избирателей на этих участках получал более одного бюллетеня (я, к сожалению, не умею с такой быстротой писать соответствующие акты)...

Злонамеренность.

Примерно в 17 часов на очередном участке от нас решительно потребовали пройти в городскую избирательную комиссию. Особенно вызывающе вела себя при этом депутат Верховного Совета Республики Грузия Лиана Кацадзе, которая называла меня агентом, а мою переводчицу обвиняла в измене Родине «ради русских». Она заявляла также, что мы хотим сорвать выборы.

В городской комиссии ее председатель Виталий Бакурадзе настаивал (придумывая всяческие объяснения) что мы не имеем права составлять акты, а его заместитель Мамука Ахвледиани, даже заявил: «Подумаешь, опустила 4 бюллетеня... Когда выбирали Конгресс, по 10 бюллетеней бросали».

После напряженного разговора в комиссии я был вынужден прервать наблюдение на три часа раньше срока конца выборов.

С искренним уважением

Д. Н. ЛЕОНОВ.

Библиотека Международного Мемориала

ДЕЛО №...

Имя Алексея Алексеевича Киселева, историка, краеведа, широко известно на Кольском полуострове. В областной печати неоднократно появлялись его статьи на темы, связанные с репрессиями 30—40 годов. Поэтому с нашей стороны было естественно обратиться к Алексею Алексеевичу с просьбой рассказать о своем опыте работы с архивами КГБ, а также о перспективах «открытия» этих архивов. Алексей Алексеевич любезно подготовил для нас этот материал и предоставил фотографии.

Наше, Мурманское, управление Комитета Государственной Безопасности меняет формы и методы своей работы, особенно в части контактов с общественностью. Если раньше кастовость, таинственность и сверхсекретность этой организации принимали порой окраску, явно вызывающую негативную реакцию рядового гражданина, то ныне положение, кажется, меняется. Органы КГБ становятся демократичнее, доступнее для населения.

Я не могу знать всей подоплеки этого дела, но имею возможность судить об этом по двум моментам. Первый—это все чаще появляющиеся в газетах письма с благодарностями сотрудникам КГБ, особенно их архивистам за сведения о репрессированных родителях и других родственниках, заметки о том, что брат нашел через 50 лет сестру, как архивисты КГБ помогли встретиться разлученным в детстве родственникам. В этой связи часто упоминались такие сотрудники Мурманского архива КГБ, как Виктор Викторович Воронин, Анатолий Дмитриевич Родак, Татьяна Геннадьевна Сергеева.

Второй момент — это мое личное обращение к архивистам управления КГБ по Мурманской области по отдельным проблемам исторического краеведения. Так, я запрашивал материалы о А. М. Юрьеве — председателе Мурманского Совета в 1918 г., о А. М. Арнольдове — начальнике Мурманской железной дороги в 1922—1925 гг., о А. И. Абрамове—первом секретаре Мурманского окружкома ВКП(б) в 30-е годы и других. И я благодарен за оказанное содействие.

Отвечая на вопрос об перспективах открытия архивов КГБ, я хотел бы высказать свое сугубо личное мнение. Во-первых, ни одно ведомство, ни одно крупное предприятие, ни один крупный предприниматель не заинтересованы и не могут полностью раскрыть свои архивы. Есть свои тайны, неясные или двухсмысленные проблемы, о которых предпочитают определенное время не распространяться.

Во-вторых, к открытию архива надо быть готовым: обработать фонды, подготовить их к выдаче, иметь читальный зал, соответствующие кадры, множительную технику и т. д., и т. п. Ничего этого, на мой взгляд, пока у КГБ нет. В-третьих, у многих существует неправильное мнение об архивах: то ли это библиотека, то ли книжный магазин. Пришел к полке открытого доступа, достал нужный источник и все: «Пришел, увидел, победил». В архиве надо долго и планомерно «копать жилу», без уверенности, что найдешь там золото. Нужны знания архивоведения, источниковедения, палеографии, чтобы работать в архиве.

Сам я работал непосредственно с архивными материалами КГБ, держал в руках не одну папку так называемых «следственных дел». Например, перед тем как писать статью «Финны на Мурмане», мне пришлось перелистать сотни страниц допросов, показаний, очных ставок десятков арестованных финнов. По моей просьбе архивисты запросили дело В. В. Ермолова — начальника Мурманского края при интервентах. Его нам прислали, и я работал с этими документами. Много новых материалов по саамской проблематике я также получил в этом архиве.

Хочу сказать несколько слов о том, что обычно представляет собой «следственное дело. Внешне выглядит как любое «дело» в архиве. Только папка «форменная» (с грифом «НКВД» и соответствующими пометками и номерами), да содержание специфическое. Есть дела индивидуального характера, есть коллективного. Но в каждом деле аккуратно подшит официальный ордер (с номером!) на арест, завизированный прокурором, акт обыска, протоколы допросов, оформленные по тогдашним «правилам» юриспруденции. В конце — судебное определение, выписка из приговора и если человек был приговорен к ВМН, документ «о приведении приговора в исполнение».

Причем, судя по тем документам, что прошли через мои руки, расстреливали мурманчан в Ленинграде в пересыльной тюрьме. Чаще всего в документах о смерти стояла подпись ст. лейтенанта Поликарпова.

О расстрелах на территории Мурманской области в документах ничего нет. Возможно, дело было так: пока Кольский полуостров входил в состав Ленинградской области, «высший суд» вершился в Питере (это до лета 1938 г.), а потом, когда образовалась Мурманская область, положение могло измениться.

СССР

ОРДЕР № 94

Ордер на арест П. Д. Келлинсалми.

Что же касается «спецпереселенцев» — раскулаченных и «инонационалов», выселенных в 30-е годы, то в свое время эти вопросы изучал профессор В. П. Пятовский, родители которого были в годы коллективизации выселены в Хибины. Затем этой проблемой занялись доценты В. Я. Шашков и Л. М. Романов. Приходилось и мне изучать эти вопросы, о чем я писал в своих статьях. Но пока эта проблема изучена недостаточно.

Однако, во-первых, уже определились масштабы, время и детали выселения с Кольского полуострова в 1940 году после финской войны, так называемых «инонационалов» — финнов, норвежцев, эстонцев, латышей, литовцев, карелов, немцев, поляков и т. д. Мы знаем, что это последняя депортация перед Отечественной войной произошла в июле 1940 года (после финской войны); знаем в каких эшелонах (их было девять) были вывезены граждане нерусской национальности и куда. Нашлись и списки лиц «предназначенных к высылке».

Во-вторых, откликнулись многие из тех «высылаемых». Причем живут они сейчас во многих районах страны от Карелии до Хабаровского края. В письмах Т. Зиновьевой (из Петрозаводска), Л. Таминен (из Советской Гавани) очень много деталей о событиях 30-х годов.

К сожалению, до сих пор не найдены списки «спецпереселенцев», а они должны быть в документах «спецкомендатур» НКВД. Найти их, на мой взгляд, одна из первейших задач. Тогда многое станет яснее: каков был состав «раскулаченных» по возрасту, полу, национальности, месту рождения и т. д.

./ДФ

УТВЕРЖДАЮ:
ноября 1937 г.
НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО
Ст.Майор Гос.Безопасности
/ПАШКО/

Санкционирую:
Вр. нач. Ленобласти
22/XI-37г.

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявления обвинения

Город Ленинград 1937 г. ноября 22 дня

опер.уп.КГ (должность) отдела Д отдела

мл.лейтенант Г.Б. - ПОКАРОВ Гр. (звание и фамилия) УНКВД Ленобласти

рассмотрев следственный материал по делу № и справки по архивам,

установил: ГИЗЕ Александр Иванович, 1908г.р., ур.г.Ленинграда, русский, гр-н

СССР/а/ с 1929г., служил рядовым, Мурманского Погранотдела НКВД- сержант

б., проживает в г.Мурманске.

Гр. ГИЗЕ обвиняется в том, что является агентом иностранной разведки.

Недавно в Москве состоялась встреча членов общества «Мемориал» с начальником отдела архивной информации Главного информационного центра МВД СССР Коротеевым В. П.

Мы перепечатываем краткое изложение его выступления, опубликованное в «Мемориал-Аспект» № 4.

«История архивной службы МВД начинается с 1917 г. В годы, когда системы нынешних КГБ и МВД не были разделены, едиными были и архивы. Последнее разделение архивов происходило в 1974 г. С 1954 г. мы храним архивные материалы, относящиеся исключительно к ведению МВД, то есть, материалы отделов БХСС, пожарной охраны, общее наше делопроизводство ит. д. Всего около 18 млн. единиц хранения — от областных архивов до Центрального. Кроме общего делопроизводства хранятся у нас, скажем, уголовные дела внесудебных органов — «троек», Особых совещаний — но не по 58-ой статье. Хранятся прекращенные уголовные дела обычного судопроизводства. Хранится очень большой фонд на спецпоселенцев (мы насчитали, согласно издававшимся нормативным актам, 42 вида спецпоселенцев, 42 категории). Среди спецпоселенцев и, так называемые, кулаки, и высланные по национальному признаку, по религиозному признаку... Это миллионы дел, и сейчас, в связи с предстоящей реабилитацией, мы выясняем полную картину, поскольку предстоит пересмотреть каждое дело, выдавать документы. Готовящийся закон предусматривает моральное и материальное возмещение этим категориям репрессированных.

Согласно разделительного приказа в 54 году в КГБ ушли все уголовно-следственные дела по 58-й статье.

Что хранится в архивах МВД?

Мы ни одним таким делом не располагаем. КГБ, как известно, ведет реабилитацию по этим делам, насколько я знаю, этот процесс уже заканчивается. Нам же, МВД, предстоит только вся компания по реабилитации спецпоселенцев. По нашим предварительным подсчетам, прогнозам, ожидается от бывших спецпоселенцев и их родственников не менее 8—10 миллионов заявлений.

О системе учета осужденных. С момента ареста, и раньше и теперь, в следственном изоляторе, как его теперь называют, а раньше — в тюрьме, заводится личное дело осужденного, где помещен минимум документов: это анкета, это основание для ареста — сейчас это постановление прокурора об аресте, затем, фотография-в фас и профиль, дактилоскопическая карта. Дело это следует за осужденным по пятам. Выносится приговор, человек следует в лагерь, за ним следует дело. Одновременно с арестом выписывается алфавитная карточка, которая вливается в картотеку информационного центра — на уровне области и на уровне Центра, т. е. МВД СССР. Хранится она постоянно. В карточке отражается весь путь заключенного вплоть до освобождения или смерти.

Карточки в МВД заводились не на все категории преступников, а только на особо опасных, к которым относились и осужденные по 58-ой. И на карточках у нас все они есть. Этой минимальной информацией мы обладаем. Много ходило слухов о том, что в свое время архивы уничтожались, чуть ли не массово. Я такими сведениями не располагаю. Конечно, и карточки могли пропадать, могли их не найти — склеилась в архиве или пропала, например, при многочисленных слияниях и разделениях архивов. Но по 58-ой статье было несколько специальных приказов — все материалы на постоянном хранении. Тоже самое — в отношении спецпоселенцев.

Доступность архивов, их раскрываемость... В последний год здесь у нас произошло существенное смягчение. Остаются секретными, как и во всем мире, например, мобилизационные планы, методы оперативно-розыскной работы. Но мы рассекретили количество заключенных, недавно рассекретили количество лиц, к которым была применена исключительная мера наказания Рассекречена статистика о состоянии преступности, сведения о военнопленных, о местах их захоронения и количестве умерших военнопленных. Недавно рассекречены данные о дислокации лагерей, колоний, тюрем. Поэтому мы направим в ближайшее время в Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (ЦГАОР) где хранятся наши материалы, распоряжение о обеспечении свободного доступа к материалам ГУЛАГа. В ЦГАОР они были переданы со всеми материалами при расформировании союзного министерства в 59 году. Поэтому у нас непосредственно хранятся материалы лишь с 60-го года.

Как вы знаете, МВД, как министерство, использовавшее труд заключенных, было во многом промышленным. В нем была масса главков и строительного и производственного характера. НКВД-МВД строило каналы типа Москва—Волга, Волго—Дон, участвовало в атомном проекте, курировавшемся Берией, в строительстве закрытых городов. Были громадные лагеря в системе Дальстроя, занимавшиеся добычей золота, олова. Впоследствии архивные материалы по этим стройкам передавались на хранение по принадлежности. Когда, скажем, создавалось Министерство цветной металлургии на базе соответствующего главка НКВД, то материалы передавались в Центральный государственный архив народного хозяйства. Материалы по геодезии, картографии, гидрометеорологии из НКВД-МВД рассредотачивались по разным архивам. А вот личные дела по личному составу, дела сотрудников НКВД—МВД, осуществлявших руководящее начало в этих главках-производства, остались в архивах МВД, а затем были переданы в ЦГАОР. Принцип хранения личных дел сотрудников таков — дела остаются там, откуда сотрудник увольняется. Сроки хранения разные, в зависимости от званий увольняемых, от разных категорий...

(Окончание на 8-й стр.)

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Местом очередной межправительственной встречи по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в сентябре 1991 года избрана Москва.

В условиях, когда:

1. в заключении остаются люди, репрессированные по политическим мотивам,

2. не реабилитированы лица, репрессированные по политическим мотивам, начиная от эпохи красного террора и до настоящего времени,

3. продолжается и даже усиливается применение государством вооруженной силы против мирного населения,

4. не принят закон о въезде и выезде, ограничивается свобода передвижения внутри страны,

5. продолжают приниматься президентом антиконституционные указы, ущемляющие права граждан,

6. условия содержания в местах лишения свободы бесчеловечны и практически эквивалентны применению пыток.

— проведение такой встречи в Москве представляется неуместным.

Одновременно с этой встречей, в русле общественной поддержки, планируется проведение в Москве ряда неофициальных встреч неправительственных организаций, именуемых «Параллельной активностью».

Не поддерживая выбор места правительственного совещания, рабочая коллегия общества «Мемориал», естественно, не будет принимать участия в организации и проведении мероприятий «Параллельной активности».

Рабочая коллегия Межреспубликанского общества «Мемориал» поддерживает намерение Московского «Мемориала» провести в сентябре 1991 года акции, направленные на привлечение внимания общественности к положению с правами человека в СССР.

18 апреля 1991 года.

Библиотека Мемориала

«ИЗВИНИТЕ ЗА БЕСПОКОЙСТВО»

Опись приложенных документов была довольно внушительной.

1. Обращение в вышестоящие органы от 23.08.90.
2. Ответ КГБ Карельской АССР № Е-10 от 27.09.90.
3. Ответ Прокуратуры Карельской АССР № 13/95-90 от 05.10.90.
4. Ответ Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР № 7-16/Г от 16.11.90.
5. Обращение в Беломорский районный исполнительный комитет от 18.12.90.
6. Ответ Беломорского районного исполнительного комитета № 01-67 от 18.01.91 года и т. д.

Общей сложностью 15 документов.

А дальше шла просьба подсказать, что делать дальше, как восстановить справедливость, попранную и забытую так давно, что уже вроде концов не найти.

Мы предлагаем Вам ознакомиться с фрагментами этой переписки, повторить хотя бы часть пути, пройденного в тщетных поисках справедливости.

Комитет государственной безопасности Карельской АССР
Верховный Совет Карельской АССР
Верховный Совет РСФСР

Указом Президента СССР реабилитированы репрессированные невинно в 30-х годах. Это важный политический шаг. Он имеет большое значение для страны в целом. Для отдельных граждан этот указ не имеет такого важного значения. Например. То, что мой отец не виновен, мы об этом знали, знали наши родственники и знакомые, которые почти все уже умерли, как и наш отец. Наша мать, которая пережила все эти невзгоды (о которых ниже), встретила указ без малейших эмоций.

На данный момент для народа важнее была бы «экономическая реабилитация».

Наша семья жила вместе с дедом, Ехменинym Николаем Григорьевичем, который считался середняком. По непонятным причинам его хотели отправить в 30-м году на «твердое задание». Так как дед был старый, на твердое задание отправили нашего отца, Ехменина Семена Николаевича. Все были «лишены прав». Дед вскоре переехал на заимку (по современному — дачу) в другое маленькое село, практически оттуда не выезжал и там умер.

Якобы за невыполнение твердого задания у нас описали и конфисковали всю обстановку, все снасти, телегу (единственную в селе), инвентарь, все сани.

По возвращении с твердого задания, чтобы выжила семья, отец официально отрекся от деда; его восстановили в правах, признали середняком и приняли в колхоз. Отец сдал в колхоз коня. Была создана такая обстановка, что родители вынуждены были продать в рассрочку «Рыбкоопу» свой (дедовский) дом, иначе бы его отобрали. Дом был новый, большой, почти два этажа (сейчас там клуб). При помощи родственников родители купили себе небольшой дом.

В 1932 году отца снова, по непонятным причинам, отправили на твердое задание. Снова семью лишили прав. Рыбкооп за дом (дедовский) платить не стал (фактически дом отобрали), конфисковали купленный дом и корову. При помощи родственников купили маленький домик (келью).

В 1934 году отца с твердого задания «забрали» и осудили, т. к. распался колхоз, и отец, якобы, «подорвал колхоз изнутри», хотя он был ударником и его хвалила районная газета. Купленную келью тоже отобрали, и мы жили в бане.

Таким образом, мы были доведены до полной нищеты. Отобрали все, в том числе три дома. Мать, Ехменину Евгению Федоровну, тоже судили в г. Беломорске (Сороке) за несдачу налога по мясу. Из 80 кг она сдала только 65 кг, больше уже и родственники не в состоянии были помочь, а своего у нас ничего и не было. Мать спасло от лагеря только то, что у нее была справка, что моя сестра очень больна, и сельсовет дал справку, что согласен на отработку за мясо на разделке дров.

Следствие по делу отца вело Беломорское (Сорокское) КГБ (ГПУ) и Петрозаводское. Судили его в нашем селе Сумском Посаде. Ему повезло, что осудили его по 109 статье (что за статья, я не знаю), а не по 58. Дали 5 лет плюс 5 лет лишения прав. Отец строил канал Москва—Волга (г. Дмитров). Освободился отец в 1937 году, т. к. попал в списки лучших работников, в связи со сдачей канала в эксплуатацию.

После этого отец с матерью решили бежать от «греха подальше» и переехали на Кольский полуостров.

Когда началась война, отец ушел на фронт (он воевал в финскую войну), а нас, как неблагонадежных, отправили в эвакуацию в Архангельскую область. Везли 5 недель зимой в телятнике. Привезли в северную деревню чуть живых. «Хлеба, что в брюхе, платья, что на себе». Один работник— мать (да работы нет) и восемь нахлебников: нас пятеро, бабушка с дедушкой (по матери) и двоюродный брат (у него нет родителей). Таким образом, мы снова потеряли все, что нажили за 4 года, но плюс потеряли и здоровье. Бабушка с дедом там и умерли от голода; я был чуть живой, мать принесла меня за 12 верст в госпиталь в г. Сольвычегодск, а там не приняли — все равно помрет. Старший брат умер 54-летним, инвалидом I группы по заболеванию.

Мы четверо и мать пока живы, особенно не бедствуем (трое из нас имеют а/машины). У матери пенсия 47 руб. Прожив и честно отработав всю жизнь на Крайнем Севере, накоплений не имеем, дач и квартир в Средней полосе тоже. Две сестры пенсионного возраста, мы с братом предпенсионного (стаж у всех выработан с лихвой). Хотели бы на старости вернуться на Родину.

На основании вышесказанного:

1. Прошу сообщить подробную информацию о законности:

1.1. Осуждения нашего отца.

1.2. Двойного привлечения отца на выполнение твердого задания.

1.3. Многократной конфискации имущества.

1.4. Непомерных налогов во время, когда отец был «на государственной службе».

1.5. Отправку нас в эвакуацию в нечеловеческих условиях (эвакуировали не всех; Кольский полуостров и Карелия в районе г. Беломорска реальной оккупации не подвергались. В нашем селе проживали эвакуированные).

2. Прошу направить в мой адрес (по возможности) копии перечня конфискованного имущества и его оценочные акты, объемы уплаченных налогов, связанных с репрессиями и т. д.

3. Подтвердить наше право или отсутствие такового подать в суд на возмещение государством или советами причиненного нашей семье материального ущерба, ущерба здоровью, морального ущерба.

4. В нашем селе пустует несколько зданий, принадлежащих сельсовету, в том числе детский сад, который более 10 лет не используется и приходит в негодность. Детский сад по размерам не больше «конфискованного» у нас только одного дедовского дома, а по качеству строительства значительно ниже. Моя сестра обратилась в сельсовет с заявлением о безвозмездной передаче его в пользование нашей семье, в счет частичного погашения нанесенного ущерба. В сельсовете ответили, что они такой вопрос решить не могут.

Прошу сообщить, прерогативой какого органа решить данный вопрос положительно, и что для этого нужно.

Извините за беспокойство.

23.08.90 г.

А. С. ЕХМЕНИН.

184200, г. Апатиты
Ехменину А. С.

Уважаемый Александр Семенович!

Ваше письмо, как и десятки подобных писем, которые приходят в наш Комитет, подтверждает тот общеизвестный теперь факт, что миллионы наших соотечественников за годы Советской власти стали жертвами произвола со стороны государства.

Нашим Комитетом подготовлен проект закона «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором предусмотрены денежная компенсация и другие льготы жертвам репрессий.

Однако, признавая право всех реабилитированных лиц и их наследников на материальную компенсацию за причиненный несправедливыми репрессиями моральный и материальный ущерб, мы понимаем, что ввиду тяжелого экономического положения страны не представляется возможным ПОЛНОСТЬЮ удовлетворить их законные требования.

Думаем, что Вы также с пониманием отнесетесь к ограниченным возможностям нашего государства.

Проект закона рассматривался на Верховном Совете и, считаем, что после некоторых уточнений он будет принят еще в этом году.

Председатель Комитета
по правам человека С. А. КОВАЛЕВ.

16 ноября 1990 г. № 7-16/1

г. Апатиты
тов. **Ехменину А. С.**

Уважаемый **Евгений Федорович!**

На Ваше обращение по поводу компенсации за имущество сообщаем, что данный вопрос будет рассматриваться после **предъявления справки о реабилитации Ехменина Семена Николаевича.**

Председатель Совета А. А. БОНДАРЕНКО
18.01.91 г. № 01-67

184200, Апатиты
гр-ну Ехменину А. С.

На Ваше заявление, адресованное в прокуратуру РСФСР и направленное на разрешение в прокуратуру КАССР, разъясняю, что Президент СССР своим Указом от 13 августа 1990 года обязал Советы Министров СССР и союзных республик внести на рассмотрение Верховных Советов проекты законов о порядке восстановления в правах репрессированных лиц, в т. ч. и незаконно пострадавших в период коллективизации сельского хозяйства.

Эти предстоящие законы должны установить и порядок возмещения ущерба, причиненного при раскулачивании.

В силу того, что порядок восстановления в правах раскулаченных лиц законом пока не определен, прокуратура лишена возможности дать указание кому-либо о возмещении Вам ущерба как наследнику. Если специальный порядок возмещения ущерба от раскулачивания законом не будет установлен, то значит должен применяться общий принцип гражданского законодательства — всякий ущерб, причиненный незаконными действиями, подлежит возмещению. Споры о праве на возмещение ущерба (праве на конкретное имущество, строение) решаются в судебном порядке. Такое право на обращение в суд у Вас есть и сегодня.

В. М. БОГДАНОВ,
прокурор КАССР государственный советник юстиции 3-го класса.

13.03.91 г.

184200 Мурманская область, г. Апатиты
Ехменину А. С.

На Ваше заявление, адресованное Верховному Совету КАССР, о возврате Вам стоимости имущества отца разъясняю, что раскулачивание (ликвидация кулачества как класса), установление налоговых «твердых заданий», за невыполнение которых описывалось и изымалось имущество, проводились по решениям центральных и местных органов советской власти.

До последнего времени законодательство о раскулачивании отменено не было.

На практике заинтересованными лицами вопрос о возврате имущества (его стоимости) решался в судебном порядке путем предъявления исков, в частности, к исполкомам местных Советов, т. к. добровольно Советы имущество или его стоимость не возвращали.

13 августа 1990 года Президент СССР принял Указ, которым все лица, незаконно пострадавшие в период коллективизации с/х, восстанавливаются в своих правах. СМ СССР этим Указом поручено до 1 октября с. г. внести в законодательные органы предложения о порядке восстановления этих граждан в своих правах.

Таким образом, в ближайшее время будет принят законодательный акт, в котором, очевидно, будет решен вопрос и о, как Вы пишите, «экономической реабилитации» таких лиц. Вам будет ясно, куда нужно будет обращаться по этому вопросу, какие для этого потребуются документы, кто их будет собирать и устанавливать, кто, в какой сумме и из каких средств будет возмещать ущерб.

Это ответ по Вашим вопросам о налогах, конфискаций при раскулачивании.

Мы не находим оснований осуществлять проверку законности эвакуации Вашей семьи в период войны. Это была обстановка крайней необходимости, регламентировалась она союзным чрезвычайным законодательством военного времени. **И в настоящее время это законодательство не поднадзорно территориальным органам прокуратуры.** Со своей стороны считаем, что ущерб, который мог возникнуть в период проведения эвакуационных мероприятий, какому-либо возмещению не подлежит. Привлеченным к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением) в 1934 году Ехменин С. Н. по данным МВД КАССР не проходит. Уголовного дела на него на хранении в архиве МВД КАССР нет, поэтому если такое дело об общеуголовном преступлении и было, оно, видимо, уничтожено за истечением сроков хранения. Пересмотреть его в настоящее время не представляется возможным. В отличие от дел об общеуголовных преступлениях, дела о государственных (контрреволюционных) преступлениях хранились постоянно, поэтому их возможно сегодня пересмотреть. Таких дел на Ваших деда и отца нет.

Л. А. ЛАБУТИН,
ст. пом. прокурора КАССР, старший советник юстиции.

5.10.90 г. № 13/95-90

Верховный Совет РСФСР

При этом направляю Вам копии моих писем в вышестоящие органы, исполкому г. Беломорска и ответы на письма.

В очередной раз убедился, что справедливости по отношению к человеку в этом мире нет.

Питаю последние надежды на предъявление иска в судебном порядке к исполнительным комитетам местных советов.

Случайно мне попал Проект закона РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий (в средствах массовой информации Проект не попадался). С удовольствием прочел до третьего абзаца, а дальше понял: «Хороша Даша, да не наша!»

Большое спасибо Вам за такой Закон от всех членов нашей семьи умерших и живых. Мертвые уже всех простили. Мать на пенсию 47 руб. при бесплатной медицине, к нашему большому сожалению, долго не проживет. Мы, третье поколение, доживем в изгнании в Заполярье. Нам на Родине и за заработанные деньги дома не продадут — нет прописки, да и денег практически нет. Нашим детям, четвертому поколению, ничего не нужно. Отучили.

Детский сад, который мы просим в счет компенсации, догниет на месте. Это не вперовой. Или его захватит кто-то более нужный Родине.

Расстался с последней иллюзией.

Извините за беспокойство.

23.01. 91 г.

P. S. Разбирать проект Закона по статьям нет сил и желания. Все это бесполезно.

Библиотека «Полоцкого Котлована»

РАССКАЗ

Семейная фотография. Пасха 1914 г.

Несколько поколений семей, берущих начало от спецпереселенцев, составляют костяк коренных жителей Кировска и Апатит. Они не теряются в массе приехавших позже, их семейные предания хранят богатую историю народной жизни, еще не освоенную профессиональными историками...

Династия Зверевых — одна из них. Дед — крестьянин, сын его — рабочий, внук — научный сотрудник. Долгое время мы были знакомы только с внуком — Владимиром Леонидовичем Зверевым, кандидатом наук, руководителем международного центра данных по полярным сияниям в ПГИ. И вот Леонид Дмитриевич Зверев рассказывает о своем отце, Дмитрии Егоровиче. О своей жизни тоже, но фигура отца, мастера, на первом плане в этом рассказе.

Л. Л.

(Использованы фотографии из семейного архива Зверевых).

О богатой жизни

До революции у родителей магазин был свой. Две мельницы у отца было, потом пчел завел, полсотни ульев было к тридцатому году. Пруд был, когда спускали воду, простую рыбу — окуней, щук — раздавали бесплатно. Так что временами богато жили.

Отец был из дальней деревни, портной был ходячий. Тулупы шил. Мама его взяла в дом, ее первый муж был красильщик, он отравился от красок и умер. А когда отец перешел к нам, красками не стал заниматься. Штампы потом долго валялись в подвале. Такие деревянные коробки, на них рисунок вырезан. Их в краску обмакивали и красили полотенца или что еще нужно. Вот такой был красильщик, двое от него осталось детей.

Мой отец завел мельницы. Одна водяная, на речке. Сделали подпор, плотину, чтобы вода зимой не перемерзала, молола всю зиму. Вода переливалась через плотину, крутила лопасти; одно жерново для того, чтобы молоть, второе — дернуха. Сперва обдерет зерно, потом размелет. И еще толчея была, крупу делала. Лопасти крутили бревно, оно к берегу шло, там крутились такие штуки, лупили по зерну в корыте — он сам это сделал — и долбит, и долбит, а корыто с наклоном, его пускали на ветер и зерно оставалось чисто. Это водяная. А паровая — на ней крупу делали — для нее купили шведский двигатель. Эта мельница стояла среди пруда и называлась «погорелка» — не знаю почему. При каждой мельнице сушилки были, на дровах, железный пол с дырочками мелкими-мелкими, чтобы зерно не просыпалось, а внизу печи, с трубами — зерно сушилось, пар выходил в трубу. Перед помолом надо просушить. Приедет мужик, а зерно сырое, вот и сушат.

Село наше называлось Крылово. Больше двухсот домов было. Это на Урале, в Пермской области, рядом город Оса.

Лепёшки из липки

В 21-м году мы голодали. Семья была большая — восемь детей у матери. Отец до войны три года отслужил в Петербурге, потом промежуток — тут я народился, потом германская, потом гражданская. Мельницы разрушились, потому что не было хозяина. И урожая не было у нас в крае. В 21 и 22-м годах мы дерево ели, липку. Ребята старшие сходят, липу нарвут, обдерем шкуру, кубики нарежем, высушим на печи или на каленке — на мельничку, размелем эту липку, с лебедой смешаем, мать напечет лепешек. Так и жили.

Отец заканчивал войну на Дальнем Востоке, выгонял беляков и кого там еще, и оттуда в 21-м пришел домой. Нет, не приехал, железная дорога не работала. Полгода шел. Полгода. Пришел и мы стали плести лапти. На продажу. Я и сейчас умею. Маленький был, а помню. Сыновьям недавно плел — дарил. Ну вот. Воз наплетем, отправляем в Пермь, на рудники. В рудниках это спецодежда была горнякам. Это длилось может два — три года. В 21-м в декабре месяце его вызвали в город. Приехал, говорит, заставляют восстанавливать мельницы. Мол, плохие, не мелют, бери. Он взял с другими мужиками, она уже была коллективная, до 30-го года. И старшие братья там тоже работали, и еще машинист был отдельно, вот он на фотографии. У нас и фотоаппарат свой был, сами фотографировали.

Как землю делили

Меня в 24-м году отдали дяде. Маминому брату. Землю делили, на едока давали-то. У дяди детей нету, а земли ему мало показалось. Вот меня ему и отдали, все четыре — пять десятин добавили. А отцу куда, у него и так двенадцать душ семья. Родители материны еще жили, сестра матери. Земли им дали очень много. Да еще у нас была — как называется, забыл, нефондовая земля. Затапливалась — река Тульва, до июля месяца стояла затопленная. Неудобица — вот как называлась. И неудобицы бери сколько хочешь. Так вот, как только вода сходит, там наносит ил, прямо пахать ничего не надо, только кидай зерно. Лен сеяли, коноплю — просто кинешь зерно, прутьями замотаешь — чтоб зерно не наверху лежало — и все. И еще как родила неудобица!

Земли там было очень много. Земля хорошая. Клали навоз через 3—5 лет. Урожаи были хорошие. А сейчас там все забросили, я был там года четыре тому назад — все забросили, все, ничего нет, где растут кусты, где песок переваливается... Деревень вокруг села было штук пятнадцать, ни одной не осталось.

Высылка. Дети пропали

Когда стали раскулачивать... Старшие братья уже жили отдельно, и дочь вышла замуж. Они были приписаны на мельнице, и Иван, и Анатолий, а отец в Крылове с матерью, и у них еще двое было ребят, младших. Один в декабре 21-го года родился, другой позже. И вот отца с матерью выслали с двумя детьми. А старших нет, не тронули, они на мельнице работали, так и не тронули. Потом они из деревни убежали, не знаю как, но убежали.

Так вот, выслали отца к Чусовой, на Урал. Возили их, возили, возле Свердловска, еще куда-то. И вот высадили в лес, и там ребятишки — весной это было, в тридцатом, — там ребятишки пропали. Один сам сел на плотик, его унесло по реке, младшего. А другой в лесу заблудился. И вот они обоих их потеряли. А отца с матерью взяли и перевезли сюда в Кировск, без детей.

Спросили их согласия? Ну как же, они же высланные были...

Вот и привезли сюда. Мать тут с ума стала сходить. Детей-то нет. У нее их восемь было, а тут одна. Отец и пишет, где дети, нашли или нет?

Поиски

Я в это время все с дядей жил, в том же селе. Меня не забывали. Мед давали, одежду шили. Отец-то портной был. Сам все шил. Ребятам шьют и мне тоже. Дядю тогда не трогали. Да как не трогали? Лошадь взяли, корову взяли, поросят взяли, все в колхоз. И сам вступил. Тут старшие братья меня позвали. Анатолий уже женатый был, и ребенок — вот Мишка же, в Апатитах живет. 18 октября он родился, Мишка. Меня, значит, стали просить братья — поезжай, ищи ребят. Я и поехал в Чусовую. Семнадцать годов мне было.

Место это называлось Поныш. Приехал в Поныш — говорят, их нету. Дети потерялись, отца и мать увезли, а куда — не знаем. Вернулся обратно, километров 30 выше по реке Чусовой завод, металл там плавили, на древесном угле. Грязь такая была страшная. Говорят, тут не было детей. Спустился ниже, пристань Калина и нашел одного братишку, живого. Спрашивал, люди показали, где болтаются дети — ходи ищи. Я его нашел. Вот он на карточке, засняли, когда привезли домой. Восьмой год ему шел. А потом стал искать второго брата, того, что заблудился в лесу. Попал в Лысьву, город такой, там посуду делают, километров за 30—40. И тоже нашелся, беспризорничал там. И я их привез в Крылово.

Ну что делать дальше? Кормить нечем. И отец пишет — мать плоха, если нашли их, везите сюда. Вот братья и говорят, вези, Леня, братьев туда. Я и поехал. В декабре месяце нас дядя свез в Пермь, посадил на поезд, и мы поехали. Билет взяли до Имандры. Ехали с 25 декабря по 1 января. В Кирове нас обокрали, утащили валенки. На пересадке намочили валенки, сушили в вагоне у трубы, а у нас их украли. Остались все босые. В Волховстрое — раньше называлась Званка — я обмотал ноги тряпками, вышел, купил галоши — у меня деньги были, зашиты в домотканный пониток. Купил галоши — поехали дальше.

Зачислить в поселенцы

Приехали на разъезд Белый 31 декабря, посидели несколько часов, машина шла в Кировск, вернее, тогда его еще не было, все были километры. Привезли на девятнадцатый километр. Приехали, а жить негде, родители жили в одном бараке за печкой, нам нашли место в чужом бараке, одно разгороженное место троим. А у меня денег воротиться назад не было. Я стал поступать на работу. Пошел в котлотурбинный, хотел денег на дорогу заработать. А меня сгребли, вызвали в ОГПУ, отобрали все документы — свидетельство, справку от сельсовета и зачислили в поселенцы. Дальше 16 км отъезжать не моги. Так я и остался.

Кировск. 30-е годы.

До войны в Кировске

Там, где река Услонка, у отца была слесарная мастерская. Я ходил к нему — он делал штампы, матрицы. Ударят — сделают форму. А еще он печи складывал. Когда мы приехали, он клал печи по Хибиногорской улице. И в тех домах, которые мы позже для себя строили, он тоже печи клал. А мама не работала. Она больная была и старая, 79-го года рождения. Когда дети приехали, она стала поправляться.

Когда мы приехали, еще было событие — пекарня сгорела, долго не было хлеба, тогда мы спасались сухарями — мне на дорогу дали сухарей мешок. Вообще голодали не сильно. Кашу пшенную сварят с постным маслом, вот и наешься. Отец сети делал. У нас же пруды были, дома-то рыбы много было. Он же мастер был, сделал сети. Ходил в горы, в горах были лужи, он нам наловит рыбы. Идет с грибами, сетки тащит и рыбу. Рыба хорошая. И где аэродром, там окуни были. Тоже пойдет и наловит. В Белой реке рыбы было много, только замятывай. Так что не голодовали.

Библиотека Мемориала

О ЖИЗНИ БОГАТОЙ

В Кировске мы сами построили себе дома. Работали днем, а вечером шли строить, на Хибиногорской улице. Сейчас их нет, сломали. Комната была уже своя. Семь человек поселились мы в двенадцатиметровке. Хорошо. Полати сделали, спали.

В 34-м году меня восстановили в правах. В 37-м дали мне квартиру в каменном доме. Построили электростанцию, и я остался на электростанции. Окончил курсы. Вольные люди уехали на другие стройки, а я остался. Полтора года жил в Лапландии — там строили электростанции на торфе. Привезли туда спецпереселенцев из Ленинграда, в 1934 году. Работали на болоте, торфоразработки готовили, много было всего... Люди у нас, и начальство, были очень хорошие. К переселенцам относились хорошо. Директором был Исаков, хороший человек. Убили в финскую войну.

Сибирский стрелковый полк. 1915 г.

Война. Семейные судьбы

Отец в правах так и не был восстановлен. В 41-м году, как война началась, их эвакуировали в Татарию. Отец работал в лесу, деготь гнал. Уж не знаю сосновые ли, березовые — вроде березовые пни. Бочками сдавал, на фронт, раны лечить. Сюда они уже не вернулись — написали дочери, в Осу — она вышла замуж в город, так у нее и жили. Там он и умер, в 1949 году. А я остался, на войну не взяли — дали бронь. Но дома тоже не жили — всю войну кроме работы был в батальоне охраны. Охраняли, ловили врагов. Что вы думаете, финны до Кировска доходили тайком, сожгли научную базу на Малом Вудъявре...

А братья воевали. Один вернулся с войны, глаз был выбит, похоронен в Осе, с отцом рядом. Иван похоронен под Ржевом, где могила неизвестно. А Дмитрий, младший, со мной работал, выучился, потом его убили. Около Пустошки, Псковской области, село Вултяй. Там их больше 500 человек похоронено в братской могиле.

Кировск. 30-е годы.

Высылка. Подробности

Я подробности высылки родителей хорошо помню. Я приехал с лесозаготовок, масленница была в аккурат. Прижимать-то начали раньше, с 27-го года. Лошадей отбирали, хлеб стали отбирать. В 29-м году, когда жил у дяди, обкладывали нас налогом — дрова пилить, называлось — трудповинность. Лес рубили, потом сплавляли на плотах. 16 лет мне было, сейчас подумать, опасная вещь, но куда денешься? От Березняков — там у села Орел плоты складывали, собирали, и до Сталинграда плавали, — самосплавом.

Вот я приехал, пришел к отцу — меня туда не пускают. Стоит солдат с винтовкой, не стал пускать. А мать уже сушила сухари. Через 2 дня повезли. 1 марта аккурат было, понедельник после масленницы. Повезли. На санях — ведь зима была. До железнодорожной станции, Чернушка или Тай. Мать сухарей насушила — с мельницы разрешили, бери что хочешь. Мать пекла из муки хлеб, сушили сухари. Из новых половиков сшили мешки, так что ехали на пяти подводах. Еще меду бочку дали взять. Потом их там долго возили по Свердловску, туда-сюда, все растеряли. И швейную машинку разрешили взять, все же у нас было хорошо. Вот тесть из Горьковской области был, там даже носки у детей отбирали.

У нас народ отца не давал выселять, из деревень приходил народ. А что поделаешь с солдатами? Если солдат пригнали?

Ещё о раскулаченных

С нашей стороны и другие в Кировск попали. Двое стариков, по семьдесят лет, они со станции Чернушки, там мочала делали. Рубили лес, липку, мочили в болотах и мочала делали. Кто-то позавидовал, что зарабатывают много. А другие были — те только возили лес к Каме. У них две или три лошади были. Лес возили, тем и зарабатывали. Лошадей отобрали, их сюда. Или вот Белоусов Андрей, его сыновья в Кировске работают. Его отца не выслали, а он с теткой жил, его и выслали с ней вместе. У нее ни мужа, ни богатства не было, за что их? Много привезли неспособных к работе людей.

У отца еще брат был, на двадцать лет его старше. У него тоже все отобрали, все. Только он уже старый был, лет семьдесят, его не выслали, жил по баням. А сыновья — один на шахте работал, умер, другой в Сибирь уехал, пропал где-то.

Вот еще Федор Иванович Борисов, мой тесть. Он из Горьковской области, Ардатовский район. В колхоз он не шел. У него отобрали лошадь, а потом самого в Ленинград, в Кресты посадили. Сколько-то посидел и перевели его в Кировск. Сначала бревна на доски пилил, потом заведовал снабжением на ДОЗе, теперь мебельная фабрика. Теща тоже потом сюда приехала с дочерьми, не выдержала. К ним там, как к семье раскулаченных, плохо относились. Пойдут в лес за хворостом, а их воротят, отберут, живи как хочешь. За 15 верст ее в Ардатов посылали с донесением как посыльную. Ночью придут — давай иди. Замучили совсем. Он им посылки туда посылал. Здесь много было чего купить. Я помню, пошел, купил одеяла по 8 рублей три штуки. И он им послал. А ее заставляли расписываться, а посылки не отдавали. В избу пришли, у печки рукавицы сохли, и те забрали. Даже тетради отобрали школьные. Пропивали, конечно.

О Сталине

Я вот в тридцатом году статью Сталина читал, «Головокружение от успехов» называется, может, слыхали? Он пишет, что поторопились, силой загоняли в колхоз. Все можно по разному повернуть. Сейчас вот обвиняют его в этом деле, а виноват-то, видно, не один Сталин был. Все виноваты были.

Ещё о богатой жизни

Есть люди завистливые, хотят чужое отобрать. Вот у отца дом был. В гражданскую в нем белые стояли. Тетку тогда еще белые запороли насмерть. Нашли патроны на сеновале и запороли, она умерла. А потом в отцовском доме правление колхоза было. Его за дом-то и выселили, чтобы освободить. И сад был при доме большой.

Еще отец был охотник. И это тоже повлияло, зависть была. Он сперва на охоту сам ходил один, а когда ребятишки подросли, он их брал с собой. У нас много было лисиц, горностая. Белки. Орешник был на горах, белки много было. Зайцев возами возили в город, по 10 копеек за штуку продавали. У отца было три собаки — и собак забрали, и ружье, только швейную машинку разрешили взять с собой. Он и здесь портняжил.

Говорить, что крестьяне хлеб стали придерживать, не продавали — это неверно. У нас стога оставались в поле, необмолоченные. Соломой закрывали, или сам обрастет сверху, так и стоит. Зимой его веяли и везли на пристань, сдавали, только бери, пожалуйста. Вранье все это, что люди прятали. У нас было зерна полно. Свиней гречей кормили. Вторые сорта, конечно. Отвеивали. Треир был у отца. Такой барабан под уклон, дырки в барабане. Крупное зерно идет дальше, мелкое проваливалось. Мелким свиней откармливали. У нас была трехполка — два поля сеют, третье — отдыхает. На этом поле ходили свиньи, все паслись — и овцы, и корова. Свиней вообще не загоняли домой все лето. А осенью собирали, откармливали и сдавали. Возили за 200 км мясо в Пермь. Так в Перми еще не продашь, возили в Мотовилиху, там тушами продавали, по 15 копеек килограмм. Я сам ездил с дядей. Яйца, мясо, все везем. Кричали, выходил народ, брали прямо тушами. А у нас было не продать ничем. У всех все было. И свиньи тоже, и телята. Так что хорошо жили. Но недолго.

Олег ЧУХОНЦЕВ

На Каме-реке и на Белой реке —
леса под водой и леса вдалеке,
большая вода с островками;
затоплены русла и на море вод
то вынырнет куст,
то труба прорастет
на Белой реке и на Каме.
И реки не знают своих берегов!
Весной, когда паводки
сходят с лугов,
стога подмывая и елки,
с верховий уральских
по фронту реки
плывут как утопленники топляки,
их ловят баграми у Волги.
Страна моя! Родина братских могил!
Наверно, небедно нас Бог наградил,
коль пашни свои затопили
и боры свели ради пресных морей
и сами для будущей жертвы своей
по водам свой хлеб отпустили.
Ну что же,
распашем речной чернозем,
по руслам затопленным
к устью пойдем,
и пресное станет соленым.
Вокруг и под нами струящийся мрак,
а звезды на Каме как царский пятак,
а воздух шибает озоном.
Широкая ночь упирается в грудь.
Постой, подышим. Ничего не вернуть,
лишь волны гуляют на Каме.
Мотор пневматическим бьет
молотком.
И сердце стучит, по о ком? и о чем?
Ни зги не видать за буями.

Библиотека Пермского краевого музея

Саксаул — дерево железное

Титов Лука Ефимович, родился 27 января 1877 г. в селе Липово Кингисеппского р-на Ленинградской области, плотник «Рыбтреста». Арестован 10.06.40 г. УНКВД Мурманской области, предъявлено обвинение по ст. 58—6 УК РСФСР за проведение шпионской деятельности. 19.08.40 г. постановлением Особого Совещания НКВД заключен в ИТЛ сроком на 5 лет, как социально опасных элемент, умер 9.11.41 г. Реабилитирован 23.05.89 г.

В Тик-Губе. 1934 г.

— В Тик-Губе до сих пор стоят два бревенчатых двухэтажных дома. В одном из этих домов в небольшой комнате жили наши родные — дедушка, Титов Лука Ефимович, бабушка, Титова Наталья Федоровна и их младший сын, Титов Петр Лукич. В 1931 году они были раскулачены и высланы на спецпоселение в Мурманскую область из деревни Липово Кингисеппского района Ленинградской области.

Жили очень бедно, что называется, на подножном корму. Занимались рыболовством, летом заготавливали грибы, ягоды, сажали картофель. Выезжать никуда не имели права.

Дети, а их было у дедушки и бабушки пятеро (4 сына и одна дочь), жили в деревне, на родине, кроме младшего, Петра Лукича. Три старших сына и дочь имели свои семьи.

В 1935 году весной, после убийства С. М. Кирова, двоих сыновей и дочь с семьями, как остатки кулачества, выслали в Казахстан. Вначале забрали мужчин, держали их и везли отдельно от семей, а затем женщин с детьми. Везли в телятниках, охраняли как самых ярых врагов народа, один раз выпустили на улицу проветриться, а везли 17 суток.

Наша семья состояла из шести человек. Отец, Титов Илья Лукич, 1900 года рождения, мать Титова Евдокия Константиновна, 1910 года рождения и четверо детей, старшей из которых было в то время 7 лет. Привезли нас на станцию Чу, Казахской ССР, а затем погрузили на тракторные прицепы и повезли на место жительства в «квартал», так назывались поселки под номерами. Кварталы были ужасными, бараки были из камыша, глиной облеплены, полы глиняные. Выход из комнат был сразу на улицу, не было тамбуров. Летом страшная жара, зимой трескучие морозы. Отапливались печками «буржуйками». Зимой на стенах в комнате был иней и подушки примерзали к стенам. Работали, в основном, в лесу. Рубили саксаул колунами. Это — железное-то дерево!

Жили впроголодь, плюс изнурительный труд — люди стали болеть малярией, желтухой, дизентерией, куриной слепотой.

Кладбище начали с нашей младшей девочки, похоронили рядом с киргизом, а через 2 месяца умерла вторая наша девочка от дизентерии. Впоследствии стали вымирать целыми семьями, некому было даже хоронить.

Наши родители, похоронив младших дочерей и сами ослабшие от болезней и тяжелой жизни, решили сбежать. Летом 1937 года мама со мной и с сыном Владимиром совершила побег. Отец лежал в больнице, и мама воспользовалась этим моментом, потому что меньше следили за семьей. Приехали в Апатиты к родителям отца, а за нами, выписавшись из больницы сбежал и отец. Органами НКВД семья наша была зачислена в спецпоселок Тик-Губа.

В июне 1940 года ночью пришел «черный ворон» и забрал нашего отца, а на следующую ночь отца отпустили домой, а забрали дедушку. За что и в чем он был повинен, честный труженик? Перед арестом дедушка работал капитаном на мотоботе во время навигации, а зимой плотничал. Через некоторое время после ареста он сумел с кем-то прислать записку, где сообщал, что такого-то числа из Кировска вагон с заключенными будут провозить через станцию Апатиты и вагон будет стоять в тупике у складов, и мы сможем увидеть деда. В назначенное время мы с двоюродной сестрой (внучкой деда) и с бабушкой ходили на станцию и в последний раз повидали дедушку, он через решетку окна показал нам свои пять пальцев, что означало, что дали ему 5 лет заключения. Но эти пять лет оказались вечностью для него.

По возвращении из эвакуации из Архангельской области, я написала письмо в Москву с просьбой сообщить о местонахождении и судьбе дедушки. Нам ответили, что Титов Лука Ефимович умер в тюрьме в городе Сыктывкар. Из газеты «Кировский рабочий» мы узнали о реабилитации дедушки, где он проходил под номером 421, завершая списки реабилитированных из числа бывших жителей Кировско-Алатитского района.

Н. КАБАЕВА.

В Казахстане. 1936 г.

Члены рыболовецкой артели «Нордост» в дер. Липово. Начало 30-х годов.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ф. 56, оп. 1, ед. хр. 107, л. 48—52

«Заявление от поселенца Семена Алексеевича Белякова. Нивастрой. 5-я улица, дом № 6, кв. 24. УЧАСТНИК ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Я выше означенный гр-н описываю свою прошлую жизнь довоенного времени.

1. 1908. Я жил в городе Череповце у Александры Ивановны Трапезниковой, в скобяном магазине мальчиком. Прожил я тут [нрзб] месяцев. Так как работа была непосильна пришлось уволиться. 2. И в то же время меня отец свез в город Ярославль. Так-как город более фабричный, и заводов всяких масса. Конечно цель была поступить на место. Так как отец имел только один душевой надел земли. У отца было [нрзб] сына. Поступаю в контору разсыльным конторы, Акционерное общество Иван Любимов и К°. Иза скуднова жалования пришлось разщитаться. 3. 1909 год в том же городе. Поступаю на городскую почт-станцию. Фамилия хозяина Мохов. Должность моя кучер. Ездил с почтальоном на-Вологодский, и на-московский вокзал, приходилось ездить по городу. Тут конечно неотрицаю, видно плохо угодил хозяину. Прожив 4 месяца увольняют. 4. Поступаю в городской обоз. Должность имел, возил ночное золото. Тут прожив три месяца, сам увольняюсь. 5. В том же городе Ярославле. Поступаю в дворьники, ето будет близ Вологодского вокзала. Хозяина звать Модист Григорьевиць Волков. Плохо угодил хозяйскому сыну, увольняют. Прожив 5 месяцев 6.1910 год. Поступаю в трудовую Артель, ето будет при реке Котросьте, близ Спасова мужского бывшего монастыря. Тут я выжил 1 год 4 месяца. 7. 1911 год. Поступаю в бурлаки .Хозяина звали Константин Матвеевиц Воронов. Село Усье Ярославской губернии и уезда, от города Ярославля 17 километров вверх по Волге. Тут прожил 6 месяцев, тоесть до покрова. Тут работа была такова. Грузили песок, грузили камень, и сеяли из крупного песку графель, погружали в тифенки, ето будет небольшое судно. И плыли по течению воды, по реке Волге. В то время строили железный мост через реку Волгу, материалы шли на бетонные работы в пригороде Ярославля. Когда груз кончем, тащим вверх по — Волге. 8. В том же городе Ярославле поступил на кожевенный завод (фирма) Парасковьи Дмитриевны Львиной. Ето будет на Никитинской улице. Управляющим был Иван Ильиц. Прожив 5 месяцев сам увольняюсь. 9. 1912 год. Поступаю на баржу Блинова № 12. Из-города Ярославля пошли за первым льдом вниз по Волге в город Курмыш. Город Курмыш будет при реке Суре, Симбирской губернии. Один чюваш дал водоливу 40 штук яиц и 10 фунтов масла коровьего, чтобы меня уволить. Что было и сделано. А того принять. От города Курмыша до Васильсурска будет 30 километров. От Васильсурска иду обратно в город Ярославль, так-как тут более знакомо. 10. 1912 год. Поступаю вторично в бурлаки. В-томже вышеуказнном селе Усье, только у другого хозяина. Работа была таже самая, только приходилось делать несколько рейсов в Рыбинск. Тут прожил 5 месяцев. 1912 год еду на родину, дома прожив от покрова до пасхи, опять пошел в город Череповец. 1913 год. Делали фундамент под каменный дом, в данное время детская больница близ рынка. Подрядчиком был Саблинский. Тут прожив 1 месяц сам увольняюсь. Еду в Судбицы, там в то время копали шлюз через реку Шексну, ето будет 30 километров от города Череповца вверх. Тут выжил почти до самого призыва. 1913 год. Был забрит. Назначен был во-флот. Корабль Севастополь. Конечно военную жизнь описывать не буду, так-как она каждому известна. 1917 год. Тогда я служил в Финляндии, городе Гельсинфорсе. Ц.И.К.П.Б. извещает Армии и флоту, чтоб дали помощь Ленинграду. Я первым записался, чтобы ехать в Ленинград защищать советскую власть, за что боролись наши вожди. Из Гельсинфорса едем в Ленинград. Проходим на финлянский вокзал, где нам дали ящики с винтовками, мы сами раскуборивали ящики и брали винтовки и патроны.

И пошли стройными рядами по назначении Цент. Исп. Ком. Тоесть первоначально приходим на-квартиру. Квартира была отведена бывшая военная офицерская школа, где висели картины разных генералов и тому подобное, которые были нами сняты и порваны. Ц.И.К.П.Б. дает приказние чтобы занимали посты. Вскоре нам подали грузовой автомобиль, на который село человек 15 и поехали в арсенал. Арсенал ето такое издание где лежит огнестрельное оружие.

Что было взяли, и поехали в Таврический где были поставлены пулеметы и караул. Я сам выстоял 1-е сутки, чтобы немогли попасть негодные елементы. Потом сутки выстоял в Смольном, тоже в карауле. Тут был поставлен к телефону, чтобы не могли передать что-либо особенное неугодных елементов. Потом был поставлен патрулем по шпалерной улице. Обязаность была такова. С 10 часов вечера чтобы по городу Ленинграду без разрешения Советской власти некто немог проидти и иначе задерживали и отправляли по-назначению. Пришлось немного побыть на собрание, так как я стоял на—посту, в то время товарищ Ленин говорит рец, после его речи стал говорить какой-то иностранец на иностранном языке, после его рече все стали, делегаты и присутствующие, и заиграл духовой оркестр Интернационал. Потом с постов сняли, едем обратно в город Гельсинфорс и занимаем старые места.

1918 году феврале месяце опять дают извещение из—Ленинграда, что белые взяли Ревель, опять своя добрая воля, чтобы записаться в отряд, первый пошел на подпись. Опять из города Гельсинфорса едем в Ленинград. Приезжаем в Ленинград, едем в Крюковские морские казармы. Во дворе, тоесть на площади был митинг, где товарищ Дыбенко говорил речь. Товарищ Дыбенко был в то время Командующим Отрядом. После его речи пошли змузыкой на вокзал. Приезжаем в—город Ямбург, рабочие и служащие нас стречают с—музыкой. Приветствовали, как истинных борцов революции, за рабочее крестьянское дело.

После етого нас повели стройными рядами в столовую, где был заказан чай и ужин. Ночевали в вагонах, на другой день сели в вагон и поехали сщупать врага .Етот бой был под Нарвой. Вот товарищи разбирательная комисия 1913 году был взят на службу. Уволен 1920 году по демобилизации.

1920 год. Поступил в городе Ленинграде в порт. Тоесть портовая артель калужан, работал грузчиком в порту. На что имел трудовую книжку. У.П.Т.П. 1921 год приехал на родину. 1923 стал заниматься крестьянством. 1924 год стал делать кожи по 1929 год. Тоесть имел кустарное кожевенное ремесло, машинного производства не было, работал своей семьей, наемных рук не было. За что был выслан. Данная биография была прочитана на общем собрании на родине. Тоесть в деревне Селиванове где подписалось все общество 50 домохозяев. И отправил в рик для рассмотрения, на что имею расписку. Из данной биографии видно какой был человек до военной службы и в военное время. Подсудом не был и замечания не было. Прошу восстановить права. Поселенец Семен Алексеевиц Беляков. Ленинградской области, Череповецкой губернии и уезда Юнюковского сельсовета, деревни Селиваново».

Материал подготовлен А. МАТВЕЕВЫМ.

Особенности орфографии сохранены не полностью, так как в типографии нет знаков отмененных реформой орфографии.

Библиотека Мемориала

ВЕНОК НА МОГИЛУ

Живя в первые годы революции в Москве, мне пришлось встречаться с некоторыми представителями московской интеллигенции, для которых октябрьский переворот послужил толчком для полного внутреннего перерождения. Это были своего рода «кающиеся интеллигенты», осознавшие свою вину в годы, предшествовавшие революции. Среди них наиболее запомнилась мне личность Василия Петровича Преображенского.

В те годы ему было лет 40—45. Сын священника, он учился в духовной семинарии, а потом, под влиянием духа времени, поступил в университет. Это совсем не значит, что он потерял веру, нет, он остался верующим, но его более привлекала педагогическая деятельность, чем священническая. Он был талантливым педагогом, причем его интересовали не столько вопросы образования, сколько воспитания и, в частности, религиозного. Поэтому он часто посещал доклады в Московском Студенческом Христианском Кружке, где я с ним познакомился. Он оказался интересным собеседником и охотно беседовал со студенческой молодежью на религиозно-нравственные темы.

В конце октября 1917 году в Москве происходило восстание большевиков. Силам красных несколько дней оказывали сопротивление отряды юнкеров, находившиеся в Кремле и некоторых московских зданиях. Многие москвичи были очевидцами этих эпизодов гражданской войны, когда с обеих сторон проливалась кровь русских людей, главным образом, молодежи. Среди других все это наблюдал и В. П. Преображенский. Картины братоубийственной борьбы на московских улицах до такой степени потрясли душу В. П., что он уже не мог дальше оставаться в Москве и жить своей обычной жизнью. Его преследовал вопрос — как могли русские люди дойти до такого состояния... В конце концов он пришел к выводу, что **он и сам виноват** в совершившемся. Для него, как для верующего христианина и педагога, стало ясно, что главной причиной революции было неправильное воспитание русских людей, о котором недостаточно заботилось Правительство, Церковь и общество.

В то же время Василий Петрович понял свою собственную ошибку — свой грех перед народом. Он осознал, что его обязанностью, как окончившего духовную школу, было стать священником и позаботиться о духовном просвещении народа. Но так как он сам, подобно многим другим семинаристам, уклонился от этой обязанности и избрал другой путь, то и на нем лежит часть ответственности. Придя к такому выводу, Василий Петрович не только покаялся, но и решил сделать все возможное, чтобы исправить свой грех. Он сразу заявил об уходе с должности преподавателя и, почти ни с кем не простясь, уехал к себе на родину, в город Кинешму Костромской губернии.

Мы не знаем дальнейших подробностей, но стало известно, что Василий Петрович вскоре принял монашество (он был не женат) с именем Вениамина. Через несколько лет, еще при жизни патриарха Тихона, был возведен во епископа и сделался Преосвященным Вениамином Кинешамским. На этом посту владыка Вениамин развил такую проповедническую и организационную деятельность, что вскоре был арестован советской властью и отправлен в ссылку. Из ссылки епископ Вениамин уже не вернулся, как и многие из священников и архиереев того времени...

Да будут эти краткие строки скромным венком на безвестную могилу убиенного раба Божия епископа Вениамина.

Протоиерей С. Щукин, «Царскосельский костер», № 64, октябрь-ноябрь 1966 г.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

СВОДНЫЙ ХОР

Ливмя не льет великая вода —
сочится из небесных мелких сит.
Олёша мало пьет, но пьет всегда —
как тихий этот дождик моросит.
В печи осина тлеет, а в щели
свою свирельку пробует сверчок,
и сыплет мелкий дождичек или,
поласковей сказать, мусеничок.

Олёша извинит, что я не пью,
ну по одной, пожалуй, — помянуть
родителей — лопа и попадью —
о всех, тогда погубленных, вздохнуть.

Мне надо описать олешин вздох
порушенной сердечной глубины,
кряхтенье-оханье:
дак'ой!.. да'оxx! —
как достояние родной страны.

Нет, шутки в сторону: т а к о й фольклор
заслуживает пленок или нот.
По крайней мере некий сводный хор
мне слышится — т а к дышит мой народ.

Никола с переломанным хребтом,
с обрушенными ребрами стропил
как мертвый кит темнеет за окном.
Лохмотья крыши дождик окропил.

Близ алтаря шалман и коновязь,
сортира нет, понятно, ну и вот...
Чужим умом однажды соблазнясь,
премного наглупил честной народ...

Ты не мочи, Олеша, в водке хлеб,
женись — продлится род... Отец Чулков
был просветитель, отправитель треб,
политик: одобрял большевиков,
в трактате предлагал им сочетать
Христа и Маркса, дабы жить л ю б я —
за что его и надо было взять
у всей округи здешней, у тебя...

Ты помнишь? Помнишь — четырех-то лет.
Попенок... Как пришибли — так живи.
Понравилось им слово э л е м е н т,
с ума сошли — хоть смейся, хоть реви!

Отец учил детей и книги вел
рождений и успений — все сожгли.
Коробились листы, и пепел цвел...
Известно было, как произошли
Баданины, Костровы, Шадрины —
их родословье до семи колен.
И пепел — достояние страны,
и дым отечества, и тайный тлен...
В Никольске был отец еще живой,
на пересылке, но ходил едва.
А где уж там прибил его конвой,
то ведает болотная трава.
Дорогу ту я помню: мы по ней
ходили в любознательный поход
со старшим классом...

Гати все черней,
все каменнее в крепости болот.
Не надо краеведов-знатоков
о многом спрашивать — я не спрошу,
где сгинул мученик отец Чулков,
а только постою да подышу
как сын его, как все мы или как
болота эти дышат... Вот они
и знают о пропавших мужиках.

Во царствии Твоем их помяни,
о Господи!
Да как же ты... Дак'аах...

«Столько пережили, что бессмертны»

Адресат этого письма Л. Варпаховский познакомился с Юрием Домбровским в пересыльном лагере в 1940 году. Варпаховский спас ему жизнь: при отправке на Колыму втащил его на руках на пароход, иначе Домбровского, у которого отказали ноги, пристрелили бы.

Леонид Викторович Варпаховский был ученым секретарем Театра имени Мейерхольда. В круг его обязанностей входило готовить литературу, иконографию и музыку для очередной постановки и ассистировать Мейерхольду на репетициях.

В 1936 году его жизнь круто переломилась. Вначале его сослали на три года в Алма-Ату «за содействие троцкизму». Несмотря на благодарственную грамоту от правительства Казахстана за постановку ряда спектаклей в Театре русской драмы, в 1937 году он был вновь арестован и отправлен в лагерь на восток. Ему удалось и в лагере заниматься режиссерской деятельностью.

В 1953 году пришло освобождение и Варпаховский уехал в Тбилиси к своему приятелю, тоже бывшему колымскому заключенному, известному художнику В. И. Шухаеву. Его начали приглашать на разовые постановки лучшие театры в Киеве, Харькове, Ленинграде. В 1957 году ему разрешили вернуться в Москву. Он стал главным режиссером Театра имени Ермоловой.

В его архиве сохранились несколько писем Ю. О. Домбровского. Часть из них, представляющих не только личный, но и общественный интерес, опубликована в журнале «Наше наследие» № 2 за 1991 год. Мы перепечатываем одно из них (от 07.05.58).

Дорогой друг!

Очень рад был получить Ваше письмо — я уж, по правде, и перестал его ожидать. Вы удивляетесь моей памяти? А в свое время я так же удивлялся Вашей. Помните Ваш фокус — пятьдесят слов по порядку и в разбивку и ключ к нему? (кажется, — первый десяток — предметы города). Я месяца два тому назад вспомнил это и показывал своей племяннице. Писать о себе: это тяжело, долго и страшно, об этом надо лично, да и это не все сумеешь рассказать, — но коротко попытаюсь. Я многострадальнее Вас. Вы попали, очевидно, на рудник, а я на «прокаженку» — 23 километр. Очень много нужно, чтоб колымчанин окрестил лагпункт «прокаженкой», — и это многое там было полностью. Вы умирали в проклятом сарае стоя, мы дохли в брезентовых палатках лежа. Только и разница. Зимой я из палатки выходил только раз — посмотреть сполохи, предвещающие войну, а в августе, когда она наступила — нас собрали и по инвентарному списку погрузили на тот же «Дзержинский» и повезли на Большую Землю. Там в бухте Находка то на земле, то на нарах, то на больничной койке я провалялся год. Умирал, умирал и не умер. (Помните, Вы както мне говорили, что если случится железнодорожная катастрофа, то погибнут все, кроме Вас, — Вы столько пережили, что бессмертны. Вот таким же Вечным Жидом чувствовал себя и я). Когда выяснилось, что я уж и не умру, меня вместе с другими кащеями погрузили в товарняк и повезли. Довезли до крошечного (4 л/п) лагеречка «Средняя Белая» и сбросили. Представляете — сибирская степь, ни дерева, ни полена дров, помещение — землянка. Когда утром моют пол — паршивенькая желтая лампочка не видна от влажного тумана, барак плавает по озеру грязи — из досок бьют бурые фонтаны. Мы сожгли все полы, все крыши, сортиры, квч, еще черт знает что. Вшей сгребали горстями, ибо в бане давали только с поллитра теплой воды. (Помню: раз нам тупейшей бритвой бреют лобки, — мы орем — все холодное помещение набито желтоватыми беззадыми телами, рядом на почетном месте сидит влюбленная парочка: нач. санчасти в бобрах — прехорошенькая дурочка лет 22 и пьяная тупомордая скотина опер в болотных сапогах. Они, далекие от всей земной скверны, объясняются в любви. Он говорит: «Люблю!» Она туманно тупит глазки и качает головкой: «Не верю, это у вас от тоски!» А кругом мат, рев, вой, они ничего не слышат). Тут в этой степи я опять стал сдыхать и так быстро, что меня зимой 43 года еле-еле успели выбросить (по актировке) за ворота. Доехал до Алма-Аты. Здесь, лежа в больнице, я написал большой роман «Обезьяна приходит за своим черепом» — собственно говоря, написал только первые две части и забросил. Надо было вертеться и зарабатывать дневное пропитание. Работал сценаристом на фабрике, преподавателем в кино-школе, преподавателем в студии театра (в первой — вел теорию драмы — по Волькенштейну!, — во второй — курс по Шекспиру, это уж сам по себе), редактировал и переводил, переводил, переводил. Один товарищ взял у меня роман и повез к Чагину. Вдруг телеграмма «Роман вызвал положительные отзывы, шлите остальные части». Стал приводить в порядок черновики. Вдруг статья в «Звезде», в «Правде», и меня начинают бить местные прянишниковы — мои братья-писатели. К тому времени я написал повесть о Шекспире — «Смуглая леди» — это о рождении «Гамлета» (о черной даме, о сонетах, об Экссексе и Елизавете) — меня и за нее продернули! И вот в «Известиях» — громовой подвал некоего П. Кузнецова (делателя акынов) о безыдейном юродствующем богемце с богатым прошлым. Об известном всему городу «пройдохе Домбровском», который... ну и т. д. Ну, думаю — смерть, но оказывается не тут-то было. Во-первых, Чагин (директор «Московского рабочего») поднял скандал. Призвали Кузнецова: «Читал роман?» — «Нет, не читал». «А писал?», «Писал», — выгнали из «Известий». Потом телеграмма от М. Шагинян: «Прочитала «смуглую леди», считаю превосходной вещью, прекрасно вскрывшей сонеты Шекспира. Фадеев, Шагинян». Потом телеграмма от Лавренева: «После долгих боев удалось отстоять Вашу прекрасную вещь. Берем ее в «Звезду», — и т. д. Отзывы, триумф. Итак, чувствую себя «Калифом на час». Приезжаю в Москву и захожу к Вашей сестре. Вы знаете, что я увидел и как она жила. Обещал зайти на другой день, и тут опять «чижа захлопнула злодейка западня». На этот раз — Тайшет, спецлаг, номера, два письма в год и прочие маленькие радости. Что тут пережил и что делал — об этом, разумеется, только лично, ибо — это поистине неописуемо. В 55 году освобождаюсь (десять лет заменили на шесть). Роман уничтожен во всех редакциях — и все-таки нашел один экземпляр (сохранили в КГБ) и ныне сдал в «Новый мир», где прозой заведует тот же Лавренев, а что из сего выйдет, не знаю. Может быть, и ничего. Сейчас:

1) Жду реабилитации — из моих четырех дел — три похерены за «отсутствием состава», четвертое наполовину — вот добываю эту половину.

2) Пишу повесть о Шекспире «Вторая по качеству кровать» (это о его смерти и взаимоотношениях с женой, которой он из всего своего имущества завещал только эту «кровать»).

3) Ожидаю всего хорошего, ибо оно, конечно, так же неизбежно и исторически обусловлено, как и то плохое, что мы с Вами пережили. Худ. Страшен. Беззуб. Не женат (вернее, был много раз женат и поэтому холост), но все равно повторяю из Сервантеса — на титульном листе первого издания «Дон-Кихота» был нарисован сокол со скинутым колпачком и написано по латыни: «После мрака надеюсь на свет». Ведь мы тоже не то Дон-Кихоты, не то Кюхельбекеры. Пишите, дорогой. Я Вас очень хорошо помню и часто вспоминаю. Очень, очень рад, что у Вас все так хорошо кончилось. Ничего! «За битого двух небитых дают». В искусстве-то это, во всяком случае, так. Жму руку. Пишите скорее.

Ваш Домбровский.

Часовня-памятник в Хабаровске на месте массовых захоронений расстрелянных. Открыта в октябре 1990 г. Построена на пожертвования.

Библиотека Мемориала

— У нас была великая эпоха.
Э. Лимонов.

Мое поколение — это поколение несчастных людей... Это поколение жалких людей... Людей, обделенных Богом...
Василь Быков.

Наш островок ГУЛАГа

Всеобщий и жгучий интерес к трагедии людей, побывавших в ГУЛАГе, выживших или навсегда исчезнувших на его бесчисленных островах, быстро достиг предела и стал угасать. Это естественно. Хуже, когда люди, утолившие свое элементарное любопытство, становятся агрессивно-категоричными: «Хватит! Надоело! Сколько можно плести эти небылицы о лагерях! Вплоть до сакраментального: «Народ устал!» И все же никуда не деться от простой истины, что все мы жертвы ГУЛАГа, независимо от возраста и места жительства, а сама тема еще далеко не исчерпала себя.

Наш детский дом, где я жил с 1946 по 1949 год, находился неподалеку от Караганды в поселке Компанейске. Семьсот человек — от семи до семнадцати лет — размещались в 24 глинобитных мазанках, у которых даже крыша была глиняной, и мы каждое лето сами их ремонтировали.

Казахстанская степь в этих местах выглядела тогда вполне сурово. Зимой донимали свирепые бураны, летом жаркий ветер сек по лицу крупным песком. К востоку от нас был Экибастуз, где старался выжить солженицынский Иван Денисович, к западу — знаменитый впоследствии своим восстанием горнорудный Кенгир. И всех нас спасал карагандинский уголек, горевший в печах непрерывно всю долгую зиму. В каждой мазанке огонь поддерживали дежурные и, не приведи Бог, кому-то из них заснуть, прозевать топку! Ведь никаких дров во всей округе не найти, чтобы вновь разжечь уголь.

Строго говоря, территория детдома уже не была лагерной зоной. Вместо колючей проволоки по ее периметру стояли столбы, соединенные обычной гладкой проволокой, никаких вышек, никакой охраны. Население поселка составляли поселенцы, то есть люди, отсидевшие свой срок и обязанные теперь жить и работать здесь без права выезда. С охраной и строем на шахты водили только пленных японцев, с которыми мы, мальчишки, поддерживали нормальные деловые отношения. Хлеб и сахар шел в обмен на оригинальные японские поделки, ножички, а также экзотические приемы борьбы. Очень долго весь детдом выбивал дробь костяшками пальцев и набивал мозоли на ребрах ладоней, чтобы лихо раскалывать одним махом кирпич.

В послевоенное время к детям, которые лишились родителей в период Большого террора, прибавились те, кто потерял родных в войну. Другой категорией «самых счастливых на свете детей» стали маленькие чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары... Интернационал был полный. В нашем третьем отряде, кроме русских, мне помнится казах Бейменов, туркмен Турдыев, немец Газенкампф, молдаванин Чебан, ингуш Магомедов, чеченец Аббасов, еврей Минкин, кореец Ким...

Но происхождение и национальность не имели никакого значения, потому что ценились, в первую очередь, вечные принципы людей, вынужденных жить и выживать в ненормальных условиях. Смертным боем били сексотов. Несмываемый позор и бойкот были уделом воришек, посягнувших на скудную собственность товарища. Неприязненное отношение всегда чувствовали жадюги и жмоты. Конечно, в почете был крепкий кулак, но любителей размахивать кулаками направо и налево быстро приводили в порядок. Принцип справедливости — вот что, пожалуй, являлось главным во всех спорах и толковищах «сопливых острожников».

Многие детдомовцы за свою короткую жизнь успели повидать полстраны, скитаясь по вокзалам, рынкам, попадая в детприемники-распределители. Вечерами у горящей печки не было нехватки затейливых рассказчиков, так что дневные школьные программы существенно подправлялись малолетними знатоками истинной жизни.

По сути дела, наша детдомовская общность являлась своеобразным отражением той большой зоны, которая была вокруг. Весь наш жаргон, кодекс поведения, действия, привычки до предела насыщались словами, поступками, имитирующими взрослых. Долгое время я не мог нигде найти термина, которым у нас обозначалась пайка хлеба. Но вот в повести Ф. Сучкова «История Алпатьева» (Звезда, 1991, № 3) наконец-то нашел: «Горбушка — заветная для зэка часть буханки. В отличие от **птюхи**, средней части буханки, горбушка отличалась большей калорийностью, так как в ней меньше воды»! Вот и мы всегда предпочитали горбушку птюхе.

Мы были наслышаны о **скверных** порядках в других детдомах, где обслуживающий персонал крал все подряд. Но у нас порядки были иные. От директора до повара — все вышли из политических лагерей, отличались честностью, свято верили в непогрешимость дела партии. Для нас это оборачивалось истинной заботой о питании,одежде, учебе, спорте, как бы ни были скудны тогдашние нормы снабжения. Мы смутно ощущали, что жена знаменитого летчика, ходившая зимой в кожаном шлеме, никак не могла быть врагом народа. А завуч детдома, которую нарекли «каргой», на самом деле женщина добрая и ворчит только по делу. Чего никто не мог толком объяснить, так это появления учительницы пения родом аж из Австрии. На многое глаза открылись гораздо позже, многое до сих пор еще не совсем понятно.

Как бы не называли прошедшую эпоху, как бы ни жалели нас за нашу ущербность, но это была наша эпоха, это была наша жизнь. О ней нужно знать и помнить, хотя бы для того, чтобы никогда больше не производилось столь жестоких опытов на живом теле нашего народа.

Арк. Балканов.

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

Дмитрий Борисович Вышегородский написал уже несколько прозаических произведений в жанре беллетристики. Специально для «Котлована» он задумал автобиографическое повествование под названием «Путь на Голгофу». В этом выпуске мы предлагаем вниманию читателей фрагмент первый — «Арест».

Последние выстрелы отгремели второго мая. Черная пелена дыма над Берлином постепенно спадает, рассеивается, и сквозь нее пробивается несмелое еще, но уже мирное солнце. Уже послевоенное. Завершена тяжелая, страшная, кровавая война.

Боже, сколько надежд, мечтаний, мыслей связывал простой русский солдат с этим днем...

— Мы живы! Мы счастливы! Мы будем жить! Уже нас не убьет ни бомба, ни мина, ни шальная пуля!

Так думали тогда мы все, и я в том числе — офицер-артиллерист 4-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии 1-й гвардейской танковой армии.

Мы забыли (а многие и не знали), что существует сила, которая страшнее войны. Дикое, злобное чудовище, питающееся плотью и кровью собственных сограждан.

И это чудовище не только не повержено — наоборот, после победы оно набирало силу. Стало еще более злым, наглым, непредсказуемым.

Получалось, что войну выиграли вовсе не мы — солдаты и офицеры — нет! Это оно выиграло войну, войну против собственного народа, и теперь праздновало свою победу.

С первых же мирных дней стали пропадать из частей солдаты и офицеры. А когда кто-нибудь интересовался кем-нибудь из пропавших, отвечали:

— Вам это знать необязательно. А будете проявлять нездоровое любопытство, постараемся его удовлетворить иным способом...

Арестован я был в начале сорок шестого года, а если быть точным — 2 февраля 1946 года. По доносу некоего Монахова. Этот негодяй с капитанскими погонами был одним из штатных доносчиков ОКР. СМЕРШ (в то время их называли «сексотами»).

Произошло это следующим образом.

Из полка я получил направление в отдел кадров нашей армии, который размещался в Дрездене. Сейчас уже не помню на какой улице.

Отправился я туда налегке, с планшеткой и полевой сумкой, так как наше начальство заверило меня, что за чемоданом я успею заехать позже.

Начальник отдела кадров был безмерно удивлен моим приездом.

— Мы вас не вызывали...

Тут звонит телефон! Он поднимает трубку, и будто весь вытянулся.

— Да! Понял! Так точно! Слушаюсь!

Повернулся. Внимательно, даже как-то со скорбью посмотрел на меня.

— Вам надлежит пройти в следующий подъезд. На второй этаж. Вам все понятно?

Начало зимы. Яркий солнечный день. Я выхожу из темного подъезда на прямое солнце. Зажмурился... Даже не заметил, как подлетели ко мне двое в военной форме. Скрутили руки, втолкнули в машину. Там уже сидят энкавэдэшники.

— Оружие! — визгливо крикнул один, что сидел рядом с шофером.

— Какое оружие! Убывая из части, я сдал пистолет.

Но они не поверили. Обыскали меня, выпотрошили полевую сумку, выбросили мое личное дело.

Им оно больше не нужно. Все мои ордена, награды, прохождение службы на фронтах. Мое достоинство русского офицера. Все это — их не интересовало. Они знали совершенно точно: в армию я больше не попаду. И вообще я, по их разумению, никуда больше не попаду — только в тюрьму. А оттуда, естественно, в землю.

Дальнейший мой путь, по представлению этих людей, был точен и прям. В нем не могло быть никаких неожиданностей. Ничто не могло нарушить раз и навсегда установленный ритм, освященный высшей властью Сталина. Вопрос о моей виновности (или невиновности) их совершенно не интересовал.

Позже следователь дал мне соответствующую установку:

— Советская власть невиновных не сажает...

Это совершенно верно! Ты не виновен в том преступлении, которое на тебя «вешают», но ты — «объект». Сегодня ты, завтра Петров, послезавтра Сидоров. Тебя берут и из одного качества переводят в другое — заключенного. А в какой срок это свершится, зависит от следователя, не от тебя. Ты можешь признавать свою вину или не признавать, подписывать или не подписывать протоколы допросов. Ты все равно будешь осужден!.. Подпишешь протокол — меньше будут бить, не подпишешь — запросто могут оставить калекой. Смотри сам — что тебе больше подходит.

Машина, в которую меня так злобно втолкнули, виляет по малознакомым улицам Дрездена, проскальзывает в какие-то темные переулки и... останавливается возле того же дома, откуда начался мой арест.

Это «чекистское» воздействие на «объект» настолько грубо, картинно и непрофессионально, что впору улыбнуться. Но улыбаться не хочется.

Втолкнули в темную комнату. Понемногу привыкают глаза... Колченогий стул, продавленный когда-то кожаный диван. Из него торчат пружины и бороды морской травы. За дверью — часовой. Он мерно цокает подкованными сапогами по паркету.

Никак не могу привыкнуть к мысли, что дальше нет ничего. Все! Конец! Мне двадцать два года. Я видел смерть на фронте не один раз. Правда, меня война лишь слегка опалила: одна контузия и легкое ранение по нашим фронтовым меркам — считай, ничего.

Здесь же я понял: осколок или пуля не пролетят мимо, как на фронте. Здесь они пущены в тебя и попадут только в тебя! Ты должен быть смят, уничтожен! Ты — «объект».

ПРИВИВКА ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА

Где-то в середине 86-го, мой друг сказал: «Я поверю в перестройку не раньше, чем увижу на прилавках «Архипелаг ГУЛАГ»...

Насколько появление в продаже «Архипелага» обеспечивает необратимость процессов, идущих в нашем обществе, наверное, можно спорить. Но то, что «внедрение» этой книги в массовое сознание не может пройти бесследно, кажется очевидным. Хочется как прививку привить ее каждому совершеннолетнему гражданину нашей страны.

Однако тиражи, да, пожалуй, и цена, к сожалению, препятствуют этому. Приобрести книгу могут далеко не все.

Возможно, именно поэтому Александр Исаевич Солженицын распорядился часть тиража (15 тыс. экз.) передать в дар бывшим узникам ГУЛАГа. Возложена эта миссия была на общество «Мемориал».

Каждое региональное общество должно было составить списки еще живых жертв репрессий, проживающих в их регионах и, получив по этому списку книги в Москве, раздать их.

Хибинское общество «Мемориал» получило разрешение некоторое количество экземпляров передать в дар «раскулаченным», что и было проделано в апреле-мае этого года.

Всего было роздано 44 экземпляра, из них 8 бывшим узникам ГУЛАГа, а 36 бывшим спецпереселенцам, проживающим в Кировске и в Апатитах. К сожалению, удовлетворить всех желающих не удалось.

Мы просим бывших заключенных, которые живут сейчас в нашем регионе (Кандалакша, Мончегорск, Полярные Зори, Кировск, Апатиты), и хотели бы получить в дар эту книгу, связаться с Хибинским обществом «Мемориал»

либо по адресу: 184200, Апатиты, а/я 215,

либо позвонить по телефону 3-24-09 в любой вторник с 18.00 до 20.00.

П. Б.

Что хранится в архивах МВД?

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Личные дела заключенных или, как раньше называли, тюремные дела — это большой фонд, хранящийся у нас на периферии. Хранятся на уровне УВД области, края, автономной республики. То есть, материалы всех ликвидированных лагерей, тюрем хранятся по месту их дислокации и ликвидации, также как и материалы общего делопроизводства, касающиеся организации работы лагеря, личного состава и личных дел осужденных. Но есть особенности хранения. Постоянно хранятся личные дела осужденных, которые получают увечья или умирают в лагере. Дела на расстрелянных хранятся также там, где их заводили.

В старые времена, если человек освобождался из лагеря, дело его хранилось 10 лет, потом срок сокращался и теперь, по тем, кто сегодня освобождается из колоний, срок хранения дел — 2 года. Конечно же, по 58-ой, если лицо умерло в лагере, то личное дело его можно найти. Так было, скажем, с делом О. Э. Мандельштама. Поэтому дела всегда надо искать, прежде всего, по месту расположения лагерей.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ.

— О прочих делах, хранящихся в архивах МВД. Есть у нас большой фонд на 30 тысяч осужденных немецких военнопленных и других граждан, воевавших на стороне фашистской Германии и Японии, осужденных военными трибуналами. Сейчас проделывается большая работа по составлению списков военнопленных, умерших у нас. Японцам такой список уже передан. Много обращений по поводу судеб бельгийцев, французов, норвежцев.

— О подчиненности архивов МВД и передаче дел. В республиканских, автономных и областных структурах архивы подчиняются информационным центрам УВД и ГУВД. Из районных и городских отделов ВД материалы передаются на хранение в областные и республиканские архивы.

— О сроках закрытости документов по новому подготавливаемому закону об архивном деле в СССР. Предельный срок — 30 лет. По определенной категории материалов сверхсекретный срок может быть продлен еще на 5 лет.

— О выяснении судеб «остарбайтеров» — восточных рабочих после репатриации. Для сбора сведений и передачи их ФРГ, мы запросили все наши подразделения, но материалы почти не сохранились. Кое-где в Зап. Украине сохранились списки угнанных, есть картотека на 2 миллиона 200 тысяч в Красном Кресте и материалы фильтрационных лагерей — в КГБ. Те, кто проходил через лагеря, смогут обнаружить какие-то следы, документальные свидетельства.

Наш адрес: 184200, Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. Заказ 1269. Тираж 1.500.

Ответственная за выпуск П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 3 (8) 30 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА Цена 1 руб.

СУД НАД КПСС — ДОЛГ ОБЩЕСТВА!

Аналогия КПСС с национал-социалистической партией Германии достаточно очевидна, в первую очередь — по масштабу и характеру совершенных ими преступлений. Поэтому идея нового Нюрнберга давно уже имеет права гражданства в общественном сознании. Однако нереальность суда над правящей партией, обладавшей реальной властью во всех сферах государственной жизни, включая правосудие, была столь же очевидной. Это подтвердили и предпринимавшиеся попытки, например, группой Сулакшина и другими.

Потеря КПСС власти в результате провала августовского путча (попутно увеличившего список ее преступлений) облегчает эту задачу. Задачу, выполнение которой — прямой долг общества перед миллионами жертв тотального террора, осуществлявшегося коммартией в период ее правления с октября семнадцатого по август девяносто первого.

Речь идет не о суде над «массой рядовых честных коммунистов», которые партвзносами, голосованием или как-то еще поддерживали и питали свою партию — это дело их совести. Речь о суде, который юридически обоснует (или отвергнет) правомочность определения КПСС как преступной организации и, в случае признания ее таковой — вытекающие из этого определения санкции и мероприятия.

Ссылки на то, что у нас в уголовном судопроизводстве ответственными считаются физические лица, но не организации — несостоятельны, ибо, как справедливо напоминает Ю. Феофанов («Известия», 12.10.91 г.) до Нюрнбергского процесса тоже еще не существовало соответствующего кодекса. Напомним, кстати, что процесс денацификации в Германии, включавший мероприятия по уничтожению НСДАП и ее подконтрольных организаций и обеспечению того, чтобы они не возродились ни в какой форме, был начат в октябре 1945 г., то есть за год до решений Нюрнбергского трибунала. У нас же, пока послепутчевые санкции против КПСС ограничены двусмысленными полумерами в виде «приостановки дентельности», генетики от КПСС плодят коммунистических мутантов — «Партия левых сил социалистической ориентации», «Социалистическая партия Таджикистана», «Народно-демократическая партия Узбекистана», «Социалистический выбор» и так далее. То есть налицо реальная опасность реанимации коммунистической доктрины с полным «боевым» комплектом генетически присущих ей методов претворения идей в жизнь.

Несомненна поэтому актуальность подготовленного Апатитским отделением «Демроссии» обращения в Верховный суд и Прокуратуру РСФСР с требованием суда над ВКП (б) — КПСС.

Обращение принято 26 октября на совете представителей «Демроссии» по Мурманской области, оно будет предложено съезду движения в декабре этого года.

Л. АРУТЮНЯН.

В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

В правовом государстве общество, наделившее властью соответствующие структуры правосудия, вправе требовать от них неукоснительного выполнения в их деятельности двух основополагающих принципов: неотвратимости наказания за преступные деяния и справедливости суда, определяемой как соответствие меры наказания степени тяжести преступления.

Мы считаем объективно подтвержденными историческими и архивными документами, вещественными материалами и свидетельствами очевидцев следующие факты, являющиеся непосредственным результатом деятельности ВКП(б) — КПСС как в процессе утверждения ею свой власти в стране, так и в последующий период многолетней партийной диктатуры:

1. Массовый террор против гражданского населения и попрание прав и свобод человека, выразившиеся в репрессиях и физическом истреблении миллионов людей в течение 1917—86 гг. по классовым и идеологическим признакам без суда и следствия и на основе фальсифицированных судебных дел, в том числе также:

— использование репрессивных методов для осуществления идеи коллективизации в 1927—32 гг., в процессе которого были во внесудебном порядке лишены имущества и сосланы миллионы сельских жителей;

— репрессирование после окончания второй мировой войны бывших советских военнопленных, приведшее к гибели и искалечившее судьбы сотен тысяч людей;

— осуществлявшаяся в 1944—47 гг. в качестве карательных акций против отдельных народов (крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и др.) депортация из мест исторического проживания, что сопровождалось их массовой гибелью по пути следования и может квалифицироваться, в соответствии с международными нормами, как геноцид;

— акции по репрессированию инакомыслящих в 1960—86 гг., с широким использованием, кроме мер уголовного преследования, также методов психиатрического террора и принуждения к эмиграции;

2. Организация искусственного голода в 1930—33 гг., унесшего на территории России, Казахстана, Украины и других республик несколько миллионов человеческих жизней;

3. Развязывание на основании неоправданных территориальных претензий войны с Финляндией в 1940 г., квалифицированной мировым сообществом как агрессия и унесшей сотни тысяч человеческих жизней с той и с другой стороны;

4. Вооруженное вмешательство во внутренние дела ряда суверенных государств для поддержки определенных политических режимов (Венгрия, Чехословакия, Афганистан), сопровождавшееся значительными человеческими жертвами.

5. Применение вооруженных сил в акциях против мирного населения (Новочеркасск, Тбилиси, Баку, Вильнюс), в результате которых погибли и были искалечены сотни людей.

6. Разрушение сельского хозяйства и экономики, вследствие чего богатейшая по природным и человеческим ресурсам страна находится в состоянии разрухи и полуголодного существования.

7. Погром церкви и планомерное истребление духовенства и интеллигенции, в результате которого оказались подорванными сами основы духовной культуры всех народов, населявших страну.

Учитывая эти и многие другие факты и принимая во внимание, что все перечисленное выше официально квалифицируется со стороны КПСС лишь как «ошибки», «отклонения от соцзаконности», «искажение идей» и

(Окончание на 2-й стр.).

В номере:

19 АВГУСТА 1991 ГОДА
— стр. 2
30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
СТР. 3—4
БЕЛОМОРО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ К 60-ЛЕТИЮ НАЧАЛА СТРОИТЕЛЬСТВА ББК
— СТР. 5

КОЛЮЧЕЕ КРУЖЕВО

СЕМЕН ЛИПКИН

Там, где вьется колючее кружево
То сосной, то кустом,
Там, где прах декабриста Бестужева,
Осененный крестом,
Там, где хвоя, сверкая и мучая,
Простодушно-страшна,
Где трава ая-ганга пахучая,
Как лаванда, нежна,
Там, где больно глазам от сияния
Неземной синевы,
Где буддийских божеств изваяния
Для бурята мертвы,
Где дрожит Селенга многоводная
Дрожью северных рек,
Где погасли и Воля Народная,
И эсер, и эсдек, —
Мы великим надгробья высечем,
Мы прославим святых,
Но что скажем бесчисленным тысячам
Всяких — добрых и злых?
И какая шаманская мистика
Успокоит сердца
Там, где жутко от каждого листика,
От полета птенца.

Библиотека Мемориала
Из архива Мемориала

19 августа 1991 года

С первых часов путча «мемориальцы» на улицах города — у здания Верховного Совета России, на площадях и проспектах — они возводят баррикады и защищают их, они передают информацию о передвижениях военной техники и частей, ведут пропагандистскую работу, пишут и размножают листовки, из «Дома «Мемориала» поддерживают связь с демократическими силами по стране и за рубежом...

А. Соколов, член правозащитной группы «Мемориала», врач, провел у здания ВС России, на баррикадах у Белого Дома три дня и три ночи...

«В 7.15 утра позвонили. «Привет. Военный переворот». Договорился с Олегом Орловым, что подъеду к Верховному Совету. Взял сумку, стетоскоп, шприц, антибиотики... Понятно, что рассчитывать следует на подобие литовского варианта. Спускаюсь в лифте, думаю — добраться до центра шансов мало, из моего Матвеевского вообще транспорт плохо ходит. Но тут повезло — догнал автобус. Люди в автобусе спокойны, разговоров о перевороте нет. Еще рано, около восьми, едут рабочие, техническая интеллигенция. Несколько человек все-таки принялось обсуждать происходящее, с явным одобрением.

В половину девятого добрался я до Верховного Совета. Решили с Орловым, что главное позаботиться об эвакуации «мемориальской» техники с Каретного. Поговорили о перспективе — люди, видимо, будут собираться у Белого Дома, а здесь проще всего устроить им мышеловку... Так действовали бы заговорщики, если бы голова у них была...

Поехал в «Мемориал». Там информация — в 12.00 на Манежной площади митинг. Ельцину удалось выехать из пригорода, из Архангельского, в Москву. У нас, на Каретном, Даниэль и Рогинский написали первый текст — заявление «Мемориала» с оценкой ситуации. Сформировали мы группу — человек десять — идти на Манежную. Пошли переулками, чтобы не отсекли. Взяли плакат с портретом Сахарова. На Манежной уже толпа небольшая, метров 20 радиусом. Иванов из Российского народного фронта с мегафоном, пламенные речи. Миша Печуро выступал... Утешало, что на митинг пройти всем разрешили.

Странное впечатление — с одной стороны, переворот, суровые заявления, с другой, никаких следов боевой техники, милиция смотрит спокойно. Ощущение, что эти чрезвычайные комитетчики боятся испортить репутацию. Запада боятся... Пока шел митинг, стала подходить боевая техника — пять-шесть бэтээров, грузовик... Когда они подошли, люди их задержали, бросившись вперед. Сначала что-то гневно кричали солдатам. Потом тем, кто кричал, объяснили, что надо попытаться договориться. Солдаты не знали, что произошло. Знали только, что Горбачев смещен. В каждом бэтээре сидел офицер, что было необычно. Впереди шла штабная машина с замполитом части. Он вышел, начал разговаривать с людьми. Сопровождало его двое автоматчиков. Офицеры сказали, что машины пришли без боекомплекта. Даже предложили желающим посмотреть внутри, убедиться... Люди начали потихоньку забираться на броню, потом командир их согнал. Дальше машины двигаться не могли, стоять на месте, чтобы агитировали люди солдат — смысла не имело.. Командир скомандовал возвращаться...

В это время с улицы Горького начали скатывать троллейбусы и ставить поперек, чтобы следующий раз техника сюда не прошла. Поставили троллейбусы и от здания гостиницы «Москва» к дому Совмина СССР — так получились первые две баррикады.

Делалось все это весело, настроение было хорошее... Со стороны Красной площади, все это время дорога была перекрыта, стояли автобусы с милиционерами. Они не вылезали. Народ прибывал, его становилось на площади все больше. Раздались крики — «танки!», действительно проехал танк... Но ощущение серьезности происходящего не появлялось. Какая-то была недоделанность в этом перевороте.

Мы обошли здание гостиницы, подошли к Большому театру. Там стояло несколько военных машин, в центре — БМП, вокруг солдаты с автоматами — не пропускают внутрь кольца, которое сами образовали... Свалены в кучу какие-то технические приспособления, по всей видимости, для резки колючей проволоки. Эмблемы в петлицах — связистов. Их, как известно, любит использовать КГБ. Подъехали к военным две «Волги», похоже, что машины с сотрудниками той же организации (по некоторым приметам на машинах похоже). Но возник конфликт между военными и пассажирами машин. Офицеры их выгнали, это было видно. Впечатление, что военные неполняют свое задание с большой неохотой.

Мы пошли назад. У «Москвы» стоит несколько бесхозных троллейбусов, рядом водители... Я предложил переставить их к выходу метро «Проспект Маркса». Крикнули людям из толпы — никто не шевельнулся. Когда начали толкать с водителями троллейбусы, сразу нашлись помощники. Толкали мы троллейбусы мимо молча наблюдавших милиционеров, буквально, в двух метрах от них...

На площади я встретил Сашу Магида, представителя «Эмнисти Интернейшнл» в Москве. Он рассказал, что с утра к нему явился участковый и предложил расписаться на постановлении об аресте на дому. Саша расписался, милиционер постоял некоторое время в карауле у дверей, а потом ушел. Саша ушел вслед за ним, сходил на Манежную, потом отправился на конгресс соотечественников. Происходившее на Манежной его не взволновало.

В этот день удалось развести технику «Мемориала», спрятать ее по квартирам. Стали решать, что делать дальше. Видимо, настала пора собирать информацию по стране и передавать ее миру... Старая тактика... Но я, как врач, обязан был быть у Белого Дома, куда собирались люди. К тому же «мемориальский» опыт общественной активности должен был пригодиться — организовывать людей мы уже умели... Еще на Каретном мы посмотрели «Время», там проскочил поразительный сюжет, почти точно отражавший реальную картину событий. Многие решили, что это — конец путчистов. Теперь-то мы знаем, что это только один смелый комментарий, за который автор поплатился лишением работы на три месяца.

В 10 часов вечера мы были около Верховного Совета России. Шло распределение по отрядам, по баррикадам, это была в полном смысле слова самоорганизация. Кто-то сказал, что с другой стороны здания есть отряд, в котором нужен врач. Олег Орлов с помощью своего пропуска-удостоверения Верховного Совета сделал проход в оцеплении, так я попал в Сводный студенческий отряд. В тот день он назывался 6-я бригада, нумерация менялась каждый день, затем мы стали 18-ми, потом вторыми. Командир отряда — маленький мальчик, лет 20-ти, студент МАИ. С двумя своими друзьями он пришел на митинг, на Манежную площадь, увидел, что люди собрались идти к Верховному Совету, стал созывать студентов... К 10-ти часам вокруг него было человек 170. Каждого из них он подбирал себе сам, все его знали, все были разбиты на десятки, в каждой десятке был свой командир...

В отряде врач — студент-медик, второкурсник. Его знаний, конечно же, не хватало. Меня восприняли как деда, хоть были ребята и постарше меня. Я начал организовывать медпункт. Понял, что если что-то начнется, появятся раненые, выносить их будет некуда.

Мы находились на правом торце здания. Ниже нас по спуску к набережной была еще одна баррикада. По газону, чтобы нельзя было пройти, уложено проволочное заграждение. И всего две тропинки — одна вниз, к туалету, другая вверх, через баррикаду, достаточно тяжела для прохода... Ясно, что раненых в таких условиях не вытащить. Единственное, на что я рассчитывал, что в метрах в 10-ти был выход вентиляционной шахты. Можно было оттащить раненых за нее, там образовалось мертвое пространство, которое не нужно для наступающих.

Сама баррикада была сложена, в основном, из металлической арматуры, досок, каких-то металлических предметов. Переплетения погнутой арматуры образовывали такие сложные «ежи». Баррикады строились самими бойцами. Когда я только подходил к Белому Дому, навстречу мне вышла группа человек в пятьсот, отправлявшаяся на ближайшую стройку за материалом для баррикад. Процентов девяносто укреплений было сделано из строительного мусора с близлежащих строек. Я не видел завоза материалов для баррикад откуда-то специально, с заводов или баз.

Видел я и один стоявший рядом с баррикадами танк — боевую технику России, на всякий случай боекомплект у него взяли.

Взяв двух бойцов, я отправился на поиски центрального медпункта, надо было запасти воду для отряда, осведомиться насчет медикаментов. Мы прошли через баррикаду, с одной стороны торчали острые концы арматуры, с другой парапет... Здесь единственный раз я заметил некоторую напряженность на лицах. Еще ничего не было известно.

Пропускали нас свободно, как медслужбу. Добрались до медпункта, располагавшегося между 1 и 2 подъездами. Там под окнами были свалены кое-какие медикаменты, перевязочный материал. Сидело человек десять. С удивлением обнаружил, что распоряжается здесь мой бывший старшина, с которым отбывал когда-то на сборах — Бабенко. Чувствовал он себя командиром, но в первую ночь все чувствовали себя достаточно автономно, подчиняться не собирались, каждый делал все, что мог. Я узнал насчет воды, попросил немного игл дополнительно, на всякий случай, штук пять мне дали... С тем и отправились мы обратно в отряд...»

19.08., 10.30

Сегодня ночью в Советском Союзе осуществлен государственный переворот. Прикрываясь лозунгами о консолидации, заговорщики пытаются перечеркнуть надежду народов на мирное демократическое развитие страны, вернуть ее под иго тоталитарного режима. Будущее России, других республик — под смертельной угрозой.

В этой критической ситуации мы призываем всех соотечественников сплотиться вокруг законно избранных демократических органов власти и всемерно поддерживать их в усилиях по восстановлению конституционного строя.

Защита демократического выбора наших народов — дело каждого гражданина!

Правление общества «Мемориал».

ОБРАЩЕНИЕ УЗНИКОВ СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ

(19.08., 17.00)

Солдаты и офицеры! Братья, сыновья, внуки!

К вам обращаются люди, прошедшие ужас сталинских лагерей. Вас привели в Москву, как во вражеский город. На вас пытается делать последнюю ставку потерявшая власть клика преступников, свергнувшая законное правительство. Вы стали заложниками в их кровавой игре. Они не задумаются под видом наведения порядка отдать приказ стрелять в народ и давить его танками. Сейчас они сулят обездоленным ими людям защиту, благополучие. Не верьте их обещаниям, вспомните — счастливую жизнь они обещали народу еще 70 лет назад.

Подумай, солдат! Не допусти, чтобы твоими руками была отнята у народа надежда на свободу и человеческую жизнь.

Мы призываем тебя исполнить свой долг перед страной.

Сплотимся вокруг законно избранного правительства России!

(«Мемориал-Аспект» № 6).

Суд над КПСС — долг общества!

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

т. д. и до сих пор не получило строгой юридической оценки;

отмечая, что КПСС так и не принесла извинений находившимся под ее властью народам за причиненные им неисчислимые страдания и духовные и материальные потери и не покаялась перед ними;

констатируя, что акции по приостановлению деятельности КПСС и национализации ее имущества, предпринятые в ответ на участие ее руководителей в августовском путче, юридически не обоснованы и в то же время никоим образом не соответствуют степени тяжести последствий деятельности КПСС за время ее многолетней диктатуры;

учитывая, что в республиках Средней Азии, Азербайджане, Белоруссии местные компартии не прекратили своей деятельности и лишь переименовались в новые партии, объявившие себя правопреемниками КПСС, а в России продолжают действовать ортодоксальные фракции КПСС («Единство», «Коммунистическая инициатива») и возникают новые («Левые силы социалистической ориентации», «Социалистический выбор» и др.), вследствие чего сохраняется опасность реанимации разрушительных для общества принципов идеологии и практики КПСС.

опираясь на признанные мировым сообществом правовые нормы, согласно которым преступления против человечности не имеют срока давности, рассматривая имевший место в 1946 г. в Нюрнберге судебный процесс над НСДАП как исторический процедент и оговаривая, что вопрос о персональной ответственности рядовых членов КПСС является делом совести каждого из них,

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Судебного процесса над КПСС как партийно-государственной структурой, обвиняемой в совершении за время своей деятельности в период 1917—1991 г. преступлений против человечности;

2. В случае признания КПСС в судебном порядке преступной организацией — решением суда направить конфискованные средства и имущество КПСС на возмещение ущерба пострадавшим от политических репрессий.

АМНИСТИЯ ДЛЯ ВСЕХ

17 сентября указом президента Ельцина были помилованы пять заключенных лагеря № 35 в Перми, осужденных по ст. 64 УК РСФСР (измена Родине).

Как сообщает «Независимая газета», некоторое время назад Комитетом по правам человека ВС РСФСР был подготовлен проект постановления об амнистии среди заключенных, но на «рабочий стол» Бориса Николаевича проект не попал.

В настоящее время работники Комитета по правам человека намерены вынести вопрос об амнистии всех заключенных на сессию ВС.

Елена Дунаевская

* * *

Гонят нас умирать на чужбине,
Чтобы лучше писалось вдали
От страны, что в смертельной гордыне
Мы отчизной своей нарекли.

Мы пришельцы, летучее семя...
Вот увяжет душа узелок,
И пускай ее гонит со всеми
Суховей вдоль разбитых дорог.

Пусть без нас зарастают осиной
Пустыри и больные кресты...
Не спрошу с тебя, матерь Россия,
За исчадий твоей правоты:

За ветвистые тени тиранов,
Что мою колыбель стерегли,
За дырявые сети обманов,
Из которых мы песни плели,

За избу, где жалеют напиться,
Где целую немытый порог...
Но детей беспощадные лица,
Я не знаю, прощает ли Бог?

Библиотека Мемориала

30 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Семен ЛИПКИН

Похороны

Умерла Татьяна Васильевна,
Наша маленькая, близорукая,
Обескровлена, обессилена
Восемнадцатилетнею мукою.

С ней прощаются нежно и просто,
Без молитвы и суеты,
Шаповалов из Княж-Погоста,
Яков Горовиц из Ухты.

Для чего копаться в истории,
Как возникли навет и поклеп?
Но когда опускался гроб
В государственном крематории, —

Побелевшая от обид,
Горем каторжным изнуренная,
Покоренная, примиренная,
Зарыдала тундра навзрыд.

Это раны раскрылись живые,
Это крови хлестала струя,
Это плакало сердце России —
Пятьдесят восьмая статья.

И пока нам, грешным, не терпится
Изменить иль обдумать судьбу,
Наша маленькая страстотерпица
Входит в пламя — уже в гробу.

Но к чему о скорби всеобщей
Говорить с усмешкою злой?
Но к чему говорить об усопшей,
Что святая стала золой?

Помянуть бы ее, как водится
От языческих лет славянства...
Но друзья постепенно расходятся,
Их Москвы поглощает пространство.

Лишь безмолвно стоят у моста,
Посреди городской духоты,
Шаповалов из Княж-Погоста,
Яков Горовиц из Ухты.

1958.

Статья 58 УК РСФСР 1926 года

Часть 1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

Часть 2 — подготовка вооруженного восстания — высшая мера наказания (ВМН),

часть 3 — сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями — ВМН,

часть 4 — оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению коммунистической системы — не ниже 3-х лет, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до ВМН,

часть 5 — склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям — ВМН,

часть 6 — шпионаж — ВМН,

часть 7 — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы путем противодействия их нормальной деятельности — ВМН,

часть 8 — совершенствование террористических действий, направленных против представителей советской власти — ВМН,

часть 9 — разрушение или повреждение в контрреволюционных целях железнодорожных или иных средств сообщений, помещений за-

(Окончание на 6-й стр.).

В июльском выпуске «Котлована» была опубликована первая глава документального повествования Дмитрия Борисовича Вышегородского «Путь на Голгофу», где рассказывалось, как он был арестован в Дрездене в начале февраля 1946 года. В этом номере мы публикуем следующий отрывок.

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

На ночь свет в комнате не гасят. Через каждые тридцать минут часовой открывает дверь и внимательно оглядывает комнату: не замышляет ли чего арестованный?

Утром:

— Встать! На допрос!

Идем роскошными дворцовыми коридорами, превращенными особистами в свиной хлев.

Картины и портреты содраны со стен. На обоях темнеют квадраты и торчат ржавые гвозди.

Кабинет следователя. Два стола. Один у окна, другой слева от входа. У окна — подполковник, слева — капитан.

Полковник улыбается, словно безумно рад встрече со мной.

— Ну-с, здравствуйте, гвардии старший лейтенант!

Молчу.

— Что, не желаете разговаривать?—Полковник несказанно удивлен... — Напрасно. Совершенно напрасно. Вы, может быть, не в курсе, куда вас доставили?

С каким удовольствием я влепил бы кулак в эту непитую обрюзгшую физиономию.

— Ну что ж, к таким как вы — злобным врагам нашего народа и лично товарища Сталина — мы применяем особые санкции. Их нам вручила партия большевиков. Предупреждаю вас последний раз: мы церемониться не будем. Капитан Приставакин, действуйте как положено!

Снова продавленный диван. Мерный счет шагов за дверью. Мысли тяжкие, беспросветные, даже не мысли, а так — обрывки, куски бывших когда-то мыслей. И основное в них, многократным эхом: конец, конец, конец...

— Встать!

Медленно поднимаюсь.

Два сержанта. Один — толстый, здоровый, красномордый, другой — щуплый, маленького ростика.

— А, ну, шевелись, гад! Что, на ходу спишь?

Повели куда-то вниз.

Большая комната, много света.

— Китель снять!

Отдаю китель. Хрясь, хрясь! — С мясом вырваны и брошены в угол погоны. Обернулся взглянуть на них, и тут же страшный удар в лицо. Удар настолько силен и так неожидан что я не устоял на ногах С трудом поднимаюсь. Перед собой вижу скулу красномордого сержанта.

Всю злость и силу, какая у меня еще оставалась, я вложил в этот удар. На меня обрушился мрак. Больше я ничего не помню.

...Тонкая струйка воды льется на лицо, шею. Не могу понять, кто меня так усердно поливает. Хочу глянуть — тело не слушается. Как после той контузии на фронте. Чуть пошевелил ногами — шевелятся. Попробовал руки — тоже вроде двигаются. Ну, слава Богу, кости, кажется, целы. Глаза... Правый видит какое-то красное пятно. Левый — почти полностью заплыл, только сквозь узкую щель виден кусок белого халата.

Хочу сказать, чтоб перестал лить, но сказать не могу — рот разбит. Получается что-то нечленораздельное, однако «белый халат» будто понял.

— Чо? Оклемался?—И понимая, что ответить я не в состоянии протяжно вздохнул — Ох-ох-хо...

Он поднимается, захватил с собой ведро и кружку — щелкнул замок камеры, уже настоящий, тюремной.

С огромным трудом забираюсь на топчан и снова проваливаюсь в беспамятство...

— Что, получил крещение от органов? — Передо мной довольный Приставакин. — Имей в виду, не последняя та крещения. Станешь запираться, врать, протоколы не подписывать — обратно окрестим. Понял? А теперь собирайся на допрос!

— Я никуда не пойду — требую прокурора!

— Што? Прокурора? Г... ты собачье. Я тебе и прокурор, и судья, и уся советская власть! — Ковырнул в зубах спичкой — Встать!

Но все эти «Встать!», «Пошел!» на меня уже не действуют.

Прокурор явился довольно быстро. Вернее, не явился — вкатился. Маленький круглый шарик на коротких ножках. Фамилия его была Солено-Цветиков. Но «Солено» он опускал и расписывался просто «Цветиков».

— В чем дело?

— Приношу вам жалобу. Меня избили.

— Ничего не вижу... И кто-же вас бил?

— Ваши палачи. Фамилии не знаю.

— Палачи, говорите? Я потребую, чтобы капитан Приставакин занес эти слова врага народа в следственное дело. Вам никто не позволит называть палачом советского чекиста! И он гордо удалился.

(Окончание на 6-й стр.).

Как Укроп Помидорыч чужую пайку караулил

Миханд Николаевич Невзоров родился в деревне Михеево Вологодской области. В 1933 году окончил 4-й класс начальной школы. На этом его образование окончилось, поскольку пришлось ему, как старшему из шестерых детей, помогать отцу кормить семью.

Немного спустя Миханла отправили на лесоповал в леспромхозе, в 50 километрах от родительского села, и оттуда начались его мытарства.

«В 1936 году, когда мне не было еще и 15 лет, влепили мне 2 года за то, что меня же ударили ножом в левый бок, и поплыл я сначала в колонию для несовершеннолетних, а потом уже в лагеря для взрослых. Когда началась война, я был в колонии в Таджикистане, и на меня был написан донос оперуполномоченному одним из таджиков, по фамилии Утамбаев, что я, мол, занимаюсь контрреволюционной агитацией. Почему он это сделал — я до сих пор не могу понять, я ему вреда никакого не сделал, да, по правде сказать, до суда я его и не знал вовсе. Так я стал контриком со всеми вытекающими последствиями...»

Сейчас Миханл Николаевич живет в Мурманске. Он прислал нам для публикации в «Котловане» небольшой рассказ. Место и время действия — Мариинская пересылка, 1943 год. Как написал он сам: «Рассказик маленький, но в нем есть свой драматизм того времени, хотя как смотреть, другим он покажется смешным».

Кто там был, тот знает, что лагерь просыпается очень рано, даже еще до подъема. Сначала идут за хлебными пайками в хлеборезку, потом за кипятком на кухню. А вот когда это все принесут, тут уж все просыпаются и выстраиваются в очередь. И если ты получил хлеб, то нужно, чтоб кто-то подержал пайку, пока наберешь кипятку. Вот тут-то и дал свою пайку Иван Кузьмич Укропу Помидорычу.

У Укропа Помидорыча сладко заныло под ложечкой, когда он взял в руки 550-граммовую паечку Ивана Кузьмича.

Сначала Укроп Помидорыч снял с пайки довесок, который был приколот деревянным клинышком, и даже не почувствовал, как его проглотил. Потом подумал и сказал себе: да и не было совсем довесочка. Потом немножечко отщипнул от верхней корочки. Потом еще...

Укропу Помидорычу было стыдно: ну как же я буду отдавать ощипанную пайку? А тут как раз и Иван Кузьмич вернулся с кипятком.

Не узнал Иван Кузьмич свою паечку. — Что, говорит, — Вы сделали с моей паечкой? Ощипали, как паршивого цыпленка. Куда подевались у нее корочки?

Укропу Помидорычу стало совсем стыдно, и не нашелся он ничего сказать существенного в свое оправдание. Пообещал только отдать завтра свой кипяточек.

Больше Иван Кузьмич свою паечку Укропу Помидорычу не доверял — кипяток калорий не имеет.

«БОЖЕ, РАЗРУШИ СОВЕТЫ...»

Папа никогда не говорил о своем отце, моем дедушке. И даже на прямые вопросы не отвечал, да я, по правде говоря, и не больно-то часто спрашивала. В голове сама по себе с детства жила некая смутная легенда про дедушку-священника, погибшего в начале 20-х годов, причем обстоятельства смерти все время варьировались — от гражданской войны до кулацкого обреза. Иногда дедушка оказывался расстригой.

И вот я держу в руках «Дело № 11217 в отношении Страхова Арсения Арсеньевича, 1883 года рождения, уроженца г. Весьегонска, русского, б/п, грамотного, служителя религиозного культа, лишенного избирательных прав».

Папка совсем тоненькая: ордер на производство обыска и ареста (от 13 ноября 1937 года), протокол обыска, анкета арестованного, четыре протокола, каждый по 2 листочка (один — дедушкин, три — свидетелей), три справки — каждая в осьмушку листа — из нарсуда, УРО и паспортного стола, квитанция на прием ценностей, изъятых при обыске (одна золотая монета десятирублевого достоинства), ну и обвинительное заключение с выпиской из протокола заседания Тройки.

Да и то сказать, за те шесть дней, что прошло от ареста до составления обвинительного заключения, много и не состряпаешь. Арестовали деда в воскресенье, 14-го. Допросы — и его, и свидетелей — датированы 18 и 19-м. Обвинительное заключение, составленное «Сержантом Гос. Безопасности» Благочевым К. Ф., подписано 20-м числом.

В нем читаю: «Страхов Арсений Арсеньевич, являясь служителем религиозного культа, под видом проповедей среди населения проводил к-р агитацию повстанческого характера (повстанческого характера — зачеркнуто, — П. Б.) выражал к-р измышления вел а/с агитацию против выборов в Верховный Совет СССР».

«А/с агитацией против выборов в Верховный Совет СССР», судя по материалам дела, являлась молитва: «Боже, разруши Советы, дерзающие на Церковь Твою Святую». В показаниях самого дедушки и одного из свидетелей, кстати, тоже арестованного «служителя культа Тугаринова», сказано, что эта молитва на протяжении нескольких лет читалась во время служб в храме.

Тройка же дополнительно вменила дедушке в вину хулу на Сталинскую Конституцию. В протоколах допросов эта хула выглядит следующим образом: «В июне месяце 2-го дня 1936 года дома у священника Хераскова Александра Ивановича, в ответ на тост за Сталинскую Конституцию, Страхов сказал: «Подождите хвастаться Сталинской Конституцией, рано начали радоваться, поживете — увидите...»

В этом же протоколе допроса свидетеля Николая Николаевича Никольского, тоже священника, но еще не арестованного, красивым почерком следователя Виноградова с завитушками и нажимом зафиксировано еще одно контрреволюционное измышление: «При Советской власти жить очень тяжело, не только нам (т. е. священнослужителям — П. Б.), но и всем живется тяжело». Впрочем, это свое высказывание дедушка в протоколе допроса отрицал.

И все.

Этого и так оказалось вполне достаточно для того, чтобы Тройка УНКВД Калининской области 2 декабря 1937 года вынесла следующий вердикт: «Заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет».

Дед не отбыл и года из этих десяти. И без того больное сердце не выдержало, и в июле 1938 года он скончался.

В свидетельстве о смерти, вроде бы не из тех «липовых», в которых родным расстрелянного безапелляционно сообщали о смерти от сердечной недостаточности или возвратного тифа, а нынешнем, «перестроечном», указано место смерти — Южжелдорлаг (Бурятия), причина — декомпенсированный порок сердца.

Информационный центр Иркутского УВД сообщил место захоронения — вплоть до ряда и номера могилы.

И справку о реабилитации по Указу из Калининской, то бишь Тверской прокуратуры прислали.

И даже вернули находившиеся в деле орденскую грамоту прадеда и старую фотографию какого-то явно к-р застолья, где дедушка отмечен чернильным крестиком, а на обороте почерком, похожим на почерк следователя, написано — Страхов А. А.

Чего же мне еще?

Чего еще я хочу от этого бесстыдного и бессмысленного государства, где молитва к несуществующему — по его, государства, понятиям — Богу рассматривается как преступление и карается, в конечном счете, смертью?

Не знаю.

Знаю только, что нынешнее заигрывание с Церковью вызывает тоскливый ужас и отвращение...

П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека Мемориала

РАССКАЗЫВАЕТ И-401

ПОБЕГ В ПУТИ

Первый очерк «Сталинский набор за границей» Иннокентия Николаевича Пасынкова (Котлован № 1 (6) кончался тем, что российские эмигранты, поверившие обещанням советского консульства в Харбине и оставшиеся в этом городе, постепенно «вылавливались» органами НКВД (СМЕРШ). В разных учреждениях города наскоро были организованы КПЗ, где и содержались эти люди, не воспользовавшиеся возможностью уехать. Автор очерков оказался в те дни в подвале бывшего японского консульства на Вокзальном проспекте в Новом городе (один из районов Харбина).

Следователь — капитан Соловей — вызвал меня только один раз. Разговор был не очень любезный, но до рукоприкладства не дошло. За те две недели, что я провел там, ежедневно и еженощно в подвал приводили и куда-то уводили харбинцев, мужчин и женщин. Понятно, что среди них были и знакомые, и друзья. Приветствовали мы друг друга грустной улыбкой, а иногда возгласом — «И вы тут!»

Лучше всего помню двоих. Первый — это Иллиодор Григорьевич Круглик, полковник старой русской армии, если не изменяет память — гвардеец Кексгольмского полка. Невысокого роста, стройный, красивое немолодое лицо. Вспоминается его колоритная фигура, много раз виденная на харбинских улицах — ходил он быстрой походкой, с нагайкой, в галифе и кителе. В Харбине он имел частную английскую школу Harbin English Secondary School, так как прекрасно владел английским языком. Так вот, в подвал японского консульства он попадал уже в четвертый раз и страшно возмущался этим. Да, был и такой метод, сбивавший всех с толку: арестовать, потом отпустить. Увы, этот раз оказался последним — больше его не отпустили.

Судьба сложилась так, что после нескольких перебросок с мучительными этапами он, я и его сын Володя, примерно моих лет, оказались в одном лагере на станции Азанка (Свердловская область). В суровую уральскую зиму Володя отморозил пальцы на обеих ступнях, так как на ногах у него были высокие японские ботинки, без стелек и портянок.

Никогда не забуду, как Иллиодор Григорьевич, устроившись в лагере на кухню, приносил Володе иногда драгоценность—ибо мы всегда ходили голодными — соленую рыбу, и при этом мне уделял столько же, сколько и сыну. Никогда не забуду добрые глаза и улыбку этого человека. Именно в тех нечеловеческих условиях проявлялся истинный человек или истинный «не-человек»...

Второй «сосед» по подвалу японского консульства — мой хороший знакомый Дюков, красивый мужчина средних лет, муж моей подруги детства Ады. Запомнилось, как, он пришел с допроса в ужасном состоянии — бледный, дрожащий, с разбитым носом и окровавленным после побоев лицом. Методы ГПУ-НКВД были одними и теми же — что в пределах СССР, что и вне их.

Помню еще одну красивую девушку — тогда они назывались барышнями — Т. Ц. Имени не называю полностью, так как она жива. Она попала с нами на Урал и прошла все круги ада. (Женщинам в лагерях было еще труднее, чем мужчинам). Сейчас живет в Средней Азии.

Как я уже говорил, конвейер НКВД работал энергично: кого-то приводили, кого-то куда-то уводили. Куда — мы не знали, но всякие мысли мелькали: уж не на расстрел ли? И вот пришла и моя очередь. Часов около одиннадцати ночи меня и еще нескольких человек вывели из подвала, усадили в газик и повезли куда-то. Хорошо запомнил я этот теплый сентябрьский вечер золотой манчжурской осени. Сколько счастливых дней, месяцев и лет оставалось за спиной, в недавнем прошлом, где были мы молоды и полны надежд, несмотря на большей частью трудное материальное положение. Наша молодость была нашим богатством и преимуществом...

Нас сопровождал один военный с оружием, кажется, старшина. На вопрос, куда нас везут, он ответил: «В тюрьму». А потом добавил: «Оттуда скорее освобождают». Это была еще одна ложь, подобная уверениям советского консульства: «Оставайтесь на своих местах и работайте спокойно, после таких великих побед все вы прощены». А сколько еще лжи было впереди!..

Тюрьма в Харбине была расположена на центральной Китайской улице, район назывался Пристань. Завели нас в коридор, а потом — в большую камеру, где было уже много харбинцев. Спали все на полу, без всяких постельных принадлежностей. В камере было огромное количество клопов, что вызывало горькую иронию: «И что это ранее тут не боролись с клопами?»

В тюрьме пробыли несколько дней. Каждый вечер и ночь во дворе тюрьмы звучали как одиночные, так и автоматные выстрелы. Что они означали? Кого-то расстреливали? «Опытные» люди в камере пояснили, что это обычный чекистский метод — запугать, обезволить арестованных. Проводилась, так сказать, профилактика побегов и бунтов. В чем-чем, а в этом чекисты преуспели.

Кстати, как потом оказалось, несколько харбинцев были расстреляны, но где? Все же — вряд ли в этом зловещем дворе без следствия и суда, скорее, где-то в другом месте, позже. Впрочем, как теперь выяснилось, сталинско-бериевская мясорубка перемалывала людей и просто по спискам, без следствия и суда...

И вот настал роковой день этапирования из тюрьмы за пределы Манчжурии. В этот сентябрьский вечер особенно долго и часто стреляли во дворе тюрьмы. Глубокой ночью по команде «выходи» (вещей практически ни у кого не было, так как брали на «несколько часов», как бы для выяснения «некоторых вопросов») вышла и «наша камера». Помню, как грузили в бортовые машины в окружении солдат с оружием, как потом везли по темным улицам в сторону вокзала, а потом — за вокзал, на какую-то отдаленную погрузочную площадку. Как всегда, все темные дела НКВД творились ночью.

Провожавших не было — увозили тайно, никто с родными не простился, и, как выяснилось потом, долгие годы ничего друг о друге не знали, многие и вообще не увиделись, семьи оказались разбиты, а кто и погиб в первые же годы и даже месяцы. Такие плевки в душу невозможно забыть и простить: это одно из тягчайших преступлений коммунистического режима.

В полувагоне с широкой дверью были сооружены нары с двух сторон от входа. Слева от входа разместились «европейцы», справа «азиаты» — это прочно осталось в памяти по причине событий, которые потом в вагоне развернулись. Кто именно со мной был в этом вагоне, уже не помню, но запомнился ярко Юрий Евфорицкий, которого мы выбрали старостой (старост выбирали и в камерах, и в вагонах по пути следования). Это был красивый рослый парень, с румянцем на щеках, с белоснежными зубами.

Ночью состав тронулся, это был длинный состав — этапировали сотни, а может и тысячи людей. Сразу выяснилось, что повезли нас на восток, в Приморье. Ехали дня три — точно не помню. В каждом вагоне был конвой — один или два солдата без оружия. Располагались они около широкой двери, частично приоткрытой, чтобы люди могли, извините, на ходу справлять «малую нужду». Перед отправкой были выданы сухие пайки (запомнилось японское консервированное мясо в пакетиках — это были военные трофеи от японцев). Водой снабжали во время остановок.

На второй или третий день пути случилось вот что. Железная дорога на восток в одном месте сильно петляет, частые спуски-подъемы, лес местами подходит почти вплотную к полотну дороги. К двери для «малой нужды» подошел один японец, в нижней рубашке, без кителя, в галифе и военных сапогах. И вдруг на повороте, когда поезд шел довольно быстро, он выпрыгнул из вагона, прямо в кусты, а далее — лес. Оружия у конвоя не было, и солдат, повиснув на поручнях двери, стал отчаянно сигнализировать рукой в сторону и головы, и хвоста состава. Остановился поезд не сразу, прошел довольно значительное расстояние, тем более, что шел по спуску вниз. Похоже, что беглец знал хорошо эту местность, знал, где прыгать. Гробовая тишина воцарилась в вагоне, все ждали «бури». Прошло несколько минут. В вагон вваливается группа военных: пьяный офицер, видимо, начальник конвоя (если не изменяет память, в чине майора), и несколько солдат с автоматами наперевес. В руках офицера пистолет, при нас взводит курок. «Ложиться всем лицом вниз, сейчас всех перестреляю!» — кричит майор, пересыпая слова матом. «Кто староста?» Выходит Юрий Евфорицкий, бледный, как полотно. «А ну, веди нас, ищи беглеца, если не найдешь, обратно живым не вернешься». Вся группа спустилась из вагона, впереди Евфорицкий. Идут томительные минуты, гробовая тишина царит как на русской, так и на азиатской половинах вагона, только иногда слышатся автоматные очереди где-то в лесу. «Неужели Юрия уже нет в живых? Или это автоматчики прочесывают лес?» — мелькают мысли. Ясно, что овчарок у конвоя не было.

Не помню, сколько времени прошло, но вот возвращается и Юрий, и вся группа с офицером и автоматчиками. «Обыскать нары, где лежал беглец!» — командует майор. Находят военный китель японца, а в кармане записка на японском языке. «Кто может перевести?» — спрашивает майор. Отозвался я, поскольку знал японский язык (окончил в Харбине Ориентальный институт). Записка была коротенькой, иероглифы были нацарапаны карандашом. Сейчас не могу восстановить весь текст записки, но хорошо запомнил слова: «Решившись на смерть, прошу не обвинять моих товарищей, это мое личное дело».

Что же было дальше? Майор резко переменил тон: «Ну что вы за глупые люди, зачем рисковать жизнью? Ведь вас же везут для проверки, а потом вы вернетесь обратно в Харбин. Вот перед вами была группа, так они вернулись обратно и сейчас живут на Гоголевской улице. Номер дома не помню». (Незадачливому майору спьяна, что ли, не пришла в голову неправдоподобность того, что вернувшиеся живут все вместе). Но поверить этой лжи мы уже не могли. Мы уже понимали, что к чему...

Потом мы спросили у Юрия, чем кончилось преследование беглеца. Конечно, ничем. А поезд долго задерживать было нельзя. Конвоира в вагоне у нас сразу же заменили, и какова была его судьба — не знаю. Режим в вагоне после побега стал строже.

Осталось поставить еще одну точку в этом рассказе. В последний день пути мы остались без сухого пайка (видимо, где-то поезд задержался, может быть, и из-за побега, а число пайков было строго рассчитано). Итак, поздно вечером в самом конце сентября (точно дату не помню) прибыли мы на станцию Гродеково, недалеко от границы, в Приморском крае. Началась высадка из вагонов, потом или транспортировка, или пешим строем — в поселок, а там завели в длинное, мрачное одноэтажное здание. Построили всех в длинном коридоре, офицер стал зажигать свечу в конце коридора, сопровождая этот «обряд» семиэтажным матом (сколько его, этого мата, звучало за все годы «великого сидения» со стороны всех и вся, от высоких начальников до самых «замухрышек»!). Староста спросил: «А ужин у нас будет? Мы сегодня не ели». — «Будет!» — последовал ответ, и это было очередной ложью. Так и легли спать на полу впроголодь. Здание оказалось школой, приспособленной под тюрьму, а мы — в одном из классов. Символично, не правда ли?

Об обучении в этой школе, растянувшемся почти на три месяца — в следующем очерке. В нем же я хочу рассказать о гибели замечательного поэта Арсения Несмелова.

И. ПАСЫНКОВ,
ветеран труда.

Фрагмент фотографии выпускников Ориентального института (Восточно-экономического института имени Святого Владимира), г. Харбин. Сентябрь. 1940 г.

Николай ТУРОВЕРОВ.

РЫЦАРЯМ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

(Стих прислан в редакцию И. Н. Пасынковым, сопроводившим его следующим комментарием:

«Это стихотворение было напечатано в «Рубеже», в конце 30-х годов. Туроверов служил в Африке во французском легионе и там написал сборник стихов «Африканская тетрадь». В Африке в иностранных легионах служило много русских офицеров и юнкеров»).

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла...
В Заоблье клубится, дымится
Седая февральская мгла.

Встает за могилой могила,
Темнее калмыцкая твердь...
А где-то правее Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Мятежную юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою.

Тоску безысходную гона,
Тревогу в морозных ночах,
И блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной, за Россию, поход.

К 60-ЛЕТИЮ НАЧАЛА СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОМОРО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА

«В КОНЦЛАГЕРЬ НА ЭКСПЛОАТАЦИЮ...»

(в материале использованы фрагменты книги И. Чухина «Каналоармейцы», 1990 г. и сборника «Канал имени Сталина», 1934 г.).

ОТКРЫТИЕ нового метода «перековки» сознания взрослых людей, преступников изнурительным трудом и соответствующей воспитательной работой было, одобрено величайшим пролетарским писателем Максимом Горьким в 1929 году после его посещения Соловецкого концлагеря. Ну, а кого нельзя перековать... 15 ноября 1930 года появляется новый очерк М. Горького под страшным названием:

«Если враг не сдается — его уничтожают». Кого же имел в виду литератор?

«Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, против нас все, что отжило свои сроки, отведенные историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается — его истребляют».

Война государства со своими гражданами продолжалась.

18 ФЕВРАЛЯ 1931 года Совет Труда и Обороны Союза ССР принял решение о начале «сверхударной» стройки — сооружении Беломорско-Балтийского водного пути (ББВП). На совещании И. Сталин сказал, что канал должен быть построен «быстро и дешево». Это было сооружение, грандиозное даже по сегодняшним меркам: более ста сложнейших гидротехнических объектов построены за 1 год и 9 месяцев. Построены при минимальных затратах металла и цемента. В основном, дерево, камень, песок. Построены без особой техники — топором и лопатой, зубилом и кувалдой. Однако особенность этой стройки не только в технических достижениях. Канал строили более ста двадцати тысяч заключенных.

Гигантский сверхударный ББЛАГ (Беломорско-Балтийский лагерь) ОГПУ начал свое существование осенью 1931 года: к этому времени на трассу канала была переброшена основная часть «валовой рабочей силы» УСЛОНа. «Каналоармейцы» — горделиво называл армию бесправных лагерников начальник Беломорстроя т. Коган. Минимум затрат государства на их питание, обмундирование, развитие «инфраструктуры» лагерного быта обеспечивал высокую экономическую эффективность трудоиспользования заключенных.

Группа уголовников и бытовиков, профессиональных преступников составляла один из «корпусов» каналармии. Сравнительно небольшая — тысяч десять, она была и наиболее привилегированной. «Среди вас, ребята, — говорил, обращаясь к уголовным т. Фирин, начальник ББЛАГа, — почти нет сыновей помещиков и фабрикантов. Вы в основной массе дети городской и деревенской бедноты, поэтому вы нам близки».

Иное дело—классовые враги, к которым уже в эти годы применялись две внекодексные статьи, краткие и жгучие, как тавро, аббревиатуры СОЭ — социально-опасный элемент и СВЭ — социально вредный элемент. Поскольку границы этих статей не были определены, то под них легко подводились и священнослужители, и кулаки. Ведь вредность и опасность при желании можно найти в любом. По ним, как правило, не было приговоров суда, а только выписки из протоколов органов ГПУ.

Второй, значительно больший по численности, «корпус» каналармии и составляли крестьяне, попавшие в лагерь в годы «великого перелома» по различным причинам: как кулаки, как саботажники «хлебозаготовок», как расхитители колхозного добра... Зачастую их выталкивала из своей среды как СВЭ родная деревня, подчиняясь нажиму ОГПУ или власти собственных недобрых инстинктов. Об этом свидетельствует, например, такой документ, хранящейся в деле о кулацкой контрреволюционной группировке в деревне Воротын Калинковического района Мозырского округа:

«Выписка из протокола Президиума Каплицкого с/совета Калинковического района от 13.02.30 г.

СЛУШАЛИ: об выселении кулаков из пределов сельсовета.

ПОСТАНОВИЛИ:

Выселить из пределов Каплицского сельсовета злостных и чуждых нам элементов в деле коллективизации и мероприятий партии и советской власти следующих граждан: Гуриновича Ивана Павловича, 2) Юркевича Григория Николаевича, 3) Гуриновича Михаила Павловича, 4) Круковского Ивана Васильевича, 5) Корбута Трофима Павловича, 6)Корбута Федора Ивановича, вышеуказанных гр. Каплицкий с/совет просить Органов ГПУ выслать из пределов Каплицкого с/совета по 1-й категории.

Выписка верна: уполномоченный ГПУБ».

И наконец, согласно документам оперчекистского отдела ББЛАГа ОГПУ, третий корпус каналармии составляли 60 тысяч так называемых «контрреволюционеров» (сокращенно «каэров»), то есть лиц, осужденных по ст. 58 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других республик. Ст. 58 содержала 14 частей, практически на все случаи жизни, объединенных общим названием — контрреволюционные преступления.

КАК правило, каналоармейцам вменялось в вину сразу по несколько частей, но наиболее «популярной» была часть 10 — к/р пропаганда или агитация, поскольку получить ее было легче всего.

В материалах следственного дела № 3433 о контрреволюционной повстанческой организации заключенных Белбалтлага сохранилась запись характерного рассуждения одного из каналоармейцев:

«...Смотрите-ко, нам урезали относительно хлеба, а сказать кому-нибудь невозможно. Сразу же вызовут в ОГПУ, а там получишь ст. 58—10. Это не раньше, что царя ругали, да и то, давали самое многое штраф рублей на 5 (пять). А если теперь поругаешь кого-нибудь из Кремля, Москвы — сразу же пойдешь в концлагерь на эксплоатацию...»

Каэры в отличие от социально близких советской власти уголовников не могли рассчитывать на покровительственное отношение лагерной администрации. Создаваемые, к примеру, в лагере с целью перевоспитания зэка в граждан СССР трудовые производственные коллективы, члены которых пользовались льготами в бытовых условиях и снабжении, содержали в своем уставе существенное ограничение: «Не могут состоять членами трудового коллектива заключенные, осужденные по ст. 58 (все пункты), 59/3 (бандитизм), 59/9 (контрабанда), 59/12 (валютчики).

Наступая неуклонным строем
На скалу, леса и плавуны,
Мы себя досрочно перестроим,
Мы вернуться новыми должны! —

так писал в лагерной газете «Перековка» С. Кремков от имени заключенных ББЛАГа, большая часть которых не являлась преступниками и не нуждалась ни в какой «перековке». И приучать к труду их не надо было. Недаром начальник ББЛАГа высказался как-то об основной рабочей силе на канале — крестьянах: «Да, замечательный они народ — люди от земли. Вкалывали — дай бог каждому. Полностью искупили свою вину перед народом, Советской властью».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ «ПЕРЕКОВКИ»

Восьмое, морское, где ранней весною
Усатые нерпы резвятся у скал,
Запомни — тебе пропускать пароходы
Из Белого в наш Беломорский канал.
Бойцы из восьмого, вы в темпах отстали,
У нас на сегодня прорыва провал!
Но слово ударника крепче ведь стали!
Вы тоже сказали: — До срока канал!
По-сталински данное слово держите!
В кулак соберите энергию масс,
Чтоб дней коммунизма грядущего житель,
Читая историю, вспомнил и вас!..

(«Перековка», 22.05.33 г.) (С. Алымов).

Из книги «Наказание без преступления» А. Авдеенко:

В одном из бараков писатели-москвичи неожиданно увидели своего собрата, поэта Сергея Алымова, автора любимой народной песни «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед».

Обступили, здороваются, похлопывают по плечам, задают вопросы, и среди них неизбежный и самый главный:

— Как ты попал сюда, Сережа? За какие грехи?

Саша Безыменский не удержался, чтобы не схохмить:

— Сережу прислали таскать танку по долинам и по взгорьям.

Все засмеялись, в том числе и Фирин.

Алымов даже не улыбнулся. Глаза его потемнели, как туча, набухшая дождем.

Пользуясь веселым и явно дружелюбным настроением Фирина, Безыменский сказал:

— Семен Григорьевич, не могу удержаться, чтобы не порадеть за собрата, попросить скостить ему срок.

— Уже скостили. Скоро Алымов вернется в Москву.

Сказал и удалился, сославшись на дела.

— Сережа, так за что же ты все-таки попал сюда? — без дураков, серьезно спросил Безыменский.

Каналоармеец Алымов махнул рукой, заплакал и полез на верхние нары.

Я был поражен тем, что и поэт почему-то тут, за колючей проволокой. Он-то за что?

ТАК И ВЫЖИЛИ

На своей родине я после выселения никогда не была, а родом я из Орловской области, Орловского района, деревни Желябовские Выселки. Раскулачили нас в 1933 году ,осенью, в сентябре или ноябре. Мне было тогда 11 лет. За что раскулачили — сами не знаем. Доставили со всей области в Орел, в церковь, 500 семей. При перекличке пять семей выкликнули — вроде как не принадлежащих к раскулаченным — наша семья была в том числе. Отец мой сказал тогда: зачем я вернусь? Если везут — кусок хлеба дадут, а умрем — значит суждено.

Так нас и повезли. Привезли в Беломорск, там через Беломоро-Балтийский канал в поселок Шижня, в бывший лагерь. Двухэтажные нары, между двойных рядов колючей проволоки ходил конвойный. Охранял. Режим тот же, что в лагере. Родители работали. Мужчины строили поселок в 20-ти км от Кочкомы, дома для себя. Кормили водой и «баландой». Голодом сидели. А на родине, в нашем доме, из которого нас выгнали (это потом рассказала крестная мать, младшая сестра отца, она очень плакала, когда нас бросили на подводу), оставили голые стены. Все выгребли, что на зиму заготовлено было, — хлеб, заработанный в колхозе, картошку, свеклу, морковь, капусту. А здесь с голоду пухли дети. Начался тиф. Когда поселок (он назывался Шиш) выстроили, увезли туда и нашу семью. Там умерла моя сестра. Смертность была страшная. В лагере ежедневно по 20—25 гробов вывозили.

Отец мой — Мурукин Иван Григорьевич, мама — Мурукина Евдокия Егоровна. Им было по 40 лет, когда выселяли. Отца убили всем этим. Приеду к нему уже в поздние годы, а он сидит в рубашке с продранными лохмотьями. «Папа, ты бы хоть рубашку надел». — «А зачем? Сейчас я как настоящий бедняк. Надену рубаху — буду опять кулак».

Отец с матерью всю жизнь работали, а последние годы в деревне без коровы жили. Раньше по деревням портные ходили, шили шубейки. В нашем доме они, видимо, сломали иглу и искать не стали. Под подмели, мусор выбросили во двор, и корова проглотила иглу. Начала болеть, а доляна была отелиться. Отец поехал за ветеринаром, пока ездил — корова околела. Вскрыли ее, достали теленка и иглу, стояла в сердце. А семья в это время была 8 человек. После этого три года собирали деньги, продавали яблоки и все, что можно было продать, и купили корову. Восемь месяцев прожили с коровой — стали колхоз создавать. Мы первыми в колхоз не пошли.

К нам пришли и отобрали корову. Это было в 1929 году. Четыре года до нашего выселения были опять без коровы.

Называли нас кулаками, а не кулаки мы. Носили тканое, на ногах были не лапти, а бахилы, спали на дерюжках и работали от зари до зари. Солнце всходит — в поле идут, солнце заходит — спать ложатся. Родители утром нас будили и давали нам задание: выполнить столько-то. Бабушка приготовит завтрак, зовет нас, станет искать, а мы в грядках досыпаем, маленькие были. Это кулаки? Отец был бригадиром в колхозе.

У отца был брат, церковный служка, его раскулачили раньше нас, и после раскулачивания (а жил он до этого в доме-завалюхе), отец взял его к себе. Отец имел такую бумажку, что мы принадлежали к середнякам, а не к кулакам. Председатель сельсовета взъелся: «Ты защиту ищешь, я тебе защиту покажу». Стали раскулачивать — и нас под метлу. Станешь вспоминать—и не понимаешь, как остались живы.

(Окончание на 6-й стр.).

Шижня (восьмое отделение) была самым отдаленным участком строительства. Здесь было севернее и холоднее. Здесь летом были еще белее ночи и зимой еще темнее дни. Здесь было дальше от дома, письма шли дольше, новости приходили позже. Железная дорога проходила стороной. Доставка снабжения была сильно затруднена.

Чувство оторванности порождало в людях отчаянность. Нигде не было такого злостного РУРа, как здесь. Наиболее упорные отказчики были именно в Шижне. Не желающие работать люди получали урезанный паек, но многие из них по-прежнему продолжали филонить. Их выработка была крайне низка. Это увеличивало прорыв на производстве.

Производственный прорыв ухудшал моральное состояние людей, и это разлагало лагерь. Плохо работая и переходя на уменьшенный паек, они вшивели и хворали. Лагерники давно заметили, что на отказчике вошь злее бывает. Это происходило оттого, что человек всячески опускался.

ТЕПЕРЬ мы знаем: вины не было. И знаем, каковы были жертвы на «сверхударной» стройке ББВП: более 50 тысяч жизней, хотя и не видно кладбищ по берегам канала.

Оставшиеся в живых каналоармейцы покидали Карелию. Одни освобождались, разъезжались по домам и новым стройкам. Других, еще не до конца «перекованных», увозили — на БАМ, на Москанал, на Кольский полуостров. А на их место, в бараки, еще хранящие тепло «перековки» уже гнали со всех деревень огромной страны крестьян, теперь — спецпереселенцев. Знать, и за ними нашли какую-то ужасную вину!..

Библиотека Мемориала

Только теперь перестала всего бояться

Уважаемый «Мемориал»!

Я бесконечно благодарна за такой подарок — книгу Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг». Мне очень интересно узнать о советских тюрьмах и концлагерях и сравнить с теми условиями, в которых мне с девяти до двадцати четырех лет довелось жить. И мне очень хочется рассказать, хотя бы вкратце о жизни, которую мне довелось прожить.

Мои родители кубанские казаки. Отец — Каширский Василий Васильевич, мать — Каширская Пелагея Яковлевна. Родители родились оба в 1885 году. Наша родина — станица Удобная, Краснодарского края.

Репрессии подверглось все казачество, но мой папа пострадал за то, что служил во дворе царя Николая. Из нашей станицы тогда подошло для гвардии царя только два человека. А выбирали их по росту, красоте, масти (как лошадей). Папа служил четыре года, примерно с 1904 по 1908 годы. По приходу домой занимался крестьянством, в революции не участвовал.

Когда началась коллективизация — папа вступил в колхоз, заведовал там пасеками. В колхозе проработали они с мамой три года, все что было отдали в колхоз. А после этих трех лет, нас посчитали кулаками, папу посадили и отправили — куда мы не знали. Это было в 1930 году осенью.

После ареста отца маму больную (она тогда потеряла здоровье и ходила на костылях) с двумя детьми (сестре — 12 лет, мне 9) отправили в ссылку. Родителям в то время было уже по 45 лет. Я была последним седьмым ребенком.

Нас, голых и голодных, привезли в калмыцкие степи, где не было ни рек, ни лесов. Вокруг поселка стеной стояла милиция. Вместе с зимой начались голод и повальная смерть. Мертвых собирали, как дрова, навалливали друг на друга и складывали в общую яму.

Мое детство кончилось в 9 лет. Сестра была больна, мама тоже и мне приходилось ходить выгребать из-под снега сухую траву, чтобы хотя бы подогреть воды. А вода была в очень глубоких колодцах и качали ее человек по десять, кадками. Мы, дети, тоже цеплялись, и нам взрослые давали воды.

И вот, мало того, что люди были чуть живые от голода и холода, так власти придумали травить мышей. Всех согнали в колхозный сарай, а в хатенки-мазанки из самана и глины налили жидкий газ. Потом в эти хибары войти и жить было невозможно до самого лета, так пропитались стены и глиняные полы жидким газом.

Через два года нашелся наш папа, его приконвоировали к нам. А пока папы не было, маму два раза сажали в тюрьму, и она сидела по полгода в одиночке, у нее требовали золото. Вообще, сажали всех по очереди и под пытками требовали золота.

Шли годы, мы взрослели, ходили в школу и, когда окончили седьмой класс, нам, молодежи, разрешили выехать на учебу, но только не в режимные города. В наших паспортах-листочках была какая-то статья, не помню какая именно. В комсомол нас не принимали, все нас презирали, и мы постепенно все возвращались на свою вторую родину, в кулацкие села.

Так мы жили и работали до начала войны. В первый год наших мужчин не брали в армию, а когда, видимо, людей стало не хватать, в два дня забрали всех. И они, как все, воевали, погибали, приходили калеками.

После войны всем разрешили выехать, но все равно клеймо осталось до сих пор.

Всю жизнь в анкетах приходилось умалчивать о своей принадлежности к кулакам, а то, когда узнавали, тут же находили причины от меня избавиться. Я только теперь, вот года два, открыто стала говорить о себе и перестала всего бояться. Но и здесь нашлась соседка по квартире, написала в милицию на меня донос: «У Хилько В. В. отец был барон, ее надо проверить». Я работала во вневедомственной охране и мне рассказали об этом. Вот так я и жила седьдесят лет на доносах и подслушивании.

Спасибо Ельцину, хорошо, что появился такой человек. Спасибо вам, что вы взяли на себя нелегкую миссию опекать отверженных, обиженных, униженных. Спасибо за все.

С уважением

В. В. ХИЛЬКО.

Наверно получилась исповедь нескладной, но писала от сердца. Дай Бог вам всем здоровья.

(Сентябрь 1991 г.).

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

(Начало на 3-й стр.).

Только на десятый день Приставакин смог возобновить допросы. Он требовал от меня признания, что я собирался удрать в западную зону Германии. Протоколы допросов я не подписывал.

Когда еще раз пришли «делать профилактику», мне повезло — удалось выхватить у щуплого сержантика цепь и огреть ею его самого. Сержантика вытащили волоком, а цепь осталась у меня. Самая обыкновенная, которую зимой одевают на колеса грузовиков, длиной сантиметров семьдесят. Зашита она была в длинный холщовый мешок.

В результате в моем деле кроме измены Родине стала фигурировать еще статья «сопротивление властям», но зато, мне удалось добиться того, что «физические методы ведения следствия» ко мне больше не применялись.

Несколько слов о самой тюрьме ОКР. СМЕРШ 1-й Гвардейской танковой армии, в которой я находился. Помещалась она в бывших винных погребах большой виллы.

Вину окна не нужны. По мнению особистов, они не нужны и заключенным. По коридору проходили трубы с горячей водой — вот и все отопление. От недостатка воздуха люди заболевали кожными болезнями, у них слезились глаза. В камерах, на которые были поделены подвалы — теснота и вонь от параш. Все это делалось нарочно для того, чтобы заставить подписать любую брехню, какую только вздумается повесить на тебя фашистскому режиму, именуемому советской властью.

25 апреля состоялся суд. Судил меня трибунал.

Зал. Четыре окна. Два стола стоят впритык, накрыты кумачом. У края стола молоденькая девчонка что-то усердно пишет. Передо мной квадратная морда — полковник. Слева — майор, и справа — майор. Сидят, всем своим видом давая понять: нас трое, но мы едины. Мы — трибунал!

Полковник раскрывает толстенный том — детище капитана Приставакина. Шевелит губами, что-то бормочет, не поднимая глаз. Только отдельные слова выплескиваются из ровной и гладкой навозной жижи. Я так ничего и не понимаю, кроме отдельных — «классифицируется», «назначается», «определяется».

Полковник поднимает тяжелый, опухший взгляд.

— Что вы можете сказать по данному делу?

— Какому делу? Я ничего не понял.

— Не стройте из себя дурака! Вы что, не знаете за что вас судят?

— Именно так. Я только знаю, что ни в чем не виноват.

Он вытянул указательный палец и покачивая им, раздельно произнес:

— Вы обвиняетесь в том, что собирались бежать в западную зону Германии, то есть изменить Родине. Что, впервые слышите?

— Нет, не впервые. Но я категорически отвергаю подобные обвинения и требую у суда защиты от произвола следователя и ОКР СМЕРШ.

Полковник рассмеялся самым натуральным образом и сказал:

— Трибуналу все ясно! Вина подсудимого полностью подтверждается следственным делом, а по сему гвардии старшего лейтенанта Вышегородского Д. Б. приговорить по статье 58-1б/19, статье 58-10 и статье... (номер этой статьи я запамятовал) к высшей мере наказания — расстрелу. Сделал паузу, переложил какие-то бумажки на столе, поднял на меня мутные глаза. — Но, учитывая заслуги, боевые награды ,а также добросовестное несение службы до сей поры, заменить меру наказания десятью годами лишения свободы, с отбытием в лагерях общего режима. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Через три дня я был уже в пересыльной тюрьме «Торгау», откуда ежемесячно уходили этапы в Россию — ту самую, которую я защищал, не жалея сил и крови, и именем которой «наградили» меня тюрьмой на долгие годы...

г. Апатиты.

ТАК И ВЫЖИЛИ

(Начало на 5-й стр.).

В нашей деревне в 1925 году выслали на Соловецкие острова одну семью. Через 6 месяцев вернули. Там они сидели на ржавой воде и на баланде. Жена, когда вернулись, она была беременна, — умерла в родах. За ней умерли еще трое детей. Отец похоронил всех и сам повесился, на поминальной вишенке. За что их?

И из Карелии нас выслали в 1941 году, сразу после начала войны. Маму, меня с полуторагодовалым сынишкой, брата, которого семилетним сбросили на ходу поезда, когда он ездил побираться из Кочкомы в Беломорск, после чего он остался больным, на всю жизнь, и несовершеннолетнюю сестру — отправили в Коми АССР на лесозаготовки. Из всех я одна трудоспособная. И попади мы на лесозаготовки, это могло стать гибелью для них. Помню, как начальник, занимавшийся набором, пимы с красными лентами, сумка через плечо, котомки мои попинывал. А у меня муж и брат были в армии. Брат мой, коммунист, офицер, погиб в Долине Славы. Добилась я тогда приема у секретаря райкома. Он в 24 часа приказал обеспечить квартирой, дровами, работой и доложить. Так и не отправили на лесозаготовки, так и выжили.

Ю. АВЕРИНА.

КУЗНЕЦ — ВСЕМ РЕМЕСЛАМ ОТЕЦ

Александра Григорьевна Пекарь была привезена в Хибины грудным ребенком в одном из первых эшелонов спецпереселенцев. Этот стих она посвятила их памяти.

Кузнец — всем ремеслам отец.
Дядя мой кузнецом тоже был,
Но какой-то сосед — тихосапый подлец
Клеветою его погубил.
Клеветник, как змея с подколодной норы,
Свивши злобу в клубок, яд хранит до поры,
А ужалит то так, что запомнишь навек,
Если с жалом его твой не кончится век.
Боже мой, миллионы безвинных людей
Палачами замучены были!
Предавали отцов, предавали друзей,
И про честь, и про стыд позабыли.
Ты, родная земля, всем замученным будь
Самой мягкой на свете периной,
Ну, а тех, кто казнил, тех тяжелый ждет путь,
Весь под стать их натуре звериной.

г. Кировск.

ЧАСТУШКА

С недородами, свадьбами, плачами
Да с ночными на скромных лугах
Вековала деревня у Пачелмы —
И в давнишних, и в ближних веках.
Переделали, перекачнули
Все, что жило, росло и цвело.
Уж людей до того раскулачили,
Что в кулак животы посвело.
И — бежать! Хоть ловили на станции,
Крестный стрелочник прятал до звезд.
Славу Богу, живем не во Франции,
За пять тысяч очухались верст.
Где в штанах ходят бабы таджикские,
Где на троицу жухнет трава,
Обкипятились семьи мужицкие —
И записаны все их права.
Здесь курносые и синеглазые
Собираются в день выходной,
И на дворике веточка Азии
Плачут вместе с частушкой хмельной.

Семен ЛИПКИН

Вниманию бывших спецпереселенцев

Сессией Апатитского Горсовета 22.02.91 г. было принято решение о признании бывших спецпереселенцев группой населения, имеющей право на получение льгот, аналогичных представленным необоснованно репрессированным гражданам. Оно было опубликовано в «Котловане» № 1 (6).

На основании этого решения Апатитским горисполкомом 20 сентября с. г. было принято решение № 227.

«В соответствии с Указом Президента СССР от 13.08.90 «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов» и решения IV сессии Апатитского горсовета от 22.02.91, исполком городского Совета народных депутатов

РЕШИЛ:

В пункт 2 включить категорию лиц, высланных в 30-е годы впоследствии восстановленных в правах и постоянно проживающих в городе Апатиты. Обслуживание указанных граждан производить согласно приложениям 2 и 3».

Упоминающиеся в решении приложения 2 и 3 были опубликованы в «Кировском рабочем» от 22.06.91 г.

Обращающимся за получением права на льготное обслуживание необходимо иметь документ, подтверждающий факт выселения. Такие документы можно получить по адресу:

183638, Мурманск, пр. Ленина, д. 64 Информационный центр УВД.

В письме в ИЦ необходимо указать имена, фамилии и годы рождения членов семьи, место проживания до высылки, год высылки.

За консультациями по этому поводу можно обращаться в Хибинское общество «Мемориал» по адресу: ул. Ферсмана, 20, каждый вторник с 18 до 20 часов.

Статья 58 УК РСФСР 1926 года

(Начало на 3-й стр.).

вода, складов и иных сооружений — ВМН,

часть 10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания — лишение свободы не ниже 6 месяцев, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс — ВМН,

часть 11 — всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации — меры соответствующих частей главы,

часть 12— недонесение о достоверно готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении — лишение свободы не ниже 6 месяцев,

часть 13 — активная борьба против рабочего класса и рев. движения, проявленная на ответственной или секретной работе при царском строе или у контрреволюционного правительства в период гражданской войны — ВМН,

часть 14 — контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их использование со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата — лишение свободы не ниже одного года, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до ВМН.

Наш адрес: 184200. Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. Заказ 1269. Тираж 1.500.

Редактор П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека Мемориала

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 4 (9) ДЕКАБРЬ 1991 ГОДА

Цена 1 руб.

Арсений НЕСМЕЛОВ

СНЫ

Ночью молодость снилась. Давнишний
Летний полдень. Стакан молока.
Лепестки доцветающей вишни
И легчайшие облака.
И матроска. На белой матроске,
Словно жилки сквозь кожу руки,
Ярче неба синели полоски
И какие-то якорьки.
Я проснулся. Упорно, упрямо
Стали сами слагаться стихи,
А из ночи, глубокой, как яма,
Отпевали меня петухи.
Но рождалась большая свобода
В бодром тиканьи бедных часов:
Одного ли терзает невзгода
И один ли я к смерти готов!
Где-то в белых больницах, в притонах,
В черных камерах страшной Чека, —
Столько вздохов, молений и стонов,
И над всем роковая рука.
У меня же веселая участь
Всех поэтов, собратьев моих, —
Ни о чем не томясь и не мучась,
Видеть сны и записывать их.

«...Когда бывший офицер царской армии Арсений Митропольский в 1924 году решился бежать из Владивостока на сопки Маньчжурии, через глухую тайгу и кишащие бандитами заросли гаоляна, — чудом было не его желание спасти жизнь, которой его, участника Ледового похода, очень бы скоро лишили, — чудом было то, что до Харбина, он все-таки добрался живым и невредимым. Как результат воспоследовала двадцатилетняя «отсрочка» в исполнении приговора. Из офицера успел вырасти большой русский поэт, но затем «авторское право» его все же настигло, и умер он «как положено», на полу камеры пересылочной тюрьмы в Гродекове близ Владивостока...»

Е. ВИТКОВСКИЙ.

Среди предков Ильи Константиновича Зеленого — одесский губернатор и «революционный» контр-адмирал. Его же самого чуть было не расстреляли как «польско-японского» шпиона.

(Об этом—в очерке «Репрессированная служба», стр. 8).

В НОМЕРЕ:

ПРОТОКОЛ С ОПИСЬЮ ЖИЗНИ
СТР. 3

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ
СТР. 4—5

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР В СТОЛЫПИНСКОМ ВАГОНЕ
СТР. 6

«ВЕСТИ МЕМОРИАЛА» В ОДЕССЕ И НОРИЛЬСКЕ
СТР. 4, 7

ОТ ТОРГАУ ДО ТЕМИРТАУ
СТР. 8

ЗАКОН ПРИНЯТ. ЧТО ДАЛЬШЕ?
СТР. 8

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О реабилитации жертв политических репрессий

За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Верховный Совет РСФСР выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами.

Статья 2. Настоящий Закон распространяется на всех советских граждан — граждан РСФСР и других республик, иностранных граждан, а также лиц без гражданства, подвергшихся политическим репрессиям на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Наряду с лицами, к которым непосредственно были применены меры принуждения, пострадавшими от политических репрессий признаются дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, а также подвергшиеся другим ограничениям в правах и свободах в связи с репрессированием их родителей. Восстановление прав и предоставление социально-бытовых льгот этим лицам производится в случаях, специально установленных законодательством СССР и РСФСР.

Статья 3. Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были:

а) осуждены за государственные и иные преступления;

б) подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции;

в) подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод;

г) помещены по решениям судов и несудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение.

Статья 4. Не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода военнослужащего на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия;

б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;

в) организация бандформирований и участие в совершении ими убийств, грабежей и других насильственных действий;

г) военные преступления и преступления против правосудия.

Статья 5. Признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные деяния и реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения лица, осужденные за:

а) антисоветскую агитацию и пропаганду;

б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй;

в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;

г) посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, то есть по статьям 70 (в редакции, действовавшей до Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1990 года), 190(1), 142 и 227 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства.

II. ПОРЯДОК РЕАБИЛИТАЦИИ

Статья 6. Заявления о реабилитации могут быть поданы самими репрессированными, а равно любыми лицами или общественными организациями. Заявле

(Окончание на стр. 2).

Библиотека Мемориала

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О реабилитации жертв политических репрессий

(Окончание. Начало на стр. 1).

ния подаются по месту нахождения органа или должностного лица, принявшего решение о применении репрессий, в отношении лиц, указанных в пункте «в» статьи 3 настоящего Закона, — в органы внутренних дел, в отношении прочих репрессированных — в органы прокуратуры.

Срок рассмотрения заявлений о реабилитации не может превышать трех месяцев.

Статья 7. Органы внутренних дел по заявлениям заинтересованных лиц или общественных организаций устанавливают факт применения ссылки, высылки, направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы и иных ограничений прав и свобод, установленных в административном порядке, и выдают справку о реабилитации.

При отсутствии документальных сведений факт применения репрессии может быть установлен на основании свидетельских показаний в судебном порядке.

Решение органов внутренних дел об отказе в выдаче справки о реабилитации может быть обжаловано в суд в порядке, предусмотренном для обжалования неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Статья 8. Органы прокуратуры с привлечением по их поручению органов государственной безопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с не отмененными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации в соответствии с пп. «а», «б», «г» статьи 3 и статьей 5 настоящего Закона. Порядок указанной работы и распределение обязанностей определяются Генеральным прокурором РСФСР.

По материалам проверки органы прокуратуры составляют заключения и выдают справки о реабилитации заявителям, а при отсутствии таковых периодически представляют сведения о реабилитированных для публикации в местной печати.

При отсутствии оснований для реабилитации органы прокуратуры в случае поступления заявлений заинтересованных лиц или общественных организаций направляют дело с заключением в суд в соответствии со статьей 9 настоящего Закона.

Статья 9. Решения по делам, предусмотренным частью третьей статьи 8 настоящего Закона, принимаются:

а) на осужденных — судами, которыми выносились последние судебные решения. Дела, по которым приговоры, определения, постановления были вынесены упраздненными или расформированными судами, а также военными трибуналами в отношении гражданских лиц, передаются на рассмотрение тех судов, к подсудности которых эти дела отнесены по действующему законодательству. Территориальная подсудность дела определяется по месту вынесения последнего судебного решения;

б) подвергнутых внесудебным репрессиям: в отношении гражданских лиц — Верховными судами автономных республик, областными, краевыми судами, судами автономных областей, автономных округов, а в отношении военнослужащих — военными трибуналами округов и флотов, на территории которых действовали соответствующие несудебные органы.

В случае спора о подсудности дела могут передаваться из одного суда в другой по распоряжению Председателя Верховного Суда РСФСР.

Статья 10. Дела, поступившие в суд с отрицательным заключением прокурора, рассматриваются в судебных заседаниях по правилам пересмотра судебных решений в порядке надзора, установленном действующим уголовно-процессуальным законодательством РСФСР с изъятиями, предусмотренными настоящим Законом.

В результате рассмотрения дела суд признает лицо не подлежащим реабилитации, либо признает, что лицо репрессировано необоснованно, отменяет состоявшееся решение и дело в отношении него прекращает. Суд может внести изменения в ранее состоявшееся решение.

В отношении лица, признанного судом не подлежащим реабилитации, заявителям вручается копия определения (постановления) суда, а в случае признания его необоснованно репрессированным — справка о реабилитации. Определение (постановление) суда может быть опротестовано прокурором и обжаловано заинтересованными лицами и общественными организациями в вышестоящий суд.

Статья 11. Реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти — родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получения копий документов непроцессуального характера. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов. Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке.

Реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение сохранившихся в делах рукописей, фотографий и других личных документов.

По ходатайству заявителей органы, осуществляющие архивное хранение дел, связанных с репрессиями, обязаны сообщить им время, причины смерти и место погребения реабилитированного.

III. ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ

Статья 12. Лица, реабилитированные в порядке, установленном настоящим Законом, восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, им возвращаются ордена и медали.

При признании лица необоснованно репрессированным только в части предъявленного обвинения осуществляется восстановление тех прав, которые были нарушены в связи с необоснованными политическими обвинениями.

Статья 13. Признается право реабилитированных проживать в тех местностях и населенных пунктах, где они проживали до применения к ним репрессий. Это право распространяется также на членов их семей и других родственников, проживающих совместно с репрессированными. При отсутствии документальных данных факт вынужденного переселения, сопряженного с репрессиями родственников, может устанавливаться судом.

Статья 14. Восстанавливаются в гражданстве РСФСР все жители РСФСР, лишенные гражданства без их свободного волеизъявления. Восстановление в гражданстве осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Союза ССР и РСФСР.

Статья 15. Лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы и реабилитированным в соответствии с настоящим Законом, органами социального обеспечения по месту их жительства на основании справки о реабилитации выплачивается денежная компенсация из расчета 180 рублей за каждый месяц лишения свободы, но не более чем 25 тысяч рублей, из средств республиканского бюджета РСФСР.

Выплата компенсации производится как единовременно, так и в ином порядке, установленном Советом Министров РСФСР, при условии, что в течение первых трех месяцев с момента обращения реабилитированного в органы социального обеспечения выплачивается не менее одной трети общей суммы, а выплата остальной суммы производится в течение трех лет.

Выплата компенсации наследникам не производится, кроме случаев, когда компенсация была начислена, но не получена реабилитированным.

Лицам, на которых распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», компенсация производится за вычетом сумм, выплаченных на основании этого Указа.

Статья 16. Лица, подвергшиеся репрессиям в виде лишения свободы, ссылки и высылки, реабилитированные в соответствии с настоящим Законом, члены их семей, а также лица, необоснованно помещавшиеся по политическим мотивам в психиатрические лечебные учреждения, имеют право на первоочередное получение жилья в случаях, если они утратили право на занимаемое жилое помещение в связи с репрессиями и в настоящее время нуждаются в улучшении жилищных условий, а также в случаях, указанных в статье 13 настоящего Закона. Тем же категориям лиц, проживающим в сельской местности, предоставляется право на получение беспроцентной ссуды и первоочередное обеспечение строительными материалами для строительства жилья.

Лица, подвергшиеся репрессиям в виде лишения свободы, ссылки или высылки, реабилитированные в соответствии с настоящим Законом, а также лица, необоснованно помещавшиеся по политическим мотивам в психиатрические лечебные учреждения, имеющие инвалидность или являющиеся пенсионерами, имеют право на:

первоочередное получение путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха;

внеочередное оказание медицинской помощи и снижение стоимости лекарств по рецепту врача на 50 процентов;

бесплатное обеспечение автомобилем класса ЗАЗ-968М при наличии соответствующих медицинских показаний;

бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси), а также автомобильным транспортом общего пользования (кроме такси) в сельской местности в пределах административного района проживания;

бесплатный проезд (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, — водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом со скидой 50 процентов стоимости проезда;

снижение оплаты жилой площади, коммунальных услуг на 50 процентов в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством;

первоочередную установку телефона;

первоочередное вступление в садоводческие общества и жилищно-строительные кооперативы;

первоочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении с сохранением не менее 25 процентов назначенной пенсии;

бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями;

льготное обеспечение продуктовыми и промышленными товарами.

Лица, реабилитированные в соответствии с настоящим Законом, имеют право на бесплатную консультацию адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией.

Реабилитированным лицам, имеющим право на предусмотренные настоящим Законом льготы, выдается свидетельство единого образца, который утверждается Советом Министров РСФСР.

Статья 17. Действие статей 12—16 настоящего Закона распространяется на жертвы политических репрессий, которые были реабилитированы до принятия настоящего Закона.

Статья 18. Списки лиц, реабилитированных на основании настоящего Закона, с указанием основных биографических данных, обвинений, по которым они признаны реабилитированными, периодически публикуются органами печати местных Советов народных депутатов, Верховных Советов республик в составе РСФСР и Верховного Совета РСФСР.

Работники органов ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, судьи, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати.

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 19. Для контроля за исполнением настоящего Закона создается Комиссия Верховного Совета РСФСР по реабилитации, которой обеспечивается полный доступ к архивам судов, военных трибуналов, прокуратуры, органов государственной безопасности, внутренних дел и другим архивам, находящимся на территории РСФСР.

Комиссии по реабилитации предоставляется право распространять действие статей 12—16 настоящего Закона на лиц, реабилитированных в общем порядке, когда имеются основания рассматривать факт привлечения их к ответственности и осуждению как политическую репрессию.

Москва, Дом Советов РСФСР.
18 октября 1991 года.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН.

Постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»

В связи с принятием Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» Верховный Совет РСФСР **постановляет:**

1. Ввести в действие Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» с момента его опубликования, за исключением статей 15 и 16.

2. Статьи 15 и 16 данного закона ввести в действие с 1 декабря 1991 года.

3. Предложить Президенту РСФСР дать поручение Совету Министров РСФСР в течение двух месяцев:

а) разработать порядок выплаты компенсации, предусмотренной статьей 15 этого закона, при необходимости предусматривая первоочередные выплаты для лиц пенсионного возраста и инвалидов;

б) утвердить образец свидетельства на право получения льгот, предусмотренных статьей 16 закона, и порядок предоставления этих льгот;

в) предусмотреть дополнительные ассигнования на 1991—1992 годы для органов прокуратуры, государственной безопасности и внутренних дел РСФСР на проведение работы по реабилитации.

4. Генеральному прокурору РСФСР совместно с органами государственной безопасности и внутренних дел РСФСР разработать и согласовать в течение двух месяцев порядок и распределение работы по реабилитации, предусмотренной статьями 6—8 и 11 закона.

5. Комитету Верховного Совета РСФСР по правам человека в течение двух месяцев образовать Комиссию по реабилитации, предусмотренную статьей 19 закона, и разработать положение о ней для внесения на утверждение Президиумом Верховного Совета РСФСР.

6. Министерству печати и массовой информации РСФСР, редакциям республиканских и местных газет и журналов систематически освещать реабилитации жертв политических репрессий.

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. ХАСБУЛАТОВ.

Москва,
Дом Советов РСФСР.
18 октября 1991 года.

ПОДПИСКИ НЕТ, НО...

Желающие получать газету «Котлован» могут обращаться по адресу:

184200, Апатиты, Мурманская обл. а/я № 215.

Газета будет им выслана наложенным платежом.

Библиотека

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Новогодняя ночь

Голубому зерну звезды
Над домами дано висеть.
Этот свет голубей воды
И на нем теневая сеть.

Этот шаг, что скрипит в снегу,
На пластах голубой слюды, —
Не на том ли он берегу,
Где сияет огонь звезды?

Город нового года ждет,
Город сном голубым объят.
То не рыцарь ли к нам идет
В медном звоне тяжелых лат?

Не из старой ли сказки он,
Из фабльо и седых баллад,
На бульваре пустой киоск
Зазвенел его шагу в лад.

Одиночество — год и я,
Одиночество — я и Ночь.
От луны пролилась струя
На меня и уходит прочь.

Хорошо, что я тут забыт,
Хорошо, что душе невмочь.
На цепях голубых орбит
Надо мной голубая ночь.

Если вспомнишь когда-нибудь
Эти ласковые стихи, —
Не грусти за мою судьбу:
В ней огонь голубых стихий.

Этот снег зазвенел чуть-чуть,
Как листва молодой ольхи.
Как головка твоя к плечу,
Жмутся к сердцу мои стихи.

Много в мире тупых и злых,
Много цепких, тугих тенет,
Не распутает их узлы,
Не разрубит и новый год.

И его заскользит стезя
По колючим шипам невзгод,
Но не верить в добро нельзя
Для того, кто еще живет.

«И мглой, и холодом, и вьюгой...»

Я, Минеева Татьяна Дмитриевна, родилась в 1915 г. село Мулловка Ульяновской области Мелекесского района в семье крестьянина. Хочу описать, как я попала в г. Хибиногорск.

В 1928 году нас как кулаков всей семьей, выслали в Архангельскую область.

Ну, а кулаки мы были вот такие: при советской власти отец платил налог среднятский. До революции было 2 лошади, овцы, свиньи, гуси, утки, куры. То есть обычная живность, какая бывает в крестьянских семьях, тем более что наша семья состояла ни много ни мало из одиннадцати человек: отец, мать, семь дочерей да дед с бабушкой. А в 1918 году одну лошадь забрали на фронт красноармейцам.

Наш отец никаких наемных сил не имел. Землю обрабатывали сами, даже сами ходили в наймы жать, картошку рыть, чтобы немного заработать денег на наряды нам. Я была еще слаба, чтобы связать сноп, за меня вязала мама, и я нажинала снопы как и все.

Настал 1921 год. Голодный год в Среднем Поволжье. Лошадь пала, ее зарезали и съели. Осталась одна корова еле живая. Нам с сестрой давали как и всем голодающим детям американский паек, то есть один раз в день нас кормили в столовой. Дедушка с бабушкой умерли, они уже были старенькие и голод ускорил их смерть.

Пришла весна. Из сельсовета стали давать семена подсолнуха и проса, а отцу пахать было не на ком. В сельсовете оказалась беглая лошадь, ее дали отцу на время, пока не найдется хозяин. Лошадь была очень кусачая, отец еле с ней справлялся. А хозяин так и не нашелся.

В 1928 отца раскулачивают, выгоняют из дома, как на пожаре, вытаскивают на середину улицы. На квартиру соседи пустить боятся, могут из-за нас и их выгнать. Но один сосед не побоялся, пустил на квартиру жить. Всего в селе раскулачили тогда пять семей.

В марте все эти семьи погрузили в товарный вагон и повезли в Архангельскую область. Отец мой был неграмотный, он говорил: «Вот был бы жив Ленин — такой несправедливости не было бы». Он слыхал, что Ленин хотел, чтобы крестьяне создавали добровольческие коммуны, где легче было бы обрабатывать землю и которым государство могло бы помогать в покупке тракторов и машин.

Итак, нас привезли на станцию Коноша, расселили по домам в деревнях. А летом всех погрузили на телеги и привезли в лес на поляну, где каждую семью заставили строить себе шалаш.

А потом заставили строить дорогу в лесу до другой большой поляны, а уже на ней строить бараки для постоянного жительства. Вот тут мы с сестрой решили бежать. Купили билеты и поехали домой на родину. В г. Вологде нас задержали и посадили в тюрьму. Через 2 месяца нас выпустили, поселили в церковь, в которой были сделаны нары 3-х этажные, где можно было ночевать. Днем же ходили рыть картошку, за что нас кормили. А когда набралось таких бежавших побольше, всех отправили обратно — кто откуда бежал. Сестра моя попала опять к родителям, а я застряла в деревне у одной знакомой семьи, меня они приютили, и я у них нянчила ребенка. Но узнал комендант, что я скрываюсь в деревне, стал меня разыскивать. И тогда я снова поехала, думала, может, не задержут. Не доезжая Ленинграда, на ст. Званка меня забрали и снова посадили в тюремный вагон. А потом меня повезли на север в г. Хибиногорск.

Конвоировали меня молодые ребята из г. Мурманска, это им попутно поручили меня довезти до ст. Апатиты. Я очень испугалась севера, так как одета была по-летнему, и стала думать: чем замерзать, лучше же уж покончить свою жизнь под колесами поезда или удавиться. Написала прощальное письмо домой сестрам замужним. Письмо попросила ребят опустить, а они его прочитали и стали меня уговаривать не делать такой глупости, рассказали, что там много переселенцев, и они получают пайки, и за работу им платят. И я успокоилась, не стала думать о самоубийстве. Ребята очень меня жалели, кормили, чаем поили. Один даже сказал: «Вот я бы на тебе женился, да не разрешат на переселенке жениться».

Итак, привезли меня в Хибиногорск на 20-й километр, поселили в палатке, дали местечко на нарах, где ночевать. Рядом по нарам была семья очень добрая по фамилии Лапитски. У них было трое детей, мама их работала в столовой, приносила котелочек супу, и обязательно заставит меня кушать с ними этого супа, они очень меня подбадривали, что все будет хорошо, не унывай. Потом я устроилась на работу на строительство гаражей. Когда их закончили, перешла на стройку техникума. Потом поступила учиться в Ф.З.О. Тогда меня поселили в общежитие в бараке на 20-м километре. В 1933 г. окончила Ф. З. О. и поступила работать на ЦЭС. В 1934 г. меня восстановили в правах, выдали паспорт.

А в 1935 году моих родителей и сестру тоже восстановили. Они тоже получили паспорта и уехали на родину. Я же поступила учиться в городской вечерний техникум.

В 1936 году вышла замуж, в 1938 родилась дочь.

В 1941 году была эвакуирована в Удмуртию, оттуда уехала к родителям. В августе родился сын. А в 1942 году, в мае месяце погиб на фронте муж. И осталась я с двумя малыми детьми.

Вернулась в Кировск уже после войны, в 1947 году, поступила работать на АНОФ-1 дежурным электриком, а потом перешла на АНОФ-2. Вот так и вся жизнь прошла в труде да горестях.

ПРИГОВОР С ОПИСЬЮ ЖИЗНИ

В Хибинское общество «Мемориал» пришло письмо от М. И. Бабуриной. В этом выпуске мы публикуем фрагмент из ее письма и копии двух документов, которые упоминает Мария Ивановна.

«В 1929 году моего отца, который работал лотошником в Ленинграде, арестовали, а потом выслали на Кольский полуостров. А в 1930 году стали все отбирать у деда в деревне, где они с бабушкой и мамой не покладая рук работали на земле.

Я помню, как с дедушки валенки сняли, у мамы платок с головы содрали, а у нас, детей, куклу вырвали и бросили в кучу посреди комнаты, где уже стоял самовар и валялись еще какие-то вещи.

У нас сохранились опись того, что отобрали и ходатайство средняков и бедняков, чтоб оставили бедняка Мошкова Василия Степановича в деревне. Мы с сестрой часто читали эту бумагу и плакали. За что так жестоко обидели бедного дедушку, который работал день на поле, а ночью людям колодца копал да лапти плел, чтоб как-то оброк заплатить, но так и не выплатил! И умер в нищете, в Кировске, не получив ни гроша пенсии, в 1946 году».

Акт изъятия

1931 года января 18 дня налоговый агент Бордин сего числа в присутствии недоимщика Мошкова члена с/сов. Рожкова Петра и понятого Бокарева произвел изъятие описаного имущества принадлежащего Мошкову Ивану вследствии неуплаты им недоимок подоходналога карт № 42—35 94 руб. протналога карт № 42—55 29/30 г. 100 руб. штраф 20 руб. протналог сроки 9/VII-30 200 руб. при нем изъято ниже следующее

1. Дом с надворными постройками 500 руб
2. Самовар никелированый большой 30 руб
3. Кофта вязаная зеленого цвета 5 руб
4. Скатерть фабрич. работы 3 руб
5. Косынка вязаная 2 руб
6. Платок красный 1 руб
7. Платье в клетку 5 руб
8. Два холста белые 3 руб
9. Шуба дупленая желт. 10 руб
10. Платок серый 2 руб
11. Щеты конторские 2 руб
12. Юбка синяя 2 руб
13. Косынка шерстяная белая 3 руб
14. Полушалок с кистями серый 5 руб
15. Три пары валеных сапог 25 руб
16. Гимнастерка керная 2 руб
17. Овца и 3 ягненка 20 руб
18. Сарай крытый 50 руб

Все изъятое сдано на хранение члену с/сов Рожкову Петру для доставки в с/сов на предмет продажи его с публичных торгов.

Член с/сов. Рожков — Недоимщик Мошков
И. Бордин налогагент
понятой Бокарев
Копия верна налогагент бежецкого Райфо И. Бардин
Печать — заверяет секретарь — подпись

ПРОТОКОЛ

общеза собрания гр-н дер. — Житищи от 19/VII 31 года в присутствии членов с право решающего голоса под председательством тов. Удалова и секретаря тов. Мазин В.

Повестка дня.

1) Объяснение Мошковой Татьяны Т.
2) Разное

Заслушав заявление гр-ки Мошковой о дачи приговора ея мужу Мошкову Василию с автобиографической описью жизьни.

Постановили

Объяснение гр-ки Мошковой Т.-Т. принять к сведению и дать таковому приговор с описью жизьни — последнего

Приговор

Мы гр-не дер.-Житищи на общем собрании от 19/VII 31 г. Даем настоящий приговор Мошкову Василию Степановичу.

1) Втом что гр-н Мошков В. Степанович в возрасте 54 лет не грамотный.
2) Действительно вырос в семье беднова хозяйства его отца Степана Алексеевича укоторого было три сына и три дочки.

Из которых Василий был старшим и при их земельном наделе 12 чел. на одну ревискую душу в переводе на га.

3) Мошкову Василию приходилось с восьми летнего возраста итти на сторону понаему, т.-е. в пастухи.
4) Мошков В. С. и вел такую жизьнь до 18 летнего возраста, после чего вступил в брак с гр-кой дер.-Козлова. Тоже бедняцкой и батрачкой после чего их жизьнь также шла батрацкой.
5) И поимевши раздел от своей семьи в 1914 году ему досталось на выход с имуществом следующим — (струбы в катке).
6) И с чего начал вести свое хозяйство Мошков В.-С. к тому времени унего взошел в года подростка сын Иван Васильевич Мошков, который с детства пошел насторону и период гражданской войны сын Мошкова был призван в ряды Красной Армии и где был заслуженным и доверчив. Красно-Армейцем от Рабоче-Крестьян. правительства. и вернулся из рядов красной армии
8) Мошков Иван-Васильевич нашел свое хозяйство нищенское, и видя что при доме жить неучего то он стал выбывать насторону т.-е. в Ленинград, и где занимался лотошничеством, так как унас по ранону это было принято

Василий Степанович и Татьяна Тихоновна Мошковы

9) После чего в 1923 году я Мошков В.-С. приобрел лошадь, на которой ездил в город Рязань, так как ато время там от недороду кормов — скот был дешевле здешнего.
10) Корову приобрели лишь в 1924 году и за этот период поставили свое хозяйство не превышая среднего.
11) Хозяйство было до ликвидации из следующего имущества

1) Дом с надворной постройкой —
2) — лошадь 3) — корова 4) 2 сарая

12) Изачто был обложен индивидуа. в 1930 году, и за неуплату налогу — было изъято Все имущество. —
13) Выступлений против деректив партии и Рабоче крестьянского правительства не замечали
14) Вчем и даем настоящий приговор заверяющий подписями односельчан.

РАССКАЗЫВАЕТ И-401

НА СОПКАХ

Иннокентий Николаевич Пасынков. Фото 1955 года.

Начну с того, что станцию и поселок Гродеково я не нашел ни в «Малом атласе СССР» (Москва, 1973), ни в «Энциклопедическом словаре» в двух томах «Советской энциклопедии» (Москва, 1964). Странно. Насколько помнится, название связано с фамилией выдающегося деятеля дореволюционной России — Гродекова, сведения о котором тоже не удалось найти.

Предыдущий очерк [«Котлован», № 3 (8)] закончился тем, что привезли нас, целый эшелон уворованных людей, из Харбина в Гродеково (Приморский край). Выгрузили ночью, завели в школу, приспособленную под тюрьму, мрачное одноэтажное здание из серого камня или кирпича. Голодные, мы были орошены по разным камерам-классам, прямо на пол — нары оборудованы не были. Постельных принадлежностей не было тоже.

Тут мы провели три месяца. Водили на оправку дважды в день. Уборная представляла собой просто траншею, перекрытую скользкими досками, на ветру — стен не было. Кормили плохо — как по количеству, так и по качеству пищи. Основным рационом был гаолян — китайская культура, по внешнему виду напоминающая гречневую крупу, но с низким коэффициентом питательности. В Маньчжурии она шла в основном на питание скоту и самым бедным слоям населения.

В камере, где я оказался, разместилось около 40 человек, было тесно и душно. Сейчас уже не вспомнить, кто там был со мной, твердо помню только двух человек: фельдшера Макушкина (кажется, Михаила) и поэта Арсения Несмелова. О последнем и будет основной разговор. Да, вспомнился еще харбинский парикмахер Николай Покровский, которого «вывели из камеры» в первые же дни, так как выяснилось, что его в Харбине схватили по ошибке, перепутав с другим Николаем Покровским, который поступил умно — успел вовремя уехать из Харбина, то есть до вступления туда советских войск. Так вот, Коля Покровский, знакомый мне еще по Харбину, приятный и красивый молодой человек, оказался в обслуге тюрьмы, положение его тут было завидным с нашей точки зрения. Потом его выпустили, и он, вернувшись в Харбин, предпочел сразу же уехать за границу. Сейчас он живет в Австралии.

Не помню, была ли хоть раз за эти три месяца баня, во всяком случае, белье не менялось, все мы завшивели. Тем более, что и умываться практически было невозможно: воды не хватало даже для питья.

Духота, недоедание и удрученное состояние быстро ослабили защитные силы организма. Впереди была неизвестность, ни во что хорошее уже не верилось, все тревожились за родных и близких, что остались в Харбине, с кем даже не дали проститься. Как оказалось потом, тревога была небезосновательной: они подвергались дискриминации, как члены семей репрессированных (ЧСР).

Этот очерк посвящен гибели выдающегося русского поэта из Харбина — Арсения Несмелова. Но сначала нужно сделать довольно большое отступление, чтобы ясно было, на каком «фоне» сияла звезда этого талантливого человека.

Харбин, и вообще Маньчжурия, были средоточием русской жизни за рубежом на Дальнем Востоке. Сюда хлынула волна российской эмиграции после революции. Тем более, что еще задолго до этого, с постройкой Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) в конце прошлого века была образована «полоса отчуждения» для русского населения: здесь селились русские, привлеченные хорошими условиями и богатой природой края. Многие, кроме того, работали на КВЖД или по переводу из России, или же ехали сами и устраивались работать.

Смело можно сказать, что русские культивировали Маньчжурию, и что расцветом этот богатый край в большой степени обязан именно русской прослойке. Везде, где появлялись русские, прежде всего строились церкви, школы и больницы. Между русским населением и местными жителями быстро устанавливались хорошие отношения, тут сыграли свою роль и православные миссионеры, обращавшие китайцев в православную веру.

Центром русской жизни в Маньчжурии был Харбин — большой город в основном с китайским населением. Но именно здесь, как нигде, чувствовалась русская жизнь. В Харбине было двадцать две церкви, кирха, костел, синагоги и мечети, были молитвенные дома сектантов. Были мужской и женский монастыри, приюты для детей и престарелых — при церквах. Была образована Маньчжурская Епархия, подчинявшаяся Заграничному Православному Синоду (Югославия), во главе которой стояли авторитетные пастыри (сначала митрополит Мефодий, а после его смерти — митрополит Мелетий). А епископ Филарет (Вознесенский), сын епископа Димитрия, стал затем митрополитом и славой Русской Православной церкви за рубежом и умер в Европе несколько лет тому назад.

Харбинский Епархиальный Совет издавал религиозно-нравственный ежемесячный журнал «Хлеб Небесный». Свято чтились и широко справлялись все православные праздники, особенно Пасхальные дни, когда всю неделю гудели колокола всех церквей — в эти дни колокольни были открыты для всех желающих. Особенно любили звонить в колокола дети — это был для них самый торжественный праздник.

В городских школах и частных гимназиях обучение велось по программам дореволюционных школ, в основе были религиозно-нравственное воспитание и отрицание коммунизма. Одной из лучших гимназий города была гимназия имени Достоевского, во главе стоял директор Василий Савельевич Фролов, его звали златоустом (погиб в лагере), инспектрисой была Елена Францевна Кудрявцева, родственница Олега Лундстрема. Она попала в СССР после 1945 года, умерла много лет назад в Караганде, а муж ее, бывший офицер Белой армии, был взят в Харбине и погиб в сталинских лагерях. Все педагоги этой гимназии были учителя «Божьей милостью», как это принято говорить. Их воспитанники до сих пор кое-кто живы, находятся в СССР и за границей. Заветы, преподанные в этой гимназии, помогли ее воспитанникам вынести и ужасы сталинских лагерей.

Почетным попечителем гимназии был выдающийся деятель дореволюционной России — Николай Львович Гондатти — шталмейстер Двора Его Величества при императоре Николае II. Заслуги его в развитии русского Дальнего Востока огромны, но еще не отражены в истории. Лишь много лет назад промелькнула заметка о нем, кажется, в газете «Гудок». Как сейчас помню этого красивого, невысокого роста пожилого человека с пышными серебряными волосами, спускавшимися чуть ли не до плеч, и его добрые глаза из-под очков в золотой оправе. Его великолепная библиотека из книг дореволюционного издания не стояла «мертвым грузом»: книги шли на награды ученикам при переходе из класса в класс.

Высшая школа была представлена институтами — политехническим, юридическим, а в последние годы (до 1945 года) — институтом им. Св. Владимира в составе факультетов — политехнического, восточно-экономического, богословского. За кафедрами института стояли крупные ученые дореволюционной России: китаевед профессор Хнонин Алексей Павлович, автор китайско-русского словаря (умер в Сиднее много лет тому назад), японовед Богословский Леонид Алексеевич, ученик знаменитого профессора Спальвина, историк профессор Никифоров Николай Иванович (отсидел в сталинских лагерях, умер после освобождения), профессор Гинс (уехал за границу еще до 1945 года), богословы — академик протоиерей Виктор Гурьев, профессор Тимбо и многие другие.

Широко была представлена в Харбине культурная жизнь российской эмиграции. Издавались газеты, журналы и книги на русском языке, оживленная связь была с эмигрантскими колониями Европы и Америки. Популярными в Харбине были еженедельный журнал «Рубеж» и газета «Заря» — редактором-издателем был старый «газетчик», прекрасный организатор Кауфман Евгений Самойлович (попал в сталинские лагеря, дальнейшую судьбу не знаю). Запомнился еще редактор одной из газет Вележев Анатолий Прохорович, бывший офицер Белой армии, обаятельный человек, прекрасный публицист (был вывезен на территорию СССР в 1945 году, конечную судьбу не знаю). Издавался еще журнал «Луч Азии», редактором был китаевед Николай Дмитриевич Глебов (умер в Харбине до 45-го года). Это только малая часть издательского дела в Харбине.

Много в Харбине было частных и официальных библиотек. Особенно запомнилась железнодорожная библиотека с читальным залом: там за недорогую плату можно было заниматься часами, пользуясь уникальными книгами, что особенно было ценно для студентов.

Ежегодно широко отмечался День русской культуры — 28 июля (день Св. равноапостольного вел. князя Владимира). Существовал в Харбине русский драмтеатр, оперетта и опера. Приезжал в начале 30-х годов Лемешев (опера «Сказка о царе Салтане»), приезжали Шаляпин и еВртинский в середине 30-х годов. Я имел счастье побывать на их концертах. Был отличный симфонический оркестр под управлением дирижера Швайковского, были талантливые актеры из числа харбинцев. Один из них, В. Д. Лавров-Турчанинов будучи в 45-м году вывезен на территорию СССР и отсидев в лагерях, потом был реа-

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В НОРИЛЬСКЕ

В Норильске уже второй раз прошли Дни памяти узников Норильлага.

Гостями **«МЕМОРИАЛА»** стали **Лев Владимирович Коваленко** из Минска, **Сергей Львович Щеглов** из Тулы, **Борис Шмульевич Костинский** из Белой Церкви, **Симон Эрастович Чахвадзе** из Дудинки. Более 120 человек приехали из Прибалтики.

Целью приезда делегации из Прибалтики в Норильск было создание мемориального комплекса на месте бывших погребений заключенных. Норильчане также приняли участие в Днях памяти. На счет **«МЕМОРИАЛА»** было перечислено в эти дни 14 тысяч рублей. В вечерах-встречах приняло участие около тысячи человек. В музее прошли следующие тематические собрания: «1939 год, этап Соловки — Норильск», «Сергей Норильский — студент, заключенный, журналист», встреча с участниками забастовки в **ГОРЛАГЕ** 1953 года.

Прошли благотворительные киносеансы, экскурсии в музей, по экспозиции «Восстанавливая истину» по истории Норильлага. Жители Норильска познакомились с работами прибалтийских и зарубежных телестудий о событиях в Литве и Латвии.

Множество людей приняло участие в строительстве мемориального комплекса рядом с часовней, воздвигнутой в 1990 году активом городской организации «Мемориал», освящением которого 10 августа и завершились Дни памяти. В заупокойной службе участвовали трое священнослужителей, приехавших из Литвы, Латвии, Эстонии.

К дням памяти вышел второй выпуск сборника **«НОРИЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ»**, подготовленный активистами общества. За год произошел перелом в психологии, в настрое властей — сегодня ни у кого нет сомнения, что под горой Шмидта на бывшем кладбище должен быть мемориал узникам Норильлага.

Он уже есть, и ему предстоит расти, так как в ближайшее время появятся новые памятники в мемориальной зоне, получившей название **ГОЛГОФА**.

Л. Г. ПЕЧЕРСКАЯ,
Председатель Норильской организации общества «Мемориал».

(«МЕМОРИАЛ — АСПЕКТ» № 11).

Стихотворения

Арсения Несмелова

Опубликованные в этом выпуске «Котлована» стихи за исключением стихотворения «У чужого окна», присланного И. Н. Пасынковым, взяты из книги: Арсений Несмелов. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы/Сост. и коммент. Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. — М.: Моск. рабочий, 1990.

У ЧУЖОГО ОКНА

У приятеля свет в окне:
У него и жена, и гости.
Не укрыться ль к нему и мне
От осенней тоски и злости?

Но ведь, в сущности, я — ничто
Для него, а гостям, пожалуй,
Помешаю играть в лото
По какой-то копейке малой.

Есть для некоторых закон
Неслиянности. Вместе с ними,
Побродягами, обречен
Я путями блуждать ночными.

А ведь было ж в моем былом
И жена, и лото, и кошка,
И маячило огоньком
В чью-то ночь и мое окошко.

И такая меня тоска
Разрывала тогда на части,
Что на удочки рыбака
Променял я все это счастье.

И теперь я свободен, как
Ветер, веющий взмах за взмахом,
И любой мне не страшен мрак
И смеюсь я над всяким страхом.

И когда мне беззубым ртом
Смерть предскажет судьба-гадалка,
В этом мире, уже пустом,
Ничего мне не будет жалко.

Библиотека Мемориала

МАНЬЧЖУРИИ

билитирован и продолжал свою сценическую деятельность — возглавлял в Омске оперетту, получил звание заслуженного артиста РСФСР. Умер несколько лет тому назад. Были в Харбине отличные кино-театры (например, «Модерн»), Железнодорожное и Коммерческое Собрания, в которых, кроме театральных действ, устраивались балы. Было много эмигрантских землячеств (по национальному принципу), были патриотические организации — РОВС, Казачий союз, организация русских скаутов, мушкетеров и др. Был Комитет помощи русских беженцам, а потом Бюро по делам российских эмигрантов (при японцах).

Торгово-промышленная жизнь в городе процветала, и тут также заслуга выходцев из России, а потом и российских эмигрантов. Была в Харбине известная на весь Дальний Восток фирма купца Чурина (эта фамилия сохранена в названии фирмы и до сих пор). Русские предприниматели основали в «провинции» различные предприятия — лесодобывающие и лесопильные, кожевенные и пр. Были целые крестьянские и казачьи поселения, с устойчивыми и богатыми хозяйствами — даже была деревня «Эмигрантка». В Харбине было много магазинов, столовых, ресторанов, кабаре с русскими вывесками. Высоко стояла и медицина: было несколько больниц, амбулаторий, аптек, в которых работали прекрасные специалисты — воспитанники старой русской школы. Существовало Общество русских врачей. Благодарную и трогательную память у населения города, причем не только русского, оставил врач, бессеребренник В. А. Казем-Бек, погибший, спасая ребенка, больного скарлатиной (отсасывал секрет из горла и заразился). Легенды ходили об уникальном враче-диагносте Н. Я. Худыковском. Прекрасным хирургом слыл в городе бывший военный врач Серебряков В. Ф., главный врач больницы имени Казем-Бека...

Общественно-политическая жизнь была представлена старой военной и гражданской интеллигенцией. В Харбине «осели» доблестные генералы старой русской армии, а потом — участники Белого движения: генералы Рычков, Бакшеев, Власьевский, Кислицын (последний имел 14 ранений, отличался отчаянной храбростью, сын его сейчас живет в СССР, являясь незаурядным детским хирургом). Все эти генералы возглавляли Бюро российских эмигрантов и все погибли, будучи арестованы в 45-м году разведкой **СМЕРШ** (кроме Кислицына, который умер ранее в Харбине).

В подворье Иверского храма в Харбине похоронен герой Белого движения, участник легендарного Ледового похода Добровольческой армии генерал Владимир Оскарович Каппель. Крупным деятелем в Харбине был Матковский Михаил Алексеевич, начальник одного из отделов Бюро эмигрантов — человек исключительных интеллектуальных и моральных качеств. Его брат и дочь живут сейчас в СССР, а сам он умер в шестидесятых годах в Хабаровском крае.

Неповторимый колорит городу придавал открытый в 1898 году деревянный Свято-Николаевский собор, стоявший на высоком месте в Новом городе (район Харбина) и видимый издалека. Этот прекрасный образец церковной архитектуры был сметен «культурной революцией»: в августе 1966 года хунвэйбины разрушили его до основания, с дикими воплями и улюлюканьем разобрали и сожгли стены и все, что могло гореть, а церковную утварь, иконы, церковную одежду или растащили, или выбросили неизвестно куда. На этом месте ныне возвышается безликая цветочная клумба. Разрушены и два европейских кладбища («Старое» и «Новое»), где были исторические могилы строителей Харбина, многих выдающихся людей, начиная с первых лет города, были прекрасные памятники, имевшие мемориальную ценность. Весь этот «материал» пошел на облицовку набережной реки Сунгари, на которой стоит Харбин. А в Успенской церкви на Новом кладбище устроили... «комнату смеха». Почерк всех революций остается неизменным: кощунство и разрушение «старого мира», строительство «нового», то есть путь в тупик.

Но нельзя думать, что жизнь эмиграции до 45-го года была сплошной масленицей. Было и много трудностей. Была и безработица, устроиться порой на работу было не так легко, деньги зарабатывать было трудно — нужно было очень добросовестно работать, так что жила часть эмиграции бедно. Лучше всех жилось коммерсантам, домовладельцам и служащим престижных фирм, например, Чурина. Но, вместе с тем, широко была развита благотворительность, на манер старой, дореволюционной. Купцы, предприниматели, вообще богатые люди, считали богоугодным делом помочь людям. Ведь все они были верующие и помнили заповедь: «вера без дел мертва есть».

Кроме того, были в Харбине различные «братства» и «сестричества», занимавшиеся благотворительностью, особенно к великим праздникам: Рождеству, Пасхе. При синагоге и при Комитете помощи русских беженцам отпускались бесплатные обеды малоимущим.

Отношения с коренными жителями — китайцами, были простые и дружеские, никакого гнета не чувствовалось, а многие праздники, русские и китайские, справлялись как бы вместе.

С приходом японцев в 1932 году положение постепенно изменилось не в лучшую сторону, но все равно в целом жили эмигранты хорошо вплоть до 45-го года, когда советские войска вошли в Харбин и стали «подбирать» всех, кто «сотрудничал» с японцами.

Необходимо к сказанному добавить еще один штрих. Кроме эмигрантской, была в Харбине и советская колония. Понятно, что, ввиду противоположной идеологии, дружбы и даже связи не могло быть: наблюдался антагонизм и бывали даже стычки. Но судьба многих этих советских подданных оказалась плачевной. Еще в 1929 году, после советско-китайского конфликта, многие уехали на родину, а после продажи КВЖД японцам в 1935 году выехало в СССР большинство оставшихся; почти все такие «репатрианты» были репрессированы, очень многие расстреляны по обвинению в шпионаже (!). В московской газете, кажется, в «Вечерней Москве», недавно публиковались списки этих расстрелянных.

Да простит мне терпеливый читатель, что я так подробно остановился на характеристике жизни эмигрантов в Маньчжурии, но ведь это тоже страница нашей истории, мало еще освещенная, и, кроме того, понятнее будет личность погибшего поэта Арсения Несмелова, более двадцати лет жившего именно в тех условиях.

Итак, перехожу к основному герою моего повествования. На литературном горизонте Харбина выявились или выросли следующие заметные имена: прозаик Борис Юльский, поэты — Сатовский-Ржевский, Алексей Ачаир, Валерий Перелешин (сейчас в Бразилии), Лидия Хаиндрова (умерла в СССР), Елена Недельская (умерла в Австралии), Марианна Колосова (судьбу не знаю), Арсений Несмелов и многие другие. И, пожалуй, среди них выделялся именно Арсений Несмелов. На различных литературных конкурсах в прессе ему неоднократно присуждались премии, например, за стихотворение «Суворовское знамя», «Гральщик «Китобой».

Я встречался с Арсением Несмеловым в Харбине. Помню приятную внешность этого пожилого человека, седые волосы и возрастной «румянец» на щеках, корректность и простоту в обращении.

Но я был гораздо моложе его и смотрел на него «снизу вверх». Помню также, что выступал он в различных эмигрантских литературных кружках. Таких в Харбине было несколько: «имени Гумилева», «имени поэта КР» и др.

Но вернемся в Гродеково.

Из темной, душной и голодной камеры нас поочередно вызывали на допросы к следователям, вызвали один раз и меня. Моим следователем был майор Петухов. Ничего плохого, в смысле обращения со мной, о нем сказать не могу, даже предложил мне покурить (а я не курил и не курю), но протокол составил в настоящем «чекистском духе». После его формулировок становилось ясно, что нечего и мечтать о возвращении в Маньчжурию.

Зимние вечера были долгими, освещения в камере не было, лежали мы впритирку на полу или ходили по камере. Помню, как Арсений Иванович старался всех нас развлечь рассказами, богатыми воспоминаниями, и даже анекдотами. Но на душе у всех «кошки скреоли», так что все это напоминало «пир во время чумы». В один из ноябрьских дней 1945 года (вероятней всего это произошло ночью, но сейчас уже точно не помню), он вдруг потерял сознание. Теперь ретроспективно, как медик, могу заключить, что у него было кровоизлияние в мозг (инсульт) на почве глубокого церебросклероза и гипертонической болезни. Глаза у него были закрыты, раздавались стоны и что-то вроде «мычания»...

В таком состоянии он находился не менее двух дней, и все наши отчаянные попытки обратить на это внимание караула, что дежурил в коридоре, или вызвать врача ни к чему не приводили: в ответ слышался только мат да насмешки со стороны солдат. Врача в камере не было, был только фельдшер Макушкин, а что он мог сделать? Да и врач тоже, если бы таковой и был?..

Я не помню, сколько именно времени Арсений Иванович мучился, но постепенно затих — скончался. И только когда это случилось, караул забил тревогу и появившиеся офицеры стали обвинять нас же: «Что же вы молчали?». Вот так.

Имя поэта Несмелова, а также многих других поэтов, писателей, ученых, живших в эмиграции, замалчивались в СССР вплоть до последних перестроечных лет, или же шельмовались без зазрения совести и отнюдь не в интересах русской культуры и науки. Теперь же «возникло из небытия» много достойных имен.

В прошлом году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга «Арсений Несмелов. Без Москвы, без России. Стихотворения, поэмы, рассказы». 462 страницы. Составители и комментаторы Е. В. Витковский и А. В. Ревоненко, предисловие Е. Витковского. Большую помощь составителям оказал также житель Владивостока А. В. Колесов.

В большом предисловии Е. В. Витковский объективно и подробно рассматривает личный, общественный и творческий пути этого незаурядного поэта. Вкратце сообщаются такие сведения: «Несмелов» — это псевдоним Арсения Ивановича Митропольского, который родился в Москве в 1889 году, имел братьев, печататься начал в Москве, молодость провел в окопах Первой Мировой войны офицером, затем с отступившей Белой армией попал во Владивосток, позднее в Харбин. В 1945 году был арестован в Харбине органами СМЕРШ и вывезен на территорию СССР, в Гродеково, где и скончался в возрасте 56 лет.

В вышеуказанный сборник не вошло стихотворение А. Несмелова «У чужого окна». В стихотворении сквозит тяжелое настроение поэта, чувство одиночества, бытовая неустроенность и тоска по родине. Такое чувство было у многих русских офицеров старой армии.

Могилу Арсения Ивановича сейчас, конечно, не восстановить, вряд ли хоронили арестованных по-человечески, да и времени сколько прошло! Но почитатели поэта, прежде всего Е. Витковский и А. Колесов, намерены попытаться восстановить хотя бы приблизительное место захоронения его в Гродеково, воздвигнуть там памятник поэту и отслужить панихиду. На эту скорбную церемонию приглашена дочь поэта, которая живет сейчас в Екатеринбургской области и с которой я переписываюсь. Приглашали и меня, но не могу поехать по семейным обстоятельствам.

Кроме того, почитатели поэта намерены ходатайствовать перед властями Владивостока о присвоении его имени одной из улиц города.

Такие яркие, одаренные поэты, как Арсений Иванович Несмелов, не должны быть забыты для потомства, они обогащают русскую культуру, а смерть поэта на полу гродековской тюрьмы — одно из многочисленных преступлений сталинизма перед этой культурой.

И. ПАСЫНКОВ,
ветеран труда.

ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: «Пора!»
В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян

в тех лесах, до города большого,
Где — окончен университет! —
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

Мы — не то! Куда б не выгружала
Буря волчью костромскую рать, —
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.

Пять рукопожатий за неделю.
Разлетится столько юных стай!..
...Мы умрем, а молодняк поделят —
Франция, Америка, Китай.

СТАРЫЙ ДОМ

Крысы покидали дом недаром,
Не напрасно пес ночами выл, —
Старый дом давно был под ударом
Враждовавших сил.

Дом вспылал, охваченный пожаром,
И окрестность озарил.

Заметались люди, завопили,
Поднятые из-под одеял,
Плачущих младенцев потащили,
Каждый драгоценности хватал.

А иные — устремленность к высям
Красоты, познанья и любви, —
Уносили книги, связки писем,
Ноты, сочинения свои.

Лишь один из тысячи вопящих
В миг, когда уже громада вся
Запылала, как сосновый ящик,
Вышел, ничего не унося.

Ибо знал, что не спасают крохи,
Что, сжигая старый дом до тла,
Роковая молния эпохи
Всех равно на гибель обрекла.

ЭПИТАФИЯ

Нет ничего печальней этих дач
С угрюмыми следами наводненья.
Осенний дождь, как долгий, долгий плач, —
До исступленья, до отупленья!

И здесь на самом берегу реки,
Которой в мире нет непостоянней,
В глухом окаменении тоски
Живут стареющие россияне.

И здесь же, здесь, в соседстве братых лам,
В селеньи, исчезающем бесследно, —
По воскресеньям православный храм
Растерянно подъемлет голос медный!

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строенья подмытые повисли.

И через сколько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма — нет,
И только память обо всем об этом,
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

Библиотека

В столыпинском вагоне

Иван Лазаревич Полежаев, директор педучилища в станице Ленинградской Краснодарского края, учитель литературы, был арестован в августе 1944 года. Приговором военного трибунала войск НКВД Ставропольского края от 26 июня 1945 года осужден по статье 58-1 «а» УК РСФСР к лишению свободы на 10 лет с последующим поражением в правах.

Из справки «взамен паспорта»: «как спецпереселенцу разрешено проживать только в пределах гор. Воркуты по 11.VIII-1957 года».

Отбыл заключение и ссылку «от звонка до звонка». Шестнадцать лет жизни.

Полностью реабилитирован Определением Верховного суда СССР от 7 июня 1960 года.

1960 годом датированы первые записки Ивана Лазаревича — воспоминания о тех годах.

Ниже — отрывок из этих воспоминаний.

„ВСЕ течет, все меняется», — сказал великий грек. Истина непреложная, но в то же время и не абсолютная. Прошло сорок лет с тех пор, как в таких вагонах с решетками увозили в Сибирь вольнодумцев, выступавших против узурпаторского самодержавного строя. Много с тех пор утекло воды в реке жизни, многое изменилось, сместилось, переместилось, разрушен старый уклад, установились совершенно новые, доселе невиданные общественные отношения, а вагоны с решетками по-прежнему ходят по рельсам железных дорог страны.

Сквозь затуманенные стекла видны силуэты людей, но разобраться, что там происходит, трудно. А там происходит вот что: в пятнадцати купе, набитых до отказа заросшими, небритыми людьми в рабочей одежде, потихоньку переговариваются, курят, принимают «продовольственный паек», ходят в туалет с разрешения сидящего в начале вагона охранника. Выхода из вагона нет и не будет до очередной выгрузки. Посаженные на этап в Баку, они в первый раз выгружаются в Ростове. После 3—4-дневного перерыва и бани опять водворяются в вагон на несколько дней. Едут медленно. Вагон прицеплен к товарному поезду. Следующая выгрузка — через неделю — происходит в Москве. Подходят а/машины с закрытыми кузовами и надписями «продовольствие», «мясо» и др. Это «воронки». В них всех перевозят в центральную пересылочную тюрьму. В ней те же процедуры, что и Ростове, с бритьем дополнительно. Здесь все более организованно. Виден какой-то порядок. Все-таки Столица. Выгружают и вновь грузят на каких-то глухих запасных путях. Посторонних никого нет. Сор из избы не выносят. Худая молва не должна пойти по свету и не должна портить представление о нашей благопристойности и гуманности. Все чин-чином. Порядок!

ДАЛЬНЕЙШИЙ путь длинный, через какие-то незнакомые станции, и тянется две недели без выгрузки, на одних скудных порциях консервированных бобов, с тремя кружками холодной воды и без единого глотка свежего воздуха. Раза 3—4 дают кипяток, а вообще — холодная, рыжая вода. Иногда видно, как ее черпают ведрами через проруби льда каких-то речушек. Мучительно медленно тянется время, и долог этот страшный путь на Север. Понятие о времени в сущности уже утеряно. Мы начинаем терять представление и о прошлом, о том, что когда-то было. Кроме желания получить миску хоть какой бы то ни было горячей похлебки или даже кружку кипятка и хоть немного подышать свежим воздухом, — нет ничего. Все человеческие чувства кажутся атрофированными. Машинально едим и пьем, что дают, курим и спим.

В купе 18 человек. Внизу сидят 8 человек, а на двух верхних ярусах спят, тесно прижавшись друг к другу, еще 10. Вагон набит людьми, как бочка сельдью. Дороге этой и кошмару не видно конца. Во время этого перегона 3—4 человек вынесли на носилках из вагона. Говорят, «отдали богу душу», а по-лагерному, «убыли по литеру Б».

Прислушиваюсь к разговору рядом — незнакомая речь. Прислушиваюсь лучше и начинаю понимать, что здесь едут немцы. Один из них обратил внимание на меня и спросил: «Шпрехен зи дойч?» Это я, конечно, понял и отрицательно покачал головой. Тогда он заговорил со мною на чистом русском языке. Я ему сразу ответил: «Вот это другое дело». Он улыбнулся.

ДОРОГА была длинная, делать было нечего, и мы тихо под стук колес вели свой разговор. Между прочим я спросил, откуда он знает русский. Он ответил, что был профессором Йенского университета на кафедре иностранных языков и что русский язык и литература его узкая специальность. Так же между прочим, а в тайне проверяя правдивость ответа, я прочитал наизусть:

Горные вершины спят во тьме
ночной,
Тихие долины полны свежей мглой,
Не пылит дорога, не дрожат листы,
Подожди немного, отдохнешь и ты.

Он радостно улыбнулся и сказал: «Гёте, Лермонтов». Потом добавил: «Прожить столько лет, как Гёте, и оставить такое литературное наследие, одно дело. Он гениален, сомнений нет. Но прожить всего 27 лет и оставить своему народу такие творения, как «Герой нашего времени», «Демон» и богатейшую, глубоко индивидуальную лирику — это уже другое дело. Перед Лермонтовым надо в глубоком, скорбном молчании склонить голову. Так же как и в немецкой литературе перед памятью Гейне». Я полностью с ним согласился. Здесь мы сразу нашли общий язык.

Потом я задал ему вопрос: «Как такой большой, умный, талантливый народ как немцы мог допустить появление фашизма на своей земле?» Он ответил, что это вопрос сложный. Что он не только как немец, а и как человек вынужден признать правдивость и жизненность некоторых положений в теоретических основах фашизма, также как и в идейной концепции коммунизма, но тем не менее должен категорически отвергнуть методы достижения целей, поставленных этими двумя концепциями. Немецкий народ в массе своей не разделял и не может разделять основные цели, а также идейные установки фашизма. А то, что солдаты хорошо дрались на фронте, а весь народ выносил на своих плечах основную тяжесть войны, вовсе не значит, что он полностью разделяет и поддерживает всю эту концепцию. Вообще, он это делал больше под тяжестью, под принуждением, а также в силу некоторых коренных черт в характере немецкого народа: добросовестное отношение к работе, аккуратность, дисциплинированность... «А также ввиду посулов и приманок, которые ему делал Гитлер?» — спрашиваю. «К сожалению, да» — ответил он.

Я заметил: «Немецкому народу следовало бы забыть об этих ценных своих качествах, когда он имел дело с концлагерями, тотальным истреблением евреев и мирного населения на оккупированных территориях». «Должен согласиться с Вами. Об этом больно говорить, хотя краски иногда сгущают. Не думайте, что я парирую удар, но хочу сказать, что та же жестокость, насилие и произвол, которые царили в вашей стране во время коллективизации, а также физическое уничтожение почти всего руководящего состава на местах, массовые аресты и суды над людьми, не разделявшими партийную, а точнее сказать — однопартийную политику, массовые расправы над людьми, не разделявшими точку зрения Сталина, согласитесь, это также был террор...»

Я понял, что рядом сидит не просто профессор, а человек всесторонне образованный, сильный противник. Как бы в подтверждение моих мыслей он добавил: «Об этом нам хорошо известно из печати как своей, так и заграничной».

Чтобы переменить тему разговора, я спросил его: «В книге «Так говорит Заратустра» Ницше написал: «Вечная тайна превратила бы людей в диких зверей, а вечный мир — в высших животных», это жизненная концепция и характер немецкой нации, германского духа?» На это мой сосед по необходимости и спутник по тяжелому путешествию успел сказать: «Это историческая судьба немцев, зажатых тисками в центре Европы. Мы вынуждены были это делать, чтобы отстоять себе землю для жизни. Чего, конечно, нельзя сказать по отношению к экспансии Российского самодержавия на юг и восток в течение почти 300 лет».

Поезд остановился. Охранник зачитал список людей на выход. Немцы, человек 20 в вагоне, собрались и стали в очередь. Мой собеседник сказал: «Надеюсь, мы квиты?» А потом добавил: «До свидания в лучшем месте». После стало известно, что немцев выгрузили на станции Инта. Там начиналась добыча нефти.

Иван Лазаревич Полежаев
Воркута, 1955 г.

ВРЕМЯ, надо полагать, важный фактор в нашей жизни. Но в этом вагоне с решетками, в духоте, смраде, в тесноте, которую трудно себе представить, оно исчезло совсем. Люди в телогрейках и шапках-ушанках, в кирзовых ботинках, плотно как только можно прижавшись друг к другу, лежали на двух верхних ярусах; почти всем приходилось лежать на боку, так вместительнее. На нижних полках, так же вплотную, но сидели, дремали, тихо переговаривались. Отапливался вагон или нет — трудно сказать, трубы были холодными, но холода не чувствовалось из-за большой массы человеческих тел. Живой груз за решетками под конвоем следовал на Север, по слухам, в какую-то таинственную Воркуту. Слухи подтвердились, когда в сером туманном свете дня промелькнуло название станции — Княжпогост. Сразу вспомнилось: десятилетники «призыва» 1936 года рассказывали, что в начале срока им пришлось строить железную дорогу на Воркуту, к месторождению каменного угля. Запомнились их рассказы о тяжести этой работы, голодном времени и больших человеческих потерях. «Много там нашего брата навсегда осталось лежать в скупой холодной земле Севера».

От этого легче не стало, но все же...

ВАГОН медленно, с длинными стоянками, продвигался вперед, в неведомую даль. Сперва день был 5—6 часов, чем дальше ехали, тем день становился короче. В полумраке вагона и в темноте вне его трудно было понять, какое время суток приходится переживать. Приблизительно его можно было устанавливать по выдаче пищи: если пайка хлеба — значит, утро, если 3—4 ложки консервированной фасоли — полдень, дали кипятка — вечер. Потом кипятка не стало. Пришлось пить холодную воду — какую-то темную жидкость. Иногда целый день и ее не было, мучала жажда. Под напором выкриков «Начальник, пить хотим!» во время заправки паровоза приносили под охраной двух конвоиров четыре ведра воды. Тогда начинался пир.

Так ехали без горячей пищи и кипятка по крайней мере неделю. Наконец, поезд остановился надолго, вагон отцепили и поставили в каком-то глухом месте. Кто-то сказал: «Приехали». Это и есть Воркута? Последовала команда: «Всем подняться и подготовиться к выходу!» Выходим, строимся по четыре. Кружится голова. Под охраной конвоя, с такими же симпатичными овчарками, подошли к воротам из колючей проволоки, здесь нас еще раз пересчитали и отвели в барак на ночлег. Вскоре принесли кипяток, дали алюминиевые кружки, и люди, обжигаясь, с жадностью и нескрываемой радостью стали глотать его.

Когда жажда была утолена, кто-то громко на весь барак сказал: «Не унывай, ребята, начинаем новую жизнь».

Начиналась Воркутинская эпопея.

Записки обнаружены родными после смерти И. Л. Полежаева в мае 1987 года.

СПРАВКА
(взамен паспорта)

Полежаеву Ивану
1903 года рождения,
уроженцу гор. Новочеркасск
Ростовской области Краснодарского края
русский
в том, что
Год и
гор Воркута
нар. суд 3 года
по ст. 58-1 «а» УК-57 года
Полежаев И. Л.
5 г.
Ерилов

Справка «взамен паспорта»

ХОРОШО БЫ КАКОЙ-НИБУДЬ ПИСАТЕЛЬ НАПИСАЛ КНИГУ!

Еще в период подготовки к «Неделе памяти спецпереселенцев» в ноябре 1989 года Хибинское общество «Мемориал» распространило среди жителей региона анкеты, в которых первым вопросом (из пяти) был: «Есть ли среди Ваших родных и знакомых спецпереселенцы!»

Сейчас, наверное, уже трудно в это поверить, но тогда еще очень многие люди, особенно пожилого возраста, пугались даже просто упоминания вслух этого слова «спецпереселенец» и отказывались отвечать на анкету; некоторые отвечали, но анонимно.

Однако находились и такие, которые не только сами отвечали на эти анкеты, но и брали на себя труд отправить ее тем, кто уже перебрался из Хибин куда-нибудь южнее. И еще долго мы получали потом заполненные анкеты из разных городов страны.

И вот совсем недавно, нам передали ответы на наши вопросы, привезенные из г. Бендеры, и сегодня мы публикуем их (с небольшими сокращениями).

Мой отец — Кремено Григорий Семенович, 1875 года рождения, украинец, образование 1 класс.

Моя мать — Кремено Ирина Никитична, 1875 года рождения, украинка, неграмотная.

Отец и мать родились в Днепропетровской области. Отец работал у помещика пастухом, своей земли не было.

В 1901 году отец со своими родителями поехал на волах на свободные земли в Челябинскую область (сейчас Курганская), Усть-Уйский район, деревня Песочки. Построили землянку и начали жить.

До 1929 года наша семья имела хороший дом, 25 десятин земли, сеяли в основном пшеницу, овес, лен, коноплю и овощи. Для выполнения работ было 6—8 лошадей, 4—6 коров, 30—40 овец, коз, 3—4 свиньи, куры, утки, индюшки. Сельскохозяйственный инвентарь — плуги, бороны, сеялки, косилки, веялка, молотилка. Все это содержалось в порядке, скотина, птица были накормлены вовремя. А когда начиналась уборка хлеба и молотьба, то помогали всей деревней по очереди, дополнительных рабочих не держали.

В 1929 году началась коллективизация. Налоги за налогами, забрали скотину, сельхозинвентарь, а зимой забрали и дом. До высылки мы жили на квартире.

В 1930 году в конце августа подъехала бричка, предъявили бумагу о высылке. Погрузили наши вещи и нас: отца, мать, Григория, Анну и меня. Старшие сестры — Ирина, Евдокия и Оксана — к этому времени уже вышли замуж и жили отдельно. Привезли нас на станцию Шумиха, а там погрузили в товарные вагоны и сказали: «Из вагона не выходить, не открывать». Только уже на разъезде Титан, нам впервые сообщили, что мы можем выйти из вагона и погулять. И только через ночь нас начали разгружать напротив будущего горнохимического техникума.

Поместили жить в палатку № 44, где было много жильцов. Нам достался один квадратный метр на полу у входа, а в дальнейшем и мы попали на нары. В палатках жили и в 1931 году. Большинство людей жили в палатках, шалманах, сараях, будках и конюшнях. С 1932 года быстро строились щитовые дома и людей размещали по 2 семьи в комнату. Дома росли как грибы, на 20-м километре, Хибиногорской улице, на 18-м километре. Строили фабрику, ТЭС, кинотеатр, горбольницу, школы и многое другое. Все это строилось руками спецпереселенцев — в руках лопата, кирка, лом, топор, пила, носилки, тачка, подвозку вели на лошадях. Люди трудились добросовестно, я бы сказал, с огоньком. Сегодня он извозчик, завтра плотник и т. д. Заработки были небольшие, со спецпереселенцев высчитывали на комендатуру 5%. Питание в 30—31-м годах было неплохое, а затем все хуже и хуже.

В 1937 году наша семья переехала на станцию Апатиты, так как мой брат Григорий работал на железной дороге электриком по проводке контактной сети для движения электровоза на перегонах Кандалакша—Имандра и Апатиты—Кировск. И мне пришлось жить и встречаться с жителями и рабочими подсобного хозяйства «Индустрия», рыбаками Тик-губы, и все они были спецпереселенцами. Вообще весь Хибиногорский (Кировский) район освоен и отстроен руками спецпереселенцев. Правда до 1931 работали еще и заключенные — узлонцы, но потом их не стало. В 1935 году часть спецпереселенцев перевели строить город Мончегорск.

С 34-го года начали приезжать вольнонаемные с различных концов страны, большинство из Архангельской, Вологодской, Новгородской областей.

Д. КРЕМЕНО.

Мой отец, Николаев Дмитрий Николаевич, 1895 года рождения, и мать, Николаева Елена Сергеевна, 1894 года рождения, в 1931 году выселены в г. Хибиногорск (ныне Кировск) Мурманской области, на Кольский полуостров, из деревни Петрово Окуловского района Новгородской области.

Основное их занятие до раскулачивания было земледелие, а в период НЭПа занимались торговлей, на это имели патент. Отец был хороший кондитер и пекарь, эту профессию он унаследовал от своего отца. Отец и мать пекли пряники, баранки (сушки), ситный и продавали в своей деревне, а в религиозные праздники выезжали торговать в другие деревни, чаще туда, где имелась церковь. Земли обрабатывали немного, обрабатывали сами. Скота было тоже немного — 2 коровы, 2 лошади, 2 овечки, поросенок и куры. Хлеба выращивали только для своей семьи и часть сдавали государству. Да и в период НЭПа, когда занимались торговлей, наемных работников тоже не держали.

Когда началась коллективизация в нашей деревне, моих родителей в колхоз не взяли, обложили непосильным налогом. Первое обложение родители сумели погасить, но последующие были уже не в состоянии уплатить, и у них все отобрали — скот, сельскохозяйственный инвентарь, транспортные приспособления, затем дом, скотный двор, а потом и избу, которая была приспособлена для пекарни.

Когда мы оказались на улице, нас увезли в товарных вагонах в Хибиногорск, где было еще очень мало населения, а жилищ, кроме палаток и шалманов, не было. Жить пришлось в ужасных условиях, люди умирали сотнями. Наши родители испытывали боль отлучения от родины и очень трудно свыкались с чужой землей, хотя она приютила, обогрела и даже накормила их.

Отец в Хибиногорске первое время работал возчиком на лошади, вывозил в бочках помойку от столовых, в столовых нам давали еду (кашу, супы) и этим мы питались. Потом отец перешел на работу в пекарню. Он тогда там был лучшим мастером по выпечке булочек, пряников, баранок. А потом в Хибиногорске построили большой завод и отца перевели туда на работу.

Мать работала на черных работах. Мы с братом росли, выучились и сейчас пенсионеры. Я живу в Молдавии, а брат в Ташкенте. Родителей нет в живых.

Жили мы в палатках, бараках без удобств. Но как жили! Как одна семья! Пусть мы все были не совсем сытые, не совсем обутые и плохо одетые. Вечерами родители выходили на улицу и пели, плясали, шутили и смеялись. Люди жили дружно, выручали друг друга. Родители наши друг с другом были добрыми, по праздникам пекли пироги, куличи, угощали соседей, мы во всем помогали родителям. Родители учили нас своим примером отзывчивости, милосердию и коллективизму. В выходные дни переселенцы в палатках, шалманах или бараках на кухне коллективно пили чай из самовара, слушали патефон, жили в доверии и дружбе, близко принимали к сердцу беду любого человека. А теперь?..

Спецпереселенцы в освоении Кольского полуострова сыграли основную роль. АНОФ-1 построена целиком руками спецпереселенцев без какой-либо техники. Хорошо бы какой-нибудь писатель написал книгу о труде и жизни спецпереселенцев!

М. КРЕМЕНО.

Гродеков Николай Иванович (1843—?)

(ДОПОЛНЕНИЕ К ОЧЕРКУ «НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ»)

Выпускник николаевской академии генерального штаба.

В 1873 году в качестве начальника мангышлакского отряда участвовал в Хивинском походе, был награжден золотым оружием.

Позднее предпринял с двумя джигитами рискованную поездку через северный Афганистан и восточную Персию для исследования сопредельных стран. Плодом этой поездки стали очерки «Чрез Афганистан», переведенные на английский, французский и немецкий языки.

В 1880 году в качестве начальника штаба генерала Скобелева принимал видное участие в ахал-текинской экспедиции, за что был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. С 1883 года в течение 10 лет был военным губернатором Сыр-Дарьинской области.

В 1893 году уже в чине генерал-лейтенанта получает назначение помощником приамурского генерал-губернатора. Стараниями Гродекова в Хабаровске был образован отдел императорского географического общества, учреждена публичная библиотека и музей с богатыми коллекциями по археологии и этнографии.

С 1898 года являлся приамурским генерал-губернатором, командующим войсками приамурского военного округа и наказным атаманом приамурских казачьих войск.

В 1900 году был главнокомандующим войск в Маньчжурии, под его руководством покоривших эту страну.

Перу Н. И. Гродекова принадлежит ряд трудов и статей по вопросам военного искусства, политики и географии.

Поскольку все вышеприведенные сведения взяты из седьмого тома Большой энциклопедии (под ред. С. Н. Южакова), изданного в С.-Петербурге в 1903 году, позднейшая судьба Николая Ивановича Гродекова редакции «Котлована» пока неизвестна.

В настоящее время имеется два населенных пункта, носящие название Гродеково — в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

В ЭТОТ ДЕНЬ

В этот день встревоженный сановник
К телефону часто подходил,
В этот день испуганно, неровно
Телефон к сановнику звонил.

В этот день, в его мятежном шуме,
Было много гнева и тоски,
В этот день маршировали к Думе
Первые восставшие полки!

В этот день машины броневые
Пополам по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим!

В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.

В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки,
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.

В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, — надломилась ось:
В этот день в отравшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.

Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский тон, —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон.

Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день!

ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ ОДЕССКИЙ «МЕМОРИАЛ»? — ВСЕМ!

(перепечатано из «МЕМОРИАЛ-АСПЕКТ» №11)

I. ПОИСКОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА.

1. Продолжаются раскопки мест массовых захоронений на II Христианском кладбище. Поисковая группа работает в составе комиссии горисполкома по увековечению памяти о жертвах массовых репрессий. Руководитель группы — Н. В. Данилов.

2. Продолжается передача списков репрессированных по Одессе и Одесской области из КГБ (ныне Служба Национальной Безопасности Украины). Указываются фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, профессия — должность, когда и кем был арестован, статья, срок, когда и кем был осужден, дата смерти (если расстрелян или умер в заключении), когда, кем и на каком основании реабилитирован.

Списки будут публиковаться в специальном приложении к областной ежедневной газете «Юг» («Знамя коммунизма»).

3. Составляется картотека репрессированных по Одессе и Одесской области. Подготовлена программа для введения этой информации в компьютер.

II. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА.

1. Одна из работающих библиотек города решением горисполкома определена как базовая библиотека «Мемориала».

2. Ежемесячно в библиотеке проводятся заседания дискуссионного клуба.

3. В одесской прессе публикуются материалы о работе «Мемориала».

III. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

1. Сформирована и активно работает комиссия горсовета по вопросам восстановления прав реабилитированных (председатель, заместитель и 5 членов комиссии — члены «Мемориала»). Производятся выплаты компенсации реабилитированным по Закону Украины о восстановлении прав реабилитированных.

2. Продолжается вручение книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

3. Нескольким одиноким репрессированным оказывается патронажная помощь.

IV. ПРАВОЗАЩИТНАЯ РАБОТА.

1. Создана правозащитная группа.

2. В октябре члены группы и депутаты горсовета ездили в Молдову (Кишинев, Тирасполь, Дубоссары). Готовится Круглый стол представителей разных общественных организаций Молдовы и Приднестровья.

V. МАССОВАЯ РАБОТА, СОБРАНИЯ, КОНФЕРЕНЦИИ.

1. Одесский «Мемориал» совместно с Философским обществом и Домом ученых провел в сентябре собрание интеллигенции Одессы. Было решено поддержать проведение референдума по Акту о независимости Украины и организовать сбор подписей под Обращением граждан Одессы к Верховному Совету Украины.

2. 30 октября — в День советского политзаключенного — была проведена траурная цепочка возле здания КГБ.

3. 1 и 2 ноября состоялась III отчетно-выборная и методико-практическая конференция Одесского

(Окончание на стр. 8).

Библиотека «Мемориал»

РЕПРЕССИРОВАННАЯ СЛУЖБА

О том, что в первые годы хозяйственного освоения Хибин первопроходцам и первопоселенцам пришлось немало горя хлебнуть от суровой природы, знают все. Очень многим также известно, что в первые годы жизни нового города Хибиногорска и его поселков десятки людей погибли под снежными обвалами. Для предотвращения новых жертв в 1935 г. трест «Апатит» создал специальную снежно-метеорологическую службу. В том же году аналогичная служба была организована в Швейцарии. С тех пор и до наших дней и в Хибинах, и в Альпах существуют профессиональные «охотники за лавинами».

Г. Оттен. Фото 1976 года.

Вот только судьба зачинателей оказалась разной. Альпийцы набирались опыта, защищали докторские диссертации, приобретали научную маститость, дискутировали на конференциях, выпускали ученые труды, но и погибали в холодных объятиях лавин, вели счет неудачным прогнозам и сокрушительным катастрофам. Стихия есть стихия!

У нас все было примерно так же. За исключением клейма «враг народа», которым щедро метила власть мужественных исследователей.

Еще до приезда в Хибины получил это клеймо всемирно известный геолог, профессор Новочеркасского политехнического института П. Н. Чирвинский. Причастный к геологическим изысканиям в Донбассе, он, как и полагалось в то время, попал в разряд «вредителей» по известному делу Промпартии. Большой эрудит и подвижник науки, Чирвинский в начале тридцатых годов одним из первых обратил внимание на хибинские лавины и был среди инициаторов создания снежной службы.

Доцент И. К. Тихомиров, большой знаток метеорологии и гидрологии, попал в Хибины тоже в начале тридцатых годов, и тоже не по своей воле. Будучи глубоко религиозным человеком, он не отрекся от Бога, за что и был выслан в высокие широты. В снежной службе он был руководителем гидрологической части.

Один из первых руководителей службы снеборьбы (предшественницы снежно - метеорологической службы) С. Константов прибыл в Хибины из солнечной Керчи, где на металлургическом заводе попал в категорию злостных «вредителей».

Как ни странно, но после лавинной катастрофы 1935 г., когда в поселке Кукисвумчорр погибло 90 человек, никто к ответственности не привлекался. А ведь правительственную комиссию возглавлял сам железный чекист Я. Петерс. Удалось убедить, что предвидеть удар стихии не было никакой возможности. В комиссии был авторитетный профессор Ленинградского горного института Трушков, подтвердивший такой вывод. Вскоре профессора тоже «заметут» при разгроме чекистами Ленинградского горного института.

Едва в сентябре 1936 г. официально начала действовать снежная служба, как через месяц в цирке Проченко погибают двое рабочих горнолавинной станции Юкспор. Начальник станции В. Пузанов готовился к худшему, но «обошлось» тремя годами осуждения условно.

Очередная лавинная катастрофа в 1938 г. уже рассматривалась не как «шалость стихий», но как прямое вредительство агента японской, польской и других разведок, начальника снежной службы И. Зеленого. Этот замечательный человек, в два года создавший удивительно эффективную службу практически на пустом месте и заложивший основы отечественной борьбы с лавинами, блестяще предсказал падение роковой лавины и предупредил об этом рудничное начальство. Увы, план добычи руды оказался им дороже человеческих жизней. Зеленый был приговорен к расстрелу, сидел в «Крестах», но через полтора года все же оказался на свободе. Ни один из сотрудников снежной службы, которых допрашивали чекисты, не дрогнул, наоборот, все в один голос опровергли измышления о том, что их начальник шпион и вредитель.

Когда началась война с финнами, другой крупный ученый из службы М. Анисимов немало пережил, будучи арестован как финский шпион. Самозабвенно исследуя жизнь снежного покрова, он в полярную ночь отрывал снежные шурфы и, подсвечивая фонариком, проводил измерения. Нашлись «бдительные товарищи», сообщившие «куда надо», что Анисимов из шурфа подает световые сигналы финским самолетам.

Выдающиеся инженеры А. Гофф и Г. Оттен, получившие мировую известность своими измерениями ударной силы лавин в Хибинах в 1936—1941 гг., были отлучены от своего дела с началом войны. Их выслали за Урал только потому, что по происхождению один был англичанин, другой — немец. Их старший товарищ Г. Саатчян, автор первой отечественной книги о лавинах, был арестован еще раньше, сразу же после первой поездки в Хибины в 1936 г., за то, что «где-то что-то сказал не так по поводу отца народов». Он погиб в 1939 году.

Совсем недавно в списках «Мемориала», опубликованных в «Кировском рабочем», появилось имя метеоролога Клименко. За что пострадал он, пока неизвестно.

К сожалению, это еще не все, кто попал в те годы под топор репрессий. Так что снежно-метеорологическую службу в Хибинах можно с полным основанием называть репрессированной службой.

Б. РЖЕВСКИЙ.

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

От Торгау до Темиртау

(ФРАГМЕНТ ТРЕТИИ)

Весной 1947 года из Торгау (Восточная Германия) ежемесячно уходили в Россию до пяти эшелонов с заключенными, в каждом от тысячи до полутора тысяч человек. В одном из них и был отправлен для отбытия приговора (10 лет ИТЛ) автор этих воспоминаний, Дмитрий Борисович Вышегородский.

Из тюрьмы строй выплескивается на улицу. Здесь он попадает в руки другого конвоя. Эти с собаками. Почти у каждого на поводке здоровенная зверюга — овчарка! Злобная пасть оскалена, клыки обнажены!

Немцы из окон фотографируют колонну. Подобные кадры были, насколько мне известно, потом использованы американцами в ленте «Железный занавес».

Этап остановился у пристанционных путей. Два солдата на ломе, сгибаясь от тяжести, несут «кошку». Толстые, острые крючья прикрепляются к последнему вагону, лишь чуть-чуть повыше шпал — для предотвращения побегов.

В обычный пульмановский вагон загоняют сто человек, на каждых нарах по десять-двенадцать «счастливцев», остальные на полу или под нарами.

Звякнул паровоз, взревел и покатил туда — в страну тюрем, лагерей, пыток и произвола.

Ночь. Гремит, стучит на стыках вагон, бросает его из стороны в сторону. Мечутся в тяжелом сне, вздрагивают, стонут люди...

Долго длился этот мучительный путь, почти два месяца: в мае покинули Торгау, в июле прибыли в Темиртау, Горная Шория.

...Стал эшелон. Не слышно ни гудков, ни лязга сцепок, лишь глухо перекликаются часовые да рычат и лают конвойные псы.

Наружный скрип двери

— Выходи!

Состав в тупиковой ветке. Заключенные прыгают из вагонов. Многие падают. Высота до рельса более метра, да насыпь — итого метра под три будет! А слабые, давно не ходившие ноги почти не держат.

Лужайка чахлой травы. Ночью шел дождь — все мокрым мокро.

— Садись!

Через полчаса вся одежда мокра насквозь, хоть выжимай. Всех трясет озноб.

— Выходи на построение!

Конвой уже другой. Зеленые фуражки сменились красными — цвет крови — МВД СССР!

— В колонну по пять!

Неустройная масса колышется и в окружении красных фуражек втягивается в тайгу.

Неширокая просека. Валежины, маленькие пихточки, низкий кустарник... Все это мешает, цепляется за ноги, тормозит. Оттого строй идет неровно, то прерываясь, то подгоняя друг друга. Хриплый мат конвоя.

— Подтянись! Ты, падла фашистская, кому сказал, подтянись! — И отпускается собака. Не на весь поводок, а так — для острастки. Но хватает, чтоб цапнуть заключенного за бедро, вырвать клок из брюк.

Слева от меня еле идет Саша Пирогов, бывший капитан-орденоносец. Его многочисленные ордена достались ему не даром — ранений у него не меньше, чем наград. Еще в Торгау, в пересыльной тюрьме, у него открылись раны на ногах. Да и долгая дорога до Темиртау не прибавила ему сил. Лицо у Саши землистого цвета. Боль, видно, страшная. Но он идет. Не желает умереть здесь в лесу. Они ведь пристрелят — «Убит при попытке к бегству!»

Правая шеренга уперлась в какую-то преграду.

— Этап! Стой!

Кусок хлеба и миска баланды. Ложек нет. Выпил через борт, вытер куском хлеба — и все! Теперь до самого лагеря — ни крошки!

Тайга становится сумрачней, гуще. По бокам неширокой просеки мрачные пихты, больше валежин, мелколесья — идти тяжелей. Особенно труден последний подъем на сопку «Кораблик». Люди готовы упасть, но идут! Упадешь — конец.

Огромный шестиметровый забор. По верху в пять рядов колючая проволока.

Пока начальство принимает документы, заключенные рухнули в грязь перед воротами и никакие окрики уже не действуют. Сил больше нет!

Смотрю: чуть в стороне от ворот — два разорванных псами трупа. Н-да... С нашим братом здесь не церемонятся...

Подходит начальник лагеря. Крупный, сорокалетний, в форме старшего лейтенанта МВД. Лицо злое, мрачное. Громовым голосом заорал:

— Встать!

С превеликим трудом, помогая друг другу, поднимаемся с земли.

Начальник взбежал на высокое крыльцо вахты и оттуда, как с трибуны, простер руку. Ну, прямо Ленин на броневике.

— Всем видно, что там валяется? Поясняю — беглецы! И предупреждаю: кто прибыл сюда с мыслью бежать — выбросьте ее из головы! На свободу есть только один путь: работа, работа и еще раз работа. Плюс строжайшее выполнение приказаний начальства.

Запускают в зону по пятеркам.

Тьма и грязь в бараке. На полу махорочные ошметки, сор, обрывки тряпья. Нар нет. Сели на пол, прислонились к стенам. Кому у стен места не хватило — легли прямо посреди пола — не привыкать!

Люди, измученные до предела, мгновенно уснули, не почувствовали, как набросились на нас мириады прожорливых паразитов. Только утром разглядели искусанные в волдырях руки, шеи, лица.

Вот он «лагерь». Сколько же мне предстоит провести в нем? Когда забрезжит, даже не надежда, а только ее отсвет, крошечная узенькая полоска света из-за железной двери... Доживу ли я до нее?

г. Апатиты.

Закон принят. Что дальше?

А дальше легкий туман начинает окутывать четкие контуры юридических формулировок. И возникает множество вопросов. Например: в какой мере данный Закон касается «раскулаченных»?

Старший помощник прокурора Мурманской области Виктор Леонидович Круглов считает, что те из них, кто в процессе «раскулачивания» попали на «спецпоселение», подлежат реабилитации согласно статьи 3 (пункт «а»). И предлагает им обращаться за справкой о реабилитации в органы внутренних дел по месту их проживания до высылки.

Хибинское общество «Мемориал» отправило запрос в Комитет Верховного Совета РСФСР по правам человека, поскольку именно там готовился этот Закон, с просьбой разъяснить ряд неясных вопросов, а также учесть при разработке положений о «вкедрии» Закона в жизнь некоторые наши предложения, связанные с сохранностью (или напротив, с неполнотой), соответствующих архивов.

Несмотря на то, что 18 декабря двухмесячный срок, о котором говорится в Постановлении ВС РСФСР о порядке введения в действие этого Закона, уже истек, в настоящее время никаких дополнительных разъяснений ни в Прокуратуру, ни в УВД Мурманской области еще не поступало. Об этом нам сообщил в телефонном разговоре тот же В. Л. Круглов.

Похоже, что аналогичная ситуация имеет место и в других регионах. Так, представитель «Мемориала» И. Н. Пасынков запросил Совет Министров Башкирии по поводу льгот и компенсации, упоминаемых в Законе, и получил расплывчатый ответ, не вселяющий оптимизма: «Еще будут разные разъяснения, решения, сроки и т. д., так что быстрой выплаты компенсации, не ожидается».

П.Б.

Чем занимается одесский «Мемориал»? Всем!

(Окончание. Начало на стр. 7).

общества «Мемориал». Были обсуждены отчеты и проекты резолюций, избраны представительский Совет и Правление, принято решение не избирать сопредседателей на предстоящий год, принят ряд резолюций, в частности, о:

— оценке работы Одесского общества «Мемориал» за прошедший год;

— программе работы на предстоящий год;

— приоритете нравственных норм по отношению к политическим интересам;

— политической ситуации на Украине;

— политической ответственности КПСС перед народом.

4. Регулярно (ежемесячно) проводятся собрания членов Одесского «Мемориала».

270026, г. Одесса-26, ГСП, «Мемориал» (пер. Чайковского, 10).

Наш адрес: 184200, Апатиты, а/я 215, тел. 37-993. Заказ 7548. Тираж 1.600.

Редактор П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

Библиотека Мемориала
Народ Мемориалу

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 1 (10) МАЙ 1992 ГОДА Цена 5 руб.

КАК МЫ У СТАЛИНА САЛО УКРАЛИ
Стр. 2
РАССКАЗЫВАЕТ И-401. ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ. МАНЬЧЖУРИЯ — УРАЛ
Стр. 2—3
МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»
Стр. 4—5
ТБИЛИСИ — 1961, НОВОЧЕРКАССК — 1962, ФРУНЗЕ — 1967
Стр. 7
СКВОЗЬ ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛЕЗЫ
Стр. 2—8

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СЕВЕРОВОСТОК

1920

«Да будет благословен приход твой, Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя».

Слова св. Лу — Архиепископа Турского, обращенные к Атилле.

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северовосток.

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья,
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.

Ныне ль, даве ль — все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

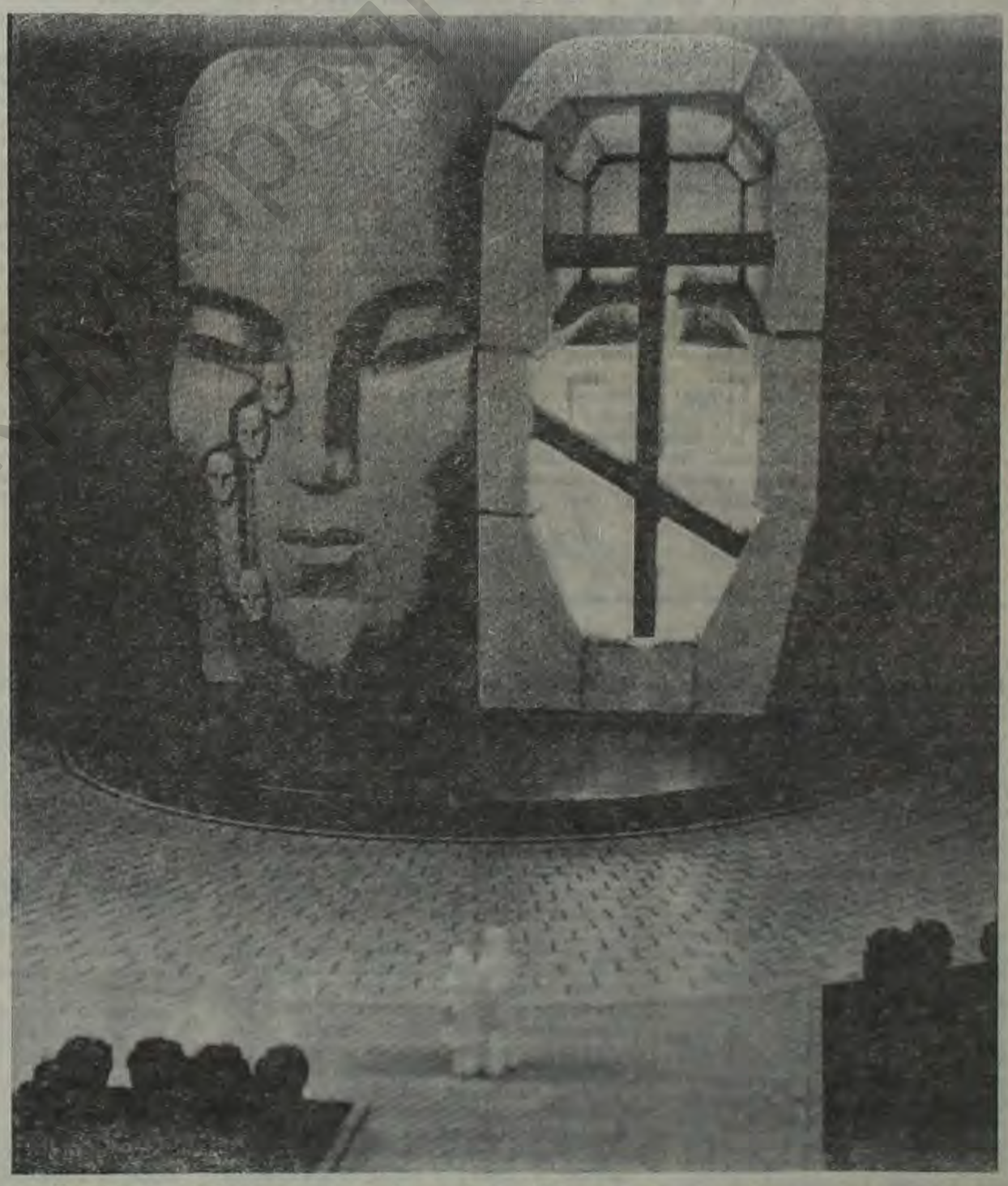
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред разведок, ужас Чрезвычаек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик —
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем,
Иль найдем поруганный наш храм, —

Нам ли весить замысел Господний?
Все поймем, все вынесем любя —
Жгучий ветр полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

Коктебель 31 июля 1920.

Проект памятника жертвам репрессий в Екатеринбурге

«Я начинал работать над этой идеей с 1954 года. За это время мною написаны теоретические обобщения, суть которых сводится к тому, что создание такого монумента не только художественно, но и социально необходимо. Именно он даст основание не только почтить память погибших, но и станет местом собраний и манифестаций.

В основе тезисов — морально-этические принципы. Я взял за основу слова Перикла, который сказал: «Мы, греки, ставим монументы содеянному нами добру и злу». Но в России никогда не ставились памятники содеянному нами злу. Эти этические задачи были известны А. Д. Сахарову. Я счел уместным стать членом общества «Мемориал» (билет № 33)».

ЭРНЕСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ.

9 апреля 1992 года, Екатеринбург.

Библиотека Международного Мемориала

Сквозь прощальные

Почему именно главы из поэмы Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы» попали на страницы нынешнего номера «Котлована»?

Может быть, потому что в иронии Кибирова, как считает критик Александр Архангельский, «есть что-то лагерно-горькое». А может, потому что его строки как бы создают дополнительное культурно-историческое пространство, в котором другие материалы воспринимаются острее и глубже.

В любом случае редакция надеется, что встреча с этим широко известным в узких кругах поэтом окажется интересной для нашего читателя.

Отрывки из поэмы печатаются по тексту, опубликованному в альманахе «Время и мы» (совместное издание журнала «Время и мы» и издательства «Искусство», Москва—Нью-Йорк, 1990).

КАК МЫ У СТАЛИНА САЛО УКРАЛИ

—Да, работал я на шлюзе, в 5-м Тунгудском отделении ББК, 29 человек нас команда была заключенных. Раз смотрим, пароходы идут, первым «Карл Маркс», на колесах еще, а за ним катер «Чекист». Швартуются они, мы трап подаем. И выходят, первым начальник Михайлов, затем Киров, Ворошилов, кто еще? Да, Ягода, Сталин и Полина Жемчужина, нарком рыбного хозяйства. А Полина Жемчужина сойти боится, ступит на трап, а он прогибается, она женщина большая была, так мы второй трап подкладывали специально для нее.

Посмотрел на нас Киров, в чем мы одеты неподходящем таком, и велел всем заключенным морскую форму выдать. А потом мы загружали их пароход, много всяких ящиков с едой перетаскали на себе, таскали-таскали, а потом надумали, взяли один ящик да как-будто нечаянно и уронили в воду. А дело то было в шлюзе. «Сталинский» пароход ушел, мы воду спустили и ящик достали, он с салом оказался, так мы у Сталина сало украли».

* * *

Вызвали меня в третий отдел, часть. Ну, где еще пальцы снимают. Говорит начальник: «Мы решили отправить тебя в Тулому, на Север. Поедешь?» А какой с меня может быть ответ? Поеду. Привезли под конвоем до поезда, посадили. Как был в бушлате и штанах лагерных. В поезде ехал без конвоя, на руки мне бумагу дали, что я заключенный, еду в лагерь. И не думал о том, чтобы сбежать.

Прибыл на станцию Кола вечером. Темно было. Куда идти неизвестно. Пошел к дежурному по станции. И он показал мне дорогу. Пошел по ней, вижу впереди еще один человек шагает. Оказалось тоже заключенный, идет в лагерь. Мы пошли вместе. Его звали Верещагин Николай.

Первые две недели работал на общих — бурильщиком. Бурили вручную. Вдвоем. Один бур держит, проворачивает, второй бьет кувалдой. Потом меняемся. Тяжелая работа очень. Норма в карантине была вначале 0,5 метра, а так 3 метра на человека. Кто норму не выполнял — штрафная пайка, 300 грамм хлеба. А выполнишь или нет, это как повезет. В щель в скале попадешь, так быстро. Машин на строительстве не было, два бура заграничных больше стояли. Тачки, грабарки да носилки — вся механизация.

В отделении было четыре лагпункта. 4-й в Коле, самый легкий, как бы карантинный. Один на острове. В Мурмашах, кажется, 1-й лагпункт. Там и управление лагеря. Начальник Сиротов, ромбы носил. Иевлев, его заместитель. При каждом лагпункте была своя санчасть, из заключенных, конечно (на тот свет только вылечить могли), своя пекарня со столовой. В каждом лагпункте десять жилых бараков, а то и больше. А сколько человек в каждом, сказать не могу. Может, пятьсот или больше. Как сельдей в бочке, так сказать.

Заключенные в лагпункте делились на «колонны», «колонны» — на бригады. В «колонне» связистов было сто человек. Работали по двенадцать часов. Утром в 5—6 часов подъем, завтрак, развод. И в семь часов должны уже работать. Еда была так себе, неплохая. На первое — (непеч.) какая-то, «болтушка», на второе крупа. Отварная. Во время работы перерыва на обед не было.

Умирали ли люди? Ну, конечно. Вот перед тем, как вести на работу, конвой говорит: «Шаг влево, шаг вправо — считается побег, конвой применяет оружие самостоятельно». А там дорога, знаете, какая? Ямы, камни. Кто-то один споткнулся и вся колонна запнулась. Человек выпал из колонны, его и застрелили.

Еще бурильщики часто гибли. Попадет буром в невзорвавшийся пиропатрон — и все. Линию связи тянули на Абрам-мыс—гибли: то деревом придавит, то утонет. По Туломе, по первому льду сани с зэками под лед проваливались. Умирали, что вы! При обвале на водосбросе погибло очень много. Летом то ли 35-го, то ли 36-го, не помню точно.

Как получилось? Ночная смена взрывы произвела, а дневная на работу заступила. Ну, как всегда. И стена канала обвалилась. Метров больше ста. Точно больше. Всех, кто работал, скалой и завалило. Людей, лошадей с телегами. Кровь из-под камней текла. Васька Козлов погиб. И другие. Много сотен. Три дня вытаскивали, иногда даже живых, покалеченных. Сактировали инвалидов некоторых. Комиссия из Москвы приезжала разбираться.

Хоронили так: заворачивали в мешок. Кладбище было около Кротова ручья. А где еще, не помню. Хоронить возили на грабарке от санчасти. По дороге, теперь в совхоз «Тулома», виден большой котлован. Там ШИЗО было. Очень большой дом. Считалось гиблое место. На Падуне командировка была, лес заготовляли человек сто. Женская зона отдельно была. «Железная колонна» называли ее. Всякие там были. Работали в основном на обслуге. Мусульман раз этап пришел большой. Басмачи, контрабандисты. Все молились на Солнце, что оно не заходит. Саид-Мурад был здоровый контрабандист, любую тяжесть поднимал. Ему все срок добавляли, по окончании стройки на другой канал отправили. После пуска ГЭС эшелоны отправляли на канал во множестве.

(запись рассказа Е. В. Новосельцева сделана А. Матвеевым).

ГЛАВА 2

«Ты рядом, даль соцнализма...»
Б. ПАСТЕРНАК

Спойте песню мне, братья Покрассы!
Младшим братом я вам подпою.
Хлынут слезы нежданные сразу,
Затуманят решимость мою.
И жестокое, верное слово
В горле комом застрянет моем.
Толстоногая, спой мне, Орлова,
В синем небе над Красным Кремлем!
Спой мне, Клим в исполненьи Крючкова,
Белозубый танкист-тракторист.
Спой, приветливый и бестолковый
В брюках гольф иностранный турист!
Покоряя пространство и время,
Алый шелк развернув на ветру,
Пой, мое комсомольское племя,
Эй, кудрявая, пой по утру!
Заключенный каналоармеец,
Спой и ты, перекованный враг!
Светлый путь все верней и прямее!
Спойте хором, бедняк и середняк!
Про счастливых детишек колонны,
Про влюбленных в предутренней мгле,
Про снующие автофургоны
С аппетитною надписью «Хлеб».
Почтальон Харитоша примчится
По проселку на стан полевой —
Номер «Правды» — признались убийцы,
Не ушли от расплаты святой!
И по тундре, железной дороге
Мчит курьерский, колеса стучат,
Светлый путь нам ложится под ноги,
Льется песня задорных девчат!
На далеком лесном пограничье,
В доме отдыха в синем Крыму
Лейся, звонкая песня девичья,
Чтобы весело было Ему!
Так припомним кремлевского горца!
Он нас вырастил верных таких,
Что хватило и полразговорца,
Шевеления губ чумовых.
Выходи же, мой друг, заводи же
Про этапы большого пути.
Выходи, я тебя не обижу.
Ненавижу тебя. Выходи.
Ах, серпастый ты мой, молоткастый,
Отчего ты свободе не рад,
О которой так часто, так часто
В лагерях до зари говорят?
Спой мне, ветер, про счастье и волю,
Звон подков по брусчатке святой,
Про партийный наказ комсомолу
И про маршала первого спой!
Праздник, праздник в соседнем колхозе!
Старый пасечник хмыкнул в усы,
Над арбузом жужжащие осы,
Гармонист подбирает басы,
Под цветущею яблоней свадьба —
Звеньевую берет бригадир!
Все бы петь тебе, радость, плясать бы
Да ходить в ДОСААФовский тир!
От успехов головокруженье!
Рано, рано трубить нам отбой!
Видишь, Маша, во мраке движенье?
Враг во тьме притаился ночной!

Рассказывает И-401

МАНЬЧЖУРИЯ

Промучившись почти три месяца на полу школы, приспособленной под тюрьму, в Гродеково, россияне различных национальностей, а также китайцы, корейцы, японцы, выкраденные из Харбина и других мест Манчжурии, были в конце концов отправлены на этап.

БОЛЬШЕ всего нас — полуголодных, униженных, завшивленных— угнетала неизвестность: а что же дальше? Вот почему, когда в один прекрасный день была дана команда собираться и стали выдавать верхние вещи (китайские ватные штаны, бушлаты, японские шапки цвета хаки, меховые солдатские ботинки и портянки), в камере даже раздался вздох облегчения: наконец-то! Если бы в тот момент знать, что именно нас ждало впереди...

Появившийся у двери камеры офицер предупредил, чтобы не говорили, что есть вши, «иначе вас не возьмут». Стало понятно: нас куда-то далеко отправляли. Был произведен тщательный шмон — обыск всех нас.

Я не помню всех обстоятельств вывода из этой тюрьмы, следования на вокзал, погрузки в большие пульмановские вагоны, но вряд ли вся эта процедура отличалась от обычной: «шаг вправо, шаг влево считается попыткой к побегу», собаки сопровождения, семиэтажный мат конвоиров. Все это потом встречалось много-много раз за все годы моего «великого сидения». Но запомнил, что это было 19 декабря 1945 года — день памяти Св. Николая Мирликийского чудотворца.

День был морозный. Помню, что внутри вагон был оборудован настилами в два этажа и стояли две печки-буржуйки, по одной на каждой половине, и что погрузили нас около ста человек. Тут же, по распоряжению конвоиров, был выбран староста вагона — выбрали мы Гусева (имя-отчества не припомню) — это был коренастый молодой военный из отряда Асано (японский отряд в Маньчжурии, где русские эмигранты проходили военную службу).

А ДАЛЬШЕ... А дальше был мучительный путь длиною в двадцать девять суток через Сибирь с ее морозами. На редких остановках в вагон забрасывали мерзлый хлеб, иногда уголь, снабжали водой, которой катастрофически не хватало для питья, не говоря уже об умывании: так и ехали грязные и завшивленные. Горячей пищи ни разу не давали. Спичек не было, разжигали печи примитивным способом — трение дерева о дерево и вата, выдранная из бушлатов — благо что откуда-то настругали лучин. В вагоне было темно. Только где-то вверху, под самым потолком, были два щелевидных окошечка. Скученность была страшная, спали впритирку, вынужденные поворачиваться одновременно. Вместо туалета были две дыры в полу, закрывали их доской, в вагоне стоял смрад. Из-за жажды иногда приходилось слизывать испарения со стен вагона. Хлеб делили кое-как, когда он оттаивал.

Охрана состава осуществлялась большим конвоем. Сбоку по вагонам, а может, и сверху были пущены прожектора. Иногда мы слышали по крыше топанье сапогов и, видимо, молотками «прощупывали» крыши.

Настоящим издевательством были ежедневные поверки. На остановке со скрипом-лязгом открывалась большая наружная дверь, и в вагон, вместе с зимним морозом, вваливалась ватага солдат со главе с начальником конвоя — низкорослым кривоногим косоглазым человечком в коротком черном полушубке, в шапке-ушанке, с монголоидным типом лица. В руках у него был огромный деревянный молоток с длинной ручкой. Пронзительным визгливым голосом он кричал: «Всем на одну сторону!», а затем истошно вопил: «первая», «вторая», «третья» и так далее, перегоняя при этом нас по одному на другую половину вагона. Тот, кто замешкается — получает молотком по спине...

Мне кажется, употребление женского рода при этих проверках было особым видом унижения человеческого достоинства, подчеркивало, что считают нас по головам, как скот — первая скотина, вторая и т. д.

НЕВОЗМОЖНО забыть и «шмон на ходу», которому однажды мы подверглись в вагоне. Дело было так. Утром на какой-то остановке в вагон забросили, как обычно, мерзлый хлеб, а затем ввалились три солдата с топорами в руках. Все притихли, не ожидая ничего хорошего. Вглядываемся в общем-то простые русские лица солдат (все крепкого телосложения, высокого роста, широкоплечие), но вот в глазах какой-то холодок, взгляд враждебный. Значит, хорошо воспитанные против «врагов народа».

Двери закрылись, поезд тронулся. Раздалась команда: «Всем на одну сторону». После чего: «Староста, ко мне. Раздеться до нательного белья». Это в нетопленном-то вагоне, с заиндевелыми стенками!.. На циновке около остывшей печки раздевается Гусев, бледный и почти трясется. Начинается унизительная процедура прощупывания всей верхней одежды, а потом и белья на человеке, заглядывают в рот и еще кое-куда. Обысканный переходит на другую половину вагона, и начинают проверку следующего Эта процедура продолжалась весь световой день. Вечером солдаты вышли на очередной остановке, а мы — голодные, замерзшие, униженные — кое-как растопили печки и стали делить хлеб...

Теперь, через столько лет, хочется как-то осмыслить все происшедшее в тот день. Откуда в душах этих ребят было столько садизма? Кто сумел вселить в их молодые души ненависть к себе подобным людям, среди которых были и пожилые, и просто старики? Не это ли самое страшное преступление «самой передовой в мире теории»—марксизма-ленинизма? И кто-то ведь должен ответить за такую деформацию морали, тем более, что и сейчас еще живы некоторые исполнители всех этих зверств!

ПОНЯТНО, что уже через несколько дней путешествия в таких условиях среди нас появились больные. Да и завшивленность росла, у многих грудь представляла собой сплошные расчесы. О медицинской помощи нельзя было и мечтать. Однажды, в ответ на наши отчаянные требования прислать в вагон врача, на остановке вошел человек в

Тимур КИБИРОВ

СЛЁЗЫ

Там в ночи полыхают обрезы,
Там в муку подсыпают стекло,
У границы ярится агрессор,
Уклонисты ощерились зло!

Рыков с Радеком тянут во мраке
К сердцу Родины когти в крови!
За Ванцетти с бедняжкою Сакко
Отомсти! Отомсти! Отомсти!

Вон, гляди-ка ты — два капитана
За столом засиделись в ночи.
И один угрожает наганом.
А второй третьи сутки молчит.

Капитан, капитан, улыбнитесь!
Гражданин капитан! Пощади!
Распишитесь вот тут. Распишитесь!!
Собирайся. Пощады не жди.

Это дедушка дедушку снова
На расстрел за измену ведет.
Но в мундире, запекшемся кровью,
Сам назавтра на нарах гниет.

Светлый путь поднимается в небо,
И пастух со свинаркой поет,
И чудак-академик нелепо
Все теряет, никак не найдет.

Он в пенсне старомодном, с бородкой,
Улыбается, тоже поет.
А потом исполняет чечетку
Славный артиллерийский расчет.

Микоян раскрывает страницы
Кулинарные — блещет крахмал,
Поросенок шипит, золотится,
Искрометный потеет бокал!

Ветчина, да икорка, да пайка,
Да баланда, да злой трудодень...
Спой мне, мальчик в спартаковской майке,
Спой, черемуха, спой мне, сирень!

Спой мне, ветер, веселый мой ветер,
Про красивых и гордых людей,
Что поют и смеются как дети,
На просторах Отчизны своей!

Спой о том, как под солнцем свободы
Расцвели физкультура и спорт,
Как внимают Равелю народы,
И как шли мы по трапу на борт.

Кто привык за победу бороться,
Мою пайку отнимет и жрет.
Доходяга, конечно, загнется,
Но и тот, кто покрепче, дойдет.

Эх ты, волюшка, горькая водка,
Под бушлатиком белая вошь,
Эх, дешевая фотка-красотка,
Знаю, падла, меня ты не ждешь.

Да и писем моих не читаешь,
И встречать ты меня не придешь!
Ну а если придешь — не узнаешь,
А узнаешь — сама пропадешь.

Волга, Волга! За что меня взяли?
Ведь не волк я по крови своей!
На великом, на славном канале
Спой мне, ветер, про гордых людей!

Но все суше становится порох.
И никто никуда не уйдет.
И акын в прикаспийских просторах
О батыре Ежове поет.

КАЖДЫЙ СЛЫШИТ, КАК ОН ДЫШИТ...

Родилась я 28 июня 1916 года в селе Новорепное Нижневолжского края, теперь это Саратовская область.

Отец мой погиб в гражданскую, а мать умерла в 23-м году, так что осталась я семи лет круглой сиротой. Взяли меня на воспитание дальние родственники — Мария Григорьевна и Петр Филиппович Кожины. Да только в 30-м году в сентябре месяце их раскулачили и выслали в Мурманскую область на Апатитовую гору, ну и меня с ними вместе.

Как мы тогда жили в шалманах да палатках, а после в бараках, писать не буду. В 1935 году я вышла замуж за Букина Григория Дмитриевича, он вместе с родителями был выслан из Ростовской области, г. Новочеркасск. Мой свекор, Букин Дмитрий Григорьевич, в 1931 году организовал на руднике первое ударничество и был восстановлен в гражданстве.

А муж мой по призыву Папанина поехал работать в пос. Роста взрывником на судоремонтном заводе. И я, конечно, поехала вместе с ним.

В 1938 году случилось вот что. Как нам сказали, планировалось в день смерти Ленина взорвать этот судоремонтный завод. Но этого чудовищам сделать не удалось, а удалось только поджечь наш 40-комнатный дом, где проживала одна молодежь и который так и называли «комсомольским городком».

А задумано было здорово, потому как рядом с домом были нефтяные баки. Причем во время пожара вредителями была везде по колонкам отключена вода. И когда приехали из Мурманска и с угольного поселка пожарные машины, тушить было нечем. Было около одиннадцати часов вечера. Дом сгорел дотла минут за сорок. К счастью, человеческих жертв не было. Тут же прилетела государственная комиссия из Москвы...

Вскоре моего мужа послали работать в Терский район, взрывником на лесокомбинат в Умбу. Дали нам хорошую комнату. И как пострадавшим выдали за наличный расчет постельные принадлежности и 100 метров мануфактуры, чтобы пошить белье на детей. У нас к этому времени было двое мальчиков.

В 1939 году, в сентябре месяце, моего мужа призвали на финскую войну. (Тогда забирали со всех лесопунктов людей, было и предательство — уводили в неизвестном направлении дивизиями, и с концом). 15 декабря уже получила на него похоронную. Осталась я вдовою — на руках двое малых детей, да еще и третьим беременна...

Сколько всего еще пережито — и эвакуация, и послевоенные тяготы — всего не расскажешь. Сейчас мне уже 76 лет. Страдаю всякими болезнями. И сколько нас, таких как я, привыкших терпеть и жить надеждой. Но я думаю, что никого нельзя забывать, надо знать про каждого человека, как он жил и дышал...

О. ГЕДЕВАНИШВИЛИ-КОНЫХОВА.

Письмо в прокуратуру

Зубков Александр Андреевич, 1895 г. р., уроженец д. Мартыновка Ялано-Катайского района Челябинской области, был арестован 1 октября 1947 года, работал кочегаром банно-прачечного комбината в г. Кировске. Осужден по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР на семь лет лишения свободы с конфискацией имущества. Реабилитирован Прокуратурой СССР в апреле 1991 года.

Здравствуйте, уважаемый П. Н. Корешков!

Получил Ваше извещение по вопросу о реабилитации Зубкова Александра Андреевича.

Я, Зубков Егор Александрович, родной сын Зубкова А. А.

Разрешите вкратце сообщить об аресте Зубкова А. А.

Семья Зубкова А. А. жила в деревянном 2-х этажном бараке, против Кировской горбольницы. Точной даты ареста отца я не помню, но хорошо запомнился этот вечер. Было часов 9 вечера. Мы, т. е. вся семья, крошили капусту на засолку (дело, наверное, было где-то в конце сентября — начале октября). Я был студентом 3 курса Кировского Горно-химического техникума и торопился быстрей закончить с капустой и пойти на танцы в кинотеатр «Большевик».

Раздается такой непривычный, громкий стук в двери. У нас никто никогда не стучал. Кому надо, заходили без всякого стука, дверь всегда открыта. По-видимому, это меня как-то вывело из себя, и я сказал довольно громко: «Да заходи, кто там, чего стучать-то!»

Заходят двое или трое, не помню, по-моему двое, в гражданском. Предъявили ордер на арест Зубкова А. А., произвели обыск в комнате и деревянном сарае. Ничего не обнаружили, но все равно отца взяли с собой. Когда отец выходил из комнаты, то не громко, но очень членораздельно сказал: «Ну, молодцы, нашли государственного преступника!»

У меня еще и тогда так защемило сердце от обиды за отца. Он работал кочегаром в бане-прачечной. Я не разу не видел, чтобы он читал книги или газеты, но зато всегда видел его работающим уже с 5 утра. Или подшивал валенки, чинил ботинки, или лудил посуду, а то и, вообще, сам делал самодельную из дюралюминия. У него были золотые руки. Он мог любые замки или машинки разобрать, собрать и все начнет работать.

Помимо всего этого он был первый гармонист на деревне. Без всяких кавычек! У него был природный музыкальный слух. Любую мелодию он без всяких нот мог подобрать.

Моих родителей в связи со спецпереселением в 1930 году привезли в г. Хибиногорск. Как все это выглядело, Вы знаете прекрасно.

Когда отец освободился из заключения, я точно не помню (да у вас, наверное, есть данные). А вот умер он в феврале 1958 года от кровоизлияния в мозг.

Надо сказать, он вернулся совершенно другим человеком. Физически слабым, а морально-психологически отрешенным. Его уже не интересовали домашние заботы. Возможно, это со временем и отошло бы, ведь он умер в 63 года, это не много.

Мое мнение: просто кощунственно говорить о каком-то преступлении отца. Это была организованная травля, а вернее, уничтожение, и в первую очередь, этих бывших кулаков. Надо же было непременно уничтожить кулаков как класс. Всем, кто интересуется, это хорошо известно.

С уважением
Е. А. ЗУБКОВ,
10.01.90.

—УРАЛ

военной форме (кажется, капитан), который представился врачом, но без медикаментов. На наши жалобы и обращения он не совсем понятно выразился: «Меня и самого везут!» и спустя короткое время вышел из вагона, так и не оказав никому никакой помощи. Зато, видимо, где-то в отчетах появилась галочка. «В таком-то вагоне заключенным (или репатриированным?) оказана медицинская помощь»... Ложь была во всем, в большом и в малом, она пронизывала всю систему и разъедала души людей.

В нашем вагоне было три смертельных случая. Первым умер начальник или главный инженер электростанции на ст. Имяньпо Иноземцев (имя-отчество не помню). Умирал он в страшных мучениях от бронхиальной астмы на куче угля около печи, задыхаясь от непрерывных приступов. Это был пожилой человек, мучение его продолжалось не более суток. Вторым был Иван Николаевич Отлапов, я его знал еще по Харбину. Это тоже пожилой человек, страдавший сердечным заболеванием. В вагоне у него быстро развились отеки и одышка, он почти все время полулежал, ничего не ел. Перед смертью промучался дня три. Третья жертва — присяжный поверенный Дандуров (имя-отчество тоже не помню). Это был престарелый человек, у него быстро начались психические нарушения, он стал заговариваться, и однажды утром просто не проснулся. Трупы долго лежали на полу, примерзли к нему, и мы спотыкались о них в темноте. Только после наших настоятельных «сигналов» они были убраны из вагона, но где и как похоронены эти мученики? Может быть, эта газета попадет случайно в руки их родных или знакомых, то пусть они хоть через столько лет узнают жестокую правду о конце дорогих им людей...

Замечу, что в вагоне ехали и погибали люди еще не осужденные, а просто выкраденные из другого государства! Как это оценивается с точки зрения международного права? Что об этом скажет комиссия по правам человека при ООН? Может быть, и сейчас не поздно поднять этот вопрос? Ведь преступления против человечности не имеют сроков давности. Вспомним Нюрнберг!

ЗА СОРОК семь лет стерлись из памяти имена и лица тех, кто был со мной в этом вагоне, хорошо помню только Михаила Петровича Шмейссера, которого знал еще по Харбину. Это был талантливый поэт, журналист, он работал секретарем в одной из харбинских газет. Высокий, красивый, с интеллигентным лицом, он имел в вагоне, как и все мы, жалкий вид. И все же он находил душевные силы для доброй, ободряющей улыбки. Помню, как он обращался ко мне, пытаясь подбодрить, поддержать... Действительно, сила духа часто сочетается с высокой культурой!

Встречался я с Михаилом Петровичем уже через много лет после нашей «эпопеи» — в Свердловске в 1976 году, был у него в гостях. Узнал, что попал он в Воркуту, работал там в шахте, где и потерял здоровье. Был реабилитирован. Умер он в 1986 году от рака горла.

...Я, как ни странно, как-то держался в вагоне, хотя от природы не отличался физической крепостью. Но все же незадолго до прибытия к «месту назначения» у меня развился типичный авитаминоз: ноги отекли, покраснели, сильно болели, трудно было передвигаться.

17 января 1946 года наш этап прибыл на станцию Азанка Свердловской области (Тавдинский район). Через два дня было Крещение Господне — один из самых торжественных праздников в Харбине. Таким образом, повторю, в нечеловеческих условиях ехали мы 29 суток.

Выгрузка из вагонов проходила ночью. И тут мы увидели, каким длинным был наш состав. Были в нем и «женские» вагоны. Каково же было нашим несчастным женщинам в этих условиях?!

Живущая ныне в Новосибирске моя знакомая по Харбину В. И. В., отправленная этим же этапом, вспоминает: «Ехали по-всякому. Сначала замерзали, так как дали японскую печку и мы всю ночь танцевали, то есть топали вокруг нее. Потом в Спасске дали буржуйку и уголь, стали отогреваться. По ночам кто-нибудь дежурил и заодно оттаивал мерзлый хлеб. Целый месяц не умывались, и только где-то у Байкала почему-то дали соленую воду, никто ее пить не стал, а стали ею умываться. Ну, а как проверяли каждую ночь, перегоняя на одну сторону, ты, наверное, знаешь. Стали появляться вши...»

Смертных случаев в их вагоне не было, но в других, как потом выяснилось, были, и не один.

...Когда в Азанке стали нас выгружать, я уже ходить не мог, мне с двух сторон помогали земляки. Каким именно образом «доставляли» нас в лагерь, не помню, но помню что после такого этапа лагерь показался нам раем, хотя был он недостроенный, холодный, а вода в колодце отдавала трупным запахом.

И. Н. ПАСЫНКОВ. 1976 год.

Дальнейшее пребывание на Урале будет описано в следующем очерке.

И. ПАСЫНКОВ,
ветеран труда.

г. Салават.

Библиотека Мемориала

ТРЕТЬЯ, ОНА ЖЕ—

18—19 апреля в поселке Репино, что под Санкт-Петербургом, состоялась третья конференция общества «Мемориал». В некотором смысле, она стала учредительной, так как на ней были приняты уставы Международного и Российского ооществ «Мемориал».

Конференция также избрала Рабочие коллегии обоих обществ и приняла ряд резолюций.

Мы предлагаем вашему вниманию отчетный доклад Рабочей коллегии, прочитанный А. Ю. Даниэлем, одну из принятых резолюций и интервью с Д. Н. Леоновым, взятое во время этой конференции (стр. 8).

Дорогие друзья!

Мы не встречались почти два года. За это время многое изменилось. Изменился мир, изменилась страна. Изменился «Мемориал».

В процессе перерегистрации, проведенной РК (Рабочей коллегией) зимой этого года, выяснилось, что количество обществ, реально существующих, работающих и поддерживающих связь с мемориальским движением, в целом уменьшилось с 210 до 112, то есть, почти вдвое. Изменился и персональный состав мемориальцев: многие энергичные и активные деятели Общества отошли от мемориальской деятельности. В этом нет ничего удивительного и особо трагичного.

Вспомните ситуацию 89/90 гг.: «Мемориал», одно из первых легальных массовых общественных движений, аккумулировал в себе политическую энергию общества в целом. В настоящее время десятки бывших мемориальцев стали депутатами разных уровней — от парламентов до районных советов, работают в руководствах почти всех политических партий и движений, занимают заметное место в сегодняшней публицистике. Это — естественный процесс, небесполезный и для «Мемориала»: сохранившиеся контакты иногда помогают нам решать наши проблемы, а оставшиеся имеют возможность максимально четко осознать себя именно как «Мемориал» и сформулировать собственно мемориальскую специфику своей работы.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на потери, «Мемориал» остается движением, действующим на территории ряда бывших союзных республик, ныне — независимых государств: России, Украины, Молдовы, Белоруссии, Латвии, Грузии, Армении, Казахстана. К сожалению, в последнее время мы потеряли непосредственную связь с «Мемориалом» Киргизии, однако мы знаем, что Киргизский «Мемориал» существует и работает.

Рабочая Коллегия обязана отчитаться перед Конференцией за деятельность общества «Мемориал» в 1990—92 гг. Прежде всего, о работе самой Коллегии.

Действующим Уставом предусмотрены две основные функции РК: действия от имени Общества в целом и координационные функции, обеспечивающие связь между обществами.

Что касается первой функции, то, как нам кажется, РК в основном справлялась с этой задачей: ее выступления по актуальным вопросам общественной жизни, в основном касающиеся правозащитной тематики, были, по нашему мнению, серьезными, взвешенными, были выдержаны во вполне мемориальском духе. Они достаточно представляли «Мемориал» в мировом общественном мнении и имели определенное влияние на развитие событий.

Конечно, звездным часом «Мемориала» были события 19—21 августа прошлого года. Во многих городах, и прежде всего в Москве, «Мемориалы» в считанные часы превратились в ячейки Сопротивления. Составлялись и в массовых количествах распространялись листовки, проводилась агитация в армейских частях; в ряде случаев по мемориальским каналам поддерживалась связь с городами; с участием мемориальцев готовились некоторые документы; через наших друзей в Чехословакии, Германии голос «Мемориала» в первые же часы услышал мир. То же происходило и на периферии: кажется, едва ли не единственным в России человеком, арестованным по Указу о чрезвычайном положении, был член Красноярского «Мемориала» Вл. Сиротинин.

Что касается второй задачи, то нужно честно признать, что мы с ней не справились. Контакты между обществами, если и окрепли, то скорее за счет личной инициативы тех или иных мемориальцев. Регулярной обязательной связи и четко скоординированного взаимодействия опять не получилось. Правда, в последнее время несколько улучшился информационный обмен (во всяком случае, в одну сторону): вновь начал выходить «Мемориал-аспект», который рассылается по городам; организуется Информцентр «Мемориал». Однако обратного отклика на регулярной основе тоже пока нет. Быть может, большая часть вины за это лежит на местных обществах; но ответственность несет, конечно, РК.

К сожалению, мне придется остановиться на внутренних сложностях работы Коллегии, которая, начиная с лета прошлого года, протекала в очень напряженной обстановке. Как и в злополучные времена НВН (Н. В. Нумерова), Коллегию лихорадило.

Несколько членов РК настолько резко разошлись с ее большинством, что совместная работа стала почти невозможной. Я не стал бы занимать внимание конференции сюжетами, которые делегаты могут счесть внутренними дрязгами москвичей, если бы не то, что конфликтам подобного рода — и не только в Москве — придавалось специфическое освещение: речь, дескать, идет о расколе между поколениями. Я ответственно заявляю от имени большинства Рабочей Коллегии всех возрастов: такого раскола нет. Как и везде, есть проблемы, связанные с различиями в жизненном опыте, мировоззренческих установках, в сфере интересов, наконец. Эти проблемы при наличии доброй воли с обеих сторон могут находить свое разрешение.

Раскол же в Рабочей Коллегии, на наш взгляд, связан с другим: с несовместимостью моральных принципов. Не та беда, что один из наиболее громогласных обвинителей «Мемориала» в забвении интересов репрессированных, Воля Вадимович Лебединский, оказался обыкновенным мошенником, который использовал поддельные справки, чтобы выдать себя за жертву сталинских репрессий (а осужден он был, как выяснилось, за квартирные кражи; пакет документов, с этим связанный, находится в распоряжении Оргкомитета). Но и после этого трагического разоблачения кампания продолжалась. Дело дошло до прямой клеветы на «Мемориал» по ТВ и в печати. Правда, телевидение принесло «Мемориалу» через день свои извинения, а редактору передачи был объявлен выговор за использование непроверенной информации. Что касается клеветы в газете, то по совместному иску Московского Мемориала и Объединения жертв репрессий дело будет рассматриваться в суде.

Имели место также ложные, клеветнические заявления во все инстанции, включая КГБ. Все это, конечно, не способствовало нормальной работе Коллегии. Остается только надеяться, что в третьем составе ее, который вы завтра выберете, ничего подобного не повторится.

Чтобы завершить тему, связанную с функционированием Рабочей Коллегии, хочу поставить перед делегатами еще одну проблему. Двукратный опыт показал, что из общего числа избранных членов Рабочей Коллегии от четверти до трети очень быстро отходят от участия в ее работе. На то есть уважительные причины: возросшая занятость другими делами, изменившиеся семейные обстоятельства, болезни и т. д.; для немосквичей — очевидные технические трудности. С этим тоже надо что-то придумать, так как мы вынуждены работать на грани кворума.

Обратимся к работе Общества в целом.

Два года назад мы с вами определили три основные направления работы «Мемориала»: правозащитное, историко-просветительское и социальная помощь.

ПРАВОЗАЩИТНАЯ РАБОТА:

1. Некоторыми ее аспектами занимаются практически все местные общества. К таким относится, например, периодическая помощь лицам, чьи общественные, жилищные, трудовые права ущемляются местными органами власти. К нам обращаются, в основном, бывшие репрессированные, но не только они. Мне незачем рассказывать о специфике этой работы, она всем вам хорошо известна.

2. Мы внимательно относимся к случаям рецидивов преследования граждан по политическим мотивам или к таким делам, где можно заподозрить подобные мотивы. Мы тщательно проверяем обоснованность утверждений о политической окраске таких эпизодов и в ряде случаев принимаем в них участие: делаем соответствующие заявления и ходатайства, способствуем преданию гласности информации о политических преследованиях, помогаем в поисках адвокатов, посылаем наблюдателей на судебные процессы. В качестве примера могу привести дело туркменского поэта Шераля Нурмурадова, дело по обвинению двух московских анархистов в злостном хулиганстве, политические преследования в Грузии (например, дело Джабы Иоселиани), недавний процесс в Баку. К этому же направлению примыкает работа по составлению списков политзаключенных, вошедшая в наш доклад на Хельсинском совещании в Москве.

3. В ряде Мемориалов функционируют программы, связанные с массовыми нарушениями прав человека. В основном, мы занимаемся тремя типами таких нарушений:

а) в ходе политических конфликтов.

Я хотел бы напомнить, что Мемориал был первой организацией, выведшей людей на площади и улицы 13 января прошлого года, сразу после вильнюсской бойни. Мы используем митинги, пикеты, демонстрации и другие формы прямого действия, а также мобилизуем общественное мнение.

б) в ходе межнациональных, межэтнических конфликтов.

Наши наблюдатели постоянно выезжают в «горячие точки»: Приднестровье, Южную Осетию, Карабах; это тяжелая, часто рискованная работа; вы знаете, что один из наших наблюдателей был ранен в Карабахе минувшей осенью. Однако это оправдывает себя — мы получаем массу информации не из сообщений прессы, а из первых рук. На основе этой информации Мемориал делает публичные заявления, делится этой информацией с другими правозащитными организациями, отечественными и зарубежными, снабжает ею органы государственного управления и политических деятелей. Иногда удается протолкнуть кое-что в печати. В последнее время представителям Мемориала удается сделать кое-что и сверх этого; так, в марте, благодаря усилиям наших наблюдателей, был произведен обмен крупными партиями заложников между армянской и азербайджанской сторонами в Карабахе.

в) Мемориал занимается исследованием прав человека в структурах закрытого типа. Речь идет прежде всего о положении заключенных.

В своей правозащитной деятельности Мемориал сотрудничает с парламентами своих государств, с их соответствующими комиссиями. Вы знаете, что Комитет по правам человека Российского парламента возглавляет наш сопредседатель Сергей Ковалев. Но мы находимся в контакте и с государственными структурами других стран — Грузии, Армении. Речь идет не только об информационном обмене, но и — в случае России — о прямом участии в подготовке и проведении законопроектов, затрагивающих права человека.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Процесс реабилитации жертв политических репрессий и разрешения вопросов их правовой и социальной защищенности неоправданно затягивается. Распад СССР внес в этот вопрос дополнительные осложнения.

В ряде государств бывшего Союза вообще не существует законов о реабилитации. Принятые отдельными государствами законы не соответствуют общепризнанным принципам права о полном возмещении ущерба лицам, пострадавшим от произвола официальных властей. В результате этого репрессированные не могут добиться реабилитации, получить материальную компенсацию, вернуться к местам прежнего проживания и т. д.

В первую очередь, эти затруднения относятся к лицам, репрессированным на территории одной республики и проживающим в другой.

Выплата денежных компенсаций без учета инфляции резко снижает ценность принятых законодательных актов.

В законах о реабилитации и в практике работы по возмещению ущерба пострадавшим от репрессий ущемляются права детей репрессированных и близких родственников лиц, погибших в местах лишения свободы, а также лиц, повторно осужденных за побег из мест незаконного лишения свободы и т. д.

В связи с изложенным:

1. Конференция призывает парламенты и правительства всех стран бывшего Союза ССР, не принявших законов о реабилитации жертв политических репрессий, незамедлительно принять такие законы и подзаконные акты, обеспечивающие их эффективное действие.

2. Конференция просит парламенты государств бывшего Союза ССР, принявших ранее законы о реабилитации жертв политических репрессий, внести в эти законы изменения, обеспечивающие соблюдение следующих справедливых требований репрессированных лиц и лиц, пострадавших от репрессий.

2.1. Выплата денежных компенсаций за ущерб, нанесенный репрессиями, должна производиться с учетом инфляции номинальных сумм, предусмотренных законом.

2.2. Компенсация должна начисляться всем репрессированным, бывшим в живых в момент принятия закона.

2.3. Начисление и выплата компенсации, а также предоставление льгот репрессированным гражданам бывшего СССР должны производиться по месту жительства независимо от места репрессии.

2.4. Предоставление льгот и компенсаций должно быть распространено на лиц, пострадавших от репрессий (членов семей репрессированных, существовавших на момент осуществления репрессии).

2.5. Законом должна предусматриваться компенсация либо возврат репрессированным или их наследникам конфискованного имущества, включая имущество обобществленное или огосударствленное при раскулачивании (такая компенсация может, в частности, осуществляться путем предоставления бывшим собственникам первоочередного права приватизации прежде конфискованного имущества).

2.6. Реабилитация должна распространяться на лиц, обвиненных по политическим мотивам, в отношении которых каких-либо решений о наказании не принималось, а также на лиц, подвергавшихся незаконным репрессиям и повторно осужденным за побег из мест лишения свободы.

2.7. Законы о реабилитации жертв политических репрессий в части причиненного ущерба и предоставляемых льгот должны в полном объеме распространяться на членов семей репрессированных, находившихся в местах лишения свободы или родившихся там.

2.8. Выплата компенсации за расстрелянных родителей должна производиться их детям в соответствии с законом о выплатах средств в связи с потерей кормильца.

2.9. Выплата компенсаций должна производиться с учетом коэффициентов надбавок, предусмотренных для районов Крайнего Севера и удаленных районов.

2.10. Законодательство о компенсациях должно предусматривать существенное увеличение пенсий лицам, ставших инвалидами в период или вследствие репрессии (аналогично пенсиям инвалидам В.О.В.).

3. Конференция призывает парламенты стран бывшего Союза ССР, предусматривать в законодательстве о владении и пользовании землей преимущественное право на ее аренду или приобретение лицами, у которых она была изъята при ее коллективизации или ее наследниками.

4. Конференция предлагает правительствам стран бывшего Союза ССР — прежде всего России и Казахстана — учесть, что при создании многих промышленных предприятий использовался труд (безвозмездный) репрессированных и просит передать часть акций и других средств, полученных в процессе приватизации, в специальный фонд, за счет средств которого могли бы выполняться программы социальной защиты репрессированных.

5. Конференция призывает парламенты стран бывшего Союза ССР, принять специальные законы о местах массовых захоронений жертв политических репрессий, предусматривающие выведение их территорий из хозяйственного оборота и превращения в мемориальные зоны и кладбища, и обязывающие соответствующие государственные органы предоставлять полную информацию о местах этих захоронений.

Библиотека Сахарова

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ

Все это привело к тому, что в глазах мирового общественного мнения Мемориал стал, не побоюсь сказать, ведущей правозащитной организацией, действующей на территории бывшего СССР. Мы тесно сотрудничаем с целым рядом близких нам правозащитных организаций, как общественных, так и международных. Свидетельством нашего веса в глазах наших коллег является то значение, которое придавалось нашей позиции в отношении Совещания по СБСЕ в Москве, нашему участию в Сахаровском конгрессе, в Европейской Ассамблее «Граждане Хельсинки» и других международных организациях.

Центрами правозащитной деятельности в Мемориале стали Санкт-Петербург, Харьков, Москва, Тбилиси, Ереван, Томск и некоторые другие города. Впрочем, как я уже сказал, определенными видами правовой деятельности занимаются практически все Мемориалы.

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ РАБОТА.

Во-первых, Мемориал продолжает и расширяет свою деятельность по увековечиванию памяти жертв репрессий. Во многих городах собраны тысячи имен репрессированных и погибших. Мы хотели бы, конечно, большей координации и более интенсивного обмена информацией в этой работе, но главное—работа идет. Другой вопрос — что делать с полученной информацией. Где-то, например, в Томске, удалось опубликовать книгу с именами жертв, в ряде городов (СПб) списки погибших публикуют периодические издания. Но глобально этот вопрос пока решить трудно.

Сюда же относится и важная работа по поиску и сохранению жертв массовых захоронений. Увековечивание памяти выразилось и в установке памятников, закладке памятных знаков и т. п. в различных городах. Идея грандиозного мемориального комплекса, одного для всей страны, постепенно отошла на второй план, уступив место более, по-моему, человечной идее местных мемориальных символов.

Во-вторых, интенсивная любительская выставочная работа сменилась более профессиональной, и, стало быть, менее интенсивной. Однако здесь возникают новые, весьма эффективные формы деятельности. Мемориал подготовил, например, фильм, который вместе с сопровождающей его экспозицией был продемонстрирован в ряде городов Сибири и в Москве и имел, говорят, большой успех.

Далее. Продолжается издательская работа Мемориала. Уже говорилось о возобновлении «Мемориал-аспекта». Осенью вышел, наконец, подготовленный Научно-информационным и просветительским центром «Мемориала» в Москве первый выпуск исторического альманаха «Звенья»; вот-вот должен выйти второй выпуск. На «Радио России» раз в неделю мы имеем час эфирного времени в популярной программе «Выбор», которую ведет Татьяна Касаткина. К сожалению, сорвались пока все наши попытки выпускать общемемориальскую газету; «Мемориал-аспект» — это, конечно, лишь паллиатив.

Наконец, последнее. В ряде городов образовались и заработали исследовательские центры Мемориала, со своими архивными коллекциями и со своими исследовательскими программами. Я назову три из них, имеющие, на мой взгляд, общемемориальское значение.

1. Программа «Карта ГУЛага». По мере того, как разворачивалась работа над этой программой, становилась все более очевидной сугубая важность этой, на первый взгляд, простой работы. Одновременно повышался и профессиональный уровень исследований и научная ценность получаемых результатов. В этой программе впрямую задействовано сейчас не менее 10—15 мемориальских организаций.

2. Программа «Остарбайтеры. Судьбы восточных рабочих», посвященная сбору сведений о людях, угнанных в годы войны в Германию и возвратившихся затем на родину. В международной конференции, собранной на эту тему в Москве месяц назад, участвовало 10 мемориальских организаций (Москва, СПб, Харьков, Одесса, Брест и др.). Работа ведется в тесном сотрудничестве с немцами.

3. Программа «История диссидентского движения 50-х — 80-х гг.». Эту, по преимуществу архивно-библиографическую, программу ведут научные центры Москвы и СПб. Уже сейчас документная база программы представляет собой наиболее объемную в России архивную коллекцию. На очереди — задача описания и содержательного анализа этой коллекции. В этой работе с нами сотрудничают соответствующие центры в Германии и Америке. Намечается расширение международного сотрудничества в рамках этой программы.

Вообще, исследовательская работа, как и правозащитная — один из важных стимулов расширения международных связей Мемориала. Мы участвуем в ряде международных научных конференций, сами организуем такие конференции; завязываем научные контакты с историческими центрами за рубежом: Франция, Польша, Голландия. В целом, надо сказать, мы добились признания со стороны международного научного сообщества. Нас воспринимают уже не как любителей, а как профессионалов. Конечно, если быть честными, это признание получено как бы авансом: нам еще предстоит оправдать эту оценку.

Вот и все об историко-просветительской и информационной деятельности.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ИЛИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Здесь я буду предельно краток. Основной путь, который избран Мемориалом для оказания помощи бывшим узникам ГУЛага — это содействие принятию муниципальных льгот, а в некоторых странах (на Украине, в России) — государственных законов, предусматривающих материальную компенсацию и помощь реабилитированным. Конечно, принять закон — это полдела, необходимо еще проследить и добиться, чтобы он был выполнен в полном объеме. Я хотел бы только сказать, что российский закон о реабилитации — это полностью заслуга нашего общества. Впрочем, на эту тему будет отдельный доклад.

В некоторых городах — Санкт-Петербурге, Москве— Мемориалы получают целевую гуманитарную помощь из-за рубежа и организуют распределение ее среди нуждающихся репрессированных. Это — тоже разновидность социальной помощи.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ — содействие процессу реабилитации. Этим занимаются практически во всех городах.

ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ. К сожалению, Мемориал довольно бедная организация, а экономический кризис делает нас еще беднее. Поэтому финансовую помощь удается организовать редко (ну, например, вся прибыль от издания альманаха «Звенья» была переведена на счет объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий).

Наконец, **ПАТРОНАЖ, МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ** и т. д. Этой работе не хватает систематичности, хотя в ряде городов она тоже ведется.

В заключение несколько слов о выполнении некоторых резолюций 2-й конференции. Некоторые из них удалось провести в жизнь: я хотел бы отметить, например, что общество «Мемориал» уже год как зарегистрировано Минюстом России как межреспубликанское добровольное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество. Другой вопрос, что с распадом СССР перед нами встает вопрос о новых принципах построения нашего движения в соответствии с новой политико-правовой реальностью, и, стало быть, о новом Уставе и перерегистрации.

Другие важнейшие резолюции удалось воплотить в жизнь на межреспубликанском уровне. Я имею в виду законы о реабилитации.

Есть резолюции, которые реализованы лишь в малой степени. К ним относится резолюция о реформировании КГБ и создании на его месте нескольких новых независимых друг от друга структур. В России, например, выделенной оказалась лишь служба внешней разведки; что же касается кадрового состава органов госбезопасности, то он практически не изменился.

И, наконец, важнейшая наша резолюция об архивах. Опять-таки на примере России отметим, что процесс передачи архивов КГБ все еще не начат, несмотря на указ Президента; не разработана даже процедура этой передачи и ее принципы. Архивная практика претерпела определенные изменения, но до сих пор российский парламент даже не начал рассматривать закон об архивах. В настоящее время эксперты Мемориала работают и в Комиссии парламента по передаче архивов КГБ, и в соответствующей комиссии по архивам КПСС. Их роль там достаточно высока, а голос достаточно весом. Мемориал также принимает участие и в подготовке общего закона об архивах. Будем надеяться, что наша работа принесет в обозримом будущем долгожданные плоды.

На этом мой доклад заканчивается. В соответствии с Уставом общества Рабочая Коллегия складывает с себя свои полномочия.

УВАЖАЕМЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

С 20 по 22 ноября 1992 года в Петербурге по инициативе петербургских организаций Союза писателей, Союза ученых, Союза композиторов, общества «Мемориал» и Международного фонда за выживание и развитие человечества будет проведена конференция на тему

«ФОЛЬКЛОР ГУЛАГА»

«Фольклор ГУЛАГа» — это совокупность фактов духовной культуры, устным способом возникавших и бытовавших среди политических узников, ссыльных, членов их семей, воспитанников специальных детских домов (песни, частушки, анекдоты, поговорки, легенды, словечки для называния действий, отношений, словесно-музыкальные и изобразительные материалы, язык жестов, условные сигналы, разного рода подражания, лагерные спектакли, подобные суду над князем Игорем, описанному Солженицыным, и проч.).

Все это существует ныне лишь в памяти пожилых людей и должно быть сохранено для потомков.

Организаторы приглашают бывших узников ГУЛАГа, ученых разных специальностей, литераторов, музыкантов, всех знатоков лагерного фольклора принять участие в конференции. Речь идет не только о специальных докладах, но и о живых воспоминаниях. Предполагается также провести вечер лагерного фольклора. Тех, кто не сможет приехать лично, убедительно просим прислать письменные материалы, воспоминания, сообщить о публикациях на эту тему. На основе выступлений и письменных сообщений будет издан специальный сборник.

О Вашей готовности участвовать в конференции просим сообщить до 1 июня 1992 года по адресу:
191104 Санкт-Петербург, ул. Маяковского, 46
Международный Фонд за выживание и развитие человечества

Изыскиваются возможности оплаты проезда участникам.

Оргкомитет.

ЛИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Смотрят замки, горы, долы
В глубь хрустальных рейнских вод.
Моцарт, Моцарт, друг веселый
Под руку меня берет.

Час вечерний, луч прощальный,
Бьют на ратуше часы.
Облака над лесом дальним
Удивительной красы.

Легкий дым над черепицей,
Липы старые в цвету,
Ах, мой друг, пора проститься!
Моцарт, скоро я уйду!

Моцарт! Скоро я уеду
За кибиткой кочевой.
У маркграфа на обеде
Я не буду, дорогой.

Передай поклон Миньоне,
Альманах оставь себе.
Друг любезный! Я на зоне
Буду помнить о тебе.

Знаешь край? Не знаешь края,
Где уж знать тебе его!
Там, над кровлей завывая,
Бьются бесы — кто кого!

Там такого мазельвейна
Поднесут тебе, дружок,
Что скопытишься мгновенно
Со своих прыгучих ног.

Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой, брат мой, ночью ясной
Там горит моя звезда,

Знаешь край? Я сам не знаю,
Что за край такой чудной,
Но туда, туда, туда я
Должен следовать, родной

Кто куда — а я в Россию,
Я на родину щегла.
Иней белый, ситец синий.
Моцарт, Моцарт! Мне пора.

Кто о чем, а я о бане,
О кровавой бане я...
До свиданья, до свиданья!
Моцарт! Не забудь меня!

Я иду во имя жизни
На земле и в небесах,
В нашей радостной Отчизне,
В наших радужных лучах!

Ждет меня моя сторонка,
Край невыносимый мой!
Моцарт рассмеялся звонко:
«Что ж, и я не прочь с тобой!»

Моцарт, друг ты мой сердечный,
Таракан запечный мой!
Что ты гонишь, дух беспечный,
Сын гармонии святой!

Ну куда тебя такого?
Слишком глуп ты, слишком юн,
Что для русского здорово,
То для немца карачун!

Нет уж! Надо расставаться!
Полно, херц, майн херц, уймись!
Больше нечего бояться.
Будет смерть, и будет жизнь.

Будет, будет звук тончайший
По-над бездною лететь
И во мраке глубочайшем
Луч легчайший будет петь!

Так прощай же! За горою
Ворон каркает ночной.
Моцарт, Моцарт, Бог с тобою!
Бог с тобою и со мной!

Моцарт слушал со вниманьем,
Опечалился слегка.
«Что ж, прощай. Но на прощанье
На, возьми бурундука!»

В час печали, в час отчайнья
Он тебя утешит, друг,
Мой пушистый, золотистый,
Мой волшебный бурундук!

Вот он, зверик мой послушный,
Глазки умные блестят,
Щиплют струны лапки шустры
И по клавишам стучат!»

Ай, спасибо, Моцарт милый,
Ах, прекрасный бурундук!
До свиданья! До могилы
Я с тобой, любезный друг!

И иду, иду в Россию.
Оглянулся — он стоит.
Сквозь пространства роковые
Моцарт мне вослед глядит.

Машет, машет треуголкой,
В золотом луче горя,
И ему со Вшивой Горки
Помахал ушанкой я.

Гадом буду — не забуду
Нашей дружбы, корешок,
Ведь всегда, везде со мною
Твой смешной бурундучок.

И под ватничком пригревшись,
Лапки шустрые сложив,
Он поет, и я шагаю
Под волшебный тот мотив.

Библиотека Мемориала

С КАСПИЙСКОГО — НА БАРЕНЦЕВО

Нас выслали в 30-м году, зимой, не помню, февраль месяц был или январь. Я из детей была самая старшая, мне было тогда 15 лет. За мною Клава, она на 3 года младше, потом Зоя, Павел и Мишенька, младший, ему было два года. Он дорогой умер, когда нас везли на Север.

За что нас раскулачивали — мы и сами не знаем. Жили бедно. У отца (он был рыбак) была лодка разбитая, на нее надо было какую-то рабочую силу, чтобы в море ходить, а в семье, если я самая старшая и мне 15 лет, рабочей силы не было. Папа в убойной работал, мама холодец варила, я по нянькам с 8 лет ходила, за сено нянчила двоих детей, сама еще ребенок. В школу ходила через день-два, некогда было. Баню топила, детей мыла. Мама мне говорила: «Ты у меня все равно как старая старушка, все мне помогаешь, Мария. Спасибо тебе».

Сначала перевезли нас в какой-то чужой дом в нашем же селе, только в другом конце, за речкою, тоже люди уже были высланы. Мы прожили там недели две или три, потом пригнали нам лошадей, подводу, погрузили нас, а одеть-обуть нам нечего было, и повезли.

Нас везли с Икряного 35 километров на лошадях до Астрахани, поселили в какой-то барак, на нары. Пробыли мы там около трех недель. Потом погрузили в телячьи вагоны и повезли в Котлас. В Котласе распределили по деревням, я, помню, спала у кого-то на русской печке. А из Котласа повезли в Великий Устюг. Привезли в Троицкий монастырь. Сколько мы там пробыли, не помню. Пока мы там были, приехала бабушка, забрала Клавдию, Зою и Павлика, увезла домой, в Астрахань.

Весною, когда Двина разошлась, погрузили нас на баржи и повезли в Архангельск. Помню, что дорогой в самоварах картошку варили, яйца. А одна землячка у нас родилась на этой барже. Муки много приняли, конечно.

Привезли в Соломбалу, в Архангельск. В Архангельске погрузили опять на пароход и повезли по Белому морю, вдоль побережья. Там нас всех разбросали по разным деревням, понемногу в каждой. Мы с мамой жили в деревне Лопшенге. Папа раньше нас оказался на Мурманском берегу, он в Великом Устюге записался рыбаком, его вперед нас туда и отправили, и он в это время уже был в Восточной Лице. Потом мы с мамой приехали к нему и нас вместе отправили в Териберку, из Териберки в Гаврилово Становище, там жили год. Папа работал пекарем, а я в пекарне уборщицей. Там, в Гаврилово, родился брат, назвали Михаилом. А Анюшка, самая младшая, уже в Дальних Зеленцах родилась, куда нас переместили из Гаврилова Становища. Дальние Зеленцы строились для спецпереселенцев, быстро выстроили, ставили щитовые бараки.

На родине я после переезда на Север ни разу не была. Все здесь по Северу нас мотали. Папина мама приезжала сюда нас проведать, а мамина мама жила здесь, у моего дяди, тут и погибла, в Дальних Зеленцах. Дядюшка жил в 3—4 километрах от Дальних Зеленцов. Она пошла сюда, к маме, в баню помыться. Дорогой застигла метель. И она погибла, снегом замело. Третьего апреля это было!

В Дальних Зеленцах я и выходила замуж. Мой первый муж, Герман Федорович Козлов, тоже был спецпереселенец. Земляк, но из другого района, Зеленгинского. Замуж я вышла рано, в 30-м году выслали, а в 32-м я вышла замуж. Муж у меня хороший был, и вот — за что взяли?

В Дальних Зеленцах всем семьям давали по комнате. Мы жили семьей 14 человек, меня взяли девятой в семью свекра. Три женатых сына со своими семьями и отец с матерью. У старшей невестки было трое детей, у второй мальчик и девочка, у меня дочка и сын. И комната 20 метров. Сырость, плесень, зимой все промерзало, по стенам течет. С соседями жили дружно, а ведь в бараках даже разговоры за стеной слышны.

Забрали наших мужчин в 38-м году. Муж мой тогда был как раз дома, а вообще-то они в то время были на промысле в районе Титовки, селедка тогда хорошо ловилась. Судно их стояло на рейде, залив у нас из окна был виден. Муж плавал на мотоботе, был мастером лова. В один из дней у меня как раз сидела Галина Михайловна, кума, сына моего она крестила. Мы с ней очень дружны были. Сидит он в этот день невеселый, а я у плиты стою, обед варю. Слышу, что он куме шепчет, от меня скрывает. Говорит, что людей забирают и боится, что ему такая же участь уготована, «но я, — говорит, — ни в чем не виноват». Я услыхала и говорю ему: «Гера, что-ты говоришь-то не дело?» А он: «Ты, Маруся, смотри, одного, другого (по фамилии называет) вызвали в Мурманск. И люди не вернулись». А брать у нас начали уже с 1937 года.

Где-то в эти же дни он приходит домой и говорит: «Приехали артисты из Мурманска, будут давать концерт, пойдем». Решили пожилую нашу соседку, тетю Дусю, она против нас жила, попросить посмотреть за детьми. Девочке нашей тогда шел 5-ый годик, а мальчику было 10 месяцев. «А сейчас, — говорит, — нам велено на суда собраться, хотят, чтобы на пробу вышли в море». И вот ушел он на судно и не пришел. А ко мне пришли из НКВД. И концерт, видимо, решили ставить в этот день, чтобы проще было забирать.

(Окончание на 8-й стр.)

17—18 марта 1992 г. в помещении Российского государственного гуманитарного университета в Москве состоялась II российско-германская встреча в рамках совместного проекта «Восточные рабочие в III Рейхе и их судьбы после 1945 года».

Встреча была организована Научно-информационным и просветительским центром «Мемориал» и фондом Генриха Белля.

Стало известно, что до 1 августа должна произойти юридическая передача фильтрационных дел (их общее количество, по словам А. Рогинского, около 3,5 миллионов) из архивов КГБ в государственные архивы.

ГДЕ И СКОЛЬКО

Восемнадцатого марта 1930 года родителей, а вместе с ними и нас, детей, выслали с Украины на Урал (Пермская область, Чусовской район) станция Теплая гора. От этой станции нас еще километров на тридцать увезли в лес, не было никакого жилья. Потом выстроили там поселок Тюшовск.

Работали мы на лесозаготовках. И хотя мне еще и шестнадцати лет не было, на меня такая же норма была, как и на взрослого мужчину. Папа наш скоро умер, мама тяжело болела.

В ноябре 1934 года нас с братом восстановили в правах, и я поехала в Кировск. Здесь, как приехала, работала сперва дворником и уборщицей, потом устроилась учеником в Заполярник. Как будто все уже было нормально. Стала мастером.

В мае 1941 года я пошла в отпуск. Отпуск был большой — три месяца. Дали путевку в дом отдыха в Лугу, а потом я еще поехала к тете на Украину, Титиевский район, село Дыбровка. Приехала я туда 21 июня, а 22-го, к вечеру, узнала, что война. Что Козятин и Киев разбиты, ехать некуда...

Чуть побольше недели прошло — наше село заняли немцы. А в 1942 году в конце июня нас угнали в Германию, вернее в Австрию. Там в городе Брегинц я работала на чулочной фабрике. Оттуда нас привезли обратно в сентябре 1945 года.

Очень много пришлось пережить, пока получила паспорт. Нас ведь считали за вредителей. Это мое счастье, что у меня было отпускное удостоверение, и оно меня спасло.

Мурманская-то область не была оккупирована, а когда в 1948 году я вернулась в Кировск и вышла замуж, мне пришлось менять паспорт, полученный на Украине. Меня послали к начальнику милиции, и он меня все спрашивал, где я была во время войны.

Вот все и записано, где и сколько была...

И. ПЕРЕГУД.
1915 г. р.

«Мне бы крылья...»

Наша семья была раскулачена и выслана в 1930 году из Днепропетровской области, село Ивановка Межевского района. Отец, Стародуб Михаил Спиридонович, 1905 года рождения, мама, Стародуб Анна Ивановна, 1905 года рождения, двое детей — Рая, 4-х лет, и Наталья, 6 лет. Отца с дедушкой отправили в Архангельскую область на лесоповал. Мама жила с нами вначале у своего отца (дед боялся — семья кулацкая), потом у наших теток (у отца было 8 сестер). Одна из теток скрывала нас на гумне в сене. Так донесли, что скрывает детей кулацких.

На лесоповале, где работал отец, условия были очень тяжелыми, люди умирали. Отец с двоюродным братом сбежали, их поймали и отправили на Север. Дедушка в это время ушел на юг менять вещи. В 1933 году он умер от голода. Только в 1991 году, получив архивную справку, я узнала, что дедушка перед высылкой был арестован.

Мама, когда стало известно, что отец на Севере, отказалась от всего, взяла высылку и уехала к отцу.

Жили мы в поселке Кукисвумчорр. Отец работал в подземке бурильщиком, а мать откатчицей вагонов. В 1934 году ей камнем пробило голову, она получила инвалидность и была отправлена в инвалидный дом. Оттуда она сбежала на Украину, где и умерла.

Отец тоже очень тосковал по родине. В комнате, в которой мы жили, посередине стояла печь, помню, когда отец топил ее — любовалась отцом. А радости сколько было, что отца все видят.

На руднике он заболел силикозом, и в 1939 году ему запретили работать в подземке. Во время войны он работал на строительстве аэродрома.

Умер он в 1947 году, так и не получив паспорта и не побывав на Украине. И уже после смерти ему дали медаль «За оборону Заполярья».

Р. ЯДРИХИНСКАЯ.
г. Апатиты.

Четыре лагерных

Рассказ Петра Васильевича Александрова воспроизведен по магнитофонной записи, сделанной сотрудником РАДИО ХИБИН Светланой Молчановой.

В Бухенвальде у меня был номер 132725-й — этот по немецки не помню, вот гроссрозненские по-немецки два номера помню (это первый штрафной мой лагерь) — 02021 и 8821. Если по-немецки номера не знаешь, тут тебя убьют. А в Бухенвальде на работу не гоняли, доходяги все мы были, нас в зоне держали и там не нужно было по-немецки его запоминать. А на Колыму прибыл — здесь уже был номер 2215-й — четвертый уже номер...

Арестовали меня 29 ноября 1950 года. Два месяца в Пскове — в тюрьме, в МГБ. Следствие там шло, допрашивали, в основном, ночью, уже после полуночи. Кормушку открывают: «На букву «А» кто есть — одевайтесь!» Везут в МГБ, уже в другую тюрьму, там по коридору шкафы стоят, и если следователь занят, то тебя толкают в этот шкаф. Если здоровенный туда не влезает, то запихивают, заталкивают. Как освободится следователь — тогда вызывают...

Мне приписывали добровольную сдачу в плен 7 октября 1941 года. Я говорю: «Как добровольно? Меня же тяжелораненного подобрали там, несколько человек знают меня...» «Нет, — говорят, — мы допрашивали, никто тебя не знает — раненый какой-то лежал...» Судило меня Особое совещание.

На Колыме я сначала попал на урановый рудник, потом на обогатительную фабрику, тоже урановую. На работу гонят по пятеркам, под ручки — и гонят, охрана и собаки кругом. А когда принимают и сдают люсты в лагере — на вышках стоят и громко кричат: «Пост по охране врагов народа сдал» И орет специально, всем слышно. Второй, который принимает, тоже кричит: «Пост по охране врагов народа принял»... И охрана — вологодский конвой все там был, так говорили: «Вологодский конвой шутить не любит». На работу всех гонят и предупреждают: «Шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх — считается побег. Оружие применяем без предупреждения...» Да, где там побежишь...

Когда я уже лежал в санчасти, в центральном лагере, там начальником был такой Посыпкин Леонид Аркадьевич. Так я ему конспекты писал: он преподавал в партийной школе. И там, наверное, месяцев восемь лежал и все помогал ему, помогал лекарства раздавать, в общем, дела там у меня неплохие были, работать никуда не гоняли... И вот он однажды приходит и говорит: «Знаешь, Сталина сейчас не стало, сейчас новая политика там наверху, в МГБ и в Союзе вообще в целом. Вот сейчас пиши, сейчас должны твое дело рассмотреть». А до того как Сталин копытки отбросил, я, наверное, жалоб пятьшесть писал. Только все сообщали — осужден правильно, пересмотру не подлежит. И вот я написал на 16 листах, как сейчас помню, весь свой пройденный путь — от школы до фронта, всех свидетелей назвал, где лежал, в каком доме. Да, меня еще обвиняли в связи с американскими властями в концлагере Бухенвальд. А какая там была «преступная связь»? Нас было три с половиной тысячи русских там, в Бухенвальде... Да мы сами концлагерь освобождали, без американцев, американцы через двое суток только прибыли...

...А потом я уже документы пошел получать, нас человек десять, наверное, в один день освобождали. Магаданская комиссия прибыла, смотрели все... Прихожу в оперативную часть, поселок Эстимчик — это в двух километрах от лагеря, от зоны, там Темникское лагуправление было, и мне старший лейтенант говорит: «А ты дважды освобожденный». Я говорю: «Как? Вы имеете в виду Бухенвальд, может быть, и здесь?» «Нет, — говорит, — из этого лагеря дважды освобожденный. Ты подавал жалобу?» «Да», — отвечаю. «Твоя жалоба расследована и ты освобожден как неправильно осужденный со снятием судимости и... по болезни. Вот и получается дважды освобожденный». Я говорю: «Спасибо тогда». И сразу мне документы выдали, чтоб получить паспорт. Таким путем я освободился...

Библиотека «Мемориал»

Тбилиси, Новочеркасск, Фрунзе

номера

В конце 50-х—начале 60-х годов многим казалось, что наша страна, «залечив раны, нанесенные войной», наконец-то готова к стремительному взлету к вершинам мировой цивилизации. Поводов для оптимизма было хоть отбавляй: знаменитый XX съезд КПСС, развенчавший культ Сталина; гагаринский полет в космос, потрясший весь мир; мирный атом, дающий энергию ледоколам и электростанциям; высадка советских людей на ледяном континенте Антарктиды и т. д. и т. п. К тому же, по всему миру «победно шествовали идеи Октября», подтверждение чему находили в победе кубинской революции, освобождении Африки от колониализма, усилении классовых битв в странах капитала, появлении стран с «социалистической ориентацией».

Конечно, особенно бурно обсуждались наши успехи в студенческой среде, к которой я тогда принадлежал. Как бы потом ни критиковали волюнтаризм и кукурузоманию экспансивного Н. Хрущева, но в те годы массой дешевых продуктов были заполнены не только рынки, но и магазины большого южного города Ростова-на-Дону, в университете которого я учился. Во всяком случае, в день стипендии мы могли себе позволить, сбросившись по рублю, провести вечер за бутылкой вина, отличными сосисками и чашкой кофе в лучшем городском кафе «Золотой колос».

Предметом споров были сенсационные решения партии «о развертывании форсированного строительства коммунизма», завершить которое было намечено уже в 1980 году. Не менее захватывающей казалась также идея о формировании новой человеческой общности — советского народа. Правительственного декрета об этом так и не появилось, но все шло к тому, что существует единый монолитный народ, крепко сплоченный вокруг «организатора и вдохновителя всех наших побед».

Умелая, всепроникающая пропаганда советского образа жизни как эталона для «всего прогрессивного человечества» сочеталась с отсутствием объективной информации о подлинной жизни в огромной стране. Подавляющее большинство населения не имело возможности свободно путешествовать (по многим причинам) и черпало свои знания из кинофильмов, журналов и газет, пропускаемых через цензуру.

Первый серьезный удар по моим представлениям о нашем розовом настоящем и светлом будущем был нанесен во время поездки в Грузию в ноябре 1961 года. Наша геологическая группа на своей машине, завершая летний сезон, должна была обследовать несколько долин на южной стороне Кавказского хребта. 5 ноября перед самым праздником мы провели один день в Тбилиси и были поражены царившей там обстановкой открытого недовольства решениями XXII съезда КПСС о выносе тела Сталина из Мавзолея. По городу распространились листовки, призывающие превратить ноябрьские торжества в демонстрацию протеста. А 6 ноября, когда наша машина проезжала через город Зестафони, нам показали остатки памятника Ленина, взорванного накануне. Вспоминались события 1956 года, когда, по рассказам очевидцев, для подавления народного недовольства на Тбилиси была брошена армия. И это в цветущей Грузии, так резко контрастирующей с бедными российскими провинциями!

Еще и года не прошло после памятной поездки по Грузии, а я получил куда более значимое свидетельство зреющего народного недовольства. После защиты диплома я поехал к себе домой на Кубань, а вернувшись в июне 1962 года в Ростов, поразился случившейся с ним переменой. В глаза сразу же бросились вооруженные армейские патрули, заполнившие улицы, на многих перекрестках танки и бронемашины, крупнейшие ростовские заводы окружены войсками.

Всюду шепотом передавалось слово — Новочеркасск. Самые достоверные сведения мы получили от наших сокурсников-новочеркассцев, только что приехавших из мятежного города. По их рассказам, в городе одновременно с первым повышением цен на мясо, масло и молоко на заводах резко увеличили нормы выработки. Стихийное несогласие рабочих возглавили активисты с электровозостроительного завода. Никаких насильственных действий они не предпринимали и только требовали переговоров с партийными и городскими властями. Ничего антисоветского, тем более бунтарского, в действиях поначалу не было. Правда, за поддержкой своих требований новочеркассцы обратились к ростовским рабочим, но их делегацию перехватили на полпути, а ростовских рабочих взяли под армейский надзор.

Уже тогда мы узнали о том, что перепуганные местные власти сообщили в Москву чуть ли не о контрреволюционном восстании, что сюда прилетели члены политбюро А. Микоян и Ф. Козлов, после чего против беззащитных людей были использованы танки и пулеметы. Говорили, что некоторые воинские части стрелять в народ отказались, а один командир даже застрелился сам, чтобы не опозорить свой мундир расправой с мирным населением.

Понадобилось почти тридцать лет, чтобы правда о новочеркасской трагедии дошла до страны. После 1962 года мне приходилось бывать в разных краях Союза, но редко кто из собеседников мог хоть что-то сказать о событиях в Новочеркасске. Такие тайны в то время оберегались крепко.

Спустя пять лет мне снова довелось увидеть армейские патрули и бронемашины на улицах крупного города. На этот раз вспышка народного гнева поразила столицу Киргизии, город Фрунзе (ныне Бишкек). Случилось это в конце мая 1967 года. Я только что спустился с гор и поначалу не мог понять, что происходит в мирном среднеазиатском городе. Но затем выяснил, что накануне толпа в 5 тыс. человек прошла по центру столицы, сметая все, что напоминало о милиции. Следы погрома на улицах были очевидны: перевернутые и сожженные мотоциклы и автомобили, сгоревшее дотла здание районного отделения милиции... Толпа учинила погром и в здании республиканского управления МВД. Говорили, что главный милицейский генерал бежал на машине скорой помощи, надев белый халат.

Разноречивые толки о происшедшем событии сходились в одном: бунт произошел внезапно, поводом послужило избиение милиционерами среди бела дня на рынке двух молодых ребят в военной форме. Однако истинная причина стихийного протеста крылась глубже: милицейский произвол во Фрунзе напрямую связывали с разложением нравов местной партийно - государственной верхушки.

Конечно, все эти отчаянные попытки народа заставить власть хоть немного считаться с его мнением, его проблемами были обречены на неудачу, позорный суд, наказания вплоть до расстрелов. Но они все же стали теми каплями, которые в конце концов заполнили и переполнили народную «чашу терпения».

Б. РЖЕВСКИЙ.

ГЛАВА 4.
«Нет Ленина — вот это очень тяжко!»
Е. ЕВТУШЕНКО

Спой мне, Бабаджанян беззаботный!
Сбацай твист мне, веселый Арно!
Подавившись слезой безотчетной,
Расплывусь я с улыбкой дурной.
Спой же песню мне — рулатэ-рула!
Ох уж, рула ты, рула моя!
До свиданья, родной переулок!
Нас таежные манят края!
Все уже позади, мой ровесник,
Страшный Сталин и Гитлер-подлец.
Заводи молодежную песню
Про огонь комсомольских сердец!
Потому что народ мы бродячий,
И нельзя нам иначе, друзья,
Молодою любовью горячей
Мы согреем родные края.
Э-ге-ге, эге-гей, хали-гали!
Шик-модерн, Ив Монтан, хула-хуп!
Вновь открылись лазурные дали
За стеной коммунальных халуп.
Летка-енка ты мой, Евтушенко!
Лонжюмо ты мое, Лонжюмо!
Уберите же Ленина с денег,
И слонят уберите с трюмо!
Шик-модерн, треугольная груша,
Треугольные стулья и стол!
Радиолу веселую слушай,
Буги-вуги, футбол, комсомол!
Барахолка моя, телогрейка,
Коммуналка в слезах и соплях.
Терешкова, и Белка, и Стрелка
Надо мною поют в небесах!
Кукуруза-чудесница пляшет,
Королева совхозных полей,
И Пикассо нам радостно машет
Прихотливою кистью своей.
«Ленин» атомоход пролагает
Верный путь через льды и метель.
Только Родина слышит и знает,
Чей там сын в облаках пролетел.

. . . . . .

Добровольцы мои, комсомольцы!
Беспокойные ваши сердца
То сатурновы меряют кольца,
То скрипят портупеей отца,
То глядят вернисаж неизвестных,
В жарких спорах встречая рассвет...
Вслед гляжу я вам, добрым и честным,
Ничего-то в вас, мальчики, нет.
Ах, культ личности этой грузинской!
Много все же вреда он принес!
Но под светлый напев Кристалинской
Сладко дремлет кубанский колхоз.
Гнусных идолов сталинских скинем,
Кровь и прах с наших ног отряхнем.
Только о комсомольской богине
Спой мне — ах, это, брат, о другом.
Все равно мы умрем на гражданской —
Трынь да брынь — на гражданской умрем,
На венгерской, на пражской, душманской...
До свиданья, родимый райком!

. . . . . .

И встречает посланцев столица,
Зажигается вечный огонь.
Ваня Бровкин, и Перепелица,
И Зиганшин поют под гармонь.
Накупивши нарядных матрешек,
Спой, Поль Робсон, про русскую мать!
Уберите же Ленина с трешек! —
Больше нечего нам пожелать!
И до счастья осталось немного —
Лишь догнать, перегнать как-нибудь.
Ну, давай, потихонечку, трогай.
Только песню в пути не забудь.

. . . . . .

Над бульваром хрущевское лето.
Караул у могильной плиты.
И на шпилечках с рыжей бабеттой
Королева идет красоты.
Заводите торшеры и столик,
Шик-модерн, целлофан, поролон.
Уберите вы Ленина только
С денег — он для сердец и знамен!
Ах, орлиного племени дети,
Все мечтать бы вам, все бы мечтать,
Все бы верить, любить беззаветно,
Брюки узкие рвать и метать.
Спой же песню, стиляжка дурная,
В брючках дудочках, с конским хвостом.
Ты в душе-то ведь точно такая.
Спой мне — ах, это, брат, о другом!
Пой же солнцу и ветру навстречу.
Выходи, боевой стройотряд!
Вдоль по улочке нашей Заречной
Улетает восторженный взгляд.
Что ты смотришь, и что ты там видишь?
Что ты ждешь? — не пойму я никак.
Очень Сталина ты ненавидишь,
Очень Ленина любишь, дурак.
Каблучки в переулке знакомом
Все стучат по асфальту в тиши.
Люди Флинта с путевкой обкома
Что-то строят в таежной глуши.
Вьется переходящее знамя
Семилетке салют боевой.
И гляжу я вам вслед со слезами —
Ничего-то в вас нет, ничего!
Трынь да брынь — вот и вся ваша смелость!
На капустник меня не зови!
Но опять во дворе — что же делать —
Мне пластинка поет о любви!
И навстречу заре уплывая
По далекой реке Ангаре,
Льется песня от края до края!
И пластинка поет во дворе!
И покамест ходить я умею,
И пока я умею дышать,
Чуть прислушаюсь — и онемею:
Каблучки по асфальту стучат!

Библиотека Мехмата МГУ

ГЛАВА 5

«Час мужества пробил на наших часах...»
Анна АХМАТОВА

Что ж, давай, мой Шаинский, веселый.
Впрочем, ну тебя на фиг! Молчи!
Все закончено. В частности, школа.
Шейк на танцах платформой стучит.
БАМ, БАМ, БАМ! Слышишь, время запело?
БАМ да БАМ, ОСВ, миру мир!
Развитой мой, реальный и зрелый,
БАМ мой БАМ, Коопторг да ОВИР.
Ах, мой хаер, заветный мой хаер,
Как тебя деканат обкарнал!
Юность бедная, бикса плохая.
Супер рафл, супер стар, «Солнцедар».
— Что там слышно? — Меняют кого-то
На Альенде — Да он ведь убит?!
Значит, на Пиночета! — Да что ты!!
Пиночет-то ведь главный бандит!!
Пиночет. Голубые гитары.
Озирая родную дыру,
Я стою, избежав семинара,
У пивного ларька поутру.
Ах, Лефортово, золотце, осень...
Той же ночью в вагоне пустом
Зуб мне вышибит дембель-матросик,
Впрочем, надо сказать, поделом.
А потом, а потом XXV-й
Съезд прочмокал и XXVI-й,
И покинули хаты ребята,
Чтобы землю в Афгане... Постой!
Хватит! Что ты, ей-богу, Не надо.
Спой мне что-нибудь. — Нечего спеть.
Все ведь кончено. Радость-отрада,
Нам уже ничего не успеть!
Все ведь кончено. Так и запишем —
Не сбылась вековая мечта.
Тише, тише! Пожалуйста, тише,
Не кричи, ветеран-простота.
Город Солнца и Солнечный Город,
Где Незнайка на кнопочки жал, —
Все закончено. В Солнечногорске
Строят баню и автовокзал.
В парке солнечногорском на танцах
Твой мотив не канает, земляк!
А в кино юморят итальянцы,
А в душе — мутота и бардак.
Все ведь кончено. Зла не хватает.
Зря мы только смешили людей.
И «Союз-Аполлон» проплывает
Над черпацкой пилоткой моей.
Мама Сталина просит не трогать,
Бедный папа рукою махнул.
Дорогие мои! Ради Бога!
Ненарошно я вас обманул!
Все ведь кончено. Выкрась да выбрось.
Перестрой, разотри да забудь!
Изо всех своих славных калибров
Дай, Коммуна, прощальный салют!
Змий зеленый пяту твою гложет,
Оплетает твой бюст дорогой —
Это есть наш последний, ну, может,
Предпоследний решительный бой!

. . . . . .

Значит, сны Веры Палны — не в руку.
Павка с Павликом гиоли зазря,
Зря Мичурин продвинул науку,
Зря над нами пылала заря!
И кремлевский мечтатель напрасно
Бешал на уши злую лапшу
Ходокам и английским фантастам,
И напрасно я это пишу!
И другого пути у нас нету!
Паровоз наш в тупик прилетел,
На запасном пути беспросветном
Бронепоезд напрасно ревел!
Остановки в коммуне не будет!
Поезд дальше воооще не пойдет!
Выходите, дурацкие люди,
Возвращайтесь, родные, вперед.
Все ведь кончено. Хлеб с маргарином.
Призрак ородит по Африке лишь.
В два часа подойди к магазину,
Погляди и подумай, малыш.
Как-то грустно и как-то ужасно.
Что-то будет у нас впереди?
Все напрасно. Все очень напрасно.
Погоди, тракторист, погоди!..
Мне о злорадствовать, мне о издеваться
Над районной культуры дворцом.
Над рекламой цветной облигаций,
Над линялым твоим кумачом,
Над туристами из Усть-Илима
В Будапеште у ярких витрин,
Над словами отца Питирима,
Что народ наш советский един,
Над твоей госприемкою сраной,
Над гостиницей в Йошкар-Оле,
Над растерянным, злым ветераном
Перед парочкой навеселе,
Над вестями о зерно-бобовых,
Над речами на съезде СП,
Над твоей сединой бестолковой
Над своею любовью к тебе.
Над деонильною мощью Госснаба
Хохотать бы мне, что было сил —
Да некрасовский скорбный анапест
Посоглотку слезами забил.
Все ведь кончено. Значит — сначала.
Все сначала — Ермак да кабак.
Чудь да меря, до мало помалу,
Петероургский, голштинский табак.
Чудь да меря. Фома да Емеля.
Перелесок. Пустырь. Буерак.
Все ведь кончено. Нечего делать,
Руку в реку. А за руку — рак.

С Каспийского — на Баренцево

(Окончание. Начало на 6-й стр.).

Было это 23 марта, как раз мой день рождения. Вместе с мурманскими пришли и понятые из наших обыск делать. Ко мне из наших спецпереселенцев, тоже астраханец. Что они могли у меня искать? Раньше что у нас было? — из досок койка да сундук деревянный, небольшой. В сундуке рылись. Одеялко детское у меня было выстирано — и его прощупали. Пачка крахмала стояла в кухонном столе — и в крахмал руками понятый залез, и там все перерыл.

Вечером пришел свекор. «Милые снохи, разрежьте мое сердце, посмотрите, что в моем сердце, посмотрите, что в моем сердце. Черная туча на нас нашла». Забрали всех троих сыновей.

Всего забрали в тот день 50 человек (в поселке было 500 человек с мужчинами и детьми). Труженики все были, работники хорошие, семьянины.

Пошли мы к морю, но не к пирсу, а к воде, напротив мотобота. Все плачем. Мотобот стоит. У мужа были вязаные белые перчатки, он надел их и хлопает над головой руками, чтобы отличили его. Кричит мне, успокаивает, слышит наши крики. Свекра моего под руки вели от моря. В тот же вечер погрузили их на тральщик. Тральщик, выходя из залива, дал гудок. Больше о них ничего не слышали.

Уже в Старых Апатитах, в комендатуре сказали, что отправлен он в дальневосточные лагеря и дан большой срок без права переписки. Позднее получила свидетельство о смерти, извещали, что скончался в 32 года от воспаления легких.

ТРЕБУЕТСЯ СПОНСОР

Журналистка из Караганды Елена Кузнецова готова снять фильм о судьбах финнов, прошедших через Карлаг.

Некоторые из них попали в Россию детьми — вместе с родителями, приехавшими из США, Канады, Финляндии строить соцнализм. Разными путями очутились они за колючей проволокой. У многих сохранились документы, фотографии, письма. По сути, история каждой семьи уникальна.

На съемки трехчастевого фильма нужно около 500 тыс. рублей. Желающие выступить в роли спонсора могут обращаться по адресу:

184200 Апатиты, Мурманская обл.
а/я 215. Хибинское общество «Меморнал»

Е. БАЛАГАНСКОЙ.

МЕМОРИАЛ-КУРЬЕР

Вскоре после Пасхи в Санкт-Петербурге состоялась еще одна конференция, имеющая непосредственное отношение к обществу «Мемориал».

Тема и название конференции — **«СУДЬБА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ в 20-е—30-е годы XX века».**

Среди участников были как священнослужители, так и миряне — ученые из России, Канады, США и ФРГ.

Устроителями являлись С.-Петербургское общество «Мемориал» и Научно- и нформационный центр «Мемориал».

«НАМ НРАВИЛОСЬ ПРИДУМЫВАТЬ ВМЕСТЕ...»

С Д. Н. Леоновым, членом Рабочей Коллегии (РК) «Мемориала», председателем Правозащитной комиссин общества, беседует наш корреспондент П. Беспрозванная.

— Дмитрий Николаевич, в Вашем сегодняшнем выступлении, прозвучала фраза о кризисе, который, переживает сейчас общество «Мемориал». Не могли бы Вы пояснить, что Вы имели в виду!

— Чтобы Вам было понятней, я обращусь к истокам мемориальского движения, ко времени работы Инициативной группы, еще до официального создания Общества. Как проходили наши собрания? Человек десять (количество ограничивалось размерами комнаты) собирались вместе и каждый выдвигал какую-нибудь идею. Один, например, предлагает выйти через неделю на демонстрацию, второй — нечто совершенно другое, третий — третье. Долго ругаемся друг с другом, и в конце концов решаем, допустим, не делать ни того, ни другого, ни третьего. В результате степень продуманности, когда мы что-нибудь делали, была довольно большой. То есть инициативы было так много, что могло успешно существовать сообщество людей, подавляющих в каком-то смысле инициативу друг друга.

А теперь, по-моему, в Обществе ощущается явная нехватка инициативы. При том, что она, в общем-то, приветствуется выборными органами, ведь ее так мало.

К признакам кризиса я бы также отнес то, как спокойно проходит нынешняя конференция и ее консервативный настрой, в смысле сохранения того порядка вещей, который устоялся в «Мемориале» на сегодняшний день. Принятый Устав этому хорошее свидетельство. Конференция отвергла даже те немногие предложения по уставу, которые рекомендовала принять созданная ею редакционная комиссия.

— Вас огорчает этот «консерватизм»!

— Понимаете, он дает мне как-члену РК спокойно жить. Это плохо. Потому что всем нам свойственно засыпать, когда нас не тревожат. И отсутствие требовательности — это тоже ведь кризисный симптом.

Помните, требовательность «с мест» — когда репрессированный человек встает, требует, чем-то недоволен, что-то говорит — это было нервным фоном предыдущих конференций. Всегда хотелось, чтобы этой, в общем-то излишней нервотрепки, было поменьше. Сейчас, на этой конференции ее нет совсем — и стало видно, что это тоже было нужно.

Вообще «Мемориал» для меня всегда был — движение, импульс, а сейчас он застывает, леденеет... Мало подпора, подпитки с мест, мало резерва, мало молодежи.

— Но ведь о том, что в «Мемориале» мало молодежи, говорилось еще на первых конференциях...

— Да, но, однако, ее становится все меньше и меньше. Понимаете, «Мемориал» делается просто крышей для определенных профессиональных занятий. Тут, на конференции, уже говорилось об уменьшении и количества организаций, и числа членов в них. Это ведь тоже определенный симптом. Конечно, люди из Общества уходят по разным причинам, но одна из них — они не находят здесь больше духовного хлеба.

— Дмитрий Николаевич, а Вы не сгущаете краски! Может быть, просто происходит вполне естественный процесс профессионализации деятельности Общества!

— В каком-то смысле — да, и в историко-просветительской, и в правозащитной сферах мы действуем все профессиональней. И как раз благодаря этому растет престиж «Мемориала» за границей, но тем не менее...

Я в последнее время часто задавался вопросом, что держало вместе разные направления «Мемориала», что являлось жизненной основой Общества! Единственный ответ, который приходил мне в голову, что это — живые люди, которым было хорошо думать и придумывать вместе...

Впрочем, в развитии и государств, и отдельных структур существуют как творческие, так и не творческие эпохи. И для творческих всегда были характерны борьба за власть и кипение страстей... У меня до сих пор дома хранится разбитый стакан — его разбил ложечкой председательствующий, таким был накал обсуждения...

— Что ж, будем надеется, что «Мемориал» быстро минует нынешнюю, на Ваш взгляд, «нетворческую» эпоху своего развития. А какой аспект правозащитной деятельности занимает Вас сейчас больше всего!

— Ну, вообще, у нас в правозащитном движении жизнь кипит, и, соответственно, существует очень много насущных проблем. Больше всего мне, пожалуй, хотелось бы все-таки создать определенную инфраструктуру, некую рациональную систему взаимоотношений правозащитных организаций друг с другом.

В настоящее время таких взаимоотношений практически нет, организации, занимающиеся одним и тем же зачастую просто не знают друг о друге, даже если они действуют в одном городе. А уж, если в разных, то и подавно.

Например, существует масса «центров по улаживанию межнациональных конфликтов». Это именно то, чем занимается и наш Правозащитный центр «Мемориала». Тем не менее, мы не знаем толком ничего о них, они — о нас.

Хотелось бы сделать хотя бы минимум — собрать все телефоны и названия, действующих в настоящее время правозащитных организаций...

19.04.92.

Боль людская

В Отчетном докладе Рабочей коллегии общества «Мемориал» (стр. 4) упоминалась Книга Памяти репрессированных томичей, хотелось бы чуть подробнее рассказать об этой книге.

Называется она «Боль людская» и первый ее выпуск издан Управлением КГБ СССР по Томской области в 1991 году.

Она представляет собой поименный список жителей области, осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса за период времени от ее принятия по 1953 год включительно. Публикуемые сведения взяты из материалов архивных уголовных дел. Список этот пока еще не полон, так как не завершен пересмотр судебных дел, о чем предупреждает в предисловии к книге один из ее составителей В. Н. Уйманов.

Кроме того, в ней приводятся сведения о наиболее крупных делах, сфальсифицированных органами ОГПУ—НКВД в этот период, например, дело о старообрядческой контрреволюционной организации «СИБИРСКОЕ БРАТСТВО» (1933 г.), о «ТРОЦКИСТСКОЙ ФАШИСТСКО - ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ» (1937 г.) и др.

Наш адрес: 184200. Апатиты, а/я 215, тел. 4-14-90, Заказ 2473, Тираж 1.600. Рег. свидетельство № 8. Редактор П. БЕСПРОЗВАННАЯ,

Библиотека Мемориала

НЕДЕЛЯ ПАМЯТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

КОТЛОВАН

Специальный выпуск Хибинского отделения общества «Мемориал»

Цена 50 коп.

ФОНД ПОМОЩИ
ХИБИНСКИЙ
МЕМОРИАЛ

Вы держите в руках издание, подготовленное Хибинским обществом «Мемориал» и приуроченное к Неделе памяти спецпереселенцев.

Целью настоящего издания является не просто освещение деятельности Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Мы хотим привлечь внимание к проблеме спецпереселенцев. Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что они до сих пор фактически не реабилитированы, хотя решения о выселении людей из родных мест принимались внесудебным, а значит, незаконным порядком.

Почему мы заостряем на этом внимание? Нельзя забывать, что наш регион осваивался главным образом за счет труда спецпереселенцев. Хибиногорск, весь комплекс апатитовых разработок, гидростанции на реке Нива созданы их руками. И за этот огромный созидательный труд людям до сих пор не воздано сполна.

Хибинское общество «Мемориал» считает необходимым:

бороться за скорейшую и полную реабилитацию спецпереселенцев, а также за возмещение им ущерба;

собирать воспоминания спецпереселенцев и другие материалы, которые могут быть использованы при создании народного музея памяти, а также при подготовке газетных публикаций и книжных изданий.

Мы надеемся, дорогие читатели, что найдем среди вас своих добровольных и надежных помощников, которые примут активное участие в выполнении этой акции.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Далеко за круг Полярный
Меж больших огромных скал
Прибыл поезд под конвоем
Разоренных крестьян.
Ветер горный, дождь холодный
Встретил ужасом гостей.
Потащили вниз в палатки
Вещи, старых и детей.
Лагерь стонами наполнен.
Горе, слезы и тоска.
Далеко наш край родимый,
Далеко родны поля.
Нас невинно осудили
За тяжелые труды.
Поля потом поливали,
Получали с них плоды.
Вот за это преступленье
Нас и выслали сюды.
Мы построим Новый город,
С гор достанем минерал,
Отошлем в поля подарок,
Чтоб нас сосед не забывал.
Поле примет удобренье,
Плод посеянный взойдет.
Это есть предупрежденье:
Что посеешь, то пожнешь,
А обиженный напрасно
Никогда не пропадет.

(Записана со слов переселенцев, июнь 1989 г.).

Документы, документы...

Прокурору СССР
Москва, Пушкинская, д. 15а
Канцелярия Президиума Верховного Совета СССР, Москва, Берсеневская набережная, д. 2/20

4 июля 1938 года я была арестована по обвинению в контрреволюционной деятельности. Уликой,по мнению следователя, была открытка, которую в 1936 году я получила от племянницы из Латвии. Кроме того, следователь голословно обвинил меня в том, что я была раскулачена, а следовательно, антисоветски настроена. В ответ я могла сказать только, что никогда не была настроена против советской власти. После того, как я стала категорически отрицать предъявленное мне обвинение, следователь отправил меня в другую комнату, где я испытала ужасы, которые трудно выдержать.

Когда я вошла в комнату, где находились еще два сотрудника НКВД, следователь закричал:«Поставить морским орлом!»

Меня сшибли с ног, поставили на корточки, руками вверх. Я от такой позы быстро потеряла равновесие и упала. Когда я упала, те же два сотрудника НКВД, оскорбляя меня отборной матерщиной, стали бить ногами, стараясь как можно больше попасть ударами ниже живота и ударами каблуков ботинок по пояснице и потом опять ставили в такую же позу. Я опять падала, меня опять били, и так вели допрос в течение 36 часов.

Через 36 часов физической муки я была готова подписать самые ужасные обвинения, лишь бы получить хоть минуту отдыха от этого ада...

Особой тройкой Ленинградской области я была осуждена по статье КРД на 10 лет исправительных работ и была отправлена в Соликамск, оттуда в Дальневосточные лагеря, а потом в КАРлаг, где отбывала свой срок до 1948 года...

Прошу снять с меня незаслуженную судимость. Надеюсь и верю в торжество правосудия...

Юстина Яновна Гринфельд, уроженка Латвии.

СПРАВКА

Постановление Особой тройки от 29 сентября 1938 года отменено, и дело в отношении **ГРИНФЕЛЬД** Юстины Яновны за отсутствием в действиях состава преступления дальнейшим производством прекращено.

Гр-ка **ГРИНФЕЛЬД** Юстина Яновна по данному делу является реабилитированной.

Помогая — очищать

На долгом, но довольно гладком пути к регистрации нашего Хибинского общества «Мемориал» мы столкнулись с тем, что должностные лица чаще всего высказывают два опасения:

первое — чтобы мы, не ровен час, не возвеличили кого-нибудь недостойного из бывших репрессированных (самая однозная фигура — бывший полицай);

второе — чтобы мы не нанесли моральную травму родным и близким тех, кто принимал собственноручное участие в репрессиях.

Ни «возвеличивание», ни тем паче нанесение морального ущерба кому-либо никоим образом не является целью «Мемориала».

Наряду с восстановлением всей правды о позорных страницах нашей истории основной задачей «Мемориала», конечно же, является помощь тем, кто уцелел, пройдя страшную мясорубку всяческих репрессий (от так называемого раскулачивания до исправительно-трудовых лагерей). При этом я уверена, что слова о суде над участниками репрессий являются не призывом к мстительному возмездию — это призыв к очищению и облагораживанию нашего общества. И мне кажется уместным привести здесь молитву безвестного цадика, уничтоженного в еврейском гетто во время войны, молитву, которая уцелела на клочке оберточной бумаги.

«Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников... Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе... Прими во внимание добро, а не зло. Пусть мы останемся в памяти наших врагов не как жертвы, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей...»

П. БЕСПРОЗВАННАЯ.

УЧАСТНИКУ ПОХОДА УСТНОЙ ИСТОРИИ

Каждый разговор должен быть записан.

Попроси разрешения делать записи во время разговора. Если не разрешат — в конце разговора постарайся записать фамилии, цифры, названия и т. д.

В любом случае после разговора, по свежей памяти, сделай чистовую запись разговора. Обязательно надо зафиксировать дату и место беседы, кто на ней присутствовал. В начале записи поместите сведения анкетного характера.

Важны все подробности, все бытовые мелочи.

Не сводите разговор только к узкому вопросу репрессий. Не комкайте разговор. Если не успели расспросить — договоритесь о новой встрече.

Материалы устной истории должны быть достоянием народа.

Спрашивайте у авторов воспоминаний, нет ли каких ограничений на их использование в печати.

Пишите правду.

Не старайтесь что-то приукрасить или, наоборот, добавить страшные подробности. Фиксируйте случаи, когда рассказчик не уверен в памяти.

Не бойтесь дублей. Если рассказ репрессированного уже был кем-то записан, ничего — новая беседа добавит новых подробностей.

Наберитесь терпения.

Пожилые люди часто разговорчивы, непоследовательны, тема разговора тяжелая, без волнения не обойтись. Учитесь разговаривать. Учитесь слушать. К этим людям надо относиться особенно бережно.

Помните! Каждый разговор, даже самый короткий, пусть по телефону, должен быть записан. Это бесценные документы народной истории.

ЖИЛИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ...

...Мне в том, 1930 году, исполнилось 11 лет. Я многое помню. Помню, как ночью принесли повестку. Три дня нам было дано на сборы. Помню, как на нашей же лошади отвезли в Новгород. Потом в сопровождении солдат с винтовками привезли сюда на Кольский. Наш новгородский эшелон прибыл 4 апреля 1930 года. Выгрузились на 13-м километре. Поперек пути лежала шпала. По левую сторону стояли шалманы, по правую был лагерь.

Поселили нас в шалманы на нары, полагалось 0,5 метра на человека. Не прошло и месяца, как среди переселенцев из нашей деревни появился первый покойник. Летом стали умирать старики и дети. Умер и мой брат четырех лет. В декабре 30-го и в январе 31-го разразилась эпидемия сыпного тифа. Много жизней унес этот тиф.

Когда к концу 1931 года из палаток и шалманов стали переселяться в бараки, нам выделили 12-метровую комнату. Наша семья состояла из пяти человек, а еще подселили к нам двух женщин, то есть 7 человек в 12-метровой комнате. Но после нар и это казалось раем.

Отец, мать и старший брат работали. Я и младший брат учились в школе. В 1940 году опять высылка. Эстонцев, финнов и латышей выслали в Карелию; немцев и поляков — в Алтайский край. Выслали не только спецпереселенцев, но и тех, которые сами приехали, так называемых «вольных». Я по паспорту числилась латышкой, но после 40-го года языка своего не слышала, забыла его и говорить не могу. Высылке в Карелию я не подлежала потому, что была замужем за русским.

Из нашей деревни было выслано ровно 50 человек. В живых осталось пятеро. Сравнивая нашу жизнь и жизнь тех, кто остался в колхозе, трудно решить, кому жилось лучше. От оставшихся там родственников получали вести весьма неутешительные.

Э. СУТАРИХИНА.

Библиотека Мемориала
Свободная история

ОПАСНОСТЬ НОВОГО ТОТАЛИТАРИЗМА РЕАЛЬНА

Пресс-конференция А. САХАРОВА

— Что бы Вы хотели пожелать молодежи в преломлении целей и задач «Мемориала»?

— Мне кажется, что молодежь сейчас стала самой активной силой общества; она всегда была активной, но сейчас ее активность направлена на то, что нас особенно волнует, поэтому молодежь реально принимает участие в историко-просветительских делах, которые являются одной из главных целей «Мемориала», и в делах милосердия и защиты социальной справедливости и, конечно, молодежь противоборствует возможности снова поднять голову тоталитаризму, стремится к изживанию его остатков в нашем обществе. Эта опасность реальна и борьбе с ней посвящена вся наша повседневная деятельность, в том числе и избирательная кампания. Повторяю, во всем этом молодежь принимает участие, и единственное, что я могу пожелать ей, добиться того успеха, которого мы все ждем.

— Здесь говорилось о том, что деятельность «Мемориала» неразрывно связана с демократизацией. Что в первую очередь угрожает демократизации, где главная опасность? Как могли бы работать комиссии и комитеты по правам человека на местах, где они сейчас создаются?

— Демократизации в нашей стране угрожают и объективные, и субъективные факторы. Субъективно — это просто упорное сопротивление тех сил, положение которых и благополучие, и авторитет, и власть связаны с прошлым. Эти силы сосредоточены и в госгосударственной, и в ведомственной структуре, и в части партийного аппарата. Но и там, и там, как мы говорим, раскол по вертикали направо и налево. Это очень острый и опасный процесс, есть опасность, но одновременно есть и надежда.

Объективный фактор заключается в том, что наша страна находится в чрезвычайно остром кризисе; процессы перехода к новому происходят тяжело; страна на самом деле уже зашла в тупик, находится в состоянии, близком к хаосу и развалу. Мы это видим повсеместно. Люди перестают работать, потому что не видят в этом смысла из-за обесценивания денег, потому что на деньги ничего нельзя купить. Чрезвычайно острые национальные конфликты усиливают критическую ситуацию. То, что мы сейчас имеем — это еще не катастрофа, это период трудностей, но во многих районах страны они приобрели тяжелый и острый характер. Положение не улучшается, а ухудшается, и это создает реальную опасность демократическому развитию.

Что касается второго вопроса, я думаю, сейчас возникает очень много политических движений, это отражение глубокого беспокойства всего населения нашей страны. Огромные массы народа проснулись для политической активности. Десятилетия террора, лицемерия и обмана прошли, люди заявляют о своем человеческом достоинстве. Борьба за права личности ныне чрезвычайно важна, она часть тех процессов, с которыми связана наша надежда.

— С 1953 года в стране очень многое изменилось, но остался такой оплот сталинизма, как советские тюрьмы и колонии. Должен ли «Мемориал» этим заниматься, ведь практически ничего там не изменилось?

— Я многое знаю о положении в местах заключения, оно не только вообще плохое, но за последние годы стало резко ухудшаться. Ситуация внутри лагеря находится в руках одной группы заключенных, которые являются как бы надсмотрщиками над основной массой, «мужиками», как их называют. Совершенно невыносимая ситуация, и я считаю, что единственный способ добиться здесь порядка — установить общественный контроль над положением в местах заключения. По духу «Мемориала» эта работа должна войти в сферу его деятельности. Что-то делается, но, конечно, совершенно несопоставимое с масштабами задачи. Речь идет о судьбах сотен тысяч людей. Кроме того, есть вопрос о юридической помощи заключенным. Наша судебная система ужасна, система следствия ужасна, много совершается несправедливостей, и тут тоже может быть большая работа для «Мемориала».

«Частная» проблема, о которой часто приходится говорить — судьба воспитанников детских домов; это люди, перед которыми общество чрезвычайно сильно виновато, а они являются часто жертвами жестокой судебной системы. Другая проблема — судьба людей, перед которыми наша система еще более виновата — тех, кто пришел с афганской войны, или тех, которые были привлечены к уголовной ответственности, находясь еще в Афганистане в составе так называемого ограниченного контингента войск. Это тоже очень больная проблема.

— Гласность — главное оружие «Мемориала». Мне известно, что в октябре Вы были приглашены в программу «Взгляд». Однако Вам было отказано. Не могли бы Вы объяснить, с чем это связано?

— Мне передали, что отказ исходил из самых высших инстанций нашего государства. Было названо имя Яковлева, члена Политбюро, который сказал, что нельзя допустить, чтобы депутаты (не была названа конкретно моя фамилия) по телевидению оказывали дестабилизирующее влияние на положение в стране, чрезвычайно напряженное. После такого инструктивного указания мое участие в программе «Взгляд» и вообще вся тема, посвященная положению афганцев, в частности тех, которые находятся за границей, и тех, кто находится в тюрьмах в СССР, не состоялась, т. к. предполагался прямой эфир с участием воинов-интернационалистов и с моим участием. Вместо этого было то, что Вы видели в программе «Взгляд».

Я хотел выступить в поддержку полной амнистии, безусловной, без судебного разбирательства тех, кто находится за рубежом, и тех, кто находится в тяжелых условиях в тюрьмах и лагерях на территории СССР, Ирана и других государств. Без такой амнистии, во-первых, никто нам не будет помогать, во-вторых, это является нашим моральным долгом перед тысячами людей, находящихся в тяжелых условиях. Эти люди — жертвы несправедливой войны, которую вело наше государство. Это не означает индульгенции на будущее, такой индульгенции никто не может дать, и это не является прощением тем руководителям, командному составу, кто повинен в военных преступлениях во время афганской войны, но это акт милосердия по отношению к нашим ребятам, совершившим преступления в тяжелых условиях. Кроме того, амнистия важна как признание в том, что наше государство рассматривает плен не как преступление, а как право на жизнь, когда других способов сохранения жизни нет. Нельзя допустить такого положения, которое еще, к сожалению, сохраняется в наших уставах, когда сдача в плен считается преступлением. Это правило жестоко и не основано на справедливости. Говорят, что иначе наша армия не будет боеспособна. Боеспособна та армия, которая защищает правое дело.

— Идет ли пересмотр воинских уставов?

— Я не знаю, этот процесс подготовки проходит где-то отдельно от депутатов.

— Сколько собрано подписей в поддержку «Декрета о власти»? Какова их дальнейшая судьба?

— Собрано, по последним подсчетам, 30 тысяч подписей, сбор продолжается. Они будут использованы на II Съезде депутатов. Все эти подписи мы стараемся собрать в одном месте, стараемся понять, с какими людьми нужно и можно контактировать, устанавливать связи. Как будет это использовано на съезде, насколько эффективно — будет зависеть от обстановки на съезде. Во всяком случае, несомненно, что идеи декрета имеют очень широкую, очень массовую поддержку и являются важным политическим фактором не только для нас, но и для всех депутатов съезда.

— В предыдущие годы советской власти у общества были идеологические установки, своего рода коммунистическое евангелие. Сейчас демократическое движение, зная, против чего оно борется, лишено такой мировоззренческой основы, у него маловато позитивного багажа, с которым можно идти к людям. Не кажется ли Вам, что этим объясняется и разброд в демократическом движении, его слабость? И второй вопрос: сейчас развенчание сталинизма вплотную подошло к развенчанию ленинизма, личности Ленина. Актуально ли это сейчас, и что Вы думаете по этому поводу?

— Кроме борьбы есть и еще одно, общее для всех демократических движений — стремление к построению общества социальной справедливости и экономической эффективности, общества, в котором сочетались бы обе эти стороны; кроме того, практически все считают, что общество должно быть экологически ответственно перед будущим нашей планеты. Эти три принципа всех объединяют, в этих вопросах у нас нет противоречий и с существующей государственной системой, но когда доходит до конкретных путей их осуществления, тут возникают противоречия.

Теперь о том, как относиться к Ленину. Я бы не хотел персонифицировать, как вообще относиться к тем, кто стоял у руля революции 70 с лишним лет назад. Я согласен с мыслью, которую в свое время высказывал Бердяев, что тогда в основе лежали нравственные, моральные принципы. Но в дальнейшем произошли деформации, и они были не случайны. Что-то было неправильно в самом начале, принципиально — в философской постановке, в политике... Надо восстановить нашу историю полностью, на всем ее протяжении.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ ...ПОНЕВОЛЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

...Когда в начале 1930 года в наших краях началось раскулачивание, моего отца тоже забрали. Хотя об особой нашей зажиточности говорить не приходится, у нас и дома-то своего не было — жили у тети. И в колхоз отец вступил одним из первых. Скорее всего сыграло свою роль то обстоятельство, что в нашей слободе Тихожуравке мой отец считался «белым офицером», хотя был таким же крестьянином, как и все остальные. Получилось это из-за того, что когда в 1914 году он был призван на действительную военную службу, то за хороший почерк был определен в писари, а писарю полагался какой-никакой, а все же чин — подпрапорщика. Так за отцом пятно «офицерства» и осталось.

В Тихожуравке школа была 4-летняя, и те, кто хотел учиться дальше, ехали в Маньково, которое находилось в сорока километрах.

В феврале 1930-го я как раз жила там и ходила в шестой класс. Мне тогда шел 16-й год, но в нашем классе были ребята и старше. О том, что моего отца арестовали, в школе стало известно в тот же день, и меня тут же отправили домой. Дома мать с сестрой уже собирались в путь... Привезли нас на станцию Чертково, погрузили в «столыпинский» вагон, тот самый: «40 человек или 8 лошадей». Правда, в нашем эшелоне получалось и по 50, и по 60 человек в вагоне — какие уж семьи подбирались. Рассортировали нас по вагонам, тут все женщины забеспокоились, — а где же наши мужчины? Но охрана успокаивала, не бойтесь, все записано, кто в каком вагоне, как стемнеет, привезут ваших кормильцев. И точно — к ночи привезли. Всю ночь эшелон простоял на станции, а утром поехали. Ехали долго и рассказывать об этом могу долго, потому что врезалось в детскую память это непривычное путешествие. На станциях нас из вагонов, конечно, не выпускали, только иногда по несколько человек от вагона с ведрами — за кипятком. Примерно раз в сутки поезд останавливался посреди безлюдной степи — всех выпускали из вагонов оправиться. Питались тем, что захватили с собой. Ехали мы неделю или чуть дольше и приехали в Коми-Пермяцкий автономный округ. Место нашего назначения оказалось под Кудымкаром, но высадили нас примерно в ста километрах, на станции Менделеево. До нас там был эшелон из Белоруссии, да и потом еще приходили эшелоны со спецпереселенцами.

Было начало марта, снежно и холодно. Вещи и маленьких детей погрузили на сани, а остальные пошли пешком по санному следу. Ночевали в заброшенных церквях. Тогда много детей на санях замерзло. Через несколько дней добрались до бывших Пешногорских монастырей. Там стояли трое суток: распределяли, кому в какую деревню отправляться. В тех краях не было ни электричества, ни керосиновых ламп, освещали дома лучинами. Я ее тогда в первый раз видела, до этого только в книжках про лучину читала.

Определили нашу семью в село Юксеево, небольшое — дворов тридцать. У них были свои раскулаченные, вот в их опустевшие дома и поселили нас, по несколько семей в комнату. После таянья снегов стали приспосабливаться к работе. За деньги ничего купить было нельзя, да и не было денег-то. Нас спасало то, что отец шил обувь тамошним жителям, и они расплачивались с ним продуктами.

Ближе к лету мужиков и молодых парней направили работать на лесосплав. Пока ехали из родных мест, да и потом какое-то время никто и не пытался бежать, а тут, по-моему, часть парней воспользовалась предоставившейся возможностью. Во всяком случае, довольно многие из них бесследно исчезли, а в бумагах писали «утопли». Хотя, может быть, на такой работе были и несчастные случаи.

Сама я начала работать на кирпичном заводе — делала вручную кирпичи. Там лавка была такая широкая, я на нее верхом садилась — передо мной форма на четыре кирпича, я в нее глину накладываю и кулачками утрамбовываю. В первый день пришла домой, ни говорить, ни есть не могу. Легла сразу, а утром мама меня еле подняла. А потом ничего — приноровилась.

Так прошло месяца четыре. Тут приехал какой-то уполномоченный и сказал отцу, который к тому времени был назначен старшим, что можно переехать в другое место. Какое именно место, уполномоченный не знал, знал только, что новостройка. Ну, отец подумал и решил ехать, потому что боялся, в Юксееве мы зиму не переживем — умрем с голоду.

Таких желающих со всех окрестных сел набрался целый эшелон. Сколько ехали, не помню. Помню, что сошли на станции Белая. Вагоны с вещами дальше поехали, а мы пошли пешком. Шли довольно долго. Километров через пятнадцать стали попадаться палатки. Спрашиваем у людей:

— Куда нам?

— А, — говорят, — идите дальше.

Идем дальше. Кругом горы, пейзаж непривычный. Видим — колючая проволока, вышки, за проволокой бараки. Может, думаем, сюда? Одна бабенка побойчей попыталась под проволоку сунуться, ну, ее с вышки мужик семиэтажным:

— Куда ...стрелять буду!

Мы к нему:

— Куда нам?

Он рукой машет — дальше, мол. Прошли еще немного и видим: — чуть в стороне от колючей проволоки стоят три барака. Вот они и были для нас приготовлены. В самом маленьком разместилось приблизительно 250 человек. В двух других по 500—600. А на воротах лагеря было написано УСЛОН.

Вот так 1 сентября 1930 года я и прибыла в Хибиногорск...

А.М.Б.

Библиотека Радио Свобода

ПОЛИТИКА БЕЗ РЕГЛАМЕНТА

В. ИГРУНОВ, член правления

Я ХОЧУ вернуться к тому моменту, когда наше движение начало стремительно развиваться, когда из разрозненных групп начал создаваться действительно всесоюзный «Мемориал».

Это движение началось как бы для создания памятника, обещанного XXII съездом КПСС, памятника выдающимся деятелям компартии, погибшим в годы репрессий. Такое движение не могло иметь перспективы — оно уже отставало от развития событий. Только тогда, когда сформировалась мысль о народном движении, где идея увековечивания памяти жертвам репрессий стала лишь частью широко развернутой программы «Мемориала», он смог из инициативной группы «Памятник» превратиться в общественное движение.

Это было весной, когда на улицы Москвы начали выходить люди и собирать подписи, это было летом, когда М. С. Горбачев призвал построить памятник жертвам репрессий. Тогда в «Мемориал» стали приходить не единицами, а десятками, сотнями, и в десятках городов образовались отделения и группы «Мемориала». В этот период к нам приходили те, кто долгие годы ждал, когда им разрешат сказать свое слово, приходили те, кто поверил, что наконец-то их слова услышат, и что это не обернется сегодня ударом по их чести, по их свободе. И в этом смысле «Мемориал» сформировался как движение тех, кто запрыгивает на подножку уходящего поезда.

«Мемориалу» не хватало сил, чтобы быть впереди, и он избрал очень разумную тактику, что привело к нему многих известных людей, имена которых дали нам возможность выжить. Это была победа. Но эта победа могла стать для нас пирровой и может еще стать таковой.

«Мемориал» все время демонстрировал смелость вчерашнего дня и все время оставался в авангарде движения. Это очень важная роль, неоценимая роль в обществе — подбирать тех, кто опаздывает, и открывать путь в гражданское общество тому, у кого нет смелости сделать такие шаги самому. Это почетная и благородная обязанность, и мы могли бы гордиться ею, но создается впечатление, что эта ноша слишком тяжела для «Мемориала», что он устает от нее. Посмотрите, много ли молодых лиц среди сидящих в этом зале? Создается впечатление, что мы проигрываем молодежь и тем самым проигрываем будущее.

То, что делает сейчас «Мемориал», можно назвать благотворительностью, и я поддерживаю прозвучавшее здесь предложение включить в название общества слово «олаготворительное». Но, конечно же, это не единственная цель «Мемориала». Она еще в разрушении тоталитарного общества и переходе к новому обществу, эта задача всегда будет первоочередной. И выполнить эту задачу мы не сможем, не обращаясь к самым глубоким пластам нашей культуры.

Мы живем в обществе, выжженом дотла. Здесь не только уничтожены миллионы людей, здесь уничтожена культура — и в лице ее выдающихся деятелей, и в лице культурных традиций, книг и всего того, что оставила нам предыдущая история. Нам придется восстанавливать репрессированные языки и народы, графику и книги; нам придется помогать жить людям, которые были сломлены в эти годы, и нам придется сделать гораздо, гораздо больше.

Страна, в которой политика сводилась только к управлению, в которой царила безраздельная власть — эта страна не знает, что такое политика, что такое общественная жизнь, ибо вчера политикой было все, и государство регламентировало каждый наш шаг, вплоть до того, как нам себя вести в постели. И каждый наш протест, любой выход, даже абстрактная картина — все называлось политикой.

Сегодня все не так. Мы должны думать о проблемах, которые не являются политикой, но без которых движение вперед невозможно. Даже такие организации, которые называются авангардными и экстремистскими, являют собой движение вчерашнего дня. Посмотрите, «Демократический союз» гордится тем, что продолжает ленинскую идею сильной воли и сильной партии, глубокой дисциплины. Каждый раз, разговаривая с людьми из ДС, натыкаешься на безликое лицо решения партии. Посмотрите, как Народные фронты объединяют свои усилия, чтобы приобрести власть и разделить ее, не ставя перед собой никаких экзистенциальных целей. Нельзя заниматься политикой, не изменив нашу нравственность, не изменив культуру всего общества. В этом смысле «Мемориал» всегда должен быть впереди, ибо политика без нравственности будет срываться в кровь, диктатуру, тоталитаризм.

Поэтому «Мемориал» прежде всего должен обратить внимание на свою функцию просветителя и делать то, что он должен был делать с первого дня. Много ли книг прошло через «Мемориал» в общество? Много ли газет читают члены «Мемориала»? Мы не можем организовать даже для себя поток информации, мы не можем организовать связь друг с другом, мы не можем учиться друг у друга. Как же мы можем выполнять свою просветительскую функцию в обществе? Прежде всего мы должны восполнить то, что не сделали вчера. Одной из главных проблем является реабилитация культуры 60—70-х годов. Без решения этой проблемы нет будущего.

«Мемориал» может поддерживать любые политические направления, если они основываются на принципах нравственности, гуманизма, если они руководствуются общечеловеческими нормами, которые выработаны тысячелетиями.

На 3—4-й страницах опубликованы некоторые материалы пленума правления Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», прошедшего 14—15 октября в Москве.

«Возбуждаю дело против правительства...»

Лев РАЗГОН

ОТТОГО, ЧТО почти нет ни одного журнала, ни даже газеты, в которой время от времени не появляется материал о репрессированных и о том, что было в годы сталинского террора, создается иллюзия, что с этим покончено, что уже известно все, что может быть известно. Я глубоко уверен: это иллюзия и что эта иллюзия создается совершенно преднамеренно. В действительности мы обо всем том, что происходило в эти годы, знаем еще не просто недостаточно, а очень мало. Начать с того, что мы не имеем никаких официальных цифр.

Мы не имеем цифр арестованных, расстрелянных, умерших в тюрьмах, в этапах, в лагерях. Я должен сказать, как человек, который, как говорится, через это прошел, — отчетность соблюдалась очень строгая.

Можно было не кормить и не кормили, можно было убивать и убивали, но отчитывались за каждого з/к. И все эти цифры есть, и они лежат в определенном месте недалеко отсюда, на площади Дзержинского. Но мы этих цифр не имеем. И мы не будем знать нашего прошлого, пока эти цифры, точные, за ответственными подписями, не будут опубликованы. Это должно быть, по-моему, одним из основных требований нашего «Мемориала». Время от времени появляются в журналах страшные в своих подробностях извлечения из дел таких людей, как Бабель, Мейерхольд и других. Значит, какие-то дела каких-то людей это ведомство неохотно, но уступая требованиям влиятельных организаций и лиц, выпускает из своих челюстей. А как же остальные? С точки зрения совершенно естественной морали жизнь любого человека, погибшего в застенках НКВД и в лагерях, столь же дорога, как и жизнь любого гениального человека, погибшего там же. Имеют ли право родственники узнать все о своем погибшем, если он официально признан ни в чем не виновным? Я полагаю, что это должно стать естественным правом каждого репрессированного, оставшегося в живых, и каждого родственника погибшего.

И в этой связи я не могу не вспомнить историю, которую я не без удовольствия рассказываю иногда. Тут в мае приехали из США мои родственники. Они врачи, это все потомки моего двоюродного брата, который в 1911 году уехал в Соединенные Штаты. Уехал, потому что был большевик, революционер, социал-демократ, там в США он тоже был красным, по-моему, одним из организаторов американской коммунистической партии. До 37-го года. Когда он узнал, что пять его братьев здесь расстреляны или убиты, он стал нормальным бизнесменом, родил четырех детей, все они стали врачами. И вот когда они уезжали, я спросил: — Чего вы торопитесь? — У нас процесс. — Какой процесс? — Против правительства Соединенных Штатов. Оказывается, есть в США закон, по которому через 25 лет любые секретные документы — Пентагона, ЦРУ, ФБР — могут быть затребованы заинтересованными лицами частными или учреждениями. Они заинтересовались — вероятно, поскольку их отец был красным, на него есть досье. И они затребовали досье ФБР. Им дали это досье, 250 страниц, большое досье. Но в них 7 страниц оказались залиты несмываемой краской. И тогда адвокаты объяснили им: это есть прямое нарушение закона и они вправе подать в суд на правительство Соединенных Штатов. Больше того, дело абсолютно выигрышное, у правительства нет никаких шансов оправдаться. Вот поэтому они и спешили, должно было состояться решение по этому процессу.

Я полагаю: мы много говорим о создании правового государства и мы наблюдаем, как принимаются важные государственные законы; но одним из признаков того, что мы становимся на путь правового государства будет то, когда каждый родственник погибшего потребует дело, возьмет его в руки и сможет разузнать все: когда, с помощью кого, кем, где по-настоящему и каким образом погиб их родственник.

Когда это будет сделано, не будет того, что мы так деликатно называем белыми пятнами. И чтобы ничего не было залито несмываемой краской — никаких имен стукачей, доносчиков, следователей, палачей, чтобы я смог, в случае чего, возбудить дело: «Разгон — против правительства Советского Союза» (аплодисменты). Я полагаю, что одной из задач нашего «Мемориала» является вот это настоящее восстановление исторической справедливости.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ СИЛЫ

В. ЛЫСЕНКО,
член правления Московского «Мемориала»,
координатор Московского партклуба

В КАЖДОМ ГОРОДЕ, в каждом регионе «Мемориал» активнейшим образом участвует в общественно-политической жизни страны и своего района. Я думаю, что это совершенно естественное явление, т. к. на сегодняшний день это единственная в стране всесоюзная структура, единственная организация, которая имеет отделения в подавляющем большинстве крупнейших (и не только крупнейших) городов страны с четко выраженной антитоталитарной, демократической направленностью. Я согласен, что «Мемориал» сегодня должен заниматься не только историко-просветительской деятельностью, хотя понимаю важность этой работы и преклоняюсь перед теми, кто ею занимается. Но я думаю, надо помнить, что сегодня решаются судьбы перестройки, демократии в нашей стране и «Мемориал» не должен оставаться в стороне от этих процессов; если мы проиграем выборы весной, то мы все проиграем. Поэтому я глубоко убежден, что «Мемориал» может и должен стать не только центром историко-просветительства, но и политическим объединением.

Я не согласен с В. Игруновым, что политика — это обязательно участие во власти и «Мемориал» в этом смысле политических задач не имеет. Любое неформальное объединение для того, чтобы реализовывать свои силы и дела, стремится принимать участие в реализации политической власти, в принятии политических решений. Зачем мы выдвигаем своих делегатов в Верховные Советы республик, в местные советы? Прежде всего, чтобы мы могли реально участвовать в политических процессах, оказывать влияние на органы власти и по своим мемориальским целям и общеполитическим процессам, которые происходят в нашей стране. Поэтому я считаю, что настало время собрать все демократические силы страны накануне выборов, которые будут проходить весной, и записать в качестве резолюции как одну из важнейших целей «Мемориала» проведение в Москве съезда демократических сил всей нашей страны. Я думаю, если бы «Мемориал» взялся за это дело, он бы выполнил свою миссию объединения всех прогрессивных сил нашей страны.

Теперь, товарищи, по поводу тоталитарной системы, которая очень медленно у нас очищается. Ядром этой системы является Коммунистическая партия Советского Союза; если мы коренным образом не изменим КПСС, старая структура с каждым днем все больше будет давить на те процессы, которые происходят в обществе, и парализовывать все демократическое движение и перестройку в нашей стране. Поэтому в настоящее время в целом ряде районов, городов страны, независимо от Москвы, либо с нашей помощью образуются группы коммунистов, партийные клубы — это организации, которые выступают за реальную демократическую реформу КПСС.

Сегодня в нашей стране должны появиться такие горизонтальные структуры, которые, например, год назад появились в Венгрии. Если сегодня не начать процесс за прямые выборы в партии, за многопартийную систему, то партия будет скатываться к консервативным позициям и стремиться задушить демократический процесс. Два года назад, когда я начал работать в «Мемориале», мне на работе поставили условие: или ты остаешься в партии, или в «Мемориале». Тогда коммунисты остались в «Мемориале», но сейчас «Мемориал» должен идти на помощь тем демократическим силам, которые формируются в партии.

Потому что не поддержав, не обеспечив демократическое развитие партии, развивать демократический процесс в нашей стране будет очень сложно или даже невозможно.

В настоящее время Московский партийный клуб при поддержке целого ряда партийных организаций проводит три основные акции: первая — это борьба за прямые выборы на партийный съезд, который состоится в октябре. Если в результате выборов по старой системе — через конференции, областные и республиканские съезды на съезд пройдут консервативные силы, собирать такой съезд смысла не имеет. Вторая акция — и я прошу поддержать нас всех коммунистов, сидящих в этом зале, — это создание демократической платформы КПСС. Мы предлагаем провести в Москве, в декабре месяце учредительную конференцию по созданию демократической платформы КПСС. Всех коммунистов, которые поддерживают идеи передачи всей власти Советам, исключения статьи 6 из Конституции, перехода к политическому плюрализму, свободу создания фракций и группировок в партии, изменение принципов демократического централизма, прямые тайные альтернативные выборы партийных делегатов и секретарей, создание горизонтальных структур в партии, переход к федералистской системе построения, ликвидацию номенклатурной системы и привилегий партаппарата — призываем помочь нам в своих городах и регионах создать партийные группы или клубы коммунистов, с тем, чтобы еще до съезда у нас была создана демократическая платформа.

Библиотека

Реабилитация — не милость, а гарантия справедливости

Евгений ЕВТУШЕНКО

ЕСЛИ МЫ ЗАГЛЯНЕМ к себе в сердца, то мы увидим, что если мы мало сделали, то не всегда причины этого в бюрократии, которая противостоит нам, а, может быть, они и в нас самих, в неумении сплотиться, в недостаточной энергичности, а подчас просто в недостаточной сконцентрированности действий.

Тем не менее само существование «Мемориала», хотя и не зарегистрированного во всесоюзном масштабе, мне кажется, весьма ощутимо в жизни страны, потому что «Мемориал» является нравственным противовесом не только призраку прошлого, но и той потенциальной опасности, которая нависает над нашим обществом.

В психологии нашего народа произошли очень большие изменения за последнее время. Теперь, пожалуй, уже нельзя оправдывать людей, стоящих на позициях прошлого, их недостаточной информированностью или исторической наивностью. Сегодня это уже не историческая наивность, а исторический цинизм. Если некоторые люди кажутся нам слепцами, то это слепота не прирожденная, а притворная, слепота намеренная.

Какие опасности, существующие в нашем обществе, я вижу?

Во-первых, идеализацию прошлого. А идеализация прошлого года всегда чревата воплощением призрака прошлого в будущее.

Во-вторых, опасность в том хаосе, в который ввергнута страна, в том змеином клубке кусающихся, жалящих друг друга национализмов, которые, шипя, ползают по руинам нашей экономики; в усталости народа, в ожидании немедленного улучшения жизни, которое практически невозможно.

Мы видим эту опасность уродливого повторения прошлого и в народных массах, и в выступлении некоторых депутатов, которые, играя в популизм, призывают подчас к сомнительным, экстремистским мерам. Когда, например, решался вопрос о кооперативах, мы видели выступление депутата с Урала, который предлагал чуть ли не с лимонками и пулеметами идти на новые экономические формы.

Я — человек, с самого детства испытывающий глубочайшее отвращение к фашистам и спекулянтам, потому что я видел, как во время войны люди наживались на голоде народном. Мне отвратительна категория людей, покупающих, скажем, государственное мясо и продающих его за восьмикратную цену. Но когда ставятся под сомнение вообще иные формы собственности, кроме государственной, прежде всего забывают о том, что существует и другая спекуляция и что наше государство является самым крупным беззастенчивым спекулянтом, где главным спекулятивным продуктом является рабочий труд. Когда наше государство не дает возможности даже предприятиям переводить прибыль в фонд заработной платы, рождается социальное возмущение, перекидывающееся на другие альтернативные формы собственности. Это состояние напряженности весьма опасно для нашего общества и вызывает ощущение трещащей по швам вавилонской башни, наполненной орущими, дерущимися, озлобленными людьми, которые, к сожалению, подменяют иногда социальные решения кричащих, ключевых проблем национальной взаимоозлобленностью.

Хочу сказать о проблеме регистрации Всесоюзного «Мемориала». Мною было передано письмо-обращение М. С. Горбачеву, подписанное 73 народными депутатами СССР, с требованием регистрации «Мемориала».

Прошло довольно много времени. Я понимаю, что Горбачеву сейчас нелегко, у него тысячи проблем, но вообще не отвечать на подобное письмо нельзя.

Также нельзя, с моей точки зрения, не реагировать на многочисленные обращения народных депутатов и прессы по поводу положения наших репрессированных, когда решали вопрос о пенсиях. Тем не менее во время решения этого вопроса люди вели себя так, как будто репрессированных не существует. По-моему, это безнравственно.

Вы помните, конечно, прекрасную статью А. Вакселберга о том, что бывший бериевский подручный Гришаев преподает право сегодняшним юристам. Здесь сидит чудесный человек Генрих Алтунян. Он может подтвердить одну историю, которая произошла недавно в Харькове. Там местный прокурор Гаситский вступил в «Мемориал» и выдвинул свою кандидатуру в народные депутаты. Его начали преследовать, оказывать давление. После того, как он снял свою кандидатуру в пользу Коротича, его направили на переаттестацию, хотя для этого совершенно не подходил срок. И его не переаттестовали. Когда мы занялись этим делом, то выяснилось, что аттестационную комиссию возглавляла прокурор Октянова, дама, которая была прокурором на процессе Алтуняна, когда ему дали 7 лет и еще, по-моему, 5 лет поражения в правах. Это просто страшный приговор. Собственно, за что? За хранение литературы: среди книг был Солженицын, стенограмма лекции Аганбегяна и еще одно, не напечатанное тогда, в 1981 году, стихотворение Высоцкого. Вот это все Октянова расценила как государственное преступление. И тем не менее в наши дни она является председателем аттестационной комиссии.

Я вовсе не призываю к отмщению, потому что при взаимоозлобленности, в которой мы все, воспитанные в основном в коммунальных кухнях, преуспели, можем наделать много ошибок, много новых несправедливостей допустить. Я не считаю, что мы должны заниматься каким-то преследованием. Но мы должны давать всему нравственную оценку.

Мы не должны позволять, чтобы, скажем, кто-то, прямым образом замешанный в палаческой деятельности, до сих пор еще находился на постах или получал персональную пенсию, в то время как наши репрессированные, работавшие где-то за Полярным кругом иногда по 16—18 часов в сутки, имеют нищенские пенсии.

Я считаю, что мы должны в резкой форме принять резолюцию о том, чтобы начали пересматривать так называемые диссидентские дела, а не только дела сталинского времени, и обратиться с ней в соответствующие инстанции.

Я знаю, что тот же Генрих Алтунян, которого я очень уважаю, сам не хочет подавать на реабилитацию. И многие не хотят. И не из ложного самолюбия, а из человеческой гордости. Мы должны сами поднять этот вопрос, потому что реабилитация тех, кого называли диссидентами, есть гарантия невозможности повторения подобной «охоты на ведьм» в будущем.

Мне кажется, мы должны принять на нашем пленуме несколько таких простых, четких и ясных резолюций.

Кому нужна тайна архивов КГБ?

А. МИЛЬЧАКОВ,
член рабочей коллегии
Всесоюзного общества «Мемориал»

В СООБЩЕНИИ А. Токарева прозвучало, что к нам в общество не идут историки. Это правильно. Ни один серьезный историк не может работать без источников, которыми являются архивы. Самые интересные архивы для «Мемориала» — архивы КГБ, архивы НКВД и МВД, закрыты наглухо до сих пор.

Первый вопрос, который возник у «Мемориала» — каково количество жертв сталинских репрессий? В печати проскользнули цифры, называют 50—60 миллионов человек. Кстати, эту цифру подтвердил профессор Мерилендского университета, известный советолог, американец Джон Голд, выступая в историко-архивном институте. Он подсчитал эту цифру по источникам, имеющимся за рубежом.

Если это так, возникает такой вопрос: когда, в какие годы количество репрессий, количество казней было наибольшим? По свидетельству Роя Медведева (имею в виду его работу, которая сейчас выходит, — «Суду истории») в 1937—1938 годах в Москве ежедневно расстреливали до тысячи человек. Я не думаю, что в других городах с такой же интенсивностью проходили казни политических заключенных. Перед 37-м годом была генеральная репетиция, о которой так ярко рассказали два наших народных депутата Адамович и Евтушенко на Съезде народных депутатов. И только лишь они двое предложили Верховному Совету СССР автоматически реабилитировать 26 миллионов крестьян, разоренных и раскулаченных в свое время. Эти выступления прозвучали на весь мир — однако такого закона Верховный Совет СССР не спешит принимать, ссылаясь на юридические сложности, а ведь все эти расправы были бессудными.

Впереди оказались, как всегда, Литва, Латвия, Эстония, которые немедленно, через Верховные Советы своих республик приняли закон о реабилитации выселенных в Сибирь хуторян. Вот что должно стать примером для нас, главным направлением в нашей работе — то, чтобы была реабилитирована самая лучшая, самая творческая и самая работящая часть крестьянства с немедленной выплатой им компенсации, как это делается в Эстонии. Это была бы благороднейшая акция нашего общества.

Сейчас во всей стране идет поиск мест массовых захоронений жертв сталинских репрессий, людей казненных. Так, в Орле было найдено место такого массового захоронения в 1941 году, накануне прихода немцев, и местные молодые люди добились того, что по результатам их расследований возбуждено уголовное дело против страшной фигуры эльриха — председателя военной судебной коллегии Верховного суда.

У 43 расстрелянных, которых обнаружили ребята, следы пыток. Это дает возможность нашему обществу вынести справедливый приговор, может быть, самому главному палачу, о котором будут еще писать и говорить больше, чем о Ежове, больше, чем о Ягоде.

В последней публикации «Архипелага ГУЛАГ» есть место у Солженицына, где на процессе троцкистско-бухаринского блока в марте 1938 года нарком внутренних дел Ягода, обращаясь к Сталину, говорит: «За что же меня, ведь я вам два великих канала построил». Да, Ягода и его аппарат строили Беломоро-Балтийский канал и канал Москва-Волга.

В Москве мы постепенно нашли пять мест массовых захоронений, где количество казненных людей в общей сложности достигает сотен тысяч человек. Четыре дня назад в газете «Московская правда» председатель КГБ Москвы и Московской области генерал-лейтенант Прилуков официально подтвердил, что жертвы сталинского террора похоронены в Донском монастыре — могила № 1 (невостребованных прахов), на знаменитом Калитниковском кладбище на Таганке — могила № 2 (видимо, там, но я боюсь утверждать, нашел свое пристанище отец жены академика Сахарова Алиханян, известный партийно - хозяйственный работник), на старообрядческом Рогожском кладбище — могила № 3. Четвертое — Строгино, где захоронено 3 тысячи зэков, строивших канал Москва—Волга, те самые раскулаченные крестьяне, которые были репрессированы в 1930—1931 годы и отправлены на строительство Беломорканала, эту стройку коммунизма, а потом были брошены на строительство канала Москва—Волга. И выхода крестьянам уже не было, так как их не реабилитировали, а реабилитировали блатную шушеру, от чего приходил в восторг Горький, который считал, что она перековывается. А вот крестьяне — они лежат в Строгино. И пятое место — это Химки, станция Левобережная, прелестная роща, находящаяся возле ТЭЦ-21, где количество заключенных составляет около 90 тысяч человек. Я называю эти цифры не случайно, потому что это мертвые, родственники которых не знают, где лежат их деды и отцы. Как важно, обнаружив захоронение, найти имена покоящихся в нем.

В выступлении генерала Прилукова прозвучало: «...что касается архивов, то мы их не имеем, места захоронений врагов народа в те годы были строго засекречены». И вообще «мы не можем превратить архивы КГБ в избу-читальню, куда каждый может придти и рыться в наших документах — эти документы представляют собой методы работы НКВД тех лет, и мы не особенно хотим их разглашать».

Что же это за документы? Возьмем все 50 миллионов жертв, тех, кто попадал в тюрьмы на следствие, там заводилось три дела, многие дела были многотомными (на некоторых заключенных дела составляли 9—12 томов), помножим это на 50 миллионов и получим миллиард единиц хранения — это примерно пять библиотек Ленина с их фондами. А в эти библиотеки нас с вами никогда не пустят, потому что КГБ до сих пор имеет статус сверхсекретности.

Ситуация сложная, но не безнадежная. В данное время начальник уголовного розыска г. Петрозаводска получил допуск ко всем личным делам заключенных Беломорканала. Это значит, он узнает, что с каждым случилось, где кто похоронен.

Мы должны проследить за судьбами создателей лагерной системы. Солженицын их называет в романе «Архипелаг ГУЛАГ». Для меня было откровением, что генерал-лейтенант Нафталий Френкель, начальник железных дорог НКВД, оказался мошенником, который, сидя в тюрьме по уголовному делу, написал письмо Сталину: «Товарищ Сталин, как много рабочей силы без толку торчит по тюрьмам и лагерям, их надо заставить работать!» Сталин это письмо прочел и сделал Френкеля первым создателем лагерной системы, которая сознательно превращала людей в рабов.

Павшие, казненные взывают к нам живым — установить их имена, сделать памятные стелы хотя бы в тех пяти местах, которые признаны КГБ — это и есть историческая задача «Мемориала» как живая связь поколений.

Работая в гостелерадио, я получаю много писем. Один человек прислал уже несколько писем и рассказывает, где похоронен Бухарин. Я боюсь это письмо разглашать, потому что на него явствует, что автор был свидетелем. А одного свидетеля мало.

Но почему КГБ нам не открывает сегодня списки этих архивов? Ведь они есть, это я вам показал на примере Беломоро-Балтийского канала и ленинградского «Мемориала», который получил списки 46 тысяч, казненных на Левашовском кладбище. И кажется, я понимаю опасения КГБ. Помните, как на одном процессе, на одной скамье подсудимых сидели Бухарин и Ягода — они ведь могут оказаться в одном захоронении. И если материалами КГБ это подтвердится, каким зарядом может стать такой факт для митингов и процессий.

Библиотека Полоцкого государственного университета

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НЕ ВЫБИРАЛИ

И. БЕЛЬКОВ

История, размещение функционирование лагерей остается пока архивной тайной, приоткрытой лишь в общих чертах. В литературе, публицистических произведениях в последнее время приводятся отдельные правдивые материалы. В них содержится, так сказать, взгляд изнутри, глазами самих узников. Но мне пока не довелось читать что-либо написанное «извне», теми, кто «руководил», находясь вне колючей проволоки. И о деятельности лагерей мы судим лишь по воспоминаниям уцелевших узников да по вещественным свидетельствам: сохранившимся кое-где развалинам лагерей, тайным кладбищам и др.

Мне довелось быть невольным свидетелем некоторых сторон функционирования всей этой дудовищной системы организации принудительного труда, поскольку за время учебы на геологическом факультете ЛГУ бывал в экспедициях в различных регионах страны и многое видел своими глазами.

Кое-что о «наборе» рабочей силы. Когда я в 1936 году поступил в университет, на наш курс первоначально зачислили 120 студентов. Почти все они перешли на второй курс, но осенью 1937 года около сорока из них были «изъяты» — арестованы под различными предлогами, и они навсегда исчезли из поля зрения. Образовавшийся «недобор» был заполнен студентами из других городов, где ликвидировались опустевшие в результате подобных «изъятий» факультеты. Так, из Саратова к нам прибыли тридцать студентов. В 1941 году выпускников нашего курса было 104 человека. Из них 85 распределили в систему НКВД и лишь девятнадцать — по заявкам других организаций, в том числе и АН СССР.

Другой характерный пример. В 1938 году мне пришлось работать в районе села Кереть в северной Карелии. Приехав в это большое село, мы не обнаружили в нем ни одного мужчины, за исключением двух дряхлых стариков. В опустевшем селе были только «женки» да малые дети. Оказалось, что всех мужчин и подростков арестовали якобы за незаконный лов семги, осудили и отправили в лагерь на лесозаготовки. Кстати, это село с той поры пустует и в настоящее время фактически исчезло.

В том же 1938 году я был в Мончегорске, чтобы ознакомиться с месторождениями никеля, которые только что осваивались. Мончегорск тогда строили заключенные в лагерях, два из них находились на периферии города. Руководителем геологической службы предприятия в то время был профессор Горного института В. К. Котульский, осужденный в 1937 году на десять лет и работавший в Мончегорске вне лагеря под неусыпным надзором личного конвоира — лейтенанта, следовавшего за Котульским как тень, куда бы тот ни направлялся. Большинство ИТР геологической службы Мончегорского ГОКа были также заключенные.

В 1940 году я проходил преддипломную практику на разведке Ковдорского железнорудного месторождения в качестве младшего геолога, оформлял документацию всех разведочных выработок: канав, шурфов, скважин. Было правительственное задание — в течение одного года провести разведку месторождения и построить железнодорожную ветку от Пинозера до Ковдора, а в следующем году приступить к строительству обогатительной фабрики и города. Для обеспечения этих работ на Кольский полуостров были переброшены из Сибири лагеря, строившие железную дорогу БАМ — Тында, с которой были сняты уже уложенные рельсы и шпалы — перевезенные вместе с контингентом лагерей и их охраной на Кольский в июле—августе сорокового года.

В начале июля, когда я пешком из Уполокши пришел на Ковдор, там находилось всего шесть человек — прораб, его помощник и четверо рабочих. Мы расположились в одном из сараев погранзаставы, которая должна была скоро дислоцироваться на новую границу с Финляндией, отодвинутую на запад в районе Ковдора на 25 километров. В конце июля на Ковдор пришла группа примерно пять тысяч человек заключенных, расположившихся в лесу на берегу озера Ковдор (где сейчас выстроен город) и сразу же приступивших к строительству лагеря. Через несколько дней весь лес на берегу озера был вырублен, лагерь был огорожен колючей проволокой и выстроены дома для охраны и первые бараки для заключенных.

Строительство бараков продолжалось весь июль и август. Основная масса заключенных в это же время начала строить шоссейную грунтовую дорогу от с. Ены до Ковдора, а часть заключенных (300 человек) поступили в район месторождения для проведения горных выработок. При этом взрывные работы осуществляли сотрудники геолого-разведочной экспедиции, расчищали горные выработки после взрывов заключенные, а документацию расчищенных выработок вели вольнонаемные коллектора.

Весь контингент заключенных был разбит на бригады по 100 человек в каждой. Бригадиры — из числа осужденных за уголовные преступления. Именно они управляли всеми внутрилагерными делами. Бригадиры следили за работой своих подопечных и пользовались неограниченным авторитетом. Система «зачетов» определяла высокую работоспособность: за выполнение норм на 150% снижался срок на 25%, при выполнении двойной нормы — срок снижался вдвое. Учет вел бригадир под периодическим контролем лагерного руководства. За «ударную» работу полагалось усиленное питание, увеличенная норма выдачи табака, сладости и т. д. В результате работа в среднем выполнялась в полтора-два раза быстрее норматива. Конкретно на Ковдоре все горные работы: примерно двадцать километров разведочных канав глубиной два-три метра и 150 шурфов глубиной до двадцати метров завершили к середине сентября. К концу августа была вчерне проложена шоссейная дорога от Пинозера до Ковдора, а к июню 1941 года уложены рельсы на железнодорожной ветке, затем снова снятые и увезенные.

Во время Отечественной войны число лагерей в целом по стране сократилось, хотя в отдельных регионах, таких, как Колыма, Дальний Восток, Казахстан, наоборот, возросло. В послевоенное время они вновь стали возникать повсюду как чудовищные грибы. В частности, в 1950 году было начато крупное строительство железной дороги Титан—Оконьга на Кольском полуострове. Строительство ее, прекращенное со смертью Сталина, должно было завершиться в 1954 году.

По всей трассе железной дороги организации МГБ проводили изыскательские работы, а в 1951—52 годах разместились лагеря заключенных. Отдельные лагпункты были — в пос. Титан, на 44, 56, 72, 82, 101, 125, 137-м километрах трассы. До 180-го км, где находилось управление строительством, проложили грунтовую дорогу; до 82-го километра сделана насыпь, а до 56-го уложены рельсы, на 137, 180, 240 и 265-м километре трассы были сооружены посадочные полосы для самолетов АН-2, геологи используют их до настоящего времени; до 180-го километра была была протянута телефонная линия.

В действующих лагерях на этой трассе мне не пришлось бывать, но в дальнейшем насыпь железнодорожного полотна мы использовали в качестве вездеходной дороги на Кейвы и в развалинах былого лагерного «рая» я неоднократно бывал. Многие развалины — как кошмарные памятники былого «архипелага» доступны для осмотра, их история может быть восстановлена, несомненно, живы еще многие узники этих бывших лагерей, от которых можно еще получить ценные свидетельства и документы. Нельзя упустить время для их поиска!

Хибины—новенький вагон в социалистическом поезде

«Один, другой... четвертый...,
Бурля, спешат в поход,
Железные когорты
Начальника работ».
С. Кремков, 1933 г.

Еще не было Белбалтлага и Дальстроя, БАМлага и Карлага, ни десятков других, менее известных Управлений ГУЛАГа, как не было и его самого. Еще жили десятки миллионов, не ведая своего трагического будущего, а в Хибинах уже была натянута колючая проволока, колонны заключенных тянулись из лагерных ворот на работу и мерно вышагивал по бокам конвой. Единственный, можно сказать, «опытный» концентрационный лагерь в СССР — СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) проводил эксперимент по применению принудительного труда на стройках народного хозяйства, естественно, по заданию партии и правительства.

После открытия богатейших запасов апатита в глухом, необжитом крае, тяжелые условия Заполярья и сверхударные сроки начала промышленной разработки месторождения определили характер работающих — заключенных, а с началом массовой коллективизации — спецпереселенцев.

К началу Хибинской эпопеи — 1929 году — СЛОН уже был крупной хозяйственной организацией. Туда входили механический, кирпичный, известково-алебастровый, гончарный заводы, множество мастерских, лесо- и торфоразработки, «Рыбзверпром», «Кожшвейпром». Годовой доход лагеря достигал 1 млн. 480 тыс. рублей. Но это было только начало. «В связи с ростом лагерей усиленным темпом идут строительные работы, объем которых определен в 325 тысяч рублей».

Их неумолимо влекло друг к другу: лагерь и народное хозяйство. Лагерь находил в народном хозяйстве богатого покупателя рабского труда заключенных, противоположная сторона — надежного поставщика. О заключенных заботились и думали не более, чем о материале для строительства. Скоро ГУЛАГ станет в один ряд с другими отраслями промышленности в сводках Госплана, а предприятия приобретут черты лагеря, где начальник будет иметь звания, а рабочие — уголовные наказания за опоздание, за брак. А пока...

Пока весна 29-го. На Колонизационный отдел Мурманской железной дороги возложена задача в «экстренном порядке» построить грунтовую дорогу от разъезда Белый до апатитовых разработок в Хибинских горах. Выполнить задание только силами железнодорожников было невозможно. Тогда на помощь и пришел УСЛОН, предоставив свою рабочую силу. Так в Хибинах появился первый концлагерь — 6-е Отделение УСЛОН.

Земляные работы на дороге начались 3 июня, а 7 октября открыто сплошное движение грузовиков от бромсберга, подающего апатитовую руду, до железнодорожного вагона и в этот же день вывезена первая тонна апатита. Всего за четыре месяца УСЛОН провел дорогу на протяжении 29 километров, с устройством 40 мостов и свыше 4 километров сплошного настила. Несмотря на мошкару, недостаток рабочих рук и их текучесть при частых перебоях в снабжении.

Какая может быть текучесть у заключенных, когда их не кормят, а на работу водят и норму спрашивают со всей строгостью? Только в братскую могилу.

Дорогу построили, чем обеспечили «начало оседания населения в Хибинских тундрах». Но вольные пока сюда ехать не спешили. Поэтому постановление Совета труда и обороны от 11 сентября 1929 года о постройке в срочном порядке железнодорожной ветки от апатитовых месторождений пришлось выполнять опять «условновцам». Сталин скоро скажет: «Апатитовую промышленность надо форсированно развивать. Нет городов — надо их строить. Нет дорог — надо их строить. Нет электроэнергии — надо строить гидростанции».

Кто сказал, что принудительный труд малопродуктивен? Это выдумки «буржуазной демократии, осколки старой морали». А если другого труда взять неоткуда? И разве тысяча вольных сможет проложить 11 километров за один зимний месяц? А лишенные свободы могут. У них есть стимулы к труду: помощник начальника УСЛОН Сосовский, богатыри в буденовках с оружием наизготовку, карцер. И уже не так страшны полярные 22-часовые ночи, зловещие завывания Хибинских буранов, 30-градусные морозы, так легко переносимые при тихой погоде и нестерпимо леденящие кровь при жестоком ветре, снежные заносы высотой 3—4 метра, тысячепудовые валуны — остатки ледникового периода, недвижимо лежащие на пути железнодорожного полотна, насквозь промерзшие болота, густые леса, горные быстрые реки, неприступные горы. Они работали круглые сутки в три смены, вручную перелопатив 300 тысяч кубометров грунта. Многие умерли, не выдержав рабских условий труда, других унесли эпидемии тифа, туберкулеза, цинги. Могилы «условновцев» — первые братские могилы в Хибинах. За последующие тридцать лет их прибавится ох, как много. Кем были «условновцы» до заключения, где жили, за что им досталась эта тяжелая доля? «По национальному признаку, возрасту, уровню образования, прошлой деятельности и пунктам обвинения — та же пестрота». Одним словом — народ. В марте 1930 года в Хибины прибыл первый эшелон «спецпереселенцев», крестьян, попавших под молот коллективизации. Условия их труда и быта ничем не отличались от лагерных, разве что колючей проволоки и землянок не было натянуто. Работали и умирали они наравне с заключеными. Жизнь спецпереселенцев требует отдельного большого рассказа.

Заключенные вместе со спецпереселенцами строили первую очередь АНОФ-1, добывали апатит, возводили Хибиногорск. И не было им замены. Как писал в Управление Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей (УСИКЛМИТЛ) В. И. Кондряков: «Если не представить нам специалистов л/с, это катастрофически отзовется на всем строительстве... Все попытки треста получить специалистов обычным путем найма и мобилизации по целому ряду специфических условий... не могут удовлетворить огромную потребность треста в специалистах». Представители треста «Апатит» ездили в Кемь на пересыльной пункт СЛАГ. Процесс «Промпартии» мобилизовал в лагеря специалистов, и выбор у администрации треста был. За одного инженера трест платил УСЛАГу около 4000 рублей в полгода, и к середине 1931 года значительная часть руководящих должностей треста оказалась занята заключенными. Заключенными были ведущий инженер автотранспортной конторы Борис Николаевич Дистерно, электротехник Чеслав Максимилианович Левитский, инженер-строитель Михаил Дмитриевич Белков, экономист Владимир Христофорович Рубин, юрист Владимир Леонтьевич Руднев и многие другие.

В середине 30-х годов 6-го Отдельного Хибинского пункта СЛАГ не стало. Он свою задачу выполнил. «Хибины — новенький вагон в социалистическом поезде» был построен «ценой подлинно героической работы» и «мчался на всех парах по стальному пути. Остановок не будет. Конечная станция — Коммунизм».

Как выразился еще в 30-м году в своей статье «Соловецкое хозяйство и его значение для Севера» некий П. Льдов, «Соловки доказали, что все заключенные (кроме калек и больных) находят то или иное применение своему труду и труд этот, несмотря на его принудительность, в общем итоге вполне положителен с точки зрения его производственных результатов». И далее: «по мере того, как труд будет все более применяться как метод перевоспитания — исправления человека, в соответствии с дальнейшим усилением практики исправительно-трудового кодекса, работа лагерей даст еще больший хозяйственный эффект».

С середины тридцатых годов практически ни одна отрасль народного хозяйства не обходилась без заключенных. Любая крупная стройка одновременно была лагерем. По Мурманской области — это Нивские и Серебрянские ГЭС, аэродром в Мурмашах и комбинат «Североникель», порт в Мурманске и железная дорога до Никеля. Список этот далеко не полон. О лагерях сороковых-пятидесятых годов разговор впереди.

А. МАТВЕЕВ.

Библиотека Мемориала

ПОТОМОК «СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ»

Из воспоминаний Н. П. ЧИРВИНСКОГО

Время моей юности совпало со временем, когда Н. И. Ежов говорил: «Народ рассуждает таким образом, что если человек работает в органах НКВД, значит, — это наиболее преданный советскому народу человек, который в любое время готов отдать свою жизнь за интересы народа, это человек, который беспредельно предан своей Родине, своему правительству, своей партии, вождю партии — товарищу Сталину».

Естественно, тогдашние следователи, провокаторы, заплечные, корыстные добровольцы-доносчики, когда-то бывшие рабочие, крестьяне, потом ставшие злодеями, никогда не ощутят своей вины. Они устно и письменно твердят: «Врешь! Не было этого! Так надо было».

Другие, не достигшие высоких ступенек кроваво-грязной иерархической лестницы «органов» и брошенные в тюрьмы и лагеря более удачливыми коллегами, изображают из себя жертвы и даже лезут в общество «Мемориал», где им не должно быть места.

Николай Иванович Ежов мог бы похвалить и некоторых писателей, художников, ваятелей, киношников, философов, историков, которые своим творчеством помогали не только прославлению «органов», но сыграли важную роль в том, чтобы «вождь народов» смог первым разглядеть, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Когда я приехал в Кировск, город назывался Хибиногорском. Поэтому свои детские и юношеские воспоминания о жизни в Хибинах я связываю с первоначальным названием этого города, ставшего для многих его подневольных строителей местом последнего успокоения на 16-м километре.

Мой отец был одним из тех, кто оставил заметный след в освоении Хибинских тундр. В 1927 году в Новочеркасске отмечался 25-летний юбилей профессора Петра Николаевича Чирвинского. Среди многочисленных приветствий были и приветствия от выдающихся отечественных ученых, в частности, президента Академии наук А. П. Карпинского, академика В. И. Вернадского, от маститых профессоров из Варшавы, Праги, Клаустале, Мюнхена, Гейдельберга, Вены, Осло, Лондона и Вашингтона.

По тем временам этого было вполне достаточно для обвинения в преступной связи с зарубежными разведчиками, суда «тройки», осуждения на 10-летний срок концлагерей, а то и «высшей меры социалистической защиты».

Моя мать Мария Владимировна Чирвинская (девичья фамилия Кутьина) училась на Высших женских курсах в Москве. В 1905 году на одной из студенческих демонстраций была ранена сабельным ударом и чуть не потеряла руку.

Бесстрашно хлопотала перед кровавыми боссами из пресловутых «органов» за мужа после его повторного ареста в 1938 году, когда срок наказания не истек. Может быть, ее стараниями отец смог еще долгие годы работать, и после кончины, в 1955 году, его имя вошло в знаменитый словарь Поггендорфа (ГДР) и в персональный очерк АН СССР.

В первой половине сентября 1933 года я, одиннадцатилетний мальчик, был в числе пассажиров вагона, влекомого «кукушкой» со станции Апатиты в Хибиногорск. Я испытывал чувство тревоги и даже страха, особенно когда наш рабочий поезд подошел к громаде горы Вудъяврчорр, наполовину скрытой пеленой тумана. Перед одним ее краем шумела загаженная нефелиновыми хвостами река Белая, а впереди виднелся кусочек безжизненного озера Вудъявр. Поразила и апатитовая пыль, особенно заметно «посеребрившая» ели в сквере тогдашнего центра города.

Через 2—3 минуты поезд остановился, посветлело, и я вместе с толпой пошел к вокзалу, то бишь к бараку с высоким крыльцом. На крыльце стоял мой папа. На нем были серые в полоску брюки «хэбэ», солдатские ботинки, военная гимнастерка, летнее пальто времен до 17-го года и фетровая шляпа вида весьма потрепанного, однако внешне указывала на принадлежность ее обладателя к «социально опасным» элементам.

Папа отвел меня домой в барак по Обогатительной улице, 7. В бараке на Обогатительной в 11 комнатах жили симпатичные люди — преподаватели горно-химического техникума, в котором подрабатывал и мой папа (основная его работа была в тресте — затем комбинате «Апатит»). По этому адресу я прожил с родителями до осени 1940 года.

Учебу я начал в 3 «Е» классе средней школы № 1. В то время директором ее был Николай Петрович Рудин. Через 3—4 года его перевели директором железнодорожной школы. После него я запомнил двух «исчезнувших» один за другим директоров Ремизова и Клячева. Кончал школу при директоре Иване Яковлевиче Воробьеве. Иван Яковлевич ходил по школе державной поступью, запомнился серый цвет его лица и костюма.

До десятого класса доучился я один. Все ученики были детьми спецпереселенцев, и я, сын ссыльного «контрика» (так на тогдашнем «гепеушно»-блатном жаргоне именовались осужденные по 58-й статье — отцу был вменен пункт 7, то есть вредительство), одним словом, потомки «социально-опасных». Вскоре это прозвище заменили более отвечающим новому этапу классовой борьбы с «врагами народа».

С 4-го по 10-й класс я учился с русскими, украинцами, а также немцами, евреями, финнами, грузинами. Я не помню ни одного конфликта на национальной почве. Нас также не интересовало, кто спецпереселенец, кто сослан по другой линии, кто приехал по своей воле, у кого какой достаток и положение родителей. За семь лет моей учебы не было случая воровства, равно как и жестоких драк, вымогательства денег, издевательства над слабым (а ведь до известного постановления многие ходили с финками). Правда, как и в каждой нормальной школе, мы курили тайком, наиболее храбрые выворачивали пробки — гас свет, и все с упоением орали.

И каждого из нас притягивали горы. Многие, того не ведая, рисковали жизнью, во-первых, потому, что не знали, что такое горы, во-вторых из-за мгновенно меняющейся погоды. На моей памяти, совсем недалеко от города замерз Женя Портных.

За время учебы в школе у меня были друзья, просто соклассники. Я позволю себе перечислить некоторые имена: Михаил Алексеев, Клавдий Буров, Анатолий Дьячков, Вадим Соловьев, Анатолий Малахов, Кантарович Анна, Татьяна Мисейюк, Евгения Сизаск, Дима Краинский, Лида Витковская, Евгения Каретина, Павел Реммих, Тойво Татти, Владимир Дахель, Петр и Мария Ланкинен.

Я знаю судьбу некоторых родителей своих сверстников. В частности, отец Левы Достовалова — Вадим Александрович Залесский — инженер-химик, участник первой мировой войны, до приезда в Хибины был в заключении на Соловках. От него мы узнали о знаменитой Секирной горе и песню «Хороши по весне комары у высокой Секирной горы...» В кровавую круговерть 1937—1938 годов он был арестован и, по-видимому, расстрелян в Мурманске.

Морозов Валентин. Его отец — опальный соловецкий деятель с ромбом в петлице (по-теперешнему — генерал-майор), сам видел его на фотографии с группой таких же, как он. В тресте «Апатит» был начальником личного стола (отдела кадров).

Рабинович Лева. Отец — участник гражданской войны, в конце 30-х годов арестован.

У Константина Буржуа была арестована мать.

Орлова Тамара. Отец — преподаватель русского языка и литературы в горно-химическом техникуме, арестован в 1939—1940 годах.

Дахель Владимир. Отец — главный бухгалтер комбината «Апатит», арестован в 1937—1938 годах.

Из городских событий запомнились похороны 80 человек, погибших от лавины, сошедшей с Юкспора со склона напротив апатитового рудника. Гробы в два ряда на грузовиках, между ними солдаты с винтовками и примкнутыми штыками. Запомнился приезд кандидата в депутаты Верховного Совета СССР флагмана флота капитана 1 ранга Душенова, впоследствии очутившегося на Колыме, о чем я узнал много лет спустя из газетной публикации. В то время такие трансформации были делом обычным. Посетил Хибиногорск и Папанин. Приезжали прославленные конькобежцы Мельников и Аниканов. Были мы свидетелями фрагментов съемок фильмов «Семеро смелых» и «Волочаевские дни».

Моральный дух жителей Хибиногорска, во всяком случае, той ее части, которая оказалась здесь не по своей воле, был придавлен: у людей отняли все и самое дорогое — свободу, которая могла быть ограничена не только запретом о невыезде, а даже тюрьмой или лагерем. Каждый понимал возможность такой метаморфозы, поэтому интеллигенция вне службы избегала общения друг с другом.

Мои родители дома высказывались весьма сдержанно: они понимали, что по детской непосредственности я мог ляпнуть не то или задать вопрос обществоведу вроде: «Почему в Хибиногорске встречаются люди, интересующиеся помойками, в то время как «с каждым днем все радостнее жить?» Но у меня вопросы не возникали: после того, как в нашу новочеркасскую квартиру по Хомутовскому, 33 вошли вежливые люди в фуражках с малиновым околышем и синим верхом, я понял, что их надо бояться, боюсь я их до сих пор: на фуражках цвет околыша не изменился.

Попутно замечу: наш город был трезвым, никаких признаков беспробудного пьянства в Хибиногорске не отмечалось. Город был чистоплотным, в бараках порядок. Здесь жили деликатные люди, хотя и разного культурного уровня.

Но духовному растлению в немалой степени способствовал поток паточно-приторных фильмов, который лился с киноэкрана. Действительная же жизнь умещалась в коротких, но удивительно емких и острых по содержанию анекдотах. Люди раздваивались. В итоге появились мифические комсомольцы— строители Хибиногорска.

Финская война (теперь некоторые предпочитают говорить — «пограничный конфликт») запомнилась лютыми морозами и перебоями в снабжении. В нашей школе был госпиталь, а класс занимался в помещении ГХТ.

Пятнадцатого июня 1941 года без трогательных напутствий и прощального вечера я окончил школу. Впереди маячил призыв в армию.

Через несколько дней после начала войны немецкие самолеты налетели на город, сбросили бомбы, но, по счастью, часть бомб не разорвалась. Погибла одна женщина в разбомбленной лаборатории, которая была рядом с ГТХ и фабрикой. Бомбить начали в 1 час 55 минут, при ярком солнечном свете, и закончили в 2 часа ночи. С началом бомбежки я вскочил с постели, отдернул штору и увидел низко летящий синевато-серый самолет с крестом на фюзеляже, а внизу мечущуюся толпу людей между нашим и соседним домом, пытавшуюся попасть в бомбоубежище, которое по непонятным причинам оказалось закрытым.

Вскоре после речи «вождя народов» (местные остряки произносили слово «вождь» быстро, скороговоркой — не отличишь от «вошь») я в последний раз из окна вагона поезда, отправляющегося со станции Апатиты, увидел отблеск солнечных лучей от окна квартиры, в которой остались престарелые мои Папа и Мама.

Для меня Хибиногорск — вторая родина, и, несмотря ни на что, я храню о нем самые теплые воспоминания.

Наша анкета

В период подготовки к «Неделе памяти спецпереселенцев» Хибинское общество «Мемориал» распространило среди жителей региона анкеты, в которых были следующие вопросы:

1. Есть ли среди Ваших родных и знакомых спецпереселенцы?

2. Из каких областей и куда именно они были переселены?

3. Известны ли Вам обстоятельства выселения?

4. Какова, на Ваш взгляд, роль спецпереселенцев в освоении Кольского Севера?

5. Ваши пожелания к проведению «Недели памяти».

Мы хотели бы сегодня познакомить читателей с частью ответов на вопросы анкеты.

1. Обращает внимание, что почти все спецпереселенцы были многосемейными, поскольку прежде всего это были семьи крестьянские. Покидали родные дома и отправлялись в необжитые дали дети так называемых «раскулаченных» — подростки и их младшие 4-х, 3-летние братья и сестры.

2. География родных (бывших родных) мест спецпереселенцев — самая широкая: Ленинградская, Псковская, Вологодская области, Урал, Белоруссия и даже места совсем южные — Краснодарский край и Украина.

3. «Дедушка и бабушка имели дом, «среднее» хозяйство, батраков никогда не нанимали, сами работали. По доносу «раскулачили», летом 1931 года погрузили в товарные вагоны, привезли на север...»

«Нежелание вступить в колхоз».

«Был репрессирован и осужден по 58-й статье отец без права переписки; видимо, наша семья была выслана как семья врага народа...»

«Невыполнение твердого задания — выселены с родителями как кулаки, родители умерли в местах переселения...»

«По доносу».

«Не знаю. Мне было 5 лет, жили на хуторе: папа и его брат, их уже нет в живых...»

4. За редким исключением, мнения по этому вопросу сходились в главном.

«Думаю, нужна была рабочая сила для освоения несметных богатств Кольского полуострова. В основном все спецпереселенцы были великими тружениками, поэтому за 2 года в основном был построен рудник, обогатительная фабрика и другие промышленные и культурные объекты, построен город Хибиногорск, а техника — пила и топор».

«...это они построили своими руками Кировск и Мончегорск, создали горно-металлургическую промышленность. Это — люди труда».

«Мы строили электростанцию и канал протяженностью 4,5 километра вручную и закончили строительство за три с половиной года».

«Спецпереселенцы — основная производительная сила на севере, самая бесправная и угнетаемая».

«Они подняли этот край. А трудиться умели, как никто другой».

5. Среди пожеланий большое количество встретиться, вполне понятное для людей, судьбы которых так похожи. Но есть и другие.

«Не знаю, что предложить. Могу только сказать, что эти люди достойны самой светлой памяти».

«Думаю, что следует пропагандировать сбор средств с целью сооружения памятника жертвам сталинских репрессий в Хибинах и на Кольском полуострове».

«Заказать молебен в местной церкви за безвинно пострадавших с показом по местному телевидению. Эти люди были в основном верующие».

«Оказать помощь оставшимся еще в живых с маленькой пенсией».

«Чаще печатать в городской и областной прессе о спецпереселенцах».

«Жаль, что не дожили до этого времени наши родители. Они ушли из жизни, так и не услышав слова правды о том произволе, что они пережили. Хотелось бы пожелать, чтобы к проведению «Недели памяти» приглашались не только мы, дети спецпереселенцев, но и общественность, молодежь, которая мало что об этом знает».

И лишь автор одной анкеты резко расходится в своих суждениях с другими: «Желаю трезвой оценки, правильного толкования фактов, не разжигания антисоветских «обличений», мученических ореолов, антипартийных настроений, умного плюрализма; не нужно тенденциозности и однобокости, чтобы побеждали не эмоции, а рассудок и правда о них, их делах и судьбах. Не очернять историю и не подделываться к современной конъюнктуре и сенсациям, подобным «Огоньку» (Коротичу) и нашему историку Киселеву и его публикациям в «Полярной правде» и некоторым «борцам за справедливость» из КНЦ в Апатитах».

Но закончим мы свой обзор все же на иной ноте — на пожелании, которое в предложенную ему анкету записал Евгений Евтушенко:

«Надо собирать подписи под письмом с требованием реабилитировать всех раскулаченных, ибо это был геноцид против хозяев земли».

Наш адрес: 184200, Апатиты, а/я 215, тел. 37-385 Типография «Кировский рабочий». ПН 01370. Зак. 6001 Тираж 5000. Ответственная за выпуск П. В. БЕСПРОЗВАННАЯ

Библиотека Мемориала

ВСЕ ВЫРУЧЕННЫЕ СРЕДСТВА ИДУТ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

КОТЛОВАН

ХИБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

№ 1 (11) 9 мая 2002 года

ХИБИНСКИЙ МАРТИРОЛОГ

Этот номер газеты содержит поименный список жителей Апатитско-Кировского района, несправедливо осужденных в 20-50-е годы по пресловутой 58 статье. Всего в списке 1098 человек. Более трети из них (436 чел) были расстреляны. Список представляет собой выборку из "Книги памяти жертв политических репрессий", изданной в Мурманске в 1997 году. Настоящей публикацией мы отдаем дань памяти нашим землякам.

Ф.Ф. Горбацевич,
председатель Хибинского общества "Мемориал"

При поддержке фонда ISAR

Библиотека Международного Мемориала

АБАНИН Александр Дмитриевич, 1878, русский, кузнец. Арест. 08.08.37. Расстрелян 6.09.37.
АГАПКИН Иван Ермолаевич, 1906, русский, сцепщик вагонов. Арест. 24.06.41. 5 лет ссылки.
АГЕЕВ Федор Кузьмич, 1883, русский, кладовщик. Арест. 20.10.37. 10 лет ИТЛ.
АГУЕВА Елена Кузьминична, 1884, карелка, домохозяйка. Арест.04.08.37. Расстреляна 09.09.37.
АДРИАНОВ Николай Андреевич, 1890, русский, зам. директора техникума. Арест. 31.10.48. 10 лет ИТЛ.
АЙРИКАЙНЕН Матвей Матвеевич, 1897, финн, возчик. Арест. 05.06.40. 5 лет ИТЛ.
АКИМОВ Федор Григорьевич, 1896, русский, бухгалтер. Арест. 30.07.42. 10 ИТЛ.
АККУРАТОВА Александра Никаноровна, 1914, русская, учащаяся. Арест. 10.10.37. Расстреляна 14.01.38.
АКТАНОВ Георгий Давыдович, 1903, русский, уполномоченный сбыта. Арестован 06.08.37. 7 лет ИТЛ.
АКУЛИЧ Григорий Климович, 1883, белорус, помощник кладовщика. Арест. 03.06.40. 5 лет ИТЛ.
АЛАДАРЦЕВ Николай Федорович, 1895, русский, возчик. Арест.13.03.38.Расстрелян 26.04.38.
АЛЕКСАНДРОВ Григорий Михеевич, 1885, русский, печник. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ.
АЛЕКСАНДРОВ Иван Антонович, 1882, русский, столяр. Арест. 22.10.38. 5 лет ИТЛ.
АЛЕКСАНДРОВ Николай Константинович, 1911, финн, слесарь. Арест.17.11.37. Расстрелян 08.01.38.
АЛЕКСАНДРОВ Прокофий Александрович, 1882, русский, столяр. Арест. 22.10.38. 5 лет ИТЛ.
АЛЕКСАНДРОВ Яков Константинович, 1903, финн, рабочий. Арест. 03.10.37.Расстрелян 08.01.38.
АЛЕКСЕЕВ Александр Алексеевич, 1890, русский, счетовод. Арест. 4.09.37. Расстрелян 21.10.37.
АЛЕКСЕЕВ Иван Алексеевич, 1875, русский, рабочий. Арест. 25.02.35. 5 лет ИТЛ.
АЛЕКСЕЕВ Иван Кондратьевич, 1909, карел, откатчик. Арест. 28.12.32. 3 года ИТЛ.
АЛЕКСЕЕВ Никита Алексеевич, 1878, русский, сторож-конюх. Арест. 01.03.42. Расстрелян 3.06.42.
АЛЕКСЕЕНКО Илья Александрович, 1897, русский, бетонщик, Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
АЛЕКСЕЕНКО Павел Леонидович, 1882, русский, начальник станции Имандра. Арест. 24.03.20. Осужден к принудительным работам.
АЛЕЩЕНКО Иван Павлович, 1907, украинец, машинист. Арест. 11.11.35. 10 лет ИТЛ.
АЛЕЩЕНКО Михаил Павлович, 1907, украинец, машинист. Арест. 05.12.35. 10 лет ИТЛ.
АЛИБЕК Хамзат Казбекович, 1897, лезгин, рабочий. Арест. 6.03.38. Расстрелян 26.04.38.
АНДРЕЕВ Степан Федорович, 1884, русский, плотник. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
АНДРЮШЕВИЧ Владимир Сергеевич, 1903, русский, насыпщик. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.
АНКУНДИНОВ Григорий Михайлович, 1894, русский, столяр. Арест. 6.03.38. Расстрелян 26.04.38.
АННЕНКО Петр Сергеевич, 1927, украинец, слесарь. Арест.30.09.50. 10 лет ИТЛ.
АНПИЛОГОВ Григорий Андреевич, 1883, русский, смазчик. Арест. 8.08.37. Расстрелян 4.10.37.
АНТОНОВ Василий Антонович, 1882, русский, рабочий. Арест. 29.07.41. Расстрелян 4.10.41.
АНТОНОВ Петр Антонович, 1904, русский, грузчик. Арест. 06.08.37. Расстрелян 1.10.37.
АРЗАМАСЦЕВ Павел Георгиевич, 1892, русский, десятник. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
АРИКАЙНЕН Иван Андреевич, 1887, финн, возчик. Арест. 12.09.38. Расстрелян 27.11.37.
АРИСТОВ Иван Тимофеевич, 1914, русский, бетонщик. Арест. 30.04.36. 5 лет ИТЛ.
АРТЕМЬЕВ Александр Константинович, 1895, русский, почтальон. Арест. 12.03.33. 10 лет ИТЛ.
АРТЕМЬЕВ Иван Васильевич, 1917, русский, фельдшер. Арест. 08.08.37. 5 лет ИТЛ.
АРТЕМЬЕВ Иван Егорович, 1879, русский, десятник. Арест. 09.08.37. Расстрелян 26.08.37.
АРТЕМЬЕВ Иван Константинович, 1907, русский, почтальон. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ
АРТЕМЬЕВ Константинович Федорович, 1871, русский, сторож. Арест. 19.03.33. 3 года лишения свободы условно.
АРХИПОВ Игнатий Архипович, 1894, саам, плотник. Арест. 01.10.37. Расстрелян 24.01.38.
АРХИПОВ Матвей Гордеевич, 1903, карел, лесоруб. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.38.
АРХИПОВ Савелий Иванович, 1990, карел, лесоруб. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.38.
АТАМАНОВ Сергей Михайлович, 1926, татарин, электромонтер. Арест. 3.06.46. 3 года ИТЛ.
АФАНАСЬЕВ Василий Афанасьевич, 1905, русский, геолог. Арест. 24.05.41. 7 лет ИТЛ.

Статья 58 УК РСФСР 1926 года

Часть 1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

Часть 2 — подготовка вооруженного восстания — высшая мера наказания (ВМН),

часть 3 — сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями — ВМН,

часть 4 — оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению коммунистической системы — не ниже 3-х лет, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до ВМН,

часть 5 — склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям — ВМН,

часть 6 — шпионаж — ВМН,

часть 7 — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы путем противодействия их нормальной деятельности — ВМН,

часть 8 — совершенствование террористических действий, направленных против представителей советской власти — ВМН,

часть 9 — разрушение или повреждение в контрреволюционных целях железнодорожных или иных средств сообщений, помещений за-

(Окончание на 4-й стр.).

АФАНАСЬЕВ Илья Афанасьевич, 1889, русский, фельдшер. Арест. 5.11.40. 10 лет ИТЛ.
АФАНАСЬЕВ Семен Васильевич, 1912, мордвин, машинист. Арест. 1.02.38. 10 лет ИТЛ.
АФАНАСЬЕВ Федор Афанасьевич, 1887, русский, десятник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
АФАНАСЬЕВ Феоктист Афанасьевич, 1876, русский, кладовщик. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ.
АФИНОГЕНОВ Яков Александрович, 1910, русский, рабочий. Арест. 30.09.50. 10 лет ИТЛ.
АШИХИН Михаил Дмитриевич, 1909, русский, сцепщик вагонов. Арест. 14.01.38. 10 лет ИТЛ.
БАБЕНКО Владимир Васильевич, 1925, украинец, слесарь. Арест. 18.02.46. 6 лет ИТЛ.
БАБИЦКИЙ Бронислав Викентьевич, 1910, белорус, слесарь. Арест. 1.02.38. Расстрелян 1.03.38.
БАБУРИН Николай Афанасьевич, 1885, русский, машинист. Арест. 27.02.38. Расстрелян 18.03.38.
БАБУШКИН Николай Петрович, 1881, русский, машинист. Арест. 21.09.40. 8 лет ИТЛ.
БАЕВ Петр Данилович, 1910, русский, забойщик. Арест. 26.01.33. 3 года ИТЛ.
БАКЛАГИН Ефим Васильевич, 1885, русский, кочегар-молотобоец. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
БАКУНОВ Григорий Леонидович, 1891, русский, крепильщик. Арест. 4.06.40. 8 лет ИТЛ.
БАЛАКИН Александр Владимирович, 1905, русский, плотник. Арест. 3.02.33. 2 года ИТЛ.
БАРАНДИК Адам Иванович, 1902, финн, водопроводчик. Арест. 28.03.33. 10 лет ИТЛ.
БАРАНДИК Иван Иванович, 1903, финн, пом. бухгалтера. Арест. 28.03.33. 10 лет ИТЛ.
БАРАНДИК Николай Иванович, 1910, финн, грузчик. Арест. 28.03.33. 10 лет ИТЛ.
БАРДИН Петр Николаевич, 1898, русский, путевой обходчик. Арест. 21.09.37. Расстрелян 21.10.37.
БАРСУКОВ Ефим Яковлевич, 1878, русский, рабочий. Арест. 18.01.42. 10 лет ИТЛ.
БАРТАЛЕВИЧ Иван Андреевич, 1923, белорус, сторож. Арест. 4.06.48. 8 лет ИТЛ.
БАРТАШЕВИЧ Семен Петрович, 1877, белорус, сторож. Арест. 4.01.38. Расстрелян 25.04.38.
БАРШАК Дмитрий Константинович, 1897, русский, бухгалтер. Арест. 07.08.37. Расстрелян 04.02.38.
БАТЮТЯ Николай Давыдович, 1897, украинец, нормировщик. Арест. 27.06.41. 5 лет ИТЛ.
БЕЗЕР Александр Мартынович, 1884, немец, сторож. Арест. 10.11.32. 5 лет ИТЛ.
БЕЛОВА Екатерина Ивановна, 1906, русская, бракер ОТК. Арест. 1.07.41. 5 лет ИТЛ.
БЕЛОВЬЯТ Михаил Юрьевич, 1923, украинец, кочегар. Арест. 6.04.51. 10 лет ИТЛ.
БЕЛОРУСОВ Иван Алексеевич, 1888, русский, зав. группой отдела снабжения. Арест. 29.05.38. 7 лет ИТЛ.
БЕЛЬСКИЙ Михаил Николаевич, 1888, русский, рабочий. Арест. 25.10.43. 8 лет ИТЛ.
БЕЛЯКОВ Иван Михайлович, 1896, русский, зав. транспортом с/х "Индустрия". Арест. 16.07.38. 5 лет ИТЛ.
БЕРЕЗКИН Алексей Иванович, 1888, русский, стрелочник. Арест. 09.12.37. 10 лет ИТЛ.
БЕХТОЛЬД Иван Генрихович, 1910, немец, мастер. Арест. 23.06.40. 5 лет ИТЛ.
БИРКО Иван Фомич, 1899, белорус, учитель. Арест. 24.03.42. 10 лет ИТЛ.
БИЧ Иосиф Адамович, 1876, немец, гардеробщик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 9.01.38.
БИЧ Федор Казимирович, 1889, немец, грузчик. Арест. 17.10.37. Расстрелян 24.11.37.
БЛУСС Август Давыдович, 1879, латыш, столяр. Арест. 4.12.37. Расстрелян 8.01.38.
БОБРОВИЧ Игнат Иванович, 1905, поляк, горный десятник. Арест. 7.03.38. 10 лет ИТЛ.
БОГДАНОВ Василий Иванович,, 1916, русский, электромонтер. Арест. 1.03.40. 5 лет ИТЛ.
БОГДАНОВА Анна Сергеевна, 1880, русская, рабочая. Арест. 07.08.41. 10 лет ИТЛ.
БОГОСЛОВСКИЙ Николай Филиппович, 1900, русский, слесарь. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.09.37.
БОЙКО Федор Данилович, 1890, украинец, плотник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.

БОЙКОВ Алексей Дмитриевич, 1906, русский, слесарь. Арест. 2.07.41. Дело прекращено в связи со смертью арестованного.
БОЛДЫШЕВ (БУЛДАШЕВ) Александр Федорович, 1894, русский, плотник. Арест. 18.03.33. 3 года лишения свободы условно.
БОЛЬСТРЕМ Иван Михайлович, 1895, финн, лесоруб. Арест. 14.02.38. Расстрелян 22.10.38.
БОЛЬШАКОВ Гаврила Алексеевич, 1883, русский, рабочий совхоза. Арест. 29.07.41. Расстрелян 15.12.41.
БОРОДИН Тихон Поликарпович, 1903, русский, электромонтер. Арест. 30.04.40. 5 лет ИТЛ.
БОТВИН Василий Егорович, 1890, русский, рабочий. Арест. 6.06.40. 5 лет ИТЛ.
БОЯРИН Ефрем Альминович, 1906, русский, электромонтер. Арест. 04.08.45. 10 лет ИТЛ.
БОЯРУН Вацлав Сигизмундович, 1914, поляк, радиотехник.

Арест. 7.03.38. Расстрелян 28.06.38.
БРЕЙНЕР Яков Яковлевич, 1900, немец, делопроизводитель. Арест. 13.03.38. Расстрелян 28.06.38.
БРЕУС Семен Яковлевич, 1894, украинец, рабочий. Арест. 4.08.37. Расстрелян 05.11.37.
БРИККЕР Альвина Александровна, 1915, эстонка, учитель. Арест. 1.09.37. 5 лет ИТЛ.
БРОДНИЦКИЙ Николай Васильевич, 1888, русский, бухгалтер. Арест. 7.03.38. Расстрелян 3.05.38.
БРОННИКОВ Михаил Дмитриевич, 1896, русский, учитель музыки. Арест. 5.07.41. 5 лет ИТЛ.
БРОЦКИЙ Матвей Иванович, 1890, поляк, секретарь-техник. Арест. 2.10.37. 10 лет ИТЛ.
БРУКАЛЮК Семен Николаевич, 1900, поляк, электромонтер. Арест. 7.10.37. Расстрелян 12.11.37.
БРУСКОВ Михаил Михайлович, 1893, русский, машинист. Арест. 28.10.50. 10 лет ИТЛ.
БУГАЕНКО Иван Карпович, 1887, украинец, печник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
БУГАЕЦ Дмитрий Антонович, 1896, украинец, пом. врача. Арест. 10.02.38. Расстрелян 26.04.38.
БУДАНОК Василий Архипович, 1909, русский, машинист. Арест. 4.11.35. 5 лет ИТЛ.
БУДНИКОВ Григорий Иванович, 1883, русский, рабочий. Арест. 17.07.31. 3 года ИТЛ.
БУНЬКОВ Алексей Петрович, 1881, русский, печник-трубочист. Арест. 3.08.37. Расстрелян 4.10.37.
БУНЬКОВ Семен Тимофеевич, 1881, русский, печник-трубочист. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37
БУРМИСТРОВ Иван Андреевич, 1887, русский, путевой обходчик. Арест. 15.12.37. Расстрелян 8.01.38
БУРУНКОВ Михаил Федорович, 1912, русский, грузчик-экспедитор. Арест. 27.12.34. 3 года ИТЛ.
БУРЦЕВ Георгий Александрович, 1895, русский, гл. механик комбината. Арест. 9.03.38. 7 лет ИТЛ.
БУШМИН Павел Романович, 1891, русский, плотник. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
БЫКОВ Евгений Иосифович, 1926, русский, рабочий. Арест. 2.09.52. 25 лет ИТЛ.
БЫСТРОВ Алексей Васильевич, 1888, русский, плотник. Арест. 27.12.34. 5 лет ИТЛ.
ВАГАР Лаури Исакович, 1895, финн, лесоруб. Арест. 12.03.38. 10 лет ИТЛ.
ВАГИН Петр Андреевич, 1895, русский, запальщик. Арест. 1.07.42. 8 лет ИТЛ.

Статья 58 УК РСФСР 1926 года

(Начало на 2-й стр.).
вода, складов и иных сооружений — ВМН,
часть 10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания — лишение свободы не ниже 6 месяцев, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс — ВМН,
часть 11 — всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации — меры соответствующих частей главы,
часть 12— недонесение о достоверно готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении — лишение свободы не ниже 6 месяцев,
часть 13 — активная борьба против рабочего класса и рев. движения, проявленная на ответственной или секретной работе при царском строе или у контрреволюционного правительства в период гражданской войны — ВМН,
часть 14 — контрреволюционный саботаж, то есть сознательное исполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их использование со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата — лишение свободы не ниже одного года, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до ВМН.

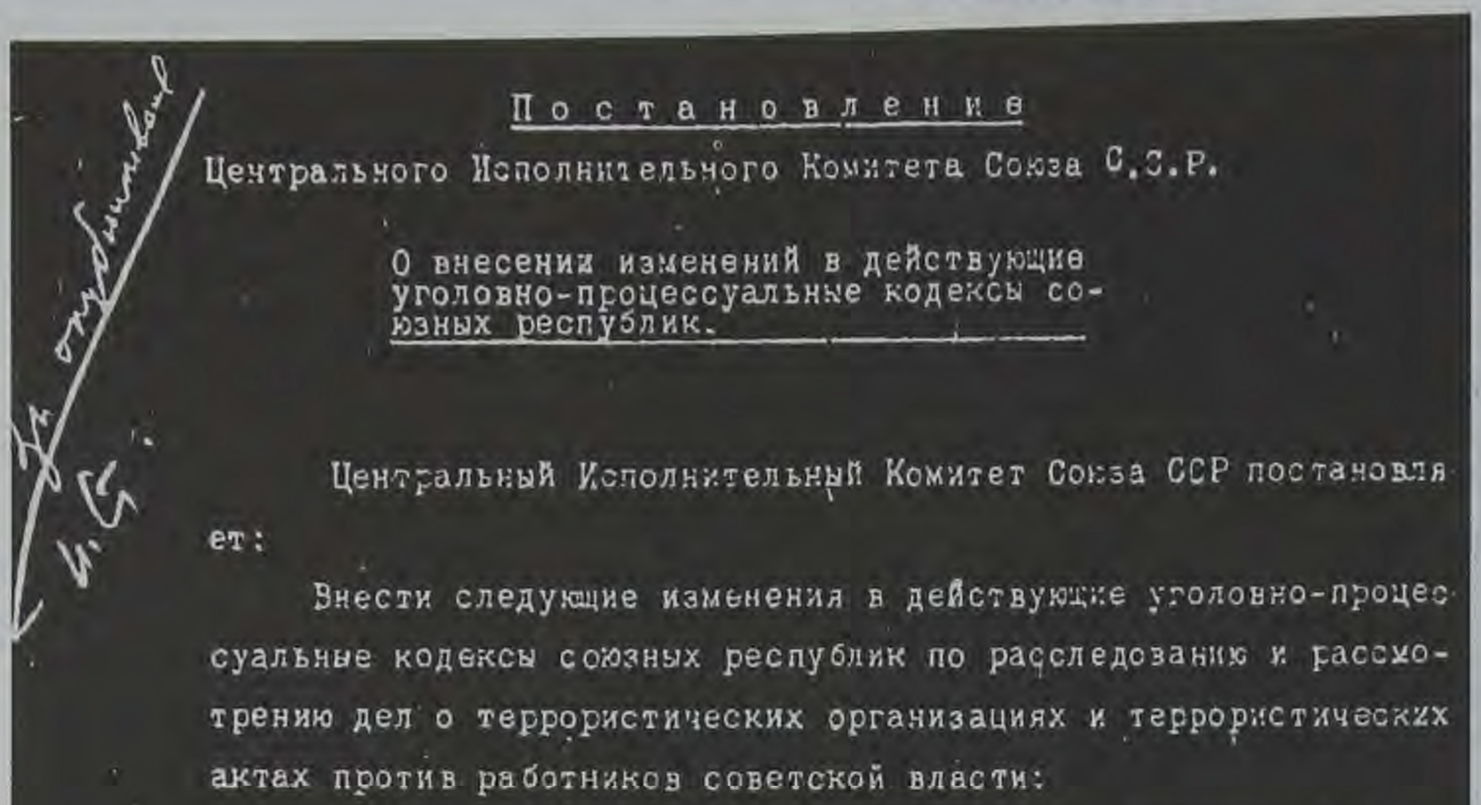
ВАЙОНЕН Петр Андреевич, 1891, финн, плотник. Арест. 3.06.40. 8 лет ИТЛ.
ВАЛУЙСКИЙ Федор Иванович, 1882, русский, дворник. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ВАЛЬГАРДТ Владимир Александрович, 1910, русский, учащийся горного техникума. Арест. 26.04.35. 8 лет ИТЛ.
ВАЛЬЦ Иван Иосифович, 1895, немец, слесарь. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ВАН-СЕН-ДЮ Владимир Иванович, 1894, китаец, повар. Арест. 10.06.38. Расстрелян 22.11.38.
ВАНГАНЕН (ВАНХВАНЕН) Яков Яковлевич, 1899, финн, возчик. Арест. 8.04.31. 5 лет ИТЛ.
ВАРЛАМОВ Василий Александрович, 1904, русский, диспетчер. Арест. 7.03.38. 8 лет ИТЛ.
ВАСИЛЕНКО Захар Андрианович, 1869, русский, разнорабочий. Арест. 6.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич, 1907, русский, десятник. Арест. 2.07.41. 5 лет ИТЛ.
ВАСИЛЬЕВ Иван Васильевич, 1882, русский, упаковщик. Арест. 21.02.44. 5 лет ссылки.
ВАСИЛЬЕВ Иван Тимофеевич, 1915, русский, дробильщик. Арест. 6.08.37. 10 лет ИТЛ.
ВАСИЛЬЕВ Николай Васильевич, 1907, русский, насыпщик. Арест. 6.11.40. 7 лет ИТЛ.
ВАСИЛЬЕВ Петр Васильевич, 1902, русский, рабочий-горняк. Арест. 2.07.41. 7 лет ИТЛ.
ВАСИЛЬЕВ Тимофей Васильевич, 1903, русский, агент снабжения "Рыбтреста". Арест. 5.08.43. 5 лет ИТЛ.
ВАСИЧЕВ Григорий Федорович, 1886, русский, землекоп. Арест. 4.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ВАСКУМ Артур Петрович, 1909, латыш, техник химзавода. Арест. 4.06.40. 5 лет ИТЛ.
ВАСЬКЕВИЧ Григорий Яковлевич, 1888, украинец, завхоз. Арест. 20.12.39. 8 лет ИТЛ.
ВАТИКАЙНЕН Андрей Филиппович, 1888, финн, рабочий. Арест. 6.08.37. Расстрелян 22.10.37.
ВАЩУК Иустин Данилович, 1897, украинец, весовщик. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ВДОВЕНКО Максим Осипович, 1888, украинец, пастух. Арест. 6.11.49. 10 лет ИТЛ.
ВДОВИЧЕНКО Павел Григорьевич, 1910, русский, слесарь. Арест. 13.11.40. 10 лет ИТЛ.
ВЕЗИКАЙНЕН Анна Владимировна, 1901, финка, рабочая. Арест. 24.06.38. 10 лет ИТЛ.
ВЕЙГАУМ Генрих Адамович, 1904, немец, счетовод. Арест. 29.01.33. 5 лет ИТЛ.

Библиотека Мемориала

ВЕЙНБЕРГ Эдуард Иванович, 1893, латыш, рабочий. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
ВЕЙОЛАЙНЕН Иван Матвеевич, 1906, финн, возчик. Арест. 17.11.37. Расстрелян 8.01.38.
ВЕЙОЛАЙНЕН Семен Егорович, 1898, финн, плотник. Арест. 11.09.37. 10 лет ИТЛ.
ВЕРХОВСКИЙ Сергей Петрович, 1907, русский, механик. Арест. 19.06.37. Расстрелян 4.11.37.
ВЕСЕЛКИН Михаил Иванович, 1882, русский, дворник. Арест. 17.12.41. Расстрелян 26.03.42.
ВЕСЕЛОВ Иван Николаевич, 1913, русский, рабочий. Арест. 12.10.37. 10 лет ИТЛ.
ВЕСЕЛЬСКИЙ Вячеслав Теофилович, 1905, поляк, маляр. Арест. 29.08.37. Расстрелян 15.09.37.
ВЕСЕЛЬСКИЙ Франц Теофилович, 1907, поляк, кузнец. Арест. 29.08.37. Расстрелян 15.10.37.
ВЕХОТИН Иван Васильевич, 1899, русский, рабочий. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
ВЕЩУГИН Иван Фирсович, 1900, русский, сапожник. Арест. 7.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ВИКТОРОВ Василий Викторович, 1880, русский, дорожник. Арест. 2.07.40. 5 лет ИТЛ.
ВИКУЛОВ Иван Дмитриевич, 1898, русский, вахтер. Арест. 27.01.44. 5 лет ИТЛ.
ВИЛКОВ Иван Петрович, 1912, русский, рабочий. Арест. 14.01.38. Расстрелян1.03.38.
ВИНОГРАДОВ Василий Данилович, 1889, русский, рабочий. Арест. 27.02.38. 10 лет ИТЛ.
ВИСКАНТ Франц Иосифович, 1905, поляк, разборщик. Арест. 28.08.37. 10 лет ИТЛ.
ВИССАРИОНОВА Александра Степановна, 1890, русская, домохозяйка. Арест. 2.07.41. 5 лет ИТЛ.
ВИСТ Вильгельм Людвигович, 1885, немец, плотник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ВИШНЯКОВ Михаил Иванович, 1886, русский, откатчик. Арест. 7.03.38. 8 лет ИТЛ.
ВЛАДИМИРОВ Михаил Федорович, 1885, русский, столяр. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
ВОДЯНИКОВ Маркел Дмитриевич, 1902, русский, разнорабочий. Арест. 2.04.35. 3 года ИТЛ.
ВОДЯНОВ Петр Семенович, 1901, мордвин, рабочий. Арест. 26.05.41. 10 лет ИТЛ.
ВОЕЙКОВ Федор Прохорович, 1893, русский, машинист. Арест. 29.09.37. Расстрелян 20.12.37.
ВОЛКОВ Еким Артемьевич, 1895, русский, кочегар. Арест. 31.12.40. 10 лет ИТЛ.
ВОЛКОВ Иван Афанасьевич, 1899, русский, банщик. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ВОЛКОВ Иван Павлович, 1888, русский, плотник. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ВОЛКОНЕН Сельма Нестеровна, 1891, финка, повар. Арест. 15.06.38. 6 лет ИТЛ.
ВОЛОХОВ Иван Дмитриевич, 1893, русский, десятник. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ВОЛОШИН Дмитрий Васильевич, 1926, русский, учащийся ГХТ. Арест. 21.04.47. 7 лет ИТЛ.
ВОЛЬМЯАР Рудольф Петрович, 1899, эстонец, дорожный мастер. Арест. 17.02.38. Расстрелян 5.05.38.
ВОРОБЬЕВ Егор Иванович, 1919, русский, рабочий совхоза. Арест. 28.10.50. 10 лет ИТЛ.
ВОРОНА Федор Акимович, 1888, украинец, зав. складом. Арест. 24.03.42. 10 лет ИТЛ.
ВОРОНИН Андрей Антонович, 1896, русский, плотник. Арест. 9.12.37. Расстрелян 28.12.37.
ВЯХХИ Николай Иосифович, 1884, эстонец, мастер жилкоммунотдела. Арест. 11.09.37. Расстрелян 22.10.38.
ВЯХХИ Петр Осипович (Иосифович), эстонец, начальник погрузочного пролета фабрики. Арест. 10.11.36. 10 лет ИТЛ.
ГАВРИЛОВ Николай Михайлович, 1885, русский, рабочий. Арест. 19.03.33. 3 года лишения свободы условно.
ГАВРИЛОВ Терентий Гаврилович, 1876, русский, столяр. Арест. 2.07.41. 5 лет ссылки.
ГАЕВСКИЙ Прокопий Романович, 1881, русский, плотник. Арест. 3.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ГАЛИЧЕВ Спиридон Яковлевич, 1897, русский, печник. Арест. 8.06.38. 10 лет ИТЛ.
ГАЛКОВСКИЙ Александр Емельянович, 1909, белорус, слесарь. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.04.38.
ГАЛЯУДИНОВ Карам Галяудинович, 1906, татарин, возчик. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ГАМАНЕНКО Георгий Сергеевич, 1888, русский, кузнец. Арест. 21.10.38. 5 лет ИТЛ.
ГАНИЧЕВ Семен Петрович, 1905, русский, рабочий. Арест. 13.01.38. Расстрелян 28.02.38.
ГАНЦЕНБИЛЛЕР Иосиф Валентинович, 1899, немец, печник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ГАПОН Андрей Максимович, 1893, украинец, плотник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ГАСИЛОВ Иван Яковлевич, 1898, русский, грузчик. Арест. 1.12.32. 10 лет ИТЛ.
ГЕЙНКЕ Альберт Александрович, 1910, немец, управделами. Арест. 2.09.37. 8 лет ИТЛ.
ГЕНДЮХИН Дмитрий Федорович, 1908, русский, такелажник. Арест. 7.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ГЕОРГИЕВ Михаил Павлович, 1899, русский, начальник геологического бюро. Арест. 27.08.36. 5 лет ИТЛ.
ГЕОРГИЕВСКИЙ Василий Иванович, 1889, русский, рабочий. Арест. 8.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ГЕРАСИМОВ Антон Константинович, 1898, карел, возчик. Арест. 1.03.38. 10 лет ИТЛ.

Н.К. Гладышев

Постановление
Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р.

О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходайств о помиловании не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета Союза ССР - М.КАЛИНИН.

Секретарь Центрального
Исполнительного Комитета Союза ССР -
(А.Енукидзе)

Москва, Кремль,
1 декабря 1934 года. 1/XII-34.

ГЕРАСИМОВ Василий Ксенофонтович, 1895, русский, слесарь. Арест. 3.07.41. 3 года ИТЛ.

ГЕРАСИМОВ Григорий Алексеевич, 1904, русский, нормировщик. Арест. 28.08.36. 5 лет ИТЛ. Повторно арест. 30.12.48. Бессрочная ссылка.

ГЕРМОГЕНОВ Степан Гермогенович, 1884, русский, рабочий. Арест. 3.06.48. 10 лет ИТЛ.

ГЕРОЦКИЙ Феликс Иосифович, 1878, белорус, заведующий конебазы. Арест. 28.10.42. 5 лет ИТЛ.

ГИНДОВ Евгений Осипович, 1896, эстонец, разнорабочий. Арест. 4.08.37. Расстрелян 9.09.37.

ГЛАДКОВА Любовь Петровна, 1904, русская, продавец. Арест. 9.08.41. 5 лет ИТЛ.

ГЛАДЫШЕВ Николай Кузьмич, 1893, русский, директор совхоза "Индустрия". Арест. 26.07.37. Расстрелян 12.11.37.

ГЛУХИХ Дмитрий Самсонович, 1910, саам, рыбак-охотник. Арест. 25.06.38. Расстрелян 21.11.38.

ГЛУХИХ Михаил Семенович, 1916, саам, рыбак-оленевод. Арест. 26.06.38. 10 лет ИТЛ.

ГЛУХОВ Василий Петрович, 1890, мордвин, бригадир. Арест. 18.06.37. Расстрелян 1.11.37.

ГНУЧИЙ Николай Степанович, 1890, украинец, молотобоец. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.

ГОВОРУХИН Николай Михайлович, 1906, русский, экспедитор. Арест. 15.08.45. 8 лет ИТЛ.

ГОЛОВИН Николай Григорьевич, 1900, русский, зав. плановым отделом. Арест. 7.08.37. Расстрелян 12.11.37.

ГОЛУБЧИКОВ Малофей Иванович, 1909, русский, работник радиоузла. Арест. 15.09.41. 10 лет ИТЛ.

ГОЛЬБЕРГ Мадис Мадисович, 1891, эстонец, водопроводчик. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.

ГОНДЗИР Евгений Трофимович, 1906, украинец, сцепщик вагонов. Арест. 18.11.37. Расстрелян 24.12.37.

ГОНЧАР Антон Алексеевич, 1908, русский, снабженец. Арест. 4.07.41. 5 лет ИТЛ.

ГОНЧАРОВ Филипп Парфенович, 1899, белорус, слесарь. Арест. 5.09.50. 10 лет ИТЛ.

ГОРЕЦКИЙ Викентий Михайлович, 1869, поляк, сторож. Арест. 28.08.37. Расстрелян 15.10.37.

ГОРЕЦКИЙ Николай Викентьевич, 1912, поляк, котельщик. Арест. 1.03.38. 5 лет ИТЛ.

ГОРЕЦКИЙ (ЗАКУСИЛО) Олесь (Александр) Янович (Иванович), 1908, поляк, стрелочник. Арест. 18.11.37. Расстрелян 22.01.38.

ГОРЛАЧ Федор Павлович, 1909, украинец, сапожник. Арест. 15.02.33. 5 лет ИТЛ.

ГОРШКОВ Николай Александрович, 1891, русский, рабочий. Арест. 3.08.37. Расстрелян 8.11.37.

ГОРЯЧЕВ Емельян Иванович, 1893, русский, рабочий. Арест. 27.12.34. 3 года ИТЛ.

ГРАДУСОВ Алексей Гаврилович, 1885, русский, кузнец. Арест. 30.06.41. 8 лет ИТЛ.

ГРЕБЕНЩИКОВ Григорий Захарович, 1905, русский, техник по бракеражу. Арест. 26.06.40. 8 лет ИТЛ.

ГРЕБЕНЮК Тимофей Игнатьевич, 1896, украинец, возчик. Арест. 29.04.37. Расстрелян 4.10.37.

ГРЕЙМ Владимир Александрович, 1889, русский, зам. начальника цеха. Арест. 21.04.38. Расстрелян 18.0738.

ГРЕНЮК–БАЛТРАМЕЕВ Николай Кузьмич (Никифорович), 1913, белорус, откатчик. Арест. 28.12.40. 3 года ИТЛ.

ГРИБАЙЛО Иван Никитович, 1878, белорус, плотник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.08.37.

ГРИГОРЬЕВ Иван Григорьевич, 1903, русский, подручный мастера. Арест. 5.08.37. Расстрелян 9.09.37.

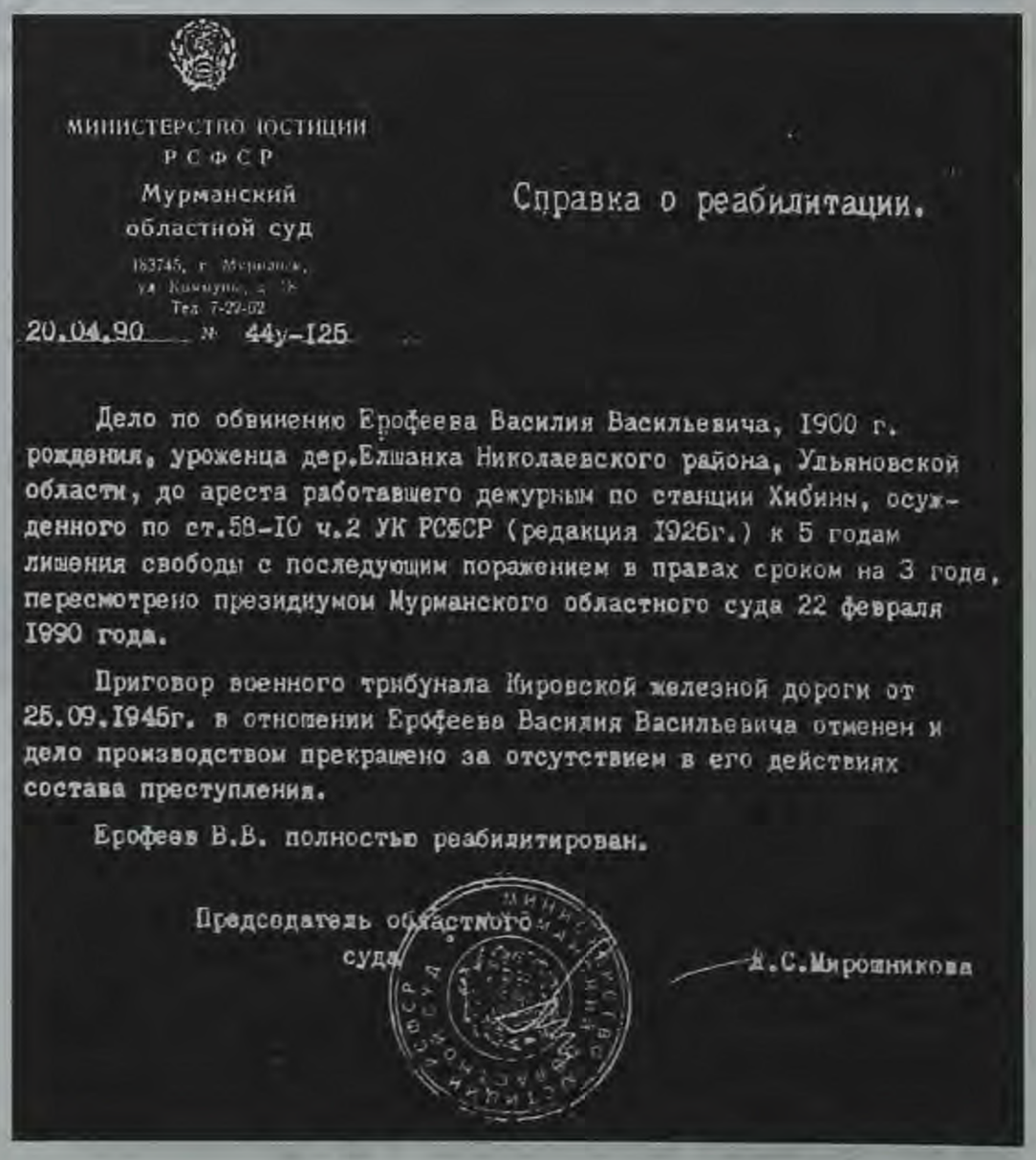
ГРИГОРЬЕВ Иван Сергеевич, 1907, русский, составитель вагонов. Арест. 18.11.37. Расстрелян 24.12.37.

ГРИГОРЬЕВ Степан Андреевич, 1884, русский, зам.

Библиотека Международного Мемориала

начальника отдела сбыта. Арест. 21.04.38. 10 лет ИТЛ.
ГРИГОРЬЕВ Степан Иванович, 1901, русский, электромонтер. Арест. 16.08.37. 10 лет ИТЛ.
ГРИГОРЬЕВ Тимофей Васильевич, 1883, русский, рабочий. Арест. 29.07.38. Расстрелян 22.11.38.
ГРИГОРЬЕВ Федор Алексеевич, 1912, русский, лесоруб. Арест. 13.03.38. 10 лет ИТЛ.
ГРИГОРЬЕВ (АККУРАТОВ) Николай (Никанор) Яковлевич, 1888, русский, плотник. Арест. 1.03.40. 8 лет ИТЛ.
ГРИДАЕВ Филипп Прокофьевич, 1893, русский, кладовщик. Арест. 23.12.47. 10 лет ИТЛ.
ГРОМОВ Василий Иванович, 1894, русский, землекоп. Арест. 31.01.38. 10 лет ИТЛ.
ГРОМОВ Николай Алексеевич, 1891, русский, ст. бухгалтер. Арест. 19.03.38. Расстрелян 18.07.38.
ГРОХОВСКИЙ Иван Игнатьевич, 1905, поляк, рабочий. Арест. 31.03.38. Расстрелян 22.10.38.
ГУЖЕЛЯ Василий Терентьевич, 1919, украинец, учащийся ФАШ. Арест. 2.04.37. Расстрелян 12.11.37.
ГУЛЯЕВСКИЙ Павел Дмитриевич, 1908, русский, машинист. Арест. 17.12.41. 10 лет ИТЛ.
ГУРИХ Владимир Васильевич, 1906, украинец, экспедитор. Арест. 29.01.33. 10 лет ИТЛ.
ДАВЫДЕНКО Роман Васильевич, 1888, русский, пом. начальника ОТК. Арест. 29.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ДАВЫДОВ Даниил Иванович, 1898, русский, агроном. Арест. 4.08/37. Расстрелян 12.11.37.
ДАВЫДЬЯН Арташес Атанисович, 1902, армянин, рабочий. Арест. 15.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ДАЛИНГЕР Михаил Федорович, 1910, немец, котельщик. Арест. 8.05.35. 5 лет ИТЛ.
ДАНИЛЕНКО Иван Дмитриевич, 1878, русский, печник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 24.09.37.
ДАНИЛОХА Афанасий Федорович, 1915, русский, бригадир-электрик. Арест. 11.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ДАНИЛОХА Иван Федорович, 1911, русский, бракер ОТК. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
ДАНИЛОХА Федор Захарович, 1888, русский, сторож. Арест. 30.04.37. Расстрелян 4.10.37.
ДЕВЯТКОВ Ефим Иванович, 1873, русский, разнорабочий. Арест. 9.08.37. Расстрелян 16.09.37.
ДЕМЬЯНОВ Николай Иванович, 1913, украинец, слесарь. Арест. 22.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ДИОМИДОВ Николай Николаевич, 1891, русский, начальник торфбюро. Арест. 26.02.38. Расстрелян 21.10.38.
ДМИТРИЕВ Иван Васильевич, 1897, русский, зав. складом. Арест. 14.03.42. 10 лет ИТЛ.
ДМИТРИЕНКО Петр Емельянович, 1878, украинец, путевой обходчик. Арест. 28.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ДОЛМАТОВ Гурий Семенович, 1901, русский, машинист. Арест. 27.02.38. Расстрелян 18.03.38.
ДОМБРОВСКАЯ Зинаида Михайловна, 1898, русская, ст. лаборант эвакогоспиталя. Арест. 9.07.42. 10 лет ИТЛ.
ДРОЗДОВСКИЙ Борис Иванович, 1903, украинец, зав. врачебного участка. Арест. 2.01.38. Расстрелян 1.10.38.
ДУЛИН Алексей Алексеевич, 1897, русский, десятник. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ДУРАНДИН Борис Григорьевич, 1903, русский, машинист. Арест. 4.11.35. 10 лет ИТЛ.

ЕВСЕЕВ Петр Алексеевич, 1892, русский, ст. рабочий. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.
ЕВСЕЕВА Ольга Васильевна, 1880, русская, домохозяйка. Арест. 2.04.33. 3 года ИТЛ.
ЕВСТИГНЕЕВ Антон Евстигнеевич, 1886, русский, кочегар. Арест. 28.04.47. 8 лет ИТЛ.
ЕВСТИГНЕЕВ Василий Григорьевич, 1902, русский, сторож. Арест. 1.09.41. Расстрелян 17.11.41.
ЕВЧЕНКО Яков Григорьевич, 1893, украинец, плотник. Арест. 8.10.38. 5 лет ИТЛ.
ЕГОРОВ Александр Георгиевич, 1897, русский, секретарь рудоуправления. Арест. 19.03.33. 5 лет ИТЛ.
ЕГОРОВ Василий Иванович, 1902, русский, мастер пути. Арест. 21.10.32. 3 года ИТЛ.
ЕГОРОВ Григорий Егорович, 1872, русский, сторож. Арест. 19.03.33. 3 года ИТЛ.
ЕГОРОВ Сергей Иванович, 1915, русский, моторист. Арест. 23.06.35. 5 лет ИТЛ.
ЕРМОЛАЕВ Иван Григорьевич, 1903, русский, электромонтер. Арест. 29.02.40. 8 лет ИТЛ.
ЕРМОЛАЕВ Михаил Григорьевич, 1888, белорус, рабочий. Арест. 4.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЕРМОЛАЕВ Петр Семенович, 1904, русский, грузчик. Арест. 26.08.44. 5 лет ИТЛ.
ЕРМОЛЕНКО Михаил Алексеевич, 1924, русский, грузчик. Арест. 31.03.49. 5 лет ИТЛ.
ЕРМОШКИН Николай Федорович, 1905, русский, бухгалтер. Арест. 13.08.42. 10 лет ИТЛ.
ЕРОФЕЕВ Василий Васильевич, 1900, русский, дежурный по станции Хибины. Арест. 10.07.45. 5 лет ИТЛ.
ЕРОХИН Александр Антонович, 1907, русский, рабочий. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
РСФСР
Мурманский
областной суд
183745, г. Мурманск,
ул. Коммуны, д. 6
Тел. 7-22-02

Справка о реабилитации.

20.04.90 № 44у-125

Дело по обвинению Ерофеева Василия Васильевича, 1900 г. рождения, уроженца дер.Елшанка Николаевского района, Ульяновской области, до ареста работавшего дежурным по станции Хибины, осужденного по ст.58-10 ч.2 УК РСФСР (редакция 1926г.) к 5 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 3 года, пересмотрено президиумом Мурманского областного суда 22 февраля 1990 года.

Приговор военного трибунала Кировской железной дороги от 25.09.1945г. в отношении Ерофеева Василия Васильевича отменен и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Ерофеев В.В. полностью реабилитирован.

Председатель областного суда — А.С.Мирошникова

Библиотека Мемориала

Ефимов Василий Ефимович, 1893, русский, шеф-повар. Арест. 22.06.40. 5 лет ИТЛ.
Ефимов Василий Михайлович, 1889, русский, агент стройконторы. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
Ефимов Иван Фролович, 1900, русский, печатник-машинист типографии. Арестован 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
Ефимов Михаил Фролович, 1897, русский, машинист-переписчик. Арест. 5.03.38. Расстрелян 26.04.38.
Ефимов Петр Ефимович, 1903, русский, агроном. Арест. 7.08.37. Расстрелян 12.11.37.
ЕФИМОВ-БАЛЯНИН Иван Иванович, 1894, русский, мастер. Арест. 20.01.42. 10лет ИТЛ.
ЕФРЕМОВ Василий Ильич, 1903, русский, сторож пожарной охраны. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.
ЕФСТАФЬЕВ Алексей Ефстафьевич, 1899, русский, кочегар. Арест. 30.07.44. 5 лет ИТЛ.
ЖАВОРОНКОВ Василий Иванович, 1882, русский, счетовод. Арест. 20.02.42. Расстрелян 3.06.42.
ЖАРАВИН Михаил Илларионович, 1879, русский, слесарь. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ЖАРОВ Павел Никифорович, 1901, белорус, кочегар. Арест. 29.04.45. 5 лет ИТЛ.
ЖЕБЕЛЕНКО Николай Михайлович, 1897, украинец, рабочий. Арест. 8.10.37. Расстрелян 5.12.37.
ЖЕЛТОВ Михаил Васильевич, 1894, русский, землекоп. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ условно.
ЖИДКОВ Василий Петрович, 1878, русский, земледелец. Арест. 17.07.31. 5 лет ИТЛ.
ЖИДКОВ Михаил Васильевич, 1909, русский, земледелец. Арест. 17.07.31. 3 года ИТЛ.
ЖИЛИН Петр Игнатович, 1893, русский, бухгалтер. Арест. 3.10.37. Расстрелян 18.12.37.
ЖИРОВ Василий Иванович, 1896, русский, рабочий. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
ЖУБРЖИЦКИЙ Антон Федорович, 1899, украинец, рабочий. Арест. 29.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЖУПИН Алексей Гаврилович, 1902, украинец, пильщик. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ЖУРАВЕЛЬ Иосиф Ефимович, 1904, украинец, дежурный по станции. Арест. 7.03.38. Расстрелян 22.04.38.
ЖУРАВЛЕВ Степан Дмитриевич, 1887, русский, смазчик. Арест. 5.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ЖУРАВСКИЙ Казимир Фролович, 1871, белорус, землекоп. Арест. 29.08.37. Расстрелян 15.10.37.
ЗАБОЛОТНЕВ Илья Иванович, 1909, русский, артельщик. Арест. 1.07.41. 3 года ИТЛ.
ЗАВАДСКИЙ Феликс Флорионович, 1903, поляк, стрелочник. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ЗАВЕРТАЙЛЮК Исидор Евстафьевич, 1879, украинец, зав. метеостанции. Арест. 12.05.37. Расстрелян 4.10.37.

В.И. Кондриков

ЗАВИТАЕВ Владимир Федорович, 1888, русский, десятник. Арест. 14.10.37. Расстрелян 5.12.37.
ЗАЙЦЕВ Ефим Степанович, 1899, русский, стрелочник. Арест. 1.02.38. Расстрелян 1.03.38.
ЗАЙЦЕВ Сергей Григорьевич, 1913, русский, фельдшер. Арест. 29.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЗАКРЕВСКИЙ Рафаил Иосифович, 1907, поляк, шофер. Арест. 4.03.38. Расстрелян 28.06.38.
ЗАКУСИЛО Адольф Иванович, 1913, поляк, дежурный по станции. Арест. 1.01.38. Расстрелян 25.01.38.
ЗАЛЕССКИЙ Вадим Александрович, 1897, русский, зав. плановым отделом фабрики. Арест. 2.11.37. Расстрелян 25.11.37.
ЗАМАРАЕВ Егор Егорович, 1918, русский, студент ФАШ. Арест. 25.07.37. Расстрелян 12.11.37.
ЗАНДЕЛЬ Андрей Семенович, 1901, еврей, парикмахер. Арест. 27.02.38. Расстрелян 17.10.38.
ЗАОЗЕРСКИЙ Иван Яковлевич, 1881, русский, бракер. Арест. 28.02.40. 5 лет ИТЛ.
ЗАПАДАЕВ Анатолий Семенович, 1918, русский, техник-электрик. Арест. 23.02.41. 10 лет ИТЛ.
ЗАПОЛЬСКИЙ Павел Константинович, 1903, украинец, возчик. Арест. 7.03.38. 5 лет ИТЛ.
ЗАПОРОЖЕЦ Дмитрий Филиппович, 1896, украинец, маляр. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
ЗАХАРОВ Александр Васильевич, 1901, русский, продавец. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ.
ЗАХАРОВ Григорий Петрович, 1888, русский, завхоз. Арест. 8.12.37. Расстрелян 31.12.37.
ЗАХАРОВ Николай Иванович, 1910, русский, слесарь. Арест. 19.03.33. 5 лет ИТЛ.
ЗВИРБУЛЬ Юлиус Давыдович, 1884, латыш, плотник. Арест. 28.02.38. 5 лет ИТЛ.
ЗЕЛЕНКО Александр Мартынович, 1900, украинец, дежурный по станции. Арест. 18.11.37. Расстрелян 24.12.37.
ЗЕЛИНСКИЙ Викентий Станиславович, 1895, поляк, зам. гл. инженера рудника. Арест. 16.02.38. Расстрелян 28.06.38.
ЗЕМЛЯНСКИЙ Иван Дмитриевич, 1893, русский, счетовод. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ. Повт. арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович, 1902, русский, студент ГХТ. Арест. 26.04.35. 8 лет ИТЛ.
ЗИНЧЕНКО Алексей Иванович, 1907, украинец, техник. Арест. 28.10.37. 10 лет ИТЛ.
ЗИНЧЕНКО Евдоким Ефимович, 1882, русский, бухгалтер. Арест. 3.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ЗОЛОТАРЕВ Федор Яковлевич, 1915, русский, рабочий. Арест. 2.04.35. 3 года ИТЛ.
ЗУБКОВ Александр Андреевич, 1895, русский, кочегар. Арест. 1.10.47. 7 лет ИТЛ.

Библиотека Мемориала

ЗЫРЯНОВ Федор Николаевич, 1891, русский, откатчик. Арест. 25.03.33. 10 лет ИТЛ.
ИВАНОВ Алексей Петрович, 1906, русский, шофер. Арест. 3.07.41. 3 года ИТЛ.
ИВАНОВ Георгий Спиридонович, 1902, русский, плотник. Арест. 11.04.42. Расстрелян.
ИВАНОВ Григорий Селиверстович, 1899, русский, тормозной. Арест. 30.04.37. Расстрелян 4.10.37.
ИВАНОВ Иван Васильевич, 1891, русский, возчик. Арест. 9.01.50. 25 лет ИТЛ.
ИВАНОВ Иван Герасимович, 1895, русский, рыбак. Арест. 29.07.38. Расстрелян 22.11.38.
ИВАНОВ Иван Григорьевич, 1897, карел, рабочий совхоза. Арест. 21.06.38. Расстрелян 21.11.38.
ИВАНОВ Иван Иванович, 1894, русский, слесарь. Арест. 19.03.33. 3 года ИТЛ условно.
ИВАНОВ Кондратий Иванович, 1883, русский, кассир. Арест. 4.07.41. 5 лет ссылки.
ИВАНОВ Николай Кириллович, 1891, русский, зав. магазином. Арест. 15.03.40. 5 лет ИТЛ.
ИВАНОВ Павел Иванович, 1903, русский, мастер-бригадир. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.09.37.
ИВАНОВ Петр Иванович, 1883, русский, возчик. Арест. 6.08.37. 10 лет ИТЛ.
ИВАНОВ Федор Григорьевич, 1912, карел, разнорабочий. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
ИВАНОВСКИЙ Михаил Тимофеевич, 1907, русский, зоотехник. Арест. 15.05.37. Расстрелян 12.11.37.
ИГОЛКИН Петр Семенович, 1876, русский, конюх. Арест. 18.03.33. 5 лет лишения свободы условно.
ИККЕРТ Адам Адамович, 1905, немец, электромонтер. Арест. 4.08.37. Расстрелян 21.10.37.
ИККЕРТ Адам Федорович, 1902, немец, ст. бухгалтер. Арест. 4.08.37. Расстрелян 21.10.37.
ИККЕРТ Андрей Федорович, 1910, немец, старший рабочий. Арест. 13.02.38. Расстрелян 28.06.38.
ИККЕРТ Григорий Адамович, 1915, немец, повар. Арест. 4.08.37. Расстрелян 21.10.37.
ИККЕРТ Яков Яковлевич, 1908, немец, рабочий. Арест. 22.10.36. 7 лет ИТЛ.
ИЛИНЗЕР Валентин Георгиевич, 1890, немец, экспедитор. Арест. 10.11.32. 10 лет ИТЛ.
ИЛЬИН Иван Куприянович, 1892, русский, мастер. Арест. 2 1.01.35. 5 лет ИТЛ.
ИЛЬИН Федор Ильич, 1882, русский, путевой обходчик. Арест. 3.08.37. Расстрелян 8.11.37.
ИЛЬИЧЕВ Николай Васильевич, 1888, русский, плотник. Арест. 9.12.37. 10 лет ИТЛ.
ИЛЬЧЕНКО Леонтий Арсеньевич, 1884, украинец, путевой обходчик. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ИНГУРАН Михаил Васильевич, 1900, украинец, мукосей. Арест. 11.03.44. 5 лет ИТЛ.
ИОРОНЕН Михаил Данилович, 1908, финн, возчик. Арест. 13.01.38. 10 лет ИТЛ.
ИРБЕ Отто Рейнович, 1865, латыш, без определенных занятий. Арест. 4.12.37. Расстрелян 8.01.38.
ИСАЕВ Егор Федорович, 1890, русский, моторист. Арест. 22.06.40. 8 лет ИТЛ.
ИШУТИН Кирилл Евсеевич, 1907, русский, ст. табельщик. Арест. 27.03.35. 3 года ссылки.
КАБОНЕН Иван Матвеевич, 1905, финн, кочегар. Арест. 6.08.37. 10 лет ИТЛ.
КАВТУНОВИЧ (КОВТУНОВИЧ) Борис Викторович, 1904, поляк, дорожный мастер. Арест. 6.11.37. Расстрелян 8.12.37.
КАГАН Ревекка Самуиловна, 1888, еврейка, заведующая поликлиники. Арест. 8.03.38. 5 лет ИТЛ. Реабилитирована 3.06.39.
КАЗБЕКОВ Вагаб, 1907, лезгин, запальщик. Арест. 10.03.38. Расстрелян 26.04.38.
КАЛИНИН Александр Алексеевич, 1914, русский, рабочий. Арест. 30.11.32. 10 лет ИТЛ.
КАЛИНИН Иван Петрович, 1904, русский, бухгалтер. Арест. 4.09.42. 10 лет ИТЛ.
КАМАРНИЦКИЙ Георгий Петрович, 1874, украинец, учетчик. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
КАНДИАНО Сергей Владимирович, 1888, русский, зав. юридическим бюро. Арест. 8.08.37. Расстрелян 11.01.38.
КАНИВЕЦ Иван Филимонович, 1914, украинец, военнослужащий. Арест. 2.10.42. 20 лет ИТЛ
КАНИВЕЦ Филимон Илларионович, 1893, украинец, слесарь. Арест. 3.07.41. 5 лет ссылки.
КАРАЧЕВЦЕВ Георгий Александрович, 1895, русский, ст. бухгалтер. Арест. 15.03.38. Расстрелян 18.07.38.
КАРВОНЕН Матвей Федорович, 1880, финн, возчик-конюх. Арест. 8.10.38. Дело прекращено 22.01.39. Освобожден.
КАРИЗНА Устин Васильевич, 1898, белорус, бетонщик. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.09.37.
КАРХУ Матвей Матвеевич, 1894, финн, возчик. Арест. 18.11.37. Расстрелян 8.01.38.
КАРХУ Михаил Иванович, 1907, финн, возчик. Арест. 28.10.37. Расстрелян 27.11.37.
КАРХУ Тойво Михаилович, 1914, финн, шофер. Арест. 5.04.38. Расстрелян 22.10.38.
КАТАРИН Сергей Федорович, 1882, русский, машинист водокачки. Арест. 18.01.38. Расстрелян 1.03.38.
КАУФМАН Юрий Семенович, 1886, русский, частный преподаватель. Арест. 1.03.38. Дело прекращено 31.05.38 в связи со смертью подследственного
КВИТЧЕНКО Федор Николаевич, 1895, русский, ж/д рабочий. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
КЕГЕЛЬ Андрей Иванович, 1891, финн, безработный. Арест. 13.02.32. 5 лет ИТЛ.
КЕЗИКОВА Александра Васильевна, 1908, русская, станочница. Арест. 20.11.37. 8 лет ИТЛ.

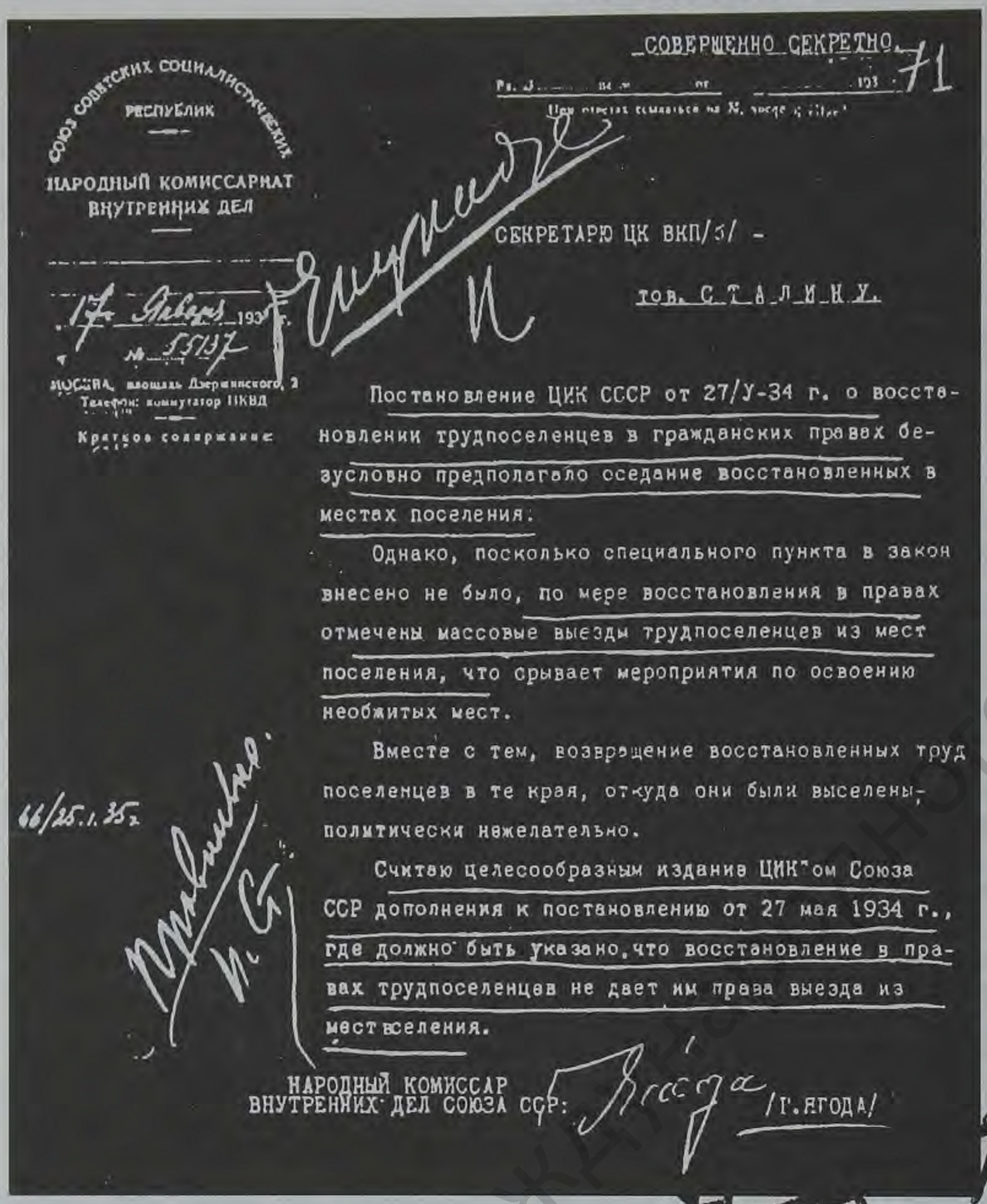
КЕЙТУРИ Тойво Михайлович, 1905, финн, слесарь. Арест. 29.10.37. Расстрелян 16.12.37.
КЕККИ Данил Матвеевич, 1908, финн, бондарь. Арест. 4.03.38. Расстрелян 17.10.38.
КЕМАЛЬ Джавдет Мурат, 1913, татарин, слесарь. Арест. 22.07.50. 10 лет ИТЛ.
КЕТТУНЕН Эльяс Фридрихович, 1890, финн, лесоруб. Арест. 12.08.38. 10 лет ИТЛ.
КИБЛЕР Вильгельм Фридрихович, 1892, немец, учитель. Арест. 21.01.35. 5 лет ИТЛ.
КИБЛЕР Евгения Францевна, 1896, немка, преподаватель. Арест. 21.01.35. 5 лет ИТЛ.
КИЙСКИ Константин Абрамович, 1903, финн, плотник. Арест. 17.11.37. Расстрелян 8.01.38.
КИЙСКИ Павел Семенович, 1900, финн, возчик. Арест. 3.03.38. 10 лет ИТЛ.
КИМ Яков Петрович, 1906, кореец, начальник обогатительной фабрики. Арест. 1.09.36. Расстрелян 8.05.37.
КИНСКИ Феликс Семенович, 1913, финн, электромонтер. Арест. 28.08.37. Расстрелян 22.10.37.
КИРЕЕВ Трофим Егорович, 1887, русский, сторож. Арест. 3.11.33. 5 лет ИТЛ.
КИРИЕНКО Василий Климентьевич, 1906, русский, десятник. Арест. 27.03.35. 3 года ИТЛ.
КИРПИЧЕНКО Дмитрий Никифорович, 1904, русский, столяр. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.08.37.
КИРЬЯЗОВ Дмитрий Степанович, 1868, болгарин, сторож. Арест. 3.08.37. Расстрелян 8.11.37.
КИРЬЯНОВ Никон Матвеевич, 1882, русский, диспетчер. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.08.37.
КИСИН Иван Григорьевич, 1893, русский, техучетчик. Арест. 7.03.38. Расстрелян 25.04.38.
КИСКИ Виктор Семенович, 1909, финн, грузчик. Арест. 31.03.32. 3 года ИТЛ.
КИСЛОВ Николай Еремеевич, 1984, русский, портной. Арест. 27.10.37. 10 лет ИТЛ.
КИССЕЛЬ Иван Петрович, 1897, финн, кассир. Арест. 28.10.37. Расстрелян 8.01.38.
КЛЕЙН Иосиф Вильгельмович, 1883, немец, маляр. Арест. 20.01.35. 3 года ИТЛ.
КЛЕПОВ Степан Дорофеевич, 1902, русский, 2-й секретарь райкома ВКП(б). Арест. 26.07.37. 5 лет ИТЛ.
КЛИМЕНКО Алексей Викторович, 1888, русский, ст. наблюдатель метеостанции. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
КЛИМЕНКО Алексей Леонтьевич, 1884, украинец, экспедитор. Арест. 29.01.33. 5 лет ИТЛ.
КЛЮЧНИКОВ Сергей Андреевич, 1895, русский, электрик-моторист. Арест. 29.09.37. Расстрелян 20.12.37.
КОБЫЛИН Николай Николаевич, 1896, русский, бухгалтер. Арест. 9.08.37. Расстрелян 11.10.37.
КОВАЛЕВ Евгений Филиппович, 1876, русский, кладовщик. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.

М.В. Кочетков

КОВАЛЕВ Михаил Иванович, 1891, русский, ст. бухгалтер. Арест. 9.09.37. 4 года ИТЛ.
КОВЕШНИКОВ Никита Михайлович, 1908, русский, ремонтный рабочий. Арест. 14.01.38. Расстрелян 1.03.38.
КОВТУН Иван Федосеевич, 1898, русский, маляр. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
КОЖЕВНИКОВ Артем Максимович, 1898, русский, инструментальщик. Арест. 4.07.41. 8 лет ИТЛ.
КОЖЕВНИКОВ Иван Ефимович, 1882, русский, рабочий. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ.
КОЗИН Федор Федорович, 1907, русский, начальник пожарной охраны. Арест. 3.08.36. 3 года ИТЛ.
КОЗЛОВ Егор Степанович, 1908, русский, ст. рабочий. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
КОККА Михаил Петрович, 1889, финн, пенсионер. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38.
КОЛОДЯЖНЫЙ Сеиен Васильевич, 1907, украинец, экскаваторщик. Арест. 11.09.37. Расстрелян 4.10.37.
КОЛЬПОВАРИ Петр Яковлевич, 1862, латыш, сторож. Арест. 4.12.37. Расстрелян 11.01.38.
КОНДАКОВ Иван Григорьевич, 1910, русский, десятник. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37.
КОНДРИКОВ Василий Иванович, 1900, русский, управляющий треста "Апатит". Арест.16.03.37. Расстрелян 25.08.38.
КОПАНЕНКО Тимофей Евменович, 1895, украинец, бурильщик Арест. 28.10.37. Расстрелян 19.11.37.
КОРБУТ Мария Федоровна, 1917, белоруска, рабочая. Арест. 6.08.37. Расстреляна 9.09.37.
КОРБУТ Павел Федорович, 1910, белорус, снабженец. Арест. 4.05.42. 10 лет ИТЛ.
КОРНИЛОВ Николай Степанович, 1912, русский, монтер. Арест. 13.08.42. 10 лет ИТЛ.
КОРОВИНА-КРУКОВСКАЯ Татьяна Александровна, 1890, русская, преподаватель. Арест. 10.06.38. Расстреляна 22.11.38.
КОРОВИЧЕВ Василий Ефимович, 1879, русский, кочегар. Арест. 4.03.38. 7 лет ИТЛ.
КОРОВКО Сергей Прокофьевич, 1897, украинец, раб. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
КОРОВЯКОВ Иван Алексеевич, 1896, русский, научный сотрудник. Арест. 15.03.49. 8 лет ИТЛ.
КОРОЛЕВ Николай Александрович, 1895, русский, начальник химлаборатории. Арест. 21.08.36. Расстрелян 8.05.37.
КОРОСТИН Сергей Григорьевич, 1884, русский, раздатчик горючего. Арест. 3.0837. Расстрелян 8.11.37.
КОРОТЕЕВ (КОРОТКЕЕВ) Александр Егорович, 1913, русский, дробильщик. Арест. 8.08.37. Расстрелян 21.10.37.

КОРОТКИХ Василий Петрович, 1872, русский, плотник. Арест. 26.01.31. 3 года ИТЛ.
КОРХОНЕН Давид Августович, 1904, финн, грузчик. Арест. 28.10.37. 10 лет ИТЛ.
КОСЕНКО Николай Данилович, 1902, русский, машинист. Арест. 31.06.44. 10 лет ИТЛ.
КОСКОР Рудольф Осипович, 1908, эстонец, водитель. Арест. 6.08.37. 8 лет ИТЛ.
КОСОЛАЙНЕН Александр Александрович, 1910, финн, люковщик. Арест. 19.03.33. 5 лет ИТЛ.
КОСОЛАЙНЕН Иван Александрович, 1905, финн, плотник. Арест. 19.03.33. 5 лет ИТЛ.
КОСТРОВ Иван Федорович, 1892, русский, часовой мастер. Арест. 18.02.41. 5 лет ИТЛ.
КОСТЮК Тихон Маркович, 1891, русский, ст. конюх. Арест. 26.08.46. 10 лет ИТЛ.
КОСЮРА Петр Федорович, 1876, русский, рабочий. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
КОТОВ Александр Михайлович, 1898, русский, грузчик. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
КОТОВ-КОНОШЕНКО Владимир Андреевич, 1889, украинец, преподаватель ГХТ. Арест. 22.10.38. 3 года ИТЛ.
КОТОВСКИЙ Александр Иванович, поляк, слесарь. Арест. 6.08.38. 6 лет ИТЛ.
КОХАНЧУК Кирша (Кирилл) Гаврилович, 1881, украинец, кузнец. Арест. 15.02.33. 5 лет ИТЛ.
КОЧЕТКОВ Михаил Васильевич, 1893, русский, начальник ж/д ветки в Хибинах. Арест. 27.06.49. 10 лет ИТЛ.
КОЧУРОВ Абдурахман Менанович, 1885, татарин, табельщик. Арест. 28.01.31. Расстрелян.
КОЧУРОВ Яков Данилович, 1891, русский, делопроизводитель. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
КРААВ Вольдемар Иосифович, 1891, эстонец, начальник обогатительной фабрики. Арест. 4.06.40. 8 лет ИТЛ.
КРАСНИКОВ Андрей Семенович, 1913, русский, помощник машиниста. Арест. 4.11.35. 10 лет ИТЛ.
КРАСНИКОВ Василий Григорьевич, 1904, русский, машинист. Арест. 11.11.35. 5 лет ИТЛ.
КРАСНИКОВ Федор Семенович, 1903, русский, машинист. Арест. 11.11.35. 10 лет ИТЛ.
КРАУБНЕР Филипп Иванович. 1884, немец, осмотрщик вагонов. Арест. 13.02.38. Расстрелян 28.06.38.
КРИВЕГА Максим Семенович, 1917, украинец, опробователь руды. Арест. 3.06.40. 8 лет ИТЛ.
КРИВОБОРСКИЙ Марк Васильевич, 1912, русский, студент ГХТ. Арест.27.02.38. Расстрелян 20.05.38.
КРИВОЛАПОВ Григорий Семенович, 1906, русский, рабочий. Арест. 13.04.32. 3 года ИТЛ.
КРИВОЛАПОВ Семен Илларионович, 1879, русский, без определенных занятий. Арест. 13.04.32. 5 лет ИТЛ.
КРИВОРОТОВ Алексей Иванович, 1911, русский, рабочий. Арест. 14.10.37. 10 лет ИТЛ.
КРОТОВ Александр Семенович, 1908, русский, кладовщик. Арест. 14.08.42. 5 лет ИТЛ.
КРУФМАН (КРАУТМАН) Карл Антонович, 1897, латыш, машинист. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ.
КРУФМАН (КРАУТМАН) Михаил Антонович, 1892, латыш, электрик. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ.
КРУШЕЛЬНИЦКИЙ Александр Августович, 1892, украинец, фельдшер. Арест. 7.03.38. Расстрелян 26.04.38.
КРЮЧИХИН Иван Николаевич, 1920, русский, рабочий. Арест. 28.02.46. 6 лет ИТЛ.
КСЕНИК Василий Антонович, 1925, украинец, грузчик. Арест. 19.07.46. 8 лет ИТЛ.
КУБАРИНЕН Иван Матвеевич, 1897, финн, рабочий. Арест. 18.11.37. Расстрелян 8.01.38.
КУБАРИНЕН Иван Степанович, 1902, финн, возчик. Арест. 28.07.38. Расстрелян 21.11.38.
КУДРИН Алексей Васильевич, 1905, русский, слесарь. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ условно.
КУЗНЕЦОВ Валентин Герасимович, 1910, русский, начальник финчасти отряда пож. охраны. Арест. 20.10.37.1,5 года ИТЛ.
КУЗНЕЦОВ Василий Григорьевич, 1882, русский, кузнец. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
КУЗНЕЦОВ Михаил Ионович, 1888, русский, кладовщик. Арест. 23.04.35. 3 года ИТЛ.
КУЗЬМИН Иван Кузьмич, 1887, русский, маляр. Арест. 31.12.37. 10 лет ИТЛ.
КУЗЬМИН Илья Кузьмич, 1903, русский, осмотрщик вагонов. Арест. 1.02.38. Расстрелян 1.03.38.
КУЗЬМИН Николай Григорьевич, 1877, русский, плотник. Арест. 4.07.41. 5 лет ИТЛ.
КУЗЬМИЧЕВ Иван Иванович, 1891, русский, вагонный мастер. Арест. 29.04.50. 10 лет ИТЛ.
КУК Петр Петрович, 1907, украинец, бурильщик. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
КУККОХОВИ Августа Константиновна, 1892, карелка, рабочая. Арест. 13.02.40. 5 лет ИТЛ.
КУКЛИНОВ Андрей Александрович, 1879, русский, слесарь. Арест. 28.03.33. 5 лет ссылки.
КУЛАГА Иван Николаевич, 1914, украинец, слесарь. Арест. 4.07.41. 5 лет ИТЛ.
КУЛАГИН Алексей Яковлевич, 1887, русский, начальник снабжения комбината. Арест. 4.05.42. 10 лет ИТЛ.
КУЛАЖЕНКО Никифор Романович, 1890, белорус, слесарь. Арест. 29.12.45. 9 лет ИТЛ.
КУЛАЧИНСКИЙ Иосиф Альфонсович, 1912, поляк, слесарь. Арест. 2.03.38. Расстрелян 28.06.38.
КУЛЕШ Тимофей Петрович, 1888, русский, рабочий. Арест. 7.03.38. 3 года ИТЛ.
КУЛИКОВСКИЙ Алексей Иванович, 1888, русский, сторож. Арест. 19.04.35. 7 лет ИТЛ.
КУЛЬЧИЦКИЙ Иван Петрович, 1898, украинец, рабочий. Арест. 5.03.38. 8 лет ИТЛ.
КУЛЬЧИЦКИЙ Степан Петрович, 1899, украинец, бурильщик. Арест. 15.03.38. 10 лет ИТЛ.
КУНДОЗЕРОВ Артемий Васильевич, 1902, карел, ст. бухгалтер. Арест. 8.03.50. 10 лет ИТЛ.
КУНЦЕВИЧ Станислав Михайлович, 1884, поляк, банщик. Арест. 1.10.37. 10 лет ИТЛ.
КУОККОНЕН Павел Иванович, 1898, финн, возчик. Арест. 27.02.38. Расстрелян 18.06.38.
КУРОВСКИЙ Николай Филиппович, 1908, украинец, рабочий. Арест. 2.03.38. 3 года ИТЛ.
КУРОПТЕВ Потап Тихонович, 1895, карел, обходчик. Арест. 12.06.38. 10 лет ИТЛ.

Библиотека Мемориала

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Пр. 3 ... от ... 193 ... 71

При ответе ссылаться на №, число и содер.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

17 Января 193... г.

№ 55137

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание

Постановление ЦИК СССР от 27/У-34 г. о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах безусловно предполагало оседание восстановленных в местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, политически нежелательно.

Считаю целесообразным изданию ЦИК'ом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР: /Г. ЯГОДА/

66/25.1.35 г.

КУСТОВ Федор Константинович, 1894, русский, насыпщик. Арест. 28.10.37. 6 лет ИТЛ.

КУЧЕР Павел Феоктистович, 1925, украинец, слесарь. Арест. 31.10.48. 10 лет ИТЛ.

КУЩ Мефодий Антонович, 1889, русский, механизатор. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.

КЮТОКАНГАС Николай Николаевич, 1876, финн, крестьянин. Арест. 2.01.38. Расстрелян 27.01.38.

КЯККИНЕН Александр Абрамович, 1905, финн, рабочий. Арест. 13.03.38. Расстрелян 28.06.38.

КЯХЕРЬ Рейно Семенович, 1904, финн, возчик. Арест. 23.10.37. Расстрелян 8.01.38.

КЯХЯР Матвей Семенович, 1882, финн, возчик. Арест. 8.12.37. Расстрелян 18.01.38.

КЯХЯРЬ Павел Павлович, 1892, финн, возчик. Арест. 2.07.38. 10 лет ИТЛ.

ЛАЙТИНЕН Степан Андреевич, 1889, финн, буфетчик. Арест. 18.11.37. Расстрелян 8.01.38.

ЛАНКИНЕН Петр Матвеевич, 1896, финн, столяр. Арест. 28.02.38. Расстрелян 22.10.38.

ЛАПОЛАЙНЕН Ида Матвеевна, 1904, финка, домработница. Арест. 28.10.37. Расстреляна 20.12.37.

ЛАПОЛАЙНЕН Матвей Матвеевич, 1909, финн, грузчик. Арест. 28.10.37. Расстрелян 20.12.37.

ЛЕБЕДЕВ Александр Яковлевич, 1905, русский, мастер. Арест. 16.10.37. Расстрелян 24.11.37.

ЛЕБЕДЕВ Семен Павлович, 1876, русский, зав. складом. Арест. 4.07.41. 5 лет ИТЛ.

ЛЕБЕДЕВ Сергей Николаевич, 1916, русский, учащийся ФАШ. Арест. 2.04.37. 5 лет ИТЛ.

ЛЕДОХОВИЧ Леонид Станиславович, 1903, поляк, рабочий. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.

ЛЕЙБОНЕН Андрей Андреевич, 1902, финн, спецпоселенец. Арест. 16.01.34. 3 года ИТЛ

ЛЕЙБОНЕН Хильма Егоровна, 1911, финка, спецпоселенка. Арест. 16.01.34. 3 года ИТЛ.

ЛЕЙНИ Фома Иванович, 1884, финн, плотник. Арест. 8.09.37. Расстрелян 22.10.37.

ЛЕЙНОНЕН Анна Иоловна, 1903, финка, домохозяйка. Арест. 15.08.38. Расстреляна 21.11.38.

ЛЕЙНОНЕН Арно Эдуардович, 1911, финн, лесоруб. Арест. 11.06.34. 3 года ИТЛ.

ЛЕЙНОНЕН Тауно Карлович, 1915, финн, лесоруб. Арест. 1.06.38. 10 лет ИТЛ.

ЛЕЙТУС Карл Иванович, 1871, латыш, плотник. Арест. 27.06.40. 5 лет ИТЛ.

ЛЕМЕТТИ Иван Андреевич, 1885, финн, продавец. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.

ЛЕМЕТТИ Матвей Иванович, 1887, финн, продавец. Арест. 29.10.34. Расстрелян 27.11.37

ЛЕРИ Андрей Павлович, 1909, финн, возчик. Арест. 18.11.37. Расстрелян 8.01.38.

ЛЕРИ Михаил Павлович, 1904, финн, плотник. Арест. 22.10.37. Расстрелян 8.01.38

ЛЕСОНЕН Степан Степанович, 1898, карел, рабочий. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.38.

ЛЕУШКА Матвей Иванович, 1881, финн, возчик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38.

ЛИБИЯЙНЕН Матвей Павлович, 1904, финн, продавец. Арест. 16.08.37. 10 лет ИТЛ.

ЛИБИЯЙНЕН Петр Павлович, 1913, финн, машинист. Арест. 8.12.37. Расстрелян 18.01.38.

ЛИБИЯЙНЕН Петр Семенович, 1888, финн, возчик. Арест. 29.05.38. Расстрелян 21.11.38.

ЛИБУХОВ Василий Данилович, 1926, русский, учащийся ГХТ. Арест. 23.12.46. 7 лет ИТЛ.

ЛИМАНСКИЙ Александр Трофимович, 1925, русский, слесарь. Арест. 15.03.49. 10 лет ИТЛ.
ЛИСОВСКИЙ Федор Константинович, 1889, русский, плотник. Арест. 7.12.41. Расстрелян 13.02.42.
ЛИСЯНОЙ Леонтий Пантелеймонович, 1872, русский, конюх. Арест. 28.10.37. Расстрелян 4.02.38.
ЛОБАНОВ Андрей Иванович, 1905, русский, кочегар. Арест. 22.04.46. 8 лет ИТЛ.
ЛОБОЙКО Василий Никитич, 1893, украинец, возчик. Арест. 29.04.37. Расстрелян 4.10.37.
ЛОБОЙКО Иван Васильевич, 1916, русский, бурильщик. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
ЛОГИНОВ Кондратий Петрович, 1881, русский, рыбак. Арест. 10.06.38. Расстрелян 21.11.38.
ЛОГИНОВ Яков Семенович, 1900, коми, счетчик. Арест. 8.03.40. 3 года ИТЛ.
ЛОНГИ Егор Матвеевич, 1883, финн, возчик. Арест. 30.03.32. 5 лет ИТЛ.
ЛОПАТИН Николай Иванович, 1891, русский, рабочий. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
ЛОПАТО Захар Акимович, 1886, украинец, начальник подсобных предприятий совхоза. Арест. 29.05.37. Расстрелян 12.11.37.
ЛОСЕВ Николай Константинович, 1905, русский, столяр. Арест. 5.08.37. 10 лет ИТЛ.
ЛОСЬ Владимир Иосифович, 1911, украинец, бригадир электромонтеров. Арестован 6.04.38. 3 года ИТЛ .
ЛУГОВСКОЙ Григорий Васильевич, 1896, украинец, слесарь. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ЛУКАНИЧЕВ Емельян Евлампиевич, 1909, русский, мастер. Арест. 22.06.40. 8 лет ИТЛ.
ЛУККА Илья Самуилович, 1907, финн, рыбак. Арест. 29.06.38. Расстрелян 22.10.38.
ЛУККА Ульяна Самойловна, 1905, финка, возчик. Арест. 3.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЛУКЬЯНЕНКО Николай Васильевич, 1898, украинец, учитель. Арест. 4.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЛУПАКОВ Василий Николаевич, 1903, русский, стрелочник. Арест. 17.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ЛУПАКОВ Николай Николаевич, 1907, русский, стрелочник. Арест. 17.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ЛУПОНОСОВ Семен Васильевич, 1895, русский, кочегар. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ЛУЦЕВИЧ (ЛУНЦЕВИЧ) Станислав Альбинович, 1903, белорус, рабочий. Арест. 7.08.37. Расстрелян 6.09.37.
ЛУЦЕНКО Петр Афанасьевич, 1898, украинец, бухгалтер. Арест. 27.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЛУЧИНИН Николай Федорович, 1906, русский, инженер. Арест. 17.07.41. 5 лет ИТЛ.
ЛУЧНИКОВ Алексей Андреевич, 1884, русский, обходчик. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ЛЯПИН Андрей Васильевич, 1902, русский, фотограф. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.
ЛЯСУН Александра Ивановна, 1914, белоруска, рабочая. Арест. 13.09.37. 10 лет ИТЛ.
МААС Петр Иванович, 1906, немец, горный десятник. Арест. 26.06.40. 5 лет ИТЛ.
МАЗЕНКОВ Михаил Васильевич, 1885, русский, грузчик. Арест. 29.12.45. 8 лет ИТЛ.
МАЗИНГ Юган Юрьевич, 1888, эстонец, электромонтер. Арест. 14.03.40. 5 лет ИТЛ.
МАЙКОВ Василий Александрович, 1874, русский, рабочий. Арест. 7.08.37. Расстрелян 24.09.37.
МАЙКОВ Филипп Константинович, 1895, русский, рабочий. Арест. 21.03.35. 6 лет ИТЛ.
МАКАРА Даниил Федорович, 1900, финн, полевод. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.01.38.
МАКАРИЧЕВ Алексей Семенович, 1911, русский, слесарь. Арест. 2.07.41. 5 лет ИТЛ.
МАКАРИЧЕВ Иван Григорьевич, 1908, русский, рабочий. Арест. 17.07.31. 3 года ИТЛ.
МАКАРОВ Петр Илларионович, 1892, русский, часовщик. Арест. 25.07.37. Расстрелян 4.10.37.
МАКЕДОН Корней Елисеевич, 1906, украинец, слесарь. Арест. 18.09.48. 8 лет ИТЛ.
МАКЕЕВ Антонин Петрович, 1890, русский, гл. бухгалтер. Арест. 30.04.48. 7 лет ИТЛ.
МАКЕЕНКО Назар Павлович, 1877, русский, счетовод. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.

Семья спецпереселнца в Хибинах

МАККОНЕН Иван Матвеевич, 1894, финн, возчик. Арест. 9.12.37. Расстрелян 18.01.38.
МАКСИМОВ Кузьма Федорович, 1897, русский, моторист мотобота. Арестован 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
МАКСИМОВ Матвей Васильевич, 1895, русский, грузчик. Арест. 5.03.38. 5 лет ИТЛ.
МАКСИМОВ Нил Алексеевич, 1913, русский, ремонтный рабочий. Арестован 29.09.36. 7 лет ИТЛ.
МАКСИМОВ Сергей Тимофеевич, 1896, русский, зав. магазином. Арест. 12.02.42. Расстрелян 3.06.42.
МАКСИМОВА Екатерина Ивановна, 1905, русская, зав. магазином. Арест. 13.02.42. 10 лет ИТЛ.
МАЛИМ Роман Иванович, 1872, эстонец, зав. складом.

Библиотека Мемориального Музея

Семья спецпереселнца в Хибинах

Арест. 6.03.38. Расстрелян 26.04.38.
МАЛИНОВСКИЙ Владимир Дмитриевич, 1902, русский, насыпщик. Арест. 8.10.38. 7 лет ИТЛ.
МАЛОФИЕВСКИЙ Николай Дмитриевич, 1878, русский, счетовод. Арест. 14.01.38. Расстрелян 1.03.38.
МАЛЫГИН Иван Корнилович, 1885, русский, десятник. Арест. 31.02.20. 10 лет ИТЛ.
МАЛЫЙ Александр Федорович, 1902, русский, литсотрудник газеты "Кировский рабочий". Расстрелян.
МАЛЫЙ Григорий Афанасьевич, 1896, украинец, повар. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
МАЛЫШЕВ Павел Андреевич, 1886, русский, рабо-

ий. Арест. 25.12.47. 3 года ИТЛ.
МАЛЬМ Николай Николаевич, 1889, русский, гл. бухгалтер. Арест. 2.08.36. 8 лет ИТЛ.
МАЛЮКОВ Семен Трофимович, 1889, русский, грузчик. Арест. 8.10.38. 6 лет ИТЛ.
МАМАЙ Иван Федорович, 1898, украинец, сапожник. Арест. 18.03.33. 5 лет лишения свободы условно.
МАРЕНКОВ Ефим Иванович, 1913, белорус, рабочий артели. Арест. 2.10.42. 10 лет ИТЛ.
МАРЕНКОВ Семен Иванович, 1906, белорус, рабочий. Арест. 2.10.42. 5 лет ИТЛ
МАРКОВ Александр Алексеевич, 1901, русский, инспектор химлаборатории. Арест. 20.09.36. Расстрелян 8.05.37.
МАРТЕХИН Андрей Васильевич, 1882, русский, сторож. Арест. 26.09.37. 10 лет ИТЛ.
МАРТЫНОВ Александр Михайлович, 1915, русский, мастер. Арест. 15.08.37. Расстрелян 18.12.37.
МАРТЫНОВ Михаил Иванович, 1894, русский, техник. Арест. 8.03.37. Расстрелян 4.10.37.

МАРТЫНОВА Анастасия Ивановна, 1894, русская, повар. Арест. 27.03.46. 10 лет ИТЛ.
МАТВЕЕВ Василий Иванович, 1885, русский, агроном. Арест. 15.03.40. 5 лет ИТЛ.
МАТВЕЕВА Людмила Эдмундовна, 1899, русская, бухгалтер. Арестован 30.06.41. 5 лет ссылки.
МАТВЕЕНКО Ефим Константинович, 1890, украинец, завхоз. Арест. 4.07.41. 10 лет ИТЛ.
МАТВЕЙЧУК ИОСИФ, 1925, украинец, кочегар. Арестован 31.07.48. 7 лет ИТЛ.
МАТРОС Андрей Васильевич, 1908, русский, слесарь. Арест. 21.06.40. 8 лет ИТЛ.
МАТУШЕВСКИЙ Борис Федорович, 1907, украинец, наблюдатель метеостанции. Арест. 6.03.38. 4 года ИТЛ.
МАХК Роберт Августович, 1911, эстонец, слесарь. Арест. 8.03.38. Расстрелян 8.07.38.
МАЦЕЙКО Нестор Игна- ьевич, 1890, белорус, бухгалтер. Арест. 5.10.37. 10 лет ИТЛ.
МЕЛНГАЛЬ Анна Матвеевна, 1888, латышка, инвалид. Арест. 21.01.35. 5 лет ИТЛ.
МЕЛЬМАН Осип Яковлевич, 1877, эстонец, кассир. Арест. 3.03.38. Расстрелян 26.04.38.
МЕЛЬНИКОВ Владимир Михайлович, 1894, русский, бухгалтер. Арест. 17.12.41. Расстрелян 13.02.42.
МЕЛЬНИКОВ Иосиф Федорович, 1891, русский, рабочий совхоза. Арест. 28.10.37. 10 лет ИТЛ.
МЕНЬШИКОВ Иван Прокофьевич, 1906, русский, кладовщик. Арест. 5.05.40. 10 лет ИТЛ.
МЕНЬШИКОВА Елена Прокофьевна, 1914, русская, фильтровальщица. Арест. 16.08.37. Расстреляна 9.09.37.
МЕСКОНЕН Абрам Иванович, 1874, финн, лесоруб. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.37.
МЕТАЛЬНИКОВ Алексей Петрович, 1898, русский, инженер-технолог. Арест. 21.08.36. Расстрелян 8.05.37.
МИККОЛА Армас Иванович, 1900, финн, лесоруб. Арест. Расстрелян 22.10.38.
МИЛЛЕР Август Яковлевич, 1904, эстонец, рабочий. Арест. 30.03.32. 5 лет ИТЛ.
МИЛОВ Петр Павлович, 1878, русский, без определенных занятий. Арест. 6.11.40. 8 лет ИТЛ.
МИНАЕВ Григорий Алексеевич, 1902, русский, преподаватель школы ФЗО. Арест. 8.06.37. 5 лет ИТЛ. Умер в

Библиотека Международного Мемориала

лагере 22.09.38.
МИНЯЙЛО (МЕНЯЙЛО) Иван Кириллович, 1896, украинец, охранник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.09.37.
МИРОНОВ Иван Миронович, 1888, русский, грузчик. Арест. 24.06.42. 10 лет ИТЛ.
МИСЕЕВ Василий Михайлович, 1891, русский, зав.отделом магазина. Арест. 7.03.38. Расстрелян 26.04.38.
МИСФЕЛЬДТ Зинаида Фердинандовна, 1896, немка, бухгалтер. Арест. 26.10.37. Расстреляна 18.12.37.
МИТРОФАНОВ Дмитрий Алексеевич, 1906, русский, десятник. Арест. 13.03.38. 10 лет ИТЛ.
МИХАЙЛОВ Георгий Михайлович, 1894, русский, охотник. Арест. 20.06.47. .10 лет ИТЛ.
МИХАЙЛОВ Яков Егорович, 1894, русский, рабочий. Арест. 12.11.36. 10 лет ИТЛ.
МИХЕЕВ (ОСТРОВСКИЙ) Иван Федорович, 1900, карел, диспетчер. Арест. 28.07.38. 5 лет ИТЛ.
МОГИЛЕВСКИЙ Исай Аронович, 1898, еврей, гл. инженер комбината. Арест. 3.03.37. 5 лет ссылки.
МОЖАЕВ Михаил Иванович, 1890, русский, откатчик. Арест. 9.02.33. 10 лет ИТЛ.
МОЗЕЛЬ Иосиф Маркович, 1891, еврей, преподаватель курсов мастеров. Арест. 23.03.37. Расстрелян 25.08.37.
МОЗЕЛЬ Мария Ароновна, 1892, еврейка, библиотекарь. Арест. 21.04.38. Член семьи изменника Родины. 8 лет ИТЛ.
МОИСЕЕВ Василий Михайлович, 1891, русский, счетовод. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
МОИСЕЕВ Константин Иванович, 1916, русский, артист театра кукол. Арест. 19.10.45. 10 лет ИТЛ.
МОИСЕЕВ Степан Васильевич, 1898, русский, рабочий станции. Арест. 11.01.38. Расстрелян 1.03.38.
МОКИН Андрей Иванович, 1874, русский, возчик. Арест. 3.08.37. Расстрелян 8.11.37.
МОКИН Николай Иванович, 1876, русский, сторож. Арест. 19.04.35. 3 года ИТЛ.
МОКРИЦКАЯ Мария Васильевна, 1893, русская, кассир. Арест. 28.12.34. 5 лет ИТЛ.
МОЛЬКО Андрей Порфирьевич, 1906, украинец, откатчик. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ.
МОНДОНЕН Фома Мартынович, 1880, финн, дворник. Арест. 12.10.37. Расстрелян 27.11.37.
МОРДВОВ Петр Антонович, 1886, русский, механик. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.
МОРДВОВА Анастасия Матвеевна, 1888, русская, домохозяйка. Арест. 30.06.41. 5 лет ИТЛ
МОРОЗ Кузьма Константинович, 1892, украинец, продавец. Арест. 3.07.41. 5 лет лишения свободы условно.
МОРОЗ Семен Захарович, 1913, украинец, нормировщик. Арест. 23.09.38. 7 лет ИТЛ.
МОРОЗОВ Антон Степанович, 1886, русский, сторож-пожарник. Арест. 5.08.37. Расстрелян 6.09.37.
МОРОЗОВ Михаил Иванович, 1904, русский, рабочий. Арест. 19.03.33. 3 года ИТЛ.
МОРОЗОВА Зося Георгиевна, 1902, русская, машинистка. Арест. 16.08.37. 7 лет ИТЛ.
МОРЯКОВ Николай Григорьевич, 1911, русский, запальщик. Арест. 7.08.37. Расстрелян 24.11.37.
МУРАВЬЕВ Иван Федорович, 1884, русский, конюх. Арест. 5.03.38. Расстрелян.
МУТТО Петр Осипович, 1882, финн, конюх. Арест. 29.10.37. Расстрелян 27.11.37.
МУЦ Оскар Иванович, 1899, эстонец, плотник. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
МЫЛЬНИКОВ Игнатий Фатеевич, 1907, русский, плотник. Арест. 10.02.34. 3 года ИТЛ.
МЫЛЬНИКОВ Петр Иванович, 1904, русский, мастер путевых работ. Арест. 29.04.45. 5 лет ИТЛ.
МЮЛЛЕР Мария Федоровна, 1895, финка, рабочая. Арест. 30.06.38. 10 лет ИТЛ.
МЯГЯЛЯЙНЕН Фома Михайлович, 1896, финн, зав. складом. Арест. 3.10.37. Расстрелян 27.01.38.
МЯКИНИН Василий Иванович, 1877, русский, шлаковщик. Арест. 30.06.41. Дело прекращено 20.10.42 в связи со смертью подследственного.
МЯРТСОН Эдуард Осипович, 1905, эстонец, рабочий. Арест. 2.03.37. 3 года ИТЛ.
НАГОРНЫЙ Василий Яковлевич, 1895, русский, Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
НАЗАРЕНКО Афанасий Ефимович, 1882, русский, смазчик. Арест. 25.09.37. Расстрелян 4.10.37.
НАЗАРЕНКО Василий Тихонович, 1910, украинец, бурильщик. Арест. 15.02.33. 5 лет ИТЛ.
НАЗАРЕНКО Иван Тихонович, 1898, украинец, откатчик. Арест. 15.02.33. 10 лет ИТЛ.
НАЗАРОВА Евгения Александровна, 1923, немка, домохозяйка. Арест. 8.05.47. 10 ИТЛ.
НАЛИВАЙКО Харитон Протасович, 1894, украинец, такелажник. Арест. 3.08.37. 10 лет ИТЛ.
НАРЯДЧИКОВ Михаил Иванович, 1894, русский, слесарь. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
НАУМЕРЖИЦКИЙ Николай Васильевич, 1913, русский, электромонтер. Арест. 16.02.38. Расстрелян 18.03.38.
НЕДОБУГА Андриан Дмитриевич, 1889, украинец, сторож. Арест. 8.12.37. Расстрелян 8.01.38.
НЕДОГАДНИКОВА Нина Архиповна, 1892, русская, бракер. Арест. 25.08.37. 10 лет ИТЛ.
НЕДОПЕКИН Борис Федорович, 1901, русский, гл. бухгалтер. Арест. 11.10.45. 10 лет ИТЛ.
НЕЖДАНОВ Иван Иванович, 1897, русский, лебедчик. Арест. 24.02.37. 3 года ИТЛ.
НЕКРАСОВ Иван Яковлевич, 1894, русский, возчик. Арест. 27.08.38. 3 года ИТЛ.
НЕКРАСОВ Федор Григорьевич, 1874, русский, вязчик сетей. Арест. 10.10.38. 5 лет ИТЛ.
НЕЧАЕВ Иван Егорович, 1892, русский, дворник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
НИКАНОВИЧ Василий Иванович, 1902, русский, подъемщик. Арест. 24.03.42. 10 лет ИТЛ.
НИКИТЕНКО Яков Алексеевич, 1885, белорус, ветфельдшер. Арест. 12.05.37. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.
НИКИТИН Александр Андреевич, 1897, русский, рабочий. Арест. 4.09.42. 10 лет ИТЛ.
НИКИТИН Григорий Андреевич, 1913, русский, электромонтер. Арест. 2.09.37. 10 лет ИТЛ.
НИКИТИН-ЛУПАКОВ Федор Николаевич, 1905, русский, стрелочник. Арест. 20.12.37. Расстрелян.

Библиотека Международного Мемориала

НИКИФОРОВ Матвей Никифорович, 1890, русский, рабочий. Арест. 5.08.37. Расстрелян 6.09.37.
НИКИФОРОВ Михаил Алексеевич, 1904, русский, начальник депо. Арест. 31.10.35. 10 лет ИТЛ.
НИКИФОРОВ Тимофей Александрович, 1899, русский, рабочий. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
НИККОНЕН Анна Ивановна, 1895, финка, домохозяйка. Арест. 7.09.32. 3 года ссылки. Повторно арест. 8.03.40. 5 лет ИТЛ.
НИККОНЕН Арво Хугович, 1908, финн, рыбак. Арест. 29.06.38. Расстрелян 22.10.38.
НИККОНЕН Армо Хугович, 1916, финн, рыбак. Арест. 29.07.38. 15 лет ИТЛ.
НИККОНЕН Хуго Александрович, 1870, финн, рыбак. Арест. 3.07.38. Расстрелян 22.10.38.
НИКОЛАЕВ Алексей Николаевич, 1880, русский, сторож. Арест. 13.06.40 5 лет ИТЛ.
НИКОЛАЕВ Алексей Николаевич, 1910, русский, электромонтер. Арест. 11.12.42. 10 лет ИТЛ.
НИКОЛАЕВ Вениамин Георгиевич, 1901, русский, рабочий. Арест. 4.08.37. 10 лет ИТЛ.
НИКОЛАЕВ Дмитрий Николаевич, 1895, русский, рабочий. Арест. 27.08.38. 8 лет ИТЛ.
НИКОЛАЕВ Иван Иванович, 1913, русский, кочегар. Арест. 28.01.44. 5 лет ИТЛ.
НИКОЛАЕВ Петр Иванович, 1887, русский, уполномоченный конторы Союзпромэкспорт. Арест. 30.04.37. Расстрелян 4.10.37.
НИКОЛЬСКИЙ Игорь Андреевич, 1905, русский, механик. Арест. 21.09.37.Расстрелян 4.10.37
НИКОНЕНКО Александр Федорович, 1906, украинец, рабочий. Арест. 24.02.47. 8 лет ИТЛ.
НИКОНОВ Петр Андреевич, 1890, русский, зав. конторы Союзпромэкспорт. Арест. 29.04.37. Расстрелян 4.10.37.
НОВИКОВ Николай Николаевич, 1909, русский, шофер. Арест. 27.04.51. 25 лет ИТЛ.
НОВИКОВ Филипп Иванович, 1886, русский, рабочий. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.
НОВИЧЕНКО Андрей Романович, 1900, русский, путевой обходчик. Арест. 15.12.37. 10 лет ИТЛ.
НОВОСЕЛЬЦЕВ Николай Иванович, 1878, русский, гардеробщик. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
НОВОСЕЛЬЦЕВ Семен Иванович, 1886, русский, рабочий лесхоза. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
НОЛВИ Семен Иванович, 1897, без определенных занятий. Арест. 13.03.32. 5 лет ИТЛ.
НОСАЧЕВ Алексей Петрович, 1905, русский, экскаваторщик. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
НОСОВ Иван Иванович, 1902, русский, бригадир. Арест. 23.09.38. 6 лет ИТЛ.
НУРМАНЕН Хильма Павловна, 1894, финка, рабочая. Арест. 28.07.38. 10 лет ИТЛ.
НУРМИ Карл Карлович, 1881, финн, лесоруб. Арест. 16.06.38. Расстрелян 22.10.38.
НУРМИНЕН Павел Павлович, 1919, финн, рабочий. Арест. 9.08.37. Расстрелян 26.08.37.
НУРМИНЕН Павел Петрович, 1885, финн, сторож. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.08.37.
НУРМИНЕН Хельми Павловна, 1914, финка, уборщица. Арест. 28.08.37. 10 лет ИТЛ.
НЯРХИ Хенки (Хейки) Хенкович (Хейкевич), 1897, финн, лесоруб. Арест. 27.05.38. Расстрелян 22.10.38.
ОЖОЛАЙНЕН Адам Осипович, 1894, финн, рыбак. Арест. 14.06.40. 5 лет ИТЛ.
ОЙКАРАЙНЕН Абрам Матвеевич, 1889, финн, лесоруб. Арест. 6.10.37. Расстрелян 24.01.38.
ОЛАНЕН Павел Матвеевич, 1888, финн, плотник. Арест. 13.03.32. 5 лет ИТЛ.
ОЛКОНЕН Матвей Матвеевич, 1899, финн, плотник. Арест. 22.10.37. Расстрелян 8.01.38.
ОРЛОВ Иван Иванович, 1876, русский, конюх. Арест. 15.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ОРЛОВ Михаил Алексеевич, 1913, русский, служащий. Арест. 4.09.42. 10 лет ИТЛ
ОРЛОВ Петр Васильевич, 1885, русский, преподаватель ГХТ. Арест. 28.06.40. 5 лет ИТЛ.
ОСИПОВ Николай Степанович, 1902, саам, рыбак-оленевод. Арест. 26.06.38. Расстрелян 21.11.38.
ОСИПОВ Прокопий Степанович, 1888, саам, рыбак-оленевод. Арест. 20.06.38. Расстрелян 21.11.38.
ОСИПОВ Фадей Дмитриевич, 1889, саам, оленевод. Арест. 5.08.37. Расстрелян 9.09.37.
ОСТРИКОВ Николай Филимонович, 1890, русский, плотник. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ОСТРОГОРСКИЙ Емельян Терентьевич, 1891, русский, сторож. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ОСТРОУХОВ Сазон (Савва) Филатович, 1909, русский, возчик. Арест. 26.01.33. 3 года ИТЛ.
ПАВИЛАЙНЕН Абрам Абрамович, 1889, финн, возчик. Арест. 17.07.38. 5 лет ИТЛ.
ПАВИЛАЙНЕН Армус Самуилович, 1912, финн, рабочий. Арест. 19.10.37. Расстрелян 8.01.38.
ПАВИЛАЙНЕН Матвей Матвеевич, 1906, финн, рабочий. Арест. 29.06.38. 5 лет ИТЛ
ПАВИЛАЙНЕН Табиас Табиасович, 1881, финн, возчик. Арест. 9.12.37. Расстрелян 18.01.38.
ПАВЛЕНКО Илья Афанасьевич, 1883, украинец, конюх. Арест. 13.03.32. 5 лет ИТЛ
ПАВЛИАН Степан Иванович, 1915, финн, плотник. Арест. 17.10.37. Расстрелян 20.12.37.
ПАВЛОВ Александр Николаевич, 1890, русский, зам. начальника финотдела комбината. Арест. 15.03.38. 10 лет ИТЛ.
ПАВЛОВ Леонид Васильевич, 1913, русский, механик. Арест. 4.07.41. 5 лет ИТЛ.
ПАВЛОВ Семен Павлович, 1914, русский, штукатур, Арест. 5.08.37. 10 лет ИТЛ.
ПАКАЛН Вильгельм Эдуардович, 1898, латыш, директор телефонной станции. Арест. 6.08.37. Расстрелян 4.01.38.
ПАКЛИН Гавриил Максимович, 1914, русский, рабочий. Арест. 19.04.35. 3 года ИТЛ.
ПАЛО Манне, 1895, финн, лесоруб. Арест. 7.06.40. 8 лет ИТЛ.
ПАЛЬ Адам Карлович, 1897, немец, рабочий. Арест. 5.03.38. Расстрелян 18.03.38.
ПАЛЬМ Оскар Робертович, 1901, эстонец, рабочий.

Библиотека Международного Мемориала

Арест. 5.03.38. Расстрелян 28.06.38.
ПАНАФИДНИКОВ Алексей Данилович, 1887, русский, дезинфектор. Арест. 2.03.38. Расстрелян 20.03.38.
ПАНКИН Петр Александрович, 1897, русский, такелажник. Арест.25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ПАНКРАТОВ Виталий Сергеевич, 1892, русский, железнодорожный мастер. Арест. 14.09.36. 5 лет ИТЛ.
ПАНОВ Гавриил Харитонович, 1862, русский, сторож. Арест. 6.08.37. Расстрелян 25.10.37.
ПАПЧЕНКО Захар Кириллович, 1888, русский, заведующий конебазой. Арест. 2.07.41. 3 года ссылки.
ПАРАДЕЛОВ Николай Николаевич, 1913, русский, учащийся ГХТ. Арест. 26.04.35. 5 лет ИТЛ.
ПАРВИНЕН Эмиль Иванович, 1894, финн, машинист водокачки. Арест. 29.03.38. 10 лет ИТЛ.
ПАРВИЦКИЙ Ефим Яковлевич, 1892, украинец, счетовод. Арест. 25.04.35. 5 лет ИТЛ.
ПАРХИМОВИЧ Антон Петрович, 1899, белорус, десятник. Арест. 6.11.40. 8 лет ИТЛ.
ПАРШЕВ Василий Прокофьевич, 1916, русский, рабочий. Арест. 2.06.50. 10 лет ИТЛ.
ПАРШИН Дмитрий Васильевич, 1898, русский, счетовод. Арест. 17.05.37. 7 лет ИТЛ.
ПАРШИНЦЕВ Василий Ефимович, 1891, русский, вахтер. Арест. 11.09.42. 10 лет ИТЛ.
ПАРВИЦКИЙ Ефим Яковлевич, 1892, украинец, счетовод. Арест. 25.04.35. 5 лет ИТЛ.
ПАТРУШЕВ Александр Степанович, 1891, русский, кассир. Арест. 2.02.38. Расстрелян 10.07.38.
ПАХОМОВ Илья Маркович, 1888, русский, кладовщик. Арест. 22.06.40. 5 лет ИТЛ.
ПАХОМОВ Николай Егорович, 1875, русский, сапожник. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
ПАШИНСКИЙ Андрей Иванович, 1902, поляк, плотник. Арест. 1.10.37. Расстрелян 18.12.37.
ПАЮ Ольга Михайловна, 1895, ижорка, рабочая. Арест. 21.06.38. Расстреляна 22.11.38.
ПАЮНЕН Матвей Петрович, 1912, финн, рыбак. Арест. 3.07.38. Расстрелян 22.10.38.
ПЕГЕЛАУ Федор Михайлович, 1892, русский, служащий. Арест. 9.12.37. Расстрелян 16.01.38.
ПЕДЫЧ Анатолий Тимофеевич, 1912, русский, экскаваторщик. Арест. 21.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ПЕКАРЬ Александр Семенович, 1922, белорус, учащийся ФАШ. Арест. 1.07.41. 5 лет ИТЛ.
ПЕККИ Бернгард Оттович, 1907, финн, слесарь. Арест. 12.10.37. Расстрелян 3.01.38.
ПЕННИЕ Александр Иванович, 1904, финн, возчик. Арест. 1.01.38. Расстрелян 27.0138.
ПЕННИЕ Иван Михайлович, 1880, финн, возчик. Арест. 8.11.37. Расстрелян 18.0138.
ПЕННИЕ Эдуард Иванович, 1908, финн, возчик. Арест. 1.01.38. Расстрелян 27.01.38.
ПЕРЕЛОМОВ Андрей Иванович, 1908, русский, гл. электрик фабрики. Арест. 2.06.37. Расстрелян 25.0138.
ПЕРЕЛОМОВ Михаил Иванович, 1904, русский, механик. Арест. 4.07.41. 3 года ИТЛ.
ПЕРИЯЙНЕН Матвей Иванович, 1905, финн, электромеханик. Арест. 5.08.37. Расстрелян 26.0837.
ПЕРТЕЛЬ Вальтер Иванович, 1889, эстонец, баянист. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.09.37.
ПЕРТУЛА Вилхо Матвеевич, 1897, финн, лесоруб. Арест. 10.03.38. 10 лет ИТЛ.
ПЕССИ Давид Абрамович, 1898, финн, дорожный мастер. Арест. 17.06.40. 5 лет ИТЛ.
ПЕССИ Михаил Абрамович, 1914, финн, шофер. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.01.38.
ПЕССИ Павел Абрамович, 1917, финн, кассир. Арест. 19.12.37. 10 лет ИТЛ.
ПЕССОНЕН Калле Власович, 1895, финн, лесоруб. Арест. 29.05.38. Расстрелян 21.11.38.
ПЕТИН Иван Андреевич, 1896, русский, фуражир. Арест. 6.08.37. Расстрелян 16.09.37.
ПЕТРАКОВ Александр Михайлович, 1902, русский, зав. горотделом ЖКХ. Арест. 22.03.37. 10 лет ИТЛ.
ПЕТРОВ Архип Петрович, 1875, русский, рабочий. Арест. 18.03.33. 3 года лишения свободы условно.
ПЕТРОВ Михаил Петрович, 1881, русский, стрелочник. Арест. 17.01.38. Расстрелян 01.03.38.
ПЕТРОВ Яков Васильевич, 1910, русский, жестянщик. Арест. 26.01.46. 10 лет ИТЛ.
ПЕТРОВСКИЙ Сергей Федорович, 1884, русский, возчик. Арест.1.07.41. 8 лет ИТЛ.
ПЕТЯЯ (ПЕТЛЯЯ) Иван Моисеевич, 1894, финн, дробильщик. Арест. 30.04.37. Расстрелян 9.10.37.
ПЕШЕВ Григорий Тимофеевич, 1908, русский, пекарь. Арест. 30.06.41. 3 года ИТЛ.
ПИКАЛЕВ Арсений Федорович, 1914, русский, художник. Арест. 21.10.37. 10 лет ИТЛ.
ПИМКИН Егор Тимофеевич, 1914, русский, рабочий. Арест. 25.02.35. 3 года ИТЛ.
ПИНАЕВСКИЙ Владимир Владимирович, 1892, русский, счетовод. Арестован 6.03.38. Расстрелян 20.03.38.
ПИТКОНЕН Абрам Степанович, 1892, финн, зав. складом. Арест. 16.03.40. 5 лет ИТЛ.
ПИТКЯНЕН Иван Егорович, 1893, финн, бетонщик. Арест. 11.09.37. Расстрелян

Семья спецпереселнца в Хибинах

Дет-очаг в Хибинах

19.10.37.
ПЛАКСЕНКОВ Николай Николаевич, 1903, русский, начальник цеха. Арест. 28.06.40. 5 лет ИТЛ.
ПЛАУНОВ Василий Прокопьевич, 1905, русский, электросварщик. Арест. 6.08.37. Расстрелян 17.09.37.
ПЛАУНОВ Николай Иванович, 1904, русский, рабочий. Арест. 30.03.32. 10 лет ИТЛ.
ПЛАУНОВ Прокофий Дмитриевич, 1880, русский, швейцар ГХТ. Арест. 6.08.37. Расстрелян 17.09.37.
ПЛАУНОВА Анна Прокопьевна, 1911, русская, портниха. Арест. 9.08.37. Расстреляна 17.09.37.
ПЛАХОВ Иван Семенович, 1910, русский, монтер. Арест. 13.06.42. 10 лет ИТЛ.
ПЛАХОВ Семен Александрович, 1888, русский, рабочий. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ПОБЕРЕЙ Захар Карпович, 1882, русский, откатчик. Арест. 15.02.33. 10 лет ИТЛ.
ПОВЕЛАЙНЕН Рейно Павлович, 1903, финн, кладовщик. Арест. 5.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ПОДОЛЮК Иван Тимофеевич, 1898, украинец, снабженец. Арест. 15.03.38. 8 лет ИТЛ.
ПОКРОВСКАЯ Нина Семеновна, 1896, русская, учитель. Арест. 28.03.37. 5 лет ИТЛ.
ПОЛОЗНЯК Макар Семенович, 1908, белорус, слесарь. Арест. 8.08.42. Расстрелян 8.11.42.
ПОЛЯКОВ Владимир Николаевич, 1897, русский, зав. производством комбината. Арест. 21.03.38. Расстрелян 18.07.38.
ПОЛЯКОВ Семен Тимофеевич, 1901, русский, рабочий. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ПОНОМАРЕВ Никита Николаевич, 1903, русский, рабочий. Арест. 26.03.33. 10 лет ИТЛ.
ПОНОМАРЕВ Родион Ефимович, 1894, русский, кузнец-сварщик. Арест. 21.10.38. 6 лет ИТЛ.
ПОПОВ Алексей Федорович, 1887, русский, путевой обходчик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 20.12.37.
ПОПОВ Иван Михайлович, 1898, русский, слесарь. Арест. 9.01.41. 10 лет ИТЛ.
ПОПОВ Иван Никитович, 1888, русский, грузчик. Арест. 17.10.37. Расстрелян 24.11.37.
ПОПОВ Николай Семенович, 1894, русский, учитель. Арест. 31.07.41. 8 лет ИТЛ.
ПОПОВИЧ Харитон Сидорович, 1892, украинец, статист. Арест. 13.01.32. 10 лет ИТЛ.
ПОПРУЖКО Матвей Трофимович, 1882, украинец, рабочий. Арест. 15.02.33. 5 лет ИТЛ.
ПОРАЛЛО Филипп Николаевич, 1887, русский, парикмахер. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.
ПОРВАЛЬ Александр Иванович, 1903, финн, грузчик. Арест. 8.12.37. Расстрелян 18.01.38.
ПОРВАЛЬ Давид Иванович, 1877, финн, кассир. Арест. 16.03.32. 10 лет ИТЛ.
ПОРВАЛЬ Иван Давыдович, 1874, финн, швейцар. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ПОРВАЛЬ Семен Семенович, 1887, финн, рабочий. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ПОСТНИКОВ Михаил Устинович, 1899, русский, рабочий. Арест. 29.02.42. 5 лет ИТЛ.
ПОТАПОВ Тимофей Яковлевич, 1907, русский, рабочий. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.
ПОТЛОВ Семен Алексеевич, 1903, русский, стрелочник. Арест. 13.01.38. Расстрелян 1.03.38.
ПОТОВ Дмитрий Андреевич, 1893, украинец, нарядчик. Арест. 3.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ПРАВДИН Александр Михайлович, 1884, русский, бухгалтер. Арест. 21.02.42. 10 лет ИТЛ.
ПРАСОЛ Степан Осипович, 1902, русский, зав. лавкой. Арест. 1.09.37. Расстрелян 21.10.37.
ПРИЕМЫШЕВ Давид Алексеевич, 1876, русский, возчик. Арест. 8.03.37. 7 лет ИТЛ.
ПРОКОФЬЕВ Василий Александрович, 1885, русский, калькуляторщик. Арест. 6.08.37. 7 лет ИТЛ.
ПРОТОПОПОВ Николай Николаевич, 1899, русский, рабочий. Арест. 14.10.37. 10 лет ИТЛ.
ПУЗА Иван Сауилович, 1866, финн, дворник. Арест. 29.06.38. 5 лет ИТЛ.
ПУКАЙ Карп Прокопьевич, 1891, украинец, конюх. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ.
ПУККИ Андрей Иванович, 1892, финн, слесарь. Арест. 19.03.33. 5 лет ИТЛ.
ПУОЛОКАЙНЕН Яков Андреевич, 1907, финн, счетовод. Арест. 13.02.38. Расстрелян 28.06.38.
ПУСА Михаил Андреевич, 1885, финн, шорник. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.01.38.
ПУХОВСКИЙ Казимир Карлович, 1901, поляк, без определенных занятий. Арест. 8.10.31. 3 года ИТЛ.
ПУЧКОВ Алексей Михайлович, 1886, русский, плотник. Арест. 29.06.40. 5 лет ИТЛ.
ПШЕНИЧНАЯ Анастасия Ионовна, 1901, русская, кастелянша. Арест. 21.01.35. 5 лет ИТЛ.
ПЯВКУС Андрей Александрович, 1904, финн, рабочий. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.

Библиотека Мемориала

РАБИНОВИЧ Вульф Самойлович, 1883, еврей, учитель. Арест. 29.05.38. 5 лет ИТЛ.
РАДЧЕНКО Пахом Иванович, 1887, русский, маркшейдер. Арест. 8.03.37. Расстрелян 4.10.37.
РАЗЗАДОРИН Иван Михайлович, 1878, русский, дворник. Арест. 9.01.42. 7 лет ИТЛ.
РАЗЛИВАЕВ Василий Сергеевич, 1911, русский, зав. складом. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
РАЙККЕРУС Эйно Петрович, 1904, русский, коллектор-моторист. Арест. 5.03.38. Расстрелян 26.04.38.
РАНЕНЕН Павел Павлович, 1896, финн, плотник. Арест. 11.0937. Расстрелян 27.11.37.
РАСЬКО Иван Антонович, 1901, украинец, печник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 16.09.37.
РАУТОНЕН Иван Петрович, 1902, финн, пекарь. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.10.38.
РАУТОНЕН Иван Семенович, 1887, финн, дворник. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.01.38.
РЕДИ Анна Матвеевна, 1900, финка, рабочая. Арест. 29.07.38. Расстреляна 25.10.38.
РЕЗНИКОВ Алексей Алексеевич, 1878, русский, рабочий. Арест. 27.12.34. 5 лет ИТЛ.
РЕЙДИН Иван Иванович, 1895, русский, десятник. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
РЕМЕНЮК Федор Трофимович, 1869, украинец, грузчик. Арест. 18.03.33. 3 года лишения свободы условно.
РЕННЕР Франц Францевич, 1898, немец, плотник. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
РЕУТСКИЙ Александр Михайлович, 1890, украинец, кладовщик. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
РОГОВ Ефрем Павлович, 1883, русский, маляр. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
РОГОВ Михаил Дмитриевич, 1909, русский, дежурный станции. Арест. 25.11.37. Расстрелян 19.12.37.
РОГОВСКИЙ Тимофей Тимофеевич, 1889, украинец, экспедитор. Арест. 5.06.40. 6 лет ИТЛ.
РОДИОНОВ Анатолий Иванович, 1931, русский, слесарь. Арест. 6.11.49. 10 лет ИТЛ.
РОЖИНСКИЙ Владимир Иванович, 1911, поляк, котельщик. Арест. 1.09.37. 7 лет ИТЛ.
РОЖКОВ Константин Матвеевич, 1892, русский, санитарный инспектор. Арест. 4.06.40. 8 лет ИТЛ.
РОМАНЕНКО Иван Петрович, 1898, русский, составитель поездов. Арест. 18.11.37. Расстрелян 24.12.37.
РОО Адам Яковлевич, 1905, немец, дробильщик. Арест. 8.10.38. 3 года ИТЛ.
РОО Андрей Яковлевич, 1906, немец, рабочий. Арест. 13.02.38. Расстрелян 28.06.38.
РОО Федор Федорович, 1897, немец, рабочий. Арест. 9.08.37. Расстрелян 14.10.37.
РОССОЛОВ Яков Евстафьевич, 1916, украинец, электромонтер. Арест. 13.10.41. 10 лет ИТЛ.
РОТКИН Михаил Федорович, 1889, русский, телеграфист. Арест. 26.11.37. Расстрелян 20.12.37.
РОТМИСТРЕНКО Аким Никонович, 1903, украинец, шофер. Арест. 2.02.38. Расстрелян 1.03.38.
РУДОВОЙ Иван Иванович, 1904, русский, электромонтер. Арест. 11.09.36. 3 года ИТЛ.
РУЗАЕВ Василий Николаевич, 1898, русский, машинист. Арест. 26.08.37. Расстрелян 4.10.37.
РУМЯНЦЕВ Василий Логинович, 1919, русский, десятник. Арест. 25.05.37. Расстрелян 1.11.37.
РУФФ Иван Эммануилович, 1882, немец, маляр. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
РУХАЙЛО Тимофей Севастьянович, 1894, украинец, товаровед. Арест. 30.06.40. 5 лет ИТЛ.
РЫЖКОВ Андрей Васильевич, 1903, русский, помощник машиниста. Арест. 5.12.35. 5 лет ИТЛ.
РЫСАКОВ Александр Дмитриевич, 1904, русский, электромонтер. Арест. 22.05.42. 10 лет ИТЛ.
РЯБИНКИН Федор Михайлович, 1891, русский, мастер-приемщик рыбхоза. Арест. 6.08.37. Расстрелян 21.10.37.
РЯСЬКО Иван Антонович, 1901, русский, печник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 16.09.37.
САВИНОВ Андрей Федорович, 1888, карел, заведующий магазином. Арест. 15.11.37. Расстрелян 9.01.38.
САВОЛАЙНЕН Иван Иванович, 1882, финн, рабочий. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
САВУШКИН Степан Петрович, 1896, русский, землекоп. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ.
САДОВ Андрей Дмитриевич, 1884, русский, сапожный мастер. Арест. 21.10.38. 6 лет ИТЛ.
САДОВНИКОВ Дмитрий Петрович, 1887, русский, откатчик. Арест. 8.02.33. 10 лет ИТЛ.
САДОВНИКОВ Павел Павлович, 1886, русский, преподаватель школы. Арест. 16.03.38. 6 лет ИТЛ.
САЙТО Эверт Эйхович, 1893, финн, пилостав. Арест. 29.05.38. Расстрелян 22.10.38.
САКСА Степан Васильевич, 1881, финн, возчик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38.
САКУЛИН Иван Федорович, 1914, русский, стрелочник. Арест. 9.12.37. 10 лет ИТЛ.
САМСОНОВ Иван Иванович, 1886, русский, кочегар. Арест. 6.08.37. Расстрелян 6.09.37.
САНДОР Александр Густавович, 1888, эстонец, слесарь. Арест. 23.05.38. 8 лет ИТЛ.
САНОЦКИЙ (САНОТСКИЙ) Николай Александрович, 1909, украинец, без определенных занятий. Арест. 8.10.30. 3 года ИТЛ.
САПОЖНИКОВ Артемий Иванович, 1878, русский, путевой обходчик. Арест. 19.04.35. 5 лет ИТЛ.
САПОЖНИКОВ Василий Устинович, 1880, русский, кладовщик. Арест. 18.02.38. Расстрелян 26.04.38.
САПОЖНИКОВ Иван Васильевич, 1906, русский, десятник. Арест. 6.08.37. Расстрелян 21.10.37.
САПОЖНИКОВ Прокофий Иванович, 1890, русский, плотник. Арест. 19.04.35. 5 лет ИТЛ
САПРАНОВ Алексей Федорович, 1904, русский, начальник планового отдела. Арест. 6.10.37. 10 лет ИТЛ.
САРКИСЬЯН Вараздат Ефремович, 1897, армянин, кладовщик. Арест. 8.06.42. 10 лет ИТЛ.
САСИН Егор Евграфович, 1882 русский, кочегар. Арест. 11.02.41. 10 лет ИТЛ.
САСИЯН Юрий Юганович, 1893, эстонец, плотник. Арест. 14.03.40. 5 лет ИТЛ

Библиотека Мемориала
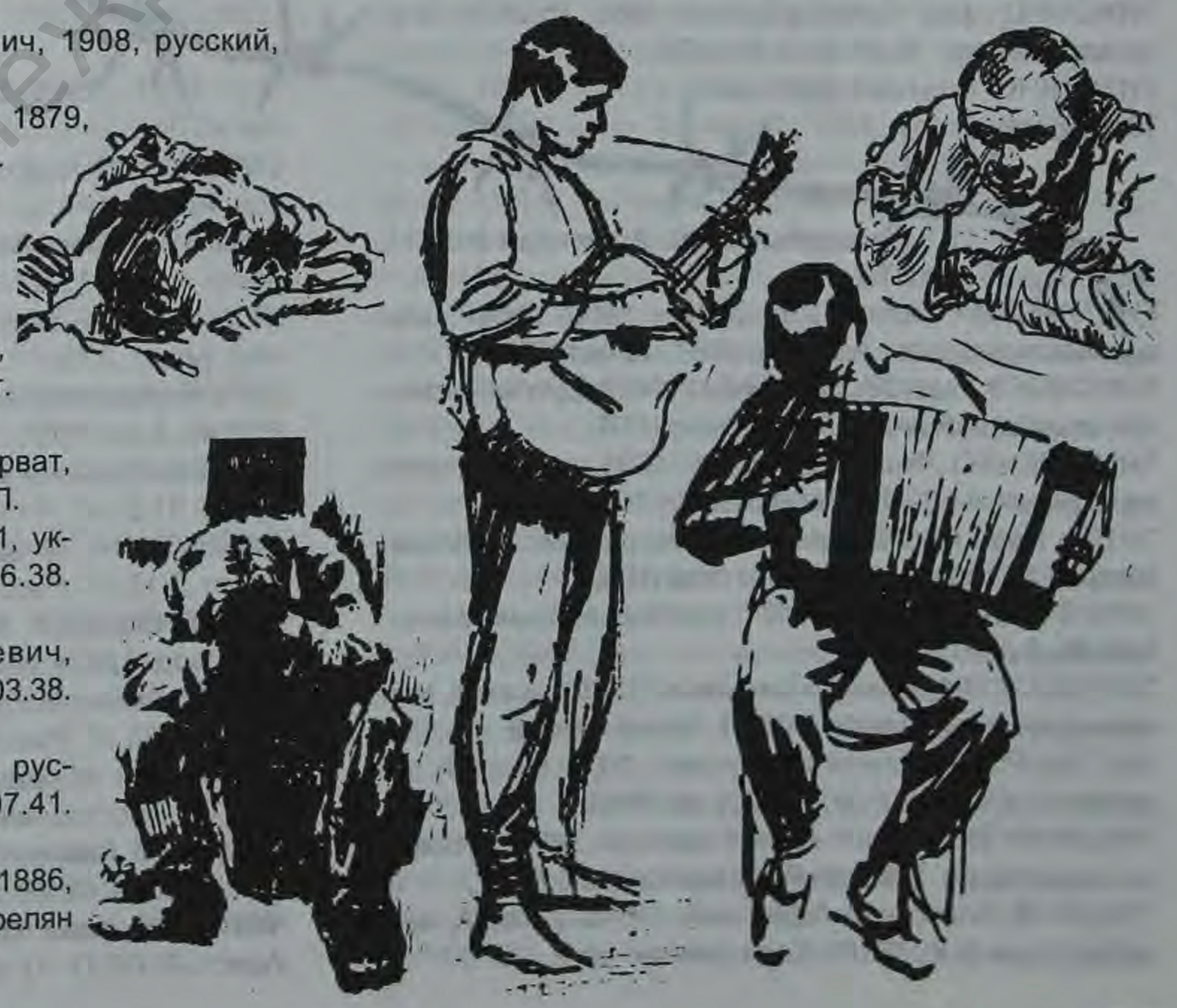
САХАМЕС Отто Федорович, 1906, финн, нарядчик депо. Арест. 27.02.38. Расстрелян 26.04.38.
САЧКО Иван Тихонович, 1906, украинец, машинист. Арест. 3.08.37. 10 лет ИТЛ.
СВЕТЕЛ Федор Михайлович, 1901, латыш, бригадир-строитель. Арестован 4.01.38. Расстрелян 25.01.38.

Худ. А. Лавров. Вышинский, Ворошилов, Ежов

СВЕШНИКОВ Николай Михайлович, 1902, русский, помощник механика. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
СВИНКИН Иван Михайлович, 1908, русский, бригадир. Арест. 17.05.37. Расстрелян 12.11.37.
СВЯТОДУХ Филипп Наумович, 1913, украинец, электромонтер. Арест. 30.06.45. 10 лет ИТЛ.
СЕГЕДИЙ Владимир Ильич, 1892, русский, бурильщик. Арест. 10.03.38. Расстрелян 18.07.38.
СЕМЕНОВ Александр Павлович, 1887, русский, счетовод. Арест. 6.08.37. 10 лет ИТЛ.
СЕМЕНОВ Андрей Семенович, 1885, русский, слесарь. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37.
СЕМЕНОВ Павел Семенович, 1877, русский, кочегар. Арест. 29.10.37. Расстрелян 19.11.37.
СЕРГЕЕВ Николай Васильевич, 1903, русский, рабочий. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
СЕРГЕЕВ Осип Васильевич, 1897, карел, грузчик. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
СЕРГИЕНКО Кузьма Фомич, 1903, украинец, рабочий. Арест. 16.02.38. Расстрелян 18.03.38.
СЕРГИН Семен Ларионович, 1874, саам, рыбак-единоличник. Арест. 1.08.37. Расстрелян 22.08.37.
СЕРОВ Михаил Иванович, 1903, русский, счетовод. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
СЕЧКАРЬ Александр Леонидович, 1891, украинец, составитель поездов. Арест. 5.09.37. Расстрелян 4.10.37.
СИДОРЕНКО Михаил Семенович, 1913, русский, экспедитор. Арест. 26.06.40. 8 лет ИТЛ.
СИДОРЕНКО Семен Андреевич, 1893, русский, рабочий. Арест. 6.08.37.Расстрелян 24.12.37.
СИЗАСК Константин Иванович, 1900, эстонец, бухгалтер. Арест. 29.10.37. Расстрелян 9.04.38.
СИКОРСКИЙ Иван Афанасьевич, 1897, русский, без определенных занятий. Арест. 9.02.35. 7 лет ИТЛ.
СИЛЬВЕСТРОВИЧ Сергей Иннокентьевич, 1895, русский, преподаватель ГХТ. Арест. 5.10.37. Расстрелян 26.01.38.
СИН Стахей Семенович, 1908, кореец, учитель. Арест. 1.09.37. Расстрелян 8.01.38.
СИНЕГИН Никифор Яковлевич, 1913, русский, учащийся ГХТ. Арест. 26.04.35. 5 лет ИТЛ.
СИНИЦИН Федор Петрович, 1882, русский, десятник. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
СИРОТКИН Александр Яковлевич, 1898, русский, слесарь. Арестован 30.06.41. 8 лет ИТЛ.
СИРОТКИН Григорий (Егор) Гаврилович, 1888, русский, экспедитор. Арест. 6.08.37. Расстрелян 9.09.37.
СИРОТКИН Илларион Ефимович, 1903, белорус, бухгалтер. Арестован 4.07.41. 5 лет ИТЛ.
СИРОТКИН Семен Михайлович, 1905, русский, осмотрщик вагонов. Арест. 9.08.41. 5 лет ИТЛ.
СИХТ Александр Антонович, 1883, эстонец, рабочий. Арест. 13.03.38.Расстрелян 26.04.38.
СКИБА Николай Андреевич, 1925, украинец, пилорамщик. Арест. 1.06.50. 10 лет ИТЛ.
СКОБИН Анатолий Георгиевич, 1910, русский, дежурный по станции. Арест. 9.12.37. 10 лет ИТЛ.
СКОТТИ Иван Матвеевич, 1892, финн, грузчик. Арест. 1.03.38. Расстрелян 26.04.38.
СЛЫВА Филипп Кузьмич, 1908, украинец, тракторист. Арест. 16.02.33. 3 года ИТЛ.
СМАГИН Михаил Антонович, 1882, русский, банщик. Арест. 7.07.44. 5 лет ссылки.
СМИРНОВ Иван Васильевич, 1882, русский, приемщик. Арест. 26.06.40. 8 лет ИТЛ.
СМИРНОВ Иван Яковлевич, 1882, русский, сантехник. Арест. 7.07.42. 5 лет ИТЛ.
СМИРНОВ Николай Егорович, 1899, русский, плотник. Арест. 9.03.38. Расстрелян 26.04.38.
СОБОЛЕВСКИЙ Бронислав Иванович, 1903, белорус, путевой обходчик. Арест. 28.03.38. Расстрелян 22.10.38.
СОВЕРШЕННЫЙ Кирилл Петрович, 1907, украинец, зав. мастерской. Арест. 6.11.42. 8 лет ИТЛ.
СОВО Рейно Матвеевич, 1907, финн, мастер. Арест. 6.10.37. Расстрелян 8.01.38.
СОЙКО Александр Евдокимович, 1893, белорус, инженер. Арест. 5.09.36. 5 лет ИТЛ.
СОЙТОНЕН Андрей Андреевич, 1878, финн, электромонтер. Арест. 19.02.35. 5 лет ИТЛ.
СОЙТОНЕН Эдуард Алексеевич, 1875, финн, сторож. Арест. 12.09.37. 8 лет ИТЛ.
СОЙТУ Павел Иванович, 1868, финн, рабочий. Арест. 28.03.33. 3 года ИТЛ.
СОКОЛОВ Иван Петрович, 1896, русский, рабочий. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
СОКОЛОВ Николай Григорьевич, 1893, русский, машинист. Арест. 6.04.38. 5 лет ИТЛ.
СОКОЛОВСКИЙ Михаил Антонович, 1899, белорус, рабочий. Арест. 6.07.36. 5 лет ИТЛ.
СОЛОВЕЙ Степан Алексеевич, 1898, украинец, счетовод. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.

Библиотека «Мемориала»

СОЛОВЬЕВ Антон Кононович, 1903, белорус, кладовщик. Арест. 28.02.40. 5 лет ИТЛ.
СОЛОВЬЕВ Дмитрий Федорович, 1890, русский, грузчик. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
СОЛОВЬЕВ Дмитрий Федорович, 1888, русский, кочегар. Арест. 30.06.41. 10 лет ИТЛ.
СОЛОВЬЕВ Иван Михайлович, 1912, русский, рыбак. Арест. 31.10.37. 5 лет ИТЛ.
СОЛОВЬЕВ Федот Никитович, 1874, русский, рабочий. Арест. 7.08.37. Расстрелян 11.09.37.
СОЛОМОНОВ Дмитрий Кириллович, 1897, русский, учитель. Арест. 8.12.37. Расстрелян 4.02.38.
СОЛОНОВ Петр Яковлевич, 1888, русский, бондарь. Арест. 3.09.37. Расстрелян 20.10.37.
СОРВАНОВ Павел Петрович, 1909, саам, возчик на оленях. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.38.
СОРВАНОВ Петр Васильевич, 1884, саам, возчик на оленях. Арест. 10.03.38. Расстрелян 22.10.38.
СОСИН Дмитрий Антонович, 1892, русский, печник. Арест. 26.05.41. 8 лет ИТЛ.
СОУКАС (СУОКАС) Давид Семенович, 1894, финн, возчик. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
СПИЦЫН Василий Яковлевич, 1896, русский, вахтер. Арест. 4.03.38. 4 года ИТЛ.
СТАРОСТЕНКО Иван Михайлович, 1896, русский, слесарь. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37.
СТАЧЕНКОВ Владимир Иванович, 1896, русский, начальник отдела капстроительства комбината. Арест. 13.03.38. 5 лет ссылки.
СТЕКОЛЬЩИКОВ Тимофей Яковлевич, 1892, русский, столяр. Арест. 8.10.35. 2 года ИТЛ.
СТЕНОР Михаил Андреевич, 1890, финн, возчик. Арест. 20.06.38. Расстрелян 21.11.38.
СТЕНОР Павел Петрович, 1902, финн, возчик. Арест. 28.10.37. Расстрелян 27.11.37.
СТЕПАНОВ Александр Степанович, 1908, русский, плотник. Арест. 7.11.35. 3 года ИТЛ.
СТЕПАНОВ Василий Степанович, 1879, русский, паркетчик. Арест. 29.10.37. 10 лет ИТЛ.
СТЕПАНОВ Дмитрий Михайлович, 1914, русский, повар. Арест. 15.11.41. Расстрелян 8.03.42.
СТЕПАНОВ Дмитрий Сергеевич, 1906, русский, сборщик утиля. Арест. 6.07.36. 5 лет ИТЛ.
СТРАУС Яков Блажевич, 1891, хорват, портной. Арест. 31.03.32. 3 года ИТЛ.
СТУЛИН Лазарь Дмитриевич, 1901, украинец, слесарь. Арестован 15.06.38. 2 года ИТЛ.
СУВОРОВ Александр Дмитриевич, 1896, русский, бухгалтер. Арест. 11.03.38. Расстрелян 18.07.38.
СУВОРОВА Наталья Алексеевна, русская, гл. бухгалтер. Арестован 2.07.41. 3 года ИТЛ.
СУДАРИНЕН Матвей Абрамович, 1886, финн, возчик. Арест. 28.10.37. Расстрелян 27.11.37.
СУММАНЕН Рейно Павлович, 1903, финн, возчик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38.
СУММОНЕН Абрам Абрамович, 1898, финн, столяр. Арест. 6.08.37. Расстрелян 26.08.37.
СУММОНЕН Матвей Самуилович, 1903, финн, грузчик. Арест. 28.06.38. 5 лет ИТЛ.
СУММОНЕН Михаил Самуилович, 1896, финн, столяр. Арест. 13.07.38. 5 лет ИТЛ.
СУНИ Олли Андреевич, 1909, финн, лесоруб. Арест. 10.03.38. 10 лет ИТЛ.
СУНИЛА Эдуард Эрикович, 1888, финн, лесоруб. Арест. 27.01.38. Расстрелян 8.08.38.
СУОКАС Егор Михайлович, 1900, финн, конюх. Арест. 30.03.32. 3 года ИТЛ.
СУПЛАТОВ Александр Федорович, 1910, русский, рабочий. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
СУПРОНОВИЧ Лука Антонович, 1876, белорус, дорожный мастер. Арест. 5.03.38. Расстрелян 18.06.38.
СУРМАЧ Федор Емельянович, 1909, украинец, рабочий. Арест. 28.12.32. 3 года лишения свободы условно.
СУРШКО Петр Петрович, 1882, украинец, безработный. Арест. 19.09.41. Расстрелян 29.11.41.
СУТЕЛА Карл Яковлевич, 1893, финн, лесоруб. Арест. 28.06.40. 8 лет ИТЛ.
СУТТЕР Петр Петрович, 1877, немец, дворник. Арест. 28.10.37. Расстрелян 9.01.38.
СУХАНОВ Кирилл Андреевич, 1900, русский, электромонтер. Арест. 1.10.47. 8 лет ИТЛ.
СУХАНОВ Михаил Дмитриевич, 1908, русский, рабочий. Арест. 2.03.33. 10 лет ИТЛ.
СУЧКОВ Павел Алексеевич, 1908, русский, помощник

машиниста. Арест. 21.11.35. 10 лет ИТЛ.
СЫРОВАТКО Петр Лукьянович, 1910, украинец, электромонтер. Арест. 16.02.33. 10 лет ИТЛ.
СЫЧ Василий Петрович, 1914, русский, десятник. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
СЫЧ Петр Филиппович, 1890, русский, руководитель кружка музыки. Арест. 31.07.37. Расстрелян 4.10.37.
СЯРКИНЕН Андрей Иванович, 1910, финн, плотник. Арест. 8.04.33. 10 лет ИТЛ.
ТАДИНЕН Иван Михайлович, 1909, финн, помощник машиниста. Арест. 5.03.38. Расстрелян 26.04.38.
ТАЛЫШЕВ Григорий Иванович, 1894, русский, плотник. Арест. 26.06.40. 8 лет ИТЛ.
ТАРАКАНОВ Александр Иванович, 1896, русский, диспетчер. Арест. 29.01.35. 3 года ИТЛ.
ТАРЗАЛАЙНЕН Андрей Андреевич, 1909, финн, заведующий ларьком. Арест. 3.06.40. 5 лет ИТЛ.
ТАТТИ Егор Семенович, 1883, финн, грузчик. Арест. 11.09.37. Расстрелян 19.10.37.
ТАТТИ Иван Матвеевич, 1873, финн, сторож. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ТАТТИ Семен Семенович, 1893, финн, возчик. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38.
ТЕВС Иван Петрович, 1882, немец, плотник. Арест. 21.01.35. 3 года ИТЛ.
ТЕЛЕГИН Иван Федорович, 1886, русский, не работал. Арест. 29.07.41. Расстрелян 4.10.41.
ТЕЛИН Сергей Петрович, 1891, русский, управхоз. Арест. 4.07.41. 3 года ИТЛ.
ТЕМНИКОВ Сергей Иванович, 1888, русский, рабочий. Арест. 5.08.37. Расстрелян 26.08.37.
ТЕРЕНТЬЕВ Петр Терентьевич, 1873, русский, конюх. Арест. 6.11.40. 5 лет ИТЛ.
ТЕРН Берль Антонович, 1903, швед, техник. Арест. 24.02.37. 10 лет ИТЛ.
ТЕРН Элин Югановна, 1904, шведка, повар. Арест. 4.06.40. 10 лет ИТЛ.
ТИЖОЯНЦ Арам Христофорович, 1889, армянин, зав. складом. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
ТИЖОЯНЦ Алексей Арамович, 1919, армянин, учащийся ФАШ. Арестован 2.04.37. 5 лет ИТЛ.
ТИКТИНСКИЙ Гилель Давыдович, 1908, еврей, зав. плановым отделом. Арест. 6.08.37. 10 лет ИТЛ.
ТИМОФЕЕВ Гавриил Семенович, 1892, русский, капитан мотобота. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
ТИМОШЕНКО Яков Федорович, 1898, русский, слесарь. Арест. 11.09.37. Расстрелян 4.10.37.
ТИТОВ Иван Александрович, 1899, русский, преподаватель ГХТ. Арест. 15.03.40. 3 года ИТЛ.
ТИТОВ Лука Ефимович, 1877, русский, плотник. Арест. 5.06.40. 5 лет ИТЛ.
ТИХОМИРОВ Александр Иванович, 1895, русский, зав. плановым бюро. Арест. 7.07.31. 3 года ссылки.
ТИХОМИРОВ Михаил Емельянович, 1914, русский, водопроводчик. Арест. 22.06.40. 5 лет ИТЛ.
ТИХОМИРОВ Николай Александрович, 1884, русский, пильщик. Арест. 2.03.38. Расстрелян 20.03.38.
ТИХОНОВ Александр Федорович, 1875, русский, зав. артели. Арест. 29.02.40. 5 лет ссылки.
ТИХОНОВ Михаил Захарович, 1893, русский, служащий. Арест. 8.03.38. 10 лет ИТЛ.
ТКАЧЕНКО Григорий Лукич, 1898, русский, плотник. Арест. 27.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ТОЛМАЧЕВ Иван Федорович, 1891, русский, зав. колбасным цехом. Арест. 13.08.42. 10 лет ИТЛ.
ТОЛОЧЕК Степан Трофимович, 1909, русский, бурильщик. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ТРАВИН Александр Иванович, 1892, русский, слесарь. Арест. 3.09.37. Расстрелян 20.09.37.
ТРАУТМАН Петр Фридрихович, 1892, немец, рабочий. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ТРЕСС Юган Карлович, 1884, эстонец, слесарь. Арест. 20.10.37. 10 лет ИТЛ.
ТРОФИМОВ Пантелей Матвеевич, 1893, русский, возчик. Арест. 7.06.46. 8 лет ИТЛ.
ТРУСОВ Мирон Матвеевич, 1904, русский, бригадир. Арест. 10.09.37. 10 лет ИТЛ.
ТРУХМАЧЕВ–ПАВЛОВ Лев Павлович, 1885, русский, плотник. Арест. 27.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ТУРУНЕН Тойво Илмари, 1907, финн, лесоруб. Арест. 26.02.38. Расстрелян 22.10.38.
ТЫЛЬЦОВ Август Иванович, 1897, эстонец, грузчик. Арест. 6.03.38. Расстрелян 26.04.38.
УГРИНОВИЧ Логин Иванович, 1900, поляк, кузнец. Арест. 18.03.33. 10 лет ИТЛ.
УДОВИЧЕНКО Иван Трифонович, 1905, украинец, вальцовщик. Арест. 4.6.41. 5 лет ИТЛ.
УЛЬЯНЕНКО Александр Платонович, 1909, русский, электромонтер. Арест. 29.02.40. 5 лет ИТЛ.
УЛЬЯНЕНКО Иван Петрович, 1915, русский, кондитер. Арест. 3.08.37. 10 лет ИТЛ.
УЛЬЯНОВ Максим Архипович, 1897, русский, начальник транспортного отдела. Арестован 1.09.37. Расстрелян 3.01.38.
УМИНСКИЙ Роман Иосифович, 1906, белорус, повар. Арест. 14.08.42. 10 лет ИТЛ.
УСПЕНСКИЙ Андрей Петрович, 1875, русский, счетовод. Арест. 9.03.33. 5 лет ссылки.
УСЫНИНА Анна Васильевна, 1888, русская, домохозяйка. Арест. 17.03.33. 3 года ИТЛ.
УТТУ Василий Васильевич, 1906, финн, зав. магазином. Арест. 2.10.37. Расстрелян 8.01.38.
УТТУ Вильям Иванович, 1904, финн, лесоруб. Арест. 6.06.40. 5 лет ИТЛ.
УХАНОВ Василий Иванович, 1878, русский, рабочий. Арест. 31.01.40. 6 лет ИТЛ.
ФАЙЗУТДИНОВ Зайнак, 1887, татарин, землекоп. Арест. 9.12.37. Расстрелян 28.12.37.
ФАЛЛЕНВЕЙДЕР Фридберг Иванович, 1902, немец, счетовод. Арест. 29.01.33. 5 лет ИТЛ.
ФАЛЬК Евгений Иосифович, 1898, немец, учитель. Арест. 2.09.37. Расстрелян 30.12.37.
ФАСТ Иван Абрамович, 1911, немец, шофер. Арест. 3.03.38. Расстрелян 28.06.38.
ФЕДОРОВ Василий Федорович, 1895, русский, рабочий. Арест. 2.02.40. 5 лет ИТЛ
ФЕДОРОВ Иван Федорович, 1899, русский, рабочий. Арест. 23.05.37. 12 лет ИТЛ.

ФЕДОРОВ Тимофей Данилович, 1880, русский, зав. лодочной станцией. Арест. 14.07.38. Расстрелян 22.11.38.
ФЕОКТИСТОВ Николай Иванович, 1902, русский, возчик. Арест. 30.12.48. 10 лет ИТЛ.
ФЕСЕНЮК Павел Иванович, 1897, украинец, товарный кассир. Арест. 9.01.33. 5 лет ИТЛ.
ФЕТКОВ Гавриил Иванович, 1905, русский, слесарь. Арест. 25.12.46. 8 лет ИТЛ.
ФИЛАРЕТОВ Василий Филаретович, 1875, русский, плотник. Арест. 18.03.33. 3 года ИТЛ.
ФИЛИППОВ Николай Иванович, 1915, русский, тех. отдел, секретарь. Арест. 20.08.41. 10 лет ИТЛ.
ФИЛИППОВ Николай Федорович, 1904, русский, электромонтер. Арест. 30.03.32. 10 лет ИТЛ.
ФИЛИППОВ Павел Федорович, 1915, русский, старший мастер. Арест. 17.08.37. 25 лет ИТЛ.
ФИЛОЗОК Василий Григорьевич, 1903, украинец, безработный. Арест. 13.03.32. 10 лет ИТЛ.
ФИНКЕЛЬШТЕЙН Игорь Борисович, 1909, еврей, зав. гостиницей. Арест. 10.08.32. 3 года ИТЛ.
ФИНЛЯНДСКИЙ Петр Иванович, 1892, украинец, руководитель Дома художественного воспитания детей. Арест. 8.12.37. Расстрелян 4.02.38.
ФОКИН Андрей Иванович, 1908, русский, старший бухгалтер. Арест. 13.08.42. 10 лет ИТЛ.
ФОКИН Михаил Иванович, 1905, русский, старший бухгалтер. Арестован 13.08.42. 10 лет ИТЛ.
ФОМИЧЕВ Иван Ефимович, 1911, русский, электромонтер. Арест. 26.02.38. Расстрелян 18.03.38.
ФРИДРИКСЕН Мартын Людвигович, 1868, норвежец, без определенных занятий. Арест. 17.01.38. Расстрелян 21.11.38.
ФРИДРИХСОН Эдуард Иванович, 1892, латыш, рабочий. Арест. 4.12.37. 10 лет ИТЛ.
ФРОЛОВ Ирадион Федорович (Фролович), 1893, русский, экспедитор. Арест. 26.06.31. 3 года ИТЛ.
ФРОЛОВ Петр Михайлович, 1896, русский, плотник. Арест. 8.11.37. 10 лет ИТЛ.
ХАЙМИ Иван Яковлевич, 1863, финн, сторож. Арест. 28.03.33. 3 года ИТЛ.
ХАЙНИКАЙНЕН Анна Андреевна, 1882, финка, рабочая. Арест. 28.03.33. 3 года ИТЛ.
ХАРВОНЕН Петр Иванович, 1883, финн, молотобоец. Арест. 28.10.37. Расстрелян 27.11.37.
ХАУКО Тойво Степанович, 1909, финн, преподаватель. Арест. 19.03.33. 10 лет ИТЛ
ХЕЙКИНЕН Людмила Августовна, 1902, финка, откатчица. Арест. 6.10.32. 3 года ссылки.
ХЕЙККОНЕН Иван Александрович, 1898, финн, землекоп. Арест. 26.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ХЕПИН Дмитрий Павлович, 1886, русский, составитель поездов. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.
ХИППЕЛИ Павел Павлович, 1891, финн, возчик. Арест. 16.07.38. Расстрелян 21.11.38.
ХМЕЛЕВСКИЙ Владимир Станиславович, 1893, поляк, бетонщик. Арест. 1.10.37. Расстрелян 15.12.37.
ХОЛМЕЦКИЙ Иван Тимофеевич, 1886, украинец, техник. Арест. 5.08.37. 10 лет ИТЛ
ХОМЕНКО Андрей Осипович, 1913, украинец, весовщик. Арест. 10.12.37. 10 лет ИТЛ
ХОМУТОВСКИЙ Иосиф Васильевич, 1892, поляк, бурильщик. Арест. 28.08.37. Расстрелян 15.10.37.
ХОМУТОВСКИЙ Фабиян (Фабьян) Иванович, 1904, поляк, бетонщик. Арест. 11.09.37. Расстрелян 15.10.37.
ХОМЯК Михаил Яковлевич, 1894, украинец, грузчик. Арест. 30.09.48. 8 лет ИТЛ
ХОРУНЖЕНКО Петр Иванович, 1909, украинец, токарь. Арест. 3.07.41. 3 года ИТЛ.
ХОРУНЖИЙ Николай Федорович, 1906, украинец, рабочий. Арест. 23.02.37. 7 лет ИТЛ.
ХОРЫНСКИЙ Вадим Вадимович, 1912, русский, механик. Арест. 17.06.38. Расстрелян 22.11.38.
ХОСИУТДИНОВ Алаяр, 1884, татарин, рабочий. Арест. 29.06.40. 5 лет ИТЛ.
ХРАМКОВ Василий Филиппович, 1886, русский, плотник. Арестован 05.03.38. Расстрелян 18.03.38.
ХРАМКОВ Кирилл Филиппович, 1874, русский, сторож. Арест. 27.10.37. 10 лет ИТЛ.
ХУОВАЙНЕН Иван Иванович, 1894, финн, рабочий. Арест. 18.03.33. 5 лет ИТЛ.
ХУСУ Матвей Андреевич, 1873, финн, сторож. Арест. 18.03.33. 3 года лишения свободы условно.
ХЯЙНИКАЙНЕН Анна Яковлевна, 1894, финка, домохозяйка. Арест. 19.03.33. 3 года ИТЛ.
ХЯРГОНЕН Матвей Матвеевич, 1899, финн, возчик. Арест. 18.11.37. Расстрелян 8.01.38.
ЦАЛКО Мартын Матвеевич, 1915, поляк, бетонщик. Арест. 30.04.36. 5 лет ИТЛ.
ЦЕЛЕВИЧ Иосиф Иванович, 1910, поляк, грузчик. Арест. 1.10.37. Расстрелян 5.12.37.
ЦЕЛЕВИЧ Петр Иванович, 1909, поляк, горный мастер. Арест. 28.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ЦЕЛЕВИЧ Степан Иванович, 1904, поляк, разборщик руды. Арест. 28.02.38. Расстрелян 26.04.38.
ЦЕХАНОВИЧ Анатолий Иванович, 1899, белорус, нормировщик. Арест. 2.10.37. Расстрелян 8.12.37
ЧАМИН Василий Иванович, 1888, русский, кладовщик. Арест. 3.08.37. 10 лет ИТЛ.
ЧЕЛПАНОВ Вениамин Васильевич, 1911, русский, учащийся ГХТ. Арест. 25.04.35. 3 года ИТЛ.
ЧЕРЕМИСИН Евстафий Николаевич, 1879, русский, дворник. Арест. 5.03.38. 5 лет ИТЛ.
ЧЕРЕПАХА Алексей Алексеевич, 1917, украинец, учащийся ФАШ. Арест. 3.07.37. 8 лет ИТЛ.
ЧЕРНЫШЕВ Иван Константинович, 1915, русский, стрелочник. Арест. 8.12.37. 10 лет ИТЛ.
ЧЕРНЯВСКИЙ Иван Антонович, 1905, поляк, бригадир пути. Арест. 22.12.37. Расстрелян 15.01.38
ЧЕРНЯК Виктор Апполонович, 1890, русский, бухгалтер. Арест. 9.03.38. Расстрелян 18.07.38
ЧЕСНОКОВ Петр Андреевич, 1908, русский, сторож. Арест. 12.11.35. 5 лет ИТЛ.
ЧЕЧУХА Александр Андреевич, 1909, белорус, слесарь. Арест. 23.10.42. 8 лет ИТЛ.
ЧИРКУРОВ Алексей Иванович, 1891, русский, рабо-

Библиотека Мемориала

чий. Арест. 30.01.50. 10 лет ИТЛ.
ЧИСТЯКОВ Григорий Николаевич, 1915, русский, старший стрелочник. Арест. 9.12.37. 8 лет ИТЛ.
ЧУБАРОВ Федот Иванович, 1883, русский, плотник. Арест. 29.04.42. 10 лет ИТЛ
ЧУРКСТЕ Август Яковлевич, 1891, латыш, рабочий. Арест. 4.12.37. 10 лет ИТЛ
ШАРАПАНЮК Александр Гордеевич, 1904, украинец, вахтер. Арест. 11.09.37. 8 лет ИТЛ.
ШАРАПАНЮК Аникий Иванович, 1901, украинец, старший милиционер. Арест. 11.09.37. 10 лет ИТЛ.
ШАТАЛОВ Семен Семенович, 1926, русский, слесарь. Арест. 14.06.46. 25 лет ИТЛ.
ШАТРОВ Иван Федорович, 1899, русский, секретарь райкома ВКП(б). Арест. 11.11.37. Расстрелян 18.05.38.
ШАФЕЕВ Абдрафик Абдулович, 1908, татарин, рабочий. Арест. 7.03.38. 4 года ИТЛ.
ШАХНО Мефодий Иванович, 1897, русский, зав. ж/д лавкой. Арест. 15.11.37. 10 лет ИТЛ.
ШЕВЦОВ Александр Николаевич, 1916, русский, кассир. Арест. 2.05.37. 3 года ИТЛ.
ШЕПТЫРЕВ Василий Иванович, 1890, русский, бухгалтер. Арест. 3.06.40. 5 лет ИТЛ.
ШИЛОВ Иван Тимофеевич, 1879, русский, продавец. Арест. 2.09.36. 5 лет ИТЛ.
ШКУРО Алексей Андреевич, 1904, русский, кочегар. Арест. 12.09.37. Расстрелян 4.10.37
ШЛЫКОВ Петр Михайлович, 1893, русский, десятник. Арестован 24.03.42. 10 лет ИТЛ.
ШТЕЙНМИЛЛЕР Яков Яковлевич, 1885, немец, бригадир. Арест. 21.03.35. 6 лет ИТЛ
ЩЕРБИН Сидор Антонович, 1910, украинец, бурильщик. Арест. 25.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ЩУКИН Федор Иванович, 1893, русский, начальник отдела Кировскторга. Арест. 13.02.42. Расстрелян 3.06.42.
ЩУПЛЯК Иван Федорович, 1883, украинец, рабочий. Арест. 4.08.37. Расстрелян 4.10.37.
ЮНГ Иван Петрович, 1885, немец, слесарь. Арест. 29.10.37. Расстрелян 9.01.38
ЮНГИНА Прасковья Ивановна, 1908, карелка, доярка. Арест. 3.06.41. 5 лет ссылки.
ЮРГЕНСОН Леон Эммануилович, 1872, немец, сторож. Арест. 7.03.38. Расстрелян 17.10.38
ЮРГИЯЙНЕН Давид Степанович, 1903, финн, безработный. Арест. 29.10.37. Расстрелян 8.01.38
ЮРГИЯЙНЕН Степан Степанович, 1873, финн, возчик. Арест. 3.10.37. Расстрелян 8.01.38
ЮРЧЕНКО Федор Елизарович, 1887, русский, возчик. Арест. 2.12.33. 3 года ИТЛ.
ЮСИКАЙНЕН Андрей Давыдович, 1894, финн, слесарь. Арест. 29.10.37. Расстрелян 27.11.37.
ЯЗВИНСКИЙ Адам Брониславович, 1907, белорус, учащийся ГХТ. Арест. 29.08.37. 8 лет ИТЛ.
ЯИЦКИЙ Василий Мефодьевич, 1904, русский, водопроводчик. Арест. 08.12.37. 10 лет ИТЛ.
ЯККОНЕН Ялмари Васильевич, 1914, финн, лесоруб. Арест. 4.03.38. 10 лет ИТЛ.
ЯКОВЕНКО Федор Ефимович, 1888, украинец, рабочий. Арест. 30.04.37. Расстрелян 4.10.37.
ЯКОВЛЕВ Александр Яковлевич, 1886, русский, рабочий. Арест. 3.07.41. 5 лет ИТЛ.
ЯКОВЛЕВ Иван Николаевич, 1904, русский, бойлерщик. Арест. 27.05.48. 10 лет ИТЛ.
ЯКОВЛЕВ Илларион Яковлевич, 1895, русский, бригадир совхоза “Индустрия”. Арест. 12.03.48. 10 лет ИТЛ.
ЯКОВЛЕВ Семен Трофимович, 1913, русский, рабочий. Арест. 30.03.32. 3 года ИТЛ.
ЯКУБОВСКИЙ Николай Павлович, 1884, украинец, возчик. Арестован 28.12.32. 5 лет ИТЛ.
ЯРКОВ Федор Никандрович, 1882, русский, сторож. Арест. 19.04.35. 7 лет ИТЛ.
ЯРОШЕК Николай Павлович, 1879, украинец, табельщик. Арест. 29.06.40. 5 лет ИТЛ.
ЯРОШЕНКО Семен Михайлович, 1906, русский, сцепщик вагонов. Арест. 4.07.41. 3 года ИТЛ.
ЯСИНСКИЙ Станислав Адольфович, 1895, белорус, управделами ст. Кировск. Арест. 28.08.37. Расстрелян 8.12.37
ЯСКИ Герман Петрович, 1894, финн, лесоруб. Арест. 27.05.38. Расстрелян 21.10.38
ЯСКИЛЯЙНЕН Яков Андреевич, 1895, финн, продавец. Арест. 28.10.37. Расстрелян.
ЯШКИН Александр Павлович, 1908, русский, забойщик. Арест. 17.03.33. 10 лет ИТЛ.

Редактор газеты "Котлован": Евгений Каменев. Макет, верстка: Валерий Берлин
Над номером работали: Татьяна Рюнгенен, Екатерина Торопушина, Галина Бодрова, Феликс Горбацевич
Ваши отзывы и материалы присылайте по адресу: 184209, Апатиты, Мурманской области, а/я 215
Хибинское общество Мемориал. Тел. 6-30-01; E-mail: bodrova@aprec.ru. Отпечатано МИПП "Север", зак.№ 2304
Выражаем благодарность фонду ISAR за финансовую поддержку

Библиотека Мемориала

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Библиотека Международного Мемориала